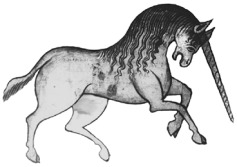
ПОЛЬСКОЕ ЯНВАРСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 года

Исторические судьбы России и Польши

Российская академия наук

Комиссия историков России и Польши
Институт славяноведения РАН
Институт российской истории РАН

Институт истории науки
им. Людвика и Александра Биркенмайеров
Польской академии наук



Российская академия наук

Комиссия историков России и Польши
Институт славяноведения РАН
Институт российской истории РАН

Институт истории науки
им. Людвика и Александра Биркенмайеров
Польской академии наук

ПОЛЬСКОЕ ЯНВАРСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 года

Исторические судьбы России и Польши

Москва «ИНДРИК» 2014

УДК 94(438)“1863”
П53

Издание осуществлено при финансовом содействии
Фонда «Российско-Польский Центр Диалога и Согласия»
Издание подготовлено в рамках Программы фундаментальных
исследований Президиума РАН
«Историко-культурное наследие и духовные ценности России».
Проект «Историческая трансформация традиций и их преломление
в общественном сознании, поиски инновационных подходов
во взаимоотношениях России со странами и народами
Центральной и Восточной Европы»

Редакционная коллегия:
Н.А. Макаров (ответственный редактор),
Л.П. Марней, Б.В. Носов (составитель)

Рецензенты:
доцент Я.В. Соловьёв,
кандидат исторических наук К.А. Кочегаров

Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши / Отв. ред. Н.А. Макаров;
Институт славяноведения РАН. – М.: «Индрик», 2014. – 416 с.

ISBN 978-5-91674-316-6

В настоящем томе трудов Комиссии историков России и Польши представлены материалы одноименной международной научной конференции, состоявшейся в Москве в сентябре 2013 г. В статьях польских и российских ученых рассмотрены проблемы формирования в общественном сознании и в исторической памяти России и Польши представлений о Польском восстании 1863–1864 гг., об их изменении на различных этапах общественного развития, в частности в новейшей польской и российской историографии и современной общественной мысли конца XX – начала XXI в. Существенное внимание уделено фундаментальным для исторической науки вопросам источниковедения и историографии восстания 1863 года и связанной с ним эпохи в истории России и Польши XIX в. Рассмотрены также конкретно-исторические проблемы изучения Польского восстания 1863–1864 гг. Ряд статей посвящен бытованию в России и в Польше идеологии славянской взаимности. Значительное место уделено в сборнике изучению опыта российско-польского научного сотрудничества, в частности по вопросам истории восстания 1863 г.
Для историков, политологов и широкого круга читателей.

© Текст, Коллектив авторов, 2014
© Оформление, Издательство «Индрик», 2014

ISBN 978-5-91674-316-6

Оглавление

Предисловие 7

Михальска-Браха Лидия, Цабан Веслав (Кельце). Агатон Гиллер (1831–1887) – первый историк Январского восстания 25
Пискуревич Ян (Варшава). Артур Волыньский – участник и историк Январского восстания 40
Каштанова О.С. (Москва). Восстание 1863 г. в российской историографии и публицистике 51
Вех Станислав (Кельце). Январское восстание 1863 г. в воспоминаниях петроковского губернатора К.К. Миллера 81
Горизонтов Л.Е. (Москва). Январское восстание в нарративах истории России 96
Матвеев Г.Ф. (Москва). Опыт польского Январского восстания в трактовке Ю. Пилсудского 105
Борисёнок Ю.А. (Москва). Михаил Бакунин, Январское восстание и современная польская историография 114
Фалькович С.М. (Москва). Сотрудничество русских и польских революционных демократов накануне восстания 1863–1864 гг. в Королевстве Польском 133
Носов Б.В. (Москва). Правый лагерь в политической жизни Королевства Польского накануне Январского восстания 143
Крисань М.А. (Москва). Крестьяне в Январском восстании 1863–1864 гг. 202
Шевырев А.П. (Москва). Между Варшавой и Петербургом: великий князь Константин Николаевич, А.В. Головнин и Польское восстание 1863 г. 210
Кулик Мариуш (Варшава). Проблемы военной истории Январского восстания 1863 г. в польской и российской историографии 228
Макарова Г.В. (Москва). Генрик Краевский: от «Организации 1848 года» – к восстанию 1863 г. 239
Чуркина И.В. (Москва). Славянофилы и М.П. Погодин о поляках (40–60-е гг. XIX в.) 257
Чернов К.С. (Москва). Русские источники Конституционной хартии Королевства (Царства) Польского 273

Ружицкая И.В. (Москва). Правовая реформа в Царстве Польском и восстание 1863 г.: крушение замысла 288
Марней Л.П. (Москва). Проблемы финансовой автономии Царства Польского и Январское восстание 1863 г. 301
Шиллер-Валицка Иоанна (Варшава). О влиянии Январского восстания на концепцию университетского образования и университетской науки в Королевстве Польском 311
Вуйчик Збигнев (Варшава). Участники Январского восстания – исследователи природы Сибири 323
Кирилина Л.А. (Москва). Словенские политики о польском вопросе во второй половине XIX – начале XX в. 332
Шумский Ян (Варшава). ЦК КПСС и начало работ над проектом по истории восстания 1863–1864 гг. 344
Заштовт Лешек (Варшава). Давид Файнхауз о Январском восстании 1863 г. на литовско-белорусско-украинских землях в контексте его изучения польской историографией 355
Шумский Ян (Варшава). Дело Давида Файнхауза в документах ЦК КПСС 371
Ромек Збигнев (Варшава). Польское Январское восстание 1863 года в историографии Третьей Речи Посполитой (1989–2013 гг.) 375
Лыкошина Л.С. (Москва). 150-летие Январского восстания в свете исторической политики современной Польши 382

Указатель имен 393

Сведения об авторах 407

Предисловие

В настоящем томе трудов Комиссии историков России и Польши представлены материалы международной научной конференции «Польское Январское восстание 1863 года и исторические судьбы России и Польши (К 150-летию восстания)» (Москва, 3–5 сентября 2013 г.), тема которой определила заглавие предлагаемой читателю книги. Посвященная 150-летней годовщине Польского восстания 1863 г. международная научная конференция была подготовлена Комиссией историков России и Польши, Институтом славяноведения РАН. С польской стороны ее организацию возглавил Институт истории науки им. Людвика и Александра Биркенмайеров Польской академии наук. Проводилась она под патронажем и при финансовом содействии Фонда «Российско-Польский Центр Диалога и Согласия».

Открыли конференцию сопредседатели Комиссии историков России и Польши, с российской стороны – руководитель секции истории Отделения исторических и филологических наук РАН, академик РАН Н.А. Макаров, с польской стороны – директор Института истории науки ПАН, профессор Лешек Заштовт.

В пленарных заседаниях конференции и проведенного в ее рамках круглого стола приняли участие ученые из Польши и России, специалисты по отечественной и всеобщей истории, историки-полонисты, литературоведы, правоведы, представители вузовской и педагогической общественности, студенты московских вузов. Всего в течение трех дней на конференции присутствовали и приняли участие более 100 человек.

Открывая конференцию, *Н.А. Макаров* подчеркнул, что изучение истории польского Январского восстания 1863 г. «занимает видное место в российской исторической науке и, несомненно, центральное место в сотрудничестве российских и польских историков начиная со второй половины XX века». Он отметил также, что названная проблема является неотъемлемой частью исторической памяти наших народов, что она неразрывно связана с современностью и оказывает существенное влияние на содержание и развитие политических, общественных и культурных связей между Россией и Польшей.

Важной особенностью представленных на конференции докладов был их полипроблемный характер, т. е. в центре внимания каждого из референтов находился комплекс взаимосвязанных вопросов, которые в ходе конференции были подвергнуты всестороннему рассмотрению и

обсуждению. Одной из центральных проблем на конференции стал вопрос о формировании в общественном сознании и в исторической памяти России и Польши представлений о Польском восстании 1863–1864 гг., об их изменении на различных этапах общественного развития начиная с периода 1860–1870 гг. и до наших дней, а также о трансформации этих представлений в научное знание, с одной стороны, и в устойчивые образы и стереотипы общественного сознания – с другой. Этой теме был посвящен доклад *Лидии Михальска-Браха и Веслава Цабана (Кельце)* «Агатон Гиллер (1831–1887) – первый историк Январского восстания». Будучи сам одним из наиболее видных участников восстания, Гиллер выступил первым его историком. Хотя он и не имел специального исторического образования, его научные труды легли в основу как источниковой базы, так и научной историографии восстания. В них обозначились два направления представлений о восстании в общественной мысли: идеализированное (романтическое) и критическое. Еще одним пионером на пути формирования общественных представлений о восстании 1863 г. был Артур Волыньский, научному наследию которого был посвящен доклад *Яна Пискуревича (Варшава).* Волыньский собирал свидетельства участников восстания и членов их семей, что составило ценный корпус исторических источников – «Архив Национального правительства». В ходе дискуссии по докладу были подняты вопросы о том, в какой мере труд Волыньского был предназначен для европейской, а в какой мере – для польской общественности, и можно ли констатировать, что его автор является одним из первых представителей клерикального (католического) направления в отражении в общественной мысли истории восстания?

О реакции русских современников на события восстания говорили *Станислав Вех (Кельце), С.М. Фалькович (Москва), А.П. Шевырев (Москва).* Докладчики подчеркивали огромное влияние Польского восстания на общественно-политическую ситуацию в России, на внутреннюю и внешнюю политику российских властей и на российское общественное мнение. Причем отклики на восстание прозвучали в России, как это следовало из представленных докладов, со стороны как революционного лагеря, так и лагерей консерваторов и либералов. Революционерам главное внимание уделила С.М. Фалькович. Сопоставив традиционные для советской историографии наблюдения и выводы с данными исследований последних десятилетий, она показала утопичность программы «польско-русского революционного союза» и пришла к выводу, что субъективное стремление к сотрудничеству польских и русских революционеров было лишено достаточной объективной основы, что взаимный революционный порыв некоторых участников революционных организаций опирался на утопические представления, нередко эмоционального свойства. В частности, было указано, что упомянутый союз в повстанческих кругах

рассматривался только как привлечение на сторону восставших революционно настроенных солдат и офицеров (причем главным образом поляков по национальности) из состава расквартированных в Королевстве Польском русских войск.

Отношение к польскому восстанию русского либерального лагеря в 1860-е гг. представил А.П. Шевырев. При этом он сосредоточил внимание на кругах либерально настроенной высшей российской бюрократии, подчеркнув, что «восстание раскололо либеральную бюрократию» и подорвало ее роль как в русском обществе, так и в правящих кругах империи. Однако он выдвинул убедительные аргументы против традиционного для советской историографии тезиса о слиянии либерального и консервативного лагерей на почве выработанной правительством программы реформ и в обстановке вызванных Польским восстанием великодержавных националистических настроений в России. Также обращают на себя внимание выводы референта о тесной связи между политическими процессами в России и в Королевстве Польском, и прежде всего о том, что политические связи между правящими кругами империи и Королевства Польского, а также между русским и польским обществом были гораздо более сложными и многообразными, нежели просто отклик в соседних странах на те или иные события или же реакция центральных властей империи на волнения в одной из ее окраинных провинций.

Воззрениям на восстание русских современников из реакционного лагеря был посвящен доклад *Станислава Веха (Кельце)* на примере неопубликованных воспоминаний петроковского губернатора К.К. Миллера. Они представляют собой один из вариантов «черной легенды восстания», и именно в этом духе изложены в них события и факты. Однако, несмотря на их очевидную тенденциозность, эти воспоминания интересны с целого ряда точек зрения. Во-первых, в них достаточно много внимания уделено позиции польского католического духовенства, и в связи с этим возникает мало исследованная проблема функции в восстании польского католического клира, степени и вектора влияния церковной пропаганды на представителей различных сословий Королевства Польского, участвовавших в восстании (в отношении дворянства, крестьянства и горожан). Во-вторых, воспоминания Миллера отразили основные тенденции антиповстанческой пропаганды царских властей, направленной на разные категории населения как самой Российской империи, так и в европейских странах. В ходе дискуссии отмечалось, что сразу после подавления восстания среди его участников и современников развернулась ожесточенная полемика по вопросу о его отражении в культуре и общественном сознании, и получили хождение «черная» и «белая» легенды о восстании. Причем, как отметил *Л. Заштовт (Варшава)*, «черная легенда» получала распространение как с русской, так и с польской стороны.

О феноменах отражения восстания 1863 г. в общественном сознании России конца XIX – начала XX в. говорилось в докладе *Л.Е. Горизонтова (Москва).* Автор, как и другие выступавшие, сосредоточил внимание на особенностях подхода к осмыслению событий восстания и его исторического значения тремя основными направлениями общественной мысли в России и основными общественно-политическими лагерями русского общества: консерваторами, либералами и революционерами. Главным выводом из сделанного доклада стал тезис, что, в отличие от утверждений советской историографии, русские либералы имели собственную позицию по отношению к восстанию и свою программу разрешения польского вопроса путем исторического компромисса.

Как отмечалось в дискуссии, немаловажную трансформацию представлений о восстании общественное сознание и России, и Польши пережило в 1880-е гг. Если ранее как царские власти в России, так и польские публицисты и историки провозглашали тезис о дворянском характере восстания и о решающей роли польской шляхты в освободительном движении, то в конце 1880-х гг., в условиях роста влияния демократических слоев, в общественном мнении, в том числе и в среде национальных демократов, распространяется представление, что восстание носило общенародный (общенациональный) характер. В частности, как отмечал *Веслав Цабан*, этот поворот наблюдался уже в научном и публицистическом наследии известного деятеля освободительного и рабочего движения Болеслава Лимановского, который подчеркивал участие в восстании крестьян и выходцев из среды горожан.

Новый этап в осмыслении общественным сознанием Январского восстания и его уроков берет начало после первой русской революции 1905–1907 гг., охватившей и Королевство Польское. Завершается он в 1920-е гг., после восстановления независимого польского государства. Этому этапу посвятил доклад *Г.Ф. Матвеев (Москва)*: «Опыт Январского восстания в трактовке Юзефа Пилсудского». Обращаясь к теме восстания, Пилсудский хотел напомнить полякам о «героизме и жертвах повстанцев», однако цель такого напоминания отличалась как от романтического воспевания героического прошлого, так и от скорбного поминовения напрасных жертв, и зависела в первую очередь от актуальных задач политической борьбы. Накануне Первой мировой войны Пилсудский намеревался сломать систему иностранного, прежде всего российского, господства в Польше, что, согласно его тогдашним представлениям, можно было сделать только путем восстания. Для достижения этой цели, по его мнению, «надо было покончить с пессимизмом правящих классов» и усвоить уроки восстания 1863 г., т. е. проанализировать удачи и неудачи стратегии и тактики повстанцев, чтобы выработать тактику, способную привести к успеху. В докладе Г.Ф. Матвеева детально исследованы взгля-

ды Пилсудского на успехи и неудачи повстанческой борьбы. Вместе с тем центральным тезисом референта прозвучала ставшая перед Пилсудским проблема создания действенной революционной организации и ее способности руководить неорганизованными революционными массами. Идейной, организационной и тактической формой их успешного взаимодействия, с точки зрения Пилсудского, стала концепция польского национального социализма, опирающегося на возрожденное польское национальное государство. Таким образом, как показал Г.Ф. Матвеев, в воззрениях Пилсудского первого десятилетия XX в. оказались преодоленными как воззрения шляхетского романтизма, так и «народнические» воззрения национальных демократов. Вновь тема восстания 1863 г. зазвучала у Пилсудского в период восстановления независимой Польши. Воздавая заслуженную дань повстанческому героизму, «верховный вождь» стремился продемонстрировать непосредственную связь Второй Речи Посполитой с традициями освободительной повстанческой борьбы польского народа. В третий раз Пилсудский обратился к теме восстания 1863 г. в 1924 г., когда на время маршал был отстранен от власти. На этот раз главной проблемой для него стал опыт восстания в создании правительства национального единства, которое во имя сохранения государства должно было преодолеть партийные разногласия, как это, по словам «начальника государства», удалось повстанцам в 1863–1864 гг. Мнения Пилсудского о Январском восстании и его дискуссии с политическими оппонентами продемонстрировали, что уже накануне Первой мировой войны и в межвоенный период 1920–1930-х гг. представления в общественном мнении о Январском восстании существенно изменились.

После Второй мировой войны тема Польского восстания в общественно-политических дискуссиях постепенно утрачивает свою остроту. Причины этого коренятся, с одной стороны, в кардинальном изменении социально-политической системы в Восточной Европе и в радикальной перестройке миропорядка в целом, а с другой – в том, что «черную и белую» повстанческие легенды затмили и отодвинули на второй план героические и трагические образы событий эпохи Второй мировой войны. Начиная с 1950-х гг. центр обсуждения проблем истории Январского восстания перемещается почти исключительно в сферу профессиональной историографии.

Упомянутые исключения могут быть связаны с трудами Яна Кухажевского (ум. в 1952 г.), Антони А. Каминьского, Анджея Валицкого и Анджея Новака. При этом следует подчеркнуть, что, хотя главные труды Кухажевского были созданы в 1920–1930-е гг., они, недавно переизданные, могут быть по своей идеологической направленности отнесены к современной исторической мысли. Названные авторы с полным правом принадлежат к сообществу историков, вернее – историков обществен-

ной мысли. Однако высказанные ими суждения и оценки, связанные с историей России и Польши эпохи Польского восстания 1863–1864 гг., ближе все же к историософии или же к исторической политологии, нежели к историографии. Воззрениям Яна Кухажевского и Антони Каминьского и их интерпретации в современной польской исторической науке и общественной мысли был посвящен доклад *Ю.А. Борисёнка (Москва)* «Михаил Бакунин, Январское восстание и современная польская историография». Докладчик особо остановился на оценке Кухажевским и Каминьским личности и идейного наследия Бакунина и на его исторической роли в эпоху Январского восстания, и на столкновении воззрений упомянутых историков и мыслителей по поставленным проблемам. По словам референта, Кухажевский резко критиковал теоретическое наследие Бакунина и восхищался его личностью «бунтаря». В этом нашла отражение освященная классиками польской литературы традиция революционного романтизма, от которой шаг за шагом отходит современная польская и российская общественная мысль, даже в лучших своих проявлениях. Ю.А. Борисёнок особо подчеркнул, что Кухажевский и Каминьский опровергают прочно закрепившийся в исторической мысли тезис, будто бы Бакунин в известном смысле подтолкнул поляков к восстанию, убеждая их в якобы «готовности России к революции», что тем самым он и Герцен обрекли их на бессмысленные жертвы. Доклад вызвал оживленную дискуссию, в частности по вопросу о подлинной и мнимой «революционной ситуации» в России и в Королевстве Польском, о ее хронологических рамках и критериях, о ее особенностях в основных политических центрах Российской империи. Обращаясь к проблеме связей исторической мысли второй половины XIX – начала XX в. и современности, Ю.А. Борисёнок отметил, что как идейное наследие Январского восстания, так и революционные воззрения и концепции Бакунина остаются преимущественно в сфере внимания историков, однако они оказались парадоксально «не востребованы как критиками польской и русской революционности», так и современными поколениями «бунтарей» анархистского толка. Вместе с тем докладчик отметил, что ряд политических концепций Бакунина, в частности идеи «надконфессиональности» социальной организации и проект «федерализации» как способ преодоления государственного диктата, звучат в наши дни как политическое предвидение.

Второй важнейший проблемный комплекс, рассмотренный на конференции, был связан с фундаментальными для исторической науки вопросами источниковедения и историографии. Источниковедческие аспекты проблемы были обсуждены, в частности, в связи с оценкой значимости для современной науки таких источников, как свидетельства участников и современников восстания. Круг таких источников чрезвычайно обши-

рен. И сложилось так, что именно эта категория источников оказалась введенной в научный оборот ранее других. О ее значении и о методике научной критики говорилось в докладах *Лидии Михальска-Браха и Веслава Цабана*, *Станислава Веха*, *Яна Пискуревича* и других выступавших. Главной особенностью этого круга источников является их субъективный характер, особенно это касается воспоминаний повстанцев, когда на изложение описываемых событий повлияли воззрения и политические тенденции иных исторических периодов или же изменившиеся взгляды самих авторов. Для критики этих источников особое значение имеют судебно-следственная документация, документы повстанческих органов и другие материалы эпохи восстания, сохранившиеся в архивах и в значительной и наиболее ценной своей части опубликованные в фундаментальном 25-томном издании «Восстание 1863 г. Документы и материалы», осуществленном польскими, российскими, белорусскими, украинскими и литовскими историками и архивистами в 1960–1980-е гг. Истории подготовки этого издания был посвящен доклад *Яна Шумского (Варшава)*. Подробно на этом вопросе останавливался *Л.Е. Горизонтов*. О роли историков Литвы в работе над названным изданием говорилось в докладе *Лешека Заштовта (Варшава).* Проблемы источниковедения были затронуты, в частности, в докладах *Б.В. Носова (Москва)* и *А.П. Шевырева*, которые указали на значение исторических источников, возникших в органах государственной власти и управления Российской империи: в военном ведомстве, в полицейских органах, в аппаратах царских министерств. Обращение к этим источникам позволило бы более детально проследить действия властей, направленные на подавление общественного движения в Королевстве Польском накануне и в период восстания, выявить степень согласованности и взаимозависимости внутренней политики царизма в России в целом и в Царстве Польском. Об особом значении как исторических источников документации частей и соединений царских войск, действовавших в период восстания в Королевстве Польском, говорилось в докладе *Мариуша Кулика (Варшава)*. Докладчик проанализировал значение и трудности разработки проблематики военной истории восстания, которое развивалось в форме партизанской борьбы, в частности подчеркнув, что последняя требует особой методики исследования, существенно отличной от методов, традиционно применяемых специалистами по военной истории.

Развернувшаяся дискуссия показала, что изучение эпохи Январского восстания нуждается в расширении источниковой базы, в частности по вопросу о роли царских властей и администрации Королевства Польского накануне и в период восстания, о роли отдельных социальных слоев и общественных групп в восстании, о характере повстанческих действий, о стратегии и тактике как повстанцев, так и царских властей.

Тема научной историографии Январского восстания звучала практически во всех докладах, и это отнюдь не удивительно, так как одной из задач конференции было рассмотрение современного состояния исследований и новых тенденций дальнейшего развития изучения Польского восстания 1863–1864 гг. Однако сама проблема анализа историографического материала и внутренних закономерностей его накопления и развития, а также эволюции научных воззрений была в центре докладов *О.С. Каштановой (Москва)* «Сравнительные аспекты изучения восстания 1863 г. в российской историографии» и *Збигнева Ромека (Варшава)* «Польское Январское восстание 1863 г. в историографии Третьей Речи Посполитой».

О.С. Каштанова показала, что процесс изучения восстания и его эпохи в российской и польской историографии конца XIX – начала XX в. протекал относительно независимо, особенно если иметь в виду, что центром изучения восстания в Польше до начала 1920-х гг. была австрийская Галиция. В этот период практически отсутствовала научная дискуссия между российскими и польскими учеными, а взаимное обращение к трудам российских и польских историков носило случайный и эпизодический характер. Только в 1920–1930-е гг. положение изменилось. Правда, первоначально к проблемам восстания советские историки обращались преимущественно в контексте истории международных отношений. Новый качественный уровень в отечественной историографии был достигнут в конце 1930-х гг., когда произошел «перелом в исторической славистике» в СССР, хотя его результаты сказались только после Второй мировой войны, когда развитие сотрудничества российских и польских историков развернулось широким фронтом. Оно продолжает развиваться и в новых условиях. Видная роль в его организации в течение последних двух десятилетий принадлежит члену Комиссии историков России и Польши и в недавнем прошлом ее сопредседателю профессору Виктории Сливовской.

Как отмечалось в дискуссии, «все оценки современной историографии коренятся в подходах старой русской историографии» (*Л.Е. Горизонтов*). Этот тезис вызвал возражение *О.С. Каштановой*, подчеркнувшей, что, разумеется, имеет место хождение в исторической публицистике некоторых националистических концепций, связанных, с одной стороны, с общим усилением националистической идеологии (поисками «национальной идеи» и т.п.). С другой стороны, это связано с некритическим заимствованием некоторыми авторами материала старой русской историографии. Однако, по ее мнению, едва ли отмеченные веяния имеют существенный характер. В дискуссии также обоснованно отмечалось, что во взглядах современных российских историков восстание 1863 г. занимает более существенное место благодаря циклу исследований, посвященных «окраинам Российской империи».

Третий проблемный комплекс был посвящен новейшей польской и российской историографии и современной общественной мысли. К названным проблемам обращались все без исключения докладчики и подавляющее большинство участников дискуссии. Имея в виду особое значение этого проблемного комплекса, его обсуждение получило продолжение и развитие на специальном «круглом столе» «Польское восстание 1863–1864 гг. в общественной жизни и публицистике России и Польши в начале XXI столетия». Новейшей польской историографии восстания был посвящен сделанный на «круглом столе» доклад *Збигнева Ромека (Варшава).* Исходной мыслью докладчика стал тезис о значении мировоззрения и воспитания для ученого-историка. При этом, говоря о мировоззрении, автор имел в виду осознанное определение исследователем методологических позиций, а говоря о воспитании – этику ученого, его готовность твердо следовать избранным научным методологическим принципам. «Среди историков, – замечал докладчик, – немало людей, избегающих собственных оценок, что, по их мнению, якобы способствует объективности». Однако уже сам выбор темы исследования, подбор источников, приемы цитирования и т.п. служат, по его словам, выражением авторской позиции. Такое введение недвусмысленно связывало данное выступление с гегелевской концепцией партийности в науке. И именно к проблеме диалектики объективности и партийности обратился *Ромек*, когда сравнил две посвященные восстанию работы Стефана Кеневича: одну – 1972 г. и очерк, написанный 20 лет спустя, незадолго до кончины ученого, в 1992 г. В конце жизни автор «Январского восстания» говорил, что написал бы главный свой труд – иначе. В очерке 1992 г. он, в частности, утверждал, что «летом 1863 г. шансов на успех у повстанцев было больше, нежели летом 1831 г.». При всей уязвимости для критики подобного сопоставления «шансов» укажем только, что Кеневич исходил из возможности победы или, по крайней мере, некоего «успеха» восстания. Иную точку зрения в новейшей работе проводит один из наиболее авторитетных польских ученых старшего поколения Ежи Едлицкий. В книге «Путь к национальному поражению» (2013) он говорит о том, как в сердцах поляков созрела идея восстания, что радикальность движения не давала шансов ни на победу, ни на соглашение с царским правительством. Восстание, таким образом, было обречено на поражение и оставило после себя только печальную легенду. В итоге Едлицкий осуждает «идеализацию» восстания и использование патриотической легенды в националистической пропаганде. На этих двух характерных примерах *Збигнев Ромек* продемонстрировал, как на современном этапе научная историография сближается с исторической публицистикой, возвращаясь, спустя столетие, к роковому вопросу: нужно ли было браться за оружие? Что грань между воплощенным в историографии содержанием исторической

науки и «историософией» или исторической публицистикой не является абсолютной и непреодолимой, что историческая истина не безразлична социальным и политическим силам в обществе, а следовательно, научное историческое знание остается партийным.

В связи с выдвинутым тезисом можно перейти к главному вопросу, оказавшемуся в центре внимания в ходе обсуждения на «круглом столе». Открывшись вышеизложенным выступлением З. Ромека, дискуссия на нем была продолжена в связи с выступлением *Л.С. Лыкошиной (Москва)* об «исторической политике» современной Польши в связи со 150-летием Январского восстания. Докладчицей были поставлены вопросы о соотношении «исторической политики» и исторического сознания и о соотношении подходов либерального и консервативного политических лагерей современной Польши к «исторической политике». Л.С. Лыкошина при этом подчеркнула, что само понятие «историческая политика» – в принципе не новое. Еще М.Н. Покровский говорил, что «история – это политика, опрокинутая в прошлое». Однако в наши дни его ввели в оборот лидеры правой польской партии «Право и справедливость», которые и сформулировали постулаты «исторической политики» консервативной направленности. Консерваторы, по их словам, продолжающие традиции национальных демократов, использовали юбилейную годовщину Январского восстания как повод для протестов против «национальной приниженности», приурочив к ней целый ряд массовых акций, символизирующих подвиг польского народа в борьбе за независимость и победу польского национального духа. Примечательно, что названные акции в немалой мере носили антироссийскую направленность, но своим острием были направлены против «либералов» и «угодовцев» – соглашателей в их современном обличье, якобы предающих польские национальные интересы. Представители праволиберального лагеря современной Польши, не отвергая «историческую политику» по существу, хотели бы избежать ассоциаций с крайним национализмом и выработать ее собственный партийный аналог. Так, президент Польши Бронислав Комаровский предложил заменить понятие «исторической политики» понятием «историческая память». Однако терминологические расхождения не изменяют «исторической политики» по существу, поскольку под всеми названиями и под всеми партийными знаменами присутствует единая задача: использовать историческую составляющую общественного сознания в интересах господствующей идеологии. Особенность же «исторической политики» как явления политической жизни, говорилось в дискуссии, состоит в том, что она целенаправленно формируется и используется политическими партиями и специально созданными для ее разработки и реализации институтами в решении конкретных задач политической борьбы (борьбы за власть). С этой точки зрения, элементы исторической

политики присутствуют в тактике всех политических партий и направлений общественных движений. Поэтому националистические настроения, играя в исторической политике не последнюю роль, не сводятся к ней. Однако идеологически именно на почве национализма достигается руководство со стороны общественных элит социально разнородными и раздираемыми взаимными противоречиями общественными слоями. В дискуссии также отмечалось, что историческая политика имеет как внутреннюю, так и внешнеполитическую составляющую, поскольку она призвана служить укреплению позиций государства на международной арене.

Как отметила в дискуссии *И.С. Яжборовская (Москва)*, выдвинутые Л.С. Лыкошиной тезисы и высказанные оппонентами замечания имеют особое значение для России и россиян, поскольку объективное содержание «исторической политики», хотя и в специфических для современной России формах, присутствует и в нашей стране. Можно не принимать логики польских адептов «исторической политики», однако необходимо признать объективную политическую реальность и достичь взаимопонимания, суметь «наложить разные матрицы одну на другую». Путь к этому лежит через научную верификацию элементов и структур исторического сознания, только таким образом можно преодолеть мифологемы исторической памяти.

О.С. Каштанова подчеркнула, что способом преодоления мифов и свойственных «исторической политике» искажений могут стать фундаментальные историографические исследования важнейших проблем, в частности по историографии Январского восстания, о чем свидетельствует и дискуссия на нашей нынешней конференции. *С.М. Фалькович* вернулась к проблеме «понимания» применительно к «исторической политике» и добавила: вопрос состоит в том, чтобы «понимание» не вступило в противоречие с научной объективностью и принципиальностью в отстаивании собственной позиции исследователя и позиции российской исторической школы. Следует подчеркнуть, что в области изучения истории Январского восстания Институт славяноведения РАН имеет международно признанный приоритет. Исследования в этой области сотрудников института сопоставимы только с потенциалом, накопленным польскими историками. *Б.В. Носов (Москва)* высказал мысль, что историческая память не противоречит научным представлениям об историческом прошлом и научному мировоззрению в целом. Для корректировки мифологических представлений исторической памяти необходимо развитие конкретно-исторических исследований в целом и по истории Январского восстания 1863 г. в частности.

Лешек Заштовт (Варшава) остановился на проблеме двойственности исторического процесса, для которого характерно как объективное

содержание, так и субъективная составляющая, обусловленная деятельностью людей как субъектов исторического процесса. Субъективность последнего приводит к тому, что в истории возникает как бы по меньшей мере «две правды». Применительно к истории восстания 1863 г. это «правда повстанцев» и «правда противостоявшей им Российской империи». Эта упрощенная схема иллюстрирует тезис о том, что всякое историческое знание складывается из комплекса интерпретаций, материал для которых дают исторические исследования. «Историческая политика», таким образом, есть не что иное, как подчиненная политическим целям интерпретация исторического процесса. Это явление универсальное, повсеместное и, собственно, никогда «исторической политикой» не называвшееся. «Историческая политика» в понимании ПИС – нечто иное. Партия ПИС не просто излагает и пропагандирует свое понимание истории, не просто провозглашает собственное историческое сознание. Цель партии состоит в том, чтобы монополизировать историческую память народа, сделать ее партийной. Однако в настоящее время это, во-первых, нереально, а во-вторых, политически опасно. Ощущение этой политической опасности и порождает критику подобной политики ПИС как внутри Польши, так и за ее пределами. Вместе с тем следует подчеркнуть, что историки, принадлежащие к этому направлению, например Анджей Новак и другие, как специалисты-исследователи заслуживают полного доверия и уважения, это люди с открытым к дискуссии и к восприятию чужого мнения мышлением, на общественном поприще они выступают как современные ориентированные на гуманистические цели динамичные политики.

Следующий рассмотренный на конференции проблемный комплекс был посвящен конкретно-историческим исследованиям эпохи Польского восстания 1863–1864 гг. При этом «Эпоха восстания» была представлена в «узком» и в «широком» смысле. В первом случае внимание докладчиков было сосредоточено на периоде 1860–1870 гг., ставшем временем великих реформ в России и в Польше и прошедшем под знаком Январского восстания. Во втором – эпоха восстания трактовалась более широко и охватывала практически весь XIX век, ставший во многом веком польских восстаний, среди которых восстанию 1863 г. также принадлежало, по общему мнению, центральное место.

Периоду 1860–1870 гг. были посвящены доклады *Б.В. Носова (Москва)*, *С.М. Фалькович (Москва)* и *А.П. Шевырева (Москва)*. Их общей чертой стал тезис о тесной связи истории России и Польши эпохи великих реформ, о том, что народы наших стран были связаны общностью крестьянского вопроса и общностью методов его разрешения, общностью внутренней политики, несмотря на относительную административную обособленность Королевства Польского.

По мнению Б.В. Носова, главным мотивом вооруженного выступления польской шляхты было ее решительное противодействие любым переменам, помимо ее воли, в положении польского крестьянства, тем более введенных по постановлению российского правительства. Только отмена крепостного права в России с условием наделения крестьян землей стала непосредственным толчком к восстанию. Таким образом, кризис в России и кризис в Королевстве Польском представляли собой единое целое, а его проявления не могут рассматриваться изолированно. Докладчик высказал мысль, что радикальное повстанческое направление было относительно немногочисленным и никоим образом было бы не в силах реализовать планы подготовки восстания без сочувствия, без материального и личного участия широких кругов шляхты (помещиков), обладавших материальными и людскими ресурсами и составлявших скорее социальную базу «белых», нежели «красных». Только на этой основе могла бы реализоваться программа дворянской революционности, заложенная в основе повстанческих планов и замыслов. С.М. Фалькович отметила, что концепция «русского социализма» А.И. Герцена и другие «утопические» теории русских революционеров-демократов не пользовались поддержкой и не имели аналогов в польской повстанческой среде накануне и в период восстания, за исключением поляков, участвовавших непосредственно в российских революционных организациях. Сказанное дополняет и тот вывод С.М. Фалькович, что идейные, политические и личные связи и контакты польских и русских революционеров не сопровождались каким-либо организационным объединением.

О связях политических и реформаторских процессов в России и в Царстве Польском говорил и А.П. Шевырев, обратившись к вопросу о роли Польши в стратегии и тактике российской либеральной бюрократии в 1860-е гг. По его словам, отъезд в. кн. Константина Николаевича был связан с его далеко идущими планами «сыграть роль вице-короля» и «найти согласие с просвещенной польской аристократией». Царство Польское, в частности в силу своих конституционных традиций, представлялось ему удобным полем для либеральных реформ. Таким образом, в представлении одной из наиболее влиятельных группировок чиновничьей элиты России Королевство Польское представляло собой отнюдь не просто мятежную окраину империи, а один из наиболее важных субъектов общегосударственной политики России.

Важное место на конференции принадлежало анализу политических, общественных и культурных связей России и Польши (Королевства Польского) в XIX в. в целом. «Столетие польской неволи», без сомнения, представляло целую эпоху как для России и Польши, с точки зрения их национального развития, так и для истории их многогранных связей, на которые Польское восстание 1863–1864 гг. оказало самое существенное влияние.

Названный проблемный комплекс хронологически был открыт докладом *К.С. Чернова (Москва)*, посвященным традициям русского и польского конституционализма первой половины XIX в. В ходе дискуссии сформировалось мнение об общем векторе модернизации общественных структур и в России, и в Польше, при всем различии политической культуры в обеих странах. При этом и докладчик и выступавшие в ходе обсуждения согласились, что исторически определенные различия в политической культуре дворянства послужили одной из причин, приведших к польским восстаниям.

Анализ вопросов историко-правового характера был продолжен в докладе *И.В. Ружицкой (Москва)* «Правовая реформа в Царстве Польском и восстание 1863 г.: крушение замысла». По мнению докладчицы, задуманная реформа оказалась неосуществимой из-за несовместимости систем русского и польского права, из-за сопротивления властей Королевства Польского, стремившихся сохранить особый статус администрации Королевства по отношению к центральным властям в Петербурге, наконец, из-за сопротивления польской шляхты. В итоге возникшие правовые коллизии усугубили кризисные тенденции и внесли свою лепту в созревание будущего восстания.

Отмеченные вопросы получили дальнейшее рассмотрение в докладе *Л.П. Марней (Москва)* «Проблемы финансовой автономии Царства Польского и Январское восстание 1863 г.». По ее словам, подавление восстания 1830–1831 гг. привело к утрате относительно независимыми финансовыми институтами Царства своих былых привилегий. Попытка Александра II соблюсти баланс интересов, предпринятая в контексте общеимперского реформаторского процесса, не удалась. Российские реформаторы 1860–1870-х гг., констатировала Л.П. Марней, не обратили должного внимания на существовавший в Царстве Польском эффективный контроль за простой и недорогой системой составления и исполнения бюджета. Связь между потерей финансовой самостоятельности Царства Польского и восстанием 1863 г., по словам докладчицы, не столь очевидна на первый взгляд. Экономические, в том числе и финансовые, причины редко когда являются доминирующими во времена вооруженных выступлений, главная цель которых – национальная независимость. Однако финансовые проекты повстанческого Национального правительства позволяют говорить о том, что введение национальной подати, организация частных и национальных займов, проекты выпуска национальной монеты не только должны были обеспечить потребности вооруженного восстания, но и являлись необходимым атрибутом независимости, которую с оружием в руках пытались завоевать участники событий 1863 и 1864 гг.

Особое место среди докладов, посвященных полувековому периоду после восстания 1863 г., принадлежит реферату *Иоанны Шиллер-Валицкой*

(Варшава) о влиянии Январского восстания на состояние университетского образования в Королевстве Польском. Политика царских властей после подавления Январского восстания, направленная на «русификацию» Польши как способ преодоления угрозы восстаний в будущем, выражалась в самых разнообразных мерах и встречала самые разнообразные формы сопротивления со стороны польского общества. Перед лицом угрозы закрытия Варшавского университета и в виду политики царских властей и Министерства народного просвещения в Петербурге, направленной на превращение его в «русский университет», польское университетское сообщество должно было выработать способы противодействия подобным мерам, чтобы сохранить польское университетское образование в Королевстве Польском. Проводниками политики царских властей в университете были работавшие там профессора, исповедовавшие панславистские воззрения. Официальная линия русских панславистов в отношении Польши основывалась на утверждении о «существовании в поляках двух душ – славянской и латинской» (католической). Наличие «славянской души» делало идеологически допустимым сотрудничество с поляками, особенно в условиях нарастания российско-германских противоречий. Это порождало и ответную реакцию – русофильские настроения в польском обществе, и особенно в среде польской интеллигенции. Они получили широкое распространение во время Славянского съезда. Отмеченные тенденции нашли отражение в научно-педагогической концепции Варшавского университета, существенно повлияв на нее. Идея славянской взаимности позволила сохранить университет как центр польского образования и культуры, способствовала ее развитию, благодаря взаимодействию с российской культурой. В связи с этим в польских университетских кругах возникла даже идея создания в Варшаве общеславянского университета. Последний тезис референтки получил существенное развитие в дискуссии, в которой отмечалось, что в этом нашло выражение не только стремление польских интеллектуальных элит, опираясь на неославистские воззрения, развивать систему университетского образования в Польше, но и их желание утвердить собственное влияние и интеллектуальное лидерство в странах Центральной и Восточной Европы, по отношению к которым Польша должна была бы выступить в качестве объединительного центра. Эта концепция, зародившись еще на исходе XIX века, оказалась весьма востребована в 1920–1930-е гг. и приобретает все большее значение в наши дни.

Доклад И. Шиллер-Валицкой открыл, таким образом, еще один проблемный комплекс, представленный в докладах и дискуссиях на конференции, посвященный вопросам бытования и взаимодействия в России и в Польше идеологии славянской взаимности (в среде панславистов, славянофилов и неославистов). К этому же комплексу примыкали и

проблемы восприятия «польского вопроса» в зарубежных славянских странах и странами и народами Центральной и Юго-Восточной Европы. Доклады по названным проблемам были сделаны *Ч.Б. Желицки (Москва), Л.А. Кирилиной (Москва), И.В. Чуркиной (Москва).* В упомянутых докладах и в дискуссии была проанализирована роль Польского восстания 1863–1864 гг. и его участников в развитии революционного и национально-освободительного движения в Европе, в котором польским революционерам и представителям польской эмиграции принадлежала исключительно важная роль. «Польский вопрос» и уроки восстания 1863 г. имели также немаловажное значение для выработки стратегии и тактики зарубежных славян в борьбе за решение своих национальных проблем.

Еще один важный проблемный комплекс, ставший предметом рассмотрения на конференции, был посвящен научному сотрудничеству российских и польских ученых, связанному с историей восстания 1863–1864 гг. Восстание как событие, можно сказать, эпохального значения наложило отпечаток на самые разные стороны общественной и культурной жизни России и Польши. Не обошло оно стороной и развитие российской и польской науки. Разумеется, влияние это было опосредованным, но оно ощущалось в течение многих десятилетий. Так, многие повстанцы, оказавшиеся в ссылке или в эмиграции, посвятили себя в дальнейшем науке. Однако в какой бы области они ни работали, восстание наложило на их путь в науке неизгладимый отпечаток. На научном поприще уникальный феномен представляли собой поляки, участники восстания, – исследователи Сибири. Им был посвящен доклад *Збигнева Вуйчика (Варшава).* Большинство из них не сражались непосредственно в рядах повстанцев с оружием в руках. В сибирской ссылке они оказались по обвинению в «сочувствии» или в «косвенной причастности к бунту». Однако именно в Сибири сформировались их судьбы как ученых, а многие из них вернулись после отбытия наказания в Сибирь добровольно. Имена этих людей широко известны в российской и польской науке. Можно также добавить, что среди них было немало выпускников Дерптского университета, составлявших особую корпорацию «однокашников».

И все же центральное место на нынешней конференции было посвящено объединившим свои усилия в 1950–1970-е гг. людям российской и польской науки – исследователям и публикаторам исторических источников восстания 1863 г. Им были посвящены доклады *Яна Шумского (Варшава)*, *Лешека Заштовта (Варшава)*, *Збигнева Ромека*, *Л.Е. Горизонтова.* Ян Шумский посвятил свой доклад роли ЦК КПСС в организации сотрудничества советских и польских историков в конце 1940-х – в начале 1960-х гг., в первую очередь в области изучения Январского восстания. Докладчик указал на целый ряд проявлений всестороннего идеологиче-

ского и политического контроля над исторической наукой. Вместе с тем он сочетался с объективными потребностями развития исторического знания. Так, по мнению советских партийных руководителей, наиболее приоритетными темами сотрудничества могли бы быть первая российская революция 1905–1907 гг. или сравнительный анализ опыта социалистического строительства в СССР и в ПНР. Однако, принимая во внимание аргументы ученых, ЦК КПСС поддержал программу исследований и публикаций по истории восстания, причем эта поддержка прошла целый ряд этапов: от простого «отмечания столетия» – к долговременной программе фундаментального сотрудничества. Решающую роль в этом решении сыграла позиция историков Тадеуша Мантойффеля, Стефана Кеневича, П.Н. Третьякова, И.А. Хренова, И.С. Миллера, В.А. Дьякова. Особо остановился Я. Шумский на приезде в 1956 г. в Польшу делегации советских историков. Это посещение было непосредственно связано с переоценкой официальных концепций исторической науки в ПНР и в СССР после XX съезда КПСС и в условиях кризиса 1956 г. в Польше. Примечательно, что и в этом случае партийное руководство прислушалось к мнению ученых. Разумеется, официальная концепция осталась в рамках «марксистско-ленинских» канонов, однако в своем существенном основании она носила строго научный характер. Главное же состояло в том, что совместная работа историков СССР и ПНР над фундаментальной публикацией документов по истории восстания 1863 г. была закреплена в соглашении между Институтом славяноведения АН СССР и Институтом истории ПАН. Примечательно, что именно во время вышеупомянутого визита историками была высказана мысль об образовании комиссии историков двух стран, реализованная, правда, спустя 9 лет, в 1965 г. Тема роли выдающихся российских и польских ученых в развитии сотрудничества в изучении Польского восстания, их творческого пути и судьбы в науке получила развитие в докладе *Лешека Заштовта (Варшава)*, посвященном Давиду Файнхаузу. В межвоенный период он учился и работал в Вильно, после Второй мировой войны в Советской Литве был одним из виднейших знатоков литовских архивов польского происхождения, архивов, отразивших историю не только Литвы, но и Белоруссии и Украины. До Файнхауза, отмечал Л. Заштовт, проблема восстания 1863 г. в Литве изучалась главным образом на основе воспоминаний современников и краеведческой литературы. Он же впервые ввел в научный оборот ценнейший архивный материал, работая, в частности, в коллективе издателей труда «Восстания, 1863 года. Документы и материалы» вместе со С. Кеневичем, И.С. Миллером. В концепции Файнхауза восстание 1863 г. носило общенародный характер. Согласно его воззрениям, распространение среди нешляхетского населения польской культуры способствовало становлению литовской и белорусской наций. Само же Январское вос-

стание, по его мнению, стало могилой шляхетской Речи Посполитой. В этом воззрения Файнхауса сближались с точкой зрения Ипполита Грынвасера. Судьба самого Файнхауза сложилась достаточно непросто. В Литве по его адресу раздавались упреки в «польском национализме», из-за чего он был вынужден покинуть родину и переселиться в Польшу. События 1968 г. в ПНР и антисемитские настроения стали причиной новой эмиграции и переезда в США, где Файнхауз провел последние годы жизни. До последних дней он публиковал работы по истории Литвы, будучи в собственных глазах и во мнении коллег одним из «старолитвинов».

Подводя итоги работы конференции в ходе общей дискуссии, *Лешек Заштовт* и *Б.В. Носов* отметили, что заслушанные доклады и развернувшаяся дискуссия проходили в творческой, доброжелательной, товарищеской атмосфере, характерной для работы Комиссии историков России и Польши. Они подчеркнули, что исследование проблем истории восстания 1863 г. позволило рассмотреть принципиальные вопросы истории России и Польши XIX в., запечатленные в исторической памяти народов и ставшие предметом научного анализа в исторической науке. В ходе конференции, по общему мнению участников, были подняты важные вопросы соотношения исторической науки и «исторической политики», исследованы многие конкретные проблемы, возникающие вследствие такого взаимодействия.

Предлагаемый ныне вниманию читателя сборник существенно расширен и дополнен по сравнению с заслушанными и обсужденными в дискуссии докладами на конференции. В него также дополнительно включен ряд статей, посвященных истории Январского восстания, его изучению и развитию в связи с этим научных связей историков России и Польши.

Н.А. Макаров, Б.В. Носов

Лидия Михальска-Браха
Веслав Цабан
(Кельце)

Агатон Гиллер (1831–1887) – первый историк Январского восстания

Оценивая вклад Агатона Гиллера в развитие историографии Январского восстания во второй половине XIX в., современный исследователь сталкивается с устойчивым впечатлением, что в кругу тогдашних историков, любителей и поклонников прошлого, и наконец – участников Январского восстания, занимавшихся исследованиями данной проблематики, Гиллеру принадлежала неоценимая роль. Неопровержимым доказательством этого является как его публицистика, так и научное творчество как историка, а также богатое эпистолярное наследие. Поэтому следует поддержать тезис выдающегося исследователя Январского восстания Стефана Кеневича, который назвал Гиллера «первым историографом Январского восстания»[1].

Широко известны труды других исследователей: Валерия Пшиборовского (1845–1913), Станислава Козмяна (1836–1922) или, наконец, Болеслава Лимановского (1835–1935), которые вышли из печати по крайней мере за несколько лет до издания первых трудов Гиллера[2]. Еще в конце 60-х гг. XIX в., одним из первых, Гиллер выступил также с требованием критического исторического изучения Январского восстания: «Хотя <…> восстание 1863 года является не очень отдаленным во времени историческим событием, т. е. событием едва минувшего прошлого, но уже густой туман

1 *Kieniewicz S.* Giller Agaton (1831–1887) // Polski Słownik Biograficzny. Kraków, 1948–1949. T. 7. S. 469; *Caban W.* Stefan Kieniewicz, jako historyk i inspirator badań powstania styczniowego // *Caban W.* Powstanie styczniowe. Polacy i Rosja w XIX wieku. Kielce, 2011. S. 33–44.

2 *Przyborowski W.* Ostatnie chwile powstania styczniowego. T. 1–4. Poznań, 1887–1888; *Idem.* Historia dwóch lat 1861–1862. T. 1–5. Kraków, 1892–1896; *Idem.* Dzieje 1863 roku. T. 1–5. Kraków, 1897–1905, 1919; *Koźmian S.* Rzecz o roku 1863. T. 1–3. Kraków, 1894–1895; *Limanowski B.* Historia ruchu narodowego od 1861 do 1864 r. T. 1–2. Lwów, 1882; *Idem.* Historia powstania 1863 i 1864 r. Lwów, 1888; *Idem.* Powstanie narodowe 1863 i 1864 r. Lwów, 1889; *Idem.* Stuletnia walka narodu polskiego o niepodległość. Lwów, 1894; *Idem.* Historia powstania narodu polskiego 1863 i 1864 r. Wyd. 2. Lwów, 1909.

неизвестности и фальши закрыл это прошлое, как прошлое отдаленных древних времен <…> Мы лучше и более подробно знаем историю войн, проходивших при Яне Казимире, а также историю всех прежних попыток, имевших целью независимость Польши, нежели эту последнюю попытку в Январском восстании»[3].

Агатон Гиллер – участник подпольных организаций, сосланный за конспиративную деятельность, противник преждевременного начала Январского восстания, член повстанческого Национального Правительства, в период марта–мая 1863 г. причисляемый к самым влиятельным членам Правительства, публицист и эмигрант, представлял особое поколение исследователей Январского восстания. Он непосредственно принадлежал к кругу участников и свидетелей тогдашних событий. Гиллер был также одним из наиболее видных представителей публицистов и историков, эмоционально вовлеченных в более поздние оценки Январского восстания, которые, что немаловажно, активно участвовали в формулировке первых суждений и мнений на тему восстания 1863 г., были авторами воспоминаний, мемуаров, автобиографических сообщений, имеющих значение исторического документа эпохи, исторического толкования событий 1863–1864 гг., а в результате – основанной на источниках базы для дальнейших научных исследований Январского восстания.

Агатон Гиллер, как и многие другие участники повстанческого движения: Валерий Пшиборовский, Станислав Козмян, Юзеф Каетан Яновский, Тадеуш Романович, Мариан Дубецкий, Ян Стелла-Савицкий, считал, что выяснить правду о Январском восстании и донести ее до общественности, было его гражданским долгом. Он избрал для себя путь «летописца своего времени». Гиллер сам об этом часто вспоминал в письмах друзьям или на страницах исторических трудов. Из этого суждения он выводил некий категорический императив, служащий для собственного определения роли историка. Гиллер не получил профессионального исторического образования, будучи историком по зову сердца. Лишь временно, как вольнослушатель, он посещал в 1852 г. лекции Викентия Поля и Юзефа Кремера в Краковском университете. Исследовательский опыт он приобрел в ходе своей политической и публицистической деятельности на страницах многих тогдашних общественных и политических газет и журналов: «Dziennik Literacki», «Czas», «Ojczyzna», «Gazeta Narodowa», «Ruch Literacki» или «Szkice Społeczne i Literackie», а также как издатель брошюр и издательских серий Национального музея в Рапперсвиле[4], посвященного истории восстания 1863 г. Однако историком Ян-

3 *Giller A.* Historia powstania narodu polskiego w 1861–1864 r. Paryż, 1867. T. 1. S. 5.

4 Album Muzeum w Rapperswilu. T. 1–3. Poznań, 1872. Lwów, 1876–1885; Wieniec Pamiątkowy Półwiekowej Rocznicy Powstania Listopadowego. Rapperswil, 1881–

варского восстания он стал, прежде всего, как его участник, занимавший ответственные посты в Национальном правительстве. Основным же мотивом стало осознание долга донести до потомков правду о восстании и передать им традиции борьбы за свободу родины.

Гиллер многократно указывал на значение материалов Национального Правительства как исторического источника для проведения исследований Январского восстания. Об этом он писал по поводу реликвий из наследия Езёраньского, а также опубликованной в 1882 г. во Львове «Истории национального движения с 1861 по 1864 год»[5] Болеслава Лимановского: «Ибо у автора (Б. Лимановского) не могли иметься материалы, касающиеся самого Национального Правительства, а без подробной картины его действий история является невозможной»[6]. Подобные суждения и мнения на тему значения данных документов выражал другой из членов Национального Правительства – Юзеф Каетан Яновский[7].

По Гиллеру, основной чертой исследовательского процесса является принцип «тацитовского покоя» и беспристрастности, а также убеждение в необходимости отражения в своих произведениях атмосферы описываемых времен. Итак, он писал: «Человек, сильно поглощенный делом (изображением исторического прошлого. – *Л. М., В. Ц.*) может передать его картину, одушевленную кровью и духом; чуждые ему люди, которые пишут позже, в лучшем случае дадут половину картины, половину истины, однако и они не в состоянии подняться на позицию холодного суждения, лишенного любви или отвращения»[8].

Можно рассуждать только гипотетически, был ли Гиллер, высказывая такие мнения, нейтральным исследователем Январского востания или же, наоборот, оставался в плену субъективных оценок событий, суждений, обусловленных собственным активным участием в восстании. Независимо от ответа на этот вопрос, нельзя на основании данного факта упрекать Гиллера в субъективности. Поэтому и стоит заметить, что утверждение о «тацитовском покое» и одновременно об отражении «из плоти и крови» атмосферы описываемых событий были близки взглядам

1885. Z. 1–6; Polska w walce. Zbiór wspomnień i pamiętników z dziejów naszego wyjarzmiania / Wyd. A. Giller. Paryż; Kraków, 1868–1875. T. 1–2.

5 *Limanowski B.* Historia ruchu narodowego od 1861 do 1864. Lwów, 1882.

6 Biblioteka Naukowa im. Wasyla Stefanyka we Lwowie (далее – BNSL). F. 118. Sygn. 59. K. 4–5.

7 *Michalska-Bracha L.* Między pamięcią a historiografią: lwowskie debaty o powstaniu styczniowym (1864–1939). Kielce, 2011. Passim.

8 *Giller A.* Historia powstania narodu polskiego… T. 1. S. 7; Biblioteka Polska w Paryżu (далее – BPP). Papiery Józefa Gałęzowskiego. Sygn. akc. 2403: list A. Gillera do I. Kossiłowskiego. Raperswil 2.01.1880 r.; list A. Gillera do J. Gałęzowskiego. Raperswil 24.11.1880 r.

многих тогдашних исследователей новейших времен и характеризовали поколение историков и любителей прошлого, воспитанных на политических и историографических традициях эпохи польского романтизма. На такие же романтические идеи в оценке Январского восстания ссылался Агатон Гиллер.

Формулируя упомянутые исследовательские принципы, Гиллер также брал пример с Маурициа Мохнацкого и с его труда о Ноябрьском восстании[9], хотя, как он сам подчеркивал, «сочинение истории 1831 года – это мелочь по сравнению с сочинением истории Январского восстания»[10]. В конечном итоге Гиллер считал, что обуревающие историка страсти, вызванные собственным участием в Ноябрьском восстании (как в случае Мохнацкого) или в Январском (как в его случае), не являются препятствием в беспристрастном написании истории этих событий, а вытекают из характерного для обсуждаемых времен осознания им долга по отношению к родине и народу. Гиллер многократно указывал на значение прошлого как источника «нравственной силы собственного возрождения» народа. Историческим сознанием, по его мнению, обладают лишь те народы, которым присуще «сознание своей национальной сущности», то есть народы, «просвещенные политически»[11]. Тип исторического рассуждения Мохнацкого о Ноябрьском восстании, поиски им причин поражения Ноябрьского восстания, которые он усматривал еще в разделах Польши XVIII в., а в самом восстании видел возрождение национальных сил, – в некоторой степени был близок и взглядам самого Гиллера. Здесь, конечно, нет места для более широких аналогий между способом сочинения национальной истории обоими историками, тем не менее – данному факту нельзя не придавать значения.

Исторический интерес Гиллера к проблематике Январского восстания пришелся на два главных периода в его биографии. Первый, после восстания, – это годы эмиграции в Швейцарию и Францию (1864–1871, а также 1878–1884)[12]. Второй – галицийский период (1871–1878 и 1884–1887)[13].

В эмиграции Гиллер принялся за разработку и сочинение планируемой на десять томов «Истории восстания польского народа в 1861–1864

9 *Mochnacki M.* Powstanie narodu polskiego w roku 1830 i 1831. Paryż, 1833. Об этом подробнее см.: *Kłak C.* Romantyczne tematy i dylematy. Echa powstania listopadowego w literaturze, historiografii i publicystyce. Rzeszów, 1992.

10 BNSL. F. 118. Sygn. 59. K. 4–5.

11 *Giller A.* Pięćdziesiąta rocznica powstania listopadowego // Wieniec pamiątkowy półwiekowej rocznicy powstania listopadowego. Raperswil, 1885. Z. 6. S. 606.

12 *Florkowska-Frančić H.* Emigracyjna działalność Agatona Gillera po powstaniu styczniowym. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1985. S. 183–203.

13 *Zygmuntowicz Z.* Agaton Giller w świetle akt państw zaborczych w 50 rocznicę śmierci. Lwów, 1937; *Michalska-Bracha L.* Między pamięcią a historiografią…

годы»[14]. Работу над ее редакцией, начатую в середине 60 гг. XIX столетия, он продолжал уже в Галиции. Как он сам вспоминал, покидая Париж в конце 1871 г., ему удалось «спасти» рукописи и материалы по истории восстания, после чего через Лейпциг, Краков, Бохню он прибыл во Львов и Станиславов, в котором поселился на постоянное жительство с перерывом, продолжавшимся несколько лет[15].

Из задуманного первого в польской историографии обобщающего труда о Январском восстании Гиллер подготовил к печати и опубликовал лишь четыре тома, изданные на рубеже 1860–1870-х гг. Два первых тома были по существу посвящены полемике с публицистикой первых послеповстанческих лет. В следующих двух томах Гиллер поместил «Беглый взгляд на времена после поражения Ноябрьского восстания», рассматривающий историю польского национально-освободительного движения в 1831–1856 гг.

К самим же исследованиям истории Январского восстания Гиллер приступил, как сам вспоминал, почти непосредственно после поражения восстания. «Я 17 лет собираю к ней (истории восстания. – *Л. М., В. Ц.*) материалы, много лет ее пишу, – и еще чувствую, что мне многого не хватает для дополнения образа этого большого движения <…>» – подчеркивал он в корреспонденции 1882 г.[16] В течение всей своей жизни, чувствуя неудовлетворенность собранным и разработанным материалом, а также сознавая масштаб исследовательского начинания, Гиллер накапливал основанную на источниках документацию, призывал к фиксированию воспоминаний и автобиографических сведений, связанных с историей восстания 1863 г., которые при сохранении принципа критицизма, с точки зрения формы и содержания информации, имели для него значение, эквивалентное историческим трудам[17]. Гиллер критически отозвался о мемуарах Антони Езёраньского, хотя и рассматривал их как ценный источник, принимая во внимание роль автора в восстании в 1863–1864 гг. Критику же с его стороны вызвали допущенные автором в воспоминаниях многочисленные ошибки и лакуны, в частности при описании Военного Совета в Велче, в котором участвовал Езёраньский, и принятых на нем решений, согласно которым Лангевич направился в Галицию. Гиллер подчеркивал, что подобные эпизоды, важные для истории восстания, будут описаны в его труде, так как события происходили в действительности[18].

---

14 *Giller A.* Historia powstania narodu polskiego w 1861–1864 r. Paryż, 1867–1871. T. 1–4.

15 BNSL. F. 4. Opis 1. Sygn. 1481.

16 BNSL. F. 118. Sygn. 59. K. 4–5.

17 Ojczyzna. 1865. № 76. 20 września. S. 1–2.

18 BNSL. F. 118. Sygn. 59. K. 6–7.

Стремление Гиллера позаботиться о выявлении и сохранении комплекса источников по истории Январского восстания и его эпохи, а также о сохранении других повстанческих реликвий выразилось и в том, что еще в сентябре 1865 г. он выступил публично с инициативой образования во Франции или в Швейцарии польского национального музея, который уберег бы от уничтожения и сохранил для потомков памятные вещи, имеющие значение для национальной истории, в том числе относящиеся к периоду Январского восстания. Данная идея Гиллера в конечном итоге воплотилась в Польский национальный музей в Рапперсвиле, а собранные в нем фонды и коллекции стали одним из главных направлений деятельности историка[19].

В 1868 г., спустя всего четыре года после поражения восстания, Гиллер опубликовал в Париже первый из двух томов труда «Польша в борьбе. Собрание воспоминаний и мемуаров из истории нашего осовбождения». Уже тогда в распоряжении историка было значительное количество источников, в том числе и по истории сибирской ссылки, тяготы которой в 1850-е гг. Гиллер испытал на собственном опыте.

«Польша в борьбе…» естественным образом дополняет наши представления об исторических взглядах Гиллера, а во многих случаях позволяет понять дальнейшую эволюцию его идейных исканий и его более поздние оценки Январского восстания[20]. Жизненным кредо историка можно считать фразу, произнесенную на страницах «Путешествия по этапам узника в Сибирь» (Лейпциг, 1866), что «самое важное – это действие по уму и по благоразумию». Это высказывание в некоторой степени проливает свет на сегодняшние расхождения во мнениях историков, стремящихся определить идейные позиции Гиллера и его отношения с «партиями красных и белых» в период Январского восстания, что, с точки зрения современных исследователей, представляет известную трудность[21].

Сибирские труды Гиллера – такие сочинения, как «Путешествие по этапам узника в Сибирь в 1854 году» (Лейпциг, 1866) и «Описание Забайкалья

19 *Florkowska-Frančić H.* Emigracyjna działalność…; *Michalska-Bracha L.* Między pamięcią a historiografią…

20 Polska w walce. Zbiór wspomnień i pamiętników z dziejów naszego wyjarzmienia / Wyd. A. Giller. T. 1. Paryż, 1868. T. 2. Kraków, 1875; *Idem*. Groby polskie w Irkucku. Kraków, 1864; *Idem*. Podróż więźnia etapami do Syberii w roku 1854. Lipsk, 1866. T. 1–2; *Idem*. Opisanie zabajkalskiej krainy w Syberii. Lipsk, 1867. T. 1–3; *Fiećko J.* Rosja, Polska i misja zesłańców. Syberyjska twórczość Agatona Gillera. Poznań, 1997. S. 63–141.

21 Об этом подробнее см.: *Nowiński F.* Powstanie Styczniowe w ocenie Agatona Gillera // Drogi Polaków do niepodległości. Od kółek samokształceniowych do walki zbrojnej. W 150. rocznicę powstania styczniowego. Materiały z konferencji IH PAN Warszawa – IH UJK Kielce. 15–17 kwietnia 2013 r. (в печати).

в Сибири» (Лейпциг, 1867), – представляли собой важный этап его научной и творческой работы и послужили для него своего рода подступом к осуществлению его главной миссии как историка Январского восстания 1863 г. Именно во время пребывания в Сибири Гиллер записывал воспоминания польских ссыльных о национально-освободительном движении, и это, несомненно, повлияло в дальнейшем и на его научное творчество, и на его мировоззрение, и на общественно-политические взгляды[22].

Агатон Гиллер, несомненно, относился к плодовитым исследователям Январского восстания. Он публиковал обобщающие труды, был автором публицистических очерков и небольших исторических монографий на тему 1863 г. Его сочинения выходили в свет в различной форме и в различных издательствах, а также на страницах периодических изданий, в том числе эмигрантского журнала «Ojczyzna» и в галицийских изданиях: «Ruch Literacki», «Gazeta Narodowa», «Szkice Społeczne i Literackie»[23].

Перу Гиллера принадлежат ценнейшие биографические исследования участников Январского восстания. При этом историк исходил из верной и актуальной по сей день предпосылки, что жизнь людей, которые посвящают себя борьбе за идею, всегда содержит частицу общей истории, а описание жизни одного человека побуждает к изучению эпохи, в которой он жил[24]. Наконец, Гиллер оставил после себя исключительно ценное эпистолярное наследие, сегодня уже рассеянное по различным собраниям и коллекциям, но значение которого для характеристики его взглядов является немаловажным. Письма, которые вышли из-под его пера, несомненно, являются исключительно важным свидетельством размышлений о событиях 1863–1864 гг. и позволяют нам проследить, каким образом из автобиографической памяти участника Январского восстания вырастала в научном творчестве Гиллера весьма интересная и глубокая исследовательская концепция эпохи[25].

---

22 *Fiećko J.* Rosja, Polska i misja zesłańców.

23 *Florkowska-Frančić H.* Emigracyjna działalność…; *Jarnecki M.* Powstanie styczniowe w oczach Agatona Gillera // Mazowieckie Studia Humanistyczne. 2004. № 1–2. S. 5–32.

24 Об этом А. Гиллер писал в своих письмах. См.: BPP. Papiery Józefa Gałęzowskiego. Sygn. akc. 2403: list A. Gillera do J. Gałęzowskiego. Rapperswil. 24.11.1880 r. S. 3; list A. Gillera do I. Kosiłowskiego. Neapol. 23.01.1881 r. S. 3; list A. Gillera do I. Kosiłowskiego. Rapperswil. 2.01.1880 r. S. 5.

25 Katalog rękopisów Biblioteki Narodowej i zbiory Biblioteki Rapperswilskiej / Oprac. A. Lewak. Warszawa, 1929; Życie kulturalne i artystyczne Krakowa w drugiej połowie XIX wieku (wybór listów) // Rocznik Biblioteki Polskiej Akademii Nauk w Krakowie / Pod red. Z. Jabłońskiego. 1957. R. 3. S. 107–108, 113–118; Z korespondencji Agatona Gillera do J.I. Kraszewskiego // Ruch Literacki. 1987. Z. 3. S. 207–224; Nieznana korespondencja rodziny Gillerów / Oprac. J. Miluśka. Kalisz, 2001; *Michal-*

Новый этап в осмыслении Гиллером истории Январского восстания связан уже с завершением творческого пути ученого в 1880-е гг. В этот период выходит в свет его труд «Общая характеристика восстания 1863 года», в котором историк представил целостную концепцию событий 1863–1864 гг.[26] «Однако до тех пор, пока завершу историю восстания, – объясняя свой замысел, писал Гиллер, – я собрался черкнуть его общую характеристику. Она, особенно сегодня, нужна в связи с теми вредными течениями, которые стремятся свести польский народ с пути исторического развития», – так объяснял он причины создания «Общей характеристики восстания в 1863 году»[27].

К работе над ее сочинением Гиллер приступил в конце 1885 г., по случаю 23-й годовщины Январского восстания, вероятно, имея в виду завершить работу к его 25-летию. Увидело свет оно в юбилейном 1888 году, но уже после смерти Гиллера, в связи с подготовкой львовским обществом ветеранов Январского восстания многотомного «Издания материалов по истории восстания 1863–1864 годов» («Wydawnictwo materiałów do historii powstania 1863–1864») в рамках памятных торжеств, посвященных 25-й годовщине восстания 1863 г.[28] Гиллер, участвовавший в работе юбилейного комитета, который занимался подготовкой упомянутого издания, писал в одном из писем, адресованных Юзефу Галензовскому: «Мне необходимо договориться с Комитетом (к которому принадлежит также и Адам Сапега), сформированным перед началом издания Книги памяти по случаю 25-летней годовщины Январского восстания в будущем году. Этот Комитет обращался к тебе. Мне он поручил немалую работу и характеристику Январского восстания, которую я написал и которую Комитет уже принял, но сделал замечания, по поводу которых мне надо с ними договориться. Кроме того, требуется от меня написать хронику восстания и сделать редакцию всего труда. Это немалая работа. Каждый из членов понимает ее по-своему. Судей много, и если бы пришлось удовлетворить каждого, то я должен бы написать по крайней мере листов сто. Это надо обсудить»[29].

Упомянутая Гиллером инициатива имела немаловажное значение для развития дальнейшей историографии Январского восстания. «Изда-

---

ska-Bracha L. Listy Agatona Gillera w zbiorach lwowskich // Wrocławskie Studia Wschodnie. 2007. R. 11. S. 179–200.

26 *Giller A.* Ogólna charakterystyka powstania w r. 1863. Lwów, 1888 (посмертное издание).

27 Ibidem. S. 8.

28 Wydawnictwo materiałów do historii powstania 1863–1864. Lwów, 1888–1894. T. 1–5.

29 BPP. Papiery Józefa Gałęzowskiego. Sygn. akc. 2431: list A. Gillera do J. Gałęzowskiego. Stanisławów 3.05.1887 r.

ние материалов по истории Январского восстания 1863–1864 гг.» совпало с периодом самых горячих дискуссий о Январском восстании, которые проходили в Галиции в 1880–1890 гг.[30] Для львовского общества ветеранов-повстанцев оно имело большое значение в деле опровержения негативных мнений о восстании, для формирования в общественном сознании объективной картины повстанческой борьбы, для развития исторических исследований и научной критики истории восстания. В издании надлежало сформулировать национальную концепцию истории восстания, которая была бы противопоставлена воззрениям консервативного направления в историографии. В результате влияние Гиллера на общее идейное содержание «Книги памяти 25-летней годовщины Январского востания» («Księga pamiątkowa 25-letniej rocznicy powstania styczniowego»), ставшей вступительным томом к «Изданию материалов по истории восстания 1863–1864 гг.», было немаловажно.

Именно Гиллеру юбилейный комитет (в составе Юзефа Каетана Яновского, Яна Стелла-Савицкого, Юзефа Жулиньского, Адама Сапеги, Антони Скотницкого, Мариана Дубецкого) поручил сделать редакцию всей книги. Историк опубликовал в ней также очерк о Городской делегации Варшавы в период патриотических манифестаций накануне восстания, с которой был непосредственно связан после возвращения в 1860 г. из сибирской ссылки в столицу[31]. По словам Гиллера, время деятельности Городской делегации было наиболее интересным и поучительным: «Поляки показали, что умеют слушать свою власть, а при этом – проявили ту практичность зрелых в политическом отношении народов, которые из малейшей уступки правительства умеют добиться неимоверной пользы»[32].

Подводя итоги творчества Гиллера как историка, следует подчеркнуть, что его взгляды на Январское восстание развивались в широком контексте национальной истории XIX в. после раздела Речи Посполитой. В первую очередь ученый высказывался против пессимистического тол-

30 *Szwarc A.* Oceny powstania styczniowego formą sporu politycznego wśród konserwatystów Królestwa Polskiego i Galicji (1870–1900) // Powstanie styczniowe 1863–1864. Walka i uczestnicy. Represje i wygnanie. Historiografia i tradycja / Pod red. W. Cabana i W. Śliwowskiej. Kielce, 2005. S. 289–295; *Idem.* Od Wielopolskiego do Stronnictwa Polityki Realnej. Zwolennicy ugody z Rosją, ich poglądy i próby działalności politycznej. Warszawa, 1990 (wyd. II. Warszawa, 1996); *Kosicka-Pajewska A.* Zachowawcza myśl polityczna w Galicji w latach 1864–1914. Poznań, 2002. S. 138–157; *Michalska-Bracha L.* Między pamięcią a historiografią… Rozd. I.

31 BPP. Papiery Józefa Gałęzowskiego. Sygn. akc. 2431: list A. Gillera do J. Gałęzowskiego, 28.01.1887 r.; *Giller A.* Dzieje Delegacji Warszawskiej w 1861 r. // Księga pamiątkowa 25-letniej rocznicy powstania styczniowego. Wydawnictwo materiałów do historii powstania 1863–1864. Lwów, 1888. Tom wstępny. S. 141–269.

32 *Giller A.* Historia powstania narodu… T. 2. S. 125–126.

кования отечественной истории и Январского восстания в духе консервативной «станьчиковской партии». При этом он подчеркивал, что самой большой бедой всего периода после восстания было неприятие патриотизма, проявившееся как среди «станьчиков», так и среди «варшавских позитивистов»[33]. Критически относился Гиллер и к суждениям Н.В. Берга[34], в частности к его «Запискам о польских заговорах и восстаниях» и к оценкам восстания в российской историографии в целом[35]. Он упрекал также польских историков, что в своих трактовках истории восстания они в известной мере находятся под влиянием российских концепций. Примером мог послужить Б. Лимановский, который, по словам Гиллера, якобы «писал всякую неправду, черпая из Берга и других московских авторов, которые повторяли следственные небылицы на основании бумаг Следственной комиссии. Известно, что при дознании каждый выкручивается, как только может, и чтобы скрыть правду и спасти соратников, придумывает всякую несусветную чушь и повторяет ложные фамилии. Серьезный историк, – констатировал Гиллер, – не может употреблять следственных бумаг в качестве исторического материала»[36].

Для Гиллера такие принципы, как идея свободы, нацонального духа, самостоятельности государственного бытия и патриотизм были неразрывными лозунгами, которые он понимал как условие, необходимое для всяких стремлений, направленных на образование отдельного польского государства[37]. Фундамент его воззрений на исторический процесс составляли суждения о причинах поражения Январского восстания. По словам историка, «национальное движение 1861–1862 годов очень расширило умственные горизонты, разогрело сердца и усовершенствовало нравственную подготовку народа»[38]. В этом смысле Гиллер выступал в определенной мере продолжателем лелевелевской традиции трактовки национального движения. Однако, продолжая свою мысль, Гиллер подчеркивал, что материальные условия успеха восстания не были подготовлены в полной мере, что «вооруженное восстание было задумано на ближайшее время», что к «нему не была также предпринята материальная подготовка»[39]. Указывал историк также на отсутствие боевой подготовки

33 BNSL. Fond 118. Sygn. 59: list A. Gillera do W. Zawadzkiego. Raperswil 20.01 1882 r. K. 1–3.

34 *Берг Н.В.* Записки Н.В. Берга о польских заговорах и восстаниях. 1831–1864. Познань, 1883–1885. Т. 1–4.

35 *Giller A.* Historia powstania narodu polskiego… T. 1. S. 6, 59.

36 BNSL. F. 118. Sygn. 59. K. 8–9: list A. Gillera do W. Zawadzkiego. Raperswil 25.05.1882 r.

37 BNSL. F. 118. Sygn. 59. K. 16: list A. Gillera do W. Zawadzkiego. Neapol 28.04.1883 r.

38 *Giller A.* Ogólna charakterystyka… S. 10.

39 Ibidem.

и оружия. Критически относился он к командирским кадрам восстания, в частности к Мариану Лангевичу и Людовику Мерославскому.

Начало восстания в неблагоприятных условиях, без подготовки, он называл «главным грехом первого состава Национального Правительства» и причиной всех дальнейших неудач[40]. Вину за это он возлагал на Центральный Национальный Комитет, а также на левое крыло «партии красных». Однако сам Гиллер, будучи до конца июня 1862 г. в составе руководства движения, выступал против начала восстания. Осуждал он действия Мерославского, который еще в 1858–1859 гг. в эмиграции увлекал молодежь лозунгами о вооруженной революции, провозглашаемыми во время очередных годовщин Ноябрьского восстания 1830 г.

Важными для Гиллера стали рассуждения о концепции восстания, а также о формах и методах повстанческой борьбы. Вопрос об обоснованности тактики партизанской борьбы или, напротив, тактики восстания, проводимого регулярной армией, был характерен для дискуссий, которые каждый раз после народных восстаний возникали во многих эмигрантских кругах, да и в самой Польше. Он также стал предметом пристального внимания Гиллера. Оценивая военную историю восстания в целом, ученый критически относился к партизанским действиям народного ополчения. Такой характер борьбы был, по его мнению, обусловлен обстоятельствами, в которых началось восстание, когда партизанская война была единственно возможной. Она, однако, не давала шансов на победу, поэтому Гиллер причислял себя к сторонникам преобразования партизанских отрядов в регулярную армию. «Из всех войн самой простой, но одновременно самой разорительной является партизанская война. Если же в последней восемнадцатимесячной войне Польша не была окончательно разрушена, то этим она должна быть обязана элементу гармонии и порядка, который имело в виду Национальное Правительство»[41].

Видное место в концепции Гиллера принадлежит проблеме подпольной борьбы в национально-освободительном движении. В условиях раздела страны и иностранного господства заговоры и тайные организации были, по его мнению, естественными и единственно возможными формами борьбы. Однако в то же время Гиллер указывал на несовершенства конспиративных организаций и на отрицательные стороны их взаимодействия с обществом. По его словам, конспирация не должна оказывать пагубного влияния на общество. Нелегальная борьба оправданна только в том случае, если «она хорошо ведется и рассчитана на хороший эффект», если «ее начинают осторожные, надежные, терпеливые, разумные люди,

40 *Idem*. Historia powstania narodu polskiego… T. 1. S. 21.

41 Ibidem. T. 1. S. 241.

а не юношеские головы и сердца, питающиеся лишь энтузиазмом»[42]. В оценке Гиллера, хорошей конспирацией является «нравственная конспирация», значит – такая, которая была свойственна Январскому восстанию, т. е. сочетающая легальные и нелегальные формы действия.

Обращаясь к социальной проблематике, Гиллер указывал на запоздалую поддержку восстания шляхтой[43]. Участие крестьян в восстании он считал недостаточным. По его мнению, несмотря на то, что в движении 1864 г. принимал участие весь народ, крестьяне сыграли в нем второстепенную роль, так как не смогли воспринять национальную идею[44]. Самым важным актом восстания ученый называл отмену крепостничества. Правда, само социально-экономическое содержание этого акта осталось им не раскрыто. Вместе с тем освобождение крестьянства должно было послужить «укрепелению идеи Польши» и распространению ее в народе как основе нации. Итак, народ, по его мнению, являлся новой, развивающейся силой нации, которая сможет оказать влияние на национальное восстание лишь в будущем. Такое восстание «будет народное, массовое, и это станет условием победы, которого прежние восстания были лишены»[45].

Одним из самых важных взглядов Гиллера, которые сближали его с умеренным крылом «партии красных», было убеждение в неизбежности национальных восстаний в истории Польши. В его оценке, движение 1863 г. имело «самородный характер», стало результатом национального духа, не было привнесенным «из загнивающих обществ», являясь только следствием национального гнета[46]. Восстание 1863 г. Гиллер рассматривал как естественное продолжение нравственного движения периода 1856–1862 гг., названного им «нравственной революцией».

После возвращения на родину в 1860 г. из сибирской ссылки Гиллер участвовал в патриотических манифестациях, был ранен ночью 16 октября 1861 г. Ему были близки лозунги нравственной революции и национального возрождения. Это, в частности, нашло отражение в написанной Гиллером еще после кровавого подавления властями демонстрации 8 апреля 1861 г. прокламации, озаглавленной «Послание всем соотe-

42 Ibidem. S. 17–19.

43 *Giller A.* Ogólna charakterystyka… S. 8–11; *Idem.* Historia powstania narodu polskiego… T. 1. S. 60, 66–75; *Borejsza J.W.* Emigracja polska po powstaniu styczniowym. Warszawa, 1966. S. 213–215.

44 *Giller A.* Historia powstania narodu polskiego… T. 1. S. 67; *Caban W.* Udział chłopów z rejonu Gór Świętokrzyskich w powstaniu styczniowym // *Caban W.* Powstanie styczniowe. Polacy i Rosja w XIX wieku. Kielce, 2011. S. 151.

45 *Giller A.* Ogólna charakterystyka… S. 23–24; *Idem.* Historia powstania narodu polskiego… T. 1. S. 67.

46 *Idem.* Historia powstania narodu polskiego… T. 1. S. 64.

чественникам на польской земле». В ней автор не только провозгласил лозунги нравственной революции, но и отверг всякое соглашательство с царской империей[47]. С 1862 г. Гиллер – варшавский корреспондент краковского журнала «Czas». В этот период кануна восстания, как и в дальнейшем, он в публицистическом и научном историческом творчестве много внимания уделял времени патриотических манифестаций[48]. По прошествии многих лет после восстания, обращаясь к эпохе патриотических манифестаций, он усматривал в этом периоде нравственного обновления истоки восстания, расценивал его как время накопления повстанческого потенциала, хотя и обращал внимание на преждевременное начало восстания и на недостаточность его материальной подготовки. Время патриотических манифестаций 1861–1862 гг., «возродив нравственность во всех личных и публичных отношениях, стало, – по словам Гиллера, – защитной броней для национального достоинства. <…> Да! Нравственная реформа, обновление общественной морали придало такой прочный и замечательный характер национальному движению, вызывавшему восторг всего мира. Реформа породила новые идеи, новые стратегии и, наконец, привела к тому, что восстание, начатое без материальной подготовки, не всегда надлежащим образом управляемое, продолжается до сих пор, в очень трудной обстановке, только в ней (в реформе) черпая свои силы. Если бы восстание началось без предшествовавшего ему нравственного обновления, то оно через десять дней должно было бы уступить преобладающей силе врага. Поэтому и москали с такой ожесточенностью “бросились” на траур (на подавление патриотических демонстраций в форме траурных шествий. – *Л. М., В. Ц.*)»[49].

В то же время Гиллер не принадлежал к сторонникам тезиса, что вооруженное восстание должно было стать «логичным результатом» патриотических манифестаций. По его мнению, если исходить из него, «тогда лучшим способом действий в 1862 г. была бы поставка оружия и подготовка к началу восстания. Тогда надо было стараться, чтобы преждевременность восстания сделать наименее ощутимой и обеспечить ему достаточную силу для победы в первый же день вооруженного действия»[50].

Особое историческое значение восстания, с точки зрения Гиллера, заключалось также в образовании Национального Правительства, что было беспрецедентным явлением в мировой истории: «Данный факт яв-

47 *Kieniewicz S.* Giller Agaton… S. 467.

48 *Giller A.* Wypadki lutowe // Sobótka. 1871; *Idem.* Z ostatnich prac przedśmiertnych. I. Przedwczesny wybuch powstania // W 40 rocznicę powstania styczniowego 1863–1903. Lwów, 1903; *Idem.* Manifestacje Warszawy 1861 r. / Z rękopisu wyd. J. Sokulski. Stanisławów, 1908.

49 Ojczyzna. 1864. № 20. S. 1.

50 *Giller A.* Historia powstania narodu polskiego… T. 2. S. 194.

ности для своих, а тайности для захватчиков, – писал ученый, – является необычным, появляется первый раз в истории и свидетельствует о нравственной силе народа»[51].

Концепция Январского восстания в трудах А. Гиллера свидетельствует о толковании ученым национальной истории, повстанческого движения и его эпохи в духе романтических традиций польской историографии. Ему было близко убеждение об исключительности и индивидуальных чертах польского исторического процесса, о «живучести народа» вопреки падению государства, и, наконец, обращение к принципам и нравственным правам в понимании истории движения 1863 г.[52] Именно нравственные черты поспособствовали, по его мнению, назначению структур и функционированию тайного государства. «Народом можно быть и без правительства <…>, но народ без собственного правительства – слаб», подчеркивал он и одновременно добавлял, что «правительство является венцом национального организма», перед которым стоит цель экономического и нравственного подъема страны[53].

Гиллер как создатель идеи тайного государства усматривал в его успешной деятельности и прочности организационных структур возможность «ослабления царского господства без объявления ему войны». Этому должно было послужить назначение структур тайного государства и Национального Правительства с целью привлечения общества, ослабления властей захватчика, а в результате – для захвата власти и начала вооруженного восстания по договоренности с участниками российского революционного движения, борющегося с царизмом[54].

Историк, в общей концепции Январского восстания и толкования родной истории, ссылался на присущие представителям «партии белых» воззрения на цивилизационную миссию Польши на Востоке. Эта миссия расценивалась Гиллером как необходимый фактор исторического развития, олицетворяла польско-литовский союз, который выражал идею федерации Короны Королевства Польского с Россией и Литвой. Для Гиллера данная идея национальной взаимосвязи народов на востоке Европы отождествлялась с «принципом жизненной цивилизации и прогресса[55].

В своих трудах Гиллер развивал довольно распространенное мнение, характерное для пост-январской эмиграции, что восстановление независимости Польши является исторической необходимостью и делом всех

51 *Idem.* Ogólna charakterystyka… S. 20–21.

52 Ibidem. S. 7–8.

53 *Giller A.* Historia powstania narodu polskiego… T. 1. S. 87, 101; *Idem.* Ogólna charakterystyka… S. 20–21.

54 *Idem.* Ogólna charakterystyka… S. 20.

55 Ibidem. S. 22, 27; *Fiećko J.* Rosja, Polska i misja zesłańców. S. 150–152.

народов, а также фактором, приостанавливающим экспансию России в Европе, так как «народы поняли, что до тех пор, пока Польша не станет независимой, то свобода в Европе будет оставаться под угрозой. Дальнейшее же развитие политической и социальной свободы будет сомнительно и задержано»[56]. Отношение Гиллера к России в некоторой степени было обусловлено близкими ему взглядами Францишека Духиньского об антиномии Востока и Запада[57]. Негативно оценивая панславистские идеи в российской исторической мысли[58], Гиллер основывался в этом главным образом на романтическом толковании польской истории, возражая против консервативных взглядов «партии станьчиков» и не соглашаясь с воззрениями Юзефа Игнация Крашевского, Теофила Ленартовича и Стефана Бущиньского.

Агатон Гиллер в историографии Январского восстания остался автором так и не завершенного обобщающего фундаментального труда о событиях 1863–1864 гг., чему он посвятил почти все последнее двадцатилетие своей жизни. Он оставил после себя значительное рукописное наследие, к сожалению, еще при жизни историка частично рассеянное по разным собраниям. Часть архива Гиллера осталась в Рапперсвиле, где ее сохранил Юзеф Галензовский и передал в итоге Францишеку Коперницкому в Станиславов. Записи, относящиеся к истории Январского восстания, которые остались после его смерти в Станиславове, попали благодаря Коперницкому в руки Юзефа Жулиньского. Часть архивного наследия Гиллера находилась также во владении Леона Кшеменецкого, коллекционера памятных вещей национального характера, но прежде всего в руках Юстина Сокульского – историка и будущего биографа Агатона Гиллера[59].

Перевод Анны Железик

56 *Giller A.* Ogólna charakterystyka… S. 26–28; *Borejsza J.W.* Emigracja polska… S. 179–181.

57 *Giller A.* O życiu i pracach F.H. Duchińskiego. Kijowianina. W jubileuszową rocznicę pięćdziesiątą jego zasług naukowych. Lwów, 1885; BNSL. F. 9. Sygn. 137. K. 5.

58 *Giller A.* Historia powstania narodu polskiego… T. 2. S. 347; *Idem.* O panslawizmie // Ojczyzna. R. 2. 1865. № 64. S. 1–2; № 65. S. 1–2; № 66. S. 1; № 67. S. 1–2.

59 BPP. Papiery Józefa Gałęzowskiego. Sygn. akc. 2421: listy F. Kopernickiego oraz J. Gałęzowskiego. Sierpień, wrzesień 1887 r.; BPP, Papiery Henryka Gierszyńskiego. Sygn. akc. 2672. K. 148–149; *Sokulski J.* Ostatnie lata życia Agatona Gillera // Kurier Stanisławowski. R. 1911. Nr. 1348–1352; Stosunki J. Kraszewskiego z Agatonem Gillerem (1876–1887). Na podstawie korespondencji Kraszewskiego / Oprac. Justyn Sokulski. Lwów 1912; *Sokulski J.* Agaton Giller więźniem i wygnańcem sybirskim // Sybirak. R. 4. 1937. № 1. S. 61–65.

Ян Пискуревич
(Варшава)

Артур Волыньский – участник и историк Январского восстания

Артур Волыньский родился 9 февраля 1844 г. в Варшаве. Он был сыном Томаша – чиновника казначейства и Мартины, в девичестве Рыховецкой. В 1854–1858 гг. он учился в четырехклассной окружной школе, а затем в варшавской губернской гимназии, которую окончил в 1861 г. Затем поступил в духовную семинарию Св. Яна, располагавшуюся на ул. Каноня, где изучал философию[1].

Волыньский принимал участие в Январском восстании, работая в Отделе внешней политики Национального правительства. По справедливому мнению Бронислава Билиньского, Волыньский, будучи человеком очень амбициозным, скрыл свое подлинное участие в восстании. Опубликованные в 1960 г. документы процесса Траугутта, на которые ссылается Билиньский, свидетельствуют, что Волыньский исполнял лишь функции копииста при чиновнике секретариата Отдела – Гервазии Гзовском, известном деятеле освободительного движения и подпольщике еще со времен между Ноябрьским восстанием 1830 г. и Январским восстанием[2].

Вполне возможно также, что Волынский был секретарем Отдела в период окончания Январского восстания – между 2 октября 1863 г. и 26 апреля 1864 г. В его бумагах, хранящихся в Ягеллонской библиотеке, содержится уведомление от 10 сентября 1864 г., что Национальное правительство освободило его от обязанностей секретаря Отдела внешней политики, которые он исполнял как раз со 2 октября 1863 г. до 26 апреля 1864 г., а также свидетельство, выданное издававшимся в Варшаве и связанным с Национальным правительством журналом «Духовный колокол» («Dzwon duchowny»), что Волыньский был его главным редактором[3].

---

1 Arturo Wolynski // Dizionario biografio degli scrittori contemporanei diretto da Angelo De Gubernatis. Firenze, 1879. S. 1071–1073.

2 *Biliński B.* Arturo Wołyński (1843–1893) – creatore del Museo Copernicano a Roma // Conferenze. 1992. № 100. S. 431.

3 *Wołyński A.* Wspomnienia osobiste – Biblioteka Jagiellońska. Rps 5846. K. 1.

После подавления Январского восстания под угрозой ареста (в автобиографии он указывает даже, что был заочно осужден на смертную казнь) Волыньский бежал во Францию (предположительно в женской одежде – как позднее он сам утверждал). В октябре 1865 г. он оказался в Риме[4].

Римский период жизни Волыньского – это время, которое он посвятил науке и образованию. Он учился в лицее Св. Апполинария и Римском коллегиуме (Collegio Romano), изучал право и философию в университете, а также занимался историческими исследованиями в римских библиотеках. По свидетельству Волыньского, в течение двух лет он посещал лекции по метафизике у Джузеппе Печчи, в будущем – кардинала и брата папы Льва XIII, три года – курс канонического права выдающегося специалиста в этой области Филиппо де Ангелиса и лекции по астрономии о. Анджело Сеччи. В 1868 г. Волыньский получил степень доктора теологии, а за исследование об Оригене получил из рук папы Пия IX серебряную медаль[5].

Однако уже в марте 1869 г. Волыньскому было приказано покинуть Папскую область. В Риме, так же как и во Франции, польские эмигранты находились под пристальным наблюдением властей. Волыньский пользовался репутацией либерала и даже революционера, поэтому власти относились к нему подозрительно. В 1867 г. он опубликовал во Флоренции работу под названием «Польское восстание в 1863–1864 гг.» («L' insurrezione polacca del 1863 e 1864»), кроме того, обнаружилось, что Волыньский был автором статьи «История похода Гарибальди в 1867 г.» в «Познанском дневнике» («Dziennik poznański»). В связи с этим губернатор Рима предписал Волыньскому покинуть территорию области, а когда тот не подчинился, по-видимому, распорядился схватить его и вывезти на границу. Волыньский выехал в Марке, где в ходе работы в Библиотеке Леопарди окончил свое исследование «De Sibyllis seu Ethnicorum pro Christiana Religione Testimonium», напечатанное на латинском языке в Париже в 1870 г.

В 1870 г. Волыньский вступил в брак с Еленой Росси, от которой имел троих детей. Семейство поселилось во Флоренции, где уже существовала небольшая колония польских эмигрантов, в т. ч. жил Теофил Ленартович, которого с Волыньским связывали довольно близкие отношения. Волыньский зарабатывал на жизнь тем, что писал в различные польские и итальянские газеты, не отказываясь и от случайных приработков (в т. ч. занимался разбором и систематизацией семейных архивов итальянской аристократии). Нередко семейству Волыньского доводилось испытывать нужду.

4 Ibidem. S. 7.

5 Arturo Wolynski… S. 1072.

Среди поляков, постоянно проживавших в Италии во второй половине XIX в., Волыньский был наиболее выдающимся представителем польской науки. Во всяком случае, сам он оценивал себя именно так. Свою научную и популяризаторскую деятельность Волыньский расценивал как продолжение борьбы за национальную независимость, как важную часть пропагандистской деятельности, которую вели представители польской диаспоры в Италии во имя своего Отечества. Среди начинаний Волыньского было основание в Болонье Академии им. Адама Мицкевича, а в Риме – Польской библиотеки, сотрудничество с польской и итальянской прессой в сфере популяризации знаний о науке и культуре в обеих странах, поддержка различных патриотических и общественных мероприятий.

Однако главные интересы Волыньского были направлены на изучение жизни и открытий Николая Коперника. Он опубликовал более десятка работ, посвященных этой проблематике, стал создателем музея Коперника в Риме.

Много внимания уделял Волыньский собиранию и обработке материалов, относившихся к Январскому восстанию, в котором, впрочем, он сам участвовал. Уже в 1867 г. он опубликовал во Флоренции сочинение мемуарного характера «Польское восстание в 1863–1864 гг.» («L'insurrezione polacca del 1863 e 1864»). Произведение это принадлежало к обширному кругу публикаций, включая статьи, брошюры, воспоминания, авторами которых были чаще всего участники восстания, проживавшие в эмиграции.

Наиболее известными и ценными работами о Январском восстании в то время были труды Агатона Гиллера «История восстания польского народа в 1861–1864 гг.», напечатанная в 1866 г.; Юлиана Клачки «Очерки современной дипломатии. Европейские кабинеты в 1863–1864 гг.» («Études de la diplomatie contemporaine. Les cabinets de l'Europe en 1863–1864»), изданные в 1866 г.; а также Юлиана Лукашевского «Правительство и национальная организация в Польше» (1864) и «Польские земли под властью Пруссии во время Январского восстания 1863–1864 гг.». Их дополняет множество других, в меньшей либо большей степени значительных публикаций, среди которых: «Задачи национальной организации в польском вопросе» (1864) Я.Н. Яновского, «Мечты» (1865) И. Арамовича, «Русь накануне и после вооруженного восстания» (1865) Л. Чеконьского, «Галиция или 1863 и 1864 годы» (1865) и «Воспоминания капитана польских войск о 1863 г.» (1866) В. Вишневского, «Революционные суды и приговоры» (1866) С. Качковского[6] и собственно работа А. Волыньского «Польское восстание в 1863–1864 гг.» («L'insurrezione polacca del 1863 e 1864») (1867). Последняя отличается от других подобных работ тем, что была

6 См.: *Borejsza J.W.* Emigracja polska po powstaniu styczniowym. Warszawa, 1966. S. 176.

написана на иностранном языке и адресовалась прежде всего итальянскому читателю, знакомя его с событиями, последствиями которых было появление на итальянской земле многочисленных выходцев из Польши. Стоит добавить, что Волыньский имел неплохие способности к изучению языков и хорошо, особенно по сравнению с другими эмигрантами, выучил итальянский язык.

Все это было только началом деятельности Волыньского как исследователя Январского восстания и связанных с ним событий. О своей деятельности в этой сфере он писал более десяти лет спустя Александру Гуттре: «Уже много лет работаю над историей событий 1861–1864 гг., что выразилось в подготовке трех толстых томов, первый из которых посвящен организации и нормотворчеству восставших, второй – дипломатии, третий – военному делу. В конце каждого тома дана определенная подборка документов»[7].

В нашем распоряжении нет никакой более подробной информации касательно упомянутых «трех толстых томов». Представляется, что Волыньский несколько преувеличивал результаты своих исследований, стараясь увлечь Гуттру идеей сотрудничества. Видимо, речь шла об общих очерках либо конспектах отдельных частей, а не о готовых текстах. Это следует из очередного письма к Гуттре, в котором Волынский упоминает о некоем письме, в котором обещания наполнили меня невыразимой радостью, – и продолжает: «Над своим трудом я работаю начиная с 1867 г., и, выстроив, так сказать, скелет его, наращиваю теперь на отдельных элементах ткани, которые облачаю в соответствующие уборы, или же по мере возможностей дополняю датами и подробностями различные эпизоды и иногда основательно их перерабатываю, если этого требуют присланные мне документы или убедительность свидетельств того или иного лица»[8].

Говоря современным языком, Волыньский проводил анкетирование участников Январского восстания, рассылая им соответствующий перечень вопросов, включавших в том числе и биографическую часть. В одном из писем к Гуттре Волыньский писал: «Обращаюсь с нижайшей просьбой к Уважаемому Господину быть так любезным и заполнить прилагаемый

7 Письмо А. Волыньского А. Гуттре от 2.08.1883 – Biblioteka Narodowa w Warszawie (далее – BN). Rps 2883. K. 1. Александр Гуттре (1813–1891) – политический деятель, участник Ноябрьского, Великопольского (адъютант Людвига Мерославского) и Январского восстаний. В ходе последнего был комиссаром в Великой Польше. С подавлением восстания эмигрировал, был включен в состав Польского комитета в Париже. Короткое время был комиссаром Национального правительства во Франции и Великобритании. После 1865 г. оставил политическую деятельность.

8 Письмо от 12.08.1883 г. – BN. Rps 2883. K. 3.

формуляр фактами и датами, возвратив его мне в скором времени. При заполнении прошу обратить внимание на факты, обозначенные в пожеланиях. При помощи такой биографии я смогу правдиво описать патриотические деяния Уважаемого Господина и уточнить многие детали, которые были неправильно изложены. Суть пережитых нами событий такова, что без помощи многих людей, которые принимали в них участие или руководили ими, мы не в состоянии реконструировать все в точности»[9].

Волыньский сознавал, что, возможно, ему не удастся написать историю Январского восстания. В то время он был занят созданием музея Николая Коперника в Риме, а также поиском денег на содержание семьи, что в условиях отсутствия постоянной работы и слабого здоровья было весьма непростым делом. В 1883 г. в письме к Гуттре Волыньский характеризовал перспективы завершения своих трудов как достаточно туманные, полагая, тем не менее, что собранные им материалы могут послужить хорошей источниковой базой для последующих исследователей: «Не знаю, когда окончательно завершу свой труд, но даже в случае моей смерти он, несомненно, принесет пользу стране хотя бы благодаря собранному мной архиву. Не считая выписок, брошюр и различных публикаций, у меня есть уже 3 тома печатных материалов Национального П[равительства] и секретных документов, том оригинальной корреспонденции Национального П[равительства] и различных органов власти, том распоряжений московской власти за 1863/64, том вырезок из “Правительственного ежедневника”, которые описывают наши битвы, наконец, том оригинальных биографий и отчетов о разных событиях. Поэтому на листе с вопросами и биографическими сведениями, касающимися Уваж. Господина, указан номер, под которым документ будет помещен в мое собрание. По завершении моей работы собрание это я намерен передать в какую-нибудь отечественную библиотеку либо в Рапперсвиль, чтобы им могли воспользоваться будущие поколения историков»[10].

Для сбора материалов и установления контактов с жившими в Италии участниками Январского восстания Волыньский выехал в сентябре 1883 г. в Галицию, где пробыл до конца ноября. Из Львова он писал Гуттре о настроениях, господствовавших среди бывших участников памятных событий: «Во время моего пребывания здесь я значительно пополнил свое собрание, хотя надеялся на несравненно большее, рассчитывая обогатиться жизненной энергией и обрести вдохновение к дальнейшей работе, а вместо этого оцепенелый, полный сомнений и душевной боли, возвращаюсь на чужбину. Я лелеял надежду найти здесь людей, живущих если не действительностью, то воспоминаниями, но обнаружил лишь

9 Письмо от 2.08.1883 г. – BN. Rps 2883. K. 1.

10 Письмо от 12.08.1883 г. – BN. Rps 2883. K. 3.

тени, которые боятся собственных помыслов и чувств, даже относящихся к далекому прошлому. Погоня за деньгами и карьерой – вот идеал ¾ моих друзей 1863 и 1864 годов»[11]. Волыньский писал, что намерен в будущем году с подобной же целью объехать Францию и Швейцарию, а затем посетить Познанское воеводство[12].

В следующем году Волыньский решился институализировать свое предприятие – Архив Национального правительства, которое он возглавил как директор. Отныне его письма и формуляры, которые он рассылал, были снабжены надпечаткой «Архив Национального правительства» и специальной печатью. С уверенностью можно сказать, что это придавало его усилиям более эффективный характер. Под свое начало он привлек членов-корреспондентов, которые должны были содействовать сбору источников по истории Январского восстания. Письмо, которым Гуттры среди прочих получал звание члена-корреспондента, звучало следующим образом: «[Архив Национального правительства] настоящим именует Ув. Г. Александра Гуттре из Петрокова своим членом-корреспондентом, уполномочивая его для сбора различных документов, изданий, брошюр и воспоминаний эпохи 1860–1864 гг., для принятия денежных пожертвований на содержание Архива, обнародование документов и представление монографий, которые без компрометации живущих ныне лиц могут быть презентованы для публичного ознакомления, а также поиска информации и получения разъяснений, необходимых для дальнейшего пополнения содержащегося в Архиве материала»[13].

В напечатанной для членов-корреспондентов инструкции говорилось следующее: «1. Корреспондент обязан в течение месяца от даты своего назначения предоставить Дирекции информацию обо всех своих знакомых, которые принимали деятельное участие в событиях 1860–64 гг., обозначив должность, которую они исправляли на службе делу народа. 2. Корреспондент должен каждые два месяца присылать отчеты о своей деятельности, а также собранные им документы и известия, которые вместо подписи должны быть заверены монограммой <…> 3. Корреспондент, не подающий признаков жизни в течение четырех месяцев, будет [считаться] уклоняющимся от работы и исключается из числа членов-корреспондентов Национального Архива»[14]. 4–6 пункты инструкции касались методов сбора и первичной обработки материала членом-корреспондентом. Следующие пункты инструкции звучали так: «7. На полученные подарки в виде документов и денежных сумм, имеющих определенную ценность,

11 Письмо от 18.11.1883 г. – BN. Rps 2883. K. 6.
12 Ibidem.
13 Письмо от 6.08.1884 г. – BN. Rps 2883. K. 8.
14 Ibidem. K. 9.

будут высланы специальные расписки для вручения дарителям. 8. В конце каждого года корреспондентам будут возмещены почтовые расходы, в т.ч. на пересылку подарков для Национального Архива. 9. Поскольку комплектование Архива Национального Правительства имеет огромное значение для нашей истории, и работа эта требует усилий многих патриотов, для засвидетельствования заслуг корреспондентов заведена специальная книга, в которой в специальных рубриках под фамилией каждого будут фиксироваться полученные через него дарения». Волыньский дописал чернилами на полях, что «каждый корреспондент к 25-летнему юбилею восстания получит памятную медаль, на которой будет выбито его Имя и Фамилия»[15].

Стремления Волыньского собрать наиболее полный архив по истории Январского восстания подтолкнули его к обнародованию в 1884 г. обращения «К б[ывшим] членам Национального правительства и различного рода комиссарам, предводителям, как гражданским, так и военным»[16]. В нем говорилось, что «несмотря на двадцатилетнюю работу, увенчавшуюся мученической смертью Юзефа Кремера, который, выехав на Родину, был предан товарищем и повешен в Цитадели <…>, настоящее состояние Архива Национального правительства 1863–64 гг. не соответствует тому высокому уровню, который бы отвечал всей важности своей задачи и требованиям исследователя. Причиной тому – страшный моральный упадок всего нашего поколения, над которым довлеет бремя пережитого, а все из-за того, что мы до сих пор отрицаем то, за что двадцать лет назад были готовы отдать жизнь, из-за того, что ради ошибочных взглядов отбрасываем благородные надежды, иллюзии и деяния, совершенные с самыми лучшими побуждениями, из-за того, что гробовым молчанием покрываем историю Национальной организации, которая является прекрасной

15 Ibidem. К инструкции также прилагалось печатное послание, подписанное Волыньским: «Уважаемый Господин! Уже долгое время я занимаюсь историей событий 1860–1864 гг. и комплектованием Архива Национального правительства, который я вывез с собой в июне 1864 г., чтобы, упорядочив его, передать в надежное для хранения место. В связи с этим настойчиво прошу Вас предоставить мне для дополнения и исправления моего труда следующую информацию: 1) дату и место рождения; 2) имя отца и девичью фамилию матери; 3) место и время получения образования; 4) время и место исправления различных должностей; 5) сведения о работе в подполье; 6) положение в национальных органах власти в период 1863–64 гг. <…>; 7) копии документов для Архива Национального правительства; 8) точный адрес. Ожидаю любезного ответа по адресу: Italia, Firenze, Via Palazzuolo 107, Signor Dott. Arturo Wołyński, остаюсь Вашим с братским поклоном и уважением». – Ibid. K. 10.

16 Письмо (с надпечаткой «Архив Национального правительства») от 6.08 1884 г. – BN. Rps 2883. K. 11.

страницей нашей истории, сумев в течение 18 месяцев вести яростную борьбу с самой могущественной державой. Отсюда идет и то, что многие под предлогом сохранения семейных реликвий, намерений написать воспоминания, за которые не имели времени и желания взяться в течение 20 лет, и прочих надуманных угрызений совести не хотят расстаться с находящимися у них документами, которые являются общественной собственностью. Если поколение 1831 г. оставило после себя весьма обширные Сеймовый и Военный архивы, а также архив Верховного правительства, то наше поколение в этом смысле преуспело значительно меньше, и поэтому оно обязано также создать нечто подобное. Именно поэтому обращаюсь к уважаемым коллегам с просьбой об искренней и реальной поддержке, поскольку начинание, о котором идет речь, может быть реализовано только общими усилиями. Тем смелее обращаюсь за помощью, хорошо зная, что публикации и документы 1863–1864 гг. стали предметом прибыльной торговли в Варшаве и активных поисков, осуществляемых отечественными библиотеками, такими как Ягеллонская в Кракове и библиотека Оссолиньских во Львове. Соответственно, коллекционирование таких вещей для Архива не представляет малейшей опасности»[17].

Результаты этих воззваний и обращений, переписка со многими участниками восстания и их семьями, несмотря на значительное количество собранных материалов, по мнению Волыньского, приносили только разочарование. Он жаловался на отсутствие помощи со стороны живших во Флоренции поляков. В письме к Гуттре он писал: «Классификация и оформление [!] нескольких тысяч документов заняло у меня пять месяцев, и теперь я занимаюсь систематическим упорядочением известий, писанных на отдельных страницах, обрывках бумаги, которых у меня набралось около 10 тыс. Работа эта могла бы продвигаться быстрей, если бы соотечественники оказывали мне помощь, но, к сожалению, вокруг меня здесь одни только великие люди, а точнее неисправимые бездельники. Они готовы дни напролет проводить в болтовне и шуточках, но не способны посвятить делу и час своего времени. Чтобы избавить себя от визитов подобных деятельных лодырей, я переехал на самую окраину города, став полным господином своего времени. Если Бог подарит мне хоть какое-то здоровье, через несколько лет я завершу труд, или хотя бы оставлю все в таком состоянии, что кто-нибудь другой будет иметь возможность продолжить работу. Тогда и Польша убедится, какие трудности приходилось преодолевать мне, и насколько глубоко проникли в ее тело гниль и моральное убожество. Из нескольких сотен людей, к которым я обратился с просьбой сообщить какие-либо подробности, половина даже не посчитала нужным ответить, а те, что написали мне, прислали

17 Ibidem.

какие-то выдумки, неправдивые и нелепые свидетельства. Кроме Уважаемого Господина, только [Збигнев] Ходзыньский, [Бронислав] Дескур, Ленецкий и Годловский смогли представить отчеты о своей деятельности, объяснив все логически, без уверток, ссылок на забывчивость, слабую память и т.д. <…> Я прочитал несколько различных воспоминаний, как рукописных, так и изданных <…> – что же это за похвальба без элементарного знания прав и обязанностей, соответствовавших занимаемой должности, что за дикие представления о Национальном правительстве и Организации. Разве можно сложить в нечто целое подобные бредни? Что будут говорить в будущем о поколении 1863–1864 гг., среди которого было столько хвастунов? <…> Я испытываю отвращение к пасквилям и не собираюсь скрывать правду, а напишу обо всем с предельной честностью, по принципу "Платон мне друг, но истина дороже" ("*Amicus Plato amicus Aristoteles sed magis amica veritas*")»[18].

Волыньский действительно уже был тогда не в состоянии соответствующим образом обработать и использовать собранный материал. К тому же он был человеком болезненным, обремененным семьей, которой старался обеспечить хотя бы минимум необходимых средств к существованию, что в Италии того времени нелегко было сделать. Именно в 1885 г. в течение полугода он занимался упорядочением архива герцогов Бонелли в Сальчи и Умбрии, что на некоторое время могло обеспечить его средствами к существованию. В 1886 г. он, наконец, получил пост директора Музея Николая Коперника в Риме и полностью посвятил себя его организации, положив начало созданию при музее польской библиотеки. В связи с этим Волыньский, как и обещал ранее, решился передать все свои собрания в музей Рапперсвиля, с которым был достаточно близко связан[19].

Собрание это было огромное, и, несмотря на продиктованные щепетильностью излишне самокритичные оценки самого Волыньского, – весьма ценное. Согласно каталогу «Собрание Рапперсвильской библиотеки» (Т. 1 / Под ред. А. Левака. Варшава, 1929; Т. 2 / Под ред. А. Левака, Х. Венцковской. Варшава, 1938), материалы эти сгруппированы в сто единиц хранения, многие из которых насчитывают несколько сот листов.

Архив Волыньского включает в себя следующие материалы и записи по истории восстания 1863–1864 гг.: заметки, касающиеся биографий, записи, дополняющие документы Архива Национального правительства, записки о передвижении военных отрядов, о составе национальных ор-

18 Письмо от 28.02.1885 г. – BN. Rps 2883. K. 15.

19 Волынский был одним из немногочисленных членов-корреспондентов музея в Рапперсвиле, автором проекта создания его библиотеки и каталога, состоял в тесных отношениях с основателем музея – Владиславом Платером.

ганов власти, выдержки из писем, различные материалы по истории восстания в Августовском, Сандомирском, Любельском, Подляшском, Калишском, Мазовецком, Плоцком, Краковском, Гродненском воеводствах, в т. ч. касающиеся военных и гражданских властей, развития событий, такие как рапорты, письма из Литвы, Руси и Галиции, описания битв и национальной повстанческой организации, воспоминания и записки, биографические заметки и письма, различные известия о Национальном правительстве за 1863–1864 гг. и его членах, заполненные анкеты (в т. ч. Агатона Гиллера); материалы по истории Архива Национального правительства, в т. ч. перечень изданных властями документов, а также письма, адресованные Волыньскому касательно Архива от Ярослава Домбровского, Юзефа Галензовского, Александра Гуттры, Юзефа Каэтана Яновского, Тадеуша Корзона, Станислава Кшеминьского, Владислава Кульчицкого, Владислава Мицкевича и Юзефа Рустейко; списки офицеров, членов гражданской организации, перечень потерь (раненых, убитых), а также битв и стычек за 1863–1864 гг.; письма Национального правительства, декреты, касающиеся Революционного трибунала, Службы безопасности, бумаги о назначении на должности, в т. ч. кн. Владислава Чарторыского – главного представителя Национального правительства во Франции, Англии, Италии, Швеции и Турции, обращения к народу; письма и другая корреспонденция, относящиеся к периоду диктатуры Мариана Лангевича; воспоминания, в т. ч. графа Александра Круковецкого, Томаша Васютинского, члена Центрального комитета Яна Майковского, объяснения Александра Гуттре в форме ответов на вопросы самого Волыньского, черновики писем Ромуальда Траугутта и т. д.[20]

Кроме материалов, непосредственно касающихся Январского восстания, Волыньский передал в Рапперсвиль документы, относившиеся к повстанческой эмиграции, среди них свое исследование о Людвике Мерославском, а также записи и проекты писем, работы «Проект Польского легиона в Италии в 1866 г.» и «Поляки в Италии», собрание писем, статей и записок по истории Католической церкви в Польше и «Общества Воскресения», устав общества, письма ксендза Петра Семененьки, копии протестов, обращений и писем к императору Александру II, папе Пию IX и князю Владиславу Чарторыскому касательно преследования униатов в Холмщине, меморандум, поданный 9 апреля 1881 г. папе Льву XIII Агатоном Гиллером, Владиславом Ключицким и ксендзом Антонием Креховецким по поводу отношений Ватикана с петербургским двором, акты Товарищества польских священников в эмиграции 1840–1870 гг., законы,

20 См.: Zbiory Biblioteki Rapperswilskiej. T. 1 / Oprac. A. Lewak. Warszawa, 1929; Zbiory Biblioteki Rapperswilskiej. T. 2 / Oprac. A. Lewak, H. Więckowska. Warszawa, 1938.

отчеты, счета, обращения, открытые письма, корреспонденция, в т. ч. с князем Адамом Сапегой, комиссаром Национального правительства, а также с самим Волыньским, который, по всей видимости, принадлежал к упомянутому товариществу еще в 1870 г. Кроме того, Волыньский передал в Рапперсвиль бумаги Сообщества прессы (за 1876–1879 гг.) – протоколы заседаний, кассовую книгу, акты и корреспонденцию сообщества в Париже за 1876–1877 гг., в т. ч. письма Л. Дыгата, Ю.И. Крашевского, Владислава Ключицкого, Станислава Лещинского, Владислава Платера, Людвига Вольского, Юзефа Богдана Вагнера и самого Волыньского, а также обращения, проспекты и другие бумаги, касающиеся намерений учредить журнал «Польское обозрение» («La Revue Polonaise») в 1877 г.

Волыньский передал в Рапперсвиль также корреспонденцию президента-секретаря Надзорной комиссии Национального казначейства Сигизмунда Милковского, графа Владислава Платера (письма о польской политике того времени, а также домкументы, касающиеся Конфедерации польского народа и Музея в Рапперсвиле), Юзефа Галензовского, директора Национального польского музея в Рапперсвиле в 1889–1893 гг. Отдельную коллекцию составляли собрания листовок и литографий 1861–1885 гг., касавшиеся таких эмигрантских учреждений, как Комитет объединенной эмиграции, Товарищество взаимопомощи, Демократическое польское объединение[21].

Несомненно, богатые собрания, переданные Артуром Волыньским в Музей Рапперсвиля и насчитывавшие около полутора десятков тысяч листов, представляли собой весьма ценный материал для будущих историков. Последние использовали его, но относительно недолго. Незадолго до Второй мировой войны они были перевезены в Польшу, составив основу рукописных собраний созданной в Варшаве Национальной библиотеки. К несчастью, архив был практически полностью уничтожен в 1939 г. и 1944 г. Плоды упорных трудов Волыньского, вопреки его надеждам, так и не были широко вовлечены в научный оборот.

Перевод К.А. Кочегарова

21 Ibidem.

О.С. Каштанова
(Москва)

Восстание 1863 г. в российской историографии и публицистике

Польский вопрос в российской печати и исторической литературе начал активно обсуждаться во второй половине 1850-х – начале 1860-х гг., еще до момента восстания. Восшествие на престол императора Александра II способствовало относительной либерализации политической и общественной жизни. Российские либеральные круги с сочувствием относились к полякам, но в обществе оставались сильны и прежние антипольские настроения. После начала восстания 1863 г., ставившего своей целью восстановление Польши в границах 1772 г., и дипломатического вмешательства иностранных держав патриотический подъем вызвал резко отрицательные оценки и суждения по польскому вопросу. Немногие пытались осветить события объективно. Среди них можно назвать придерживавшегося либеральных воззрений Н.В. Берга, корреспондента журнала «Библиотека для чтения», который считал, что восстание было спровоцировано самой политикой правительства в Царстве Польском[1]. Представители революционно-демократического направления – А.И. Герцен, Н.П. Огарев и др. – осуждали разделы Речи Посполитой и приветствовали восстание. «Соединитесь с поляками в общую борьбу “за нашу и их вольность”, и грех России искупится…», – писал Герцен[2]. Однако революционеры-демократы стремились прежде всего использовать польское национально-освободительное движение для разжигания социальной революции в России. Они были недовольны отсутствием широкой социальной программы у восставших, а также весьма сдержанно высказывались по вопросу о будущих границах польского государства. Сочувственно относился к полякам и издаваемый Н.А. Не-

---

1 *Нилова В.А., Штакельберг Ю.И.* «Записки о польских заговорах и восстаниях» Н.В. Берга (Судьба одного труда) // Славянский альманах 2007. М., 2008. С. 44–46.

2 *Герцен А.И.* Былое и думы. 1852–1869 // *Герцен А.И.* Собр. соч.: в 30 т. Т. 11. М., 1957. С. 127, 135–136; *Он же.* Поляки прощают нас // Там же. Т. 12. М., 1957. С. 87, 93; *Он же.* Россия и Польша // Там же. Т. 14. М., 1958. С. 18, 21.

красовым и И.И. Панаевым революционно-демократический журнал «Современник», но его редакция не могла открыто выражать свои взгляды по цензурным соображениям[3].

После начала восстания популярность герценовского «Колокола» в России стала стремительно падать, а Герцен и его последователи были скомпрометированы связью с польским освободительным движением даже в глазах большинства передовых общественных деятелей. Популярность набирала официальная теория «государственной национальности», представленная изданиями М.Н. Каткова «Московские ведомости» и «Русский вестник». Согласно этой теории, польского народа в государственном понимании просто не существовало. Речь Посполитая пала, поскольку была шляхетским государством, государством без народа. Восстание 1863 г., которым руководили шляхта и духовенство, по мнению Каткова, не носило народный характер. Публицист подчеркивал, что, выдвигая претензии на западные губернии, поляки хотели одновременно лишить Россию статуса великой державы и подчинить «русскую национальность» польскому государству[4].

Либералы, группировавшиеся вокруг журнала «Вестник Европы», также отмечали, что восстание 1863 г. не было народным, а носило чисто шляхетский характер и посягало на целостность Российской империи. Для налаживания отношений с поляками, по мысли либералов, было необходимо распространить действие либеральных реформ, проводимых в России, на Царство Польское и одновременно унифицировать управление. Однако они выступали против русификации и за сохранение в Царстве Польском польского языка в качестве государственного[5].

Славянофилы в лице И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина, противопоставляя славянский мир германо-романскому, относили к последнему и католическую Польшу и считали, что она пала из-за измены славянству. По мнению Аксакова, Польша имела право на независимость, но не в границах 1772 г., а в пределах этнического проживания поляков. Аксаков выступал против планов полной интеграции Царства Польского с империей, полагая, что лучше тогда совсем отказаться от Польши. Позднее он изменил свои взгляды и, как многие славянофилы, стал поддерживать

3 Об отношении к польскому восстанию в периодической печати см.: *Иванова С.* Обсуждение «польского вопроса» на страницах периодических изданий 60-х годов XIX века // Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego. Ежегодник Русско-польского института. 2012. № 1 (2). S. 9–32.

4 *Катков М.Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1863 год. М., 1897. С. 136, 153, 241, 256, 326, 327, 571; *Он же.* Идеология охранительства. М., 2009. С. 182, 187, 191, 193.

5 Вестник Европы. Журнал истории, политики, литературы. 1868. Кн. 1. С. 382, 393, 394, 396; Кн. 3. С. 121; Кн. 4. С. 843, 844.

политику интеграции и русификации в Царстве Польском. Славянофилы заявляли, что для разрешения польского вопроса Польша должна полностью отречься от «латинства», и возлагали в этом большие надежды на сильное и независимое крестьянство[6].

В 60–70-е гг. XIX в. происходило разложение славянофильского течения. Это сопровождалось появлением различных теорий, которые использовали основные идеи славянофилов о противопоставлении славянского и западного мира, выдвигая при этом отличные от них идеи о процессе развития мировых цивилизаций. В 1869 г. с концепцией «культурно-исторических типов» выступил Н.Я. Данилевский. Как и славянофилы, он разделял Европу на два мира – славянский и романо-германский, к которому причислял и поляков. Путь к решению польского вопроса он видел в продолжительном русском влиянии на поляков и избавлении их от черт, враждебных славянству. По мысли философа, предоставление Царству Польскому автономии (или даже независимости) было возможно лишь в рамках будущей всеславянской федерации во главе с Россией. В противном случае «независимость польского государства была бы гибелью польского народа, поглощением его немецкой народностью»[7].

В тесной взаимосвязи с публицистикой развивалась историография. В это время было издано немало источников по истории восстания 1863 г. Прежде всего официальные материалы, некоторые из которых увидели свет еще во время восстания, например, «журналы военных действий в Царстве Польском». В 80–90-е гг. XIX в. была опубликована переписка императора Александра II с наместниками князем М.Н. Горчаковым и генералом Н.О. Сухозанетом, а также корреспонденция российских

---

6 *Аксаков И.С.* Наши нравственные отношения к Польше. Москва, 18 ноября 1861 г. // *Аксаков И.С.* Полное собр. соч. Т. 3. Польский вопрос и Западно-Русское дело. Еврейский вопрос. 1860–1886. М., 1886. С. 9; *Он же.* О «всенародном» польском сейме для решения польского вопроса. Москва, 2 февраля 1863 г. // Там же. С. 28; *Он же.* Еще о польских притязаниях на Западно-Русский край. Москва, 8 февраля 1863 г. // Там же. С. 35; *Он же.* Как узнать, где именно Польша и чего она желает? Москва, 15 апреля 1863 г. // Там же. С. 63, 66; *Он же.* В предположении войны. Москва, 6 июля 1863 г. // Там же. С. 118, 125; *Он же.* По поводу письма Ригера о польском вопросе. Москва, 13 июля 1863 г. // Там же. С. 130–131; *Он же.* По поводу ноты Горчакова. Москва, 20 июля 1863 г. // Там же. С. 137, 142; *Он же.* Застой русского дела в западном крае по усмирению мятежа в 1863–64 годах // Там же. С. 652; *Самарин Ю.Ф.* Современный объем польского вопроса // День. № 38. 21.09.1863 // *Самарин Ю.Ф.* Православие и народность. М., 2008. С. 343, 345, 354, 356, 357.

7 *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Сост., вступ. ст., коммент. А.В. Репников и М.А. Лукьянчиков. М., 2010. С. 431–437.

государственных и общественных деятелей – Н.А. Милютина, князя В.А. Черкасского, дипломатические донесения некоторых иностранных послов своим правительствам во время польского восстания. Увидели свет многочисленные мемуары русских офицеров – участников подавления восстания и других его очевидцев, в частности, бывшего виленского, гродненского и минского губернатора М.Н. Муравьева и др.[8]

Официально-охранительная концепция отличала труды, написанные по заказу М.Н. Муравьева Н.В. Гогелем, Н.И. Циловым и В.Ф. Ратчем о восстании 1863 г. в западных губерниях России. Она характерна и для некоторых других сочинений. М.П. Устимович посвятил свой очерк описанию заговоров и покушений на жизнь польского наместника графа Ф.Ф. Берга. Бывший чиновник в Царстве Польском, историк-любитель Н.И. Павлищев подготовил монографию о польских событиях в 1861–1864 гг., основанную на официальных актах, личных впечатлениях, оценках восстания русскими и польскими кругами, которая была издана уже после его смерти[9].

---

8 Краткие известия о военных действиях в Царстве Польском и Виленском Военном округе // Военный сборник. 1863. № 7; Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева по усмирению польского мятежа в северо-западных губерниях. 1863–1864 / Сост. Н. Цылов. Вильна, 1866; Отчет графа М.Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем с 1 мая 1863 по 17 апреля 1865 г. Б. м., Б. г.; Последняя польская смута по переписке между Варшавой и Петербургом в 1861 г. // Русская старина (далее – РС). 1882. № 12; *Карнович Е.П.* К истории польского восстания 1863 г.: Депеши итальянского посла при русском дворе маркиза Пеполи // Исторический вестник. 1884. № 9; *А. Б.* Из переписки кн. В.А. Черкасского с Н.А. Милютиным по польским делам // Славянское обозрение. 1892. № 1, 3, 7–8, 11; *Подвысоцкий А.* Записки очевидца о событиях в Варшаве в 1861–62 годах. СПб., 1869; Последняя польская смута. Рассказы очевидца. 1861–1864 // РС. 1874. № 9–12, 1875. № 1, 3; Граф М. Н. Муравьев. Записки его о мятеже в Северо-Западной России в 1863–1864 гг. // РС. 1882. № 11–12, 1883. № 1–4; *Мосолов А.Н.* Виленские очерки 1863–1864 гг. (Муравьевское время). СПб., 1898; *Корнилов И.П.* Воспоминания о польском мятеже 1863 года в Северо-Западном крае. (По рассказам генерал-адъютанта Гонецкого.) СПб., 1900; Состояние Царства Польского 1861 и 1862 гг. // РС. 1900. № 3, 6; *Крыжановский А.Н.* Варшава в ночь с 3-го на 4-е окт. 1861 г. (Донесение генерального штаба капитана, ныне генерал-лейтенанта) // Там же. 1902. № 10.

9 *Гогель Н.В.* Иосафат Огрызко и Петербургский революционный ржонд в деле последнего мятежа. Вильна, 1866; *Цылов Н.И.* Сигизмунд Сераковский и его казнь. Из дел Виленской следственной комиссии. Вильна, 1867; *Ратч В.Ф.* Сведения о польском мятеже в 1863 году в Северо-Западной России. Вильна, 1867–1868. Т. 1–2; *Устимович М.П.* Заговоры и покушение на жизнь наместника Его императорского величества в Царстве Польском и главнокомандующего

С позиций славянофилов выступал А.Ф. Гильфердинг. Для русско-польского примирения необходимо, по мнению историка, чтобы Польша стала «славянской по духу», отказавшись от стремления «властвовать во имя западных начал в славянском мире». Этому немало способствовало увлечение в России западными идеями, которое «давало и дает пищу старому польскому духу». Ученый отмечал «внутреннее противоречие, которое преследует славянскую Польшу в ее подчинении историческим началам чуждого, неславянского мира», оно «характеризует и нынешнюю борьбу поляков <…> и составляет бессилие польского дела». С другой стороны, из-за своей измены славянству «Польша заставляет Россию противоречить самой себе, своему призванию, своим политическим стремлениям и надеждам». Гильфердинг считал, что нельзя ничего изменить в политическом положении Польши. Россия не может ни предоставить ей независимость, поскольку поляки претендуют на западные губернии, ни отдать ее Пруссии или Австрии из-за угрозы германизации Польши и влияния этих держав на развитие западного края[10].

Близки к славянофилам в оценке восстания были О.М. Бодянский и М.П. Погодин. Первый обращал внимание на сочувствие Запада польским сепаратистским стремлениям, клонящимся к разделению России. Вопрос об отделении западных губерний Бодянский считал вопросом жизни и смерти для России. По мнению ученого, в случае их отделения она превратится во второстепенное государство, каким до приобретения данных областей была и Польша[11]. М.П. Погодин доказывал в своих статьях, что восстановление Речи Посполитой невозможно, и даже в случае предоставления Царству независимости его ожидал бы новый раздел и онемечивание. Осуждая восстание, он призывал поляков к «братскому союзу» на почве активного участия в государственной и культурной жизни России и возлагал в этом отношении большие надежды на польские крестьянское и городское сословия[12].

Сходные взгляды выражал и славянофил В.И. Ламанский, который полагал, что для сближения России с Польшей нужно бороться с веду-

---

войсками Варшавского военного округа генерал-фельдмаршала графа Берга. 7 (19) сентября 1863 г. Варшава, 1870; *Павлищев Н.И.* Седмицы польского мятежа. 1861–1864. Ч. 1–2 // *Павлищев Н. И.* Сочинения. Т. 4–5. СПб., 1887. (О Павлищеве см. также: *Аржакова Л.М.* Н.И. Павлищев – полонист, о котором забыли // Prospice sed respice: Проблемы славяноведения и медиевистики: сборник научных статей в честь 85-летия проф. В.А. Якубского. СПб., 2009. С. 220–235.)

10 *Гильфердинг А.Ф.* Польский вопрос // *Гильфердинг А.Ф.* Россия и славянство / Отв. ред. О.А. Платонов. М., 2009. С. 181, 191, 192, 195–197.

11 [*Бодянский О.М.*] Польское дело // Чтения общества истории и древностей российских. 1863. Кн. 1.

12 *Погодин М.П.* Польский вопрос. Собрание рассуждений, заметок и примечаний. 1831–1867. СПб., 1867. С. III–VII, 193–240.

щей ролью католицизма на польских землях, опираясь на польское крестьянство. С другой стороны, помочь сближению должно было влияние русской литературы и интеллигенции[13].

Либералы в 60–70-е гг. XIX в. также отрицательно относились к восстанию, видя в нем помеху к осуществлению «Великих реформ», и упрекали повстанцев за связь с русским революционным движением. Особняком стояла работа Н.В. Берга[14]. Несмотря на официальный заказ, исследователь объективно осветил предысторию и ход восстания. Как уже говорилось выше, Берг считал причиной восстания 1863 г. непоследовательную политику российского правительства. Ценность его книги состоит также в том, что Берг ввел в научный оборот многие архивные материалы (например, материалы следственных дел), которые в свое время были недоступны исследователям либо не сохранились, и потому его работа сама стала источником для последующих историков[15].

Перелом в отношении либералов к польскому вопросу наступил в 1880-е гг. и связан с началом утверждения позитивизма в российской историографии. Одним из представителей нового направления был Н.И. Кареев. Рассматривая в 1881 г. польский вопрос, автор признавал «право народов на индивидуальное, свободное, самобытное самоопределение» и считал, что России необходимо «поднять знамя народности в международной политике» и стать освободительницей всех славян. Наряду с другими народами независимость в своих этнографических границах обретала и Польша. Пока же, по мнению Кареева, Царство Польское должно было оставаться в границах Российской империи (чтобы не сделаться игрушкой в руках Австрии и Германии) и получить широкую автономию[16]. В 1887 г. историк опубликовал работу, посвященную анализу исторической литературы о причинах падения Речи Посполитой[17].

Близкий к позитивистам А.Н. Пыпин также занимался изучением польского вопроса в русской литературе. Он считал, что восстание 1863 г. было не случайным бунтом, а проявлением векового исторического противоречия. Положительно оценив аграрную реформу, проведенную

13 *Ламанский В.И.* Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб., 1871.

14 *Берг Н.В.* Записки о польских заговорах и восстаниях. 1831–1862. М., 1873; [*Он же.*] Польское восстание в 1863–1864 гг. Записки Н.В. Берга // РС. 1879. Т. 24–26. В полном варианте и без купюр «Записки» Берга вышли в Познани и были запрещены в России. См.: *Он же.* Записки о польских заговорах и восстаниях 1831–1864. Познань, 1884–1885. Т. 1–4. Подробно об этом см.: *Нилова В.А., Штакельберг Ю.И.* Указ. соч. С. 44–65.

15 *Нилова В.А., Штакельберг Ю.И.* Указ. соч. С. 46–48, 52, 61–63.

16 *Кареев Н.И.* Польский вопрос. М., 1881. С. 11–21.

17 *Он же.* «Падение Польши» в исторической литературе. СПб., 1888.

в Царстве Польском, ученый отмечал, что в общем положение польского народа не изменилось в лучшую сторону, и полагал, что «стеснение национальной жизни загонит и это сословие (крестьян. – *О. К.*) на путь вражды и исключительности». Путь к решению польского вопроса историк видел, с одной стороны, в отказе от русификаторской политики, создании в Польше условий для общественного и национального развития, расширении в самой России либеральных свобод, с другой – в необходимости критического пересмотра своей истории самими поляками[18].

Либеральных воззрений придерживался и В.Д. Спасович, юрист, критик, историк польской литературы, наполовину поляк, который в 1882 г. издал книгу о жизни и деятельности маркиза А. Велёпольского, руководившего реформами в Царстве Польском при наместнике в. кн. Константине Николаевиче. По мнению Спасовича, восстание 1863 г. было следствием бескомпромиссной политики Николая I, сопровождавшейся принижением польской культуры и нежеланием предоставить Царству Польскому органы самоуправления, хотя, как признавал сам исследователь, осуществить это в тогдашних условиях было практически нереально. Поэтому начало царствования Александра II поляки восприняли не как предвестие «нового порядка вещей», а как ослабление старого режима. Высоко оценивая деятельность Велёпольского, Спасович считал, что он слишком поздно получил власть, когда предотвратить назревающее восстание было уже невозможно. «Взрыв произошел, пламя вспыхнуло, тушить его вызвался Велёпольский, но задача оказалась свыше сил его <…>, в 1861 году она была уже свыше сил человеческих. Заслуга Велёпольского заключалась именно в том, что он пошел отважно, с убеждением, расходившимся с убеждением его современников, на неминуемую почти неудачу», – писал автор[19].

Историк-позитивист, позднее член партии кадетов, А.А. Корнилов в 1894 г. опубликовал серию статей об итогах крестьянской реформы 1864 г. в Царстве Польском. По мнению Корнилова, реформа была обусловлена тем, что образованные слои польского общества скомпрометировали себя участием в восстании. Крестьянство же пока не проявляло никаких патриотических чувств и национальных стремлений и в силу социально-экономических условий было настроено враждебно по отношению к высшим классам[20].

---

18 *Пыпин А.Н.* Польский вопрос в русской литературе // Вестник Европы. 1880. № 1. С. 711–714; № 4. С. 705; № 11. С. 303–306; *Аксенова Е.П.* А.Н. Пыпин о славянстве. М., 2006. С. 178–190.

19 *Спасович В.Д.* Жизнь и политика маркиза Велёпольского: Эпизод из истории русско-польского конфликта и вопроса. СПб., 1882. С. 1–2, 4, 8, 56–57, 62.

20 *Корнилов А.А.* Судьба крестьянской реформы в Царстве Польском // Русская мысль. 1894. № 2–3.

Еще ранее к изучению польской тематики обратился историк консервативного направления, специалист в области российской дипломатии XIX в. С.С. Татищев. В 1888 г. вышла его работа, посвященная рассмотрению польского вопроса на международной арене накануне и во время восстания. Исследователь также коснулся польских сюжетов позднее, в двухтомной монографии о жизни и деятельности императора Александра II[21].

Начало 1890-х гг. совпало со столетней годовщиной окончательных разделов Речи Посполитой и тридцатилетием последнего польского восстания. Это стимулировало появление работ, посвященных восстанию 1863 г., написанных в русле консервативно-охранительной концепции. В 1892 г. был издан компилятивный труд о восстании П.Д. Брянцева. Через 2 года увидел свет очерк военных действий в Польше в 1863 г., подготовленный С.Д. Гескетом[22].

В 1903 г. вышла работа о восстании 1863 г. чиновника и публициста А.А. Сидорова, позднейшего деятеля «Русского собрания». Автор заявлял, что одной из целей его исследования является определить, какую роль играли немцы и евреи в подготовке и осуществлении восстания. Историк-славист П.А. Кулаковский, также входивший в данную организацию, в своих публицистических работах доказывал, что нельзя допустить автономию Польши, поскольку это послужило бы началом распада Российской империи[23].

Однако в оценке перспектив решения польского вопроса в начале XX в. все же преобладали либеральные суждения. Осуждая политику русификации польских земель, исследователи обращали внимание на изменение настроений в польском обществе после поражения восстания, одобряли деятельность сторонников идеи «органического труда», которые стремились к мирному сосуществованию в границах Российской империи. Либеральная позиция в польском вопросе усилилась после революции 1905–1907 гг. В это время на русском языке вышла работа польского ученого В. Студницкого, а также были переведены общие труды по истории Польши других польских авторов – Б. Лимановского, Л. Кульчицкого[24]. После начала Первой мировой войны данная позиция подкрепля-

21 *Татищев С.С.* Русская дипломатия в польском вопросе (1853–1863). М., 1888; *Он же.* Император Александр II, его жизнь и царствование: в 2 т. Т. 1. СПб., 1903. С. 422–498.

22 *Брянцев П.Д.* Польский мятеж 1863 г. Вильна, 1892; *Гескет С.Д.* Военные действия в Царстве Польском в 1863 г. Варшава, 1894.

23 *Сидоров А.А.* Польское восстание 1863 года. Исторический очерк. СПб., 1903; *Кулаковский П.А.* Поляки и вопрос об автономии Польши. СПб., 1906; *Он же.* Польский вопрос в прошлом и настоящем. СПб., 1907.

24 *Студницкий В.* Польша в политическом отношении от разделов до наших дней. СПб., 1907; 100 лет борьбы польского народа за свободу (по Б. Лима-

лась высказываниями представителей высшей власти, поскольку польские земли имели важное стратегическое значение. Либеральная точка зрения нашла отражение в трудах историков-позитивистов Н.И. Кареева, А.А. Корнилова, А.Л. Погодина.

В 1905 г. Кареев издал сборник «Polonica», в котором были собраны его работы по польскому вопросу. В вышедшей в 1915 г. статье, посвященной Польше, Кареев, соглашаясь с мнением польских историков, признавал, что создание конституционного Царства было по существу новым разделом польских земель. Осуждая политику русификации, он, тем не менее, находил ее лучше «политики репрессий и денационализации», осуществляемой по отношению к полякам в Германии. Положительный момент историк усматривал в превращении Польши в край с высоким уровнем развития промышленности и видел в этом залог добрососедских отношений между Россией и Польшей в будущем[25].

А.А. Корнилов в своих статьях и изданной на их основе брошюре (1915 г.) также призывал к отказу от политики русификации и налаживанию отношений с общественными кругами «современной демократической Польши», созданной в результате осуществления программы преобразований Н.А. Милютина[26]. Анализу течений польской общественно-политической мысли в 1863–1907 гг. было посвящено исследование А.Л. Погодина (1907 г.). В изданной в 1915 г. книге ученого об истории польского народа в XIX в. проводилась мысль о необходимости предоставления Польше политической автономии[27]. С либеральных позиций история восстания 1863 г. рассматривалась в работах М.К. Любавского и И.С. Рябинина[28].

Марксистское направление в историографии этого периода было представлено работами З.С. Стенцеля (писавшего под псевдонимом «Ленский»). Историк не смог четко определить характер восстания 1863 г., от-

---

новскому, Л. Кульчицкому и др.) / Сост. под ред. Ю. Подвинского. М., 1907; *Limanowski B.* Stuletnia walka narodu polskiego o niepodległość. Lwów, 1894; *Kulczycki L.* Historia ruchu socjalistycznego w zaborze rosyjskim. Kraków, 1903.

25 *Кареев Н.И.* Польский вопрос в историческом освещении // Вопросы мировой войны. Сб. статей / Под ред. М.И. Туган-Барановского. М., 1915. С. 61–85.

26 *Корнилов А.А.* Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Пг., 1915. С. 53–93.

27 *Погодин А.Л.* Главные течения польской политической мысли (1863–1907). СПб., 1907; *Он же.* История польского народа в XIX в. М., 1915. С. 228, 294–297.

28 *Любавский М.К.* Январское восстание 1863 года и конец государственной обособленности Царства Польского // История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков). М., 1917. Глава XXXIII. С. 407–424; *Рябинин И.* Польское восстание 1863 г. // Книга для чтения по истории Нового времени. Т. 5. М., 1917. С. 673–710.

мечая участие в нем различных слоев населения: ведущую роль мещанских элементов в самом Царстве Польском, шляхетский характер восстания на Волыни, участие в нем ковенских крестьян[29].

В 1920–1930-е гг. наблюдался упадок отечественной славистики. Многие известные слависты либо эмигрировали, либо оставили научную деятельность. Тем не менее исследования в области славистики продолжались, хотя и в более скромном масштабе по сравнению с предшествующим периодом.

Первые годы Советской власти были отмечены существенным изменением исследовательской проблематики. Этому способствовали утверждение исторического материализма в качестве методологической основы исследований и широко развернувшаяся публикация документальных материалов по истории русско-польских революционных связей. В 20-е гг. большое влияние на историческую науку приобрели работы М.Н. Покровского. Кратко останавливаясь на истории восстания 1863 г., ученый считал его началом нового этапа в революционном движении и приписывал ему буржуазный характер[30]. В 1928 г. были изданы очерки развития русско-польских отношений В.П. Друнина. Автор весьма сочувственно относился к польскому восстанию, отмечая, что оно проходило под знаменем национально-освободительной борьбы[31].

В 20–30-е гг. вышло несколько документальных публикаций, посвященных революционным связям русского и польского народов. В 1927 г. в журнале «Летописи марксизма» была опубликована «польская» переписка М.А. Бакунина. Многие интересные материалы появились и в «Красном архиве». Они освещали деятельность Бакунина согласно отчетам III Отделения; его участие в организации знаменитой экспедиции на пароходе «Ward Jackson». Среди других материалов можно упомянуть неизвестное письмо о польском восстании А.И. Герцена, документы о побеге из-под надзора одного из руководителей Комитета русских офицеров в Польше, члена Центрального национального комитета Я. Домбровского и его жены П.М. Домбровской. В связи с семидесятой годовщиной восстания журнал издал в 1933 г. первую часть записок одного из лидеров партии «красных» О. Авейде. В 1940 г. В.И. Пичета опубликовал материалы о положении крестьян в Западной Белоруссии в 20–70-е гг. XIX в.[32] Также

29 *Ленский З.* Польское восстание 1863 года // История России в XIX веке. Эпоха реформ. М., 2001. Гл. V. С. 271–324. (Впервые опубликовано в 1907 г.); *Он же.* Польский вопрос (1863–1892) // История России в XIX веке. Т. 6. СПб.,1909. С. 244–285.

30 *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке. М., 1921. С. 189–190.

31 *Друнин В.П.* Польша, Россия и СССР. Исторические очерки. М.; Л., 1928. С. 108–113.

32 Письма М.А. Бакунина к польским корреспондентам / С предисл. и примечаниями Ю. Стеклова // Летописи марксизма. 1927. № 4. С. 74–86; М.А. Бакунин по

в научный оборот вводились документы тайной политической истории – источники личного происхождения, вышедшие из-под пера российских императоров и членов их семейств, дипломатическая корреспонденция. В 1920–1922 гг. увидела свет переписка императора Александра II с вел. кн. Константином Николаевичем в бытность его наместником в Царстве Польском в 1862–1863 гг. В 1925 г. в «Красном архиве» были опубликованы записи из дневника вел. кн. Константина с апреля по декабрь 1862 г. В 1933 г. в том же журнале была напечатана дипломатическая корреспонденция канцлера А.М. Горчакова с О. фон Бисмарком 1860–1875 гг.[33]

Немаловажное значение для утверждения марксистской методологии в исторической полонистике имели произведения польских историков-коммунистов. В 1931 г. в СССР вышли исторические сочинения Ю. Мархлевского. В них впервые в отечественной историографии история Польши с древнейших времен до 1918 г. освещалась с марксистских позиций[34]. В это время увидели свет монографии польских исследователей-коммунистов, находившихся в СССР, и советских ученых – Я. Витковского и Б.П. Козьмина о русско-польских революционных связях 60-х гг. XIX в., статьи Э. Пшибышевского (псевдоним – Ч. Ясинский) о Я. Домбровском и роли промышленного пролетариата в польском революционном движении 1860-х гг.[35]

отчетам III Отделения / Сообщ. Б. Пушкин // Красный архив (далее – КА). 1923. № 3. С. 199–206; Отзвуки польского восстания 1863 г. в центральной России / Предисл. Б. Козьмина // Там же. 1923. № 4. С. 273–307; Михаил Бакунин и экспедиция на пароходе «Ward Jackson» / Предисл. В. Полонского // Там же. 1924. № 7. С. 108–145; Неопубликованное письмо А.И. Герцена / Сообщ. Б. Козьмин // Там же. 1928. № 6 (31). С. 224–226; Побег Ярослава Домбровского / Сообщ. М. Клевейский // Там же. 1927. № 3 (22). С. 236–241; К истории побега Ярослава Домбровского / Сообщ. А. Чернов // Там же. 1930. № 3 (40). С. 189–191; К истории польского восстания 1863 г. (Неизвестная рукопись Оскара Авейде «Краткий очерк последних событий в Польше. 1861–1864 гг.») / Предисл. Ч. Ясинского // Там же. 1933. № 2 (57). С. 100–139; Положение крестьян в Западной Белоруссии в XIX в. / Ввод. статья В. Пичеты // Там же. 1940. № 1 (98). С. 177–218.

33 Переписка Александра II с великим князем Константином Николаевичем за время пребывания его в должности наместника Царства Польского в 1862–1863 гг. / С предварительной заметкой А.И. Лебедева, под ред. и с примечаниями А.А. Сиверса // Дела и дни. Кн. 1. 1920. С. 122–162; Кн. 2. 1921. С. 134–151; Кн. 3. 1922. С. 64–98; Из дневника великого князя Константина Николаевича // КА. 1925. № 3 (10). С. 217–260; Письма О. Бисмарка А.М. Горчакову / Предисл. А. Ерусалимского // Там же. 1933. № 6 (61). С. 3–25.

34 *Мархлевский Ю.Ю.* Очерки истории Польши. Т. 6. Л., 1931.

35 *Witkowski J.* Powstanie 1863 roku i rosyjski ruch rewolucyjny początku 1860-ch lat. Mińsk, 1931; *Козьмин Б.П.* Казанский заговор 1863 года. М., 1929; *Пшибышевский Е.* Ярослав Домбровский // Записки Коммунистической академии. Секция по изучению проблем войны. 1930. № 1. С. 123–160; *Он же.* Промышлен-

Особенно следует отметить монографию С.Н. Драницына о польском восстании 1863 г. (1937 г.), в которой были использованы новые архивные материалы. Историк, опираясь на труды К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, дал следующую оценку событиям 1863–1864 гг.: «Это восстание имело характер национально-освободительного движения, острие которого было направлено против военно-феодальной политики царизма в стране, где, наряду с развивающимся капитализмом, существовали феодальные, крепостнические отношения. <…> Руководство восстанием не принадлежало дворянству как в лице его высшего слоя – аристократии, так и в лице фольварочного, поместного дворянства. <…> Диалектический анализ движущих сил восстания 1863 года обнаруживает, что оно было по своему социальному содержанию буржуазным. <…> По средствам же борьбы, по социальному составу участников восстания оно приобретает черты мелкобуржуазного движения»[36]. С.Н. Драницын несколько скорректировал свою концепцию под влиянием критических рецензий. В вышедшем в 1940 г., накануне войны, 2-м томе «Истории СССР», одним из авторов которого он являлся, историк отметил руководящую роль шляхты в восстании 1863 г.[37]

В конце 1930-х гг. сложились более благоприятные условия для развития славистики. В 1939 г. в Институте истории Академии наук СССР был образован Сектор славяноведения, а на историческом факультете Московского государственного университета (МГУ) открылась новая кафедра – истории южных и западных славян, которые возглавил В.И. Пичета.

В послевоенный период окончательно оформилась система организации славистических исследований в сфере науки и высшей школы. В 1947 г. в Москве был создан Институт славяноведения АН СССР (с 1969 г. до начала 1990-х гг. – Институт славяноведения и балканистики). Научные кадры продолжала готовить кафедра истории южных и западных славян МГУ.

В это время в советской исторической литературе происходило дальнейшее утверждение ленинской концепции истории российского революционного движения, заметное место в которой принадлежало тезису о единстве польского и русского освободительного движения. Отношение представителей передовой российской общественности к польскому вопросу в 20–60-е гг. XIX в. было проанализировано в кандидатской диссертации Г.Г. Фруменкова (1953)[38]. В 1954 г. увидела свет монография

ный пролетариат в революционном движении Польши 60-х годов // История пролетариата в СССР. 1931. № 7. С. 3–51.

36 *Драницын С.Н.* Польское восстание 1863 г. и его классовая сущность. Л., 1937. С. 288, 293.

37 История СССР. Т. II. Россия в XIX веке / Под ред. М.В. Нечкиной. М., 1940. Гл. XXIV. Польское восстание 1863 г. С. 444–463.

38 *Фруменков Г.Г.* Русская революционная мысль 20–60-х гг. XIX в. и польский вопрос. Автореф. дис. … канд. ист. наук. Л., 1953.

И.М. Белявской о «польских связях» А.И. Герцена накануне и во время восстания 1863 г.[39] В 1957 г. вышла работа В.Г. Ревуненкова, посвященная анализу европейской дипломатии в период восстания[40].

Проблематика восстания в 50-е гг. XX в. нашла отражение в учебниках и обобщающих работах по истории Польши. В 1952 г. было издано учебное пособие А.Я. Манусевича[41], а в 1957 г. – учебник, подготовленный кафедрой истории южных и западных славян (в 1969 увидело свет второе издание, в 1979 г. вышел одноименный курс лекций)[42]. В 1954–1958 гг. была опубликована трехтомная «История Польши». Восстание 1863 г. получило подробное освещение во 2-м томе под редакцией И.С. Миллера и И.А. Хренова. Автором раздела о нем был У.А. Шустер[43].

В связи с приближавшимся 100-летним юбилеем восстания в 1957 г. в тесном сотрудничестве с польскими учеными началась подготовка к изданию 25-томной советско-польской серии «Восстание 1863 года. Материалы и документы». С польской стороны работу возглавил С. Кеневич, с советской стороны – И.С. Миллер и В.Д. Королюк, позднее к ним присоединился В.А. Дьяков.

В Институте славяноведения была создана особая группа во главе с Миллером для подготовки публикации этих материалов, позже ставшая основой сектора межславянских связей. В нее вошли Н.П. Митина, О.П. Морозова, З.Я. Тальвирская, Л.А. Обушенкова, Т.Ф. Федосова, В.М. Зайцев, Н.Н. Вавировская, Т.Г. Снытко, В.А. Дьяков, А.М. Орехов, С.М. Фалькович. В советских архивах удалось выявить немало интересных документов по истории восстания, многие из них вводились в научный оборот впервые. Это было особенно важно, поскольку во время Второй мировой войны значительная часть материалов польских архивов была утрачена. Запланированная к выпуску в СССР часть серии «Восстание 1863 года» увидела свет в 1961–1965 гг. Всего вышло 7 томов[44].

---

39 *Белявская И.М.* А.И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х гг. XIX в. М., 1954 (монография написана на основе защищенной в 1950 г. кандидатской диссертации).

40 *Ревуненков В.Г.* Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957.

41 *Манусевич А.Я.* Очерки по истории Польши. М., 1952. С. 159–166.

42 История южных и западных славян. М., 1957; 2-е изд. М., 1969.

43 История Польши / Под ред. И.С. Миллера и И.А. Хренова. Т. 2. М., 1955. С. 92–184.

44 Подробнее о подготовке совместной советско-польской публикации документов см.: *Фалькович С.М.* Разработка советскими учеными истории польского освободительного движения и русско-польских революционных связей // Новая и новейшая история. 1990. № 1. С. 185–196; *Макарова Г.В.* Изучение истории восстания 1863 г. в Институте славяноведения в 1960–1970-х гг. // Powstanie styczniowe 1863–1864: Walka i uczestnicy. Represje i wygnanie. Historiografia i tradycja / red. W. Caban, W. Śliwowska. Kielce, 2005. S. 259–266.

В 1961 г. был издан первый том, содержавший показания и заметки о восстании 1863 г. О. Авейде. Два тома об общественно-политическом движении на Украине в конце 1850-х – начале 1860-х гг. вышли в Киеве в 1963 г. В том же году появился двухтомник о русско-польских революционных связях. Отдельно был издан библиографический указатель литературы на русском языке по данной проблематике, составленный сотрудниками московских библиотек. Вскоре увидели свет тома о подготовке и ходе восстания в Литве и Белоруссии[45].

В 1960–1976 гг. под редакцией И.С. Миллера и В.А. Дьякова было опубликовано несколько тематических изданий, посвященных русско-польским революционным связям второй половины XIX – начала XX в., основное место в них занимали статьи сотрудников Института. В 1976 г. увидела свет коллективная монография на ту же тему[46]. Статьи по проблематике восстания 1863 г. также выходили в других институтских сборниках: об истории и культуре славян, общественно-политических движениях в Центральной и Юго-Восточной Европе, «Ученых записках» Института славяноведения и его периодических изданиях; сборниках, публикуемых Институтом истории АН СССР о революционной ситуации в России в 1859–1861 гг.[47]

---

45 Показания и записки о Польском восстании 1863 года Оскара Авейде. М., 1961; Русско-польские революционные связи. М., 1963. Т. 1–2; Общественно-политическое движение на Украине в 1856–1862 гг. Киев, 1963. Т. 1–2; Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х гг. Библиографический указатель литературы на русском языке / Сост. И.А. Калоева, М.А. Николаевский, Н.М. Пашаева. М., 1962; Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861–1862 гг. М., 1964; Восстание в Литве и Белоруссии (1863–1864 гг.). М., 1965.

46 Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов / Под ред. В.Д. Королюка, И.С. Миллера. М., 1960; Русско-польские революционные связи 60-х гг. и восстание 1863 г. / Под ред. В.А. Дьякова, В.Д. Королюка, И.С. Миллера. М., 1962; К столетию героической борьбы «За нашу и вашу свободу». Сборник статей и материалов о восстании 1863 г. / Под ред. В.А. Дьякова, И.С. Миллера, С.М. Фалькович. М., 1964; Революционная Россия и революционная Польша / Под ред. В.А. Дьякова, И.С. Миллера, Н.П. Митиной. М., 1967; Связи революционеров России и Польши XIX – начала XX в. / Под ред. В.А. Дьякова, И.С. Миллера, Л.А. Обушенковой. М., 1968; Исследования по истории польского общественного движения XIX – начала XX в. / Под ред. В.А. Дьякова, И.С. Миллера, А.М. Орехова. М., 1976; Очерки по истории русско-польских революционных связей. 1815–1918 гг. / Под ред. И.С. Миллера. М., 1976.

47 Ученые записки Института славяноведения. Т. XXIX. М., 1965; История и культура славянских народов. Польское освободительное движение XIX–XX вв. и проблемы истории культуры. М., 1966; Историко-социологические исследования (на материалах славянских стран). М., 1970; Общественно-по-

Участники совместного советско-польского серийного издания вели и собственную исследовательскую работу. Подготовленные ими статьи нередко становились фрагментами кандидатских диссертаций. На их основе удалось издать несколько книг, часть которых была впоследствии переведена на польский язык. В 1960 г. Т.Г. Снытко защитил кандидатскую диссертацию о связях студенческих организаций конца 1850-х – начала 1860-х гг. с польским освободительным движением. Тему русско-польского революционного сотрудничества в 60–70-е гг. XIX в. историк затронул и в позднейшей монографии[48]. Документальным материалам о польском восстании в архивах СССР была посвящена диссертация Л.А. Обушенковой (1964 г.)[49]. Н.П. Митина написала исследование о восстании ссыльных поляков на Кругобайкальском тракте (1965 г.)[50]. В следующем году вышла книга С.М. Фалькович об идейно-политической борьбе в польском освободительном движении накануне восстания 1863 г.[51] Статистический анализ социального состава участников польского восстания предпринял В.М. Зайцев (1973 г.)[52]. Т.Ф. Федосова посвятила свою работу (1974 г.) польским революционным организациям в Москве в 60-е гг. XIX в.[53] В 1975 г. увидело свет исследование О.П. Морозовой об одном из руководителей восстания, члене Центрального национально-

литические движения в Центральной Европе в XIX – начале XX в. М., 1974; Центральная и Юго-Восточная Европа в Новое время. М., 1974; Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. Сб. 1. М., 1960; Сб. 3. М., 1963; Сб. 4. М., 1965; Сб. 5. М., 1970; Сб. 7. М., 1978.

48 *Снытко Т.Г.* Студенческое движение конца 50-х – нач. 60-х годов XIX в. и восстание 1863 г. Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1960; *Он же.* Русское народничество и общественное движение 1865–1881 годов. М., 1969.

49 *Обушенкова Л.А.* Документальные материалы о восстании 1863 года в архивах Советского Союза. Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1964.

50 *Митина Н.П.* Русско-польские революционные связи в Сибири и Кругобайкальское восстание (1864–1866 гг.). Автореф. дис… канд. ист. наук. М., 1965; *Она же.* Во глубине сибирских руд. М., 1966.

51 *Фалькович С.М.* Польская эмиграция накануне восстания 1863 г. Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1962; *Она же.* Идейно-политическая борьба в польском освободительном движении 50–60-х годов XIX века. М., 1966.

52 *Зайцев В.М.* Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (Опыт статистического анализа). М., 1973.

53 *Федосова Т.Ф.* Польские патриотические организации в Москве и их роль в развитии русско-польских революционных связей (1856–1866 гг.). Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1967; *Она же.* Польские революционные организации в Москве. 60-е гг. XIX в. М., 1974; *Fiedosowa T.* Polskie organizacje patriotyczne w Moskwie. Warszawa, 1984.

го комитета Б. Шварце[54]. Ленинградский историк Ю.И. Штакельберг, принимавший участие в подготовке совместного серийного издания, рассмотрел в своей кандидатской диссертации (1967 г.) личные фонды в архивах СССР в качестве источника по изучению истории польского восстания. Позднее в Варшаве была опубликована его работа о повстанческих печатях[55].

Большой вклад в изучение истории польского восстания внес В.А. Дьяков. В 1964 г. он совместно с И.С. Миллером издал книгу о революционном движении в русской армии и восстании 1863 г., которая была переведена на польский язык. Эти же вопросы нашли отражение в докторской диссертации ученого (1966 г.). В следующем году увидел свет подготовленный Дьяковым биобиблиографический словарь о деятелях русского и польского революционного движения в царской армии[56]. Дьяков выступил и в роли популяризатора исторических знаний. Он – автор научно-популярных книг о руководителях восстания в Литве и Белоруссии З. Сераковском и В. Врублевском (совместно с В.Е. Абрамавичюсом); составитель и один из авторов книги «“За нашу и вашу свободу”. Герои 1863 г.», изданной в известной литературной серии «Жизнь замечательных людей»[57].

Ведущая роль в организации публикаторской и исследовательской работы принадлежала И.С. Миллеру. Он стал центральной фигурой, вокруг которой объединились исследователи, занимавшиеся изучением истории польского освободительного движения и русско-польских революционных связей. Миллер написал свыше 20 статей по данной проблематике, многие из которых имели концептуальный характер. Важнейшие из них вошли в сборник трудов ученого и были изданы коллегами после его смерти[58].

---

54 *Морозова О.П.* Польский революционер-демократ Бронислав Шварце. Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1971; *Она же.* Польский революционер-демократ Бронислав Шварце. М., 1975; *Morozowa O.* Bronisław Szwarce. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1982.

55 *Штакельберг Ю.И.* Фонды личного происхождения в хранилищах Советского Союза как источник для изучения восстания 1863 года. Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1967; *Sztakelberg J.* Pieczęcie powstańcze. 1863–1864. Warszawa, 1988.

56 *Дьяков В.А., Миллер И.С.* Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., 1964; *Djakow W.A., Miller I.S.* Ruch rewolucyjny w armii rosyjskiej a powstanie styczniowe. Wrocław, 1967; *Дьяков В.А.* Революционное движение в русской армии и его взаимосвязи с польским освободительным движением. Автореф. дис. … докт. ист. наук. М., 1966; *Он же.* Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии. 1856–1865 гг. М., 1967.

57 *Он же.* Сигизмунд Сераковский. М., 1959; *Он же.* «За нашу и вашу свободу». Герои 1863 года. М., 1964; *Дьяков В.А., Абрамавичюс В.Е.* Валерий Врублевский. М., 1968.

58 *Миллер И.С.* Исследования по истории народов Центральной и Восточной Европы XIX в. М., 1980.

Некоторые сотрудники Института славяноведения, не входившие в группу публикаторов-составителей, также занимались изучением истории восстания 1863 г. Проблематика восстания нашла отражение в книгах М.В. Миско и И.И. Костюшко, который рассмотрел роль аграрной реформы 1864 г. на польских землях[59]. С Институтом славяноведения сотрудничала группа ученых из Москвы, Ленинграда, Кирова, Петрозаводска, Киева, Львова, Минска, Вильнюса и т. д. В публикациях Института принимали активное участие В.Р. Лейкина-Свирская, В.Г. Чернуха, Н.М. Пашаева, Д.Б. Кацнельсон, А.Н. Цамутали и др.[60] Специфика восстания 1863 г. на территории Правобережной Украины, Белоруссии и Литвы, отношение к нему населения Галиции были рассмотрены в исследованиях Н.Н. Лещенко, Г.И. Марахова, А.Ф. Смирнова, Ю.И. Жюгжды, С.А. Лазутки, О.И. Максимайтене, В.Б. Бикулича, Н.Н. Улащика, Г.В. Киселева, С.М. Трусевича[61].

---

59 *Миско М.В.* Польское восстание 1863 года. М., 1962; *Костюшко И.И.* Крестьянская реформа 1864 г. в Царстве Польском. М., 1962.

60 *Лейкина-Свирская В.Р.* «Казанский заговор» 1863 г. // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. Сб. 1. С. 423–449; *Лейкина-Свирская В.Р., Шидловская В.С.* Польская военная революционная организация в Петербурге (1858–1864 гг.) // Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 г. С. 7–48; *Чернуха В.Г.* Важное свидетельство о внешнеполитическом аспекте польского восстания 1863 г. // Труды Института истории СССР АН СССР. Ленинградское отделение. Вып. 7. Л., 1964. С. 217–220; *Она же.* Фонд В.А. Арцимовича в ИРЛИ АН СССР // Русско-польские революционные связи 60-х гг. и восстание 1863 г. С. 427–443; *Пашаева Н.М.* Артур Гроттгер и восстание 1863 г. // Там же. С. 216–234; *Кацнельсон Д.Б.* Русские и польские стихи в записях участников революционных выступлений начала 60-х годов // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. Сб. 5. С. 222–240; *Она же.* Произведения А.И. Герцена в рукописных копиях польских повстанцев (1861–1864) // Славянские страны и русская литература. Л., 1973. С. 68–87; *Она же.* Образы русских революционеров в польской повстанческой поэзии 1861–1864 гг. // Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. Л., 1963. С. 167–206.

61 *Лещенко Н.Н.* Крестьянское движение на Украине в связи с проведением реформы 1861 г. (60-е годы XIX в.). Киев, 1959; *Марахов Г.И.* Польское восстание 1863 г. на Правобережной Украине. Киев, 1967; *Трусевич С.М.* Галиция и польское восстание 1863–1864 гг. Автореф. дис. … канд. ист. наук. Львов, 1965; *Смирнов А.Ф.* Революционные связи народов России и Польши. 30–60-е годы XIX в. М., 1962; *Он же.* Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии. М., 1963; *Улащик Н.Н.* Предпосылки крестьянской реформы 1861 года в Литве и Западной Белоруссии. М., 1965; *Лазутка С.А.* Революционная ситуация в Литве 1859–1862. М., 1961; *Жюгжда Ю.И.* Славный путь революционера // Коммунист. Вильнюс, 1963. № 12; *Žiugžda J.* Antanas Mackevičius. Vilnius, 1971; *Бикулич В.Б.* К вопросу об участии литовских крестьян в восстании 1863–1864 гг. //

Тема русско-польских революционных связей второй половины XIX в. нашла отражение в работах, посвященных польской политической ссылке. В этом плане много было сделано сибирскими историками С.Ф. Ковалем, В.Е. Фильгусом, Л.П. Рощевской, Б.С. Шостаковичем. В 1963 г. вышел очерк, подготовленный Л.С. Кашихиным, Д.И. Копыловым, Б.Г. Пекутом и Н.П. Митиной, о деятельности участников восстания 1863 г. в тобольской ссылке. В 1971 г. увидело свет совместное исследование В.А. Дьякова и казахского историка Г.С. Сапаргалиева о пребывании ссыльных поляков в Казахстане[62].

В 50–70-е гг. разрабатывались проблемы историографии восстания 1863 г. Е.А. Югансон рассмотрел отношение к восстанию в дореволюционной исторической литературе и публицистике. Вопросы издания совместной советско-польской серии документов обсуждали в печати В.Д. Королюк и И.С. Миллер. М.В. Миско проанализировал работы советских историков, посвященные восстанию в Литве и Белоруссии. Н.П. Митина коснулась спорных вопросов историографии русско-польских революционных связей в Сибири в 60-е гг. XIX в. Кроме того, историки подвергли детальному изучению взгляды классиков марксизма-ле-

---

Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. Сб. 3. С. 115–143; *Он же.* Революционная организация восстания 1863–1864 гг. в Литве и Белоруссии. Автореф. дис. … канд. ист. наук. Вильнюс, 1973; *Киселев Г.В.* К характеристике революционного мировоззрения К.С. Калиновского. («Сведения» В.Ф. Ратча как исторический источник) // Славянское источниковедение. М., 1965. С. 36–52; *Максимайтене О.И.* Военная организация повстанцев и боевые действия в 1863–1864 гг. в Литве. Автореф. дис. … канд. ист. наук. Вильнюс, 1966; *Idem.* Lietuvos sukilelių kovos 1863–1864 m. Vilnius, 1969.

62 *Коваль С.Ф.* Революционная деятельность польских политических ссыльных в Сибири в 60-е гг. XIX в. // Экономическое и общественно-политическое развитие Сибири в 1861–1917 гг. Новосибирск, 1965. С. 123–132; *Он же.* За правду и волю. Иркутск, 1966; *Он же.* Польские ссыльные после Кругобайкальского восстания 1866 г. // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1975. С. 153–160; *Фильгус В.Е.* Деятели русского и польского освободительного движения 60-х гг. XIX в. в Тобольской губернии // Связи революционеров России и Польши XIX – начала XX в. М., 1968. С. 294–312; *Рощевская Л.П.* История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. (60-е – начало 80-х гг.). Тюмень, 1976; *Шостакович Б.С.* Революционер-шестидесятник Болеслав Шостакович в сибирской ссылке (по сохранившимся отрывкам его воспоминаний и другим неопубликованным материалам) // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 175–204; *Кашихин Л.С., Копылов Д.И., Митина Н.П., Пекут Б.Г.* Участники польского восстания 1863–1864 гг. в Тобольской ссылке. Тюмень, 1963; *Сапаргалиев Г.С., Дьяков В.А.* Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1971.

нинизма на польский вопрос. В этом отношении можно указать исследования И.С. Миллера, В.А. Дьякова и А.Ф. Смирнова[63].

В 1980-е гг. исследования по истории борьбы польского народа за независимость утратили в СССР прежний размах. Проблематика восстания рассматривалась в основном в обобщающих трудах по истории Польши. В 1984 г. вышла коллективная монография об экономическом, общественно-политическом и культурном развитии польских земель в конце XVIII – середине XIX в., под редакцией С.М. Фалькович. Одна из ее глав – о польском освободительном движении в конце XVIII – 60-х гг. XIX в. – была написана В.А. Дьяковым при участии С.М. Фалькович (гл. III). Социальный и национальный аспекты польских идеологических программ того же периода были проанализированы Н.П. Митиной, О.П. Морозовой и Т.Ф. Федосовой (гл. IX). Развитие польской передовой общественной мысли, ее связь с русским революционным движением проследила С.М. Фалькович (гл. X)[64]. Проблемы формирования польско-

63 *Югансон Е.А.* Проблемы польского национально-освободительного восстания 1863–1864 гг. в русской исторической литературе и публицистике. Автореф. дис. … канд. ист. наук. Воронеж, 1955; *Королюк В.Д., Миллер И.С.* О совместной советско-польской публикации источников по истории восстания 1863–1864 годов // Новая и новейшая история. 1958. № 5. С. 178–181; *Миллер И.С.* Восстание 1863 года (Об опыте подготовки советско-польского серийного издания документов) // Археографический ежегодник за 1972 г. М., 1974. С. 36–47; *Миско М.В.* Об освещении характера восстания 1863 г. в Литве и Белоруссии в некоторых работах советских авторов // Славянская историография. М., 1966. С. 140–164; *Митина Н.П.* О некоторых спорных вопросах в оценке общественного движения и русско-польских революционных связей в Сибири в 60-х гг. XIX в. // Исследования по истории польского общественного движения XIX – начала XX в. М., 1971. С. 87–113; *Миллер И.С.* К. Маркс и Ф. Энгельс о польском вопросе // Новая и новейшая история. 1959. № 5. С. 182–184; *Смирнов А.Ф.* Маркс о польском вопросе // Советское славяноведение. 1968. № 2. С. 3–12; *Дьяков В.А.* Маркс, Энгельс и польское освободительное движение. М., 1968; *Он же.* В.И. Ленин об освободительном движении в Польше и его оценке М.П. Драгомановым // Ленин и Польша: Проблемы, контакты, отклики. М., 1970. С. 67–114; *Миллер И.С.* О толковании ленинского термина «шляхетское освободительное движение» // Там же. С. 60–66.

64 *Дьяков В.А.* Движущие силы освободительной борьбы польского народа (1794–1864) // Польша на путях развития и утверждения капитализма. Конец XVIII – 60-е гг. XIX в. / Отв. редактор С.М. Фалькович. М., 1984. Гл. III. С. 89–106; *Митина Н.П., Морозова О.П., Федосова Т.Ф.* Социальный и национальный аспекты польских идеологических программ. (Конец XVIII – 60-е гг. XIX в.) // Там же. Гл. IX. С. 172–217; *Фалькович С.М.* Развитие польского освободительного движения и передовой общественной мысли в контексте взаимосвязей общественных сил России и Польши. (Конец XVIII – 70-е гг. XIX в.) // Там же. Гл. X. С. 218–246.

го национального самосознания и международного революционного сотрудничества во второй трети XIX в. нашли отражение в статьях Л.А. Обушенковой, О.П. Морозовой, П.Г. Усенко и С.М. Фалькович[65].

История революционного движения на Украине и в Белоруссии во второй половине XIX в. получила рассмотрение в трудах украинских и белорусских историков. Г.И. Марахов посвятил работы социально-политическому движению на Украине накануне и во время восстания, участию студентов Киевского университета в революционном движении 1840–90-х гг. П.Г. Усенко затронул тему сотрудничества русских, польских и украинских революционеров-демократов в 1850–60-е гг. С.М. Самбук изучала политику царской администрации на территории Белоруссии во второй половине XIX в., М.О. Бич – рабочее движение в Белоруссии за тот же период. В.Ф. Шалькевич написал биографический очерк о К. Калиновском, возглавившем восстание в Литве и Белоруссии, а Р.П. Платонов подготовил о нем сборник материалов[66].

В конце 70-х – 80-е гг. XX в. продолжалось изучение дореволюционной публицистики, уточнялись взгляды классиков марксистской литературы по польскому вопросу. Анализу этих последних посвятил ряд работ В.А. Дьяков. Он же проследил роль славянского вопроса в русской общественной мысли в период Первой мировой войны[67]. Е.П. Аксенова

65 *Обушенкова Л.А.* Солидарность революционных сил народов Европы с польским восстанием 1863–1864 гг. // Национальное движение в Центральной Европе: сотрудничество и контакты (30–70-е гг. XIX в.). М., 1991. С. 217–227; *Морозова О.П.* Передовая польская мысль 30–60-х гг. XIX в. о международном революционном сотрудничестве // Там же. С. 130–164; *Усенко П.Г.* К вопросу об интернационализме революционных демократов 60-х гг. XIX в. // Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX в. / Отв. ред. Т.М. Исламов. М., 1991. С. 128–142; *Фалькович С.М.* О некоторых понятиях, связанных с национальной проблематикой, применительно к исследованию истории Польши в Новое и Новейшее время // Там же. С. 45–52.

66 *Марахов Г.И.* Социально-политическая борьба на Украине в 50–60-е годы XIX века. Киев, 1981; *Он же.* Киевский университет в революционно-демократическом движении. Киев, 1984; *Усенко П.Г.* Идейное единство русских, украинских и польских революционеров-демократов (50–60-е гг. XIX в.). Киев, 1985; *Самбук С.М.* Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века. Минск, 1980; *Бич М.О.* Рабочее движение в Белоруссии в 1861–1904 гг. Минск, 1983; *Шалькевич В.Ф.* Кастусь Калиновский: Страницы биографии. Минск, 1988; *Калиновский К.* Из печатного и рукописного наследия / Сост. Р.П. Платонов и др. Минск, 1988.

67 *Дьяков В.А.* Маркс, Энгельс и Польша. М., 1989; *Он же.* В.И. Ленин о польском национально-освободительном и рабочем движении XIX – начала XX веков // Наследие В.И. Ленина и современность. М., 1989. С. 303–319; *Он же.* Сла-

рассмотрела освещение польского восстания в русских демократических изданиях[68]. Исследовались отдельные проблемы дореволюционной и современной историографии восстания 1863 г. В.А. Дьяков остановился на изучении российской полонистики конца XIX – начала XX в., а также работ по истории Польши последних десятилетий[69]. С.М. Фалькович опубликовала статью об исследованиях советских ученых по истории русско-польских революционных связей[70]. Историография польской политической ссылки в Сибирь в XIX – начале XX в. была рассмотрена Б.С. Шостаковичем[71]. Проблематика польского освободительного движения нашла отражение в общих работах, посвященных истории славяноведения в дореволюционной и советской России: коллективных монографиях и тематических сборниках, биобиблиографических словарях, специализированных учебных пособиях[72].

В постсоветский период возникла необходимость пересмотра прежних концепций развития исторического процесса в целом и истории отдельных стран и народов в частности. Это не вполне удалось осуществить в вышедшей в 1993 г. «Краткой истории Польши» под редакцией В.А. Дьякова, который явился также автором раздела о польских восстаниях в XIX в.[73] Книга, долго пролежавшая в издательстве и подготовленная еще в конце 1980-х гг., в силу объективных причин оказалась несвободной

вянский вопрос в русской общественной мысли 1914–1917 годов // Вопросы истории. 1991. № 4–5. С. 3–11.

68 *Аксенова Е.П.* История народов Центральной и Юго-Восточной Европы в русской революционно-демократической периодике 50–60-х гг. XIX в. Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1983.

69 *Дьяков В.А.* Польская тематика в русской историографии конца XIX – начала XX века (Н.И. Кареев, А.А. Корнилов, А.Л. Погодин, В.А. Францев) // История и историки: Историографический ежегодник. 1978. М., 1981. С. 147–161; *Он же.* Изучение истории Польши советскими учеными // Новая и новейшая история. 1985. № 6. С. 146–160.

70 *Фалькович С.М.* Разработка советскими учеными истории польского освободительного движения и русско-польских революционных связей. С. 185–196.

71 *Шостакович Б.С.* Историография политической ссылки поляков в Сибирь в XIX – начале XX века // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 9. Иркутск, 1985. С. 3–23.

72 Славяноведение в дореволюционной России. М., 1979; Историки-слависты СССР: Биобиблиографический словарь-справочник. М., 1981; Историография истории южных и западных славян. М., 1987; Славяноведение в дореволюционной России: Изучение истории южных и западных славян. М., 1988; Славяноведение и балканистика в отечественной и зарубежной историографии. М., 1990.

73 Краткая история Польши. С древнейших времен до наших дней / Под ред. В.А. Дьякова. М., 1993. С. 136–140.

от определенного идеологического давления[74]. В 1998 г. с учетом новых тенденций был переработан учебник по истории южных и западных славян[75], который до настоящего времени выдержал несколько переизданий.

В работах российских историков были затронуты различные аспекты истории восстания 1863 г. Польской политической эмиграции, сотрудничеству представителей русского и польского революционного движения посвятила ряд статей С.М. Фалькович[76]. Кругобайкальское восстание и русско-польские революционные связи 1860-х гг. изучали Б.С. Шостакович и А.В. Дулов[77]. С.И. Щеголев рассмотрел роль католической церкви в польском национально-освободительном движении в 1860–1864 гг.[78] Правительственная политика в Северо-Западном крае в 60-е гг. XIX в. была освещена А.А. Комзоловой и С.В. Ананьевым[79]. «Украинскому вопросу» в политике правительства и русском общественном мнении во второй половине XIX в. посвятил свою книгу А.И. Миллер[80]. Отношение Александра II и высших российских чиновников к польскому вопросу было проанализировано в исследованиях Л.Г. Захаровой и А.Э. Гетман-

74 *Горизонтов Л.Е.* Путь историка // Дьяков Владимир Анатольевич (1919–1995) / Отв. ред. М.А. Робинсон. М., 1996. С. 29.

75 История южных и западных славян / Под ред. Г.Ф. Матвеева и З.С. Ненашевой. М., 1998. Т. 1–2.

76 *Фалькович С.М.* Концепция славянского единства в польской и русской общественной мысли (эпоха национальных восстаний) // Славянский вопрос: Вехи истории. М., 1997. С. 107–117; *Она же.* Польская демократическая эмиграция 60–70-х гг. XIX в. о проблеме «забранных земель» и взаимоотношениях польского и российского освободительного движения // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Вып. 8. Брянск, 2006. С. 220–232; *Она же.* Польская политическая эмиграция накануне подъема национально-освободительного движения в Королевстве Польском в начале 60-х гг. XIX в. // Российско-польский исторический альманах. Вып. III. Ставрополь; Волгоград; М., 2008.

77 *Шостакович Б.С.* Кругобайкальское восстание польских политссыльных: Эволюция представлений о нем от Нита Романова до конца XX в. // Вторые Романовские чтения: Материалы научной конференции, 8–9 октября 1998 г. Иркутск, 2000. С. 58–66; *Дулов А.В., Шостакович Б.С.* «За вашу и нашу свободу!» // Земля Иркутская. Иркутск, 2003. С. 14–17.

78 *Щеголев С.И.* Католическая церковь в национально-освободительной борьбе 1860–64 годов в Царстве Польском. Автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 1999.

79 *Комзолова А.А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005; *Ананьев С.В.* М.Н. Муравьев-Виленский: политическая биография. Автореф. дис. … канд. ист. наук. Саратов, 2007.

80 *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб., 2000.

ского[81]. Роль восстания 1863 г. в международных отношениях нашла отражение в работах О.Р. Айрапетова, Л.Л. Безрук, О.В. Павленко, Л.А. Пуховой[82]. Истории возникновения одного из важнейших источников по истории восстания – рукописи В. Рудницкого и написания содержавшей уникальный архивный материал книги Н.В. Берга посвятил свои исследования Ю.И. Штакельберг (в соавторстве с В.А. Ниловой)[83].

Вводятся в научный оборот новые архивные материалы о польском восстании. В 1998 г. И.В. Карпеев представил обзор документов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) о восстании 1863 г. на территории Царства Польского, Литвы и Белоруссии[84]. В 2003 г. под редакцией Л.Г. Захаровой был издан отдельный том мемуаров Д.А. Милютина о событиях 1863–1864 гг.[85] В 2008 г. увидели свет записки графа М.Н. Муравьева о подавлении восстания на территории северо-за-

81 *Захарова Л.Г.* Александр II и польский вопрос // Problemy historii Polski i Rosji XIX i XX wieku. Łódź, 1996. S. 47–60; *Она же.* Александр II и место России в мире // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 164–193; № 4. С. 129–161; *Гетманский А.Э.* Политика России в польском вопросе (60-е годы XIX века) // Вопросы истории. 2004. № 5. С. 24–45.

82 *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006 (главы «Положение в Царстве Польском» и «Восстание 1863–1864 гг. и его ближайшие последствия». С. 241–254); *Безрук Л.Л.* Польское восстание 1863 г. и его значение в дипломатических отношениях Второй империи и России // Научные труды Московского педагогического государственного университета. Серия: социально-исторические науки. Сб. статей / Гл. ред. В.Л. Матросов. М., 2005. С. 285–295; *Павленко О.В.* Славянский фактор в отношениях России и Австрии в 40–60-е годы XIX века // Славяно-германские исследования. Т. 1–2. М., 2000. С. 243–288; *Пухова Л.А.* «Эта бедная Польша…»: польский вопрос в восприятии Наполеона III. 1855–1862 гг. // Вестник молодых ученых «Ломоносов». Вып. IV. М., 2007. С. 255–263; *Она же.* Русско-французские отношения в оценке и восприятии Николая I, Александра II и Наполеона III (конец 1840-х – начало 1870-х гг.). Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2009.

83 *Нилова В.А., Штакельберг Ю.И.* «Извлечения из показаний политического преступника, бывшего инженер-поручика Владислава Рудницкого относительно участия в польском восстании 1863 и 1864 годов Юго-Западных губерний и Галиции» (О несохранившейся книге) // Славянский альманах 2006. М., 2007. С. 81–93; *Они же.* «Записки о польских заговорах и восстаниях» Н.В. Берга (Судьба одного труда). С. 44–65.

84 *Карпеев И.В.* Коллекция Военно-ученого архива «Восстание в Польше, Литве и Белоруссии. 1861–1863 гг.». Обзор документов // Документальные реликвии российской истории: 200-летие Военно-ученого архива / Сост. М.Р. Рыженков. М., 1998. С. 211–217.

85 *Милютин Д.А.* Воспоминания 1863–1864 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2003.

падных губерний Российской империи, подготовленные к печати сотрудниками Российской государственной библиотеки (РГБ)[86].

Продолжают разрабатываться проблемы историографии восстания 1863 г. Гораздо большим вниманием, чем в предшествующий период, пользуется дореволюционная историческая литература и публицистика. В.А. Дьяков рассмотрел роль славянского вопроса в общественной жизни России в дореволюционный период[87]. Н.В. Пислегин проанализировал отношение русского общества к польскому вопросу в 10–60-е гг. XIX в.[88] Взгляды славянофилов и народников на восстание 1863 г. исследовали А.А. Радченко и В.Н. Кудряшев[89]. Польскую тематику в русской общественно-политической и философской мысли второй половины XIX в. изучила С.И. Иванова, а в религиозно-философских сочинениях конца XIX – начала XX в. – Л. Лещенко[90]. Отношение различных политических кругов к польскому вопросу во время Первой мировой войны рассмотрено С.А. Голубевым[91].

Основные направления развития российской полонистики в XIX в. были проанализированы в работах Т.Т. Кручковского, В.А. Якубского, Л.М. Аржаковой[92], а также общих трудах, посвященных истории славя-

86 Готов собою жертвовать…: записки графа М. Н. Муравьева об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа 1863–1866 гг. / Сост., вступ. ст., коммент. К.В. Петрова. М., 2008.

87 *Дьяков В.А.* Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993.

88 *Пислегин Н.В.* Польский вопрос в общественной мысли России 10–60-х гг. XIX в. [Электронный ресурс] // Румянцевский музей [сайт]. – [Б. м.], 2011.

89 *Радченко А.А.* Польское восстание 1863–1864 годов в оценке славянофилов // Общественная жизнь Центрального Черноземья России в XVII – начале XX века: Сборник научных трудов / Отв. ред. М.Д. Карпачев. Воронеж, 2002. С. 58–77; *Кудряшев В.Н.* А.И. Герцен и М.А. Бакунин о «польском вопросе» (40–60-е годы XIX века) // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2009. № 326; *Он же.* Народники и польский вопрос (40–80-е гг. XIX в.) // Там же. 2009. № 3 (7); *Он же.* М.П. Драгоманов и русские социалисты: дискуссия о федерализме // Там же. 2010. № 336.

90 *Лещенко Л.* Польский вопрос в русской философско-религиозной мысли на рубеже XIX–XX веков // Acta Universitatis Wratislaviensis. Wrocław, 2006; *Иванова С.И.* «Польский вопрос» в русской философии и культуре второй половины XIX века. Автореф. дис. … канд. философ. наук. Белгород, 2011.

91 *Голубев С.А.* Политические силы России и польский вопрос на начальном этапе Первой мировой войны // Российский исторический журнал. 1998. № 3. С. 43–48.

92 *Кручковский Т.Т.* Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX века. Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1992; *Якубский В.А.* Фундаментальные идеи российской полонистики XIX в. // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб., 2000. Вып. 2. С. 3–15; *Аржакова Л.М.* Отечественная полонистика и перио-

новедения в дореволюционной России[93]. Польская проблематика в российской историографии периода Первой мировой войны стала объектом исследования К.В. Трощенкова и В.В. Кутявина[94].

По-прежнему вызывают интерес достижения советских историков в области отечественной полонистики. Г.В. Макарова посвятила свою статью (2005 г.) изучению проблематики восстания 1863 г. в Институте славяноведения в 1960–70-е гг.[95] С.М. Фалькович написала ряд работ о И.С. Миллере[96]. Не обойдено вниманием научное наследие польских ученых. Вклад крупнейшего историка восстания С. Кеневича в польскую историческую науку рассмотрел В.А. Дьяков[97]. Концепции развития русско-польских отношений XIX в. в современной российской историографии проанализировал Л.Е. Горизонтов[98].

В российской историографии последних десятилетий большое внимание отводится изучению бытовавших в XIX в. российско-польских стереотипов и взаимных предубеждений. Влиянию, оказанному правительственной политикой в Царстве Польском и западных губерниях Российской империи, на создание негативного образа поляка в русском общественном сознании, посвящены работы Л.Е. Горизонтова и М.Д. Долбилова[99]. Проблемы этностереотипов, культурной инакости нашли отра-

---

дизация ее истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2007. Вып. 3. С. 190–200; *Она же.* Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке. СПб., 2010.

93 См., например: *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005.

94 *Трощенков К.В.* Польский вопрос в годы Первой мировой войны в отечественной историографии // Проблемы источниковедения и историографии. Калининград, 1999. С. 102–108; *Кутявин В.В.* Первая мировая война и повороты российской исторической полонистики // Война и общество (к 90-летию начала Первой мировой войны) / Отв. ред. А.Б. Окунь. Самара, 2004. С. 138–149.

95 *Макарова Г.В.* Указ. соч. С. 259–266.

96 *Фалькович С.М.* Илья Соломонович Миллер (1918–1978) // Новая и новейшая история. 2008. № 5. С. 191–202; *Она же.* Илья Соломонович Миллер // Портреты историков. Время и судьбы. Средние века. Новая и новейшая история. М., 2010.

97 *Дьяков В.А.* Стефан Кеневич и его место в польской исторической науке // Вопросы истории. 1992. № 11–12. С. 185–192.

98 *Gorizontov L.* Stosunki polsko-rosyjskie w XIX wieku i ich współczesne echa // Widziane z zewnątrz / Red. M. Baczkowski, T. Gąsowski, A. Nowak, Z. Piech, B. Szlachta. T. II. Warszawa, 2011. S. 53–64.

99 *Горизонтов Л.Е.* Поляки и польский вопрос во внутренней политике Российской империи, 1831 – нач. XX в.: Ключевые проблемы. Автореф. дис. … докт. ист. наук. М., 1999; *Он же.* Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999; *Долбилов М.Д.* Конструирование образов мятежа: Политика М.Н. Муравьева в Литовско-

жение в сборниках «Поляки и русские», «Польская и русская душа» и т.д. (составленных на основе материалов одноименных российско-польских конференций), которые были изданы в Москве, Лодзи и Варшаве в 2000–2008 гг. В них принимали участие В.В. Кутявин, А.В. Липатов, С.М. Фалькович, В.А. Хорев и др.[100] Отношение к России в польской печати 1863–1905 гг. было рассмотрено в исследовании А.А. Радун[101]. К анализу национального самосознания поляков в прошлом и настоящем обратился и политолог Ф.Н. Рыбин[102].

На фоне усилившегося в последнее время интереса к личностям российских монархов, попыток оправдать внутреннюю политику и карательные меры самодержавия у историков заметно стремление вернуться в трактовке восстания к дореволюционным концепциям. В.Е. Воронин в своих работах о восстании 1863 г. (2007–2008 гг.) называл его причиной желание шляхты вернуть золотые вольности, принадлежавшие ей в период существования Речи Посполитой. Деятельность вел. кн. Константина Николаевича на посту наместника Царства Польского в июне 1862 – августе 1863 г. историк расценивал как «борьбу за единство Российского государства» и попытку «примирения двух братских славянских народов»[103].

Белорусском крае в 1863–1865 гг. как объект историко-антропологического анализа // Actio Nova 2000: Сб. статей / Под ред. А.И. Филюшкина. М., 2000. С. 338–408; *Он же.* Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи в 1860-е гг. // Образ врага / Сост. Л.Д. Гудков, ред. Н.А. Конрадова. М., 2005. С. 127–174; *Он же.* Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.

100 Поляки и русские: Взаимопонимание и взаимонепонимание / Сост. А.В. Липатов, И.О. Шайтанов. М., 2000; Polacy a Rosjanie. Поляки и русские. Materiały z konf. “Polska–Rosja. Rola polskich powstań narodowych w kształtowaniu wzajemnych wyobrazeń”. Warszawa; Płock, 14–17 maja 1998 r. / Pod red. T. Epszteina. Warszawa, 2000; Поляки и русские в глазах друг друга / Под ред. В.А. Хорева. М., 2000; Dusza polska i rosyjska: Spojrzenie współczesne / Pod red. A. de Lazari i R. Bäckera. Łódź, 2003; Polacy i Rosjanie. Przezwyciężanie uprzedzeń / Pod red. A. de Lazari i T. Rongińskiej. Łódź, 2006; Polacy i Rosjanie we wzajemnej karykaturze / Pod red. A. de Lazari i O. Riabowa; przeł. M. Żakowska. Warszawa, 2008.

101 *Радун А.А.* Образ России и русской культуры в польской прессе 1863–1905 гг. Автореф. дис. … канд. культурологии. М., 2011.

102 *Рыбин Ф.Н.* Современная внешнеполитическая доктрина Польши и национальное самосознание поляков: Политологический анализ. Автореф. дис. … канд. политич. наук. М., 2003.

103 *Воронин В.Е.* Война за единство России: история «Польской смуты» 1863 г. с позиций современности // Ключевские чтения – 2007: Русский исторический процесс глазами современных исследователей. Материалы Межвузовской научной конференции [март 2007 г.]. М., 2007. С. 28–45; *Он же.* Польское восстание 1863 года: опыт «примирительной политики» русского правительства.

Подобная оценка присуща научно-популярной и художественной литературе. В своих книгах А.Б. Широкорад высказывался о Польше как о непримиримом враге России. По мнению автора, «восстание 1863 г. было инспирировано исключительно сверху панами и ксендзами. Повстанцы не ставили своей целью провести какие-либо демократические или экономические реформы». Это, как полагал Широкорад, определило невозможность достижения компромисса между Александром II и поляками, поскольку они не хотели реформ, а воссоздание Польши в границах 1772 г. «было бы катастрофой для России»[104].

В связи со 150-летием начала восстания 1863 г. из печати вышло несколько работ, посвященных этому событию. В 2012 г. увидела свет монография О.Р. Айрапетова, который проанализировал роль польского восстания во внутренней и внешней политике России. По мнению автора, восстание в очередной раз показало недостижимость компромисса с польской шляхтой и надолго отсрочило возможность достижения автономии. Неудачу восстания предопределило отсутствие широкой социальной программы, поскольку польские крестьяне получили землю от российской императорской власти[105].

В конце 2013 г. был опубликован специальный выпуск исторического альманаха «Русский сборник» под редакцией О.Р. Айрапетова, М. Йовановича, М.А. Колерова и др., содержащий серию статей о восстании 1863 г. Сборник открывается большой статьей Айрапетова, написанной на основе недавно вышедшей монографии. Различным аспектам истории восстания посвящены работы русских, белорусских, польских, сербских и финских историков[106].

Следует отметить и защищенную в марте 2013 г. в Московском государственном областном университете (МГОУ) кандидатскую диссертацию Г.А. Малютина об отношении к польскому вопросу в русской общественно-политической мысли в 30–60-е гг. XIX в.[107]

Также по случаю юбилея восстания в России был проведен ряд конференций. Многие из них были посвящены проблеме пребывания ссыльных участников восстания в различных регионах Российской империи. 22 марта 2013 г. в Новгородском государственном университете им. Ярослава Мудрого

М., 2008. С. 429.

104 *Широкорад А.Б.* Давний спор славян: Россия, Польша, Литва. М., 2007; *Он же.* Польша. Непримиримое соседство. М., 2008. С. 288, 307.

105 *Айрапетов О.Р.* Царство Польское в политике империи в 1863–1864 гг. М., 2012.

106 Русский сборник. Исследования по истории России / Редакторы-составители О.Р. Айрапетов, М. Йованович, М.А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. Т. XV. Польское восстание 1863 года. М., 2013.

107 *Малютин Г.А.* «Польский вопрос» в русской общественно-политической мысли в 1830-е – нач. 60-х гг. Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2013.

прошла конференция «К 150-летию Январского восстания в Польше: польские ссыльные в Новгородской губернии». Конференция была организована Новгородским университетом и Генеральным консульством республики Польша в Санкт-Петербурге. Ее материалы вошли в изданный в сентябре того же года сборник, в котором были представлены статьи российских и польских историков, документы новгородских и московских архивов, а также мемуары потомков ссыльных поляков[108]. 23–24 апреля 2013 г. в Новосибирске состоялась конференция «Проблемы российско-польской истории и культурный диалог», подготовленная Институтом истории Сибирского отделения РАН. Помимо истории восстания 1863 г., на конференции обсуждались вопросы польской миграции и ссылки в Сибирь, участия поляков в государственной жизни России, вклад представителей польского народа в науку, культуру, образование и здравоохранение России, предпринимательство поляков в Российской империи, российско-польские культурные контакты и связи. В рамках конференции были организованы круглый стол по проблеме научно-образовательного сотрудничества России и Польши и презентация издательского проекта «Польско-сибирская библиотека»[109].

Инициативу в проведении конференций проявляли и региональные полонистические организации. 5–7 сентября в рамках Дней польской культуры в Абакане прошла конференция «Проблемы сибирско-польской истории и диалог культур». Она была подготовлена польскими культурно-общественными организациями – «Конгрессом поляков в России», «Полонией» республики Хакасия – при поддержке местных властей[110]. 25 октября в Оренбурге, в зале Областной университетской научной библиотеки им. Н.К. Крупской, состоялась юбилейная научная конференция «Польские ссыльные в Оренбургской губернии». Она была организована оренбургским областным культурно-просветительским центром «Червонэ маки» (и «Конгрессом поляков в России») совместно с Государственным архивом Оренбургской области и Областной научной библиотекой им. Крупской. В рамках конференции экспонировалась выставка «Участники Январского восстания 1863 г. в оренбургской ссылке», на которой были представлены материалы 1863–1897 гг. из фондов областного архива о жизни ссыльных поляков. Ей сопутствовали экспозиция печатных изданий о Январском восстании 1863 г. из фондов библиотеки им. Крупской и выставка, посвященная польским изданиям о

108 См.: http://www.regnum.ru/news/cultura/1639166.html; http://www.novafisha.ru/news/15909.html

109 См.: http://iigso.nspu.net/index.php/2013-01-18-10-38-46/247-2013-04-26-11-56-01

110 См.: http://www.rodacynasyberii.pl/aktualnosci/1/1/100/; https://www.msz.gov.pl/pl/polityka_zagraniczna/polonia/wydarzenia/europa/rosja__dni_kultury_polskiej_w_republice_chakasji;jsessionid=D26FA314E01FB466B257A36224B6EA00.cmsap1p?printMode=true

ссыльных поляках на Урале и в Сибири, из фондов культурно-просветительского центра «Червонэ маки»[111].

3–5 сентября в Москве прошла организованная Институтом славяноведения РАН в сотрудничестве с Институтом российской истории РАН и Институтом истории науки ПАН конференция «Польское Январское восстание 1863 года и исторические судьбы России и Польши». На ней обсуждались проблемы историографии восстания, отношение к нему различных политических и общественных кругов в России и Польше, влияние восстания на государственную жизнь Царства Польского, его оценка венгерскими и словенскими политиками. В рамках конференции состоялся круглый стол «Польское восстание 1863–1864 гг. в общественной жизни и публицистике России и Польши в начале XXI столетия»[112].

2013 год был объявлен парламентом Польской республики годом Январского восстания. В Польше прошли многочисленные конференции, в том числе региональные. В некоторых из них принимали участие российские историки. 15–17 апреля 2013 г. в Варшаве и Кельце состоялась конференция «Пути поляков к независимости. От кружков самообразования до вооруженной борьбы. В 150-летие Январского восстания». Она была подготовлена Институтом истории Польской академии наук и университетом Яна Кохановского в Кельце. Среди российских участников были О.С. Каштанова, С.А. Мулина, Т.П. Мосунова, А.А. Боголюбов, А.И. Селицкий[113]. 17–18 октября 2013 г. в Варшаве прошла конференция «Россия, Европа и польская борьба за независимость в XIX веке», организованная Польско-российским центром «Диалога и согласия». С российской стороны на конференции выступил А.И. Миллер[114].

Памятные мероприятия, посвященные восстанию 1863 г., прошли также в Литве, Белоруссии, на Украине, в Молдавии. Были проведены конференции, презентации книг, различные выставки, выпущены монеты, марки и открытки в честь этого события.

Таким образом, мы видим, что восстание 1863 г. всегда привлекало внимание российских исследователей и активно обсуждалось в печати и исторической литературе. В дореволюционной России восстание оценивалось критически в первую очередь благодаря лозунгу восстановления Польши в границах 1772 г. Поражение восстания 1863 г. рассматривалось в неразрывной связи с «исторической предопределенностью» падения Польши. В советской литературе польское восстание трактовалось

111 См.: http://www.rodacynasyberii.pl/aktualnosci/1/1/110/

112 См.: http://polish.ruvr.ru/2013_09_06/Rosja-Polska-mity-a-realia/

113 См.: http://www.ujk.edu.pl/webujk/drogi_polakow_do_niepodleglosci.php

114 См.: http://dzieje.pl/aktualnosci/konferencja-rosja-europa-i-polska-walka-o-niepodleglosc-w-xix-wieku

как составляющая дворянского этапа освободительного движения в России, а идея воссоздания Речи Посполитой приписывалась консервативной части руководства повстанческим движением. Самым плодотворным в развитии отечественной историографии восстания 1863 г. являлся советский, а именно послевоенный период, когда было налажено тесное сотрудничество между советскими и польскими учеными, введен в научный оборот огромный комплекс документальных материалов, написаны фундаментальные труды по истории борьбы за независимость польского народа, русско-польских революционных связей. В настоящее время исследователи все чаще обращаются к анализу роли восстания 1863 г. в международной политике. Проблематика восстания разрабатывается в историографическом плане, также историки занимаются изучением взаимных стереотипов в русском и польском общественном сознании второй половины XIX – начала XX в.

Станислав Вех
(Кельце)

Январское восстание 1863 г. в воспоминаниях петроковского губернатора К.К. Миллера

Январское восстание, увиденное глазами участников его подавления или других российских современников, малоизвестно в польской историографии, что затрудняет понимание его роли в перспективе развития исторических связей Польши и России. Эту роль нельзя, однако, обходить молчанием или игнорировать. Русское видение польского восстания 1863 г. и сложившиеся на его основе стереотипы, полученный в результате усмирения восставших опыт имели огромное влияние на характер польско-русских отношений и надолго определили политику царской России по отношению к полякам и польским землям.

Из множества русских источников, касающихся событий 1863 года, особенного внимания заслуживают воспоминания Константина Константиновича Миллера (1836–1911). Во время Январского восстания Миллер участвовал в борьбе с повстанцами в Царстве Польском и в Литве. После подавления восстания в течение 40 лет он занимал ряд ответственных должностей в администрации Царства Польского (комиссара по крестьянским делам, а в конце карьеры – плоцкого, а затем петроковского губернатора). Как участник подавления восстания и чиновник высокого ранга Миллер и оценил Январское восстание.

Собранные в нескольких десятках томов воспоминания и дневники Миллера, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации[1], составляют богатый и любопытный материал, который позволяет ответить на вопрос: как Январское восстание восприняли и оценили русские, которые сначала участвовали в подавлении «польского бунта», а затем остались на польских землях, жили среди поляков, вращались в буржуазно-землевладельческих кругах и в среде высшего чиновничества, укрепляя позиции царской бюрократии Царства Польского?

Воспоминания Миллера позволяют также установить, насколько оценки русской бюрократии были отличными от польского видения и

1 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 996. Оп. 1. Д. 1–56.

польской памяти о восстании, которую царские чиновники старались стереть и изгладить. Они также дают возможность судить о том, насколько их автор сам испытал культурное и эмоциональное воздействие польского окружения, в течение 40 лет общаясь с поляками. Свидетельства этого мы находим и в используемом Миллером словарном составе языка, полном польских наслоений и заимствованных слов. «В подавлении мятежа 1863–1864 гг., – утверждал Миллер, – и я принимал участие, будучи на службе в 1 пехотном Невском полку, и потому мог составить себе совершенно ясное понятие о нем»[2]. Он настаивал, что приобрел достаточно большие знания о Январском восстании и чтобы выработать о нем однозначное, и в то же время, как вытекает из дневников, типичное для русских мнение.

На основании дневников Миллера можно выделить несколько характерных представлений, которые способствовали складыванию стереотипов о Январском восстании. Первый из них – что вспыхнувшее восстание якобы было следствием господствующего в Царстве Польском хаоса и растущей против русских волны ненависти в то самое время, когда русские власти решили пойти на уступки полякам. В этом отношении мнение Миллера разделяли и другие русские[3], в том числе оставивший воспоминания участник борьбы с повстанческими отрядами – Николай де Лазари[4]. После подавления восстания он так же, как и Миллер, остался чиновником жандармерии в Царстве Польском. Незадолго до Январского восстания Лазари служил в располагавшемся в Плоцке Либавском полку. «В польском обществе, – писал в дневнике Лазари, – всюду в Царстве Польском настало какое-то брожение, и поляки к русским офицерам и солдатам стали относиться недружелюбно. Отношения наши стали обостряться, и поляки, в особенности польки, на каждом шагу начали оскорблять офицеров, обливать чем попало из окон офицеров, проходящих по улицам. В это время наместником уже был князь [М.Д.] Горчаков. Народ польский, под главенством агитаторов против русского правительства, стал собираться в костелы и петь запрещенные гимны: “Боже цось Польске”, “С дымом пожаров”». Далее Лазари писал, насколько трудно было русским военным, перенося оскорбления, бороться с антиправительственными выступлениями в условиях повсеместных антироссийских настроений в польском обществе и бездействия администрации[5].

2 ГАРФ. Ф. 996. Оп. 1. Д. 32. Дневник. Ч. 2. 1904 г. Л. 6.

3 *Wiech S.* Rosyjskie wojskowo-policyjne osądy Aleksandra Wielopolskiego. Kielce, 2014 (в печати); *Милютин Д.А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина 1860–1862. М., 1999.

4 *Лазари Н.* Из воспоминаний Николая Николаевича де Лазари. – Личный архив автора настоящей статьи (далее – архив автора).

5 Там же. Л. 32–33.

Сам взрыв Январского восстания Миллер, так же как почти все другие русские, оценил как акт измены, бунта и обмана. Эти оценки он подчеркивал применением соответствующей терминологии, называя восстание «бунтом», а повстанческие отряды «бандами и шайками мятежников». Миллер признал также, что «из всех польских мятежей последний 1863–1864 годов был, конечно, безумнейший, что осознали скоро и сами поляки»[6].

Вопреки современным взглядам польской историографии, критически оценивающей уровень организационной и военной подготовки восстания, Январское восстание в характеристике Миллера предстало повсеместным взрывом, а повстанческие отряды – как относительно хорошо организованные и вооруженные.

Описывая события начавшегося восстания, К.К. Миллер замечал, что «мятежные банды расплодились очень быстро» и уже к концу января 1863 года распространились по лесам во всей Польше и Литве, что более крупные отряды были сформированы Марьяном Лянгевичем на границе с Австрией. Они были, по его словам, хорошо вооружены, имели даже артиллерийские орудия и действовали решительно. Как факт, вызвавший особое возмущение Миллера, он указывает, что при Лягневиче в качестве адъютанта состояла некая русская девица Анна Пустовойтова, изменившая тем самым «вере и отечеству». Значительные отряды повстанцев, по свидетельству Миллера, действовали также в Сувалках, в Плоцкой губернии и в Литве. Большинство же остальных «банд», по его словам, не представляло собой серьезной военной силы. «Главный труд русских отрядов состоял в разыскании таких банд, укрывавшихся в тогда еще густых лесах Польши и перекочевывавших из одного леса в другой, и уклонявшихся от вступления в бой с нашими войсками, за исключением случаев, когда на них натыкались совсем небольшие отряды этих войск»[7].

Характеризуя отряды восставших, Миллер отмечал роль польской эмиграции в учреждении корпуса повстанческих военачальников, а также значение поддержки восстания со стороны европейского революционного движения. Он добавлял при этом, что к Январскому восстанию присоединились также польские офицеры, служившие в русской армии. «Предводительствовали бандами, – писал Миллер, – разные “авантюристы” эмигранты-поляки, давно уехавшие прежде мятежа с края, обучавшиеся военному искусству во французских и итальянских военных коллегиях; французы-революционеры, итальянцы – их посылал Гарибальди, помещики, ксендзы, наконец, наши офицеры-поляки, между ними и генерального штаба, как, например, Сераковский и Падлевский, эмигри-

6 ГАРФ. Ф. 996. Оп. 1. Д. 32. Дневник. Ч. 2. 1904 г. Л. 5.

7 Там же. Л. 19–20.

ровавшие за границу незадолго до мятежа или бежавшие на польскую сторону во время мятежа. Измена последних являлась тем более возмутительной, что покойный император Александр еще в 1862 г. в предвидении мятежа, сознавая, что тяжело бороться чувству долга с чувством патриотизма, великодушно повелел предложить всем офицерам-полякам, состоявшим на службе в войсках, расположеных в Польше и Литве, перейти в войска, расквартированные в России, или оставить службу.

К чести Невского полка, в котором я служил, – продолжал Миллер, – большинство офицеров-поляков, не уверенных в себе, перешло в Россию, прочие же остались верными присяге во все время мятежа. Только один юнкер нашего полка, Карвовский, сбежал в повстание. Однако вскоре при стычке он был захвачен в числе легкораненых и в 24 часа расстрелян. В Либавском полку <…> пребежали на сторону поляков три ротные командира польского происхождения. Покойный М.Н. Муравьев не щадил таких изменников, а чтобы офицер-поляк мог доказать свою верность присяге, приказал начальникам отрядов ставить их с первого ряда и давать им ответственные поручения»[8].

По воспоминаниям Миллера, чрезвычайно важная роль в Январском восстании принадлежала участвовавшим в нем духовенству и женщинам, ставшим, по его словам, «душою последнего мятежа в Польше»[9]. Это же засвидетельствовали не только польские, но и русские современники[10].

Демонстрируя степень участия польских женщин в Январском восстании, что, наверное, противоречило русским стереотипам о роли женщин в общественной и политической жизни, Миллер отметил: «Польские женщины, и старые и молодые, от аристократок до мещанок включительно, отдавались мятежу всем сердцем, служа ему каждая чем могла. Ни на одного мужчину, хотя бы пожилого, будь только он не принадлежал к народной гражданской организации или не был прикован к постели болезнью, а тем более молодого и сильного, они [женщины. – *С.В.*] не хотели смотреть, если он уклонялся от участия в мятеже с оружием в руках, нещадно преследовали их, где могли, проклинали. Всеми святыми заклинали они каждого идти в банды и для успеха “польских справ” не

8 ГАРФ. Ф. 996. Оп. 1. Д. 32. Дневник. Ч. 2. 1904 г. Л. 19–20.

9 Там же. Л. 6.

10 *Anc B.* Ze wspomnień powstańca // *Bolesław i Józefa Anc.* Z lat nadziei i walki 1861–1864. Brody, 1907. С. 65, 80, 84, 123; *Chołodecki J.B.* Pamiętnik powstania styczniowego w pięćdziesiątą rocznicę wypadków. Lwów, 1913. С. 147–150; *Wiech S.* Католическое духовенство и Январское восстание в глазах и документах жандармерии Царства Польского // К 150-летию Январского восстания в Польше: Польские ссыльные в Новгородской губернии. Сборник материалов международной научной конференции. Великий Новгород, 2013. С. 29–43.

жалели ни мужа, ни брата, ни сына, ни жениха. И как магически увлекали они мужские сердца. Между женщинами были и такие, которые сами, переодеваясь в костюм повстанцев, участвовали в стычках с войсками, воодушевляя тем молодого и старого. Они же в костелах и монастырях во время богослужений прельщали народ своим пением революционных гимнов и в то же время собирали деньги на "оружие", на повстание. Разъезжали за "оружием" по помещичьим усадьбам, по городам и посадам, собирали белье и другие вещи для раненых, заготовляли бинт, корпию, разные медикаменты и пр., и никто не в силах был отказать им. Многие отдавали тотчас последнее свое достояние. Они же служили курьерами, развозя по бандам деньги, разные распоряжения "народового жонда", сведения о движении русских отрядов и пр., запрятывая более важные в волосы, чулки и далее. Успевали даже проникать в среду русских офицеров в стремлении добыть от них, что было нужно, более всего содействуя свиданию с арестованными в тюрьмах или передаче им записок; и надо сказать правду: редко, но все-таки были случаи, когда увлеченный красотой и игривостью польки, охотник до юбки юноша-офицер попадал в ловушку, даже не достигнув того, на что открытые объятия позволяли рассчитывать»[11]. По словам петроковского губернатора, был «еще один сорт полек-патриоток, но "подлого гатунка", которые чем могли мстили "за родаков" офицерам и солдатам, заражая их сифилисом»[12].

Воспроизводя казарменные сплетни, Миллер не только в очередной раз выразил свое негативное отношение к столь большой роли женщин в Январском восстании и стремление унизить полек, приводя для этого очевидно нелепое доказательство. Он также подчеркнул, что с его точки зрения участие женщин в освободительном движении противоречит не только их социальному статусу, но и естественному положению женщины.

Особое внимание Миллер уделил польскому духовенству, ставшему, по его словам, как и в представлении других русских современников, одним из главных виновников восстания, а затем самым активным и влиятельным участником «польского бунта»[13]. «Ксендзы и монахи, – утверждал Миллер, – хранили в подвалах костелов и монастырей склады разного оружия, свезенного туда пред повстаньем, а позднее доставлявшегося повстанцами, успевавшими "утекать" при разгроме войсками шаек. Они первые запевали в костелах революционные гимны, фанатизировали население и особенно молодежь своими проповедями и ярыми внушениями. До основания, убеждая каждого, что для поляка единственный путь

11 ГАРФ. Ф. 996. Оп. 1. Д. 32. Дневник. Ч. 2. 1904 г. Л. 7.

12 Там же. Л. 8.

13 *Милютин Д.А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина 1860–1862. М., 1999. С. 84, 189–190, 333.

для спасения души – безжалостное истребление всякими способами москалей. Сами ксендзы давали тому примеры <…> один из известных мне ксендзов, у которого квартировал офицер ротной команды, собственноручно застрелил его за карточным столом в момент, когда был дан сигнал началу мятежа».

Миллер писал, что «ксендзы и монахи благословляли банды пред выступлением их в леса, носившие повстанческое название “старый засек”, часто навещали банды, нередко сами вступали в ряды их, даже предводительствовали ими. Особым звоном в костельные колокола давали знать бандам, расположенным в ближайших к костелам лесах, о приближении отрядов войск, имели при себе для той же цели особых курьеров. Не брезгали бы в ближайших отношениях с шайками жандармов-вешателей[14], направляя их на разные убийства “здрайцов [предателей. – *С. В.*] отчизны”»[15].

В записках Миллер приводит любопытный факт, имевший, видимо, существенное значение для автора, что под воздействием духовенства Январское восстание получило также большую поддержку со стороны органистов. «Заканчивая о ксендзах, – замечал петроковский губернатор, – надо прибавить, что ближайшими сообщниками их, исполнителями всех их велений были органисты – каста и до сих пор одна из отвратительнейших в Польше».

Не менее отрицательные суждения вынес Миллер и в отношении польских помещиков; данная им характеристика вписывалась во всеобщее в русской среде убеждение, что польские помещики наряду с ксендзами принадлежали к главным виновникам событий восстания 1863 г., и на них тоже возлагалась вина в руководстве антирусским движением. «Все помещики, – читаем в воспоминаниях Миллера, – не ушедшие в банды, всецело, однако, принадлежали мятежу, и каждый служил ему чем мог. Они охотно вносили в кассу “народового ржонда” [повстанческого правительства. – *С. В.*] денежные “офяры” [пожертвования. – *С. В.*], нередко очень крупными кушами, снабжали банды провиантом, вином, пивом, водкой, лошадями, скотом и пр.; укрывая у себя оружие, давали у себя приют отставших от банд больных и раненых повстанцев, сообщали бандам сведения о движении русских отрядов, а “народовому ржонду” о разных распоряжениях военно-полицейских властей, сведения о которых добывали в городах, через посредство жидов. В то же время они маскиро-

14 Повстанческая жандармерия выполняла полицейские функции на подконтрольной повстанцам территории, в частности осуществляла карательные действия в отношении людей, заподозренных в сотрудничестве с российскими войсками или в лояльности царским властям.

15 ГАРФ. Ф. 996. Оп. 1. Д. 32. Дневник. Ч. 2. 1904 г. Л. 6–7.

вались пред русскими властями. Как бы радушно предлагали начальникам отрядов, останавливавшимся на привал при деревнях или фольварках, угощения для офицеров и солдат, которыми, к чести русских, те не хотели пользоваться. Каверзно стараясь представить себя сторонниками порядка, они не стеснялись пред нами порицать "безмозглую рухавку [повстанческое движение. – *С. В.*] родаков, которая в конце концов станет гибельною для края"»[16]. Миллер отмечал, однако, что, «впрочем, особенно обвинять помещиков за то, что они содействовали своими средствами успеху мятежа, не приходится. Никому из них не было желательно явить равнодушие к мятежу или, еще хуже, поплатиться за то жизнью»[17].

Миллер, несмотря на данные польским помещикам негативные характеристики, наверное, чувствовал с ними какую-то связь, обусловленную сословным статусом и общественной позицией. Отчасти он оправдывал людей этого социального слоя, утверждая, что всеобщее участие польских помещиков в Январском восстании было в большой степени вызвано оказанным на них давлением со стороны общества, угрозой остракизма, чем якобы шантажировали землевладельцев, выступающих против восстания. В подтверждение этого тезиса петроковский губернатор приводил историю отставного ротмистра гвардейского гусарского полка некоего Сулизерского (?), владевшего имением Островы [Клобуцк. – *С. В.*] Ченстоховского уезда, фамилию которого Миллер точно не помнил. «Когда в начале восстания, – по словам петроковского губернатора, – к тому прибыли эмиссары "народового ржонда" с требованием внести в народову кассу известную сумму денег и выдать лошадей, скот и провиант для банд, он ответил им: "Берите, что хотите, вы теперь сила, но добровольно я не дам ни гроша, потому что не изменю присяге на верность, данной мною русскому государю". И что же? Его сейчас же вздернули на балконе дома. Мало того, на его дочерей никто из поляков не хотел смотреть, называя их "цурками здрайцы отчизны" [дочерьми предателя отчизны. – *С. В.*]»[18].

Совсем уничижительные характеристики давал Миллер «дробной шляхте» – сословной группе, которая исторически имела дворянское происхождение, но была в 1830-е гг. исключена из дворянского сословия. В значительной мере дробная шляхта утратила земельные владения, перейдя в той или иной форме в состав разночинной интеллигенции, или владела небольшими участками земли, которые обрабатывала силами самого владельца и его семьи, что в экономическом и культурном отношении сближало ее с крестьянством. Петроковский губернатор подчер-

16 Там же. Л. 11–12.
17 Там же. Л. 12.
18 Там же. Л. 13.

кивал, что эта группа с энтузиазмом поддержала повстанческое движение, в значительной мере обусловив его радикальный характер. «Дробная шляхта, – писал Миллер, – эти потомки беспорядочного сословия, в дни хаоса Польши часто срывавшие сеймы и сеймики <…> по образованию и образу жизни мало отличались уже тогда от крестьян <…> эта шляхта выделила из своей среды много народа в банды и служила повстанию усердно всякими способами и средствами. “Дробная шляхта” и мещане городов и мястечек наполняли собой и шайки жандармов-вешателей»[19].

Вполне соответствовали расхожим представлениям и оценки Миллера на тему роли и участия в Январском восстании еврейского населения. «О евреях говорить нечего, они служили и нашим, и вашим, те и другие пользовались их услугами, потому что в Польше и Литве без услуг жида не обойдешься»[20].

В соответствии с русскими стереотипами в воспоминаниях Миллера можем найти также тезис, что наиболее преданными царскому трону были польские крестьяне, которые не верили ни шляхте, ни духовенству. Повторяя рассуждения подобного рода, Миллер отнюдь не задавался вопросом, откуда в повстанческих отрядах появились описанные в его дневнике отряды косыньеров и из какой социальной среды происходили эти солдаты-косыньеры.

Воспоминания Миллера содержат любопытные описания боевых действий и боев русских войск с повстанцами. Миллер свидетельствовал, между прочим, о паническом страхе, каковой охватывал русских, оказавшихся в окружении. Указывал он также на значительную роль в сражениях с повстанцами отрядов казаков. Это мнение подтверждают и польские мемуаристы[21]. Иосиф Игнацы Ожегальски, вспоминая непрерывное бегство перед пикетами казаков и жестокость их отрядов, утверждал, что всегда до и после боя вокруг повстанческих отрядов появлялась ватага казаков, которая «как волки кормилась по полям»[22]. По мнению Ожегальского, казаки более других русских отчаянно сражались в бою и поступали жестоко по отношению к польским пленным. В интерпретации Миллера действия казачьих частей выглядели иначе. По его словам, «обыкновенно первыми жертвами с нашей стороны бывали казаки или кавалерийские солдаты, высылавшиеся в авангарде для разведки. Один, другой выстрел раздававшийся давал знать, что авангард наткнулся на неприятеля, тогда отряд, [спешившись], беглым шагом направлялся вперед, и начиналось дело»[23].

19 Там же. Л. 14.

20 Там же.

21 *Ożegalski J.I.* Wspomnienia krwawych czasów z roku 1863. Kraków, 1893. S. 33, 72, 153.

22 Ibidem. S. 37.

23 ГАРФ. Ф. 996. Оп. 1. Д. 32. Дневник. Ч. 2. 1904 г. Л. 18–19.

В воспоминаниях Миллера представлены и своего рода литературные описания картин боев с повстанцами. По словам автора, в повстанческих отрядах из всех выделялась красиво обмундированная молодежь, которую командиры первыми посылали в бой. «Обыкновенно когда [русский] отряд настигал банду, передовые бойцы ее, цвет польской молодежи, прекрасно вооруженные и щегольско одетые в контуши и конфедератки разных цветов, пешие и конные бросались вперед и боролись отважно, но скоро наши пули сметали их одного за другим. Остальной же сброд, состоявший из дробной шляхты, мещан, разных оффициалистов и помещичьей прислуги, нередко пьяный, вооруженный часто дрянными "дубельтувками" [двустволками. – *С. В.*], даже кремневыми ружьями, а в большинстве косами и даже топорами, охваченный паническим страхом, выгонявшим из головы хмель, старался "утекать" без оглядки во все стороны. Немало было в среде повстанцев и подростков 14–17 лет, высланных в мятеж фанатическими матерями. Бывали, хотя редко, случаи, как за отдел косиньеров, здорово упоенных водкой, предводительствуемый отчаянным "довудцей" [предводителем. – *С. В.*], шел в атаку на ту или другую часть отряда и схватывался с ним в рукопашный бой, износя косами весьма, и наносил раны офицерам и солдатам. По мере упорства повстанцев в бою оказывалось много или мало убитых и раненых из среды их. Когда их бывало много, особенно же раненых, тогда возня с ними была нелегка, так как при отряде никогда не состояло более одного-двух врачей и 4–5 фельдшеров. Но еще более представляли собою затруднения отряду пленные, захваченные обыкновенно в большом количестве»[24].

Миллер, описывая схватки русских солдат с повстанческими отрядами, подчеркивал разницу между ними в отношении к противнику и пленным. В его изображении русские всегда проявляли гуманность и милосердие, в то время как поляков выделяла жестокость и неистовство. Придерживаясь этой схемы, Миллер писал: «Русские с польскими пленными обходились вполне по-человечески, а добрые солдаты наши, жестокие только в бою, шутили с ними безобидно и делились с ними своим пайком <…> Не так поступали поляки, когда им удавалось завлечь наши небольшие отряды в чащу леса и окружить их бандою большего состава. Тогда не было никакого пардона русскому офицеру или солдату. За малым исключением, когда во главе банды стоял "довудца" – человек благородной души, умевший смирить шайку, – их [пленных. – *С. В.*] без пощады убивали, мало того, дергали, глумились над телом убитых. Были случаи, когда убитых русских находили с отрезанными языками или половыми членами, последние всовывались в уста. Не могло не волновать русского солдата такое варварство. Они видели в них [в своих противни-

24 Там же. Л. 20–21.

ках. – *С. В.*] прежде всего людей, в большинстве или увлекавшихся патриотизмом, или затянутых в банды насилием»[25].

Тут нельзя не отметить, что Миллер лично принял активное участие в работе, направленной на сохранение памяти и распространение русского видения восстания, в том числе чтобы сохранить в истории свидетельства о «неистовствах польских повстанческих ватаг». Будучи уже петроковским губернатором, он по случаю 40-й годовщины восстания опубликовал два выпуска воспоминаний русских солдат о событиях восстания в Петроковской и Радомской губерниях. Эти публикации, дополненные иллюстрациями могил русских солдат, погибших во время восстания, были опубликованы на страницах «Памятной книжки Петроковской губернии за 1903 год»[26]. Эти воспоминания Миллер также приложил к написанному дневнику[27]. В изданных Миллером воспоминаниях изображены два эпизода Январского восстания: кровавый бой, 27 августа 1863 г. с «ватагой Эдмунда Тачановского» в Сендзеёвицах, а также обстоятельства повешения повстанцами пяти русских солдат, схваченных отрядом Дионизия Чаховского в стычке под Некланем (Радомская губерния) 22 апреля 1863 г.

Помещенные в «Памятной книжке» описания битвы под Сендзеёвицами кардинально отличаются от тех, какие сохранились в польской памяти[28]. Свидетельства русских солдат как якобы непредвзятые и исходящие из народной среды должны были, по замыслу Миллера, также способствовать официальному распространению русского видения Январского восстания. Не останавливаясь на детальном сопоставлении описания упомянутого боя в источниках русского и польского происхождения, отметим только, что с русской стороны подчеркнуто прежде всего неистовство поляков. Обойдены же молчанием противоречащие русскому видению сведения о том, что Тачановский решил освободить двух русских пленных при условии отречения от присяги и обещания, что они никогда уже не будут участвовать в стычках с поляками. Освобожденные сдержали слово, о чем в издании Миллера не упомянуто, так как пример русского солдата, отказывающегося от борьбы с поляками, полностью не подходил к стереотипу, который хотели пропагандировать русские власти. Похожий тенденциозный характер имело описание казней взятых в плен русских солдат. В издании Миллера полностью умалчивается факт, что генерал Чаховский, который дал приказ о повешении,

25 Там же.

26 Памятники событий 1863 года в Петроковской губернии // Памятная книжка Петроковской губернии на 1903 год. Петроков, 1903. С. 301–310.

27 ГАРФ. Ф. 996. Оп. 1. Д. 28. Дневник. 1903 г. Л. 216–221.

28 *Stella-Sawicki J.* Rok 1863. Lwów, 1905. S. 101–102.

хотел тем самым отомстить за участие тех же солдат в насилиях, какие они совершали по отношению к безоружному гражданскому населению Вонхоцка. В солдатских воспоминаниях, опубликованных Миллером, не нашлось места символичному эпизоду, когда одному из приговоренных к повешению солдат была сохранена жизнь, так как при исполнении приговора оборвалась веревка. Жандарм-вешатель от имени русского просил Чаховского и настаивал пощадить приговоренного, как велит традиция. В дальнейшем он содержался среди пленных в отряде Чаховского, а затем был освобожден или сбежал. Интересно, что несколько месяцев спустя тот же русский солдат узнал среди заключенных в Келецкой тюрьме своего спасителя и обвинил его в том, что в отряде Чаховского тот приводил в исполнение смертные приговоры. Это обвинение стало основанием для вынесения повстанцу смертного приговора[29].

В воспоминаниях Миллера, как и в русской интерпретации истории Январского восстания, его участники и жертвы репрессий царских властей подверглись в общественном мнении суровому осуждению. В русских источниках не упоминались командиры и рядовые повстанческих отрядов, названы единственно только жертвы боев с «ватагами мятежников» или отличившиеся русские солдаты, а также «предатели родины», или доносчики и шпионы, казненные повстанческой жандармерией («жандармами-вешателями»). Подчиненная политическим интересам интерпретация прошлого имела целью стереть из памяти всё, что, по словам шефа жандармов Люблинской губернии, составляло питательную среду для культа и повстанческих традиций и в дальнейшем породило бы в умах польского общества «“idée fixe” о восстановлении Речи Посполитой от моря до моря»[30].

Эти черты российской официальной трактовки места восстания 1863 года в истории еще более ярко проявились в реакции Миллера и в его впечатлениях от посещения Рапперсвилльского музея истории восстания, который губернатор осмотрел, будучи в 1900 г. в Швейцарии в отпуске. Он был возмущен и потрясен, что в музее выставлено так много экспонатов, противоречащих его видению Январского восстания, а также свидетельствующих о жестокости русских. С издевкой Миллер отозвался о выставленной в коллекции хоругви с надписью «От калишских полек-израелиток 1863». Возмутили его картины с изображением жестокостей русских солдат. Если учредившее музей Рапперсвилльское общество,

29 *Anc B.* Ze wspomnień powstańca… S. 70.

30 ГАРФ. Ф. 109. 3 экспедиция 1874. Оп. 158. Д. 81. Л. 42; *Wiech S.* Католическое духовенство и Январское восстание в глазах и документах жандармерии Царства Польского // К 150-летию Январского восстания в Польше: Польские ссыльные в Новгородской губернии. С. 39.

писал Миллер, «хочет учить молодое поколение правде о восстании, то пусть представит картины, показывающие неистовство “народного ржонда 1863 г.” и всех его воспитанников впереди с ксендзами, владеющих и управляющих над большинством [людей], не склонных к восстанию»[31]. Он констатировал, что рапперсвилльский музей имеет только одну цель – поддержание ненависти к России и русским, и утверждал, что музей желает «мутить, разжигать новые поколения политическими страстями, будить в них эфемерные надежды на возможность вернуть Польше свободу, все ее былые владения, от моря до моря»[32].

Русское видение Январского восстания – выраженное и в воспоминаниях Миллера – было устойчивым элементом общественного сознания. Причина этого заключалась также и в том, что сформированные таким образом представления были тесно связаны с политическими целями, какие Петербург наметил в отношении польского общества и польских земель. Поскольку эти планы состояли в русификации Польши, то их фундаментальным основанием должно было стать уничтожение «польскости» и ее главных носителей – дворянства и католического духовенства. В этом случае «польский бунт 1863 г.» был отличным предлогом к тому, чтобы обвинить их в измене, представить как врагов России, проклинать их как виновников несчастий 1863 года. За все это польское дворянство и духовенство должны были понести суровое наказание. Используя в качестве обоснования своей политики Январское восстание, русское правительство прежде всего старалось изолировать ксендзов, землевладельцев, отчасти и политически активных женщин, от народа, лишить представленные этими сословиями патриотические силы какого-либо влияния на общественную и культурную жизнь страны. Царизм стремился, напротив, привлечь на свою сторону польских крестьян – якобы верных и благодарных России и царю за отмену барщины.

Оформленные в этом духе и всеми способами распространяемые картины Январского восстания были также заложены в основу русской традиции борьбы с польским национальным движением. Это подчеркивал и сам Миллер, напоминая, что он боролся с поляками в отрядах генерала Николая Карловича Толя – сына знаменитого военачальника, который 30 лет назад участвовал в подавлении Ноябрьского восстания. Миллер, творя русскую традицию борьбы с польскими повстанческими отрядами, гордился тем, что его командир «граф Толь действовал при подавлении мятежа очень энергично и удачно. Он разбил в пух и прах огромные шайки “Сокола” [Яна Матлинского. – *С. В.*] под усадьбой Фидеста и “Вавера” [Константина Рамотовского. – *С. В.*] под деревней Негожево и

31 ГАРФ. Ф. 996. Оп. 1. Д. 28. Заметки. Ч. 2. 1900 г. Л. 164.

32 Там же. Л. 161.

много мелких шаек». Стоит добавить, что те, в оценке Миллера, «огромные шайки» Рамотовского и Матлинского насчитывали немногим более 200 повстанцев, тогда как генерал Толь имел в своем распоряжении несколько тысяч солдат.

Воспоминания К.К. Миллера – это свидетельство того, как на русское видение Январского восстания тенью легла не только драма событий 1863 г., которая полякам и русским принесла совсем разное политическое наследство, разный и основанный на взаимной враждебности опыт. Они же демонстрируют, как на русскую традицию восприятия и осмысления Январского восстания повлияли реалии политической борьбы, какую после подавления Январского восстания вело с поляками русское правительство, инструментом которого был чиновничий аппарат. С позиции победителей, продолжающих дело борьбы с польским национальным движением, действовала и царская администрация, подавляя порыв поляков к свободе, преследуя наиболее активных участников освободительного движения. В условиях нарастающей неприязни укреплялась не только польская, но и русская оценка Январского восстания, и в тех условиях формировался ведущий в XIX в. в русской памяти исторический взгляд на роль и место Январского восстания в польско-русских отношениях. Сформулированные в первые годы после подавления Январского восстания русские взгляды и мнения были чрезвычайно прочными, так как их поддерживала официальная пропаганда, националистическая публицистика и влиятельная бюрократия, представителем которой был К.К. Миллер.

Русская бюрократия приняла активное участие в распространении стереотипного и согласованного с политическими целями правящих кругов видения Январского восстания. Примером может служить деятельность Николая Ивановича Павлищева (1801–1879), который был основателем и редактором «Варшавского дневника»[33], а также председателем Варшавского цензурного комитета. Свои посты Павлищев использовал для распространения «черной легенды» о Январском восстании. На страницах «Варшавского дневника» он размещал статьи, которые перепечатывали другие известные в России журналы. Цикл статей, воспоминаний и заметок, написанных во время «польского бунта» и посвященных Январскому восстанию, ксендзам, «жандармам-вешателям» или же «политическим злодеяниям», имел целью выработать в общественном мнении однозначную картину восстания и сформировать негативные образы его участников[34]. На страницах этого журнала, между прочим, утверждалось,

33 ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 490, 519, 520.

34 Из заметок эмигранта (1861–1863) // Варшавский дневник. 1865. № 158; Рассказы очевидца о польском возмущении (1863 г.) // Там же. 1865. № 77, 82, 98,

что введенный ксендзами террор олицетворял капеллан «жандармов-вешателей» ксендз Леон Годлевский, благословивший якобы участников покушения на генерал-полицмейстера Ф.Ф. Трепова, а истинное лицо и грехи польского духовенства воплотил капеллан повстанческой армии и вместе с тем последний повстанец, воевавший на Подлясье, – ксендз Станислав Бжуска[35]. Еще большие заслуги в распространении русского видения принадлежат Павлищеву как «историку» Январского восстания. За работу «Седмицы польского мятежа 1861–1864»[36], на которую «обратил внимание сам государь Александр II», Павлищев по приказу царя получил в награду майорат, который давал ему 3 тыс. рублей дохода в год[37].

Русские суждения о Январском восстании были в такой же степени эмоциональными, как и польские, но кроме того они были продиктованы политическими обстоятельствами, которые имели целью укрепить русские власти во мнении, что избранный путь репрессий, недоверия и уничтожения Польши был единственно правильным избранным направлением. В этом смысле воспоминания Миллера можно считать за свидетельство «типичных засматриваний», какое имела на польские дела, в том числе и на Январское восстание, царская бюрократия.

* * *

Январское восстание пропагандистски было использовано царскими властями для реализации важных политических целей, какими были обрусение польских земель, привлечение на сторону царя народных масс и сокращение влияния польских помещиков и духовенства. Потому не удивляет то, что даже на рубеже XX века русские власти продолжали напоминать о всеобщем участии в Январском восстании шляхты, ксендзов, женщин, утверждая, что показанное в восстании желание Польши сбросить иго и свергнуть российскую власть было актом измены, якобы заложенной в национальной природе поляков. Выстроенный на канве воспоминаний о Январском восстании российский миф поляка – мятежника и предателя, распространяемый с помощью административных властей и печати, способствовал возбуждению типичных для царской России

133, 135, 140; Из воспоминаний 1863 г. // Там же. 1865. № 228, 232; Из дневника армейского офицера // Там же. 1865. № 62; Мое участие в повстании // Там же. 1865. № 27; Из записок уцекинера // Там же. 1865. № 99, 100; Отрывки из дневника повстанца. Львов 1864 г. // Там же. 1865. № 285; 1866. № 2, 3, 19, 20, 23, 28, 32, 112, 121, 129, 153, 199; 1867. № 36; Майские прогулки в 1863 г. // Там же. 1866. № 143, 153, 161, 191, 204, 227.

35 Варшавский дневник. 1867. № 15.

36 ГАРФ. Ф. 978. Оп. 1. Д. 28–33; *Павлищев Н.И.* Седмицы польского мятежа 1861–1864 годов. СПб., 1887. Ч. 1–2.

37 ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 583. Л. 8–11.

общественных страхов, ощущению исходящей от Польши угрозы. Официальное русское видение восстания тем самым мобилизовало не только аппарат власти, но также общество на борьбу с чуждым по религии, культуре и языку народом, которому запрещено было изъявлять собственные потребности, мысли, запросы и политические стремления, в том числе стремление к независимости.

Л.Е. Горизонтов
(Москва)

Январское восстание в нарративах истории России

В истории Польши практически весь XIX век структурируется национально-освободительными восстаниями: полтора десятилетия Конгресувки завершается Ноябрьским восстанием, вторая треть века – «эпоха между восстаниями», последняя треть – «послеянварская ночь». Он вполне может считаться повстанческим, подобно тому, как XVII век в истории России имеет репутацию бунташного. При этом крупнейшие восстания вспыхивают в Центральной Польше и имеют антироссийскую направленность.

Известна оценка Январского восстания Ю. Пилсудским: «1863 год стоит на переломе нашей истории; старая Польша умирает – новая рождается». Между двумя мировыми войнами новейшую историю в Польше начинали именно с 1864 г. Завершением большого исторического периода Январское восстание мыслится до сих пор. Примечательно, что предыдущее, более масштабное в военном отношении, Ноябрьское восстание, во время которого боевые действия велись между регулярными армиями, столь важной вехой не считается.

Для ответа на вопрос о месте и роли восстания 1863–1864 гг. в истории России необходимо обратиться к различным ее метанарративам. Восстание пытались осмыслить и связать с судьбами России уже его современники, представлявшие все основные политические лагеря и мировоззренческие ориентации[1].

Либералы, поддержав усилия правительства по подавлению восстания, рассматривали его впоследствии как помеху Великим реформам, позволившую восторжествовать силам реакции. Само польское сопротивление могло изображаться архаичным, антимодернизационным.

Исследование осуществлено в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013–2014 гг., проект № 12-01-0222.

1 Основная библиографическая информация приведена в статье О.С. Каштановой, публикуемой в данном сборнике. См. также: *Аржакова Л.М.* Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке. СПб., 2010.

В восстании либералы винили не только его организаторов, но и правительство. Выбор между реформами и насильственными действиями был для них достаточно очевиден. Перспектива интеграции виделась в распространении на польские земли общероссийских реформ. В качестве альтернативы рассматривалось также наделение автономным статусом Центральной Польши, которая, находясь в составе Российской империи, воспринималась как своеобразная внутренняя заграница. В этой связи обращал на себя внимание политический опыт маркиза А. Велепольского. Власти предстояло заинтересовать поляков в принадлежности к империи.

Российские либералы сетовали на то, что, в отличие от радикалов, они не находили союзников среди поляков. Можно говорить о поиске Третьей Польши, свободной от исторической архаики и воспринявшей идеи модернизации. Отсюда интерес к варшавским позитивистам с их антишляхетской и антиповстанческой риторикой. Особенно активно либералы в России выступали со своим видением польского вопроса в периоды общественного оживления – на рубеже 1870–1880-х гг. и в 1905–1907 гг. Они констатировали доминирование консерваторов в формировании общественного мнения по русско-польским отношениям и стремились пропагандировать собственное видение межнационального конфликта. С.А. Венгеров еще при жизни М.Н. Каткова выражал пожелание: «Пусть только накопятся у них (поляков. – *Л. Г.*) сведения о том, что Пыпиных много, и что Катков в России ругательное слово»[2].

Консервативное направление русской общественной мысли делало акцент на опасности восстания для целостности империи и единства русского народа. Восстание квалифицировалось как мятеж, бунт, измена. Подчеркивался ответный рост русского национального сознания, и одновременно акцентировалась ключевая роль польского восстания в пробуждении центробежных сил в империи. Консерваторам была очень близка ксенофобская идея инородческого заговора, в центре которого непременно находилась польская интрига. Русскими консерваторами критиковались как уступки шляхте, так и социальный радикализм властей в проведении крестьянской реформы. Еще более однозначно осуждали крестьянофильскую политику Петербурга польские консерваторы. Они или подчеркивали консервативный характер ценностей, которыми руководствовались повстанцы, или объясняли радикализм последних российским влиянием.

Уступчивость имперских властей в польской политике рассматривалась русскими консерваторами в качестве важной предпосылки восста-

2 *Венгеров С.А.* Умственный поворот в польском обществе // Устои. 1882. № 5. С. 105.

ния. Если для либералов четверть века жесткого правления наместника И.Ф. Паскевича – время упущенных возможностей, то с консервативной точки зрения этот период, напротив, должен был служить образцом. Видное место в построениях консерваторов занимали тезисы о предательстве, вероломстве и неблагодарности поляков[3]. Свою специфику имела славянофильская интерпретация русско-польских отношений, причем историософские рассуждения славянофилов приобретали все большее влияние на общественное мнение России.

А.И. Герцен полагал, что развившееся со времен предыдущего польского восстания русское политическое сознание обеспечит сочувствие национально-освободительным стремлениям поляков. Рассчитывая на несогласие гражданского общества с правительственной политикой, он одновременно с позиций русского мессианского социализма критиковал поляков за недостаточный социальный радикализм и невнимание к субъектности народов русско-польского пограничья. Таким образом, в позиции Герцена обнаруживаются точки соприкосновения с постулатами представителей других общественно-политических течений. Ее не следует рассматривать как обособленное явление, несмотря на острый конфликт издателя «Колокола» с соотечественниками[4].

С выходом на политическую сцену разночинцев-шестидесятников, совпавшим по времени с подъемом освободительной борьбы поляков, российское революционное движение значительно усилилось и радикализировалось. Никогда раньше идея борьбы «за нашу и вашу свободу» не находила столь реального воплощения в революционном действии, хотя последнее, конечно, не оправдало возлагавшихся на него надежд. Революционная традиция сохранила память о русско-польском союзе в борьбе с царизмом.

В.И. Ленин высоко оценивал шляхетское движение и позицию Герцена в польском вопросе, что во многом определило повышенный интерес советских историков к Январскому восстанию. После прихода к власти большевиков в освещение истории Польши и российско-польских отношений привносятся марксистские интерпретации, тогда как во II Речи Посполитой пессимистический по преимуществу взгляд на восстание сменяется на оптимистический. Историки Народной Польши, по сути, интегрировали оба подхода – марксистский и национально-патриотиче-

3 Характерно, что интервью по случаю юбилея восстания газете «Rzeczpospolita» решением ее редакции названо именно «Польская неблагодарность». См.: *Gorizontow L.* Polska niewdzięczność // Rzeczpospolita. 2013. 19–20 stycznia. S. 6–7.

4 *Gorizontow L.* Aleksander Hercen jako historyk współczesności: wątki polskie // Myślą i słowem. Polsko-rosyjski dyskurs ideowy XIX wieku. Warszawa, 2014. S. 65–82.

ский, при этом активно сотрудничая с советскими коллегами, что было новым и исключительно существенным по своим историографическим и источниковедческим последствиям моментом.

Руководствуясь классовым и формационным ориентирами, советская историография соотносила Январское восстание с периодизацией освободительного движения в России, так называемой первой революционной ситуацией и переходом от феодализма к капитализму, закрепленным аграрными преобразованиями. Учет польского фактора побудил несколько скорректировать зафиксированную в канонических ленинских текстах периодизацию. Так, революционную ситуацию, от развития которой зависела судьба государства в целом, предлагалось продлить до середины 1860-х гг.

Анализируя восстание, советские историки особо подчеркивали расширение социальной базы национального движения, в том числе за счет разночинского элемента – продукта разложения шляхетского сословия, радикализацию программы польского освободительного движения в направлении революционного демократизма и опыт русско-польского революционного союза. Восстание рассматривалось прежде всего под углом зрения борьбы с царизмом, которая в длительной исторической перспективе завершилась его свержением. В советской историографии позиции российских либералов и консерваторов второй половины XIX – начала XX в. в польском вопросе слабо дифференцировались и крайне недостаточно изучались, но при этом решительно осуждались. То же можно сказать об оценках воззрений представителей бюрократии и дореволюционной историографии[5]. Революционное сотрудничество объявлялось ключевым моментом межнациональных отношений. Локомотивом формационного сдвига считались повстанцы, провозгласившие наделение крестьян землей в собственность. Крестьянская реформа 1864 г. в Царстве Польском могла трактоваться как проявление социальной демагогии, но и тогда эта оценка разделялась не всеми историками[6].

Крушение социалистического проекта, распад СССР и цементируемого им блока привели к существенной переоценке польского восстания в России. Сказались вполне объяснимая реакция на продолжительную идеологическую опеку над историками, вынужденными следовать жесткому кодексу политкорректности, широкое обращение к отечественным

5 Одно из немногих исключений: *Дьяков В.А.* Польская тематика в русской историографии конца XIX – начала XX века (Н.И. Кареев, А.А. Корнилов, А.Л. Погодин, В.А. Францев) // История и историки. 1978. М., 1981. С. 147–161.

6 *Gorizontow L.* Rzut oka na rosyjską historiografię polskich powstań XIX wieku // Polskie powstania narodowe na tle przemian europejskich w XIX wieku. Lublin, 2001. S. 415–426.

историографическим традициям, очень непростые российско-польские отношения рубежа XX–XXI вв., новые исследовательские приоритеты, связанные, в частности, с ускоренной интеграцией российских историков в мировую науку, и даже глобальные вызовы современности.

В плюралистичной постсоветской историографии дополнительный импульс получило осмысление Январского восстания с позиций парадигм национализма, модернизации, империологии и цивилизационного конфликта. Эти проблемные поля в современной науке очень тесно переплетены между собой: национализм и модернизация, национализм и империя, империя и модернизация. Январское восстание стало рассматриваться как один из ключевых факторов нациестроительства в Российской империи, нарастания в ней центробежных сил, генезиса русского национализма. В этом смысле сбылось предсказание Герцена, писавшего в 1863 г. о том, что польское восстание «провело глубокую черту. В будущих учебниках на нем будет оканчиваться одна глава русской истории и начинаться другая». Если не в учебной литературе, то в профессиональном сообществе подобный взгляд получил достаточно широкое признание.

Ощутимо возрос интерес к восстанию со стороны такого многочисленного отряда исследователей, как историки-россиеведы. Изучение восстания в контексте Российской империи обязывает к применению системного и сравнительно-исторического подходов, позволяющих соотносить польский вопрос с другими острыми внутриполитическими проблемами середины XIX в.[7] Именно в 1860-е гг. спектр воздействия польского фактора на российскую действительность был наиболее широким. Особую роль сыграло переплетение польского вопроса с фундаментальным крестьянским вопросом. В соответствии с традицией важнейшей вехой российской истории остается 1861 г., отделяющий дореформенную эпоху от пореформенной. И это несмотря на то, что еще в советское время получил признание вывод о том, что социально-экономический эффект крестьянской реформы в полной мере сказался лишь к 1880-м гг., а постсоветская историография рассматривает реформы и контрреформы в их единстве.

Проведенные исследования показали, что в среде российской государственной элиты третьей четверти XIX в. донационалистические представления сохраняли еще весьма прочные позиции, конкурируя с распространявшимися националистическими воззрениями. На заре Великих реформ в условиях общественного подъема претерпевала из-

7 *Горизонтов Л.Е.* Польский вопрос в кругу «роковых вопросов» Российской империи (1831 г. – начало XX века) // Государственное и муниципальное управление в России. История и современность. Самара, 2004. С. 65–80.

менение система взаимодействия власти и социума. Во время польского кризиса власть апеллировала к обществу, причем не только к элитарной его части, но и к простолюдинам. Политический курс в польском вопросе, вызванный к жизни восстанием, может рассматриваться в связи со становлением концепции «народной монархии», устранявшей так называемое «средостение» – посредничество образованных слоев, в том числе чиновничества, в общении самодержца с народными массами.

Важным видится изучение ментальных карт участников межнационального конфликта, которых опыт восстания побудил к уточнению демаркации между своим и чужим, конструированию новых образов регионов, в том числе тех, куда попадали ссыльные повстанцы[8]. Восстание в различной степени затронуло Царство Польское, белорусско-литовские губернии и Правобережную Украину и заставило не только имперское правительство, но и русское общество обратить взор на западные окраины – их исторические судьбы и этнокультурные особенности. Невнимание к русско-польскому фронтиру было решительно осуждено.

Период восстания исключительно богат информацией, позволяющей судить о взаимном восприятии русских и поляков. Имагологические исследования стали одним из самых популярных дискурсов современной российской полонистики, повышенный интерес к ним разделяется и польскими коллегами. Признавая большое значение этнических стереотипов, нельзя, однако, уходить от обсуждения адекватности их исторической действительности[9].

События первой половины 1860-х гг. можно рассматривать с точки зрения применения насилия. Трудно отрицать то, что с обеих сторон противоборство приобрело весьма жесткий по тем временам характер. Еще в 1861–1862 гг. борцы за независимость Польши обратились к индивидуальному террору, направленному против ключевых фигур царской администрации. Произошло это несколько раньше использования аналогичных приемов русскими революционерами-народниками. Неслучайно террористам (в частности, Д. Каракозову, открывшему чреду покушений на Александра II в 1866 г.) молва будет упорно приписывать польское происхождение. Повстанческий террор коснулся также гражданского населения, которое запугивали и карали жандармы-вешатели. Жесткими были и репрессивные меры властей, выдвинувших на авансцену своих

8 *Горизонтов Л.Е.* Русско-польское противостояние XIX – начала XX в. в геополитическом измерении // Европейские сравнительно-исторические исследования. М., 2006. Вып. 2: География и политика. С. 9–31.

9 *Он же.* «Польская цивилизованность» и «русское варварство»: основания для стереотипов и автостереотипов // Славяноведение. 2004. № 1. С. 39–48. См. также: *Хорев В.А.* Польша и поляки глазами русских литераторов: Имагологические очерки. М., 2005.

вешателей. Правда, ставшее, наконец, возможным изучение сталинского террора привело к пониманию того, что репрессии в дореволюционной России и Советском Союзе – явления весьма разного порядка.

Начиная с рубежа 1980–1990-х гг. в России издано гораздо меньше специальных исследований по Январскому восстанию, чем в 1960–1970-е и первую половину 1980-х гг., когда его изучению отдавал все свои силы большой коллектив историков-полонистов. Однако качественно возросла интегрированность восстания в историю Российской империи и расширился спектр его оценок. В современных российских научных трудах, в публицистических сочинениях и на страницах учебной литературы можно встретить самый разнообразный набор тезисов и аргументов на тему Январского восстания.

В этом плане показательна статья в «Независимой газете» А.Б. Широкорада[10], сочинения которого на самые разные исторические сюжеты широко представлены на книжном рынке страны. Отдавая дань одной из традиций, Широкорад противопоставляет в заглавии своей статьи «панов-революционеров» и «царя-реформатора». Однако в тексте, в соответствии с другой традицией, говорится, что паны боролись за «феодальные права» – свою анархическую, даже самодержавную свободу по отношению как к монарху, так и к своим крестьянам. «В роли революционеров, – заключает Широкорад, – выступали не паны и ксендзы, а Александр II и его сановники». Автор, по всей видимости, не в курсе того, что крепостное право на землях Царства Польского было отменено еще во времена Варшавского княжества. Он всячески усугубляет отсталость Польши и умаляет масштаб восстания, утверждая, что «успехи повстанцев были ничтожны». «Паны» изображаются в крайне негативном свете. Ряд фактов и оценок почерпнут из относительно недавно изданных воспоминаний видного представителя просвещенной бюрократии Д.А. Милютина, соединявшего либеральные воззрения с позицией государственника[11].

Возврат к старой оптике наблюдается не только в исторической публицистике и паранаучной беллетристике (выходящих, увы, большими тиражами!), но и в текстах исследовательского характера. В качестве примера можно привести сборник, являющийся не только выражением определенной тенденции в современной российской историографии, но и международным проектом, в котором особенно много польских и

10 *Широкорад А.Б.* Парадоксы Польского восстания 1863 года. Паны-революционеры против царя-реформатора // Независимая газета. Военное обозрение. 2008. № 19. С. 10.

11 *Горизонтов Л.Е.* Феномен Милютина-мемуариста. К завершению издания семитомных воспоминаний военного министра // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2008. № 1. С 209–212.

белорусских участников[12]. Включенные в него работы, ряд которых написан с явным полемическим задором, фиксируют разномыслие внутри сообществ историков России, Польши и Белоруссии. Абсолютное большинство его российских авторов – русисты, практически не использующие польские и западные исследования, но охотно ссылающиеся на дореволюционную русскую литературу. Игнорирование современной зарубежной историографии и слабое знание польских источников нередко подводят авторов, многие из которых нацелены на продолжение известных политических и историографических традиций, именуя польских повстанцев мятежниками и благожелательно отзываясь о М.Н. Каткове и М.Н. Муравьеве (деятелях, как и их антипод А.И. Герцен, конечно же, весьма неоднозначных). В результате в предлагаемом видении восстания слабо представлен не менее важный контекст истории Польши.

Заслуживающий специального анализа сборник включает как исследования, так и пространные рецензии, часть которых уже публиковалась ранее. Особый интерес вызвала вышедшая в 2010 г. книга М.Д. Долбилова «Русский край, чужая вера». По несколько текстов посвящены русским жертвам восстания, откликам на него в славянском мире, фигурам А. Велепольского и К. Калиновского. Обращение к Велепольскому и политическому опыту Великого княжества Финляндского позволяет поставить вопрос о мирной альтернативе восстанию, которое многими авторами сборника решительно осуждается.

Из сказанного выше следует, что интерес к восстанию связан с пониманием его ключевой роли в истории России, что признается сторонниками самых различных взглядов. Поэтому он не носит ситуативно-конъюнктурного «юбилейного» характера. Возможен ли консенсус российских и польских ученых в освещении восстания, принимая во внимание весьма различное его место в судьбах России и Польши? Не только возможен, но и необходим, учитывая насущную потребность в создании российско-польского нарратива общей истории, entangle history[13], а также проведении неконфронтационной политики памяти. Лишь исключив всякую ксенофобию – русофобию, полонофобию, руководствуясь эмпатией и соблюдая принцип историзма, можно понять другую сторону конфликта.

В рамках международного образовательного проекта «Россия и Польша: преодоление исторических стереотипов» Январскому восстанию посвящен отдельный учебный модуль, историческую часть которого автор

12 Русский сборник: исследования по истории России. М., 2013. Т. 15: Польское восстание 1863 года.

13 Подробнее об entangle history см.: *Горизонтов Л.Е.* Познавательный потенциал изучения российско-польской истории XIX–XX веков // Проблемы российско-польской истории и культурный диалог. Новосибирск, 2013. С. 11–19.

этих строк подготовил совместно с Веславом Цабаном[14]. Написанные в начале работы два текста, несмотря на их непохожесть, не содержали принципиальных расхождений в оценках. Это позволило согласовать общую версию, призванную прежде всего дать учителям средней школы представление о рациональных и иррациональных мотивациях и коридорах возможностей всех основных акторов, каждый из которых отстаивал собственную правду.

Краткий обзор подходов к изучению Январского восстания свидетельствует о том, что современные его интерпретации, испытывая влияние актуальных научных трендов, в значительной степени восходят к различным версиям участников и очевидцев этого крупного исторического события. В настоящее время, после длительного периода господства советской политики памяти, вновь артикулируется самый широкий спектр оценок, некоторые из которых не могут не вызывать беспокойства. Гораздо глубже, чем прежде, восстание 1863–1864 гг. интегрировано в политическую, социальную, этнокультурную и интеллектуальную историю России. Наиболее продуктивным решением видится, однако, создание нарратива общей истории, что требует более тесного взаимодействия российских полонистов и россиеведов, а также реализации международных проектов, учитывающих широкий спектр источников и интерпретаций.

14 Об упомянутом проекте см.: *Gorizontow L.* Przezwyciężanie wzajemnych uprzedzeń: o rosyjsko-polskiej współpracy edukacyjnej // Rocznik Instytutu Europy Środkowo–Wschodniej. Lublin, 2013. Zeszyt 3. S. 15–23.

Г.Ф. Матвеев
(Москва)

Опыт польского Январского восстания в трактовке Ю. Пилсудского

В свое время в СССР достаточно широко была распространенна оценка Ю. Пилсудского как эпигона восстания 1863 года[1]. Надо признать, что такой взгляд появился не случайно, повод для него дал сам Пилсудский, не раз обращавшийся в своем литературном творчестве к истории восстания 1863–1864 гг. Ни «инсуррекция 1794 г. под водительством Т. Костюшко», ни «Ноябрьский бунт 1830 г.» и польско-российская война 1831 г., значимость которых для польской истории он не отрицал, все же не стали предметом его специального изучения. А вот к истории Январского восстания он, не считая множества частных упоминаний этого события в его статьях и выступлениях, обращался специально: дважды в начале 10-х гг. XX в. и один раз в 1924 г.

Все оставшиеся в наследии маршала и начальника государства его сочинения на тему восстания различались по форме и были адресованы различным аудиториям. Первым обстоятельным анализом истории Январского восстания были 10 лекций о военной стороне восстания, прочитанных Пилсудским в краковской Школе общественно-политических наук в феврале–мае 1912 г. для достаточно узкой аудитории. Большую часть слушателей составляли тогда курсанты офицерской школы «Стрелка» в Кракове. Лекции, застенографированные одним из них, в будущем генералом Юлианом Стахевичем, были напечатаны в «Историко-военном обозрении» спустя 17 лет, в 1929 г. Таким образом, достоянием широкой общественности они стали достаточно поздно.

---

1 Наиболее полно она была выражена Карлом Радеком в статье «Маршал Иосиф Пилсудский», опубликованной в газете «Известия» в связи со смертью польского лидера. В ней он был назван «человеком, который пронес тлеющие под пеплом растоптанного восстания 1863 г. искры идей польской независимости…», «идейные истоки» которого «берут свое начало в той мартирологии, которую пережила Литва после подавления восстания 1863 г.». – Известия. 14.05.1935. Вне сомнения, данная статья не могла появиться без санкции И. Сталина.

Вторым обращением к повстанческой проблематике стала работа «22 января 1863», положившая в 1914 г. начало издательской серии «Польские битвы», инициированной владельцем магазина заказных изданий в Познани Каролем Жепецким. Поскольку серия была коммерческим проектом, то и адресовалась работа достаточно широкой читательской аудитории.

Наконец, третье обращение к теме восстания – работа «1863 год». Она вышла из печати в 1924 г. в виде брошюры, подготовленной на основании публичной лекции, прочитанной Пилсудским 20 января того же года в зале «Колизей» в Варшаве. Готовя текст лекции к печати, Пилсудский лишь дополнил его специальным введением. Таким образом, и эта работа была рассчитана на массовую читательскую аудиторию.

Тема Январского восстания затрагивалась в различном контексте также в ряде статей и выступлений Пилсудского, не занимая в них при этом центрального места. Перечисление, а тем более цитирование всех его обращений к истории и урокам Январского восстания не приблизило бы существенно к пониманию его восприятия этой последней в XIX в. попытки поляков сбросить с себя ярмо русского господства.

В связи с этим задача настоящей статьи ограничивается выяснением двух вещей. Во-первых, обстоятельств, предопределивших каждый из случаев пристального внимания Пилсудского к опыту Январского восстания; во-вторых, уроков, которые автор извлекал из этого опыта. Формулировка столь ограниченной исследовательской программы объясняется, в частности, и пониманием того, что Пилсудский не был профессиональным историком, для которого обращение к той или иной проблематике зачастую объясняется желанием удовлетворить собственный познавательный интерес. Он был обыкновенным любителем, с ограниченным доступом к источникам, работавшим в основном на основании мемуаров участников восстания с польской и русской стороны. И если он все же старался глубоко вникнуть в историю восстания, то, видимо, для этого существовали весомые основания.

Интерес к истории Январского восстания сформировался у Пилсудского еще в детстве, в отеческом доме. Тогда, по его словам, он не испытывал ни материальных трудностей, ни отсутствия ласки и сердечности со стороны любящих родителей. И только одно «омрачало чело отца, заставляло плакать мать и глубоко проникало в детские головы. Это была свежая память о национальном бедствии 1863 г. (я родился в 1867 г.). Мать, горячая патриотка, даже не пыталась скрывать от нас боли и разочарования в связи с поражением восстания, более того, в нашем воспитании делала упор на необходимость дальнейшей борьбы с врагом родины. <…> Все мои мечты концентрировались тогда на восстании и вооруженной борьбе с москалями…»[2]

2 Jak stałem sosocjalistą // *Piłsudski J.* Pisma zbiorowe. Wydanie prac dotychczas drukiem ogłoszonych. Warszawa, 1937. T. 2. S. 46.

Несомненно, не только усилия матери стали причиной того, что большую часть своей жизни Пилсудский посвятил активной борьбе за освобождение Польши. Если бы это было так, то и все другие дети четы Пилсудских, а не только Бронислав и Юзеф, стали революционерами и заговорщиками. Не последнюю роль, видимо, сыграли особенности характера Юзефа и жизненные обстоятельства, в частности арест и административная ссылка в Сибирь в 1887 г. в связи с делом о покушении на Александра III (дело А. Ульянова). Как признавался сам Пилсудский, он и Бронислав «были случайно в него вовлечены». И только в ссылке, «когда я мог спокойно все обдумать, что пережил, я стал тем, что я есть»[3], – писал Пилсудский в 1903 г. в статье «Как я стал социалистом».

Как известно, социализм Пилсудского был не интернациональным, а национальным. Его кредо в период увлечения социалистическими идеями, продолжавшийся до конца 1900-х гг., звучало следующим образом: «Социалист в Польше должен стремиться к независимости страны, а независимость есть непременное условие победы социализма в Польше»[4]. Лежащая в основе социализма ориентация исключительно на интересы пролетариата не давала особых возможностей для черпания из национальной истории примеров поведения для пролетариата. Поэтому Пилсудский крайне редко обращался в статьях социалистического периода в его биографии к сюжетам, имевшим отношение к Январскому восстанию. Первый раз он сделал это, пожалуй, в 1898 г., в предисловии к публикации т. наз. «Меморандума князя Имеретинского». В том же году появляется его статья по поводу открытия в Вильне памятника Михаилу Николаевичу Муравьеву[5]. Затем интересующая меня тематика обозначается в 1903 г. в статьях «Русификация»[6], «Еврейский вопрос в Литве»[7]. Все его высказывания о Январском восстании еще не содержали ни малейшего намека на то, что они являются результатом исследовательской рефлексии. Он делал это только для того, чтобы еще раз напомнить полякам о той жестокости, с которой русские власти подавляли восстание, особенно в Северо-Западном крае. Единственно, что уже достаточно хорошо просматривается, так это убеждение в том, что 1863 год стал рубежом в истории русской Польши и Северо-Западного края. Для Пилсудского польская история делилась на два периода: до Январского восстания и после него.

---

3 Ibidem. S. 52.

4 Ibidem. S. 52–53.

5 Wstęp do «Memoriału księcia Imeretyńskiego» // Ibidem. Warszawa, 1937. T. 1. S. 204–205; Pomnik kata // Ibidem. S. 227–229.

6 Rusyfikacja // Ibidem. T. 2. S. 31.

7 Kwestia żydowska na Litwie // Ibidem. S. 224, 225.

Свидетельством того, что Пилсудский начал переходить от национального социализма к чистой идее национального государства, мне представляется его статья «Политика активной борьбы», опубликованная в 1906 г. На основании проведенного в ней анализа революционного процесса в предшествующие годы, Пилсудский пришел к выводу, что с российским господством над Польшей можно покончить только путем вооруженного восстания. В связи с этим он сформулировал установку, кардинально расходившуюся с его прежней абсолютизацией роли пролетариата в решении польского вопроса. Теперь он считал нужным опереться не на отдельную часть, а на все польское общество: «Мы должны использовать все общественные силы для организации вооруженного восстания. Только оно может изменить основы нашего политического бытия»[8]. В связи с этим он поставил перед своими сторонниками задачу целенаправленной подготовки общества к будущему восстанию. И первым шагом в этом деле он назвал преодоление пессимизма имущих классов, отягощенных воспоминаниями о неудачах Ноябрьского и Январского восстаний. После этой статьи Пилсудский меняет ракурс рассмотрения истории восстания 1863 года. Теперь отпала необходимость связывать Январское восстание исключительно с интересами пролетариата, и в центре его внимания оказывается другой вопрос: что в 1863 г. вожди восстания сделали правильно, а в чем они ошиблись.

Прежний подход к Январскому восстанию, сутью которого было обращение к его истории в чисто пропагандистских целях, остается в прошлом. Пилсудский начинает изучать опыт восстания, особенно на его начальной стадии, чтобы выработать стратегию и тактику будущего вооруженного выступления в Царстве Польском. Об этом убедительно свидетельствуют его работы 1910 года – «Практические задачи революции в русском захвате» и «Военная география Королевства Польского». В них он, помимо восстания 1863 г., анализирует опыт франко-прусской, англо-бурской и русско-японской войн, а также революции 1905 г. Уже в первой из статей он, рассуждая о политических задачах революции, т. е. организации правительства на подконтрольных революционерам территориях, называет «идеальным примером» удачных действий в этой области организацию в 1863 г. местных органов повстанческой власти, «когда агентов правительства слушали не только противники восстания, но и враги Польши»[9]. Говоря о военной стороне будущего восстания, он ссылался на опыт Национального правительства в 1863–1864 гг., который развенчивал ложные представления о якобы непреодолимых трудностях с приобретением оружия для революционной армии («…оружие – это то-

8 Polityka walki czynnej // Ibidem. S. 265.

9 Zadania praktyczne rewolucji w zaborze rosyjskim // Ibidem. T. 3. S. 12

вар, такой же предмет торговли, как и всякий другой товар. Правда, эта торговля сталкивается с различными трудностями, но не такими, которые фабрикант бы не преодолел, ища путь к потребителю»[10]). Среди просчетов повстанцев он назвал недооценку ими момента внезапности при нападении на противника, неумение использовать достигнутый успех (так, после победы повстанцев под Гроховисками в 1863 г. они разошлись, и на этом кончилась диктатура Лянгевича)[11]. В «Военной географии…» было особенно отмечено удачное использование Галиции в качестве оперативной базы восстания[12], что, помимо всего прочего, конечно же, должно было служить оправданием Пилсудскому, также избравшему австрийскую часть I Речи Посполитой в качестве базы для подготовки очередного восстания в русской Польше.

По-настоящему серьезно анализом истории восстания 1863 г. Пилсудский занялся в 1912 г., преследуя сугубо практические цели. Об этом он сам писал в мае того года своему дяде, Станиславу Виткевичу: «…я сейчас по уши погрузился в 1863 год. Они [занятия] нужны мне для лекций, которые я читаю, и для разработки теории революции, понимаемой практически, они дают мне материал и данные…»[13]

С 13 февраля по 17 мая 1912 г. Пилсудский прочитал слушателям Школы общественно-политических наук курс лекций «Очерки военной истории Январского восстания». Подготовка курса не была для него простым делом. У него за плечами был один курс медицинского факультета Харьковского императорского университета и достаточно большой опыт публицистики (он, как и Ленин, при регистрации по месту жительства в Кракове назвал своей профессией публицистику). Но его никто не учил исследовательской работе. В уже упоминавшемся письме С. Виткевичу он писал: «Я не подготовлен к этому, и к тому же я лишен систематичности, ее нет в моем характере»[14]. Тем не менее он взялся за эту работу, чтобы «построить мост между сегодняшним поколением и поколением 1863 года»[15].

Пилсудский сосредоточился лишь на одном аспекте восстания – его военной составляющей в 1863 г. События 1864 г. он затронул фрагментарно. Источниками для лектора послужили воспоминания участников событий, как с польской, так и с русской стороны, а также немногочисленная на тот момент литература. Учитывая цель лекционного курса – обосновать необ-

10 Ibidem. S. 17.
11 Ibidem. S. 19, 20.
12 Geografia militarna Królestwa Polskiego // Ibidem. S. 47.
13 List do Stanisława Witkiewicza // Ibidem. S. 147.
14 Ibidem.
15 Zarys historii militarnej powstania Styczniowego // Ibidem. S. 141.

ходимость проводившейся под его руководством военной подготовки командных кадров будущего восстания, – выбор темы курса можно считать более чем удачным. Круг вопросов, которые занимали внимание лектора, необычайно широк и включает в себя основные проблемы, связанные с подготовкой восстания и его начальной фазой. В их числе: обучение командных кадров в Италии; формирование Центральным комитетом гражданской администрации; военная подготовка и вооружение повстанцев; психологический фактор (революционный порыв); планирование восстания; роль первого сражения и его результатов для судеб восстания и др. Т. е. охарактеризованный им круг проблем дает общее представление о том, как вели себя и повстанческая, и русская сторона накануне и на первом этапе восстания, который Пилсудский датировал концом января – второй половиной марта 1863 г. После этого в восстании произошел кардинальный переворот: «вооруженная революция» превратилась в «вооруженную демонстрацию», и все надежды руководители восстания связывали только с вмешательством в события великих держав[16].

Хотя Пилсудский и обещал слушателям не критиковать руководителей восстания за их ошибки, однако, исходя из преследуемых лекционным курсом задач, не мог не высказаться критически по всем поднятым вопросам, но только в плане возможных уроков на будущее. На основе этих конкретных критических выводов Пилсудский сформулировал главную, по его мнению, ошибку военной мысли восстания: «…непонимание роли заговора в революции… В восстании 1863 г. было двадцать с чем-то тысяч организованных людей при четырех с половиной миллионах неорганизованных. При этом сила революционного движения совершенно не соответствовала этой небольшой горсточке организованных людей. И в этих условиях возникла иллюзия, что существующая моральная сила существенно больше силы, которую представляют организованные люди, что эта моральная сила, растворенная в окружении, может быть использована материально для целей войны; что ее каким-то волшебным образом можно организовать для целей борьбы, как будто это уже готовая материальная сила.

Эта иллюзия, этот ошибочный расчет очень часто встречается у революционеров. 1863 год в этом отношении не исключение. Но этот год также доказывает, что в целях войны нельзя рассчитывать на моральную силу как на конкретную материальную ценность. Для целей войны следует рассчитывать только на то, что у тебя реально есть в руках, и, исходя из этого, планировать свои действия»[17].

---

16 Ibidem. S. 131. Проблема соотношения вооруженной революции и вооруженной демонстрации была им подробно разобрана в статье «Практические задачи…», но без привязки к восстанию 1863 г. – Ibidem. S. 17–18.

17 Ibidem. S. 139–140.

Итак, не упование на революционный порыв масс, а тщательная подготовка восстания в военном и организационном отношении, с тщательно продуманным, взвешенным и реальным планом на начальный этап восстания, – вот тот основополагающий тезис, который он стремился донести до сознания слушателей.

Как уже отмечалось ранее, опубликованная в начале 1914 г. работа «22 января 1863» писалась для широкого круга читателей. Отсюда и иная форма изложения, чем в вышеперечисленных статьях и лекциях. «22 января…» с полным основанием можно назвать исторической повестью. В основу положены многие факты и наблюдения из лекционного курса 1912 г., но при построении сюжетных линий Пилсудский активно пользовался литературными приемами, в частности, диалогами и внутренними монологами реальных руководителей восстания, вкладывал в уста и головы героев свои мысли[18].

После начала Великой войны в августе 1914 г. сюжеты 1863 г. исчезают из творчества Пилсудского. Как известно, многие из его предвоенных теоретических конструкций не выдержали проверки практикой. Ход военных действий на востоке не совпал с прогнозом Пилсудского, который он сделал в интервью Юзефу Хласке в начале 1913 г.[19] Поляки Царства Польского не восстали, ни польский легион в Австро-Венгрии, ни польский вермахт в немецкой зоне оккупации, несмотря на немалые усилия вербовщиков, так и не стали массовой добровольческой польской армией, не сложился и руководящий политический центр, приказы которого беспрекословно выполнялись бы обществом. Опыт Январского восстания в том виде, как его оценивал Пилсудский, оказался неактуальным.

Вновь тема восстания 1863 года у Пилсудского появится уже в независимой Польше. В период его пребывания у руля государственного управления он будет обращаться к ней в целях патриотического воспитания общества. Уже 21 января 1919 г. им были зачислены в армию с правом ношения формы все оставшиеся в живых ветераны восстания, а также издан специальный приказ к годовщине восстания по вооруженным силам. В нем повстанцы 1863 года были названы «последними солдатами Польши, борющейся за свою свободу, <…> образцом солдатских доблестей, которые мы будем наследовать»[20]. В 1919 г. появится еще новое направление в использовании Пилсудским памяти о Январском восстании: внедрение в сознание поляков идеи, что именно его стрелки являются прямыми наследниками и продолжателями дела героев 1863 года, а марш первой кадровой роты на Кельце – начало осуществления их мечты о воз-

18 Ibidem. S. 192–249.

19 Ibidem. S. 170–174.

20 Rozkaz w rocznicę powstania Styczniowego // Ibidem. Warszawa, 1937. T. 5. S. 52.

рождении Польши[21]. Он специально назначил на 22 января 1920 г. первое заседание капитула ордена «Виртути милитари» с участием делегации ветеранов восстания 1863 г. и произнес в их честь благодарственную речь[22].

В 1923 г. в судьбе Пилсудского произошел очередной крутой поворот, он оставил все государственные и военные посты и поселился в подваршавском Сулеувеке. В этот период своей жизни он снова занялся публицистикой, выступал на съездах «Стрелка», читал публичные лекции, давал интервью. Как уже упоминалось выше, лекцию, прочитанную 20 января 1924 г., он посвятил восстанию 1863 г., а затем издал отдельной брошюрой.

Работа появилась в очень сложный в политическом отношении для Польши момент. В конце 1923 г. страна пережила серьезнейший политический кризис. Отношения между партиями были столь напряженными, что единственной возможностью сохранить управляемость страны стало создание делового правительства В. Грабского. И вот в этой тревожной обстановке Пилсудский, пользуясь как поводом годовщиной восстания, произносит буквально панегирик Национальному правительству 1863 г. Пафос его лекции следующий: и в 1863 г. в Польше не было национального единства, общество было расколото на три лагеря: сторонников маркиза А. Велепольского, белых и красных. Казалось, что нет ни малейшей надежды на их объединение для совместной борьбы с русской властью. И все же такая сила появилась. Ею стало анонимное Национальное правительство, которое пользовалось непререкаемым авторитетом. Оно сумело создать достаточно эффективную систему власти на местах, решало многие вопросы повседневной жизни, фактически заставило царизм вступить с ним в соревнование на поприще аграрной реформы. Формулируя свою главную мысль, Пилсудский писал: «Когда я перелистывал страницы истории Национального правительства, то задавался вопросом, <…> куда делись страсти, которые в начале восстания так бурлили? Или белые и красные, те и другие, переоделись в розовые цвета и розовую воду поливали друг дугу ради собственного успокоения? Нет! Люди остались людьми, а с ними страсти и их сила. Но они умели преодолевать себя, и при этой победе даже маленькие человечки взялись за работу как люди, достойные своей эпохи»[23]. Фактически это его выступление можно трактовать как призыв к национальному согласию ради Польши.

---

21 Rozkaz w rocznicę wymarszu kompanii kadrowej // Ibidem. S. 97; O wartości żołnierza legionów // Ibidem. Warszawa, 1937. T. 6. S. 61; Wywiad Stanisława Laudańskiego // Ibidem. S. 197–198.

22 Przemówienie w dniu pierwszego posiedzenia kapituły «Virtuti Militari» // Ibidem. T. 5. S. 139–141.

23 Rok 1863 // Ibidem. T. 6. S. 166.

В «1863 годе» есть один сюжет, который, как представляется, ускользнул от внимания биографов Пилсудского. Речь идет о печати Национального правительства, которая, по его словам, была для людей «символом силы, символом своей значимости»[24]. Пилсудский описывает невероятное послушание, которое демонстрировали в отношении этого символа польской власти жители Царства Польского, и не только поляки, но и евреи[25]. Несомненно, мысль о роли печати-символа в мобилизации масс пришла Пилсудскому не в 1924 г., а значительно раньше, еще до начала Великой войны. Ведь не спонтанно же он не только огорошил участников заседания Комиссии конфедерированных партий 6 августа 1914 г. известием о создании в Варшаве тремя днями раньше Национального правительства, но и поручил С. Седлецкому безотлагательно вырезать перочинным ножиком печать с польским орлом и надписью «Национальное правительство», чтобы поставить ее под текстом воззвания этого мифического правительства, написанного в это время Л. Василевским[26]. Но поскольку восстание в русской Польше не вспыхнуло, то и печать эту больше в ход не пускали.

Из всего вышесказанного напрашивается вполне логичный вывод: все обращения Пилсудского к истории Январского восстания всякий раз диктовались текущими практическими потребностями его деятельности, а вовсе не обычной любознательностью историка-любителя. Но цель всех его штудий была всегда одна и та же – отталкиваясь от опыта восстания в его интерпретации, объяснить своим сторонникам и польскому обществу в целом, что нужно делать, чтобы их родина была свободным и независимым государством. И если до мировой войны он чаще всего примеривал этот опыт к текущим практическим потребностям его борьбы, то в независимой Польше он делал упор на моральную составляющую этого опыта как важный фактор в патриотическом воспитании общества.

24 Ibidem. S. 161.

25 Ibidem. S. 161–166.

26 *Матвеев Г.Ф.* Пилсудский. М., 2008. С. 172–173.

Ю.А. Борисёнок
(Москва)

Михаил Бакунин, Январское восстание и современная польская историография

Произнесенную 24 июля 1848 г. во Франкфуртском парламенте речь известного немецкого писателя Вильгельма Йордана (1819–1904) о польском вопросе Карл Маркс называл «дешевым, плоским дурачеством». Но именно цитату из этой речи известный польский историк и публицист Ян Кухажевский в 1920-е гг. использовал для весьма меткого сравнения причин взаимного интереса знаменитого русского революционера Михаила Бакунина и польских эмигрантов. Бичуя поляков, Йордан говорил красиво: «Альбатросы, птицы бури, налетают везде, где только затевается какое-нибудь восстание, чтобы во всеобщей неразберихе спасти свои интересы». Кухажевскому сравнение с альбатросами понравилось, и он задался вопросом: «А кого же искал Бакунин по всей Европе, если не птиц бури? Он чувствовал себя всё более чужим среди спокойствия, мещанского благосостояния на Западе, и чем это спокойствие казалось прочнее, тем нетерпеливее металась его душа. Он думал, что со своим неуемным беспокойством найдет понимание среди толпы польских изгнанников. И они чувствовали себя такими же чужими и беспокойными…»[1] Замечание достаточно меткое и вполне относящееся к польским контактам Бакунина, в том числе и периода Январского восстания. Семитомное сочинение Кухажевского «От белого до красного царизма» было переиздано в Польше в 1998–2000 гг., и содержащиеся в нем оценки, касающиеся России, ее общественного движения и персонально Бакунина, сегодня широко востребованы в современной польской историографии. Яна Кухажевского, скончавшегося в 1952 г., смело можно назвать современным польским историком.

Как найти Бакунина в России? Как известно, в мае 2014 г. исполнится 200 лет со дня рождения Михаила Александровича Бакунина (1814–1876). Накануне юбилейной даты можно утверждать, что ни в России, ни в других странах мира не случится сколько-нибудь существенного

1 *Kucharzewski J.* Od białego caratu do czerwonego. Warszawa, 1998. T. II. S. 210–211.

всплеска общественного интереса к этому событию, сравнимого хотя бы с популярностью Бакунина у деятелей европейского молодежного протеста 1968 г. или интересом к его личности в перестроечном СССР, когда 175-летие «великого бунтаря» в 1989 г. стало заметным событием не только в исследовательском плане. Михаил Бакунин в начале XXI в., в отличие, скажем, от начала XX в. – фигура вроде бы уже не слишком актуальная и оттого востребованная заметно меньше, чем четверть века тому назад. При этом стоит заметить, что невостребованность современным российским обществом Герцена, столь ярко проявившаяся в 2012 г. более чем скромным празднованием его двухвекового юбилея, гораздо контрастнее, чем в случае Бакунина: совсем недавно Герцен считался «правильным революционером-демократом», предшественником большевиков и обязательным писателем из школьной программы, но сначала отход от концепции «революционного демократизма», а потом и резкое снижение роли литературы в школьном преподавании превратили автора «Былого и дум» в человека, не слишком достойного внимания даже специализированного телеканала «Культура». Впрочем, Бакунин и Герцен – лишь частный случай общей тенденции потери в России интереса к «прекрасному XIX веку», как некогда изящно выразился известный польский историк Ежи Войцех Борейша[2].

На фоне этого очевидного падения общественного интереса многочисленные стереотипы, частью сформировавшиеся еще при жизни Бакунина, продолжают существовать, подчас дополняясь новыми оттенками, а преодоление традиционных предубеждений даже в серьезных научных исследованиях продвигается крайне медленно. К числу проблем бакуниноведения, наиболее подверженных стереотипному восприятию, попрежнему относится и весь комплекс отношений Бакунина с поляками.

При этом основной источник стереотипного восприятия бакунинского наследия в начале XXI в. закономерно исчез. Речь идет о традиционной недоступности сочинений Бакунина для широкого читателя. Еще в 1987 г., т. е. уже с началом «перестройки», первое за 52 года издание бакунинских произведений вышло мизерным для того времени тиражом в 2500 экз. и с грифом «Для научных библиотек», не поступив в продажу[3]. По подписке, а не путем открытой продажи распространялся и увидевший свет в 1989 г. тиражом 35 тысяч экземпляров том сочинений Бакунина в популярной серии, выходившей как приложение к журналу «Вопросы философии»[4]. В современной России работы «апостола анархии»

2 *Borejsza J.* W. Piękny wiek XIX. Wyd. 3. Warszawa, 2010.

3 *Бакунин М.А.* Избранные философские сочинения и письма. М., 1987.

4 *Бакунин М.А.* Философия. Социология. Политика. М., 1989.

давно и свободно продаются в книжных магазинах – к примеру, в 2000 г. крупное издательство «ЭКСМО» выпустило 700-страничный том произведений Бакунина под названием «Анархия и порядок» тиражом 7100 экземпляров[5].

Более того, для привлечения читателя некоторым издателям приходится создавать из трудов Бакунина некий развлекательный продукт. В 2008 г. так поступили издательства «Вече» и «Азъ», выпустившие тиражом в 3000 экз. сборник под названием «Интернационал, Маркс и евреи. Неизвестные работы отца русского анархизма»[6]. Под «неизвестными работами» скрывалась часть хорошо известной работы Бакунина «Кнуто-Германская империя и социальная революция» и перевод с французского языка нескольких бакунинских сочинений, опубликованных сотрудниками Международного института социальной истории в Амстердаме. Авторы предисловия, укрывшиеся за подписью «Издательство Азъ», попытались доказать, что «юдофобия в XIX веке не была ни чем-то необычным, ни чем-то предосудительным как в русском интеллектуальном обществе, так и в самой гуще народа. В этом нетрудно убедиться, почитав, к примеру, “Дневник писателя” Достоевского, некоторые стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, сочинения Гоголя, Тургенева, Аксакова, Лескова, Розанова, Чехова и других писателей». В эту представительную компанию авторы предисловия зачислили и Бакунина, назвав его «русским человеком, уважающим свой народ и родину»[7]. В итоге анонимные авторы предисловия, сами того не осознавая, воспроизвели старую точку зрения Емельяна Ярославского, который, бичуя Бакунина в своей книге 1939 г. «Анархизм в России», особо подчеркивал, что тот «был буржуазным националистом, шовинистом в период революций 1848 г., а антисемитом <…> он оставался всю свою жизнь»[8]. Таким образом, богатейшее и разнообразное наследие Бакунина было сведено ловкими издателями к примитивной юдофобии, якобы роднящей его с большинством классиков русской литературы.

Сегодня основные труды Бакунина легко доступны всем пользователям Интернета, что обеспечивает всем желающим свободное ознакомление с оригинальными текстами «великого бунтаря». Характерно, что в начале XXI в. практически сошла на нет «разоблачительная» литература о Бакунине, весьма популярная среди советских гуманитариев еще в годы «перестройки» и наполненная разнообразными негативными кли-

5 *Бакунин М.А.* Анархия и порядок. Сочинения. М., 2000.

6 *Бакунин М.А.* Интернационал, Маркс и евреи. Неизвестные работы отца русского анархизма. М., 2008.

7 Там же. С. 7, 9.

8 *Ярославский Ем.* Анархизм в России. М., 1939. С. 15.

ше. Такие, например, сочинения, как книги Серафима Канева «Революция и анархизм» (1987), Михаила Михайлова «Мелкобуржуазное бунтарство в эпоху промышленного капитализма» (1988) и Дмитрия Пронякина «Анархизм: исторические претензии и уроки истории» (1990, тираж 30 тыс. экз.)[9], сегодня невозможны и не востребованы на книжном рынке не только по причине крушения «единственно правильной» идеологии марксизма-ленинизма, но и вследствие общедоступности оригинальных работ Бакунина, которые его критики привыкли безбожно перевирать.

Таким образом, часть наиболее одиозных и навязчивых стереотипов, сформировавшихся вокруг Бакунина в России, постепенно отмирает. Размышления о «подлинной и мнимой революционности», столь характерные для советской эпохи, сегодня совершенно неактуальны. Углубленная разработка теоретических воззрений и практических революционных контактов «великого бунтаря», впрочем, в современной исторической и философской литературе встречается все реже. В то же время появились работы, в которых обстоятельно отражено генеалогическое древо дворянской фамилии Бакуниных и вклад семьи в общественно-политические процессы в России XVIII–XX вв. В обширной монографии Владимира Сысоева «Бакунины», изданной в Твери в 2002 г. значительным по нынешним временам тиражом в 3000 экз., семья Бакуниных предстает во всем многообразии политических и социальных связей, которые далеко не исчерпываются биографией самого известного ее представителя[10].

Польский образ Бакунина в XXI веке. В современной Польше, как и в России, трудно ожидать, что популярность идей и личности «великого бунтаря» позапрошлого века хотя бы близко достигнет уровня первых десятилетий XX столетия. Большой общественный интерес к Бакунину в межвоенной Польше воплотился, в частности, в том, что его фигура стала одной из центральных в многотомной работе Яна Кухажевского «От белого до красного царизма», II, III и IV тома которой («Генезис максимализма. Два мира», «Годы перелома, Романов, Пугачев или Пестель», «Освобождение народов») в значительной мере посвящены теоретическим взглядам и практической деятельности Бакунина. Переиздание труда Кухажевского в Польше под редакцией Анджея Шварца, Павла Петра Вечоркевича и Франтишека Новиньского в 1998–2000 гг.[11] весьма точно соответствовало смене идейных предпочтений поляков. Кухажевский,

9 *Канев С.Н.* Революция и анархизм. М., 1987; *Михайлов М.И.* Мелкобуржуазное бунтарство в эпоху промышленного капитализма. М., 1988; *Пронякин Д.И.* Анархизм: исторические претензии и уроки истории. Л., 1990.

10 *Сысоев В.И.* Бакунины. Тверь, 2002.

11 *Kucharzewski J.* Od białego caratu do czerwonego. Warszawa, 1998–2000. T. I–VII.

книга которого в «народной Польше» содержалась в спецхране, резко критиковал русскую революционную традицию и персонально Бакунина, но и сквозь эту критику невольно проглядывало восхищение личностью «великого бунтаря».

Современность книги Кухажевского еще и в том, что по отношению к Бакунину и его польским связям она намечала тенденции, не нашедшие затем развития в польской историографии 1950–80-х гг., в том числе и в единственной до сих пор в мировой науке специальной работе, посвященной польским контактам Бакунина в период революций 1848–1849 гг., автором которой в 1962 г. выступил историк из Лодзи Адам Лесьневский[12]. И в 2012 г. крупнейший современный польский бакуниновед Антоний А. Каминьский (род. 1947) называет эту работу «пионерской книгой», которая «основана на солидных архивных источниках, не утратила актуальности, часто цитируется, хотя в свете новейших установлений некоторые содержащиеся в ней фактические данные требуют уточнения либо корректировки»[13]. Каминьский, обстоятельно изучивший разноязычные сочинения о Бакунине, приводит очень скупые подробности дальнейшей биографии Лесьневского: он уехал из ПНР в 1968 г. в Швецию, после чего отметился в 1978 г. лишь одной статьей на прежнюю тематику, посвященной роли Стефана Полеса в экспедиции 1863 г. под руководством Теофила Лапиньского[14]. На наш взгляд, Каминьский оценил итоги работы Лесьневского излишне высоко. Более уместна характеристика, данная этому автору в нашей монографии 2001 г.: «На том уровне развития науки попытка Лесьневского была в целом удачной и в известной степени заполнила имевшийся в историографии пробел. Автору удалось до некоторой степени объективно подойти к оценке практической деятельности Бакунина в среде поляков, известной ему по привлеченным источникам (никаких принципиальных находок автор здесь не совершил). Однако при характеристике бакунинского идеологического наследия Лесьневский <…> приписал Бакунину идеи “славянофильства”, которое тесно уживается в концепции автора с пресловутым “панславизмом”, в ряде случаев проявил поверхностное отношение к давно известным источникам»[15].

Но в Польше 1990-х гг. и заинтересованный взгляд Кухажевского мог показаться излишним. На волне преодоления прежних концепций рево-

12 *Leśniewski A.* Bakunin a sprawy polskie w okresie Wiosny Ludów i powstania styczniowego. Łódź, 1962.

13 *Kamiński A.* Michaił Bakunin. Życie i myśl. T. 1. Od religii miłości do filozofii czynu (1814–1848). Wrocław, 2012. S. 76.

14 *Leśniewski A.A.* Certain Fiasko or the Role of Stefan Poles in the Polish Uprising of 1863 // Polish Review. 1978. Vol. XXIII. № 4. S. 18–38.

15 *Борисёнок Ю.А.* Михаил Бакунин и «польская интрига»: 1840-е годы. М., 2001. С. 20–21.

люционности и приоритетной роли радикализма в польском общественном движении XIX в. весьма характерны были взгляды Анджея Новака, противопоставлявшего в ситуации конца 1840-х гг. «типичного романтика» Бакунина и «трезвомыслящих поляков», русскому романтику не веривших[16]. Но найти среди «альбатросов» польской эмиграции 1840-х и 1860-х гг. людей, мысливших трезво, очень сложно, если возможно вообще. Кухажевский весьма уместно привел сообщение газеты «Демократа Польски» от 26 августа 1848 г. о том, что революция в России, оказывается, уже свершилась: «Согласно известиям, полученным из Петербурга, там вспыхнула революция, вот подробности: постоянные наборы рекрутов возмутили простой народ до чрезвычайной степени, а особенно в Москве и в Петербурге. В день, когда должен был наступить новый набор, петербургский митрополит, видя, что затевается, отправился к Николаю, умоляя, чтобы тот запретил набор или хотя бы его отсрочил; в ответ Николай указал ему на дверь. Митрополит ответил народу, спросившему его об итогах посольства, что с ним случилось: тогда рассвирепевший народ бросился к замку, где выстроилось войско, которое в ответ на команду “огонь” приняло оружие к ноге. Видя это, император удирает из дворца и убегает в Кронштадт, где располагается гвардия. После этого Сенат распускается и создается временное правительство. Со вчерашнего дня никого из Царства Польского не выпускают»[17]. Подобные иллюзорные надежды вдохновляли польских деятелей и в 1831, и в 1848, и в 1863 гг.; Бакунин, впрочем, в своих конкретных целях распространению этих убеждений, как минимум, не препятствовал. Развитие же взглядов профессионального историка Новака его коллегами из смежных гуманитарных специальностей приводит к выводам, весьма близким марксистскому обличительству эпохи ПНР. Именно в таком духе выдержала свою статью культуролог Ивона Массака, кстати, едва ли не единственный автор помимо Каминьского, специально обратившийся в XXI в. к контактам Бакунина и поляков в 1860-е гг.[18] В популярном контексте сравнения «русской и польской души» Бакунин оказался столь же невостребован, сколь и в рассуждениях советских историков о «подлинной и мнимой революционности». В своей книге 2013 г. Каминьский справедливо раскритиковал поверхностные высказывания Массаки о том, что у Бакунина якобы не было цельного взгляда на Польшу, поляков и польскую нацию[19].

16 *Nowak A.* Między carem a rewolucją. Studium politycznej wyobraźni i postaw Wielkiej Emigracji wobec Rosji. Warszawa, 1994.

17 *Kucharzewski J.* Od białego caratu do czerwonego. T. II. S. 345.

18 *Massaka I.* Kontakty Michaiła Bakunina z polskim ruchem narodowowyzwoleńczym lat 60. XIX w. Nadzieje i rozczarowania // Dusza polska i rosyjska. Spojrzenie współczesne / Pod red. A. de Lazari i R. Bäckera. Łódź, 2003. S. 103–110.

19 *Kamiński A.* Michaił Bakunin. Życie i myśl. Podpalacz Europy. Wrocław, 2013. T. 2. S. 395.

Но в новом тысячелетии интерес к бакунинской биографии и идеям все-таки проявился, причем и в сфере популярной литературы. В 2007 г. варшавское издательство «Jirafa Roja» переиздало в карманном формате известную работу Бакунина 1862 г. «Русским, польским и всем славянским друзьям»[20]. В этом издании примечательно вовсе не то, что был использован польский перевод, сделанный для львовского издания 1905 г. Больше половины книги занимает вступление, автор которого, Петр Китрасевич (род. 1962), достаточно известный в Польше писатель и журналист, умудрился обогатить мировое бакуниноведение несколькими неизвестными доселе мифами и легендами. Одни из них проистекают из невнимательности автора: Бакунин у Китрасевича родился 18 апреля 1814 г. (а не 18 мая, как на самом деле), уехал в Берлин в 1842 г. (а не в 1840-м), прожил 64 года (а не 62)[21]. Анекдотичное высказывание о том, что русские власти «поместили специального узника в крепости в Петропавловске»[22], указывает на весьма приблизительные представления Китрасевича об исторической географии России – Петропавловская крепость для него оказывается равнозначна двум городам Петропавловскам, камчатскому и казахскому.

В двух же случаях автор предисловия, оценивающий, кстати, Бакунина весьма высоко, дает волю совсем уж буйной фантазии. По Китрасевичу, обучаясь в «военной академии в Петербурге» (так польский автор именует Михайловское артиллерийское училище), 17-летний Бакунин, оказывается, успел поучаствовать в русско-польской войне! «В 1831 г. его вместе с частью послали в Королевство Польское с целью подавления Ноябрьского восстания. В соответствии с приказами он сражался против поляков, но одновременно удивлялся сопротивлению и героизму нашего народа»[23]. Данный эпизод вымышлен целиком и полностью – в Польше в 1831 г. Михаила Бакунина не было и не могло быть. Давно известный по источникам восторженный отзыв юного воспитанника артиллерийского училища о стихотворении Пушкина «Клеветникам России», отразившийся в письме родным от 20 сентября 1831 г.[24], с личным участием в польской кампании ничего общего не имеет. Греет сердце Китрасевича и заключенный Бакуниным в сибирской ссылке брак: «Он подружился с польским шляхтичем, ссыльным Ксаверием Квятковским, и влюбился в его дочь Антонину. Они заключили брак в Томске, а плодом их совмест-

20 *Bakunin M.* Do Polski, Rosji, Słowian. Warszawa, 2007.

21 *Kitrasiewicz P.* Wstęp // Ibidem. S. 9, 12, 36.

22 Ibidem. S. 24.

23 Ibidem. S. 10.

24 См.: *Борисёнок Ю.А.* Михаил Бакунин и «польская интрига». С. 140; *Kamiński A.A.* Apostoł prawdy i miłości. Filozoficzna młodość Michaiła Bakunina. Wrocław, 2004. S. 86.

ной жизни были трое детей. Существует, однако, гипотеза, что отцом всей тройки был другой ссыльный, друг Михаила»[25]. О том, что дети у бакунинской супруги появились уже в Европе после раздельного появления обоих супругов в эмиграции, этому автору, похоже, ничего не известно, как и о приоритетной версии о том, что отцом всех троих детей был неаполитанский адвокат Карло Гамбуцци…

Примечательно, что контакты Бакунина с поляками Китрасевич оценивает чрезвычайно высоко, чем, собственно, и вызвано переиздание на польском языке бакунинской работы 1862 г.: «В период между Ноябрьским и Январским восстаниями был он [Бакунин], пожалуй, единственным русским, который на международной арене столь бурно защищал дело Польши и поляков и однозначно выступал против российского государства. Он заплатил за это очень высокую цену»[26]. При этом этот автор предпочитает ссылаться на популярные брошюры о Бакунине межвоенного периода, но никак не проявляет своего знакомства с определенно заслуживающей внимания книгой вроцлавского исследователя Антония А. Каминьского о философской молодости Бакунина, увидевшей свет в 2004 г.

Именно на фоне подобных сочинений и смены исследовательского ракурса Кухажевский остается современным историком. Стоит заметить, что Каминьский пишет о вкладе Кухажевского в изучение темы не только кратко, но и противоречиво. В своей монографии 2004 года исследователь из Вроцлава представил вполне положительное мнение: «В межвоенный период занимался Бакуниным выдающийся политик и историк, Ян Кухажевский <…>, поместив в своем внушительном труде “От белого до красного царизма” обширные фрагменты о нем, которые до сих пор сохраняют большую ценность»[27]. В вышедших в 2012 и 2013 гг. двух первых томах задуманного им трехтомника о Бакунине Каминьский сохранил лишь упоминание о «внушительности» труда Кухажевского, но при этом причислил его к «польской советологии» и дал весьма жесткую характеристику его оценок Бакунина. По мнению Каминьского, в глазах Кухажевского Бакунин «воплощал <…> в законченном виде тип русского революционера, для которого цель оправдывает средства. Пронизывающая страницы его произведения антирусскость привела к тому, что некоторые мнения Кухажевского грешат чрезмерными упрощениями и отсутствием объективизма»[28]. Оценивая же «Исповедь» во втором томе своего труда, современный польский автор усмотрел в «основательном анализе

25 *Kitrasiewicz P.* Op. cit. S. 24.

26 Ibidem. S. 8.

27 *Kamiński A.* Apostoł prawdy i miłości. Filozoficzna młodość Michaiła Bakunina. Wrocław, 2004. S. 36.

28 *Kamiński A.* Michaił Bakunin. Życie i myśl. T. 1. S. 74.

текста», сделанном Кухажевским, еще и то, что «знаменитый ученый и в этом случае не мог избавиться от преследовавшей его русофобии»[29]. Но при этом само название второго тома, вышедшего из печати в 2013 г., – «Поджигатель Европы» – позаимствовано именно у Кухажевского, это название главы V в четвертом томе его работы[30].

Доказательством тому, что Каминьский излишне суров к своему предшественнику, служит и то обстоятельство, что одна из линий новых для межвоенного периода подходов Кухажевского к Бакунину любопытна и в современной историографической ситуации. Как и императора Николая I, «поджигателя Европы» (как, впрочем, и Герцена) польский историк оценивает достаточно высоко, в том числе и на фоне современной ему польской эмиграции. Кухажевский даже проводил крамольную с точки зрения политических задач своей книги мысль об интеллектуальном превосходстве Бакунина и Герцена над их современниками из числа польских изгнанников: «Так как среди молодой России николаевской эпохи сразу выдвинулись таланты большого калибра, и если мы возьмем эмиграцию в период между Крымской войной и Январским восстанием, то Герцен и прибывший в конце периода Бакунин превосходили талантом всю компанию польских эмигрантских писателей, за исключением, может быть, сотрудников “Wiadomości Polskich” из Парижа»[31]. Такие мысли актуальны и сегодня, но они были невозможны и в польской исторической науке эпохи ПНР (там сложно было сравнивать интеллект польских и русских «борцов за свободу» и «революционеров-демократов»), и в советской историографии, где велись скучные дискуссии о «подлинной» и «мнимой» революционности, причем Бакунин как «ярый враг марксизма» неизменно оказывался среди революционеров «мнимых»[32].

Во втором томе своего труда Кухажевский даже проводил весьма рискованную связь между известной речью Бакунина 29 ноября 1847 г. на польском митинге в Париже в честь 17-й годовщины Ноябрьского восстания и возникновением в 1863 г. Январского восстания. Называя его оценки готовности России к революции «мистификациями» и «иллюзиями», автор полагал, что «придет время, когда иллюзии эти соединятся с трагической судьбой польских патриотов. Бакунин, вернувшись из Сибири на Запад, с 1862 г. с удвоенной энергией начнет убеждать поляков,

29 *Kamiński A.* Michaił Bakunin. Życie i myśl. Podpalacz Europy. Wrocław, 2013. T. 2. S. 154–155.

30 А название главы I в том же томе – «Роковой вопрос» – дало заголовок хорошо известной в польской историографии книге Хенрика Глембоцкого. См.: *Głębocki H.* Fatalna sprawa. Kraków, 2000.

31 Ibidem. S. 418.

32 См., например: *Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г.* Революционная традиция в России. 1783–1883 гг. М., 1986.

что в России все готово к революции. Среди иллюзий, которые поляки полили кровью 1863 года, иллюзия русской революции играла не последнюю роль»[33]. Как видим, само Январское восстание Кухажевский считает исторической ошибкой с трагическими последствиями, а значительную часть ответственности за 1863 год возлагает на Бакунина, соблазнившего легковерных польских «альбатросов», попутно весьма решительно разоблачая миф «Земли и воли»[34]. Взгляд этот был отражением куда более решительных воззрений современников и части позднейших историков 1863 года, огульно обвинявших Бакунина, Герцена и деятелей «Земли и воли» в некоем предательстве польских интересов. Хорошо знавший ситуацию Агатон Гиллер, участник переговоров сентября 1862 г. с Герценом, Огаревым и Бакуниным и один из первых историков Январского восстания, уже в 1877 г. обоснованно отверг подобные обвинения в письме Юзефу Игнацию Крашевскому. Он назвал неправдой утверждения о том, что Герцен, Бакунин и «Земля и воля» подстрекали поляков к восстанию, равно как и о том, что они предали поляков. Гиллер писал, что не предал ни один, даже из тех, что не помогали полякам; палачами же и угнетателями были либералы. Деятелей «Земли и воли» Гиллер называл настоящими революционерами, которые признавали право поляков на самоопределение, но они, так же как и Герцен, опасались восстания в Польше по причине недостаточно подготовленной почвы в России[35]. Кухажевский вполне логично включает в круг людей, опасавшихся восстания в Польше, и Бакунина, который 10 ноября 1862 г. в письме деятелю «Отеля Лямбер» Ильдефонсу Коссиловскому (1829–1895) говорил о боязни неудачного восстания, вставляя в русский текст послания дважды повторенное польское выражение «Co to będzie?»[36]. Для Кухажевского 1863 год был временем «перепутья», когда дороги русских и польских общественных деятелей окончательно разошлись, а русско-польское примирение осталось в прошлом[37]. Здесь автор неоправданно категоричен, идея русско-польского революционного союза завершила свое существование только в 1920 г., напоследок спутав карты Белому движению в России.

Если воззрения Китрасевича в известной степени отражают состояние массового сознания части современных поляков, то книга Каминьского, уже первое издание которой уместилось в 502 страницы (второе издание 2012 г. существенно расширено, в 2013 г. появился второй том), стала очевидным прорывом. При всем обилии современной литературы

33 *Kucharzewski J.* Od białego caratu do czerwonego. T. II. S. 345.
34 Ibidem. T. IV. Warszawa, 1999. S. 105–107.
35 Цит. по: *Kamiński A.* Michaił Bakunin. Życie i myśl. T. 2. S. 403.
36 *Kucharzewski J.* Od białego caratu do czerwonego. T. IV. S. 120.
37 Ibidem. S. 151, 193.

о Бакунине усилия его польского биографа следует оценить весьма высоко и признать, что в мировом бакуниноведении давно не появлялось столь основательной, полемичной и призывающей к дальнейшему научному поиску работы.

Только в начале XXI в. в польской гуманитарной науке появилась первая биография Бакунина, причем на удивление обширная и обстоятельная. Авторский замысел поневоле вызывает уважение: упомянутая книга – всего лишь первый том из задуманной автором «бакунианы» (собственно биография займет три тома – помимо вышедшего, это т. 2 «Поджигатель Европы» (1848–1863) и т. 3 «Глашатай свободы» (1864–1876)).

Каминьский, как и большинство биографов Бакунина всех времен и народов, искренне увлечен личностью своего героя. Совсем не случайно введение к монографии заканчивается восторженным панегириком: на взгляд автора, сочинения Бакунина выходят «большими тиражами», ежегодно о нем пишут десятки статей, появляются новые книги, открывающие в его мысли новое содержание и неожиданный смысл, нередко слышатся голоса, подчеркивающие актуальность его теоретического анализа и проницательность предсказаний. Бакунин, убеждает нас его польский биограф, попрежнему вдохновляет молодежь и творческих людей, по возрасту и роду занятий склонных к бунту, несогласных с миром, в котором правят бал лицемерный легитимизм и самоуспокоительный компромисс с угнетением, злом и несправедливостью. Автору кажется, что «с разных концов мира слышится призыв: Бакунин, возвращайся!»[38].

Для современной гуманитарной ситуации в Польше эти лозунги звучат необычно, но в стране, 30 с лишним лет назад пережившей в образе «Солидарности» одно из воплощений бакунинского «коллективного террора», подобная точка зрения рано или поздно должна была прозвучать. Эти вдохновенные строки Каминьского перекликаются с мыслями Н.М. Пирумовой, сформулированными в ее известной биографии Бакунина из серии «Жизнь замечательных людей» (1970)[39].

Январское восстание занимает во втором томе работы Каминьского не самую объемную часть. Автор привлекает уже давно введенные в научный оборот источники, самым новым из них является опубликованное в 1998 г. в журнале «Исторический архив» письмо Бакунина Ю. Демонтовичу от февраля 1864 г. Автор поправляет Ленина, считая, что не только Бакунин, но и Герцен в 1863 г. спас честь русской демократии[40], и защищает Бакунина от представителей «маркистско-сталинской историографии», к которым почему-то относит лишь Г. Курписову и ее работу 1964 г.

38 *Kamiński A.* A. Op. cit. S. 38.

39 *Пирумова Н.М.* Бакунин. М., 1970.

40 *Kamiński A.* Michaił Bakunin. Życie i myśl. T. 2. S. 284.

и И.М. Белявскую[41]. В целом представленная им картина событий вполне объективна, включая и обвинения Юзефа Демонтовича в «болезненной антирусскости»[42], из общего повествования выбивается лишь вера вслед за С. Кеневичем в «революционную ситуацию в России» в 1863 г.[43] и чрезмерно оптимистичный взгляд на возможность успеха известной экспедиции Теофила Лапиньского к балтийским берегам Российской империи: «Как же иначе могли сложиться судьбы Январского восстания поляков, если бы Бакунин взошел на борт “Ворда Джексона” не в Хельсингборге, а в каком-то из портов Готланда». Как же иначе сложились бы судьбы восстания, а может даже России, если бы удалось создать «русскую дружину, которая – были на это шансы – могла бы разрастись в многотысячный отряд. Удалось ли бы Бакунину поднять крестьянские массы против царя и вызвать в России революцию? Этого мы, конечно, не знаем»[44]. Тут налицо явное преувеличение и слишком вольный вариант «альтернативной истории».

Уже в названии книги польского бакуниноведа таится дерзкая полемика с хулителями Бакунина, для которых он прежде всего «апостол анархии». «Апостол правды и любви» – так назван первый том сочинения Каминьского, охватывающий «философскую молодость» русского мыслителя до весны 1848 г. Обращает на себя внимание основательная исследовательская подготовка автора, изучавшего во Вроцлавском университете филологию и философию. Каминьский глубоко проник в разноязычное наследие Бакунина и обширный массив исследовательской литературы о нем и смежных проблемах. По стилистике и фундированности работа польского бакуниноведа сравнима с трудами 1920–30-х гг., когда интерес к Бакунину в мировой науке был весьма велик. В похожем ключе выдержаны труды самого маститого советского бакуниноведа той эпохи Ю.М. Стеклова, а в польской науке межвоенного периода – упомянутого выше Яна Кухажевского.

Это не монография о Бакунине и поляках, но нечто гораздо более существенное: развернутый взгляд польского гуманитария на биографию Бакунина и в целом на русскую общественную мысль XIX столетия. Каминьский походя рушит фундаментальные основы мировоззрения поклонников Достоевского и знатоков «русской души», размышляя о феномене российского анархизма, который был, по его мнению, «наиболее оригинальным, если не единственным вкладом России в европейскую

41 Ibidem. S. 398.
42 Ibidem. S. 293.
43 Ibidem. S. 272.
44 Ibidem. S. 299.

политическую мысль XIX века»[45]. Ракурс, под которым Каминьский рассматривает Россию позапрошлого века, несомненно, парадоксален и не слишком соответствует традиционным научным критериям, но он, право же, симпатичнее устойчивого стереотипа.

О всеохватном русском анархизме позапрошлого столетия автор, впрочем, обмолвился едва ли не однажды. На идеи и дела отраженного в книге 2004 г. периода бакунинской биографии Каминьский смотрит прежде всего взглядом философа, крайне недовольного наросшими в историографии пластами восприятия молодого Бакунина, которого затмил образ анархиста последних лет жизни. Исследователь из Вроцлава справедливо возражает против традиционных представлений о духовном развитии «великого бунтаря» в молодости как «философского флирта»[46] и стремится тщательно и с мельчайшими подробностями реконструировать идейную эволюцию своего героя. На этом пути ему удалось выявить и прояснить несколько неизвестных доселе деталей – весьма симпатично смотрится, например, расследование о нижегородском военном лекаре и философе Дмитрии Краснопольском, общавшемся с Бакуниным в 1834 г. под Вильно и приобщившем его к чтению Шеллинга[47].

Грандиозность поставленной задачи, впрочем, иногда ставит биографа в тупик – заметно, что если первоначальный этап жизни Бакунина, включая генеалогию его рода, в которой и поныне множество неясных и запутанных моментов, автор рассматривает едва ли не под микроскопом, выпячивая вполне несущественные для всей его дальнейшей жизни подробности, то уже в изложении его знакомств и контактов 1840-х гг. (гораздо более значимых и сказавшихся на его судьбе) Каминьский порой переходит на скороговорку и перечислительную интонацию. Пример тому – шаткая гипотеза о знакомстве Бакунина с письмом Гегеля Борису фон Икскюлю от 28 ноября 1821 г. о великом будущем России, столь же умозрительные размышления по поводу того, присутствовал или нет юный Бакунин в 1833 г. при первом официальном исполнении гимна А.Ф. Львова «Боже, царя храни», или искусственная попытка доказать возможность знакомства Бакунина с Пушкиным в петербургском салоне у Олениных в начале 1830-х гг.[48] Впрочем, польский гуманитарий в своем подходе далеко не оригинален – Россию Николая I до сих пор очень удобно умозрительно изображать «пушкинской эпохой».

Примечательно, что часть подробно освещенных в начале работы Каминьского маргинальных проблем вступает в противоречие с дальней-

45 *Kamiński A.A.* Op. cit. S. 31.
46 Ibidem. S. 33.
47 Ibidem. S. 90–91.
48 Ibidem. S. 69–70, 287.

шим изложением. Так, многословное повествование об искренней враждебности молодого Бакунина к «польской национальности», которое якобы «затушевывалось» в прежней литературе вопроса «во имя фальшиво понимаемой польско-русской дружбы», подкреплено популярными ныне рассуждениями о «стереотипе ляха и москаля», не исключая и восхитительной в своей нелепости в контексте XIX века фразы об имевшемся у русских комплексе более низкого по сравнению с поляками культурного уровня[49]. Вывод же из подобных размышлений получается весьма созвучный мнению Ю.М. Стеклова 1920-х гг.: оба бакуниноведа искренне удивляются «масштабу предубеждений», которые их герой якобы должен был преодолеть, чтобы «из врага поляков стать одним из наиболее самоотверженных борцов за их независимое государственное существование»[50].

На самом деле Бакунин, появившийся на свет через два десятилетия после последнего раздела Польши, с юных лет воспринимал поляков как соотечественников, подданных Российской империи, и традиционная с 1840-х гг. его цель – «быть свободным и освобождать других» – распространялась на Польшу в первую очередь не только по политическим мотивам. В этом плане весьма странной (и противоречащей общему ходу авторского изложения) является фраза Каминьского о том, что в 1845 г., отвергнув предложение известного эмигранта К.Б. Штольцмана выступить на польском митинге в Лондоне, Бакунин «в своем освободительном проекте для России не видел еще места для поляков»[51].

Каминьский вслед за многими предшественниками переоценивает искренность своего героя[52] – в результате смена идейных приоритетов Ба-

---

49 Ibidem. S. 83, 89. Укоренению этого приятного непросвещенному польскому взору стереотипа немало способствуют работы отечественного полонофила А.В. Липатова, отмеченные устойчивым комплексом «немытой России» и активно издающиеся по-польски. См. напр.: *Lipatow A.* Rosja i Polska: konfrontacja i grawitacja. Toruń, 2003. По сути подобные сочинения активно перекликаются, к примеру, со стилистикой работ небескорыстных польских друзей императорской России, стремившихся в XIX в. утвердить на Западе привлекательный облик Петербурга. Примечательно, что Каминьский, будучи серьезным профессионалом, предпочитает вообще не ссылаться на работы Липатова в тексте своей работы, ограничившись упоминанием единственного его сочинения в библиографии.

50 *Kamiński A.A.* Op. cit. S. 89.

51 Ibidem. S. 342.

52 Досталось и сэру Исайе Берлину, акцентировавшему в свое время внимание на «цинизме» Бакунина, – по мнению Каминьского, готовность отдать жизнь за отстаиваемые им взгляды никак не сочетается с образом «циника» (Ibidem. S. 119). Особого противоречия, если оглянуться на политический опыт XIX–XX вв., здесь нет, и Бакунин в своем «искусстве возможного» далеко не одинок.

кунина выглядит внезапной, плохо мотивированной и невероятной. При этом общую канву бакунинской биографии и идейного развития автор излагает весьма подробно и основательно, и указанные выше нестыковки прямо в глаза не бросаются. Биографа привлекает даже парадоксальная фраза Герцена, вычеркнутая тем из текста мемуаров, – о том, что Бакунин, проповедовавший православие, народность, самодержавие, годом позже заткнул за пояс Эбера и Клоотса[53]. Различные периоды в биографии Бакунина в итоге предстают разрозненными и никак между собой не соединенными, а путь от консервативного философа начала 1840-х гг. до известного всей Европе спустя несколько лет «бунтовщика» кажется совершенно непонятным.

В этом плане ближе к пониманию молодого Бакунина (при всем несовершенстве формулировок) был его непримиримый критик Кухажевский, при анализе «Исповеди» писавший об «анарходеспотизме» Бакунина и сходстве части его идейных воззрений с убеждениями Николая I[54]. «Отставной прапорщик», будучи элитным импортным интеллектуальным продуктом николаевской России, тонко чувствовал стилистику эпохи и в революционной стихии 1840-х гг. на Западе пытался вести себя столь же непоколебимо и уверенно, как позиционировал себя петербургский монарх[55]. Такая тактика дала результат: никому не ведомый «русский революционер» получил широкую известность в Европе, и приобретенная репутация «бунтовщика международного масштаба» следовала с ним до конца жизни.

В первом томе своей биографии Каминьский воспринимает николаевскую Россию и ее монарха в традиционном со времен Герцена ключе, не обращая внимания на серьезные историографические подвижки, наметившиеся с 1990-х гг. Это тем более досадно, что в собственно бакунинской проблематике автор чутко реагирует даже на работы региональных краеведов, объективно имеющие небольшую ценность. В итоге несколько смазывается вполне глубокий анализ философских воззрений молодого Бакунина, а его решение не возвращаться в Россию в 1844 г. якобы было встречено с непониманием и неодобрением «общественным мнением в России»[56]. Биограф не удержался даже от соблазна выставить петербургского императора едва ли не дураком: Николай I, дескать, не знал, что Берлинский университет – гнездо оппозиционной мысли, и опрометчиво от-

53 Ibidem. S. 206.

54 См.: *Kucharzewski J.* Op. cit. T. 2. S. 202–205; T. 3. S. 32–35, 54–55.

55 Подробнее см.: *Борисёнок Ю.* Чертово колесо. Современный взгляд на «Исповедь» Михаила Бакунина Николаю I // Родина. 1997. № 12. С. 44–50.

56 *Kamiński A.A.* Op. cit. S. 288.

правлял туда своих молодых подданных[57]. Будет жалко, если при работе над следующим томом своего исследования, где речь пойдет об «Исповеди» Николаю I, автор не ликвидирует этого пробела и не обратит пристального внимания на новейшую литературу вопроса, прежде всего российскую[58].

Не слишком заметно для читателя, но встречается в тексте Каминьского полный набор традиционных историографических стереотипов о Бакунине: тут и «славянофильские взгляды», и «антисемитизм», якобы сформированный под воздействием Прудона, и крайне рискованное (и ничем не подкрепленное в предшествующем и последующем изложении) утверждение о том, что еще накануне революций 1848 г. с подачи того же Прудона Бакунин якобы «перешел с радикально-демократических на федералистически-анархические позиции»[59]. В радикальном демократизме своего героя автор, впрочем, сомневается, упоминая о том, что в моей монографии 2001 г. Бакунин «вопреки очевидным фактам» представлен «непорочным демократом»[60]. Об однозначной критике в той же работе «априорно заданного “демократизма” политических пристрастий Бакунина»[61] польский бакуниновед почему-то не пишет.

На этом фоне завершающие книгу главы о контактах Бакунина с поляками и попытках создания польско-русского революционного союза смотрятся традиционно и написаны в более традиционном для исторического исследования ключе. Каминьский увлеченно реконструирует малоизвестные подробности польских контактов Бакунина, привлекая новый материал, в том числе из польских архивов, о взаимоотношениях русского эмигранта с лидерами созданного в 1847 г. Национального союза в польской эмиграции Владиславом Дзвонковским и Михалом Лемпицким[62]. Собранные им факты подтверждают и развивают версию о глубине конспиративных связей Бакунина в среде поляков накануне революций 1848–1849 гг., и автора в данном случае совсем не смущают вполне вероятные и обоснованные «с точки зрения трезвомыслящих по-

57 Ibidem. S. 239.

58 Только в известной серии издательства «Молодая гвардия» «Жизнь замечательных людей» в последние десять лет вышли две биографии этого императора: *Выскочков Л.В.* Николай I. М., 2003; *Олейников Д.И.* Николай I. М., 2012.

59 *Kamiński A.A.* Op. cit.. S. 253, 318, 383–384.

60 Ibidem. S. 334.

61 *Борисёнок Ю.А.* Михаил Бакунин и «польская интрига»… С. 158.

62 Польскому читателю было бы небезынтересно узнать о контактах Бакунина с Дзвонковским, т. к. впервые сведения о них были опубликованы в 1991 г.: *Борисёнок Ю.А.* Контакты М.А. Бакунина с представителями польского освободительного движения накануне революций 1848–1849 гг. // Советское славяноведение. 1991. № 2; см. также: *Борисёнок Ю.А.* Михаил Бакунин и «польская интрига»… С. 175–179.

ляков» возражения насчет того, что в данном случае чрезмерно выпячиваются «спорадические контакты» с молодой эмиграцией, появившейся в Европе после событий 1846 г.

Несомненно, что отмеченные выше недостатки работы Антония А. Каминьского, как это обычно бывает с интересными гуманитарными исследованиями, являются логичным продолжением достоинств монографии. Остается ожидать скорейшего исполнения заявленного им плана «бакунианы» в полном объеме.

Востребован ли Бакунин в XXI веке? Проанализированные выше современные польские публикации на бакунинскую тему лишний раз подтверждают непреложную истину: Бакунин и его взгляды, несмотря на все зигзаги исследовательского интереса по отношению к позапрошлому веку, остро современны.

Публикатор сочинений Бакунина М.А. Тимофеев писал в 2000 г.: «Уже современность, не говоря о последующих временах, показала, что взгляды М.А. Бакунина оказались куда как утопичнее, чем, например, многие положения теории коммунизма»[63]. Между тем среди «утопичных» воззрений русского радикала достаточно четко выделяются несколько положений, в момент их появления однозначно определявшихся современниками как утопичные, но спустя долгие десятилетия ставших точными стратегическими прогнозами.

В их числе и предложенная Бакуниным в ходе европейских революций 1848–1849 гг. идея одновременного сокрушения всех четырех монархий, структурировавших в ту пору Восточную Европу: Российской, Австрийской и Османской империй, а также Прусского королевства, ставшего вскоре основой Германской империи. Практически одновременная гибель всех четырех имперских образований в 1918 г. оказалась отложенной на 70 лет реализацией идей Бакунина, разрушительных по своей сути, но в итоге позволивших образоваться на карте Европы новым независимым государствам, в том числе и II Речи Посполитой.

Не менее современной в ситуации 1910–20-х гг. оказалась и бакунинская программа демократической федерации, сформулированная в конце 1840-х гг. Она предполагала безусловное признание права каждого народа на независимое развитие, не исключая объединения родственных народов в рамках федеративных образований на основе принципов свободы, полного равенства, невмешательства во внутренние дела других членов федерации[64]. Земли Украины, Литвы, «Белоруссии со Смолен-

63 *Тимофеев М.А.* Ушедший на штурм неба (Михаил Александрович Бакунин, 1814–1876) // *Бакунин М.А.* Анархия и порядок. С. 15.

64 *Бакунин М.А.* Собрание сочинений и писем. Т. III. М., 1935. С. 302–303.

ском», предполагал Бакунин, будут иметь полное право на автономное развитие, исключающее всякий диктат со стороны России и Польши. Эта позиция еще четче и последовательнее заявлена в брошюре «Народное дело. Романов, Пугачев или Пестель» (1862): «Слава богу! наша двухвековая тюрьма, петровское государство, наконец, рушится. Никакая сила не восстановит его. Мы же сами подтолкнем его в пропасть, и воля нам! воля героической Польше! воля Белоруссии, Литве, Украйне! Пусть будет Польшею все, что хочет быть Польшею. Воля Финляндии! воля чухонцам и латышам в Остзейских провинциях! А немцам пора в Германию!»[65] Впрочем, параллельное выдвижение Бакуниным лозунгов русско-польского революционного союза и неопределенного будущего территорий русско-польского пограничья («Пусть будет Польшею все, что хочет быть Польшею») неизбежно предполагало конфликт интересов: как известно, идея русско-польского революционного союза окончательно прекратила свое существование в 1920 г., обернувшись советско-польской войной…

В то же время стоит обратить внимание на адекватность и современность национальной программы Бакунина 1860-х гг. для Восточной Европы. Ее изначальная надконфессиональность и внеконфессиональность делала ее практически осуществимой в ситуациях 1920-х гг. В частности, для белорусской ситуации исследователь из Белостока Олег Латышонок логично подчеркивает параллельную роль в складывании белорусской национальной идеи одного из основателей теории «западнорусизма» Михаила Кояловича и известного повстанца 1863 г. Константина Калиновского[66]. Но противоположность конфессиональных установок этих деятелей была существенным и труднопреодолимым препятствием для реализации их белорусских проектов; идеи же Бакунина в основных чертах воплотились в том числе в совершенно свободной от конфессиональных акцентов большевистской политике коренизации 1920-х гг., включая и проведение политики ускоренной белорусизации[67].

Поистине непреходящую ценность имеют и наблюдения, сделанные Бакуниным еще в 1840-е гг. над российским чиновничеством. В брошюре «Русские дела» он особо отмечал, что «грандиозная, обдуманная и научная <…> организация беззакония, варварства и грабежа» основана на беззастенчивом, открытом обкрадывании страны, совершаемом бесчисленными чиновниками как в высших сферах, так и в провинциальной

65 *Бакунин М.А.* Избранные сочинения. Т. III. Пг.; М., 1920. С. 36–37.

66 *Латышонак А.* Нацыянальнасьць – беларус. Вільня, 2009. С. 400–404, 437–440.

67 Подробнее см.: *Борисёнок Ю., Шемякин А.* Долой пиджачников! Как товарищ Сталин выучил белорусов их собственному языку на сербский манер // Родина. 2008. № 1. С. 76–82; *Борисёнок Ю.* «Этот город называется Полоцк…» Проблема границы между БССР и РСФСР в первые десятилетия советской власти // Родина. 2012. № 1. С. 122–129.

глуши. Результатом этого, полагал Бакунин, становится «бесконечное озлобление народа» против бюрократического аппарата[68].

Таким образом, многие идеи и стратегические прогнозы Бакунина осуществились на практике, а отдельные его замечания остро актуальны и по сей день, в том числе и высказанные на почве его интенсивных контактов с поляками. А потому еще один стереотипный взгляд на бакунинскую личность как на романтика разрушения, не достигшего своих целей и навечно застрявшего в реалиях позапрошлого века, в корне неверен и будет постоянно опровергаться ситуациями XXI столетия. И празднование 200-летия «великого бунтаря» в 2014 г. в этом плане обещает быть современным и востребованным.

68 *Бакунин М.А.* Собрание сочинений и писем. Т. III. С. 274–276.

С.М. Фалькович
(Москва)

Сотрудничество русских и польских революционных демократов накануне восстания 1863–1864 гг. в Королевстве Польском

Русско-польский революционный союз, нашедший яркое воплощение в восстании 1863–1864 гг. в Королевстве Польском, был подготовлен сотрудничеством русских и польских революционных демократов еще в канун восстания, в конце 1850-х – начале 1860-х гг. Это сотрудничество осуществлялось как в самой России и Королевстве Польском, так и в эмиграции. Тогда произошло сближение А.И. Герцена и его «Колокола» с Централизацией Польского демократического общества. Издание печатного органа ПДО «Демократа польский» было возобновлено в 1853 г. при финансовом участии Герцена, «Колокол» печатал материалы о Польше, в его типографии работал член Громады революцыйной «Лондон» Г. Абихт. Он же работал во Всеобщей типографии З. Свентославского, которая публиковала материалы на русском языке, в том числе предприняла издание сочинений Герцена. С. Ворцелль так отозвался на выход первой русской корректуры: «Мы должны идти вместе <…> наша дорога и наше дело – одни и те же». И. Лелевель в 1855 г. также напоминал Герцену о необходимости «братского единения» поляков и русских, так как, несмотря на «непреоборимые преграды с обеих сторон, <…> чувство братства привилось в сердцах обоих народов». Если в Польше наступит революция, писал он, «тогда вашей обязанностью, братья русские, будет объединиться с нами в общем деле, так же как нашей обязанностью – восстать вместе с вами, когда вы поднимете знамя свободы»[1].

«Демократа польский» следил за развитием революционного движения в России в конце 1850-х гг., за проведением крестьянской реформы и крестьянскими бунтами. Л. Булевский подчеркивал связь этих событий с делом Польши. Утверждая, что «без свержения царизма нет спасения для России», он указывал: «Для введения прогресса в России в какой-либо форме, хотя бы в форме освобождения крестьян, необходимо свергнуть

1 *Łukaszewicz W.* Stanisław Gabriel Worcell. Warszawa, 1951. S. 46–47; Listy emigracyjne Joachima Lelewela. T. IV. Wrocław, 1954. S. 159; T. V. Wrocław, 1956. S. 227; *Lelewel J.* Polska, jej dzieje i rzeczy jej. Poznań, 1859. T. 7. S. 625–626.

царизм и избавиться от Польши». Поэтому «Демократа польский» критиковал надежды Герцена на решение социальных проблем в России по воле царя, что разрушало основу русско-польского революционного сотрудничества. Тем не менее в газете говорилось о том, что «наследникам Пестеля» поляки «всегда готовы подать братскую руку и заключить с ними союз у алтаря общей свободы», Герцену же выражалось признание за «неоценимые заслуги» «перед делом русской свободы и всего человечества»[2].

Ход событий в России воодушевлял польских революционеров. На торжественном собрании 29 ноября 1861 г. Я. Чиньский заявил: «В России, которая до сих пор состояла из царя и рабов, в России проявляются благородные чувства, высокие стремления. С берегов Вислы искра свободы перелетела на берега Невы. <…> Мы считаем величайшей заслугой национальных усилий то чудесное движение, которое массу рабов, наших заклятых врагов, превратит в свободных людей, наших союзников, наших братьев. Разве сердца наши не забились радостью, когда мы увидели, что молодежь русских университетов начинает мыслить и чувствовать? Это надежда будущей России, которая проявляет признаки воскресения. Разве на земле изгнания мы не встретили русских добровольных изгнанников, не хотевших быть свидетелями жестокостей, которые влечет за собой самодержавный строй? Кто из нас не восхищался смелыми, светлыми и благородными усилиями Герцена, который своим сердцем и пером затронул множество благородных чувств в крае, знавшем лишь приказ и службу? Система русского абсолютизма – это наш враг! Свободные русские – это наши сотрудники, наши братья, наши союзники! <…> Разве имеем мы право отталкивать союзника? Примем братскую руку, которую подают нам свободные русские! Удержим их симпатии! Научимся отличать свободу от деспотизма! Воздадим ненавистью за ненависть, но любовью за любовь!» Под аплодисменты собравшихся оратор провозгласил лозунг «За нашу и вашу свободу!»[3].

Речь Чиньского была направлена против тех, кто, как Л. Мерославский и сторонники Отеля Лямбер, не верил в зрелость революционных сил России, выступал против русско-польского революционного союза. На первый план выдвигался вопрос о принадлежности «кресов» – украинских, белорусских и литовских земель, а в русских видели соперников. Хотя представители эмигрантской партии «умеренной демократии» еще в 1861 г. установили контакт с Герценом, а в 1862 г. участвовали в написании опубликованного «Колоколом» адреса к русским революционерам, орган партии «Пшеглёнд жечи польских» с подозрением относился к будущей революционной России. Он полемизировал с выдвинутой Н.П. Огаревым

2 Demokrata Polski. 15.II, 31.V, 31.VIII 1858; 14.II 1859; 3.V 1862.

3 Demokrata Polski. 28.XII 1861. S. 75.

и М.А. Бакуниным идеей славянской федерации, обвинял русских в том, будто они требуют «не Польши свободной и независимой, а какой-то славянщины, хорошо откормленной и содержащейся в достатке под опекой России»[4]. Разъясняя позиции русской революционной демократии, Бакунин в начале 1862 г. опубликовал приложение к номеру «Колокола», озаглавленное «Русским, польским и всем славянским друзьям», где заявлял, что Польше, как и другим славянским странам, должна быть предоставлена «полная свобода и право распорядиться собой и устроиться по своему произволу, без всякого с нашей стороны вмешательства, прямого или косвенного». При этом оговаривалась возможность «федерального союза» с Польшей. Бакунин подчеркивал, что революционные русские «готовы и обязаны» помогать полякам «против всякого насилия и против всех внешних врагов, <…> когда они сами позовут нас на помощь». «Поляки, – писал Бакунин, – наши ближайшие соседи. История до такой степени связала их с нами, что судьбы обоих народов стали нераздельны: их беда – наша беда, их порабощение – наше рабство, их независимость и свобода – наше освобождение». Что касается проблемы «кресов», русские революционные демократы считали подлинных польских патриотов готовыми к справедливому решению как этого, так и аграрного вопросов[5].

Как отмечал «Демократа польский», брошюра Бакунина стала в среде польской эмиграции и в самой Польше «предметом всеобщего внимания, обсуждения и анализа». Весной 1862 г. газета поместила ряд откликов на нее. На вопрос Бакунина о готовности поляков к революционному союзу с русскими представители левого крыла польского национально-освободительного движения давали недвусмысленный ответ, напоминая о сотрудничестве с декабристами. Так, М. Акелевич в мае–июне 1862 г. опубликовал на страницах газеты цикл статей «О необходимости союза между Польшей и революционной Россией», подчеркнув его общеевропейское значение. «Мы верим, – обращался он к русским, – что та польская рука, которую мы протягиваем вам, почувствует пожатие братской русской руки, как почувствовала его во времена Бестужевых и Пестелей»[6].

Акелевич заявлял, что польско-русского революционного союза «горячо жаждут все польские сердца», но на самом деле он отражал взгляды лишь левой, наиболее радикальной части польского национально-освободительного движения. Однако подобные декларации и полемика в печати действительно способствовали распространению идеи союза.

4 Demokrata Polski. 21.XII 1861. S. 71; Przegląd rzeczy polskich. 24.III 1862. S. 15–17, 19–20, 25; 31.V 1862. S. 5.

5 Прибавочный лист к «Колоколу». № 122–123. 15.II 1862; Письма М.А. Бакунина к А.И. Герцену и Н.П. Огареву. Женева, 1896. С. 415.

6 Demokrata Polski. 5.IV; 3, 17, 30.V; 14.VI 1862.

Как отмечал царский агент Ю. Балашевич, «это вредное явление [т. е. стремление к союзу. – *С. Ф.*] с некоторого времени начинает проникать в массы эмигрантов»[7]. Надежды на революционный союз с русскими подкреплялись констатацией изменений, происходивших в русском обществе. «Демократа польский» писал летом 1862 г., что «призывы Герцена не остались без последствий»: «По всей стране среди военных, светских и духовных лиц распространяются сочинения, издаваемые либо в самой стране, либо за границей и призывающие Россию освободиться от позорного угнетения»[8].

Эти слова, также содержавшие в себе известное преувеличение, перекликались с вышеупомянутой речью Чиньского и со стихотворением, помещенным газетой «Демократа польский» 25 января 1862 г.:

Великая радость, какой не бывало,
Поляков сердца веселит!
Свобода в московских стенах засияла, –
Убийца на троне дрожит.
Очнулись младые питомцы полночи,
Высокое чувство в душе их живет,
Орудьем насилья никто быть не хочет,
Разврат и убийство клянет.
То пламя, что гневно пылает в их жилах,
Лишь Польши страданья могли запалить,
Снега, ледники растопить оно в силах
И братский народ воскресить.
Вперед же, о русские, смело вздымайте
Знамена свободы над вольной Невой!
Господство царей растопчите, сломайте,
Оставьте корону любви лишь одной!
Зачем о границах нам спорить? Коль скоро
Две вольных великих страны захотят,
Избавят весь мир от цепей и позора,
Свободы победу навек утвердят.
Хвала вам, России сыны молодые!
Слагаются гимны, чтоб вас прославлять,
И девушки вяжут венки полевые,
Чтоб ими героев Невы увенчать.

---

7 Цит. по: *Фалькович С.М.* Левые течения в польской эмиграции накануне восстания 1863 г. // Русско-польские революционные связи 60-х гг. и восстание 1863 г. М., 1962. С. 152.

8 Demokrata Polski. 14.VI 1862.

Потомки, достойные Пестеля! Дайте
Сигнал! Пусть пробьет час последний Кремля!
Вы кузницу замыслов адских сравняйте
С землей, и ее пусть поглотит земля!
Славяне избавят от мрака могилы
И жизнь, и сияющий свет,
Чтоб в мире всеобщее братство царило –
Свободы прекрасный завет.
Хвала вам, России сыны молодые!
Слагаются гимны, чтоб вас прославлять,
И девушки вяжут венки полевые,
Чтоб ими героев Невы увенчать[9].

Знаменательно, что автор стихотворения отвергал споры о границах. На этой позиции стояли часть левого течения старой демократической эмиграции и радикальная молодежь. Это были деятели Польского демократического общества, в частности, Я. Чиньский, звавший к союзу на майских собраниях 1862 г., Э. Желиговский, отстаивавший идею союза против партии Чарторыских, члены Централизации А. Жабицкий и Л. Булевский. Последний вместе с Бакуниным занимался налаживанием путей транспортировки революционной литературы из-за границы в Польшу и Россию[10]. Но наиболее деятельными патриотами, распространявшими идею союза и на практике сотрудничавшими с русскими революционерами, были деятели Общества польской молодежи, возникшего в Париже во второй половине 1861 г. Левое крыло молодой эмиграции заявляло, что «умеет отличать русский народ от русского правительства и его приверженцев». Члены Общества польской молодежи четко определили свое отношение к союзу в воззвании к полякам – студентам скандинавских университетов, опубликованном в журнале «Бачность»: «Врагом нашим <…> является не бедный угнетенный русский народ, а царь и его палачи»[11]. Активным членом Общества был уже упоминавшийся Амборский, выступавший на семинарах молодежи с рефератами в поддержку русско-польского революционного союза; в 1862 г. он постоянно встречался с Герценом и Бакуниным в Париже и Лондоне. В постоянной связи с ними находился и выдающийся деятель польского революционного движения, член Общества польской молодежи З. Падлевский. Бакунин характеризовал его как «умного и симпатичного молодого человека», который, «служа между русскими, выучился думать

9 Demokrata Polski. 25.I 1862.
10 *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 156.
11 Baczność. Paryż, 1862. Z. 3. S. 52–53.

по-русски». Летом 1862 г. издатели «Колокола» в Лондоне уполномочили Падлевского вести конспиративную работу среди русских офицеров и дали рекомендательные письма в Петербург, Варшаву и Вильно. Затем в Париже Бакунин, Падлевский и представитель «умеренной демократии» Ю. Высоцкий, сотрудничавший с Обществом польской молодежи, вместе выработали инструкции для Т. Ожеховского, который действовал в Киевской губернии[12].

Такие деятели молодой эмиграции, как З. Падлевский и С. Бобровский, находившиеся в непосредственном контакте с варшавской революционной организацией, являвшиеся агентами Центрального Национального комитета, могли оказывать и оказывали серьезное воздействие на его позицию в отношении заключения русско-польского революционного союза. Со своей стороны, издатели «Колокола» влияли на руководство «Земли и Воли» и ориентировали его на переговоры с ЦНК. Такие переговоры представители варшавской революционной организации вели летом и осенью 1862 г. в Лондоне с Герценом и Огаревым, а затем в Петербурге встречались непосредственно с землевольцами. Осенью З. Падлевский и В. Милович в качестве эмиссаров ЦНК присутствовали в Лондоне на совещании с посланцами русской революционной военной организации – Н.Н. Обручевым, А.А. Потебней и др. В контактах участвовали также молодые эмигранты Я. Амборский и И. Хмеленьский. Падлевскому передали воззвание к офицерам варшавского гарнизона для распространения в Королевстве Польском, а Высоцкий просил Бакунина выслать эмиссара для агитации среди русских военных[13].

Таким образом, осенью 1862 г. союз был заключен, и это дало основание А. Жабицкому незадолго до восстания заявить: «Самого серьезного союзника мы нашли в лагере нашего общего врага. Связанные с русским народом узами общего происхождения, говоря на близком ему языке, мы сумели передать ему наши чувства и убеждения. <…> Союз Польши с революционной Россией не угрожает никому расовой войной. Он заключен с единственной целью – уничтожения общих цепей». Л. Оборский на торжественном собрании 29 ноября 1862 г. также подтвердил, что «Польша хочет идти и пойдет вместе рука об руку с Москвой, но <…> с Москвой революционной, искренне, без хитрости стремящейся к той же цели, что и она, цели свержения общего врага, то есть петербургского правительства»[14].

Развернулась совместная практическая работа по подготовке вооруженного выступления. Особенное значение ЦНК придавал пересылке

12 *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 159–160; *Герцен А.И.* Полное собрание сочинений и писем. Пг., 1920. Т. XV. С. 365.

13 *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 161.

14 Литературное наследство. М., 1953. Т. 61. С. 228; Baczność. Z. 6. XII 1862. S. 14–15.

в Королевство Польское агитационной литературы, такие инструкции получил Ю. Цверцякевич. Непосредственно этим занимались эмигрант А. Сахновский и член Общества польской молодежи Я. Длучевский. Последнему Бакунин обещал прислать брошюры и песни, «прямо вызывающие солдат стоять заодно с поляками и с русским народом против начальства и царя-лиходея»[15]. Сборник «Солдатские песни» был издан в Лондоне, и одна из песен прямо призывала русских солдат к отказу от подавления будущего польского восстания:

Братцы, дружно песню грянем
Удалую в добрый час!
В поляков стрелять не станем,
Не враги они для нас! <…>
Брат ли встанет против брата?
А поляки – братья нам,
И для честного солдата
Убивать их – грех и срам!
И за что их бить? За то ли,
Что они стране своей
Ищут счастья, ищут воли
И терзаются об ней?[16]

В то, что русский солдат не будет стрелять в польского «бунтовщика», верили руководители революционной организации в русской армии. Еще в июне 1862 г. Потебня писал Герцену: «Мы настолько сблизились с патриотами польскими, что во всяком случае примем *прямое* участие в близком восстании Польши <…> теперь войско, квартирующее в Варшаве, стоит на такой ноге, что готово драться со своими, если бы они вздумали идти против поляков»[17]. Верили в это и польские революционеры: Я. Домбровский планировал захватить варшавскую цитадель и крепость в Модлине при содействии русских. Он писал: «целые батальоны армии драться с нами не будут <…> они добровольно сложат оружие при первом появлении восставших и будут составлять батальоны наших волонтеров в борьбе против ненавистного для них правительства»[18]. Эмигрантская молодежь также рассчитывала на совместную с русскими работу по под-

15 *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба в польском освободительном движении 50–60-х годов XIX века. М., 1966. С. 243.

16 Вольная русская поэзия второй половины XIX века. Л., 1959. С. 149–150.

17 Русско-польские революционные связи. Восстание 1863 г. Документы и материалы. М., 1963. Т. 1. С. 405.

18 Показания и записки о польском восстании Оскара Авейде. М., 1961. С. 449–450.

готовке восстания в Королевстве Польском и стремилась, как сообщала царская агентура, проникнуть туда через Галицию. За границей закупались оружие и боеприпасы, и в решении этого вопроса принимал участие Бакунин: он, в частности, финансировал покупку гранат, которую осуществлял Длучевский[19].

Русские революционные демократы прилагали усилия, чтобы укрепить авторитет ЦНК, утвердить его значение как руководителя патриотического движения в Королевстве Польском. При этом они столкнулись с интригами Л. Мерославского, создавшего в Королевстве свой комитет и претендовавшего на представительство от имени всей эмиграции и Польши. Поддержать свой имидж он хотел при поддержке издателей «Колокола» и летом 1862 г. начал с ними переговоры о сотрудничестве. Узнав о заключении союза между русскими революционерами и ЦНК на основе признания права наций на самоопределение, генерал назвал его «скользким и подозрительным союзом», «эфемерным соединением», «чистой фикцией», поставив под сомнение сам факт объединения зрелой революционности Польши с Россией, где «до сих пор глухо, понуро»[20]. Бешеную пропаганду генерала русские революционные демократы расценили как попытку «захватить власть в свои руки» и ответили публикацией брошюры Бакунина «Варшавский Центральный Комитет и русский военный комитет», где подчеркнули роль ЦНК, заявив, что вокруг него «группируются сегодня все патриотические надежды Польши»[21]. Издатели «Колокола» предприняли попытку объединить под революционным знаменем ЦНК и польскую эмиграцию. В конце ноября 1862 г. при участии Бакунина, Л. Булевского, Л. Зенковича, Ю. Цверцякевича и членов Варшавского ЦНК за границей было создано революционное общество. Оно приняло программу и воззвание к эмиграции, где Центральный Национальный комитет провозглашался единственной властью в Польше[22].

Русские революционные демократы стремились поддерживать регулярную связь с Варшавой и от агента ЦНК Ю. Пшевлоцкого получали известия о состоянии дел в России и Королевстве Польском. С Пшев-

---

19 *Фалькович С.М.* Левые течения… С. 158; *Белявская И.М.* Польское национально-освободительное движение и Герцен (1860-е годы) // Литературное наследство. Т. 64. С. 751.

20 *Mierosławski L.* Pamiętniki (1861–1863). Warszawa, 1924. S. 27–28, 69–71, 78; Baczność. 1862. Z. 5. S. 1–3, 8–11, 20, 43.

21 Le Comité Central de Varsovie et le Comité militaire Russe. Rèponse au Général Mieroslawski. London, 1862; *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба… С. 293, 297, 300.

22 *Герцен А.И.* Указ. соч. Т. XV. С. 561–562; *Фалькович С.М.* Левые течения… С. 164.

лоцким Бакунин обсуждал эти новости и все стороны подготовки восстания. Обсуждались и его сроки[23]. Русские революционеры опасались преждевременного взрыва и настаивали на том, чтобы выступление было отложено до завершения совместной подготовки и складывания благоприятной ситуации. В ноябре 1862 г. Огарев писал: «При теперешнем преждевременном восстании Польша, очевидно, погибнет, а русское дело надолго потонет в чувстве народной ненависти, идущей в связь с преданностью царю». Он призывал Комитет русских офицеров «отклонить восстание до лучшего времени соединения сил». «Если ваши усилия окажутся бесплодными, – писал он, – тут больше делать нечего, как покориться судьбе и принять мученичество». Хотя Огарев считал, что «при настоящем настроении России и целой Европы надежд на успех такого восстания слишком мало», он предупреждал русских революционеров: «Вам нельзя не примкнуть к польскому восстанию, какое бы оно ни было. <…> Даже если б Варшава на один месяц была свободна, то оказалось бы только, что вы заплатили долг своим участием в движении *национальной независимости*». Вместе с Герценом он обращался к русским офицерам в Польше, отвечая на вопрос, что им делать в случае взрыва польского восстания: «Идти под суд, в арестантские роты, быть расстрелянным, как Сливицкий, Аргольдт и Ростковский, <…> *но не подымать оружие против поляков*, против людей, отыскивающих совершенно справедливо свою независимость». Тот же наказ давал русским военным и Бакунин: «Когда выведенные из последней меры и возможности терпения наши несчастные польские друзья встанут, встаньте и вы не против них, а за них». Бакунин также признавался, что боится неудачного восстания, но добавлял: «Если восстанию, удачному или неудачному, суждено быть, я буду с вами»[24].

Позже Герцен считал «большим несчастьем, что польское восстание пришло рано». Массового перехода частей русской армии на сторону повстанцев не произошло, но некоторые воинские подразделения были признаны ненадежными (в частности, Ивангородский крепостной батальон, Замойский крепостной полк, из которых бежали ряд солдат и унтер-офицеров)[25]. Побеги участились в мае–июне 1863 г., и известную роль здесь играла пропаганда русских и польских революционных демократов, которые уже в феврале 1863 г. направили обращение «К русским войскам в Польше» с призывом «не пятнать русского имени, не быть палачом польского народа». Вскоре после начала восстания появилась

23 *Фалькович С.М.* Левые течения… С. 162–163.

24 Литературное наследство. Т. 61. С. 539–540; Летописи марксизма. 1928. Т. V. С. 61–62; Русско-польские революционные связи. Т. I. С. 445, 459–460.

25 Колокол. № 155. 1.II 1863; Русско-польские революционные связи. Т. II. С. 451–452.

и прокламация «Офицерам всех войск общества “Земля и воля”», написанная Н.П. Огаревым и А.А. Слепцовым. В ней говорилось: «Те из вас, которые в Польше и западных русских землях, пусть не теряют надежды несмотря ни на что. Зверские страсти поустанут, и мы еще снова соединим дело польской свободы с делом свободы русского народа»[26]. Через 40 лет польские и русские социал-демократы осуществили это единение во время первой русской революции.

26 Русско-польские революционные связи. Т. I. С. 474–477.

Б.В. Носов
(Москва)

Правый лагерь в политической жизни Королевства Польского накануне Январского восстания

Центральной проблемой общественно-политического развития Королевства Польского XIX в. был крестьянский вопрос. Формальное освобождение крестьян в Княжестве Варшавском в 1807 г. не устранило по существу крепостнических отношений в польской деревне. С этой точки зрения справедливо мнение Ипполита Грынвасера, что по своей социально-экономической системе и по сословному строю шляхетская Речь Посполитая более чем на полстолетия пережила эпоху своей политической гибели[1]. В той или иной степени, но фундаментальное значение крестьянского вопроса в Королевстве Польском признается всеми исследователями в польской историографии. В этом смысле существовавшее до эпохи реформ 1860-х гг. социально-политическое и сословное устройство Польши было практически идентичным системе, существовавшей в Российской империи, где крестьянский вопрос и ликвидация крепостничества заключали в себе основное противоречие эпохи. Таким образом, консервация крепостнических отношений составляла основу союза господствующих сословий и правящих кругов России и Королевства Польского в первой половине XIX в.

Правда, в политическом отношении, особенно после подавления восстания 1830–1831 гг., царское правительство, охраняя имущественные и сословные интересы землевладельческой шляхты, с одной стороны, не доверяло польскому дворянству, а также связанным с ним городским верхам и разночинной интеллигенции; с другой – не допускало поляков даже к минимальному участию в управлении страной. На это указывал, в частности, Стефан Кеневич, отмечавший, что «режим наместника И.Ф. Паскевича в Королевстве Польском основывался на устранении общества от какого бы то ни было участия во власти. Имущим классам он обеспечивал

1 См.: *Grynwaser H.* Demokracja szlachecka. Warszawa, 1948; *Idem*. Kodeks Napoleona w Polsce – Demokracja szlachecka. Wrocław, 1961; *Idem*. Kwestja agrarna i ruch włościan w Królestwe Polskim w pierwszej połowie XIX wieku. Studium archiwalne. Warszawa, 1935.

личную безопасность и свободу эксплуатации трудящихся масс, немногочисленному слою высших чиновников и финансистов – широкое поле для извлечения доходов, законных и незаконных. Склонную к бунту Варшаву он держал в страхе со стен цитадели, а для вольнодумцев из интеллигенции в той же цитадели в его распоряжении был Десятый павильон, а для усмирения крестьянства имел в резерве – казацкие нагайки»[2]. Эти особенности политической жизни Королевства Польского в 1830–1850 гг. дали основание польской историографии, вслед за оппозиционной и эмигрантской публицистикой, утверждать, что никакой социальной опоры, за исключением крайне узкой прослойки высшего чиновничества, у царских властей Королевства Польского не было.

Под влиянием эпохи «Весны народов» и европейского освободительного движения 1850-х гг., развивавшегося под национальными лозунгами в духе «права народов», польское освободительное движение также восприняло «национальную идеологию», за которой для большинства польских дворянских революционеров скрывалась «народность» в ее традиционном еще со времен Речи Посполитой шляхетском понимании. Выдвигая национальные лозунги, они надеялись поднять на борьбу во имя восстановления шляхетской государственности крестьянство и демократические слои горожан. Вместе с тем польские дворянские революционеры в своей программе польской независимости ограничивались главным образом политическими требованиями, характерными для дворянской революционности, оставаясь в рамках сословных интересов.

Шляхетское землевладельческое сословие, рассматривая себя как «вольный народ», стремилось освободиться от оков царской власти и восстановить шляхетское государство в форме полной независимости или «отделенности» от Российской империи в виде династической унии с Романовыми в духе Конституции 1815 г. О том, что требования независимости носили шляхетский характер, свидетельствовало нежелание революционного лагеря поступиться шляхетскими правами и привилегиями, а также лозунг восстановления Польско-Литовского государства в границах 1772 г., т. е. шляхетской Речи Посполитой до ее первого раздела.

Начиная с 1815 г., с Конституционной хартии Королевства Польского, господство России на польских землях было обусловлено союзом землевладельческой шляхты и российского дворянства, скрепленного общими сословными интересами, основанными на охране помещичьей собственности и крепостнических отношений в деревне. Даже подавление восстания 1830–1831 гг. не повлияло на характер и прочность этого союза. Одним из наиболее часто приводимых в литературе примеров осознания верхами польского дворянства значения такого союза стал памфлет Алек-

2 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. Warszawa, 1972. S. 11–12.

сандра Велепольского «Письмо польского шляхтича князю Меттерниху о галицийской резне (List szlachcica polskiego o rzezi galicyjskiej do księcia Metternicha)»[3]. В нем польский магнат и аристократ выступил с обвинением в адрес австрийских властей, якобы спровоцировавших нападения крестьян на имения польского дворянства в Галиции во время восстания 1846 г. В «Письме» проводилась мысль о союзе польских помещиков с династией Романовых против революции. При этом Велепольский, написав свое сочинение от имени «простого шляхтича» и соответственно его озаглавив, был убежден, что выражает настроения и социальную позицию значительной массы шляхты. Это отнюдь не безосновательное мнение маркиза единодушно отвергается польской историографией, утверждавшей, что «декларация не нашла широкого отклика, за исключением генерала Томаша Лубеньского и Романа Залуского и некоторых эмигрантов, близких к Отелю Ламбер»[4].

Тем не менее за все тридцатилетие царствования Николая I и за период со времени подавления восстания 1830–1831 гг. ни серьезных политических выступлений польской шляхты на территории Российской империи, ни значительных проявлений оппозиционных настроений не наблюдалось. Разумеется, в известной мере это объяснялось состоянием потенциала сопротивления, подорванного вследствие подавления восстания, военных потерь 1831 г., репрессий в отношении повстанцев, массовой эмиграции наиболее политически активных представителей шляхты. Однако это не отменяет того факта, что землевладельческая шляхта Королевства Польского и других польских земель составляла социальную опору правительства как петербургских верхов, так и администрации Паскевича. Это обстоятельство только подчеркивают бунтарские настроения, бытовавшие в среде мелких шляхтичей, которые в ходе подтверждения («легитимации») дворянства в 1830-е гг. утратили шляхетские привилегии вслед за потерянными ранее имениями.

В связи с этим возникает вопрос – почему относительная политическая стабильность времен наместничества И.Ф. Паскевича сменилась кризисом конца 1850-х гг.? Этот вопрос указывает еще на одну весьма существенную параллель в развитии России и Королевства Польского. Казалось бы, несокрушимый в течение тридцатилетия 1825–1855 гг. политический режим Российской империи николаевского царствования, выдержавший натиск революционных бурь, налетавших с европейского запада, хотя и пораженный страхом «новой пугачевщины», однако державший в оковах крестьянские массы, сумевший разгромить революци-

3 *Lisicki H.* Aleksander Wielopolski. Kraków, 1878. T. 4. S. 441.

4 Historia państwa i prawa Polski. T. III. Od rozbiorów do uwłaszczenia / Pod red. J. Bardacha i M. Senkowskiej-Gluk. Warszawa, 1981. S. 209.

онные организации и подавить всякое оппозиционное движение внутри страны и практически повсеместно внедрить в общественное сознание России идеологию официальной народности и панславизма, оказался в конце 1850-х гг. в состоянии политического кризиса, выход из которого русское правительство и российское дворянство стали искать на пути глубоких социально-политических реформ, в первую очередь посредством отмены крепостного права.

Катализатором обострения всех противоречий в Российской империи стало поражение царизма в Крымской войне 1853–1856 гг., и даже не сами по себе неутешительные итоги Крымской кампании и падение героически оборонявшегося Севастополя или же появление вблизи Кронштадта эскадры вражеских кораблей, а также изоляция России в Европе. Сугубо военные потери были хотя и значительны, но отнюдь не столь угрожающи. Территориальные утраты можно было даже не принимать в расчет. Международная изоляция была быстро преодолена, а урон от нее вполне компенсирован в виду таких европейских проблем, как объединение Германии и Италии. Решающую роль в развертывании потрясшего империю кризиса сыграло то, что ранее было невозможно представить, а именно понимание господствующим сословием и правящими кругами, что российская армия и в целом военная машина страны, составлявшая фундамент военно-политической мощи царизма, не в состоянии выполнить возложенные на нее задачи охраны стабильности крепостнической социально-политической системы Российской империи.

Социально-экономическая и общественно-политическая ситуация в Королевстве Польском и в России в период от окончания Крымской войны 1853–1856 гг. и до Январского восстания 1863 г. была обусловлена общими причинами, вызванными кризисом крепостнической системы, осознанием верхами дворянской бюрократии необходимости освобождения крестьянства и приспособления государственного устройства империи и ее провинций к ситуации, когда подавляющее большинство населения страны выйдет из крепостной зависимости и непосредственного подчинения помещичьему сословию.

Вместе с тем военно-политическое поражение царизма не могло не придать нового импульса польскому освободительному движению, не породить в польском обществе надежд на то, что ослабление царских властей и перспектива политической, а возможно, и военной помощи со стороны стран Западной Европы, в первую очередь – Франции, позволят завоевать независимость или хотя бы восстановить в Королевстве Польском конституционное правление. В роли союзника польского освободительного движения воспринимали в польских оппозиционных кругах и в значительной мере революционное по своей природе движение за объединение Италии. Надежды польских противников царизма на откры-

вающиеся возможности для освободительной борьбы поляков были порождены также и общим подъемом общественного движения в России и сложившейся в империи революционной ситуацией 1859–1861 гг.

Таким образом, господствовавшее в Королевстве Польском экономически и социально шляхетское землевладельческое сословие, политически представленное состоящей как из русских, так и из польских чиновников царской администрацией, в условиях кризиса конца 1850-х гг. оказалось перед лицом необходимости разрешения крестьянского вопроса в условиях нарастания освободительного движения и кризиса политики властей как в Петербурге, так и в Варшаве, не имевших определенной программы действий и деморализованных военным поражением. Важно подчеркнуть, что все эти три составляющих кризиса наличествовали и в Российской империи в целом, что свидетельствует о прочности социальных связей, сформировавшихся к этому времени между Россией и Польшей.

В этих условиях исследование в период, предшествовавший восстанию, и на его начальном этапе стратегии и тактики консервативного лагеря польского общества, представлявшего наиболее мощную социально-политическую силу, имеет существенное научное значение. При этом следует оговориться, что за пределами настоящей статьи остаются вопросы, связанные с позициями и действиями группировок правых сил в эмиграции и в других частях разделенной Польши за пределами Королевства Польского.

В период 1840–1850-х гг. в основных тенденциях нарастания кризиса крепостнической системы в России и в Королевстве Польском наблюдались общие черты[5]. В 1840-е гг. царское правительство как в России, так и в Польше принимает ряд мер, направленных на государственную регламентацию крестьянских повинностей и на сохранение за крестьянами земельных наделов, что, однако, не остановило ни сокращения доли помещичьих крестьян в населении империи, ни усилий помещиков по переводу крестьянских держаний непосредственно в состав господских земель[6]. В результате в Королевстве Польском с 1846 по 1859 г. общее число крестьянских хозяйств уменьшилось более чем на 30 тыс., сократился также и их средний размер, за счет отчуждения помещиками в свою пользу крестьянской надельной земли. В 1859 г. на долю крестьянских хо-

5 См.: *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 1–2; *Дружинин Н.*М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М., 1946–1958. Т. 1–2; *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века. М., 1967.

6 См. прим. 5; *Ружицкая И.В.* Инвентаризация крестьянских повинностей при Николае I (1825–1855): планы и реальность // Экономическая история. Обозрение / Под ред. Л.И. Бородина. М., 2005. Вып. 10. С. 170–172.

зяйств приходилось только 32% сельскохозяйственных площадей, тогда как в 1810-х гг. – 58%[7].

Процесс деградации крестьянства как земледельческого сословия усугублялся и вследствие действий самих помещиков, сознававших неизбежность крестьянской реформы и стремившихся по-своему к ней подготовиться, сгоняя крестьян с земли, всеми способами повышая уровень эксплуатации, в том числе и за счет питейных доходов. На этой почве особенно проявили себя новые люди в шляхетской среде. Вовлечение помещичьего хозяйства в сферу капиталистического обращения влекло за собой растущую задолженность шляхетских имений, которые продавались и переходили к новым собственникам или же оказывались во власти разного рода арендаторов. Такая же судьба была и у владений эмигрантов, покинувших Королевство Польское после подавления восстания 1830–1831 гг. Новые хозяева не гнушались ничем, стремясь повысить свои доходы и извлечь максимальную прибыль из совершенной сделки. Не отставали от них и администраторы шляхетских владений. О произволе помещиков писали многие публицисты, в том числе из среды крупных землевладельцев. Так, Павел Лубеньский в брошюре «O uregulowanii stosunków włościańskich», изданной в Лейпциге в 1843 г., писал: «Пан каждую минуту может выгнать крестьянина из его дома, самовольно увеличивать барщину. <…> В то же самое время 300 колонистов-немцев получили свои права (на владение землей. – *Б. Н.*) по ипотеке, здесь, в Мазовии. Несомненно, не менее половины из них заняли пустоши или же разоренные крестьянские хозяйства»[8].

Своего рода индикатором упадка крестьянского хозяйства и пауперизации населения стало распространение пьянства. За десятилетие с 1830 по 1840 г. производство алкоголя в стране удвоилось. В одной только поветовой больнице в Раве в 1841 г. было зарегистрировано 33 случая смерти, вызванных пьянством, из которых 9 приходилось на апоплексические удары. После 1831 г. в некоторых имениях применялась оплата крестьянской работы карточками для корчмы. О том, что это была достаточно распространенная практика, свидетельствует отчет Правительственной комиссии внутренних и духовных дел за 1842 г. с констатацией такого явления и, как следствие, наложенный наместником запрет выпускать в обращение «подобного рода ассигнации»[9].

---

7 История Польши. М., 1955. Т. 2. С. 96.

8 *Grabski W.* Historiia towarzystwa rolniczego: 1858–1861. T. 1: Historia rozwoju rolnictwa i sprawy towarzystwa włościańskej w pierwszej połowie XIX wieku. Warszawa, 1904. S. 95–96.

9 Ibidem. S. 94–95.

Сознавая необходимость разрешения крестьянского вопроса в России в целом, правительство Николая I в ряде секретных комитетов пыталось выработать соответствующую программу. При этом оно опасалось, что публичное обсуждение «крестьянского дела» может вызвать как новую крестьянскую войну и освобождение крестьян «снизу», так и подготовленный крепостниками дворцовый переворот. В виду оппозиции дворянства любым ограничивавшим крепостничество реформам, царским властям представлялось удобнее провести такие нововведения в Западном крае (в Литве и в Белоруссии) и в Королевстве Польском, где преодоление сопротивления преобразованиям со стороны польского дворянства, с их точки зрения, в отличие от России, не грозило столь существенными политическими осложнениями. В то же время реформирование положения польского крестьянства, как надеялась петербургская высшая бюрократия, могло бы дать ценный опыт и послужить положительным примером для российских помещиков. Для этого предлагалось перевести крестьян на фиксированный оброк (ценз или *czynsz*), откуда и возник термин «очиншевание». Величина такого оброка устанавливалась бы в зависимости от размера крестьянских наделов, которые регулировались бы государством. Принудительная барщина в этом случае запрещалась. Таким образом, по планам властей, сложились бы гармоничные отношения между помещиками и крестьянами в рамках сохранения крепостничества по существу.

Сама программа очиншевания была достаточно популярна среди шляхетских публицистов начала XIX в., однако польское дворянство выступало за невмешательство государства в отношения помещиков с крестьянами и допускало очиншевание только по добровольному соглашению владельцев имения со своими крестьянами. Очиншевание отнюдь не устраняло крепостнических отношений в деревне, поскольку и в этом случае крестьянин не имел права без разрешения войта, оставив свой надел, уйти от владельца, он продолжал нести повинности в пользу помещика, который оставался собственником надельной земли крестьянина. В первой трети XIX в. доля очиншованных крестьян в частных имениях была невелика, а само очиншевание внедрялось преимущественно на государственных землях и в магнатских владениях.

Реформирование в этом духе поземельных отношений помещиков с крестьянами царские власти начали в Королевстве Польском в 1840-е гг., практически одновременно с аналогичными мероприятиями в отношении государственных крестьян в России, когда по указу императора 1846 г. помещикам Королевства Польского было запрещено самовольно распоряжаться крестьянскими наделами и устанавливать размеры повинностей. Однако землевладельцы пользовались многочисленными способами обойти требования законодательства. В результате в частновладельческих

имениях крестьяне в 1859 г. сохранили за собой 35,9% угодий, при этом в различных поветах эта доля колебалась от 20 до 50%. «Очиншованных» в том же году было 56%, однако в частновладельческих имениях доля таких крестьян, владевших тремя и более моргами, достигала только 41,2%, а на юго-востоке страны не доходила и до 20%. Даже в государственных имениях, где доля перешедших на чинш в 1862 г. уже составила 91%, семью годами ранее, в 1855 г., она не превышала 70%[10]. Официальная статистика Королевства свидетельствовала о наличии 1339 тыс. безземельных крестьян, что составляло 40% всего крестьянского населения. При этом доля безземельных в разных поветах составляла от 30 до 70%[11].

Помимо крестьянства, крестьянский вопрос в Королевстве Польском касался также малых частновладельческих городов, составлявших примерно половину из 450 городов Королевства, население которых занималось преимущественно сельским хозяйством. На долю таких городков приходилось 60 тыс. дворов с наделами и соответствующими повинностями (наряду с 325 тыс. крестьянских дворов в целом по стране). Помимо этой категории занятого в аграрном секторе населения, имелись еще около 15 тыс. шляхетских «cząstek», составлявших примерно 700 тыс. моргов. Их владельцы по своему социальному и сословному положению находились между крестьянами и помещиками[12]. С одной стороны, их социальный статус определялся экономическими условиями их хозяйственной деятельности. В этом они были близки к крестьянам. С другой стороны, они принадлежали к шляхетскому сословию прежней Речи Посполитой и, хотя, как правило, не получили в 1830-е гг. подтверждения дворянского статуса, продолжали считать себя шляхтичами. Эта довольно многочисленная категория «дробной шляхты» сыграла в период восстания довольно существенную роль.

Общественный подъем конца 1850-х гг. в Королевстве Польском наступил практически в то же самое время, что и в России. Его предвестниками весной 1855 г. стали известия о кончине Николая I, и в сентябре – о падении Севастополя. Ввиду смертельной болезни Паскевича должность наместника исполнял в то время Винценты Красиньский.

Вскоре после заключения Парижского мира и объявления о предстоящей 6 сентября / 26 августа 1856 г. коронации в Москве, Александр II 22 мая 1856 г. первый раз приехал в Варшаву. Прибытию царя в Польшу

10 *Stankiewicz Z.* Reformy czynszowe dóbr skarbowych w Królestwie Polskim. Łódź, 1968. S. 87.

11 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 13. См. также: *Kieniewicz S.* Sprawa włościańska w powstaniu styczniowym. Wrocław, 1953; *Śreniowski I.S.* Uwłaszczenie chłopów w Polsce. Warszawa, 1956.

12 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 22.

предшествовала отмена в Королевстве Польском и в Литве военного положения, а в конце мая 1856 г. была объявлена амнистия для польских эмигрантов, которая, правда, сопровождалась значительным числом ограничений и условий. Посещение императором польской столицы имело еще одно символическое значение. Хотя его коронации как польского короля и не предусматривалось, однако приезд Александра в Варшаву за полгода до коронационных торжеств в Москве призван был продемонстрировать, что корона Царства Польского имела для императора немаловажное значение даже в сопоставлении с венцом всероссийского самодержца и что русское правительство не отвергало планов возродить если не букву, то хотя бы в некоторой степени дух Конституции 1815 года.

Определенные предвестники политических перемен проявились в Королевстве Польском еще при жизни императора Николая. Вынужденный в годы Крымской войны практически в международной изоляции вести борьбу с Англией и Францией, царь попытался привлечь на свою сторону польское дворянство и дал согласие на проведение в губерниях Королевства выборов маршалов шляхты, которые должны были возглавить депутации, также избранные местным дворянством. Таким образом, были узаконены сословные органы польского дворянства, аналогичные дворянским собраниям в российских губерниях. Эта мера Николая была с одобрением встречена польской шляхтой, видевшей в ней своего рода возрождение прежнего шляхетского «народного представительства». Однако проведение этого решения в жизнь натолкнулось на возражения администрации Паскевича, подчеркивавшей, что реализация этого замысла привела бы только к чрезмерному отягощению бюджета[13].

Наметившееся смягчение польской политики Петербурга породило среди польской аристократии надежды на восстановление норм Органического статута 26/14 февраля 1832 г. После подавления польского восстания 1830–1831 гг. статут должен был заменить Конституцию 1815 г. Согласно ему в Королевстве сохранялось собственное правительство и некоторые другие особенности государственного устройства, восходившие к прежней «отдельности» Королевства Польского от Российской империи. Вместе с тем, в статуте провозглашалось, что отныне жители королевства вместе с русскими составляют единый народ, а само Королевство – неотъемлемую часть империи[14]. Автономичная форма статута оставалась мертворожденной буквой этого документа[15].

13 *Lisicki H.* Aleksander Wielopolski. Kraków, 1878. T. 1. S. 99–100.

14 Królestwo Polskie. Dokumenty historyczne dotyczące prawno-politycznego stosunku Królestwa Polskiego do Cesarstwa Rosyjskiego / Wyd. M. Radziwiłł i B. Winiarski. Warszawa, 1915. S. 118–120.

15 Historia państwa i prawa Polski. T. III. Od rozbiorów do uwłaszczenia. S. 192.

Не отмененный формально, он, однако, не действовал вследствие введенного в Королевстве Польском военного положения. С отменой последнего в мае 1856 г. вопрос об Органическом статуте вновь приобрел известную актуальность.

22 мая 1856 г. Александр II впервые прибыл в Польшу. Во встречах с царем принимали участие только высшие чиновники и избранные лица из числа аристократии. В варшавских верхах высказывались пожелания о установлении гражданских свобод, введении сословных учреждений на местах (o stanach prowincjonalnych) как суррогата некоего народного представительства, о восстановлении норм Органического статута 1832 г.[16]

За несколько недель до прибытия Александра II в Варшаву ряд видных дворян, во главе с маршалком шляхты Люблинской губернии Яном Езерским – известным сторонником лояльности властям и Органического статута, обратились к барону Фирксу (Schedo-Ferroti) с предложением составить мемориал (адрес) с изложением нужд страны. В нем властям предлагались следующие меры: амнистия для эмигрантов, возвращение ссыльных, восстановление Государственного совета, университета и польского языка в сфере государственного управления, а также представительных органов в провинции (губернских советов и других учреждений, предусмотренных Органическим статутом).

Проект адреса царю инициировал и Александр Велепольский. Маркиз приехал в Варшаву за два дня до царского визита и уже поэтому не мог участвовать в подготовке адреса Езерского, поскольку к тому времени тот уже был составлен.

Появление Велепольского в Варшаве и написанный им адрес свидетельствовали о намерениях магната включиться в политическую борьбу. После событий в Галиции 1846 г., откликом на которые стало опубликованное Велепольским знаменитое «Письмо польского шляхтича…», и посещения им Славянского съезда в Праге в 1848 г. маркиз жил в Кракове и во Вроцлаве, бывал в европейских столицах. По словам Хенрыка Лисицкого, близко знавшего А. Велепольского, с которым он встречался в Дрездене уже после подавления восстания 1863 г., работавшего с личным архивом маркиза и написавшего его биографию, Велепольский был в курсе европейской политики и положения дел как на польских землях, так и в среде эмиграции. Однако он, по словам биографа, «политикой не занимался, оставаясь наблюдателем политических событий»[17]. Написанная Лисицким по просьбе сына маркиза Зигмунта биография А. Велепольского характеризуется исследователями как сочинение апологетического характера, однако весьма ценное по помещенным как в тексте, так

16 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 15–16.

17 *Lisicki H.* Aleksander Wielopolski. T. 1. S. 97.

и в приложениях историческим источникам. Для нас она имеет значение еще и потому, что в ней нашли отражение мысли и суждения самого Велепольского, правда, уже после повстанческого периода, когда маркиз общался со своим будущим биографом – человеком, близким ему по убеждениям и политическим позициям.

По свидетельству Лисицкого, сам маркиз, хотя и получил известность как автор антигабсбургского памфлета, не был настроен против Австрии. Он осуждал прежде всего германизаторскую политику австрийских властей[18]. Развивая мысль о сближении поляков с Россией, Велепольский продолжал ту политическую линию, которую проводили Адам Чарторыский, Тадеуш Мостовский, Станислав Сташиц в «Предостережении Польше…». Маркиз многое заимствовал у Сташица, в частности, утверждая, что «Польша оказалась жертвой, растоптанной Западом, давшим согласие на раздел страны. Объединение с Россией даст Польше силу, а Польша даст России просвещение»[19]. К ситуации в европейских делах в 1850-е гг. Велепольский относился критически. Наученный горьким опытом польского восстания 1830 г. и революции 1848–1849 гг., он не надеялся на иностранную помощь и полагал, что «народ должен сам обрести силы для установления справедливых условий собственного существования»[20]. В этом тезисе Велепольского вполне естественно находила отражение концепция «органической работы», однако не раскрывалось, каково было, с точки зрения самого магната, ее конкретное содержание.

Гораздо больше внимания Велепольский уделил международному положению Польши. За полгода до высадки союзных англо-французских войск в Крыму маркиз писал 17 февраля 1754 г. Антони Зигмунду Хельцелю: «События развиваются удивительным образом, поскольку только теперь Англия и Франция поднялись против России, не воспользовавшись ранее многими основательными и благородными поводами. Не выступили они против нее ни за польскую, ни за венгерскую свободу. Сегодня же Россия выступает в интересах христианства против мусульманского варварства за освобождение народов греческого и славянских из-под его тяжелейшего ярма. Нанеся совместно с Россией смертельный удар Турции под Наварином, Англия и Франция оживляют теперь набальзамированный труп, погребенный с большой торжественностью под давно обветшалыми покровами европейского равновесия. Условия, в которых находится Россия, напоминают положение Елизаветы Английской с точки зрения Филиппа II. Казалось бы, против протестантской Елизаветы выступал католицизм во всей мощи реакции и инквизиции; сознавал, к чему стремился,

18 Ibidem. S. 66–67.

19 Ibidem. S. 68–69.192.

20 Ibidem.

ведя за собой сонм священнослужителей. Здесь же только Николай сознает свою цель, выступая как глава Восточной церкви. Ему же противостоит дипломатическая смесь из отвергнутых французских любовных домогательств, реакции английской торговли и турецкой дряхлости. В этом столкновении намерений посмотрим, что готовят штормы и ветры новой непобедимой армаде. Австрия и Пруссия останутся якобы нейтральными и по своему положению, и вследствие оцепенения»[21]. Таким образом, в начале Крымской войны симпатии Велепольского были, очевидно, на стороне России. Предвидел маркиз и падение политического значения Австрии и Пруссии, вынужденных следовать в своей политике курсом западных держав, а из этого естественно вытекала мысль об ослаблении блока разделивших Польшу держав-захватчиков.

По словам Лисицкого, «Восточный вопрос Велепольский всегда рассматривал в связи с польским вопросом в том смысле, что его разрешение в пользу России в духе правды и справедливости повлечет за собой и поворот во внутренней политике, выгодный для Польши»[22]. Иными словами, Велепольский надеялся, что победа России в Крымской войне откроет путь к проведению реформ и в Польше, и в России. Это высказывание имело весьма существенное значение, поскольку указывало на общность, по мнению маркиза, процессов общественно-политического развития в обеих странах, что принципиально отличало Велепольского от подавляющего большинства представителей польской общественной мысли.

Другой внешней силой, способной содействовать преобразованиям в Королевстве Польском, в представлении Велепольского, была Франция Наполеона III, поклонником которого неизменно оставался маркиз. Тот, по его словам, «возвратил Франции внутренний покой и могущество, но не уделил ни минуты, чтобы что-либо сделать для Польши, помимо введения принципа национальности во французскую политику». Велепольский надеялся, что политика Наполеона «позволит разорвать союз держав, разделивших Польшу, чтобы оторвать Россию от Австрии и Пруссии, в равной мере сопротивлявшихся изменению системы, установленной российским правительством в польских землях, и противившихся соглашению поляков с Россией». Точно таким же образом, как отмечал Лисицкий, оценил Велепольский значение Варшавского съезда 1861 г. (задуманной встречи французского и российского императоров в Варшаве весной 1861 г.)[23]. В этом маркиз усматривал «новый успех западного владыки, который превзошел в этом Юлия Цезаря, так как, можешь себе

21 Ibidem. *S. 97–98.*

22 Ibidem. S. 98.

23 Ibidem.

представить, – писал он А.З. Хельцелю 10 ноября 1860 г., – non veni, non vidi, vici» (не пришел, не увидел, но победил)[24].

Таким образом, ко времени приезда Велепольского в Варшаву в мае 1856 г. мы не встречаем у него более или менее определенно сформулированных политических концепций и обращенных к властям требований, помимо тезисов о естественном союзе с Россией, о значении для этого союза французской политики, в частности в целях ослабления влияния в польских делах Австрии и Пруссии, о повороте во внутренней политике и о проведении реформ в направлении предоставления Польше отдельных институтов управления. Все это должно было, по мысли маркиза, послужить «обретению народом силы для установления справедливых условий собственного существования».

Этим, возможно, объясняется, что в адресе, написанном Велепольским, обращенные к императору пожелания были сформулированы в самом общем виде. Такая расплывчатость формулировок была вызвана еще и тем, что маркиз не знал детально настроений ни в правящих кругах Петербурга, ни среди властей в Варшаве, ни в салонах польской столицы. Составляя свой проект, Велепольский, очевидно, хотел сплотить вокруг него как можно больше сторонников в верхах польского общества. В адресе речь шла о неотложных мерах в области образования и просвещения, а также о восстановлении участия общества в представительстве и самоуправлении с намеком на дух Конституции 1815 г.[25]

По мнению польских историков[26], ни адрес, составленный Езерским, ни адрес Велепольского так и не попали в руки царя, затерявшись в чиновничьем окружении Александра II. Об этом писал историк крестьянства Люблинщины Юлиуш Виллауме[27]. Однако, по свидетельству Лисицкого, адрес Велепольского наместник М.Д. Горчаков с сопроводительным письмом направил царю через своего двоюродного брата и министра иностранных дел А.М. Горчакова. Такой путь, несомненно, указывал, что содержание адреса было доложено Александру. Однако официально он не был принят. Основанием для отклонения якобы послужили упоминания в адресе «о народном представительстве и об отдельности поляков» в составе Российской империи[28].

На следующий день по приезде в Варшаву, 23 мая, царь принял маршалков шляхты губерний Королевства и строгим тоном заявил о неизмен-

24 Ibidem. S. 98–99.

25 Проект адреса Александра Велепольского от 25 мая 1856 г. – *Lisicki H.* Aleksander Wielopolski. T. 2. Kraków, 1878. S. 19–21 (документ № 7).

26 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 15–16.

27 *Willaume J.* Wieś lubelska przed uwłaszczeniem. Lublin, 1964. S. 93 etc.

28 *Lisicki H.* Aleksander Wielopolski. T. 1. S. 104–105.

ности установлений его отца для Царства Польского и о слиянии последнего с Россией. Тогда представители польского дворянства и услышали от Александра II знаменитое «Messieurs, point de rêveries!» («оставьте всякие мечтанья»)[29]. В дальнейшем, 27 мая, встречаясь с более широким кругом представителей шляхты, царь говорил уже в более мягких выражениях, но по сути то же самое. Спустя несколько лет и в иной политической обстановке Александр в письме брату Константину (22 сентября / 4 октября 1862 г.) писал, что, «отвергая беспочвенные мечтания» поляков, имел в виду проекты присоединения Литвы к Королевству Польскому[30].

Вслед за апрельской отменой военного положения и приуроченной к царскому посещению Варшавы амнистией в отношении польских эмигрантов было объявлено в сентябре 1856 г. о помиловании польских ссыльных, осужденных в предшествовавшее царствование за участие в тайных обществах. В следующем году в Варшаве была открыта Медико-хирургическая академия вместо закрытого Варшавского университета. Поэтому суровый тон царя в обращении с высшими кругами польского дворянства сопровождался демонстрацией намерения смягчить политический курс в отношении Королевства Польского.

Отмеченным переменам дается двоякое объяснение. По мнению С. Кеневича, наиболее авторитетного исследователя истории Польши 1840–1860-х гг., «все это было только осуществлением обязательств, которые после Крымской войны на мирном конгрессе в Париже принял российский уполномоченный князь Орлов по требованию Наполеона III и лорда Кларендона»[31]. А.Ф. Орлов добился важного для России решения, чтобы польский вопрос не был рассмотрен на конгрессе официально. Взамен он пообещал доверительно, что Александр по собственной воле даст полякам амнистию, отдельную администрацию во главе с в. кн. Константином, польский язык во всех сферах общественной жизни и свободу католической церкви. Осуществление этих обещаний должно было растянуться на годы, утверждал Кеневич, и было бы остановлено на полдороге, если бы события в Польше не подтолкнули к этому императора. Вероятно, именно отмеченное обстоятельство способствовало пробуждению надежд польских дворянских кругов на поддержку со стороны Второй империи во Франции.

29 Речь Александра II, обращенная к маршалкам шляхты Королевства Польского 23 мая 1856 г. – *Lisicki H.* Aleksander Wielopolski. T. 2. S. 17 (документ № 4); *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 15–16.

30 *Kraushar A.* Listy poufne cara Aleksandra II i w. ks. Konstantego // Tydzień Polski. 09.12.1922; *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 16–17.

31 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 17–18. О польском вопросе на Парижском конгрессе 1856 г. см. также: *Handelsman M.* Adam Czartoryski. Warszawa, 1950. T. 3. S. 614.

Однако едва ли правомерно приписывать смягчение польской политики России только давлению со стороны Франции или же влиянию недолгого сближения Парижа и Петербурга. Поворот к либеральному курсу в политике России нашел выражение по всей стране, а не только в пределах Королевства, нашел как в высших правительственных сферах, так и в русском обществе. Требование амнистии осужденным по политическим делам, смягчения цензуры, академических свобод, модернизации судебной системы и, наконец, разрешения крестьянского вопроса раздавались из русского революционного лагеря (А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский) – от имени либерально настроенной интеллигенции, в кругах которой распространялись многочисленные рукописные записки, где высказывались идеи в пользу отмены путем реформы крепостного права, ограничения чиновничьего, полицейского и цензурного произвола. Опубликованы были некоторые из них в издававшихся с июля 1856 г. А.И. Герценом в Лондоне «Голосах из России»[32]. Со стороны ряда дворянских обществ подобные направленные правительству пожелания прозвучали в адресной кампании в связи с восшествием на престол Александра II. С этой точки зрения поданные в Варшаве адреса Езерского и Велепольского не были исключительным явлением и отражали общероссийскую тенденцию.

На грядущие перемены в Империи, хотя и туманно, указывал сам царь, провозгласивший в Манифесте с объявлением о заключении Парижского мира 1856 г., говоря о России, «да утверждается и совершенствуется ее внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуют в судах ее; да развивается повсюду и с новой силой стремление к просвещению и всякой полезной деятельности, и каждый под сенью законов для всех равносправедливых, всем равнопокровительствующих, да наслаждается в мире плодами трудов невинных»[33]. В царских словах о справедливом судоустройстве читался намек на судебную реформу, о развитии просвещения – на модернизацию системы народного образования, о равенстве сословий перед законом – о реформе всей сословной системы страны и прежде всего положения крестьянства – самого многочисленного и наиболее угнетенного сословия империи.

Сразу вслед за этим слухи об отмене крепостного права стали распространяться по стране и вызвали беспокойство дворянства. Московский генерал-губернатор А.А. Закревский обратился к государю с просьбой во время пребывания Александра в Москве выступить в Дворянском собрании и успокоить российских помещиков. Однако двусмысленная речь царя произвела, скорее, обратное действие. «Слухи носятся, – говорил он

32 Голоса из России. Сборники А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Факсимильное издание. М., 1974–1976. Вып. 1–4.

33 См.: *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX в. М., 1993.

30 марта (ст. ст.) 1856 г., – что я хочу дать свободу крестьянам; это несправедливо – и Вы можете сказать всем направо и налево; но чувство враждебное между крестьянами и их помещиками, к несчастью, существует; и от этого было уже несколько случаев неповиновения помещикам. Я убежден, что рано или поздно мы должны к этому прийти. Я думаю, что вы одного мнения со мной, следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу»[34].

Правительство рассчитывало, что дворянство откликнется на призыв царя и выступит с инициативой отмены крепостного права, однако этого не произошло. В подавляющей массе помещики не желали уничтожения крепостничества и противились изменениям в положении крестьянства. Ни на коронационных торжествах в августе 1856 г., ни в дальнейшем предводители дворянства губерний и дворянские общественные деятели не высказались в поддержку крестьянской реформы, со страхом ожидая объявления конкретных намерений правительства. Это подтвердил в своих воспоминаниях тогдашний товарищ министра внутренних дел А.И. Левшин, который встречался с представителями дворянских обществ, прибывших на коронацию, и уговаривал их ходатайствовать перед правительством о реформе положения крестьян[35].

Таким образом, и от польского дворянства правительство ожидало отклика на высказанные царем в Манифесте о заключении мира и в речи перед представителями дворянства в Москве реформаторские идеи. Однако ответ на них последовал негативный. В представленных адресах Езерского и Велепольского ни слова не было сказано о крестьянском вопросе, ни слова не говорилось о расширении сословных прав других сословий. Единственный отклик на царские пропозиции о развитии народного просвещения прозвучал в польских адресах в связи с пожеланиями о восстановлении университета в Варшаве. Главным же в содержании адресов, да и в настроениях верхов польского общества, было требование восстановления провозглашенной в Конституции 1815 г. «отделенности» Королевства Польского от Российской империи. Именно на это и последовало предостережение Александра II: «Messieurs, point de rêveries!»

По мнению С. Кеневича, «политическая ошибка царя» состояла не в том, что он дал аргумент польской эмигрантской печати «против политического торга с захватчиком, а в том, что он таким образом отверг возможность торга с польскими имущими классами», которые «первое время были готовы к соглашательству, то есть отказаться от независимости

34 *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 66–67.

35 *Левшин А.И.* Достопамятные минуты моей жизни // Русский архив. 1885. Кн. 8. С. 489.

в обмен на допущение их к участию во власти»[36]. Высказывание Кеневича не лишено оснований. Однако остается неясным, в чем, с точки зрения польского историка, состоял предмет упомянутого политического торга. Для польских дворянских верхов доступ в ряды бюрократии Королевства Польского, да и России в целом, был отнюдь не закрыт. Иного пути «участия во власти» в самодержавной империи и быть не могло. Поэтому торг был только возможен: во-первых, по крестьянскому вопросу и реформе сословного строя монархии, во-вторых, о восстановлении в некоторой минимальной степени «отделенности» Королевства Польского от Российской империи, хотя бы и под скипетром Романовых.

Крупнейший специалист по истории эпохи «великих реформ» и российского самодержавия второй половины XIX в. П.А. Зайончковский, характеризуя Александра II, писал, что тот «отличался еще большим консерватизмом, нежели его отец. Даже те ничтожные мероприятия, которые были проведены в отношении крепостных крестьян при Николае I, встречали всегда сопротивление наследника престола. Однако сложившееся в стране положение заставило Александра II действовать вопреки своим стремлениям. Александр II не обладал сильной волей, подобно своему отцу. Точнее, он был человеком слабовольным, но вместе с тем упрямым. В тех случаях, когда он приходил к твердому убеждению, что та или иная мера жизненно необходима его империи, он шел напролом, не считаясь с мнением своих сановников и царедворцев»[37]. Правда, в случае с крестьянским вопросом значительная часть приближенной к царю бюрократии (та часть, которая придерживалась либеральных взглядов) поддерживала его политику, сознавая, что безотлагательная ликвидация крепостничества необходима стране. Поэтому, несмотря на глухое сопротивление крестьянской реформе со стороны как российского, так и польского дворянства, Александр II продолжил курс на отмену крепостного права. Правда, в течение 1856 г. никаких других шагов, помимо названных, предпринято не было. Правительство надеялось разъяснить дворянству свою позицию и склонить его на сторону властей, убежденных, что они действуют всецело в интересах господствующего сословия.

Новое движение крестьянский вопрос получил в правительственных сферах в январе 1857 г., когда был создан последний в XIX в. секретный комитет по крестьянскому делу, преобразованный в дальнейшем в Приготовительный комитет, а саму разработку проекта реформы царь возложил на Министерство внутренних дел во главе с С.С. Ланским. Именно в этот период, с лета 1857 г., на короткое время польская шляхта оказывается в центре правительственных усилий по подготовке реформы. Как

36 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 17.

37 *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 65–66.

и двумя десятилетиями ранее, правительство в Петербурге полагало, что наиболее целесообразно было бы начать отмену крепостного права с западных губерний, где польское дворянство Литвы, недовольное существовавшей там, как и в Королевстве Польском, системой инвентарей, скорее согласится на это.

В надежде на одобрение правительственных планов со стороны польской шляхты и в ожидании, что польские дворяне сами выступят с предложениями по освобождению крестьян, генерал-губернатором Западного края В.И. Назимовым летом 1857 г. были образованы губернские дворянские комитеты, состоявшие из уездных предводителей дворянства (маршалков поветов) и «почетных» помещиков (комиссаров) для пересмотра инвентарей имений польской шляхты. При этом Назимов рекомендовал дворянам, «не стесняясь прежними постановлениями, изложить откровенно мнение свое о прочном устройстве помещичьих крестьян, при необходимых для того пожертвованиях со стороны их владельцев»[38]. Однако обсуждение крестьянского вопроса в этих комитетах никак не оправдало ожиданий властей. Польское дворянство в Литве не желало идти на «пожертвования», а напротив, если там и говорили о реформе, то только на основе экспроприации крестьянства. Так, члены дворянского комитета Гродненской губернии высказались за «дозволение <…> предоставить своим крестьянам лично без земли свободу из крепостного состояния на правилах Положения о крестьянах Курляндской губернии» (т. е. без земли). Аналогичный комитет Виленской губернии заявил, что «он не вправе сделать предположения, не отобрав согласия от всех владельцев», т. е. постановил обсудить этот вопрос на очередных дворянских выборах, что не было ему разрешено. Комитет же Ковенской губернии также не пришел ни к какому определенному выводу[39].

Таким образом, если весной 1856 г. дворянство Королевства Польского никак не откликнулось на царскую декларацию об отмене крепостного права, которое фактически сохранялось и на территории Королевства, то литовская шляхта недвусмысленно продемонстрировала, что она против намерений правительства разрешить путем реформы крестьянский вопрос «сверху». Разумеется, о позиции литовских помещиков были хорошо информированы их собратья и на землях Королевства. Все это ставило вопрос о ликвидации крепостничества в равной мере как в России, так и в Польше. Это в свою очередь указывало на то, что в социальном и в сословном плане Россия и Королевство Польское были в высокой степени взаимно интегрированы, а пути и формы разрешения крестьянско-

38 Государственный архив Российской Федерации. Ф. III Отделения. IV экспедиция. Д. 199. Л. I.

39 *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 83.

го вопроса, будучи общими для обеих стран в рамках империи, должны были способствовать достижению нового уровня этой интеграции, которая послужила бы фундаментом и для сближения их общественно-политической структуры.

После проведения в западных губерниях собраний дворянских комитетов Назимов в конце октября 1857 г. прибыл в Петербург для доклада царю о принятых литовской шляхтой решениях. К этому времени в Министерстве внутренних дел уже были разработаны контуры будущей реформы, описанные в Записке министра внутренних дел С.С. Ланского от 8 ноября (ст. ст.), озаглавленной «Общие начала для устройства быта крестьян». Изложенные Ланским «начала» устанавливали: а) вся земля остается в собственности помещиков; б) ликвидация личной зависимости крестьянина от помещика, включая и обязательные повинности крестьян, должна происходить постепенно, в течение 8–12 лет; в) «в видах предотвращения вредной подвижности и бродяжничества в сельском населении, увольнение крестьян из личной крепостной зависимости должно быть сопряжено с обращением в собственность их усадеб, находящихся в их пользовании, с небольшими участками огородной и выгонной земли, всего от полудесятины – до десятины на каждый двор». Погашение стоимости усадьбы предполагалось за 8–12 лет[40].

На трех заседаниях (2, 9 и 16 ноября ст. ст.) Секретный комитет, рассматривая высказанные литовским дворянством мнения, подготовил ответ, который прямо противоречил выраженным шляхтой пожеланиям. 20 ноября / 1 декабря 1857 г. Александром II был подписан «высочайший» рескрипт виленскому генерал-губернатору Назимову, в котором дворянству западных губерний формально разрешалось, а по существу предписывалось приступить к составлению проектов «об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян». В каждой губернии предлагалось открыть губернский комитет под председательством губернского предводителя дворянства (маршалка шляхты). В его состав избирался представитель дворянства от каждого уезда и, кроме того, два помещика от губернии по назначению губернатора. С одной стороны, подготовка реформы отдавалась целиком в руки дворянства[41]. С другой стороны, составление проектов должно было осуществиться на основе предписанных правительством положений, которые в известной мере не соответствовали неоднократно ранее высказанным помещиками как Польши, так и Литвы требованиям. Эти положения устанавливали: «1) Помещикам сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянам оставляется их усадебная оседлость, которую они в течение определенного

40 Там же. С. 84.

41 Там же.

времени приобретают в свою собственность посредством выкупа; сверх того, предоставляется в пользование крестьян надлежащее, по местным удобствам, для обеспечения их быта и для выполнения их обязанностей перед правительством и помещиком, количество земли, за которое они или платят оброк, или отбывают работу помещику. 2) Крестьяне должны быть распределены на сельские общества, помещикам же предоставляется вотчинная полиция. 3) При устройстве будущих отношений помещиков и крестьян должна быть надлежащим образом обеспечена исправная уплата государственных и земских податей и денежных сборов»[42].

Положения правительства в крестьянском вопросе прямо противоречили программе польской шляхты, как, собственно, и взглядам российских помещиков, в двух вопросах. Во-первых, по вопросу о крестьянском наделе. Передача надельной земли во владение крестьянам означала для правительства гарантию от массовых крестьянских выступлений, гарантию сохранения крестьянства как податного сословия и его защиты от пауперизации и гарантию, что крестьяне выполнят обязательства по выкупу повинностей. Помещики же, напротив, требовали сохранения за собой земельной собственности в полном объеме. Во-вторых, правительство предполагало сохранить крестьянские повинности в пользу помещиков на период в 8–12 лет, программа же очиншевания предполагала бессрочное сохранение крестьянских повинностей за помещиками, устанавливая только отмену барщины. В результате компромисс между правительством и российскими помещиками в интересах господствующего сословия и за счет крестьянства был найден, что и нашло выражение в провозглашенном 19 февраля 1861 г. (ст. ст.) освобождении крестьян из крепостной зависимости. На землях прежнего Великого княжества Литовского и Королевства Польского положение сложилось по-иному.

Согласно высказанному в историографии общему мнению, в период между 1856 и 1860 гг. как в Польше, так и в России не приходится еще говорить ни о политических лагерях, ни тем более о политических группировках и партиях. Можно выделить три основных направления общественного движения (революционное, либеральное и консервативное, или охранительное). При этом только революционное направление имело свои организационные центры, правда, находившиеся за границей (Вольная русская типография в Лондоне и центры польской Великой эмиграции во Франции). Применительно к Королевству Польскому можно выделить условно три политические тенденции, сформировавшиеся в зависимости от интересов, с одной стороны, привилегированных сосло-

42 Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II: В 3 т. Берлин, 1860. Т. 1. С. 140–141.

вий землевладельцев и буржуазии, а с другой – радикальной разночинной интеллигенции[43].

Землевладельческая шляхта с января 1858 г. имела свою организацию – Земледельческое общество (Towarzystwo Rolnicze). Создано оно было по инициативе землевладельцев, однако при настойчивом содействии правительства в русле принятых властями мер, направленных на реализацию планов по формированию дворянских комитетов по крестьянскому делу во исполнение декабрьского царского рескрипта Назимову 1857 г.[44]

Организаторами Земледельческого общества выступили шляхтичи-землевладельцы, еще в 1840-е гг. объединившиеся вокруг издававшихся в то время «Ежегодников отечественного хозяйства» (Roczników Gospodarstwa Krajowego). Вождем группы был Анджей Замойский, в имении которого Клеменсово собирались его единомышленники братья Людвик и Константы Гурские, Александр и Адольф Курцы, Адам Гольц, Францишек Венгленьский, Томаш Потоцкий, Эдмунд Ставиский. В обиходе их звали «клеменсовчиками» – по названию поместья «пана Анджея». По словам С. Кеневича, «все они были люди богатые, хорошие хозяева, убежденные сторонники ликвидации панщизны» (барщины)[45]. К этой характеристике можно только добавить, что, пропагандируя передовые сельскохозяйственные технологии, они выступали за рационализацию помещичьего хозяйства, однако в рамках крепостнических отношений, поддерживая только принцип очиншевания, при сохранении крестьянских повинностей и помещичьей собственности на землю, в том числе и на крестьянские наделы.

При этом Замойский и Потоцкий принадлежали к старинным аристократическим фамилиям и крупнейшим домам магнатской олигархии прежней Речи Посполитой и правящей элиты конституционного Королевства Польского. Так, Томаш Потоцкий (псевдоним Адам Крыжтопор)[46] родился 3 мая 1809 г. в Варшаве, был внуком Александра Потоцкого – министра полиции Королевства Польского – и председателя Сената Томаша Островского. В 1824 г. поступил в Апликацийную школу в Варшаве, после окончания которой, в 1827 г., поступил на службу в чине подпоручика Войска польского. Участник восстания 1830–1831 гг. Владелец имений в поветах Велуньском и Радомщаньском. Среди Потоцких

43 См., например: *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 29.

44 См.: *Grabski W.* Historia towarzystwa rolniczego: 1858–1862. Warszawa, 1904. T. 1–2; *Cepulis-Rastenis R.* Myśl społeczna twórców Towarzystwa Rolniczego. Wrocław, 1964.

45 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 29.

46 Potocki Tomasz (1809–1861) // Polski Słownik biograficzny. Wrocław etc., 1985. T. 28/2. Z. 117. S. 216–220.

он был относительно небогат, что побуждало Томаша быть рачительным хозяином и стремиться к приумножению своего состояния собственными силами. Разными способами он увеличил свои владения, в которых старался рационализовать хозяйство, в частности, путем развития сахароварения; специалистов в этой области он посылал для обучения в Саксонию. Т. Потоцкий принадлежал к группе либеральных землевладельцев, участвовал в клеменсовских собраниях в 1843, 1844, 1845 и 1847 гг. Поражение революции 1848–1849 гг. склонило его к отказу от идеи независимости Польши в пользу политики реформ в духе «очиншевания». В брошюре «О упорядочении аграрных отношений в Польше», опубликованной двумя изданиями в 1851 и 1859 гг.[47], он призывал собственников к разрешению крестьянского вопроса на индивидуальной основе в духе наделения крестьян собственностью, что должно было бы, по его мнению, изменить не только отношения экономические, но и общественные. Это в свою очередь позволило бы избежать появления пролетариата, а следовательно, и социализма. Наивысшим пунктом в концепции Т. Потоцкого стала программа особого пути аграрного развития славянских стран, которые якобы могли бы избежать опасности капиталистического развития, как в Западной Европе, путем привлечения крестьян в ряды защитников собственности. Предоставление собственности крестьянам он рассматривал как добровольный акт землевладельцев – без вмешательства государства и ущемления владельцев, т. е. в рамках принципов сотрудничества («porządku towarzyskiego»).

Роды прочих «клеменсовщиков» также входили в шляхетскую элиту Речи Посполитой XVIII в. Разумеется, положение дворянского сословия Королевства Польского середины XIX в. существенно отличалось от предшествовавшей эпохи сословного господства шляхты, однако и в XIX в. она не утратила своего доминирующего положения. Вместе с тем создатели Земледельческого общества не стремились афишировать его сословного и землевладельческого характера, назвав созданное общество «земледельческим», причислив к «земледельцам» и его членов.

По свидетельству А. Велепольского, видную роль в образовании Земледельческого общества сыграл П.А. Муханов, бывший в то время директором Правительственной комиссии внутренних дел и куратором Варшавского учебного округа. В польской историографии он характеризуется как один из наиболее одиозных и ненавистных для поляков деятелей администрации Паскевича. Создание общества Муханов поддерживал с большим энтузиазмом, считал это своим делом и полагал, что стране, в условиях абсолютной власти правительства, необходима силь-

47 *Krzyżtopor Adam [Potocki Tomasz]*. O urządzeniu stosunków rolniczych w Polsce. Poznań, 1851.

ная и объемлющая весь край независимая от властей организация. Уже после подавления восстания Велепольский оценил создание Земледельческого общества как свидетельство «отсутствия логики и понимания ситуации, повсюду и безраздельно господствовавшее в правящих кругах Варшавы»[48].

В момент своего основания общество объединяло 1500 членов, а по истечении трехлетия работы их число достигло 3500. Присоединившиеся к обществу помещики платили членские взносы и получали право участвовать в ежегодных собраниях, которые проводились в феврале, накануне начала сельскохозяйственных работ. Обычно присутствовали на таких собраниях до тысячи человек. Возглавлял общество комитет из нескольких десятков членов, главную роль в котором играли Анджей Замойский со своими ближайшими сторонниками из числа «клеменсовчиков». С. Кеневич подчеркивал, что «они успешно руководили целым слоем землевладельцев, создавая высокий авторитет и популярность презеса Замойского. Что же касается самого “пана Анджея”, то он мог бы послужить примером деловитости, обязательности, гражданского сознания. В то же время ему недоставало силы воли, быстроты мысли, политической дальновидности – необходимых государственному деятелю. Благодаря своим советникам, которые умело его направляли, он был подлинным лидером землевладельцев – до той минуты, когда последние оказались перед необходимостью принятия окончательного политического решения»[49].

В историографии Восстания 1863 г. значительное внимание уделено позиции и участию в повстанческих акциях выходцев из буржуазных кругов. Правда, связанная с этим проблематика почти исключительно рассматривается исследователями на примере Варшавы. При этом следует заметить, что демократические слои населения польской столицы сыграли важнейшую роль тремя десятилетиями ранее – в ходе Восстания 1830–1831 гг.

К середине XIX в. буржуазия Королевства Польского не представляла собой даже относительно единой социальной силы. В отличие от шляхты, она не обладала сословным единством. Городское сословие, будучи разделено на корпорации отдельных городов (со своим статусом и органами представительства), не достигло еще достаточного уровня социальной общности, не сформировавшись как класс польского общества. В буржуазной среде выраженно выделялись два основных социальных слоя: массовая буржуазная демократия городов (ремесленники,

48 *Lisicki H.* Aleksander Wielopolski. T. 1. S. 102.

49 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 30; *Idem*. Między ugodą a rewolucią (Andrzej Zamoyski w latach 1861–62). Warszawa, 1962.

торговцы и т. п.) и крупная городская (преимущественно варшавская) группировка коммерсантов, финансистов и промышленников. И в том, и в другом слое выделялись специфические группы польского, еврейского и немецкого происхождения, причем к двум последним относились наиболее видные капиталисты. О степени влияния крупной буржуазии в обществе могут свидетельствовать данные о занятости населения на крупных предприятиях. В 1860 г. в секторе частной промышленности Королевства Польского было занято около 75 тыс. работников: 37 тыс. – в ткацкой промышленности, 17 тыс. – в горнодобывающей и металлургической, 11 тыс. – в сахароделательной[50]. Разумеется, для отдельных торговых и промышленных центров, как Лодзь, Згерж или Варшава, концентрация промышленных рабочих имела немаловажное значение. Крупные предприятия в экономическом и социальном смысле выступали своего рода «локомотивами», ведущими за собой мелкобуржуазные общественные слои. Однако для страны в целом, где экономика целого ряда городов-местечек носила аграрный характер или же не выходила за рамки придатка сельской округи, они едва ли могли сыграть существенную роль. Поэтому если и обращаться к вопросу об общественно-политическом значении буржуазных кругов в стране в целом, то речь может идти только о Варшаве.

В конце 1850-х гг. варшавская буржуазия не располагала организацией, подобной Земледельческому обществу, или какими-либо иными сословными или общественными объединениями, если не считать традиционные корпорации еврейского населения, что, скорее, ограничивало влияние еврейской буржуазии на общественную жизнь в целом. Наибольшим весом в столице, да и в стране (вследствие приближенности к властям), обладали финансисты Антони Эдвард Френкель, Николай Эпштейн, Леопольд Кроненберг, Матиас Розен. Так, банкирский дом Кроненберга финансировал крупные промышленные предприятия, однако основной сферой его деятельности были табачная торговля и кредитование железнодорожного строительства, что и составило фундамент его финансового могущества. Подакцизная торговля и участие в казенном железнодорожном строительстве обусловили теснейшие связи Кроненберга с правительством Королевства Польского, особые отношения были у дома Кроненбергов и в правящих кругах Петербурга. К тому же он как землевладелец был членом Земледельческого общества. Розен был активным участником еврейской общины в Варшаве, в 1856 г. он обратился к Александру II с просьбой об отмене кошерного сбора.

Варшавские банкиры и крупные коммерсанты зависели от властей, от которых получали заказы, подряды, концессии на строительство желез-

50 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 22.

ных дорог и т. п. Вкладывая значительные средства в городскую и сельскую недвижимость, они руководствовались не только интересами создания предпринимательской инфраструктуры или желанием нажиться на земельных спекуляциях. Обладание земельной собственностью было связано для них со стремлением приблизить свой социальный статус к уровню дворянского землевладельческого сословия.

Буржуазные верхи Варшавы сторонились от политики, хотя и вносили пожертвования на общественные нужды, укрепляя этим кредит доверия в обществе. На политическую арену они вышли в 1859 г., когда Леопольд Кроненберг, опасаясь усиления антисемитских настроений, приобрел «Ежедневную газету» (Gazeta Codzienna), чтобы воздействовать на польское столичное общественное мнение в духе либерализма, прогресса и толерантности. Ее редактором стал известный общественный деятель и талантливый публицист Юзеф Игнацы Крашевский.

Воззрения либерального толка представляли в обществе группы интеллигенции из «средних слоев». Здесь заметны были «сибиряки» – участники освободительного движения 1840-х гг., отбывшие заключение и ссылку в России и вернувшиеся на родину, в частности по амнистии 1856 г. В большинстве своем они не принадлежали к землевладельцам. Например, один из наиболее видных членов группы Хенрик Краевский, возвратившийся в Польшу в 1860 г., происходил из семьи арендаторов шляхетского имения, не получивших подтверждения дворянства. Не обладая земельной собственностью, с одной стороны, большинство «сибиряков», будучи осуждены по политическим делам, были лишены права вернуться в ряды чиновничества – с другой. В этих условиях, нуждаясь в трудоустройстве, они поступали на работу в частные предприятия и организации (железные дороги, промышленность, банки, коммерческие и юридические фирмы, учреждения культуры, у частных лиц, в канцелярии магнатских имений). Так и Краевский начал работать юрисконсультом в канцелярии ординации Замойских и в Земском кредитном товариществе. Материальное положение многих «сибиряков», видимо, не было достаточно прочным по сравнению с представителями «имущих классов», поэтому они использовали применявшуюся еще в период ссылки форму страхования и товарищеской поддержки – имели собственную кассу взаимопомощи, которой заведовал Юзеф Точиский. По своему общественному положению, образованию и мировоззрению «сибиряки» примыкали к интеллектуалам из шляхетской и буржуазной среды. Объединение сформировалось не столько в силу общей общественно-политической позиции, сколько вследствие своего рода «земляческих» отношений людей, побывавших в сибирской ссылке. По субботам «сибиряки» проводили в частных домах собрания, называемые «шабаши». В подавляющем большинстве они отклоняли идею революционной борьбы и вы-

сказывались в пользу «органической работы», воздействуя в этом духе на молодежь[51].

В общественной жизни Варшавы второй половины 1850-х гг. заметное место принадлежало кружку, сложившемуся вокруг Эдварда Юргенса. В 1856 г. ему было немногим более 30 лет. Получив юридическое образование в Дерпте, Юргенс в чине титулярного советника состоял на службе в Правительственной комиссии внутренних дел. Несмотря на невысокий чин, в самом низу чиновничьей иерархии, он был близок к Кроненбергу и Матиасу Розену, видимо, оказывая последним какие-то услуги юридического характера. Близкие отношения с крупнейшими банкирами обусловили его общественное влияние. Однако, как подчеркивал С. Кеневич, Юргенс поддерживал связи со студенческими кружками и организациями ремесленников, в частности, в окружении его организации упоминаются: портной Станислав Гишпаньский, котельщик Марцин Бореловский (Лелевель), лакировальщик Людвик Люблиньский[52]. Правда, свидетельства об этих связях относятся к более позднему времени, рубежа 1850–60-х гг. Во всяком случае, далее, нежели отношения с простолюдинами в духе концепции народности И. Лелевеля, эти контакты не распространялись. В целом же группа Юргенса стояла на позициях деятельности в русле программы «органической работы».

С именем Юргенса также связано возглавляемое им идейное политическое течение «миллениумцы». Основу их воззрений также составляла «программа органической работы», дополненная, однако, концепцией «всестороннего развития страны», включавшей также требования ряда социальных преобразований, в том числе и передачи крестьянам права собственности на землю, а также уравнения евреев в правах с другими сословиями. «Миллениумцы» не отвергали освободительной революционной борьбы в принципе, однако считали, что условия для этого созреют только в отдаленном будущем, может быть, через «тысячу лет», откуда и произошло присвоенное им ироническое наименование. В 1857–1858 гг. к «миллениумцам» присоединились некоторые возвратившиеся из ссылки «сибиряки»[53].

В течение 1856–1857 гг. основной сферой политической деятельности в Королевстве Польском оставалось среда «просвещенного варшавского общества» с присоединившимися к нему представителями чиновничества и провинциальных шляхетских верхов. Однако нарастание общественного движения уже ощущалось. Свидетельством этому могло бы послужить намерение включиться в политическую жизнь Королевства

51 Ibidem. S. 32.

52 Ibidem. S. 33.

53 Historia państwa i prawa Polski. T. III: Od rozbiorów do uwłaszczenia. S. 212.

общественных деятелей из аристократического лагеря, представлявших и другие польские земли, даже за пределами Королевства Польского. В первую очередь речь идет об А. Замойском и А. Велепольском. Вместе с тем программа этой политической деятельности ограничивалась изложенными в адресах Александру II пожеланиями восстановления, хотя бы и частично в духе Органического статута 1832 г., «отделенности» Королевства Польского под скипетром Романовых от Российской империи. В целом общественные силы стояли на позициях «органической работы» и не поднимали вопроса о реформах, за исключением весьма скромных пожеланий о восстановлении Варшавского университета, о воссоздании на местах органов шляхетского сословного представительства или некоторого смягчения законодательства и налогового гнета в отношении еврейского населения. О крестьянском вопросе польское дворянство не хотело и слышать, ограничившись концепцией очиншевания, обсуждавшейся еще с прошлого века.

Таким образом, в целом в верхах общества Королевства Польского в 1856–1857 гг. господствовали консервативные силы. Условия для формирования в этой среде либерального и охранительного направлений еще не сложились, а сами эти направления не конституировались. Движение дворянской революционности было представлено в это время зарубежными эмигрантскими центрами, в первую очередь Отелем Ламберт. На первом месте в общественном сознании была концепция «органической работы», хотя ее содержание трактовалось по-разному: от идеи сотрудничества с властями в надежде на смягчение политического режима – до представления, что «органическая работа» подготовит почву для революционного социального обновления и возрождения Польши («миллениумцы»). Общественная и революционная активность, подспудно нараставшая в молодежной среде, в первую очередь среди студенчества, еще не получила выхода.

Отражением осложнения политической ситуации в стране стала деятельность Земледельческого общества. Общество и руководивший его деятельностью Комитет во главе с А. Замойским первоначально демонстративно отклоняли любые начинания, которые могли бы быть истолкованы как проявления политического свойства, не говоря уж о каком бы то ни было вмешательстве в политику. Общество занималось сугубо хозяйственными вопросами содействия развитию аграрного производства (передовых методов агротехники и т. п.), сосредоточив усилия на формировании своей организационной структуры.

Комитет поддерживал связи с «корреспондентами» в провинции, где их было свыше 80. В 1858 г. состав корреспондентов сформировался на основе личных связей членов комитета в провинции. Большинство из них разделяли воззрения «клеменсовчиков» и «пана Анджея» (А. За-

мойского). Начиная с 1859 г. корреспондентов избирали на собраниях в округах (поветах), утверждая, таким образом, кандидатуры, выдвинутые комитетом. Формально «корреспонденты» должны были информировать комитет об урожаях, ценах и других хозяйственных вопросах, в действительности они передавали на места инструкции комитета. Распространялась также практика местных съездов землевладельцев, на которых обсуждались отнюдь не только проблемы земледелия. Таким образом, по своей организационной структуре, в основе которой лежали Комитет и Съезд общества, а на местах – в поветах – дворянские съезды и избираемые на них корреспонденты, Земледельческое общество все больше походило на сейм шляхетской республики.

В публичной деятельности Земледельческое общество избегало каких-либо действий политического характера, однако «пан Анджей» среди близкого окружения твердо настаивал на статусе общества именно как политической организации, хотя и выступал против революционных методов борьбы, объявляя себя противником революционного движения и последовательным сторонником «органической работы». Ему приписывается высказывание, что, «набравшись собственных сил, Польша, как созревший плод, сама отпадет от российского дерева». Однако и в нынешней ситуации, и в ближайшем будущем Замойский не имел ничего против династической унии с Россией, если бы только царь гарантировал шляхте власть в Королевстве «…и на захваченных землях»[54]. Он возлагал определенные надежды на Париж и на Тюильри, стремясь установить связи с Пьером Сегюром – французским консулом в Варшаве. Разумеется, Замойский не рассчитывал на военную интервенцию Второй империи, поскольку это было время франко-российского сближения, но полагал, что Наполеон III мог бы подтолкнуть царя по пути дальнейших уступок полякам.

Возобновил Замойский и свои связи с Отелем Ламберт, прежде всего с братом-генералом Владыславом. Деятели из окружения Адама Чарторыского и его советники из эмигрантского лагеря стремились привлечь крупных землевладельцев на польских землях, в том числе и в Королевстве Польском, к «органической работе», рассуждали о возможности уступок в крестьянском вопросе, рассчитывая привлечь и крестьянство на свою сторону. Адам Чарторыйский, провозглашенный эмигрантами королем де-факто, противодействовал открытому соглашательству землевладельческого сословия с властями держав-захватчиков, рассчитывая, что в подходящий момент аристократия, действуя легальными средствами, возглавит под национальным знаменем народное движение. В этой идейной установке Великой эмиграции и Отеля Ламберт ярко про-

54 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 31.

явилась их дворянская революционность. Однако землевладельцы «Конгресувки», подчеркивал Кеневич, и не помышляли следовать этим рекомендациям. «От царских властей зависели важнейшие для них решения в крестьянском вопросе. Это положение вещей, – по словам одного из классиков современной польской историографии, – делало для польской шляхты невозможным выступление с какими бы то ни было политическими инициативами»[55].

О том, что решения такого рода подготавливаются и будут приняты не только в отношении крепостных крестьян в России, где с марта 1859 по октябрь 1860 г. работали Редакционные комиссии, но и для Королевства Польского, шляхте стало очевидно на рубеже 1858–1859 гг.

Подготовкой крестьянской реформы в правительстве Королевства ведал П.А. Муханов как шеф Комиссии внутренних дел. Оценка его деятельности на этом поприще современниками и в историографии достаточно противоречива. В кругах, близких к властям, о нем говорили как о человеке, искренне сочувствовавшем крестьянскому делу. В этой оценке проявилось характерное для царских властей того времени добросовестное заблуждение в том, что в духе «официальной народности» государство якобы выступает защитником и покровителем крестьянства, а последнее – социальной опорой государства. В кругах патриотической польской оппозиции, напротив, подчеркивали, что Муханов хотел лицемерно выступить в роли посредника между помещиками и крестьянами, запугав шляхту и сформировав в крестьянской среде верноподданнические настроения. Однако подготовленный им проект не затронул «священного права» помещичьей собственности. В его основу был положен уже неоднократно провозглашенный принцип «добровольного соглашения» крестьян с помещиками, чего, собственно, и требовала польская шляхта, начиная не позже как с 1840-х годов. Проект Муханова был утвержден постановлением Административного совета в конце декабря 1858 г.

Правительство рассчитывало, что утвержденные Административным советом принципы «очиншевания» побудят Земледельческое общество и шляхту Королевства проявить инициативу в разрешении крестьянского вопроса. Однако власти ошиблись. Комитет Земледельческого общества ограничился выяснением настроения «шляхетских собратьев» к предстоящей реформе. Осенью 1859 г. власти потребовали от Комитета определить позицию помещиков Королевства по вопросу о ликвидации крепостничества в Королевстве Польском, причем требование это прозвучало в завуалированном виде согласия правительства на обсуждение в Земледельческом обществе дела «очиншевания», а само Общество было не только по существу, но и формально приравнено к российским губерн-

55 Ibidem. S. 31.

ским дворянским комитетам. При этом правительство исходило из окончательности решения о том, что реформа не ограничится очиншеванием, а будет проведена на основе «выкупа повинностей» и наделения крестьян землей[56], т. е. что отмена барщины и других повинностей польских крестьян будет проведена на тех же принципах, что и в России. При этом «выкуп повинностей» и «выкупная операция», как они были приняты в России, означали бы, что крестьяне в действительности вынуждены бы были заплатить как за выкуп надела, так и за личное освобождение. На усмотрение Комитета Земледельческого общества были оставлены только детали. Составленные Комитетом «Рекомендации для составления контрактов с крестьянами» в некоторых несущественных пунктах шли на уступки крестьянам, и только в вопросах о сервитутах не допускали никакой возможности совместного пользования угодьями[57].

Все высказанные в Земледельческом обществе предложения по разрешению крестьянского вопроса не предполагали желаемого правительством наделения крестьян землей за выкуп и сводились к уже многократно звучавшим в помещичьей среде концепциям. Одни шляхетские публицисты предлагали перевести крестьян на срочный чинш (временную аренду – Анджей Замойский), другие – ввести систему вечного чинша, третьи – предлагали передать крестьянам наделы в собственность за выкуп при сохранении фиксированных повинностей (Томаш Потоцкий, Северин Уруский). Как и прежде, помещики возражали против отмены барщины законодательным путем и против вмешательства властей в отношения между землевладельцами и крестьянами[58]. Шляхта считала, что только она сама вправе решать судьбу польского крестьянства, и непременно без участия российских властей.

Высказанное в российской историографии мнение, что шляхетское сословие Королевства Польского не интересовалось программой реформ в России (суда, печати и народного просвещения), нуждается в уточнении. Тема эта не обсуждалась широко, так как в правом лагере господствовала концепция «отделенности» Королевства Польского от России. Однако, как показали дальнейшие дискуссии, правые силы Королевства Польского были весьма обеспокоены, что готовившиеся в России реформы будут распространены и на земли, которые, как считали в правом лагере, принадлежат Речи Посполитой.

Противоречия между шляхтой и правительством по крестьянскому вопросу сопровождались развернувшимся в то же время под эгидой Земледельческого общества обсуждением политических проблем, в частно-

56 Ibidem. S. 30–31.

57 *Kieniewicz S.* Sprawa włościańska… S. 107–109.

58 История Польши. М., 1955. Т. 2. С. 97.

сти, вопроса о «реальной унии» Королевства с Россией, т. е. об «отделенности» Польши от империи под скипетром Романовых и о восстановлении конституционного строя в духе Конституционной хартии 1815 г. или о присоединении к Королевству Польскому Литвы и других утраченных земель в границах шляхетской Речи Посполитой 1772 г.[59]

Критический момент в разрешении крестьянского вопроса приближался, что и стало главным поводом и катализатором в размежевании в лагере консервативных сил польского общества.

В 1870-е гг., излагая по этому поводу рассуждения А. Велепольского, Х. Лисицкий писал, что отмена крепостного права в России означала окончание и панщизны в Польше. Правительство пока еще предоставляло доброй воле собственников перейти к отношениям чиншевым. Однако когда Земледельческое общество по указанию властей приступило к рассмотрению крестьянского вопроса, он приобрел черты и размеры великой общественной и политической реформы. Общее дело страны и общее дело членов Общества требовало от Земледельческого общества соответствия высоким задачам, требовало от шляхты жертвенности, принесения собственного эгоизма на алтарь Отечества, подчинения собственного интереса общественной пользе. О предоставлении крестьянам «обывательства» (гражданских прав. – *Б. Н.*) говорили демократы, об уничтожении привилегий (шляхты. – *Б. Н.*) и расширении равноправия – революционеры. Землевладельцы же не хотели видеть, что «увлащение (наделение крестьян землей и передача ее им в собственность. – *Б. Н.*) есть кратчайший и неотложный по времени путь»[60]. И далее биограф маркиза продолжал: «Во времена спокойные и нормальные такое развитие (т. е. «увлащение» крестьян, усвоение ими норм и повседневных условий обладания и распоряжения собственностью, восстановление на этой основе их социальной связи с крупными землевладельцами, которые также должны были перестроить свои имения на новых условиях хозяйствования. – *Б. Н.*) могло бы иметь успешное завершение. Правительство готово было санкционировать соответствующие постановления Земледельческого общества. Царь поблагодарил польское дворянство за готовность поступиться своими правами и интересами в деле реформы. Упорство нашей шляхты, не допускавшей отмены крепостничества, отличало ее от российского дворянства. «Отмене подданства противостоял заговор». Уличные беспорядки оказывали наихудшую услугу реформам и органической работе, ибо спокойствие и согласие есть условие здорового развития»[61].

59 Там же. С. 99.

60 *Lisicki H.* Aleksander Wielopolski. T. 1. S. 137.

61 Ibidem. S. 138.

Аналогичного мнения, однако столетие спустя, придерживался и С. Кеневич. По его словам, «землевладельческая шляхта хотела такой реформы, которая бы гарантировала ей выгодные стартовые условия в новой капиталистической эпохе, стремилась и после реформы сохранить в зависимости от помещичьего двора возможно большее число малоземельных и безземельных крестьян в качестве дешевой рабочей силы. Было два пункта, по которым землевладельцы оказывали особое давление: отмена царского указа 1846 г., который ограничивал права помещиков в отношении крестьянских наделов, а также ликвидация принадлежавших крестьянам лесных и пастбищных сервитутов»[62]. И далее, излагая позицию Земледельческого общества в 1859 г., когда общество официально приступило к рассмотрению крестьянского вопроса, он писал: «Аграрная реформа, основанная или на очиншевании, или на наделении крестьян землей, оставалась для землевладельцев вещью в себе. Однако она имела и более далеко идущие политические последствия, когда бы послужила средством урегулирования отношений в деревне и тем самым усилила позиции землевладельцев в отношении власти и в собственном обществе»[63].

В то время пока шляхта в Земледельческом обществе и на своих локальных съездах в провинции обсуждала крестьянский вопрос, политическое движение в среде студенческой молодежи привело к созданию первых антиправительственных организаций. Их объединяющим лозунгом стало национальное освобождение и завоевание независимости. Одним из существенных стимулов к их возникновению стало международное положение в Европе.

1859 год ознаменовался обострением отношений Франции и Австрии из-за противоречий между двумя странами в виду объединения Италии. Еще в конце сентября 1858 г. Александр II снова приехал в Варшаву. На этот раз целью царского визита было свидание с Наполеоном III для обсуждения итальянского вопроса. Российского государя встречали в Польше с подобающей торжественностью и энтузиазмом, а в марте 1859 г. было подписано секретное франко-российское соглашение о нейтралитете Петербурга в предстоявшей франко-австрийской войне[64]. В январе 1860 г. по инициативе возвратившегося к власти в Турине Камило Кавура Сардинское королевство аннексировало некоторые папские владения, а в апреле вспыхнуло восстание на Сицилии, в Палермо, после чего 11 мая тысяча гарибальдийцев высадилась на острове. Экспедиция

62 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 21.

63 Ibidem. S. 31.

64 См.: *Ревуненков В.Г.* Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957.

Гарибальди в Сицилию и реальная угроза войны Австрии с Францией, а также страх европейских монархов перед лицом опасности нового подъема революции в Европе с участием венгров и поляков заставили австрийского императора Франца Иосифа просить о встрече государей Австрии, Пруссии и России, которая была намечена на осень 1860 г. В Варшаве распространились слухи, что в польскую столицу приедет и Наполеон III. Однако свидание трех монархов завершилось безрезультатно. 26 октября Александр II бесцеремонно сократил пребывание в Польше и уехал в Петербург. В Европе, в Польше и в Отеле Ламберт все эти события были восприняты, во-первых, как свидетельство разлада между Россией и Австрией и в целом между тремя державами, разделившими Польшу. Во-вторых, одной из держав-захватчиков грозила война с французской Второй империей, а в Королевстве Польском не забыли, что аналогичная война привела в 1807 г. к созданию Княжества (Герцогства) Варшавского. В-третьих, революционное объединение Италии и героическая экспедиция тысячи гарибальдийцев, в которой участвовали и польские революционеры, вдохновляли и польскую молодежь. Все это содействовало распространению патриотических настроений и надежд как в самой Польше, так и в среде польской Великой эмиграции.

Еще во время сентябрьской 1858 г. встречи в польской столице Александра II и Наполеона III варшавяне с не меньшим ликованием, чем русского царя, встречали Луи Наполеона. По воспоминаниям Александра Краусхара, участвовавшего в демонстрации, молодежь встретила французского императора на Венском вокзале возгласами “Vive Napoleon”. «Полиция разогнала нас, – вспоминал Александр Краусхар, – но накричались мы досыта». Самими участниками и властями эта акция расценивалась как патриотическая и антиправительственная[65].

В феврале 1859 г. в Париже скончался выдающийся польский поэт и участник восстания 1830 г. Зигмунд Красиньский. В Польше никто не публиковал траурного извещения, однако по неформальным информационным каналам скорбное известие достигло Варшавы, и 27 февраля перед Венским вокзалом собралось несколько сот людей, главным образом интеллигенции, чтобы почтить память поэта. Молодежные кружки постановили продолжать манифестации[66].

События весны и лета 1860 г. в Италии нашли отклик не только в Варшаве, но и в польской провинции. Осенью Анджей Замойский говорил французскому консулу в Польше Пьеру Сегюру, что в провинции повседневность уступает место «национальному чувству» («uczuciu

65 *Kraushar A.* Kartki z pamętnika Alkara. Kraków, 1913. T. 2. S. 14.

66 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 61.

narodowemu»)[67]. Тогда же один из «клеменсовчиков» в окружении «пана Анджея» и член Комитета Земледельческого общества Адольф Курц высказался по поводу деятельности Общества, что «страна ожидала от нас иного», нежели разговоров о сельском хозяйстве[68].

Свидетельства Замойского о настроениях в провинции Королевства Польского и заявление А. Курца об общественных ожиданиях, связанных с Земледельческим обществом, указывали на нарастание патриотических настроений, которые стали питательной средой для движения дворянской революционности и были с ним неразрывно связаны. Важную роль в этом процессе сыграл и внешний фактор, который направлял представителей господствующего дворянского сословия по пути борьбы с тем самым политическим режимом, который выражал волю этого сословия в целом. Так было в эпоху Великой Французской революции, когда представители дворянства ряда стран не только перешли на сторону революционных сил, но и оказались в их первых рядах. Так было во время революции 1848 г., когда дворянство Венгрии возглавило революционное освободительное движение. Так было в России и в Польше в первой трети XIX в., когда в обеих странах, во многом под влиянием революционных процессов в Западной и в Центральной Европе, с одной стороны, и национального подъема – с другой, формировались дворянские революционные организации, выступавшие под национальными и патриотическими лозунгами. На рубеже 1850–60-х гг. роль стимула революционного подъема сыграло объединительное движение в Италии.

Влияние, как казалось, нараставшей революционной волны в Западной Европе, надежды на помощь в борьбе за обретение независимости со стороны Второй империи во Франции, подъем патриотических настроений в стране, очевидно оппозиционное и антиправительственное направление, которое приобретала деятельность Земледельческого общества, колебания властей, не решавшихся прибегнуть к широким репрессиям, привели к образованию в Варшаве первых нелегальных организаций, возникших в конце 1850-х гг.: кружки Эдварда Юргенса, Нарциза Янковского и Яна Кружины. В 1859 г. после ряда организационных перестановок они были объединены в Комитет, во главе которого стали Янковский, Юргенс и Кароль Маевский. С самого начала деятельности Комитета основным обсуждаемым в нем вопросом стала дилемма: «реформа» или «восстание». Умеренные деятели движения – Юргенс и разделявшие его взгляды возвратившиеся из ссылки «сибиряки» Агатон Гиллер и Кароль Рупрехт – тщетно отговаривали молодежь от повстан-

67 Донесение Пьера Сегюра от 12.10.1860 – Raporty polityczny konsulów generalnych Francii w Warszawie 1860–1864. Wrocław, 1965. S. 34.

68 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 77.

ческой «горячки». По словам Н.В. Берга, Комитет Н. Янковского был предтечей будущего Центрального комитета[69], однако он оказался недолговечен и распался через несколько месяцев. Среди участников Комитета был и Рафал Краевский, входивший в кружок Юргенса и игравший в Комитете роль наблюдателя[70].

Таким образом, именно «Товарищество Юргенса» в первое время, в 1859–1860 гг., наряду с Земледельческим обществом стало организационным и кадровым центром руководства общественным движением. Однако ни по масштабам своей деятельности, ни по влиянию, особенно в провинции, объединение Юргенса не могло сравниться с Земледельческим обществом.

В 1859–1861 гг. возник вопрос о превращении группы Юргенса в легальную организацию, однако против этого выступили как власти в лице П.А. Муханова, так и представители помещиков, считавшие ее слишком радикальной. «Сибиряки», напротив, позитивно отнеслись к такому преобразованию и высказались за сотрудничество с «Товариществом» Юргенса[71]. По свидетельству Игнация Барановского, в середине 1859 г. Людвик Мерославский через своего эмиссара Зигмунда Сарнецкого обратился к Юргенсу с предложением принять участие в заговорщической деятельности, обещая поддержку Наполеона III. Было это во время решающих побед французов и итальянцев над австрийцами в Ломбардии. На предложение Юргенс ответил, что якобы «не время мыслить о революции», так как для этого нет сил, наиважнейшая потребность сейчас – «внутренняя работа»[72]. Очевидно, что Юргенс имел в виду сформированную в польском обществе и широко понимаемую концепцию «органической работы», однако в нашем распоряжении нет свидетельств, какую конкретную программу политических действий связывал с ней Юргенс. Вероятно, такой программы в сложившемся вокруг него объединении выработано еще не было.

Весна 1860 г. принесла с собой рост общественной активности, в которой пока не были еще определены ни политические направления, ни даже акценты политической деятельности. Ярким ее выражением стала манифестация на похоронах Катажины Совиньской 11 июня 1860 г. Ко времени ее кончины мало кто помнил вдову генерала-инвалида, участника обороны Варшавы в 1831 г., руководившего сражением с войсками Паскевича на главном направлении штурма в столичном предместье Воля. Считается, что манифестация возникла под влиянием кружка Яновского,

69 *Берг Н.В.* Сочинения. Познань, 1884–1885. Т. 1. С. 100.

70 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 66–68.

71 *Baranowski I.* Pamiętniki. Poznań, 1923. S. 215.

72 Ibidem. S. 149.

хотя он сам утверждал, что она была стихийной. По словам С. Кеневича, никаких достоверных сведений о ее организаторах у историков не имеется. Агатон Гиллер указывал на своего приятеля Матеуша Гралевского. Возможно, активную роль в этом сыграли «сибиряки», поскольку вдова при жизни участвовала в организации материальной помощи ссыльным и заключенным[73]. Полиция и тайные агенты находились на месте событий, записывали имена участников. Однако наместник М.Д. Горчаков распорядился не придавать демонстрации значения, дабы не привлекать к этому событию внимания Петербурга и не навлечь на себя недовольства начальства[74].

Тем не менее, предвидя опасность нарастания оппозиционной активности, петербургские власти и варшавская администрация Королевства Польского начали предпринимать предупредительные меры.

Одна из них коснулась Земледельческого общества. Царским рескриптом от 5 мая 1860 г. в обществе была запрещена деятельность всяких делегаций и комитетов на местах, а также присуждение обществом всяких наград и медалей. Среди членов общества стали раздаваться призывы к протесту, который, как они надеялись, найдет отклик во Франции и в Англии.

Муханов уговаривал членов Общества не раздражать власти, так как в противном случае это могло бы повлечь за собой исключение протестующих из их числа, и в то же время убеждал, что в правительстве нет планов препятствовать работе Земледельческого общества[75]. Переговоры членов Общества с шефом Правительственной комиссии внутренних дел проходили в течение недели с 5 по 12 июня 1860 г. и совпали с манифестацией на похоронах Катажины Совиньской 11 июня.

В то же время Муханов, в ведении которого непосредственно находился крестьянский вопрос в Польше, пытался выяснить и позицию крестьянства. Ведомство внутренних дел было заинтересовано в первую очередь в предотвращении крестьянских выступлений и в определении грани возможного компромисса между крестьянами и помещиками и вместе с тем демонстрировало, что разрешение крестьянского вопроса будет осуществлено по воле правительства. На намерения властей в этой области указывало и то, что наместник М.Д. Горчаков дважды принимал в своей резиденции в Бельведерском дворце крестьянские депутации, о чем доносил во Францию консул Сегюр[76].

---

73 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 74–75.

74 *Берг Н.В.* Указ. соч. С. 104.

75 *Grabski W.* Historia Towarzystwa Rolniczego: 1858 1862. T. 2. S. 219 etc.

76 См. донесение Пьера Сегюра от 12.07.1860. – Raporty polityczny konsulów generalnych Francii w Warszawie 1860–1864. S. 24; *Kieniewicz S.* Sprawa włościańska…

Однако робкие притеснения в отношении членов Земледельческого общества и спорадические и нерешительные акции в стиле крестьянского цезаризма со стороны властей вызывали в правом лагере все возрастающее недовольство и вместе с тем ощущение нестабильности политического режима, колебаний и нерешительности, проявляемых администрацией. Польское дворянство в очередной раз продемонстрировало, что для него неприемлемы реформы, проводимые российскими властями.

М.Д. Горчаков в донесениях убеждал Петербург, что контролирует ситуацию, доказывал, что замена наместника может спровоцировать волнения, однако признавал, что если весной 1861 г. произойдут выступления в Венгрии и в Галиции, то положение в стране может осложниться[77]. Однако в Королевском замке в Варшаве, игравшем роль центра и символа российской власти в Королевстве Польском, и подумать не могли, что революция может вспыхнуть в столице. В российских правящих кругах приписывали начавшееся в Польше брожение проискам наполеоновской клиентеллы.

Неустойчивость политической ситуации только подчеркнула первая открытая политическая демонстрация 29 ноября 1860 г., в годовщину Ноябрьского восстания. Ее непосредственными организаторами, по словам С. Кеневича, были студенческие организации, в первую очередь Школы изящных искусств, а также Медицинской академии, агрономической школы в Марымонте и кружок Юргенса[78]. Различного рода патриотические антиправительственные манифестации продолжались и в декабре, причем охватили они не только Варшаву, но и провинцию. При этом, согласно свидетельствам современников, акции в других городах Польши были инспирированы инструкциями из столичного революционного центра. Так, в Радоме состоялась месса в монастыре Бернардинов, на которую были приглашены ветераны 1831 г. и где присутствовал некий делегат из Варшавы[79]. События конца 1860 г. не вызвали со стороны властей каких-либо решительных мер, хотя демонстрации в ознаменование 30-летия восстания 1830 г. стали предвестником острого политического кризиса в Королевстве Польском 1861–1862 гг.

19 февраля (3 марта) 1861 г. царь подписал манифест об освобождении крестьян, опубликование которого было отложено на две недели, за которые правительство приняло чрезвычайные меры на случай крестьянского восстания, вплоть до разработки секретного плана бегства царской

S. 84 etc.; Materialy do dziejów uwłaszczenia w Królestwie Polskim / Wyd. K. i S. Śreniowski. Wrocław, 1961. S. 154–319.

77 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 91.

78 Ibidem. S. 84.

79 *I*bidem. S. 86.

семьи за границу. Все это свидетельствовало о крайне напряженной политической обстановке в империи в целом.

В Варшаве незадолго до этого, 21 февраля 1861 г., начались заседания годичного собрания Земледельческого общества, что совпало с тридцатилетием битвы под Гроховым (25 февраля 1831 г.). Годовщина послужила поводом для новой патриотической манифестации. 27 февраля молодежь попыталась оказать давление на Земледельческое общество и организовать с этой целью демонстрацию. В ответ, опасаясь нарастания уличной активности варшавских низов, Анджей Замойский попросил наместника М.Д. Горчакова направить войска для охраны здания Общества.

Участники собрания Земледельческого общества, как и другие его члены, уже были информированы о подготовленной в России крестьянской реформе. В дискуссии на собрании Общества звучала мысль, что если не провести «наделения» крестьян землей сейчас, то оно может произойти «от нас независимо» (т. е. руками царского правительства). В принятой резолюции по крестьянскому вопросу говорилось, однако, только о «желательности» отмены барщины и перевода крестьян на чинш. О «возможности» же передачи им земли в собственность упоминалось только применительно к отдаленному будущему[80]. Таким образом, позиция помещиков по крестьянскому вопросу не изменилась. «Желательность» очиншевания означала по-прежнему частное соглашение помещиков с крестьянами, а «отдаленное будущее» указывало, что шляхта не намерена ни при каких условиях передавать землю крестьянам.

Подъем патриотических настроений и пропаганда идей борьбы за независимость сопровождались адресованным Земледельческому обществу требованием выступить в политической роли, а февральские демонстрации имели целью вынудить Земледельческое общество как орган представительства шляхетского сословия преступить границы легальности. По мнению Х. Лисицкого, Земледельческое общество вследствие одобрения крестьянской реформы «оказалось бы перед альтернативой – либо обратиться к приземленным повседневным делам, что означало бы отречение от принятой на себя роли, либо превратиться в конфедерацию или учредительное собрание»[81].

Многие дворяне – члены Общества высказались за подачу царю адреса с изложением политических требований. Демонстрация 27 февраля окончилась трагически, войска открыли огонь по безоружному народу. 5 человек было убито и несколько десятков ранено.

В Земледельческом обществе обсуждались два проекта адреса царю. Один, предложенный Александром Велепольским, содержал предложе-

80 История Польши. М., 1955. Т. 2. С. 107.

81 *Lisicki H.* Aleksander Wielopolski. T. 1. S. 139.

ния о восстановлении выборных дворянских органов, проведении очиншевания, нерушимости гражданского кодекса 1808 г., открытии университета, реформе народного просвещения, смягчении цензуры, равноправии евреев и в будущем – восстановлении Конституции 1815 г.

В начале 1861 г. Велепольский оставался в Хробрже и не намеревался покидать имение. Однако, якобы в ответ на уговоры сторонников, 17 февраля он отправился в Варшаву. Политическая программа, с которой он прибыл в столицу, была сформулирована им в собственноручно написанном проекте адреса царю, датированном 11 февраля 1861 г.[82] В проекте впервые в политических верхах польского общества была дана позитивная оценка правительственных мер начиная с 1856 г.: возвращения на родину ссыльных; формирования нового правительства (после кончины И.Ф. Паскевича); назначения новых католических епископов на вакантные кафедры; восстановления Медицинской академии и Земского кредитного общества; основания Земледельческого общества[83].

В русле развития намеченного курса Велепольский указал а) на потребность отмены системы чрезвычайного положения и восстановления в стране легального органа законодательной власти; б) на то, что введение должностей маршалов шляхты не соответствует нуждам страны, так как те, во-первых, не избираются, а во-вторых, представляют только одно из сословий («один из классов общества»)[84]); в) предлагал восстановить конституционную систему в духе Конституционной хартии 1815 г.[85] «Ваше Величество! – говорилось в проекте Велепольского. – Конституционный устав 1815 г. не отменен. Манифест и Органический статут 1832 г. не содержат по этому поводу явно выраженного распоряжения <…> Что же касается центрального и местного управления, то, как гласит Статут, Королевство Польское будет иметь особое правительство, соответствующее местным потребностям, и административные ведомства, отдельные от других частей государства»[86].

В проекте адреса также говорилось о надежде, что царь положит конец проволочкам в создании основополагающей системы законодательства, восстановит институции, дарованные его предшественниками, позволит народным представителям выработать решения, относящиеся к народному достоянию. В адресе содержались просьбы о понимании

82 *Wielopolski A.* Projekt Adresu z d. 11 lutego 1861 r. – *Lisicki H.* Aleksander Wielopolski. T. 2. S. 24–37 (документ № 9). См. также: *Stankiewicz Z.* Dzieje wielkości i upadku A. Wielopolskiego. Warszawa, 1967. S. 118–121.

83 *Wielopolski A.* Projekt Adresu z d. 11 lutego 1861 r. – *Lisicki H.* Aleksander Wielopolski. T. 2. S. 24–25.

84 Ibidem. S. 25.

85 Ibidem. S. 25–26.

86 Ibidem. S. 25.

и содействии религиозным чувствам народа и католической церкви, о способствовании развитию народного просвещения, законотворчеству и очиншеванию крестьян, об установлении гражданского равноправия евреев, о справедливом установлении и распределении налогов и повинностей, о совершенствовании администрации, о «свободе мысли» и свободе печати[87].

Адрес этот, по мысли автора проекта, должен был быть подписан наместником и подан императору, даже если ради этого, говорил Велепольский, «пришлось бы переночевать в Цитадели»[88], что указывает на демонстративное осознание Велепольским остроты момента и, главное, на то, что адрес должен носить характер правительственной программы. Таким образом, подготовленный Велепольским проект адреса имел принципиальное значение в двух пунктах: это согласие польских верхов с правительством в крестьянском вопросе, во-первых, на основе концепции очиншевания и, во-вторых, на основе правительственной программы политических реформ.

Не будучи членом Земледельческого общества, Велепольский не игнорировал его работы и его вождей, как не намеревался противопоставлять один политический лагерь другому. Напротив, он старался привлечь их на свою сторону. В резиденции маркиза в Английском отеле непрерывно проходили совещания, в которых участвовали и представители Комитета Земледельческого общества, правда, не наиболее важные и в небольшом числе. Анджей Замойский лично в них не участвовал. Причиной тому был приватный характер таких бесед и нежелание Замойского предпринимать какие-либо политические действия на основе принципа «легальности», т. е. путем сотрудничества с правительством.

Многие из тех, с кем Велепольский в то время встречался, готовы были разделить его убеждения и воззрения, однако в сложившейся ситуации не решились открыто высказаться за сотрудничество с властями. Достаточного числа подписей, чтобы адрес был признан за выражение надежд и чаяний шляхты, собрать было невозможно. Сторонники адреса поглядывали одни на других. Люди, близкие к Замойскому, не хотели никакого адреса. Иные считали пожелания проекта Велепольского недостаточными.

Настал день 27 февраля. Земледельческое общество заседало во дворце наместника с твердым решением не участвовать в заранее публично объявленной демонстрации в ознаменование годовщины Гроховского сражения, в котором, согласно польской традиции, польская армия одержала победу, отразив наступление армии Дибича. На вопрос присутство-

87 Ibidem. S. 24–37.

88 *Lisicki H.* Aleksander Wielopolski. T. 1. S. 142.

вавших на собрании Общества делегаций, что правительство может сделать для страны, Анджей Замойский заносчиво отвечал: «Покинуть ее!»[89]

Программа Велепольского, согласно оценке Кеневича, «соответствовала национальным потребностям в той мере, в какой они отвечали интересам имущих классов <…> приемлемы ли они были для царизма – вопрос остается без ответа. Однако царизм пошел на гораздо более значительные уступки, когда пролилась кровь»[90].

Дело с адресом, составленным Велепольским, однако, не было доведено до конца, так как этому воспрепятствовали Анджей Замойский и его ближайшие советники и сторонники. Один из «клеменсовчиков», Константы Гурский, в письме в Отель Ламберт обосновывал полезность адреса двумя аргументами: 1) «в Империи, как говорят, замышляют перемены в администрации и создание представительных органов; и как бы и нас не подверстали под это законодательство»; 2) в Королевстве Польском распространяется агитация Мерославского, которой надо бы противопоставить легальное выступление, не исходящее непосредственно от Земледельческого общества; важно, чтобы оно было поддержано Наполеоном III[91].

Концепция адреса землевладельцев, изложенная Гурским, отличалась от воззрений Велепольского только в двух, но принципиальных пунктах. Во-первых, она предполагала поддержку Наполеона, т. е. в той или иной форме интервенцию Франции. Во-вторых, допуская очиншевание, Гурский рассматривал его как акт со стороны дворянства и Земледельческого общества без участия правительства. Оба эти пункта означали восстановление во главе с Земледельческим обществом в той или иной мере суверенитета Королевства Польского, хотя бы в наиболее важном крестьянском вопросе и в ограниченном виде «отделенности» Королевства. Однако именно в этом варианте концепция Гурского не была одобрена Замойским. «Пан Анджей» считал, что Земледельческое общество должно провозгласить отмену барщины, и категорически выступал против политического содержания адресной кампании. Группа Юргенса, в большей степени представлявшая воззрения варшавской буржуазии, поддержала идею адреса, однако подчеркивала, что сам адрес должен выражать требования общества, а не оппортунистическую готовность пойти на соглашение с властями[92].

---

89 Ibidem. S. 145.

90 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 92–93.

91 K. Górski do W. Kalinki 8. II. 1861 – Biblioteka Czartoryskich. Rkps. 5686. S. 46–49; *Wereszycki H.* Hotel Lambert i obóz białych przed wybuchem powstania styczniowego // Przegląd Historyczny. 1959. S. 519.

92 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 94.

События 27 февраля 1861 г. и гибель пяти манифестантов привели к дальнейшему обострению политической ситуации, которая после кровопролития, очевидно, обретала некое новое качество, что повлекло за собой дальнейшее определение позиции политических сил и соответственно их размежевание. Правые совещались в доме Анджея Замойского. В дискуссиях здесь принимали участие дворяне-землевладельцы из Земледельческого общества и наиболее видные представители варшавских буржуазных верхов.

Комитет Земледельческого общества, чтобы подтвердить свой статус и соответствовать требованиям момента, предпринял меры к собранию доверенных лиц из воеводств и конституировался как так наз. «Белый»; по мнению Велепольского, он приобрел облик сената прежней шляхетской Речи Посполитой[93]. Предостаточно было речей и разных предложений. В частности, обсуждался и новый адрес[94], в котором не требовалось ничего и в то же время требовалось всё. Велепольский не мог присоединиться к подобному акту, ибо не мог согласовать свои убеждения с движением улицы. Однако в итоге он, как и все участники собрания, его подписал. Открывался адрес обращением «N. Pane! (Государь)». Никаких конкретных пожеланий или требований в адресе сформулировано не было. Однако говорилось о неких целях и условиях жизни в семье европейских народов, которых лишен единственный народ польский. Адрес звучал скорее вызывающе, нежели примирительно. Правда, в конце текста содержались все необходимые в формуляре упоминания о «Вашем императорском и королевском величестве»[95].

Деятели Земледельческого общества были уже убеждены, что направление адреса царю более не актуально. Велепольский при посредничестве своего родственника Томаша Потоцкого представил собственную концепцию торга с царем, которая была отклонена без обсуждения. Сказалась в этом и взаимная неприязнь маркиза и «пана Анджея».

Другое варшавское собрание состоялось в Купеческом клубе на Сенаторской улице. Уже само место его проведения свидетельствовало о его буржуазном характере, что подчеркивал и С. Кеневич[96]. Однако принятые на собрании решения свидетельствовали, что отношение участников к ситуации определялось не столько их социальным положением, сколько их сословным статусом как членов варшавской столичной корпорации. Здесь присутствовали около пятидесяти человек, среди них и люди, близкие к

93 Ibidem. S. 147.

94 Adres z d. 27 lutego 1861 r. – *Lisicki H.* Aleksander Wielopolski. T. 2. S. 38–39 (документ № 9).

95 Ibidem.

96 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 110–111.

кружку Юргенса, хотя они и не выступали на первых ролях. Собрание было обеспокоено в первую очередь опасностью волнений в столице, применения войск и, как следствие, нового кровопролития. В итоге присутствовавшие высказались за образование комитета, который и был составлен из 13 человек, получив название Городской делегации. 8 делегатов отправились к наместнику, чтобы уговорить его дать согласие на публичные похороны убитых 27 февраля и не прибегать к репрессиям.

Известно, хотя и не вполне достоверно, из написанных довольно поздно воспоминаний Барановского о третьем собрании, состоявшемся во дворце Лубеньских, где в то время располагалось кафе «Тиволи». О нем уже после подавления восстания 1863 г. во время следствия на допросе говорил Кароль Маевский. По его словам, в марте 1861 г. в кафе собиралась молодежь, сторонники Мерославского, преимущественно студенты Школы изящных искусств. Возможно, что подобное собрание могло там состояться и в ночь на 28 февраля. По мнению С. Кеневича, это собрание стало средоточием настроений радикальной молодежи[97].

Ситуацию февраля 1861 г. в Варшаве современники сравнивали с моральным подъемом и возбуждением 1830 г. или с Парижем 1848 г. Спустя две недели Кароль Либельт, умеренный демократ, писал, что Варшава «одержала неслыханную победу» над противником[98].

28 февраля в 10 часов утра в апартаментах Анджея Замойского собрались деятели Земледельческого общества и Делегации Варшавы, присутствовал также архиепископ Фиялковский, который первым подписал составленный накануне и переданный наместнику М.Д. Горчакову для направления царю адрес, который подписали 142 человека. В адресе содержалось требование предоставления «различных прав». В концепте адреса вместо этих слов стояло «местного правления»[99]. Горчаков принял адрес, однако в ответ Александр II направил телеграмму с отказом от каких-либо уступок. Однако власти не решились применить силу и дали согласие на публичную траурную церемонию. Делегация назначила похороны погибших на 2 марта.

К этому времени город оказался практически в руках народа. Порядок на улицах Варшавы поддерживали люди, назначенные Делегацией, которые носили специальные шарфы, и студенческие дружины. Делегация постановила избегать каких-либо вооруженных действий, а тех, кто будет встречен с оружием, рассматривать как шпионов и провокаторов. Наместник распорядился подтянуть к городу дополнительные войска

97 Ibidem. S. 112.

98 *Baranowski I.* Pamiętniki. Poznań, 1923. S. 254.

99 Adres z d. 27 lutego 1861 r. – *Lisicki H.* Aleksander Wielopolski. T. 2. S. 38–39 (документ № 9).

и ожидал подкреплений из провинции. Согласно донесению Горчакова царю, к 1 марта варшавский гарнизон был усилен 24-мя ротами пехоты, кавалерийским полком, 7-ю казачьими сотнями и 22 орудиями[100]. Собранные силы свидетельствовали, что правительство опасалось всеобщего восстания и готовилось к его подавлению. Траурную манифестацию С. Кеневич описал следующими словами: «В атмосфере братания всех сословий и исповеданий прошел день 2 марта, день проводов в последний путь на Повонзковское кладбище пяти жертв расстрела. Гробы ремесленников несла на плечах шляхта, гробы землевладельцев – ремесленники. Епископов, ксендзов и католических монахов сопровождали пасторы и раввины». Среди десятков тысяч собравшихся людей были словаки и венгры[101]. Для польского историка изображенная картина призвана была подчеркнуть патриотическое единение польского общества. Однако она же свидетельствовала о сословных границах, его разделявших. За рамками патриотического единения оставалось крестьянство, составлявшее подавляющее большинство подданных Королевства Польского. Совместные действия аристократии и верхов варшавской буржуазии отнюдь не означали, что землевладельческая шляхта была бы согласна поступиться своими привилегиями в пользу городского сословия, не говоря уже о буржуазной демократии города.

События конца февраля – начала марта 1861 г. подтолкнули власти Королевства Польского к новым усилиям, направленным на поиск общественной поддержки. В первую очередь обрести ее можно было в среде господствующего дворянского сословия и городских верхов. Однако связанные с именем Муханова расчеты на Земледельческое общество не оправдались. Землевладельцы во главе с «паном Анджеем» заявили себя противниками правительства. Делегация Варшавы также не внушала доверия, да и влияние ее за пределы столицы не выходило. В этих условиях ставка была сделана на «просвещенную бюрократию». Для того чтобы успокоить варшавян, продемонстрировать польским верхам готовность к взаимопониманию и представить себя перед царем умелым администратором, контролирующим ситуацию в стране, Горчаков приблизил к себе польских чиновников, переместив на второй план начальника штаба 1-й армии П.Е. Коцебу, олицетворявшего в Польше российскую военщину, а также Муханова, и стал советоваться с польскими чиновниками. Таковых в варшавских верхах было более сотни, хотя они и не занимали ведущих должностей. Большинство из них были люди пожилые, как Фрыдерык Скарбек или Леон Дембовский, и принадлежали ко временам Паскевича.

100 М.Д. Горчаков – Александру II. 1 марта 1861 г. // Korespondencja namestników Królestwa Polskiego w 1861 r. Wrocław, 1964. S. 14 etc.

101 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 117.

Однако были среди них и карьерные бюрократы, надеявшиеся на волне нового курса обойти русских конкурентов. К таковым принадлежал генеральный прокурор Юлиуш Енох[102] . Политический деятель и публицист, сын известного врача Якуба Еноха, происходил из еврейской семьи. С одобрения родителей и крестных Юлиуш порвал с еврейским окружением. Он окончил гимназию в Варшаве и поступил учиться в Инженерный корпус в Петербурге. Там он проявил способности к юриспруденции и был замечен обер-прокурором Сената Тисом, который принял его к себе на службу в качестве секретаря. В 1852 г. он сочетал практическую работу в качестве референта с обучением на юридических курсах в Варшаве. Как член Герольдии Королевства Польского дослужился до чина, дававшего личное дворянство. В период после смерти Николая I он уже статский советник и генеральный прокурор Королевства Польского. Енох обладал обширными связями в Варшаве в чиновничьих и в буржуазных кругах, был близко знаком со многими видными деятелями из аристократического лагеря. Это положение создавало ему немалый авторитет у преемников Паскевича, которые видели в нем умного и опытного советника. Февральские события 1861 г. стали периодом наивысшего влияния Еноха. Велепольский называл Еноха своим другом и после прихода к власти выхлопотал для него, в соответствии с польской традицией XVIII в., почетное звание секретаря императора Александра II и орден Св. Станислава.

27 февраля М.Д. Горчаков поручил Еноху составить доклад о происшедших событиях. Уже 2 марта Енох представил наместнику мемориал[103], в котором изложил план умиротворения столицы и страны. Он утверждал, что только силы недостаточно для управления Королевством, что внутри Польши для власти нужно найти точку опоры, что надо сформировать «партию, которая хотя и была бы немногочисленна, но влиятельна в силу своей социальной позиции, своего успеха и достижений, вследствие своей высокой культуры, партию землевладельцев, чиновников и в целом состоятельных классов населения». По словам Еноха, «эти классы можно было бы посредством мудрых реформ оторвать от союза с движением экзальтированных. Эти реформы не должны быть слишком далеко идущими, но должны достигнуть своей цели». Цель же эта, с точки зрения Еноха, состояла в том, чтобы достигнуть «интеллектуального порядка в высшем образовании и материального порядка, составляющих надежное основание в управлении страной». Конкретно же Енох предлагал восстановить Государственный совет, ввести городское самоуправ-

102 Enoch Juliusz Kazimierz Mamert (1822–1880) // Polski słownik bograficzny (далее – PSB). Kraków, 1948. T. 6. S. 278–279.

103 Мемориал Ю. Еноха М.Д. Горчакову от 2 марта 1861 г. // *Skałkowski A.J.* Enoch i ego pisma w sprawach polsko-rosyjskich. Kórnik, 1947. S. 22–29.

ление, в том числе и в Варшаве, и во главе ведомства народного просвещения поставить поляка. Последнее означало удаление Муханова. Ян Карницкий полагал, что упомянутый мемориал Енох составил в конце марта 1861 г., чтобы приписать себе проекты реформ, которые к тому времени уже были проведены. По этому поводу в историографии возникла дискуссия[104]. Однако, независимо от времени написания мемориала, эти мысли были высказаны Горчаковым уже 2 марта. Сам мемориал в Петербург направлен не был.

Упомянутый Ян Карницкий – государственный секретарь Административного совета, сенатор варшавских департаментов Сената, тайный советник – входил в круг высших чиновников Королевства Польского из числа поляков[105]. Родился он в Польских Инфлянтах (в Лифляндии) на мызе Эверс в родовом имении в семье маршалка шляхты Люциньского повета Николая Карницкого и принадлежал к старому шляхетскому роду. По знатности он принципиально отличался от своего соперника в чиновничьей иерархии Ю. Еноха. Карницкий изучал юриспруденцию в Виленском университете и в середине 1830-х гг. начал чиновничью карьеру в Комиссии ревизии уложения законов, в дальнейшем в качестве члена Правительственной дирекции (комиссии) юстиции. В 1840 г. он был удостоен официального «высочайшего одобрения» Николая I. С 1854 г. Карницкий поочередно помощник обер-прокуроров X и IX (варшавских) департаментов Сената. В марте 1857 г. он получает назначение на должность государственного секретаря Административного совета и становится главным редактором «Правительственной газеты» («Gazety Rządowej»). С этого времени он один из близких сотрудников наместника М.Д. Горчакова.

Карницкий претендовал на первые роли в администрации Королевства Польского. Убежденный консерватор, он негативно относился даже к самым «умеренным» реформам. По этой причине, а также из-за личного соперничества с Енохом, у него установились враждебные отношения с А. Велепольским и окружением маркиза. Вскоре, после смены политического курса властей и установления «правительственного консенсуса», Карницкий утратил влияние и был удален с важнейших постов. В должности государственного секретаря его сменил Ю. Енох, а вслед за реорганизацией в декабре 1861 г. «Gazety Rządowej» и превращением ее в «Dziennik Powszechny» он оставил и пост главного редактора. В дальнейшем в течение нескольких лет Карницкий не участвовал в политической жизни и большей частью пребывал за границей. К государственной дея-

104 См.: *Skałkowski A.* Aleksander Wielopolski w świetle archiwów rodzinnych. Poznań, 1947. T. 3. S. 14–16.

105 Karnicki Jan (1813–1879) // PSB. T. 12. Wrocław etc., 1976. S. 67–68.

тельности он вернулся после подавления восстания 1863 г., возглавив в 1865 г. IX департамент Сената. На этой должности он оставался до ликвидации учреждения в 1876 г.

После манифестации в день похорон «Пяти погибших», в ночь со 2 на 3 марта, наместник М.Д. Горчаков направил Я. Карницкого в Петербург с докладом о положении в Варшаве. С собой Карницкий вез письмо императору, в котором Горчаков развивал мысль Еноха, что большинство подданных «из высших и средних классов» в Королевстве Польском обеспокоены развитием событий, что в секретариате Административного совета «уже давно разрабатываются проекты усовершенствования различных отраслей администрации»[106].

Далее наместник называл имена А. Велепольского, А. Замойского, Л. Кроненберга. Имя маркиза впервые возникает в правительственной корреспонденции, и, вероятно, по рекомендации Еноха (мнение С. Кеневича)[107]. Приглашал к себе Горчаков и Замойского, однако их беседа 3 марта ни к чему не привела, кроме обещания «пана Анджея» поспособствовать успокоению столицы.

В первые мартовские дни все представители правого лагеря были так или иначе привлечены к переговорам с Горчаковым: Ю. Енох и Я. Карницкий представляли верхи польской бюрократии. Велепольский и его единомышленники (например, Томаш Потоцкий) выражали мнение сторонников реформ на основе сотрудничества с властями. А. Замойский и Комитет Земледельческого общества требовали, по существу, передачи власти в руки Общества, претендовавшего на роль шляхетского сейма Королевства. Л. Кроненберг как представитель варшавской буржуазии и Делегации Варшавы добивался от администрации наместника признания своей власти в столице. Таким образом, правый лагерь Королевства Польского, с одной стороны, и царские власти – с другой, оказались перед решающим выбором.

7 марта 1861 г., т. е. практически накануне официального опубликования Манифеста 19 февраля, при зачтении которого с церковных амвонов Синод предписывал священникам «отвращать крестьян от возмущения», т. е. в момент крайней неуверенности и страха в правящих кругах, Карницкий приехал в Петербург. И несмотря на это, в тот же день он был принят царем. По поручению М.Д. Горчакова Карницкий убеждал Александра II, что в Польше нельзя управлять только штыками, что необходимо «сменить систему», что иначе «никто не сможет остаться на службе в Королевстве». На следующий день царь совещался с приближенными,

106 М.Д. Горчаков – Александру II. 2 марта 1861 г. // Korespondencja namestników Królestwa Polskiego w 1861 r. S. 17 etc.

107 Ibidem. S. 18 etc.; *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 94.

ведавшими в правительстве вопросами польской политики, среди них был и министр иностранных дел. Это свидетельствовало о том, что правительство не только сознавало особую роль великих держав в польском вопросе, но и вынуждено было принимать в расчет их позицию. На совещании А.М. Горчаков, Н.О. Сухозанет – командующий 1-й армией – и шеф III отделения В.А. Долгоруков высказались за смену системы управления в Королевстве Польском, к этой точке зрения присоединился и В.П. Платонов – заместитель министра – государственного секретаря, обычно не склонный поддерживать поляков[108]. В итоге царь очень неохотно согласился ответить на варшавский адрес. Соответствующий рескрипт наместнику составил министр иностранных дел А.М. Горчаков.

Тогда же Александр II направил телеграмму наместнику М.Д. Горчакову, что не желает принимать польскую депутацию, и написал тому письмо, в котором выговаривал наместнику за публичное дезавуирование действий 27 февраля полицмейстера Ф.Ф. Трепова и дежурного генерала штаба 1-й армии В.И. Заболоцкого, на которых Горчаков возложил ответственность за кровопролитие. В письме царь подчеркивал, что адреса «и в руки брать не следовало» и что теперь он, император, вынужден на него отвечать, дабы не компрометировать наместника. Правда, тон царя далее смягчался, он писал, что не возражает против некоторых изменений в управлении Королевством Польским в духе Органического статута 1832 г., однако сначала надо усилить войска в столице, восстановить порядок в Варшаве и в провинции, арестовать вожаков движения, не исключая и членов Земледельческого общества, не колебаться с открытием огня, если дойдет до новых беспорядков, а в крайнем случае объявить в Варшаве осадное положение и военное положение в стране[109]. Таким образом, вопреки мнению приближенных, Александр II настаивал на приоритете военно-полицейских мер подавления польской оппозиции перед мерами сугубо политическими, что было вполне в его духе. Согласие же царя на некоторые преобразования звучало настолько невнятно, что А.М. Горчаков был даже вынужден написать своему двоюродному брату и польскому наместнику письмо, в котором отважился на комментарии к им же самим составленному императорскому рескрипту. Разъясняя повеления государя, канцлер рекомендовал М.Д. Горчакову склонить авторов адреса к соглашению с правительством, и, что было бы хорошо, доверительно дать понять, независимо от рескрипта, что в ближайшее время в Королевстве Польском будет проведена реформа администрации и школьного

108 Дневник П.А. Валуева. М., 1961. Т. 1. С. 75.

109 Александр II – М.Д. Горчакову, 9 марта 1861 г. // Korespondencja namestników Królestwa Polskiego w 1861 r. S. 27–30; *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 132–133.

образования; восстановлен Государственный совет и введено городское самоуправление. Это, по словам министра, будет на пользу добронамеренным подданным и ослабит недоброжелателей и злодеев[110].

В самом же рескрипте адрес был назван петицией известного числа людей, которые «самовольно присвоили себе право порицания всех действий правительства». Далее в общих выражениях содержались туманные обещания неких предстоящих реформ, которые соответствовали бы «духу времени и нуждам моего государства». В заключение же звучала недвусмысленная угроза, что впредь царь не намерен «потакать беспорядкам».

Рескрипт был опубликован в Польше в газетах 14 марта, а накануне, 13 марта, Горчаков зачитал его в Замке тем самым 5 особам, которые двумя неделями ранее передали ему адрес: архиепископу Фиялковскому, А. Замойскому, Владыславу Малаховскому, Л. Кроненбергу и Ксаверию Шленкеру. Горчаков также сообщил о задуманных реформах. В ответ Замойский выразил надежду, что намерения правительства народ встретит с одобрением. Вместе с тем он подчеркнул, что оглашение рескрипта, в котором реформы не были упомянуты, может вызвать брожение в народе. В целом, по словам С. Кеневича, аудиенция у наместника завершилась в позитивном настроении[111].

Однако о состоявшейся 13 марта аудиенции есть и иное свидетельство. Согласно «Историческому очерку восстания 1863 г., составленному в Варшавской цитадели»[112] уже в ходе следствия после подавления восстания на основании материалов расследования, наместник Горчаков «потребовал к себе членов Делегации Шленкера и Кроненберга» и других поименованных лиц. Францишек Ксаверий Шленкер (1814–1871) – варшавский купец, владелец магазина на Сенаторской улице, член Городской делегации 1861 г. и Городского совета, в период восстания организатор сбора «национального налога» в Варшаве, после подавления восстания – в эмиграции. Наряду с ним назван князь (?) Владыслав Малаховский (ок. 1830 – ок. 1900) – сын землевладельца из Гродненской губернии, выпускник Института путей сообщения в Петербурге, работал в Вильно на Петербургско-Варшавской железной дороге. В период восстания помощник повстанческого начальника города Вильно, член Литовского отдела повстанческого правительства, подписал смертный приговор «за измену»

110 А.М. Горчаков – М.Д. Горчакову 10 марта 1861 г. // Korespondencja namestników Królestwa Polskiego w 1861 r. S. 31–33.

111 *Kieniewicz S.* Mędzy ugodą a rewolucią (Andrzej Zamoyski w latach 1861–62). S. 112–114; *Idem*. Powstanie styczniowe. S. 133.

112 Исторический очерк восстания 1863 года, составленный в Варшавской цитадели // Восстание 1863 года. Материалы и документы / Под ред. С. Кеневича, Т. Копреевой, Л. Шилова. Wrocław etc., 1985.

маршалу шляхты Виленской губернии Александру Домейко. После подавления восстания бежал за границу и жил в Англии. В «Историческом очерке восстания…» назван князем, хотя среди Малаховцев герба Nałęcz исследователями не упомянут.

Уже состав участников встречи с наместником указывал на то, что главную роль в ней играла Делегация Варшавы. Со ссылкой на протокол аудиенции в «Истории…» говорится, что «первым условием удержания порядка» Делегация считает «вручить управление города, администрации доходов и податей, людям, избранным посредством свободных выборов всех жителей без различия состояний и вероисповеданий»[113]. Иными словами, делегация потребовала передать ей власть в столице и провести в Варшаве равные выборы без учета сословных различий. Разумеется, власти ни при каких условиях не могли пойти на удовлетворение подобных ультимативных требований, а само их выдвижение указывало на то, что позиция Делегации Варшавы эволюционировала в сторону революционного лагеря, что тон в ней задавали не Кроненберг и Розен, а деятели наподобие Шленкера и Малаховского.

В течение второй половины марта 1861 г. вопрос о новой форме правительства был решен. Подробности закулисных переговоров по этому вопросу исследователям почти неизвестны. Горчаков не доносил о них в Петербург, а Велепольский не оставил каких-либо записей. Никаких важных свидетельств не приводит и Х. Лисицкий. Однако в итоге окончательное соглашение между маркизом и наместником, заключенное 14 марта, предполагало проведение реформ. Заключение этого соглашения косвенно свидетельствовало также о том, что власти в Петербурге остановили свой выбор на либеральной концепции, которая была изложена в мемориале Еноха, и не вняли доводам консерватора Карницкого. При этом либеральный курс правительства Александра II означал отнюдь не только те или иные преобразования, большей частью декоративные, в администрации Королевства Польского, а прежде всего либеральный подход к разрешению крестьянского вопроса, т. е. проведение крестьянской реформы сверху от имени государственной власти, а не польского дворянства. Задача состояла теперь в том, чтобы убедить польскую шляхту согласиться с подходом правительства. Препятствием на этом пути, очевидно, было Земледельческое общество.

Согласованная с А. Велепольским программа предполагала на первом плане реформы двоякого рода. Первые из них, сугубо административные, предусматривали отмену установлений времен Паскевича и были направлены на сближение системы государственного управления Королевства Польского и России. Шла речь о восстановлении Правитель-

113 Там же. С. 79.

ственной комиссии религиозных исповеданий и общественного просвещения (отдельно от комиссии внутренних дел), о воссоздании Государственного совета как высшей судебной инстанции, об установлении административного деления страны на 8 воеводств. При этом как уступка национальным чувствам поляков предполагалось введение «национальных мундиров» и собственной гербовой печати Королевства (с польским гербом). Однако восстановление в Королевстве системы органов государственного управления, аналогичных российским, не означало курса на ликвидацию его «отделенности» от империи. В этом гораздо в большей степени, нежели в вопросе о мундирах, состояла уступка властей.

Вторая группа реформ касалась новых установлений, которые согласовывались бы, с одной стороны, с традициями польского шляхетского парламентаризма, а с другой – с условиями российского самодержавия. Над соответствующим проектом работал А. Велепольский. Предполагалось создать Сенатский совет в составе 8 епископов, 8 воевод, 39 каштелянов (исключительно землевладельцев), в который было бы допущено небольшое число лиц из промышленников, купцов и лиц свободных профессий. Этот совет принимал бы жалобы на нарушения прав и на злоупотребления со стороны чиновников. В каждом воеводстве намечалось образовать Гражданский совет (Rada obywatelska), в который бы от каждого из поветов избирались по два представителя от шляхты и по одному – от гмин. (Б. Н. – примечательно, что здесь речь шла только о дворянах, не скрывая, как было принято, шляхту за термином землевладельцы, чтобы случайно в совет не попали мелкие земельные собственники нешляхетского происхождения). Гражданские советы занимались бы исключительно местными вопросами. Раз в два года Сенатский совет собирался бы в расширенном составе (как Rada Walna) с участием председателей Гражданских советов воеводств, председателя Городского совета Варшавы и ряда «достойных лиц» (wirylistów). Эта Вальна Рада могла бы рассматривать проекты законов, направленных правительством. Таким образом, были бы признаны титулы и функции шляхетского большинства и буржуазного меньшинства, без их влияния на общественные дела[114]. Таковы были условия Велепольского для принятия должности директора в Комиссии внутренних дел.

Им было получено согласие на два других важных предложения. Первое – восстановление Варшавского университета, второе – роспуск Земледельческого общества и замена его земледельческими комиссиями. По мнению Кеневича, «такова была цена, которую вынуждены были заплатить имущие классы за участие в местном управлении и за допуск

114 *Przyborowski W.* Historia dwoch lat 1861/1862. 1892–1896. T. 2. S. 183–187; *Skałkowski A.* Aleksander Wielopolski. T. 3. S. 18, 258–261.

их представителей в правительство, т. е. ликвидация единственной собственной независимой организации». При этом польский историк отмечал, что «политическая цель Велепольского соответствовала его частным устремлениям, т. е. устранить политический домен своего конкурента» А. Замойского[115].

15 марта 1861 г. М.Д. Горчаков доносил в Петербург, что в течение 2 дней пришлет в столицу проект Велепольского со своими замечаниями. Одновременно в российской столице под руководством В.П. Платонова шла работа над другим проектом реформ на иных основаниях. Речь шла о введении в жизнь некоторых положений Органического статута 1832 г., в частности местного самоуправления. Замыслы эти вынашивались в верхах в течение пяти предшествующих лет, а если кто им и препятствовал, полагал С. Кеневич, то это были М.Д. Горчаков с Мухановым[116]. Варшавские события сдвинули петербургский замысел с мертвой точки. В результате царь решил лично рассмотреть проекты Платонова и Велепольского. Проект маркиза был доставлен Александру 21 марта[117].

Ситуация в Петербурге в это время была весьма напряженной. Александр II и его окружение ожидали реакции крестьянства на отмену крепостного права, которая должна была в полной мере проявиться с началом сезона полевых работ. В правительственных кругах царило беспокойство, не станет ли крестьянская реформа в России причиной социальной революции. Варшавские волнения в такой ситуации были явно не ко времени[118]. Вероятно, поэтому царь безотлагательно рассмотрел присланные из Варшавы проекты. 25 марта он собрал Совет министров с участием ряда приглашенных лиц, чтобы обсудить оба проекта. Проект А. Велепольского был официально представлен от имени наместника. Проект В.П. Платонова – от имени Юзефа Тымовского.

Дискуссия в Совете, по свидетельству министра внутренних дел П.А. Валуева, была долгой, беспорядочной, и никто не решался прямо высказать свою точку зрения. В итоге царь, потеряв терпение, констатировал, что все склоняются к проекту государственных секретарей (к проекту Платонова). В программе преобразований Велепольского основное недовольство было направлено против «Вальной Рады», так как она уж очень напоминала некое «народное представительство». Из варшавских предложений было утверждено только одно, но весьма важное, – образо-

115 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 134.

116 Ibidem. S. 135.

117 М.Д. Горчаков – Александру II, 15 марта 1861 г., и Александр II – М.Д. Горчакову, 21 марта 1861 г. // Korespondencja namestników Królestwa Polskiego w 1861 r. S. 46–62.

118 Дневник П.А. Валуева. Т. 1. С. 69–77.

вать в Административном совете отдельную Комиссию народного просвещения и вероисповеданий во главе с Велепольским. Среди отклоненных предложений маркиза были не только задуманные им «рады», но и реформа судопроизводства, восстановление воеводств и новации в мундирах «национальных колоров». Отказано было и в университете. Император ограничился только Школой права. В конце совещания, по словам Валуева, он сам не понял, что же из предложенного было одобрено, а что – отклонено. Было постановлено образовать комиссию из 4-х человек во главе с А.М. Горчаковым для подготовки проекта царского указа[119]. В нем достигнутое согласие нашло выражение в четырех пунктах: 1) создание Государственного совета с участием светских и духовных «нотаблей», о которых говорилось в предложениях Велепольского; 2) в городах, в поветах и в губерниях надлежало избрать советы; 3) в Административном совете была воссоздана отдельно от Дирекции внутренних дел Комиссия духовных дел и народного просвещения во главе с А. Велепольским; 4) в Королевстве Польском надлежало основать Высшую школу права[120].

М.Д. Горчаков, писал Кеневич, полагал, что настало «наиболее удобное время для создания лагеря умеренных, и его нельзя упустить». Он просил разрешения объявить как можно скорее о петербургских решениях и прислать в Варшаву оригинал царского указа. Александр дал согласие, короткая официальная информация была помещена в польской прессе уже 27 марта. Это известие стало доступно варшавской публике спустя ровно месяц после февральских событий в годовщину Гроховского сражения 1831 г.

Сигналом о желательности для правительства достичь взаимопонимания с либералами стала отставка П.А. Муханова. Поводом для нее послужил циркуляр, разосланный директором Комиссии внутренних дел 18 марта провинциальным властям с требованием надзора за революционной агитацией. В нем, в частности, предписывалось, дабы крестьяне задерживали агитаторов и передавали тех властям. Это распоряжение возмутило польских чиновников. Люблинский гражданский губернатор Станислав Мацкевич утверждал, что такого рода провокация напоминает о Галицийской резне. С протестом выступили Делегация Варшавы и Анджей Замойский[121]. Горчаков 23 марта потребовал от Муханова подать в отставку. В этот же день тот покинул город, уехав в коляске, и только на станции Влохи сел в поезд, без остановок промчавшийся до границы. На вокзале в Варшаве в это время собралась толпа, чтобы устроить обструк-

119 Там же. С. 83–86.

120 А.М. Горчаков – М.Д. Горчакову, 25 марта 1861 г. // Korespondencja namestników Królestwa Polskiego w 1861 r. S. 72 etc.

121 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 135–136.

цию ненавистному чиновнику[122]. Об увольнении Муханова наместник уведомил императора постфактум.

Характеризуя политическую ситуацию в Королевстве Польском в конце марта 1861 г., С. Кеневич писал: «Те же самые ограниченные реформы (объявленные царским указом 25 марта. – *Б.Н.*), провозглашенные сразу после 27 февраля и украшенные несколькими добросердечными фразами, могли бы склонить имущие классы к решению о соглашательстве. Спустя же 4 недели ситуация пошла дальше в своем развитии, движение расширилось <…> в нем произошло размежевание, усилилось его левое крыло. Красные отвергли соглашение с захватчиком, а в конце марта к лагерю красных в Варшаве принадлежало гораздо больше людей, чем в конце февраля»[123].

Тезис С. Кеневича о «размежевании белых и красных» не вызывает возражения. Однако в этом случае речь идет о внутренней грани в том направлении общественного движения, которое развивалось под знаком дворянской революционности. За его пределами оставался правый лагерь и выделившиеся из него либеральные круги, символом которых был Александр Велепольский.

В целом большинство участников общественного движения правого толка не помышляли о соглашении с царем. Даже умеренные оппозиционеры следовали линии М. Розена в духе приписываемой ему молвой максимы «bać i nie kwitować», т. е. принимать уступки, но не признавать их достаточными и не идти на ответные встречные шаги. В этом духе Анджей Замойский писал лидеру краковских консерваторов Адаму Потоцкому: «Пусть император останется королем, а все поляки вплоть до Днепра получат правительство и законодательство в соответствии с нашими ожиданиями, чтобы Европа увидела, что вся Польша должна стать независимым государством, и вы вернетесь в страну»[124].

Из этого высказывания А. Замойского, как и из многих других его сентенций и заявлений его сторонников, видно, что шеф Земледельческого общества, для которого главным должен был бы быть крестьянский вопрос, и не помышлял о его разрешении, как и о других внутренних проблемах Королевства Польского. Независимость и собственное законодательство означали бы их передачу в ведение исключительно польской шляхты без какого-либо вмешательства со стороны российских властей. Российские реформы в их распространении на Королевство Польское были для Замойского и польского дворянства неприемлемы. Мало того,

---

122 Ibidem. S. 135.

123 Ibidem. S. 137.

124 А. Замойский – Адаму Потоцкому, 17 марта 1861 г. // *Kieniewicz S.* Między ugodą a rewolucią (Andrzej Zamoyski w latach 1861–62). S. 117 etc.

речь шла о восстановлении шляхетского государства вплоть до Днепра, т. е. в границах 1772 г.

Вместе с тем приход Велепольского в правительство означал для царских властей определенное ослабление общественной напряженности, так как еще накануне февральских событий А.М. Горчаков писал наместнику, что опасается волны отставок чиновничества, а может быть, и массовых отказов от уплаты налогов[125].

Вступая в должность директора Правительственной комиссии, Велепольский сознавал, что не получил одобрения своим планам в полной мере, вместе с тем по соглашению с правительством он принял на себя обязательство распустить Земледельческое общество, Делегацию города Варшавы и группы констеблей (руководимую делегацией добровольческую милицию из числа горожан). Устраняя органы власти правого лагеря, а именно на власть претендовали Земледельческое общество и Делегация Варшавы, Велепольский также намеревался разгромить и подпольные организации красных. Соответствующий план он изложил в записке «Série des mesures à prendre par suite des résolutions impériales du 25 III 1861». Из нее вытекало, что маркиз предполагал закрыть легальные организации, арестовать членов тайных обществ, конфисковать их бумаги, распустить Земледельческое общество, а в случае необходимости и ввести военное положение[126]. Горчаков, хотя и не без колебаний, поддержал этот план под влиянием военных П.Е. Коцебу и Л.В. Гечевича – преемника Муханова во главе Комиссии внутренних дел. Наместник, возражая против применения силы на Пасху, чтобы окончательно усмирить беспорядки, опасался жертв среди ни в чем не повинных подданных, поскольку в этот день весь город, включая женщин и духовенство, будет на улицах[127]. Кеневич полагал, что план ареста предводителей красных не мог быть приведен в исполнение, поскольку полиция не имела информации о варшавском подполье, да и само оно не было еще достаточно централизовано[128].

Что же касается Земледельческого общества, то А. Велепольский предлагал на несколько дней отложить его роспуск и предварительно провести ряд мер. Во-первых, учредить специальную комиссию для рассмотрения предложений Общества о способе выкупа крестьянами земли и включить в ее состав только умеренных членов общества, поставив во главе комиссии директора Комиссии внутренних дел Л.В. Геневича. Во-

125 А.М. Горчаков – М.Д. Горчакову 26 февраля 1861 г. // Korespondencja namestników Królestwa Polskiego w 1861 r. S. 78.

126 *Skałkowski A.* Aleksander Wielopolski. Poznań, 1947. T. 3. S. 23, 265.

127 М.Д. Горчаков – Александру II, 3 апреля 1861 г. // Korespondencja namestników Królestwa Polskiego w 1861 r. S. 92.

128 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 142.

вторых, провозгласить с амвонов, что правительство берет на себя решение крестьянского вопроса. В-третьих, опровергнуть в газетах некие замыслы Земледельческого общества о сближении польского и еврейского населения. Этими средствами пытались уменьшить влияние Земледельческого общества среди дворянства и посеять разногласия среди его членов, обвинив общество в согласии на предоставление равноправия евреям и, главное, в его готовности согласиться с программой правительства по крестьянскому вопросу. Меры эти преследовали двоякую цель: с одной стороны, создать видимость поддержки правым лагерем правительственной крестьянской реформы, а с другой – расколоть и ослабить Общество, оттолкнув от него те реакционные слои польской шляхты, для которых ликвидация крепостничества и наделение крестьян землей были неприемлемы ни при каких условиях.

По замыслу Велепольского, после того как в течение нескольких дней эти меры принесли бы свои плоды, Земледельческое общество подлежало бы роспуску, а из Варшавы были бы выдворены те его члены, которые не имели в столице постоянного места жительства[129]. О том, что этот проект принадлежал Велепольскому, свидетельствует черновик письма наместника и сделанные в нем сокращения[130].

28 марта Велепольский посетил архиепископа Фиялковского, который его благословил, выразив радость, что дело религии и народного просвещения отныне переходит в ведение католика[131]. На следующий день были уволены двое высокопоставленных чиновников за то, что за многие годы службы так и не научились говорить по-польски. 31 марта был издан циркуляр приходским священникам, чтобы они объявили с амвонов, дабы собственники приступили к очиншеванию. На следующий день был учрежден Гражданский комитет как консультативный орган правительства по крестьянскому вопросу. В Комитет вошли члены Земледельческого общества, за исключением Анджея Замойского, в число которых были включены Зигмунд Велепольский и Леопольд Кроненберг[132].

Прислав в Варшаву подписанный указ о соглашении правительства с обществом, Александр II писал М.Д. Горчакову, что это, по его мнению, последняя возможность умиротворить поляков, и в противном случае остается только применение силы. Численность войск варшавского гарнизона к этому времени была доведена до 20 тыс. чел., соответственно

---

129 М.Д. Горчаков – Александру II, 3 апреля 1861 г. // Korespondencja namestników Królestwa Polskiego w 1861 r. S. 94.

130 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 142–143.

131 А. Велепольский – матери, 28 марта 1861 г. – *Skałkowski A.* Aleksander Wielopolski. Poznań, 1947. T. 3. S. 265.

132 *Grabski W.* Historiia Towarzystwa Rolniczego: 1858–1861. T. 2. S. 384–386.

были увеличены силы конницы и артиллерии. Войска концентрировались вокруг четырех ключевых точек в столице: у Королевского Замка, у площади Красиньских и в районе Саксонской и Александровской площадей[133].

В наступление власти перешли сразу же после празднования Пасхи. Пополудни 3 апреля, в среду после пасхального воскресенья, Горчаков телеграфировал царю, что распустил Гражданский отдел Магистрата Варшавы и соответственно прекратил его деятельность в качестве полицейского органа. В написанном в тот же день письме Александру II он объяснял, что так называемые констебли с карточками на шляпах демонстративно патрулировали улицы города. Объявление о роспуске констеблей и Гражданского отдела было сделано 4 апреля и было принято в польской столице спокойно. Горчаков согласился, чтобы 12 членов распущенной Делегации заседали в ратуше под председательством президента Варшавы в качестве «Временного муниципального совета» до выборов городского совета.

Нечто подобное Велепольский планировал учинить и с Земледельческим обществом. Ведущих его деятелей маркиз намеревался включить в Гражданский комитет, а в самом постановлении о роспуске Общества содержался проект создания в различных местностях Королевства Польского земледельческих собраний («комиссий»). В публикациях в прессе о роспуске Общества говорилось, что комиссии должны заниматься агрономией, а политические вопросы остаются в ведении губернских советов и в Государственном совете[134]. Родрыг Потоцкий писал по этому поводу одному из своих корреспондентов, что «большая часть общества хотела подтолкнуть презеса (Анджея Замойского. – *Б. Н.*) и комитет, направив их на этот раз на путь нелегальных действий, к революции или к бунту, что было для них сомнительным и противоречило их собственным убеждениям. <…> Новый грозный диктатор (А. Велепольский. – *Б. Н.*) одним ударом освободил и презеса, и комитет от бремени ответственности перед страной»[135].

Р. Потоцкий был прав, указав, что принятые меры правительства, Велепольского и круга его сторонников подтолкнут правые силы навстречу дворянскому революционному лагерю на основе общей сословной позиции. При этом эти меры, приведшие на недолгое время к «успокоению столицы», способствовали пробуждению провинции, где силы консервативного дворянства решительно преобладали, что в свою очередь озна-

133 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 144.

134 *Grabski W.* Historia Towarzystwa Rolniczego: 1858–1862. T. 2. C. 368–372.

135 Родрыг Потоцкий – Хенрыку Водзицкому, 8 апреля 1861 г. // Biblioteka Ossolińskich. Dz. Rękopisów. Rkps. 11759; *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 145.

чало укрепление правого лагеря по отношению к реформистским кругам. Начиная со времени февральских волнений в Варшаве, городам и местечкам и прежде всего шляхетским усадьбам и фольваркам и находящимся под их контролем церковным приходам (плебаниям) потребовалось от двух до нескольких недель, чтобы отреагировать на варшавские события. Вслед за событиями на Пасху в Варшаве брожение общества стало набирать силу и в провинции, где оно первоначально приняло форму протеста против действий местной администрации. На местах стали возникать «комитеты безопасности» и «делегации городов» (в Калише, Млаве, в Кельце и в Шидловце). В Люблине – крупнейшем городе после Варшавы – такого рода комитеты возникли в период между 4 и 7 марта[136].

Существенное влияние на развитие ситуации оказывало и крестьянское движение[137]. Весной 1861 г. волнения и отказы от барщинных работ, согласно статистике властей, охватили 176 деревень, 54 имения и 35 тыс. крестьян. В дальнейшем движение только нарастало и охватило 160 тыс. крестьян[138].

Подъем крестьянского движения оказал на положение в стране двоякое действие. С одной стороны, под его влиянием произошло окончательное оформление трех политических течений и соответственно трех лагерей польского общества.

Правый лагерь объединил подавляющее большинство землевладельческой шляхты, отвергавшей правительственную программу реформ, в первую очередь по отношению к крестьянству, и недвусмысленно выдвинул требования передачи польскому дворянству во главе с Земледельческим обществом государственной власти и восстановления шляхетской Речи Посполитой (по меньшей мере в составе Польши и Литвы) в границах 1772 г.

Либеральный лагерь состоял из представителей либеральной бюрократии, небольшой части аристократии, крупных дворян-землевладельцев и ряда представителей варшавской крупной буржуазии. Знаменем и лидером этого направления был А. Велепольский. Либералы выступали за соглашение с правительством на основе программы реформ, в первую очередь в крестьянском вопросе. Вокруг нее либералы намерены были объединить все правые силы, рассчитывая на основе реформы избежать революции. Они проводили в Королевстве Польском курс на создание либерально-консервативного дворянского блока, каковой в России послужил фундаментом «Великих реформ» Александра II, проводили, ве-

136 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 151, 153–154.

137 *Śreniowski S.* Uwłaszczenie Cłopów w Polsce. Warszawa, 1955. См. раздел 5 (революционная ситуация 1861–1862 гг.). С. 1–14 (раздельная пагинация).

138 Ibidem. S. 4.

роятно, не вполне осознанно (по крайней мере, в распоряжении исследователей нет прямых свидетельств заимствования российского опыта).

Третий лагерь представлял дворянских революционеров, поскольку объединяющим его лозунгом и программой было достижение национальной независимости, состав участников был преимущественно шляхетский по происхождению, а сами революционные организации неизменно следовали тактике объединения с правыми, хотя и ради освобождения Отчизны.

Царская администрация Королевства Польского, разделив власть с либералами, оставила в запасе и возможность рискованного политического маневра в духе крестьянского цезаризма. Работавший в Петербурге над составлением для Королевства законов о Государственном совете и об органах местного управления В.П. Платонов писал наместнику Горчакову, что если бы таким образом, т. е. в союзе с либералами, не удалось бы найти опору в имущих слоях населения, то оставалось бы только установить в стране военное правление «с опорой на крестьян и евреев. Крестьян следовало бы перевести на невысокий чинш (ценз) с правом выкупа надела, а евреям предоставить полное гражданское равноправие[139].

139 В.П. Платонов – М.Д. Горчакову, 18 апреля 1861 г. // Korespondencja namestników Królestwa Polskiego w 1861 r. S. 129.

М.А. Крисань
(Москва)

Крестьяне в Январском восстании 1863–1864 гг.

В начавшемся в конце января 1863 г. и продолжавшемся до осени 1864 г. восстании значительное участие принимали крестьяне. В историографии польского крестьянства даются полярные оценки степени участия крестьянства в повстанческом движении, степени осознанного выбора крестьян, присоединившихся к борьбе, уровня национального самосознания польской деревни: от признания его роста со времен Костюшки[1] до полного отрицания возможности развития такого в XIX в.[2] Следует подчеркнуть, что изначально спор о социально-сословном составе участников восстания был крайне политизирован и возник

1 *Brodowska H.* Chłopi o sobie i Polsce. Łódź, 2001. S. 18. Правда, у подобной точки зрения немного сторонников, большая часть исследователей говорит о росте национального самосознания у второго пореформенного поколения крестьян. См., например: *Borkowski J.* Chłopi polscy w dobie kapitalizmu. Warszawa, 1981. S. 110; *Grzybowski K.* Ojczyzna – Naród – Państwo. Warszawa, 1970. S. 155, 167; *Kieniewicz S.* Świadomość narodowa // Polityka. 1966. № 30. S. 7; *Krawczak T.* Kształtowanie świadomości narodowej chłopów polskich w Galicji w latach 1864–1914 // Przegląd Humanistyczny. 1978. № 11. S. 137; *Krawczak T.* Kształtowanie świadomości narodowej wśród ludności wiejskiej Podlasia w latach 1863–1918. Biała Podlaska, 1982. S. 56; *Łepkowski T.* O narodzie i polskiej świadomości narodowej w epoce powstań XVIII i XIX wieku // Nowe Drogi. 1966. Z. 6. S. 27. В то же время часть ученых указывает на крайне низкий уровень его развития, а другие вообще не считают возможным говорить о развитии национального самосознания в XIX веке. См.: *Burszta J.* Chłopskie źródła kultury. Warszawa, 1985. S. 253.

2 См.: *Stomma L.* Antropologia kultury wsi polskiej. Warszawa, 1989, а также: *Siekierski S.* Etos chłopski w świecie pamiętników. Kraków, 1992. S. 151; *Wapiński R.* Polska i małe ojczyzny Polaków. Z dziejów kształtowania się świadomości narodowej w XIX i XX wieku po wybuch II wojny światowej. Wrocław; Kraków, 1994. S. 100; *Wierzbicki Z.T.* Rozwarzania o rozwoju świadomości narodowej chłopów polskich // Wieś i Rolnictwo. 1993. № 1. S. 61–62. Шафлик отмечает отсутствие проявлений национального самосознания еще в первых годах XX века. См.: *Szaflik J.R.* O rząd chłopskich dusz. Warszawa, 1976. S. 7.

еще во время восстания в ходе вооруженной борьбы[3]. Историография по данной теме обширна как в том, что касается непосредственно восстания, так и в вопросах о национальном самосознании крестьянства[4].

Несмотря на значительную библиографию вопроса, в предназначенной в первую очередь для широкого круга читателей исторической литературе последних лет тема национального самосознания крестьян во время восстания 1863–1864 гг. либо оговаривается вскользь, либо вообще не поднимается. Примером последнего может служить работа Ежи Здрады по истории Польши 1795–1914 гг.[5] Автор раскрывает тему апеллирования к крестьянам в различных программах и обращениях повстанцев и действиях российских властей, но практически не освещает вопрос ответной реакции крестьянства. Представляется, что подобная тенденция, сложившаяся в исторической литературе, ориентированной на широкий круг читателей, сигнализирует определенный кризис в специализированных исследованиях, где, несмотря на продолжительную работу в этой области, не была выработана общая концепция, которая бы в большей или меньшей степени удовлетворяла исследователей.

Изучение национального самосознания крестьянства, как правило, проводилось на основании личных источников, основную массу которых составляли воспоминания, написанные годы спустя самими участниками событий, или записи, сделанные со слов участников или свидетелей восстания. Кроме того, как отмечает Хелена Бродовская, «авторы воспоминаний того времени не пишут, чем руководствовались те крестьяне, которые без чьего-либо приказа вступали в отряды повстанцев или оказывали помощь сражавшимся полякам»[6]. Собственно, основной проблемой было и остается отсутствие значительного массива источников, в которых речь шла бы от первого лица, т. е. от лица (как правило) неграмотного крестьянина, вовлеченного в водоворот событий тех лет.

Положение дел в историографии наводит на мысль о ревизии имеющихся в распоряжении историка эпохи источников, а именно привлечении материалов по польским ссыльным, в том числе и крестьянам.

---

3 *Зайцев В.М.* Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (Опыт статистического анализа). М., 1973. С. 3.

4 См., например: *Kozłowski E.* Bibliografia powstania styczniowego. Warszawa, 1964; *Крисань М.А.* Основные направления в изучении крестьянства рубежа XIX–XX вв. в послевоенной польской историографии // Историки-слависты МГУ. Кн. 7. Х.Х. Хайретдинов. Исследования и материалы, посвященные 65-летию со дня рождения Х.Х. Хайретдинова. М., 2008. С. 232–233.

5 *Zdrada J.* Historia Polski 1795–1914. Warszawa, 2007.

6 *Brodowska H.* Świadomość chłopów pokolenia powstania styczniowego // *Brodowska H.* Chłopi o sobie… S. 59.

В случае восстания 1863–1864 гг. речь идет о материалах карательных органов, осуществлявших массовую высылку как повстанцев, так и политически неблагонадежных с точки зрения властей. Среди репрессированных были «лица всех сословий». Впервые попытка представить на основе статистических материалов сословный состав участников восстания 1863–1864 гг. на всей охваченной им территории и установить степень активности различных сословий и общественных групп как в пределах каждого региона, так и, по мере возможности, в их отдельных административных частях, была предпринята В.М. Зайцевым в 1973 г.[7]

Автор использовал дело 94 Аудиториатского департамента Военного министерства, хранившееся на тот момент в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР в Москве, хронологические рамки которого охватывают период с июня 1863 г. по октябрь 1875 г.[8] В задачи Аудиторнатского департамента входило осуществление контроля над военным судопроизводством, а также совершенствование и разработка военно-судного законодательства. В деле 94 содержатся сведения об арестованных участниках движения на всей территории, охваченной восстанием, что позволило Зайцеву провести статистический анализ и представить социально-сословный состав участников восстания по отдельности на территории Царства Польского, Белоруссии и Правобережной Украины, дав общую характеристику репрессированным и поделив их согласно вменяемым им обвинениям на 1) участников вооруженной борьбы; 2) репрессированных за нахождение в конспиративных организациях и повстанческой администрации и 3) репрессированных за содействие и сочувствие восстанию.

В поступавших с мест данных указывались имена, фамилии, возраст, место рождения (только губерния) обвиняемых, приговор. Кроме общих сведений, материалы дела содержат также дополнительные материалы: рапорты наместника Царства Польского, копии рапортов военных начальников, в которых содержатся данные о вероисповедании, сведения о том, в каких повстанческих отрядах пребывали осужденные. Как указывает автор работы, представленный материал не лишен недостатков с точки зрения полноты данных: в них нередко отсутствуют сведения о возрасте, сословном происхождения и месте рождения, «состав преступления» иногда излагается очень неопределенно, вследствие чего не-

7 *Зайцев В.М.* Указ. соч. С. 18.

8 В 1992 г. Центральный государственный военно-исторический архив СССР был переименован в Российский государственный военно-исторический архив. В настоящий момент (весна 2014 г.) в связи с проводимыми ремонтными работами в архивохранилище фонд 801, в который включено дело 94, недоступен.

возможно установить конкретные формы участия репрессированных в восстании, кроме того, у большинства репрессированных отсутствуют сведения о роде занятий[9].

Отсутствие полноты данных характерно для источников в т. ч. и XIX века. Однако проведенное Зайцевым «сопоставление данных с более полными данными по отдельным территориям показывает, что при значительной разнице между численностью однородных сословных групп репрессированных величина процента их не имеет существенного различия»[10]. Автор приводит пример анализа С.М. Байковой данных (5112 участников) на основе алфавитов Виленского полевого аудиториата, Виленской следственной комиссии и других источников в пределах границ на момент исследования территории БССР. Зайцевым на основании конфирмационного материала на той же территории было учтено 3374 человека. Разница между первой и второй цифрой составила 1746 человек. Несмотря на это, относительные величины у одноименных сословных групп колеблются в пределах от 0,1 до 2,9%[11]. Полученные Зайцевым результаты дают возможность соотнесения с ними новых данных. Тем более что работа продолжает вестись в этом направлении[12].

Следует сказать, что польская историография вопроса ссылки и судеб ссыльных повстанцев, как и историография восстания 1863 г. своими корнями уходит в XIX в. Спектр вопросов обширен: в зависимости от эпохи в исследованиях превалировал мартирологический подход, российско-польское революционное сотрудничество, политико-правовые аспекты, цивилизационнный подход. В крестьяноведческих исследованиях имеющиеся материалы по ссыльным не были задействованы: согласно же полученным данным, доля крестьян в общей массе репрессированных составляет на всех охваченных восстанием территориях свыше 30%, а в Царстве Польском она превышает 40%[13].

---

9 *Зайцев В.М.* Указ. соч. С. 25.

10 Там же. С. 28.

11 Там же.

12 В настоящее время в Институте истории Польской академии наук под руководством проф. В. Сливовской продолжается работа по созданию картотеки польских ссыльных в России. Частично эти сведения были представлены в библиографическом словаре «Польские ссыльные в Российской империи в первой половине XIX века» (3500 персоналий). База данных содержит информацию о примерно 40 тыс. сосланных участников Январского восстания. См.: *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Słownik biograficzny. Warszawa, 1998; *Мулина С.А.* Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников польского восстания 1863 года в Западной Сибири. СПб., 2012. С. 35.

13 *Зайцев В.М.* Указ. соч. С. 63.

В этой связи заслуживают внимание массовые источники, использовавшиеся ранее только для статистического анализа, которые позволяют создание персоналий (подход, о котором шла речь выше)[14]. Персонификация подобных данных может принести свои результаты в выявлении тенденций в поведенческих стратегиях отдельных групп населения, в т. ч. и крестьянства. Данный подход по своей методике сродни генеалогическим исследованиям. Полученный материал в сопоставлении с источниками личного характера даст более насыщенную картину прошлого.

На примере работы В.М. Зайцева видна однотипность подобного материала, однако дополнение этих материалов источниками локального уровня значительно расширяет возможности интерпретации. В этой связи заслуживают внимания две российские диссертации 2004 и 2005 гг., посвященные польским ссыльным в Архангельской губернии и Западной Сибири. Речь идет о работах Л.П. Кононовой «Ссылка участников польского восстания 1863–1864 гг. (По материалам Архангельской губернии)» и С.А. Мулиной «Участники польского восстания 1863 года в западносибирской ссылке», переработанной автором в книгу – «Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников польского восстания 1863 года в Западной Сибири»[15].

Работа Людмилы Кононовой посвящена ссылке репрессированных поляков в Архангельскую губернию, занимавшую в то время большую часть Европейского Севера России, а именно часть территории современной Карелии, республики Коми, а также Архангельской и Мурманской областей. В работе впервые раскрывается тема пребывания участников польского восстания в архангельской ссылке, а именно, определена численность, социальный и профессиональный состав ссыльных, представлены их краткие биографии, изучена их деятельность в местах ссылки, а также оценен вклад польских ссыльных в развитие Архангельской губернии. Работа основана главным образом на материалах Государственного архива Архангельской области. Это делопроизводственная документация центральных и губернских учреждений, прежде всего министерства внутренних дел, III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, Архангельского губернского правления, городских и уездных полицейских управлений, Архангельской арестантской роты

14 См. сноску 12.

15 *Кононова Л.П.* Ссылка участников польского восстания 1863–1864 годов (По материалам Архангельской губернии). Дис. … канд. ист. наук. Архангельск, 2004; *Мулина С.А.* Участники польского восстания 1863 года в западносибирской ссылке. Дис. … канд. ист. наук. Омск, 2005; *Мулина С.А.* Мигранты поневоле…

гражданского ведомства. Большая часть документов была впервые введена автором в научный оборот.

На основании сотен архивных дел, включающих статейные, партионные и алфавитные списки ссыльных, автором установлено в период с марта 1864 г. по май 1872 г. 805 участников Январского восстания, отбывавших наказание в Архангельской арестантской роте гражданского ведомства. Из них 390 относятся к крестьянскому сословию.

Приведем пример составленных автором персоналий: «Бентковский Феликс Антонович. Род. ок. 1842 г. Место рождения: Варшавская губ. и уезд, дер. Люсины. Крестьянин. Читал по-польски. Каменщик. За нахождение в шайке мятежников выслан для содержания при Архангельской арестантской роте. Зачислен в роту 12.07.1864. Женат, имел дочь. Согласно предписанию министра внутренних дел от 23.03.65 за № 2231, 4.05.1865 отправлен в Варшаву»[16]. К сожалению, подобные по полноте персоналии в том, что касается крестьян, достаточно редки. Они составляют около ¼ составленных персоналий. В большинстве случаев данные представлены частично. Тем не менее подобный материал дает возможность проследить взаимосвязи, между возрастом, указанным родом занятий, местом проживания, уровнем грамотности. Кроме того, встречаются более подробные данные о причине ареста. К примеру, данные о Юзефе Василевском (1833 г. р.) раскрывают причину его высылки в Архангельскую арестантскую роту. Крестьянин был сослан за «преступные сношения с мятежниками, с которыми ездил в деревню Рекувек для задержания тамошних трех колонистов, не найдя которых, забрали у них некоторые вещи и деньги, а потом отправились в деревню Перно, где отыскали плантатора Риттора и намеревались его повесить»[17].

Работа С.А. Мулиной «Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников польского восстания 1863 года в Западной Сибири» охватывает Западную Сибирь в составе Томской и Тобольской губернии, включая Омск и Омский округ, которые до 1868 г. входили в состав Тобольской губернии[18]. Работа написана на основании главным образом материалов, хранящихся в Историческом архиве Омской области, Государственном архиве Томской области, Государственном архиве в г. Тобольске.

Основным источником для получения сведений о конкретном ссыльном стали статейные списки, составляемые органами власти на местах,

16 Материал составлен автором на основании материалов архивных дел: ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5а. Д. 671; Ф. 9. Оп. 1. Д. 187, 189, 205. Л. 20; РГИА. Ф. 1286. Оп. 25. Д. 1418. Л. 15. Цит. по: http://kdkv.narod.ru/1864/Ssilka-Archanelsk.html

17 Материал составлен автором на основании материалов архивных дел: ГААО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 219. Л. 178; Оп. 2. Д. 3. Л. 93; Ф. 4. Оп. 21. Т. 2. Д. 403. Л. 189. Цит. по: http://kdkv.narod.ru/1864/Ssilka-Archanelsk.html

18 *Мулина С.А.* Мигранты поневоле… С. 7.

где в том числе фиксировались изменения в семейном положении, условиях ссылки, месте жительства. В данном случае автор также располагала частичными данными, хотя на основании документов ей удалось «почти стопроцентно» определить состав польской ссылки в городе[19].

В составленной автором базе 186 крестьянских персоналий. По краткости информации материалы больше напоминают источники, с которыми работал Зайцев. К примеру, место происхождения дается только по губерниям, отсутствует информация о навыках чтения и письма. Но в то же время представлен семейный статус, род занятий, дается информация о точном месте пребывания, о пособии на домообзаводство – ценнейшая информация, дающая возможность изучения стратегий выживания. В исследованных материалах представлена информация о том, приезжали ли ссыльные с семьей или без семьи. Большая часть ссыльных крестьян была холостяками, в случае же семейных приезд с семьей или членами семьи был редкостью, так же как и приезд холостых с матерью или братьями и сестрами. Скорее всего, в сознании как остававшихся, так и осужденных в ссылку отправлялись как на заклание.

По данным Л.П. Кононовой и С.А. Мулиной можно говорить о 576 лицах крестьянского сословия. Этот список был просмотрен мной с точки зрения возраста на момент начала Январского восстания. Наиболее активный возрастной период (10 и более человек одного возраста) приходится на 15–26 лет, что соотносится с декретом Национального правительства о мобилизации в повстанческие войска, в котором возрастной диапазон был установлен от 18 до 30 лет. До 50 лет количество крестьян варьируется от 2 до 8 человек одного возраста. Встречаются крестьяне, которым на момент восстания было более 70 лет. Среди сосланных крестьянских детей лица младше одиннадцатилетнего возраста на момент начала восстания не встречаются. На «сынов полка» обращает внимание в своем исследовании В.М. Зайцев: «В повстанческих отрядах можно было встретить от несовершеннолетних до людей преклонного возраста. Правда, в отношении лиц, не достигших 18 лет, повстанческие власти принимали меры, чтобы удержать их от участия в вооруженной борьбе <…> энтузиазм несовершеннолетней молодежи был велик, а повстанческие отряды, особенно в первые месяцы восстания, остро испытывали недостаток в кадрах. В некоторых повстанческих отрядах имелись целые подразделения, сформированные из лиц, не достигших 18-тилетнего возраста», тем не менее, согласно декрету Национального правительства, мобилизации в повстанческие войска подлежали лица в возрасте от 18 до 30 лет[20]. Эта группа малолетних ссыльных, в том числе и крестьян, кото-

19 Там же. С. 27.

20 *Зайцев В.М.* Указ. соч. С. 77–78, 161.

рые «с увлечением пускали бумажного змея, играли мячиком и, однако, считались и называли себя политическими преступниками»[21], несмотря на имеющуюся литературу, еще ждет своего исследования[22].

В.М. Зайцев отмечал зыбкость границ сословных рамок. По его мнению, сословная принадлежность не всегда отвечала действительности[23]. В приводимых Кононовой и Мулиной материалах также видно, насколько зачастую условным было деление на сословия. К примеру, среди мещан встречаются столяры, огородники, трубочисты. В то же время среди крестьян также встречаются и столяры, и трубочисты. Достаточно часто крестьяне, указавшие профессию, также сообщали и об умении читать и писать по-польски (это касается материалов, собранных Л. Кононовой). На мой взгляд, дополнительное указание крестьянами профессии к сословному состоянию не только свидетельствует о зыбкости границ сословных рамок, но и указывает на то, что мы имеем дело с крестьянской элитой, принимавшей участие в восстании. Можно спекулировать на том, в какой степени для подобной группы было характерно развитие национального самосознания. Однако несомненным остается факт, что потеря подобных людей деревней нанесла серьезный урон последней.

Представляется, что было бы продуктивным изучение, возможно, на уровне микроистории отдельных регионов, где фиксируется значительное участие крестьян в восстании 1863–1864 гг. К примеру, с точки зрения распространения прессы для народа, участия в кооперативном движении, революции 1905 г., мобильности крестьянства и т. п. Подобные исследования могут дать возможность с перспективы ста и более лет взглянуть на историю региона и оценить тенденции в его развитии, в том числе с точки зрения социальной активности крестьянства, его открытости миру и, в конечном счете, его национального самосознания. Большим подспорьем в этом направлении может стать персонификация исследований, тем более что подобный материал уже накоплен как для периода 1863–1864 гг., так и для последующих лет.

---

21 Цит. по: *Мулина С.А.* Мигранты поневоле… С. 71.

22 См., например: *Śliwowska W., Strzyżewska Z.* Udział młodzieży i dzieci w powstaniu styczniowym // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Lublin–Polonia. Sectio F. Vol. XLVIII, 15, 1993. S. 191–201.

23 *Зайцев В.М.* Указ. соч. С. 18.

А.П. Шевырев
(Москва)

Между Варшавой и Петербургом: великий князь Константин Николаевич, А.В. Головнин и Польское восстание 1863 г.

Польское восстание 1863 года стало поворотным пунктом в эволюции политического сознания русского общества в пореформенный период. Если попытаться сформулировать смысл этого поворота в короткой фразе, то можно сказать, что в фокусе общественного интереса Катков вытеснил Герцена. Во внутренней политике заметных изменений в 1863 г. вроде бы не произошло – реформы продолжались полным ходом: в разгар восстания Александр II отменил телесные наказания, на следующий год были проведены самые важные после отмены крепостного права преобразования – земская и судебная реформы.

Традиционно консервативный поворот связывают с выстрелом Каракозова, но серьезные изменения в настроениях правящей бюрократии начались именно в 1863 г. В немалой степени эти перемены были связаны со значительным ослаблением влияния либеральной бюрократии в правительственных кругах, а также с существенным расхождением в позициях внутри самой этой группировки. Разумеется, либеральная бюрократия не была единой и до 1863 г., но все-таки до Польского восстания у нее был признанный и достаточно авторитетный лидер – великий князь Константин Николаевич. Его роль объединителя либеральной бюрократии была обусловлена как самим статусом члена императорской фамилии, так и его политическими взглядами, а также присущей Константину Николаевичу харизмой.

Характерен в этом отношении тот факт, что центрами реформаторских группировок во второй половине 1850-х гг. были два великокняжеских двора: Константина Николаевича и Елены Павловны. По наблюдению Норберта Элиаса, в династических монархиях, в отличие от индустриальных национальных государств, «семейные отношения (привязанность или соперничество), личная дружба и личная вражда были в числе обычных факторов, влиявших на правительственные и прочие официальные дела»[1]. Если кружок Елены Павловны был центром притя-

1 *Элиас Н.* Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история. М., 2002. С. 10.

жения деятелей крестьянской реформы, то вокруг Константина Николаевича группировались административные деятели широкого профиля: М.Х. Рейтерн, А.В. Головнин, Д.А. Толстой, Д.А. Оболенский, Д.Н. Набоков, Б.П. Мансуров. Все они прошли через службу в Морском министерстве, которое возглавлял великий князь по званию генерал-адмирала, и по имени своего начальника получили прозвище «константиновцев». Главным помощником, а по сути дела «серым кардиналом» при Константине Николаевиче был А.В. Головнин, долгие годы фактически исполнявший обязанности его секретаря и ставший в конечном итоге близким другом великого князя.

Головнин играл роль основного информатора Константина Николаевича. До начала 1860-х гг., когда Головнин занял министерский пост, их встречи были практически ежедневными, а во время разлуки Головнин чуть ли не каждый день писал генерал-адмиралу письма, в которых знакомил своего патрона с политическими событиями, с новинками политической и исторической литературы, давал советы об общем направлении деятельности или о действиях в конкретной ситуации. Головнин взял на себя и миссию составления политической программы великого князя, которую он изложил в 1858 г. в его биографической хронике. В то время Константин Николаевич деятельно занимался реформированием Морского ведомства и восстановлением флота после Крымской войны, а Головнин нацеливал генерал-адмирала на занятия общегосударственного масштаба.

В политической программе великого князя перечислялись преобразования, большая часть которых впоследствии была осуществлена в ходе Великих реформ, но помимо желаемых целей программа указывала и на средства к их достижению. К ним относились «личное влияние при Государе», во-вторых, убеждение в необходимости реформ «лиц, которые находятся во главе разных частей государственного управления», в-третьих, приготовление «способных людей для действия <…> в разных частях управления» и употребление своего влияния, «чтоб доставлять им необходимое для этого положение», и, наконец, проведение в Морском ведомстве «преобразований, согласных с желаемой общей системой государственного управления, которые могли бы служить примером и руководством в других ведомствах»[2]. Перечень средств осуществления политической программы свидетельствует о том, какую важную роль отводил Головнин «константиновской партии», которая по его замыслу должна была занять ключевые посты в государственном управлении и прочно утвердить Россию на пути либеральных реформ.

2 *Головнин А.В.* Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006. С. 155.

В начале 1860-х гг. программа Константина Николаевича и его сподвижника — Головнина была близка к осуществлению. Все средства к ее исполнению работали на полных оборотах. В ходе подготовки крестьянской реформы Константин Николаевич пользовался огромным доверием старшего брата и продолжал находиться с ним в самых доверительных отношениях и после ее завершения. Влияние великого князя в правительственных кругах было весьма высоко, и он принимал деятельное участие в реализации крестьянской реформы, а также в подготовке земской и судебной реформ. Реформы в Морском ведомстве были публично поставлены Александром II в пример другим министрам, а дискуссии, развернутые на страницах Морского сборника по вопросам морских реформ, инициировали постановку проблем экономической политики, судоустройства, образования в общегосударственном масштабе. Но самое главное, успешно осуществлялось третье средство реализации программы – расстановка своих людей на высоких административных постах. В декабре 1861 г. сам Головнин был назначен управляющим министерством народного просвещения, в январе 1862 г. министерство финансов возглавил М.Х. Рейтерн, Д.А. Оболенский в 1862 г. стал председателем комиссии по пересмотру цензурного устава, Б.П. Мансуров был в 1860 г. назначен управляющим делами Палестинского комитета. Если к этому добавить, что в 1861 г. военным министром был назначен близкий к константиновцам Д.А. Милютин, то налицо было очевидное торжество либеральной бюрократии, прибиравшей к рукам рычаги власти.

Назначение генерал-адмирала наместником в Варшаву ставило под сомнение дальнейшее осуществление программы Головнина. Удаление из Петербурга патрона константиновцев лишало либеральную бюрократию влиятельного лидера. Она и так понесла серьезный ущерб в ключевом министерстве внутренних дел, когда после отставки С.С. Ланского и Н.А. Милютина министерство возглавил П.А. Валуев – откровенный защитник помещичьих интересов в ходе формирования новых отношений между дворянством и крестьянством. И вот вместо намечавшегося отправления в Царство Польское Валуева туда должен был ехать Константин Николаевич. Сам великий князь с радостью принимал новое назначение – более того, он совершенно открыто добивался его[3].

Тому было несколько причин. Прежде всего – это его политические амбиции. Успех его политической и административной деятельности в Морском министерстве и Главном комитете по крестьянскому делу вдохновлял его на новые свершения. Славу реформатора, по его убеж-

3 См.: *Воронин В.Е.* Польское восстание 1863 года: опыт «примирительной политики» русского правительства. М., 2008. С. 37–45.

дению, было легче завоевывать при как можно более самостоятельном положении, подобном тому, какое он имел в Морском министерстве. Константин Николаевич отличался нетерпеливостью и нетерпимостью по отношению к своим политическим противникам, с которыми приходилось вести дебаты в советах и комитетах. Поэтому отъезд из проникнутого духом интриг Петербурга казался ему удачным выходом из утомительной борьбы. Во-вторых, успех реформ в Морском ведомстве, либеральная простота решения многих вопросов, гуманизм по отношению к матросам и офицерам-морякам снискали ему славу успешного реформатора и добавили ему харизмы европейски просвещенного царского брата. О нем много говорили в обществе, о нем писали в зарубежной прессе, и даже Герцен не гнушался умеренных похвал преобразованиям в Морском ведомстве. Константину Николаевичу казалось, что у просвещенной польской аристократии и шляхты ему легче будет найти понимание и одобрение, чем у косного русского дворянства. В-третьих, не без влияния своей супруги Александры Иосифовны он надеялся обрести статус настоящего вице-короля со всеми приятными статусными признаками.

Для Головнина решение великого князя было убийственным. Он безуспешно пытался отговорить своего патрона от опрометчивого шага, прекрасно понимая, что отъезд генерал-адмирала в Варшаву приведет к усилению влияния консервативной партии в правительстве, не говоря уже о том, что его собственное положение как министра становилось бы уязвимее. Кроме того, разлука со своим патроном лишала Головнина возможности каждодневного общения с ним и влияния на него.

Правда, у Головнина был уже большой опыт руководства великим князем издалека. В 1850-е гг. им уже случалось надолго разлучаться во время отъезда то одного, то другого за границу. В такие периоды Головнин почти ежедневно писал Константину Николаевичу письма, в которых информировал его о политических событиях и руководил чтением великого князя, давая ему таким ненавязчивым образом политические и жизненные советы. Однако теперь такой метод руководства уже не мог быть достаточно эффективным, хотя бы потому, что сам Головнин не больше своего патрона разбирался в польских делах. Ему оставалось только информировать Константина Николаевича о том, что происходило в Петербурге, о том, что говорят о нем в правительственных кругах, в обществе и в печати, и подбадривать его при малейших успехах и утешать при всяких неудачах. Для сохранения позиций константиновской партии необходимо было как можно скорее вернуть ее лидера в Петербург, но вернуть не просто живого и здорового, а по возможности со славой примирителя двух враждующих народов или уж хотя бы с минимальными потерями для репутации.

Чтобы великий князь почувствовал необходимость своего присутствия в столице, Головнин намеренно сгущал темные краски, рассказывая о положении дел в правительстве. Этот метод, очевидно, производил свой эффект, потому что очень скоро Головнин получил предупреждение о пагубном воздействии его писем на великого князя. Это требование исходило из ближайшего окружения наместника, возможно, даже от великой княгини. Головнин в письме Константину Николаевичу от 28 августа 1862 г. не определял источник недовольства, а сообщал, что прибывшему из Царства Польского Д.Н. Набокову «было поручено в Варшаве сказать мне, что мои письма расстраивают Ваше Высочество и производят на Вас вредное влияние». В надежде получить от своего покровителя санкцию на продолжение своей роли благожелательного информатора, Головнин перед ним ставил вопрос ребром: «Если мои совершенно откровенные письма приносят Вам вред, то, конечно, я должен прекратить их, но <…> считаю долгом обратиться прямо к Вам с вопросом: правда ли это? Если я не получу письменного собственноручного ответа, то приму это молчание за приказание прекратить откровенную переписку и буду писать только полуофициально»[4].

Не получив ответа на свой ультиматум, Головнин тем не менее продолжал сообщать наместнику петербургские новости. Но 5 октября, рассказав об обсуждении в Совете министров вопроса об адресе подольского дворянства о присоединении Подольской губернии к Царству Польскому, он вновь вернулся к теме своего пагубного влияния и сообщил, что еще один посланник из Варшавы, С.А. Грейг, привез совет «не писать Вам более». Головнин умолял Константина Николаевича «взять карандаш и, написав на клочке бумаги: “пиши по-прежнему” или “следуй совету Грейга”, т. е. перестать писать», отправить ему эту бумажку. «Неужели это трудно сделать и неужели Вы не видите, – взывал он к своему патрону, – что 10-летняя умственная связь и вследствие оной искренняя привязанность и уважение побуждают меня желать быть Вам полезным и что поэтому мне не верится варшавским советам?»[5]

На этот раз великий князь, довольно ленивый на письма, да к тому же целиком погрузившийся в польские дела, внял мольбам своего преданного друга и по получении этого письма сразу ответил ему: «Твои цыдулы мне всегда доставляют большое удовольствие, и я всегда их читаю с величайшим интересом. Пожалуйста, не верь сплетням и слухам и продолжай мне писать по-старому. Чрез Тебя одного я узнаю, что делается в Питере, а это мне необходимо»[6]. Этот ответ, хотя и несколько

4 Российский государственный архив Военно-морского флота (далее – РГАВМФ). Ф. 224. Оп. 1. Д. 336. Л. 19–19 об.

5 Там же. Л. 43 об.

6 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ).

запоздалый, вызвал у Головнина вздох облегчения: «Ваше Высочество не можете вообразить себе, как я обрадовался Вашему письму от 10 октября, которое я только что получил. Я вообще не ожидаю и не прошу Ваших писем, зная, как Вы заняты, но теперь мне необходимо было получить несколько собственноручно написанных Вами строк, чтоб знать, сохраняю ли право писать Вам. Лишение оного под предлогом, будто мои письма вредно на Вас действуют и приводят Вас в нервическое состояние, крайне огорчило бы меня, тем более что я стараюсь всегда посредством их достигнуть совсем другого результата. Теперь я совершенно успокоился, от души благодарю Вас и буду писать по-прежнему»[7].

В том же письме, в котором Константин Николаевич поощрял Головнина к откровенности, он недоумевал по поводу игнорирования в русской печати некоторых новаторских методов, вводимых им в административную практику. «Меня удивило, – писал он, – что у вас не обратили особенного внимания на факт наших первых публичных процессов. Я всегда горой стоял за публичность, первый привел ее в действие, и купил право на это моею кровью»[8]. Речь шла о судебных слушаниях по делам о покушениях на самого наместника и на его помощника по гражданской части А. Велёпольского. Для Константина Николаевича формы судопроизводства на этих политических процессах были действительно предметом гордости.

В своих действиях в качестве наместника великий князь руководствовался некоторыми принципами, которые были уже отработаны им в своем Морском министерстве, которое во второй половине 1850-х гг. было превращено генерал-адмиралом в полигон для подготовки некоторых реформ в общегосударственном масштабе. В этом отношении можно провести параллель между Александром I и Константином Николаевичем в их отношении к Польше как к полю политических экспериментов. Если император предполагал через конституционные опыты в Польше и Финляндии сделать еще один пробный шаг к введению конституционного строя во всей империи, то и его племянник пытался опробовать здесь некоторые принципы своей политической программы.

Одним из таких политических принципов, которому Константин Николаевич старался следовать и который он отчетливо демонстрировал перед лицом польской и русской общественности, был принцип законности. Наместник пытался своими действиями показать, что законам должны следовать не только подданные, но и сама власть. «Мы должны строго избегать таких действий, которые глядят произволом, – писал он

Ф. 208. Д. 55. Л. 4.

7 РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 336. Л. 44.

8 ОР РНБ. Ф. 208. Д. 55. Л. 5.

императору в октябре 1862 г., – потому что вся наша моральная сила находится в строгой легальности. Только будучи строги в отношении самих себя, мы можем быть строги в отношении других; только держась законности сами, можем требовать законность от других»[9].

Наглядной демонстрацией такого подхода к закону были политические судебные процессы по делам о покушениях. В условиях военного положения такие преступления подлежали военно-полевому суду, но Константин Николаевич как бы оправдывался, объясняя законность чрезвычайного, а не обычного порядка судопроизводства в деле Л. Ярошинского, покушавшегося на самого наместника: «Сколь я ни желал этой последней меры, но я пришел к убеждению, что это было несвоевременно, не потому что приговор мог оказаться слабым, но потому что это было бы делом экстралегальным. При состоянии края в военном положении всякое дело, начатое судебным порядком военным, должно и кончаться военным судом. Всякий другой суд, созванный ad hoc, был бы вне законного порядка, чего мы должны крайне избегать. Как ни соблазнительна мысль дать случай полякам отмыть польское имя, судя таких преступников, – по зрелом размышлении я должен был от нее отказаться»[10]. Тем не менее великий князь лично просил императора «судить Ярошинского полевым судом публично, как то допускает наш разумный военный закон. <…> Публичность суда <…> будет иметь самое благоприятное действие и здесь, и в Европе, показав, что мы действуем чисто, беспристрастно и потому не имеем причины бояться публичности»[11]. Публичному суду был предан и Я. Жоньца, покушавшийся на Велёпольского: «Эта публичность приносит огромную пользу. Она показывает, что правительство ничего не боится и действует открыто и откровенно, она уничтожает всякие глупые и преувеличительные толки, потому что около 250 человек видят и слушают самые показания обвиняемых и свидетелей и видят les pieces de conviction[12]. Этим <…> внушается доверие и к самой последующей публикации процесса, потому что убеждаются на деле, что то напечатано, что действительно происходило»[13].

В преддверии проведения в империи судебной реформы великий князь пытался показать осуществимость и благотворность публичного суда даже в политических делах. Именно по этой причине его удивило невнимание русского общества к его смелым начинаниям. Головнин спе-

9 Восстание 1863 года. Материалы и документы. Переписка наместников Королевства Польского. 1861–1863 гг. Wrocław, 1973. Т. 2. С. 269.

10 Там же. С. 180–181.

11 Там же. С. 200.

12 Вещественные улики *(фр.)*.

13 Переписка наместников Королевства Польского. 1861–1863 гг. Т. 2. С. 228.

шил утешить Константина Николаевича тем, что «гласное судопроизводство <…> в Варшаве произвело здесь большое впечатление в кругу молодых юристов, но литература не смела высказать полностью сочувствие, ибо это случилось во время сильнейшего цензурного гнета»[14].

Несмотря на равнодушие русской печати к новым формам судопроизводства в Царстве Польском, наместник педантично следовал принципу законности даже в разгар восстания, когда эта законность мешала ему применять карательные меры против повстанцев. Он откровенно признавался императору, как непросто преследовать повстанцев судебным порядком, когда трудно или даже невозможно уличать их в совершении преступлений. Непризнание своей вины обер-прокурором Я. Воловским, чей почерк был признан тождественным почерку, которым были написаны рукописи, найденные при обыске в одной квартире, оказалось достаточным основанием для допущения того, что «его осудить судом невозможно»[15]. Правда, сомнения в вынесении судом обвинительного приговора отчасти компенсировались возможностями бессудной расправы в виде административной высылки, о намерении применения в отношении Воловского которой Константин Николаевич и признавался своему брату[16].

Другим политическим принципом, которому генерал-адмирал следовал в своем Морском министерстве, было доверие к подчиненным лицам. Отправляясь в 1862 г. в Варшаву, Константин Николаевич надеялся склонить на свою сторону более умеренную и, как ему казалось, более влиятельную часть польского общества либеральной политикой. Несмотря на предупреждения старшего брата, он явственно искал популярности у поляков своими нестандартными шагами, которые, по его разумению, должны были расположить к нему польскую публику. Он выступал в Государственном совете на польском языке, он назвал родившегося в Варшаве сына Вячеславом, которое было эквивалентом популярного польского имени Вацлав, он буквально таскал за собой свою честолюбивую супругу Александру Иосифовну на все церемониальные мероприятия, за что в конце концов получил выговор от Александра II. Нестандартными были и его действия в одном из ранних эпизодов его наместничества, когда в ответ на казнь Ярошинского была распространена листовка в Варшаве с призывом служить по нем панихиду. Реакцией великого князя был не запрет, а публикация этого призыва в официальном органе с разъяснением, что «христианская вера приказывает молиться за врагов наших, и даже не запрещает молиться о преступниках». Результатом этой публикации, по его утверждению, было то, «что панихиды были в 3 или

14 РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 336. Л. 45.

15 Переписка наместников Королевства Польского. 1861–1863 гг. Т. 3. С. 246.

16 Об этом деле см.: *Воронин В.Е.* Указ. соч. С. 327–328.

4 церквях при незначительном стечении народа и без всякого характера манифестации»[17].

Добиться популярности у поляков наместник рассчитывал и привлечением их на занятие административных должностей в Царстве. Оказанием доверия полякам Константин Николаевич надеялся снискать у них чувства признательности и постепенно склонить их на свою сторону. Подобно тому, как в Морском министерстве генерал-адмирал сразу по вступлении в должность сформировал свою команду, так и в Польше он сразу занялся кадровыми переменами, чем вызвал озабоченность Александра II. Константин Николаевич поспешил заверить его в том, что «русских, которые того достойны, в обиду» не даст. Но при этом он негодовал на своих чиновников из числа соотечественников: «Здесь, как ты знаешь, такая масса дряни, что ее вытерпеть нельзя. <…> Связь Польши с Россией не уменьшится от того, что мы выгоним отсюда дюжину-другую взяточников или неспособных чиновников»[18].

Головнин, хорошо зная струны души своего патрона, играл на них марши одобрения и лести. Так, в октябре 1862 г. он писал ему: «Сейчас был у меня барон П.К. Мейендорф и рассказывал с большим удовольствием о своем пребывании в Варшаве и с восхищением о всех действиях и образе жизни Вашего Высочества. Он <…> говорил, что Велепольского вообще ненавидят, а Вас начинают любить, сказывал, что Вы вовсе не находитесь под его влиянием, а действуете вполне самостоятельно»[19]. В другом письме Головнин писал о том, что доверие к подчиненным отнюдь не умаляет, а, напротив, возвеличивает самостоятельность наместника: «Прежде, когда рассказывались Ваши распоряжения по морскому ведомству, слишком многое приписывалось другим и, если помните, это часто сердило меня, ибо было несправедливо. <…> Благоразумные административные распоряжения в Польше приписываются лично Вам, а Ваших сотрудников более порицают, чем хвалят. Признаюсь, как мне ни грустно Ваше отдаление, но я не могу не радоваться, что теперь Вам отдают полную справедливость, и правильная оценка действий в Варшаве имеет влияние и на оценку всей прежней деятельности. Ваши прежние помощники не последовали за Вами в Варшаву, и это оказалось весьма полезным, ибо вследствие этого поняли, что и независимо от них Вы действуете превосходно»[20].

В примирительном поведении наместника многими усматривались признаки полонофильства, и по Петербургу ходили слухи о же-

17 Переписка наместников Королевства Польского. 1861–1863 гг. Т. 2. С. 236.
18 Там же. С. 217.
19 РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 336. Л. 56.
20 Там же. Л. 55–55 об.

лании великого князя примерить на себя польскую корону. Об этом сообщал своему патрону Головнин и судя по всему, не был до конца уверен в их ложности: «Умоляю Вас запретить самым близким к Вам людям даже говорить о подобной перемене титула, – писал он в марте 1863 г. – Вам суждена Провидением чудная роль – быть главным помощником Государя во всех благих его преднамерениях для России, и всегда Вам все удавалось, когда оказывались верны этой роли, и не удавалось, когда отходили от нее. <…> Достаточно, что удалось обмануть Вас один раз и уверить, что, приехав в Варшаву, Вы успокоите край и удовлетворите поляков»[21]. Сам Константин Николаевич категорически отрицал подобные притязания. Уже в одном из первых писем из столицы Царства Польского в июне 1862 г. он сообщал императору о том, что во время его торжественной встречи в Варшаве «по временам слышались отдельные возгласы “Niech żyje król”[22]. Это теперь есть тоже род демонстрации, чтобы видеть и приветствовать во мне не Твоего наместника, а их собственного отдельного короля!..»[23] Но в действительности можно предположить, что сам наместник не исключал такой перемены в своем статусе. Близко знавший его морской офицер Шестаков вспоминал, что «если бы обстоятельства, которые не потребовали бы со стороны великого князя никаких энергических действий <…>, доставили бы ему корону, он, вероятно, принял бы ее <…>. Блеск, хотя мишурный, прельстил бы его <…>. Сам великий князь не решился бы пошевелить мизинцем для достижения такой цели. Она могла занимать его мысли, но утверждать, будто он действовал с намерением прийти к ней, значит вовсе не знать его характера и темперамента»[24].

До начала восстания у Головнина теплилась надежда, что миссия великого князя в Польшу завершится успешно, и он вернется в Петербург если не триумфатором, то, по крайней мере, без серьезных потерь для своей репутации. Свою задачу он видел в том, чтобы сообщать своему августейшему покровителю приятные для него отклики на его действия в Варшаве и информировать о разных политических новостях в Петербурге, чтобы поддерживать у Константина Николаевича вкус к политическим делам.

Начало восстания вынудило Головнина в еще большей степени заботиться о реноме наместника, поскольку русское общество охватило

21 Там же. Д. 337. Л. 39.

22 «Да здравствует король!» *(пол.)*.

23 Переписка наместников Королевства Польского. 1861–1863 гг. Т. 2. С. 169.

24 *Шестаков И.А.* Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания (1838–1881 гг.). СПб., 2006. С. 407.

чувство воинственного патриотизма, и действия великого князя стали открыто порицаться в обществе. «При мне не смеют выражать обвинения, – сообщал Головнин, – полагая – и весьма справедливо, – что я наговорю дерзостей». Чтобы умерить критический настрой в Петербурге по отношению к Варшаве, Головнин просил Константина Николаевича «не пропускать ни одного случая для немедленного сообщения Государю хороших известий»[25]. При этом он поощрял наместника придерживаться прежней линии политики примирения: «В обществе, – писал в конце февраля, – которое здесь очень враждебно расположено к Велёпольскому, потерявшему якобы всякую партию, обвиняют Ваше Высочество за то, что Вы имеете доверие к этому человеку, а я, признаюсь, вижу большое достоинство в том, что Вы верите до конца и, избрав систему, не бросаете ее легкомысленно и скоро. Это называется последовательностью и твердостью и есть, как мне кажется, величайшее достоинство государственного человека»[26]. Головнин уверял великого князя и в том, что для продолжения такой политики есть вполне оптимистические основания ввиду симпатий к полякам у молодежи. «Необходимо знать Вашему Высочеству для Ваших расчетов и соображений, – делился он своими наблюдениями 12 марта, – что большинство молодого поколения, особенно поколения образованного, имеет большое сочувствие к полякам, несмотря на ужасы Варфоломеевской ночи. Обвинения, негодования против них смешиваются в молодых людях с чувством соболезнования. Нам нечего себя обманывать. Молодое поколение желает свободы и политических прав. Того же желают поляки. Не пройдет 20 лет, когда новые деятели заменят всех нынешних в Госуд. совете и Совете министров, и эти новые деятели будут иначе смотреть на польский вопрос»[27].

Однако всего несколько дней спустя, когда уже состоялось назначение Ф.Ф. Берга помощником наместника по военной части которое предопределяло отход от прежней политики примирения, Головнин начинает звать Константина Николаевича в Петербург, предвидя скорое фиаско его польской миссии: «Зная польские дела только по газетам, я не могу судить о них верно, но казалось бы, после всего происшедшего, что Вам действительно следует вернуться в Петербург, где Вы скоро явитесь главным Помощником Государя по всем важнейшим делам Империи и где можете быть для Польши и России полезнее, чем в Варшаве, ибо польский вопрос следует решить, а решение его последует не в Варшаве, а здесь. В Варшаве должно быть только исполнение. Ваша прямая роль, особенно при теперешнем знании края и людей, быть участником в решении, а не

25 РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 337. Л. 15 об. – 16.

26 Там же. Л. 32.

27 Там же. Л. 33 об. – 34.

просто исполнителем. Вы сослужили Государю и России великую службу – испробовали систему, которая признавалась лучшею и которая на опыте оказалась невозможною и запоздалою. Для этого опыта жертвовали жизнью и перенесли множество страданий нравственных. Теперь следует не настаивать на невозможном и принять другую систему. Смотря по системе, следует быть тому или другому исполнителю, но не Вам. Ваша система состояла в том, чтоб, не давая конституции, управлять Польшей посредством поляков при наилучших законах, опираясь на партию умеренных, и готовить край к лучшей будущности. Это не удалось. Партии умеренных не оказалось, а управлять краем, имея одного маркиза Велепольского, – очевидно нельзя. Затем остаются две системы: военное положение, беспощадное, энергическое, при полном военном произволе и всяком отсутствии законности. Может быть, как мера временная, на другой день усмирения мятежа эта система необходима. Но для этого Вы невозможны. Это не Ваша роль. Эту систему олицетворяют Берг, Н.Н. Анненков, Муравьевы: Мих. Ник. и Муравьев-Карский»[28].

5 апреля он призывает наместника внимательно следить за настроениями общественного мнения в России ввиду заметного усиления патриотических настроений: «В последнее время общественное мнение начало здесь и в Москве пробуждаться в защиту самостоятельности России и в негодовании на претензии поляков и на вмешательство иностранцев. Те и другие пересолили в своих требованиях и обвинениях. Первые – являются неумеренными до безумия, вторые – лживы до наглости. Общественное мнение начинает высказываться в газетах и журналах, и не проходит дня, чтоб не появлялась статья, написанная в самом патриотическом духе, и притом не по заказу, а motu proprio[29]»[30]. Десять дней спустя Головнин еще более определенно констатировал происшедшую перемену в общественных настроениях: «Даже наша литература и университетская молодежь, которые имели много сочувствия к полякам и показывали недоброжелательство к правительству, совершенно переменились и открыто показывают свои патриотические чувства»[31].

В мае Головнин уже открыто признавал, что наместника обвиняют «в снисходительности к полякам» и считают его «помехой к покорению Польши посредством сильных энергических мер». Эту горькую пилюлю преданный наместнику министр пытался подсластить сравнением его с Барклаем де Толли, «которого ненавидели русские, ибо не понимали его системы». Головнин чувствовал, что великого князя нужно вытащить из

28 Там же. Л. 36–37.

29 По собственной инициативе *(лат.)*.

30 РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 337. Л. 46в–46г.

31 Там же. Л. 51.

Польши любой ценой, и раз не удавалось убедить его оставить пост наместника, то пытался уговорить его хотя бы «иногда приезжать сюда дней на 10, чтоб самому слышать, что говорят, и дать правильные понятия»[32].

К июлю падение репутации Константина Николаевича приобрело катастрофические темпы, а М.Н. Катков развернул уже настоящую кампанию по удалению Константина Николаевича из Варшавы. В этих условиях Головнин стал требовать от своего патрона контрмер и объяснял ему в письме от 14 июля, что «общественное мнение становится у нас такою силою, что невозможно пренебрегать им, и администратор нашего времени должен, если желает успеха, с одной стороны, делать дело, а с другой – объяснять и рассказывать обществу то, что он делает». Правда, до поры до времени Головнин наивно полагал, что ему удастся склонить Каткова к поддержке наместника, и в том же письме он предлагал Константину Николаевичу опровергать возводимые на него обвинения через корреспондентов Каткова, «дабы чрез них Россия узнала истину»[33]. В следующем письме Головнин вызывался «частным образом написать Каткову и объяснить ему его заблуждение», полагая, «что он изменит свой образ действия»[34]. Но, так и не получив от Константина Николаевича санкции на эти действия, очень скоро Головнин понял, что обуздать Каткова не хватит силы его министерского влияния и убеждения. Репутацию великого князя он пытается спасти, организовав кампанию противодействия Каткову. После очередного выпада московского громовержца он напоминает Константину Николаевичу о том, что «Москов. Ведомости читаются во всех концах России, и везде разносится одно известие, везде остается одно убеждение – что русское правительство в Польше неспособно и неблагонамеренно. Внутри России кричат просто слово – измена». Поэтому он предлагает наместнику либо поручить кому-либо из своих чиновников «писать статьи о польских делах согласно истине», которые сам Головнин будет печатать в разных газетах, либо он пришлет в Варшаву одного из своих чиновников особых поручений, который будет писать по указаниям великого князя и присылать свои статьи Головнину[35]. Последняя мера нашла свой отклик в Варшаве, и в начале августа министр отправил туда своего чиновника Е.М. Феоктистова с тем, чтобы потом печатать его статьи в «Санкт-Петербургских ведомостях»[36].

Сообщая Константину Николаевичу об откликах в печати и в обществе на события в Польше, Головнину приходилось еще искать слова уте-

32 Там же. Л. 59–60 об.
33 Там же. Л. 82–82 об.
34 Там же. Л. 89.
35 Там же Л. 96.
36 Там же. Л. 101а.

шения в связи с действиями М.Н. Муравьева в Северо-Западном крае. Скрупулезная законность наместника в Царстве Польском на фоне успехов жестоких и беспощадных действий М.Н. Муравьева в Северо-Западном крае выглядела бессилием и бездействием, и Головнину приходилось ободрять своего патрона тем, что «действия Муравьева лягут черным пятном на нашей истории. <…> Я с невольным страхом помышляю, что праведное Провидение взыщет за этот образ действия». Он убеждал великого князя в правомерности его действий, в том, что какими бы ни были действия преступников, «правительство обязано наказывать преступников по мере вины, но мстить и смешивать виноватых с невинными не должно», в том, что «есть средства нанесения вреда весьма действительные, но которые нельзя употреблять, напр. нельзя употребить яд даже против разбойников»[37]. Тем не менее Головнин не мог не признать, что действия великого князя в Царстве Польском явились провалом на фоне результатов, достигнутых Муравьевым уже к середине лета. Поэтому он отодвигал иную оценку действий двух деятелей по подавлению восстания на более поздние времена: «Я нахожу, что пребывание его [Муравьева. – *А. Ш.*] там имело только одну пользу: оно выставило разный образ действия Ваш и его, и придет время, когда улягутся страсти и беспристрастный историк отдаст Вам справедливость. Придет время, когда за все сделанное Вами добро поставят Вам памятники: флот – в Кронштадте; потомки бывших крепостных крестьян – в Москве; и потомки поляков, которые стреляли в Вас, – в Варшаве»[38].

«При теперешних обстоятельствах роль правителя в Варшаве – есть роль палача, как, например, М.Н. Муравьева в Вильне, – писал Головнин наместнику в июне 1863 г. – Ваше Высочество не в состоянии занимать эту роль, ни как Вел. Кн[я]зь, ни по Вашему сердцу». Он указывал не только на невозможность для Константина Николаевича дальнейшего пребывания в Польше, но и на то, что его миссия фактически провалилась и что «переселение в Польшу, этот великий подвиг самоотвержения, подвиг никем не оцененный, был ложным, ошибочным шагом»[39]. Он теперь пытался всеми силами вытащить наместника из Варшавы в Петербург хотя бы на несколько дней, справедливо полагая, что здесь удержать его от возвращения в Польшу будет более легкой задачей. В своем письме от 10 августа Головнин изложил Константину Николаевичу свое видение ситуации и предлагал ему подумать над следующими тезисами:

«– что необходимо до весны усмирить мятеж в Польше;

37 Там же. Л. 92–93.

38 Там же. Л. 100–100 об.

39 Там же. Л. 67.

– что нельзя для усмирения мятежа употреблять принца крови, который может быть миротворцем, начальником армии в войне против другого государства, но не Муравьевым.

– что нельзя генерал-губернатору или наместнику в критических обстоятельствах оставаться более года без личных объяснений и свиданий с своим Государем и теми министрами, которых касаются дела вверенного ему края.

– что, приехав в столицу, ему непременно следует быть чрезвычайно любезным и ласковым со всеми и отнюдь не показывать, что знает своих недоброжелателей, но предполагать в каждом добросовестность и беспристрастие»[40].

Головнин не знал, что к этому моменту вопрос о приезде Константина Николаевича в Петербург для совещаний по польскому вопросу и последующем отъезде в Ореанду на отдых был уже решен, и 13 августа наместник отбыл из Варшавы[41]. В течение недели проходили царскосельские совещания по польскому вопросу, в результате которых было принято решение о перемене всего политического курса в Царстве, а сам Константин Николаевич после задушевных разговоров с братом отправился в свое имение Ореанду, забрав по пути туда из Варшавы все свое семейство.

Решив задачу по спасению великого князя от дальнейших неудач на посту наместника, Головнин перешел к решению новой задачи – по восстановлению его репутации в глазах императора, бюрократической верхушки и общества. Когда Константин Николаевич прибыл в Ореанду, Головнин возобновил интенсивный поток писем к своему благодетелю, и 9 сентября, поздравив его с днем рождения, давал советы по тактике поведения в связи с ожидаемым прибытием в Крым императора: «Надобно думать теперь о будущем, а будущее в Ваших руках. Судьба посылает Вам для этого несколько недель в Орианде. Умоляю Вас воспользоваться этим временем, оправдаться в глазах Государя, доказав, что Вы действовали в интересах Его Славы, и сблизиться с Ним и с Императрицей посредством множества знаков почтительного внимания. Все Ваше будущее положение, значение и влияние зависят от этого. Постарайтесь также сойтись с лицами свиты Их Величеств»[42]. Несколько дней спустя Головнин уже требовательно определял то положение, которое великий князь должен был выпросить для себя у своего брата: «Вам следует вернуться в Петербург с Государем председателем Госуд. совета и главных комитетов и пробыть в этой должности несколько времени. Тогда все поправится. Если Вы этого

40 Там же. Л. 105–106.

41 *Воронин В.Е.* Указ. соч. С. 380–382.

42 РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 337. Л. 122 об.

не сделаете, время будет упущено и не вознаградится. Положение Ваше останется ничтожным»[43]. В этот момент Головнин еще не был уверен в том, что великий князь уже не захочет вернуться в Варшаву, поэтому и предлагал ему временно занять должность председателя Государственного совета в надежде, что с этого достаточно авторитетного поста он в Варшаву не уедет.

Но месяц спустя сам Константин Николаевич принял решение оставить пост наместника, о чем он извещал Головнина письмом от 17 октября. Там же он сообщал о том, что решил не возвращаться в Петербург: «Положение мое там было бы теперь невыносимо, при том общественном мнении, которое дозволили возбудить против меня, – объяснял генерал-адмирал свое решение, признавая с горечью потерю своего авторитета и влияния. – Но, не говоря об этом, я бы теперь в Петербурге был бы даже совершенно бесполезен. При теперешнем настроении умов и при теперешнем личном составе управления с Валуевым, Милютиным, Горчаковым, Муравьевыми я бы на каждом шагу общественной деятельности моей встречал такой отпор, что она бы была совершенно парализирована и обратилась бы в полнейший нуль con acompanimento obligato[44] только личных неприятностей и столкновений»[45]. Если первое решение вполне отвечало видам Головнина, то со вторым он вынужден был смириться и признать правоту своего патрона: «Приезжать в Петербург при нынешних обстоятельствах и притом с расстроенными нервами и доставить удовольствие врагам Вашим одерживать беспрерывно новые триумфы действительно не следовало, и лучше всего переждать нынешнее время»[46].

Тем не менее Головнин нацеливал Константина Николаевича на скорое возвращение в столицу с целью восстановления своего влияния и борьбы с реакцией. Под влиянием восстания в Польше, по его мнению, в общей политике правительства утвердилось новое направление, которое «состоит в целом ряде чрезвычайных мер, устраняющих всякую законность и дающих простор полному административному произволу при всевозможных стеснениях частных лиц». В этих обстоятельствах миссия великого князя будет заключаться в том, чтобы по наступлении спокойного времени способствовать переходу «к системе законного, либерального управления» и устранению «стеснений, вызванных временно чрезвычайными обстоятельствами»[47].

---

43 Там же. Л. 126.

44 Под непременное сопровождение *(ит.)*.

45 ОР РНБ. Ф. 208. Д. 56. Л. 10 об.

46 РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 337. Л. 151.

47 Там же. Л. 152–152 об.

Следствием Польского восстания была и корректировка Головниным политической программы великого князя. Если до Польского восстания конституция представлялась и великому князю, и Головнину очевидным злом, то теперь Головнин полагал возможным разделение власти императора «с правильно устроенным представительством народным». Причина такой перемены в программе заключалась именно в том, что либеральный правительственный курс терпел крах, а разбуженные реформами силы общества ищут деятельности и, «не находя законного, правильно организованного средства, т. е. представительства, ищет этого участия другими путями и ошибается в выборе своих героев», т. е. поклоняется Каткову, Муравьеву, Горчакову, Бергу. Это общественное заблуждение быстро прошло бы при наличии народного представительства. «Если б у нас была Палата, то история с Вами не могла бы случиться, – утешал Головнин своего патрона, – ибо Вы имели бы возможность публично оправдаться и защитить себя пред обвинениями со стороны общества»[48]. Таким образом, заботы о положительном имидже Константина Николаевича косвенным образом влияли и на изменения его политической программы, что вылилось в подачу Константином Николаевичем конституционных проектов.

Борьба Головнина за восстановление репутации великого князя едва не стоила ему увольнения с поста министра народного просвещения. Речь идет о брошюре барона Ф.И. Фиркса «Que fera-t-on de la Pologne?», которая в противовес Каткову оправдывала примирительную политику Константина Николаевича в Польше. В августе 1863 г. Головнин заказал Фирксу «составить правдивую статью в защиту образа действий в Польше, искаженных клеветою и недоброжелательством»[49]. Год спустя эта брошюра, изданная под псевдонимом Шедо-Ферроти, была по распоряжению Головнина разослана «по всей России всему ученому и учебному ведомству, т. е. всей интеллигенции края и притом читателям наиболее беспристрастным. Сверх того, посланы экземпляры Госуд. Совету, министрам, дипломатам некоторым и т.п.»[50]. Распространение брошюры за счет Министерства народного просвещения, да еще и по учебным заведениям, вызвало крупный скандал, следствием которого стало массированное наступление Каткова уже на Головнина[51].

Неудача примирительной политики Константина Николаевича в Царстве Польском сыграла роковую роль как в его личной карьере, так и

48 Там же. Л. 157 об., 159.

49 Там же. Л. 110.

50 Там же. Д. 338. Л. 77.

51 См.: *Стаферова Е.Л.* А.В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860-х гг.). М., 2007. С. 301–313.

в судьбе либеральной бюрократии. Уже в ходе восстания выявились серьезные расхождения внутри этой еще недавно достаточно сплоченной группировки. Братья Милютины открыто порицали польскую политику наместника, да и другие либеральные чиновники скептически оценивали его примирительный курс. Почти на полтора года великий князь вышел из жизни страны, оставив ее не только политически, но и физически. Та травля, которой он подвергся в печати, прежде всего со стороны Каткова, делала невозможным его пребывание в стране. С 1865 г. он возобновил административную деятельность, заняв пост председателя Государственного совета, но о восстановлении былого влияния на императора и былой общественной популярности ему пришлось забыть. Распалась фактически и партия константиновцев. Все константиновцы расселись по разным должностям, более или менее высоким, но при этом они перестали служить орудием реализации политической программы своего полуопального патрона. Да и связь с их бывшим покровителем становилась все более формальной. Один Головнин сохранил веру в будущее торжество либеральной политики и верность великому князю. Он всеми силами пытался поспособствовать восстановлению репутации и былого влияния Константина Николаевича. Либеральная бюрократия после польского восстания разделилась на несколько партий, и при этом в основе такого разделения возобладал не протекционизм, а профессионализм. Партии формировались по принципу ведомственной принадлежности: «военные», «экономисты», «инженеры»[52]. Политическая борьба в правительстве подменяется соперничеством ведомств.

52 *Рибер А.Дж.* Групповые интересы вокруг Великих реформ // Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992. С. 52.

Мариуш Кулик
(Варшава)

Проблемы военной истории Январского восстания 1863 г. в польской и российской историографии

Историография Январского восстания 1863–1864 гг. очень обширна. Она насчитывает более десяти тысяч разнообразных работ и публикаций источников, продолжая привлекать внимание польских и российских историков. В краткой статье трудно представить все течения историографии Январского восстания, в том числе и военной историографии, хотя такие попытки уже были предприняты[1].

Этот постоянный интерес к теме вызван обращением к новым архивным и мемуарным источникам, которые часто раскрывают неизвестные до сих пор детали прошлого. На основе все более увеличивающейся источниковой базы очередные поколения историков, несмотря на существование обширной монографии, принадлежащей перу Стефана Кеневича, издают новые работы по истории восстания либо отдельных его аспектов. Все время появляются и региональные исследования, добавляющие новые подробности и местную специфику[2].

Восстание старались представить с разных точек зрения и показать многие его аспекты. Среди них, между прочим: борьбу восставших с противником, соперничество польских политических партий, социальные аспекты, а также роль Январского восстания в европейской политике.

В этой широкой исследовательской перспективе присутствует и военная тематика, и, вопреки видимости, она не так богата, как могло бы показаться. Э. Козловский отмечал, что несмотря на то, что после поражения восстания прошло столько лет, исследования по его военной истории имеют относительно короткую традицию. В подавляющей части

1 См.: *Chojnecki S.* Powstanie styczniowe w historiografii polskiej // Powstanie styczniowe 1863–1864. Aspekty militarne i polityczne, materiały z sympozjum / Red. J. Wojtasik. Warszawa, 1995. S. 7–22; *Kozłowski E.* Zarys historii militarnej powstania styczniowego // Powstanie Styczniowe 1863–1864. Wrzenie. Bój. Europa. Wizje / Red. S. Kalembka. S. 299–349; *Miśkiewicz B.* Polska historiografia wojskowa. Próba analizy i syntezy. Poznań, 1996.

2 Warszawa i Mazowsze w walce o niepodległość kraju w latach 1794–1920 / Opr. A. Koseski, A. Stawarz. Warszawa, 2001.

работ, написанных до сих пор, она была соединена с другими важными аспектами восстания, политическими, социальными, культурными или международными вопросами[3].

Военная историография, несмотря на то, что ее название вызывает однозначные ассоциации в отношении проблематики, которой она занимается, не является только областью, описывающей битвы и военачальников. В ней существует ряд проблем, которые обогащают эту область знания и связывают ее с социальными, экономическими или политическими проблемами. К ее главным вопросам можно отнести:

– описания боевых действий,
– характеристику военных планов,
– структуру и организацию войсковых соединений,
– кадровые вопросы войсковых соединений (офицеры, рядовые),
– обмундирование и вооружение,
– описание логистических действий,
– описание театра военных действий.

Перечисленные вопросы не исчерпывают всей области интересов военной истории, поскольку многие из них соединяются между собой или обособляются в отдельные, более узкие темы.

Исследования, касающиеся истории Январского восстания, начали появляться сразу после его окончания. Авторами часто были участники обеих воюющих сторон, хотя среди них встречались также профессиональные историки. Постепенно расширились научные интересы отдельных авторов. Использовалась новая информация, и выходили очередные работы, посвященные общим вопросам, монографии и всеобъемлющие исследования.

Историографию Январского восстания можно разделить на несколько периодов в зависимости от происходивших в мире политических перемен, которые в равной степени касались как Польши, так и России. Эта периодизация для польской, а частично и российской историографии близка к той, которую предложил для польской военной историографии Б. Миськевич[4]. Подобные границы в историографии Январского восстания установили также С. Кеневич, Э. Козловский и С. Хойнецкий[5].

В эту периодизацию историографии Январского восстания входят и публикации, написанные в ознаменование годовщины национального подъема, например, по случаю столетней годовщины начала Январского

3 *Kozłowski E.* Op. cit. S. 299.

4 См.: *Miśkiewicz B.* Polska historiografia wojskowa. Próba analizy i syntezy. Poznań, 1996.

5 *Chojnecki S.* Op. cit. S. 7–22; *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe // *Kieniewicz S, Zahorski A., Zajewski W.* Trzy powstania narodowe – kościuszkowskie, listopadowe, styczniowe 1863–1864 / Red. W. Zajewski. Warszawa, 2000. S. 283–284; *Kozłowski E.* Op. cit. S. 299–301.

восстания (принадлежавшие перу польских историков, находившихся в стране и эмиграции, а также российских историков), стодвадцатилетней, или самой актуальной – стопятидесятилетней годовщины[6].

I период – от поражения Январского восстания до начала Первой мировой войны.

Первые публикации по истории Январского восстания начали появляться вскоре после его завершения. Их создавали участники обеих воюющих сторон – поляки и русские, однако ими руководили совершенно противоположные цели. Исследования, создававшиеся польской стороной, выходили преимущественно за пределами Королевства Польского – в Кракове, Львове, Познани, и нередко в эмиграции – в Западной Европе, Париже. Это преимущественно были реляции непосредственных участников восстания, которые заключали много субъективных оценок событий и отдельных личностей. Нередко возлагали вину за поражение на конкретных лиц либо подчеркивали собственную роль в восстании[7].

Среди польских исследований того времени можно отметить работы члена повстанческого Национального правительства Агатона Гиллера[8], Валерия Пшиборовского[9], Юзефа Пилсудского[10], Яна Стелла-Савицкого[11] и Станислава Зелиньского[12]. Некоторые из этих исследований, например Станислава Зелиньского, по-прежнему используются как важный источник информации, несмотря на требования историков подвергнуть данный труд научной критике[13].

6 См.: W 40-tą rocznicę powstania styczniowego 1863–1903. Lwów, 1903; Powstanie styczniowe 1863–1864. Materiały sympozjum z okazji 120 rocznicy wybuchu powstania styczniowego. Warszawa, 1983; IX Powszechny Zjazd Historyków Polskich. Powstanie styczniowe 1863. Warszawa, 1964; Powstanie styczniowe 1863–1864. Aspekty militarne i polityczne: materiały z sympozjum / Red. J. Wojtasik; Публикации в связи со 100-летней годовщиной Январского восстания в научных периодических изданиях «Kwartalnik Historyczny», «Teki Historyczne» и других.

7 *Callier E.* Trzy ustępy z powstania polskiego 1863–1864. Poznań, 1868; Pamiętniki jenerała Antoniego Jeziorańskiego od roku 1848 do roku 1863. Lwów, 1880–1881. T. 1–3; Pamiętniki pułkownika Walentego Lewandowskiego naczelnika cywilnego i wojskowego na województwo podlaskie i lubelskie. Paryż, 1908; *Langiewicz M.* Relacje o kompanii własnej w roku 1863 // Kwartalnik Historyczny. 1905. S. 240–282.

8 *Giller A.* Historja powstania narodu polskiego w 1861–1864 r. Paryż, 1867. T. I–IV.

9 *Przyborowski W.* Dzieje 1863 roku. Kraków, 1897–1917. T. I–IV; *Idem.* Ostatnie chwile powstania styczniowego. Poznań, 1887–1888. T. I–IV.

10 *Piłsudski J.* 22 stycznia 1863. Poznań, 1913.

11 *Stella-Sawicki J.* Galicja w powstaniu styczniowem. Lwów, 1909.

12 Bitwy i potyczki 1863–1864 / Opr. S. Zieliński. Rapperswil, 1913.

13 *Kalembka S.* Zadania historiografii polskiej wobec porozbiorowych dziejów Polski // Przełomy w historii. XVI Powszechny Zjazd Historyków Polskich. Wrocław, 15–18 września 1999 roku. Pamiętnik. Toruń, 2000. T. II. Cz. II. S. 122.

Российские работы часто имели целью показать могущество династии Романовых. Они создавались по заказу властей, что давало возможность авторам пользоваться многими документами, хранившимися в разных российских архивах. К возникшим тогда наиболее ценным работам можно отнести всеобъемлющее исследование Н.В. Берга[14] и посвященное военной проблематике – С.Д. Гескета[15]. Они были по мере возможности объективными и содержали много ценной информации, в том числе касающейся и военных вопросов.

Мемуары, описания отдельных эпизодов печатались в научных или специализированных периодических изданиях, например, «Русском архиве», «Русской старине» или «Военном сборнике»[16].

Были написаны и труды по военной истории, создававшиеся для нужд российских властей, использовавшиеся во всех позднейших научных или научно-популярных трудах[17].

Среди таких работ заслуживают внимания так наз. полковые истории. Они создавались в том числе и для укрепления морального духа офицеров и солдат. Январское восстание нередко занимало в них центральное место и даже охватывало несколько разделов. В зависимости от подхода автора мнения о восстании были неоднозначны – от недоброжелательных до, по тогдашним меркам, объективных. Эти работы, написанные на разном научном уровне, иногда уточняли уже известную информацию. Их авторами преимущественно были офицеры, нередко выпускники военных академий. Они базировались на доступных в России исследованиях, (например, Берга и Гескета), однако часто обращались к собраниям военных архивов разных уровней (например, полкового, военного округа или военного министерства), а также к свидетельствам российских участников сражений, служащих в их родном полку[18].

---

14 Польские издания: *Berg M.* Zapiski o powstaniu polskiem 1863 i 1864 r. i poprzedzającej powstanie epoce demonstracyi od 1856. Kraków, 1898. T. I–III.

15 *Гескет С.Д.* Военные действия в Царстве Польском в 1863 году. Начало восстания (январь, февраль и первая половина марта). Варшава, 1894.

16 Среди множества статей и сообщений, там опубликованных, можно разыскать, например: *Истомин В.А.* Военное положение в Царстве Польском во время мятежа 1863 года и его последовательные видоизменения // Русский архив. 1903. № 9. С. 35–81.

17 См.: Журнал военных действий в Царстве Польском. 1863; Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Вильно, 1913–1915. Ч. 1–2.

18 См.: *Елец Ю.Л.* История Лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. СПб., 1890–1897. Т. 1–2; *Каменский Е.С.* История 2-го Драгунского С.-Петербургского генерал-фельдмаршала князя Меншикова полка. 1707–1898 гг. М., 1900. Т. 1–2; *Крестовский В.В.* История Лейб-гвардии Уланского…

В трудах, касающихся военной истории Январского восстания, написанных представителями обеих воюющих сторон, часто не использовались все доступные источники. Польские авторы, писавшие в эмиграции, редко обращались к российским исследованиям, и прежде всего к российским документам. В свою очередь российские авторы совершали ту же самую ошибку, не прибегая к польским источникам. Только после появления уже упоминавшихся работ Берга и Гескета информация, заключенная в польских исследованиях, начинает появляться и в некоторых российских трудах.

II период – межвоенный.

В это время были опубликованы мемуары участников восстания, биографии, тактические работы, а также небольшие исследования вспомогательного характера. Было написано большое количество трудов по случаю годовщины восстания[19]. Отдельные работы восстанию посвятили два самых выдающихся военных историка межвоенного периода – В. Токаж и М. Кукель. Они оба придерживались мнения, что восстание было слабо подготовлено с военной стороны[20], которое разделяли и в своих более поздних публикациях, написанных в эмиграции[21]. В. Токаж писал о повстанческой борьбе в регионах. Одна из его первых научных работ посвящена Кракову в начале Январского восстания и сражению под Мехувом, а более поздняя – бою под Шклярами[22].

Нельзя не упомянуть о написанной в более ранний период, но неоднократно переизданной, работе Юзефа Пилсудского, касавшейся 1863 г. Она была широко распространена в обществе, а в сокращенной версии читалась на лекциях самим автором. Несмотря на то, что его книга не является научным исследованием из-за отсутствия научного аппарата (Б. Миськевич квалифицировал данное произведение как реляцию свидетеля эпохи, а не историка), она оказала большое влияние на мнение других авторов, занимавшихся этой тематикой[23]. Вопросы военной

полка. СПб., 1876; *Орлов Ф.Ф.* Очерк истории С.-Петербургского гренадерского короля Фридриха Вильгельма III-го полка (1726–1880). СПб., 1881 и многие другие работы.

19 Pamiętnik Mierosławskiego (1861–1863). Warszawa, 1924; *Lasocki W.* Wspomnienia z mojego życia. Kraków, 1933–1937. T. I–II.

20 *Tokarz W.* Czynniki powstania styczniowego // Przegląd Wszechpolski. Kraków, 1902. Rok VIII. № 1. S. 18–27; *Kukiel M.* Zarys historii wojskowości w Polsce. Londyn, 1949.

21 *Kukiel M.* Zagadnienia wojskowe powstania styczniowego // Teki Historyczne. Londyn, 1962–1963. T. XII. S. 93–115; *Miśkiewicz B.* Op. cit. S. 186.

22 *Tokarz W.* Kraków w początkach powstania styczniowego i wyprawa na Miechów. Kraków, 1914. T. I–II.

23 См.: *Piłsudski J.* Rok 1863 (Odczyt z 20 stycznia 1924) // *Piłsudski J.* Wybór pism. Wrocław, 1999. S. 230–256; *Miśkiewicz B.* Op. cit. S. 256–260.

истории Январского восстания рассматривались в работах С. Плоски[24], С. Помараньского[25] и др.

В этот период появились биографии выдающихся повстанческих военачальников[26], изданных в том числе в серии «Жизнеописания заслуженных поляков XVIII и XIX вв.» («Życiorysy zasłużonych Polaków wieku XVIII i XIX»)[27].

Основные усилия российской историографии в это время были направлены на определение роли классового и народно-политического факторов в восстании[28].

III период – от окончания Второй мировой войны до 1989 г.

Этот период был очень плодотворным с точки зрения количества работ, посвященных Январскому восстанию. Однако проводившиеся научные исследования не были свободны от идеологизации. Одна из главных исследовательских задач состояла в том, чтобы показать польско-российское революционное сотрудничество и борьбу с царизмом, подчеркивая значение социально-экономических факторов.

Несмотря на идеологическую нагрузку, это было время сотрудничества польских и российских исследователей, работавших в Институте истории ПАН и Институте славяноведения РАН[29].

Видное место в трудах польских и советских историков занимала и военная история восстания. Это было заметно по названию работ, выходивших в то время, как, например: сборник «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов»[30]. Среди советских

24 *Płoski S.* O taktyce oddziałów powstańczych // Przegląd Historyczny. Warszawa, 1937–1938. T. 34. S. 493–503; *Idem*. Działania Rogińskiego w powstaniu styczniowym // Przegląd Historyczno-Wojskowy. T. X. S. 1–28.

25 *Pomarański S.* Romuald Traugutt ostatni naczelnik narodu. Zamość, 1920.

26 См.: *Pomarański S.* «Biografistyka» powstania styczniowego // Przegląd Historyczny. 1937–1938. T. 34. S. 428–434.

27 *Staszewski J.* Generał Edmund Taczanowski. Poznań, 1936.

28 *Gorizontow L.E.* Rzut oka na rosyjską historiografie polskich powstań XIX wieku // Polskie powstania narodowe na tle przemian europejskich w XIX wieku / Red. A. Barańska, W. Matwiejczyk, J. Ziółek. Lublin, 2001. S. 417–418.

29 *Макарова Г.В.* Изучение истории восстания 1863 г. в Институте славяноведения в 1960–1970-х гг. // Powstanie styczniowe 1863–1864. Walka i uczestnicy. Represje i wygnanie. Historiografia i tradycja / Red. W. Caban, W. Śliwowska. Kielce, 2005. S. 259–266.

30 Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х гг. / Под ред. В.Д. Королюка, И.С. Миллера. М., 1960; Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 года / Под ред. В.А. Дьякова, В.Д. Королюка, И.С. Миллера. М., 1962; К столетию героической борьбы «за нашу и вашу свободу». М., 1964; Революционная Россия и революционная Польша. (Вторая половина XIX в.) М., 1967.

исследователей этого периода ведущая роль принадлежала И.С. Миллеру и В.А. Дьякову, которые подготовили и издали монографии, посвященные развитию революционного движения в русской армии, переведенные также на польский язык[31]. Дьяков опубликовал биографии польских командиров восстания, среди которых были и выходцы из российской армии[32].

Выдающимся знатоком восстания среди польских исследователей этого периода был, несомненно, Стефан Кеневич, автор значительного труда, посвященного истории народного выступления в 1863 г.[33] Эта несколько раз переиздававшаяся работа в сокращенной версии появилась в сборнике статей, посвященном истории польских народных восстаний XIX века[34].

Кеневич был также одним из редакторов двадцатипятитомного издания источников по истории Январского восстания. Международный коллектив исследователей, которым с польской стороны руководил Стефан Кеневич, а с советской – И.С. Миллер и В.А. Дьяков, подготовил к публикации документы, хранившиеся в польских и российских архивах[35]. Военные аспекты восстания рассматривались в каждом томе серии, однако некоторые из них непосредственно касались военных вопросов, как например: «Dokumenty Wydziału Wojny Rządu Narodowego 1863–1864», «Dokumenty terenowych władz wojskowych powstania styczniowego czy Zarys powstania styczniowego opracowany w warszawskiej Cytadeli»[36].

Своеобразный всплеск исследований, в которых рассматривались причины, ход и последствия Январского восстания, наблюдался в связи

31 *Дьяков В.А., Миллер И.С.* Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., 1964. Польское издание: *Djakow W.A., Miller I.S.* Ruch rewolucyjny w armii rosyjskiej a powstanie styczniowe. Wrocław, 1967.

32 *Дьяков В.А.* Материалы к биографии Сигизмунда Сераковского // Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи… С. 63–124; *Дьяков В.А.* Список руководящих деятелей восстания 1863–1864 гг., составленный В.В. фон Валем // Русско-польские революционные связи 60-х годов… С. 506–564; *Богданов Г.В., Дьяков В.А.* Алфавит участников революционного движения в русской армии за 1861–1863 гг. // Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи… С. 489–637.

33 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. Warszawa, 1972.

34 См.: *Kieniewicz S., Zahorski A., Zajewski W.* Trzy powstania narodowe – kościuszkowskie, listopadowe, styczniowe / Red. W. Zajewski. Warszawa, 1992.

35 Powstanie styczniowe. Materiały i dokumenty. Wrocław; Moskwa, 1961–1986. T. I–XXV. См.: *Niebelski E.* Znaczenie wydawnictwa “Powstanie Styczniowe. Materiały i Dokumenty” dla badań nad dziejami 1863 r. // Powstanie Styczniowe 1863–1864. Walka i uczestnicy… S. 267–281.

36 Dokumenty Wydziału Wojny Rządu Narodowego 1863–1864. Wrocław, 1973; Dokumenty terenowych władz wojskowych powstania styczniowego 1863–1864. Wrocław, 1976; Zarys powstania styczniowego opracowany w Warszawskiej Cytadeli. Wrocław, 1985.

со столетней годовщиной выступления. Это было заметно как по общему объему опубликованных работ, так и по количеству научных статей[37]. В это же время была опубликована библиография Январского восстания, написанная Э. Козловским[38], вышли из печати биографии основных руководителей Январского восстания, а также командиров отрядов, в том числе Ярослава Домбровского, Юзефа Гауке (Хауке)-Босака и Валерьяна Врублевского[39]. В ряде работ рассматривались вопросы военной истории. Р. Ратайчик детально изучал партизанскую войну во время диктатуры Ромуальда Траугутта[40]. Был опубликован официальный перечень сражений российских войск в Королевстве Польском во время Январского восстания[41].

Создавались работы, в центре внимание которых были региональные выступления или борьба отдельных отрядов повстанцев[42]. Особого внимания заслуживает исследование Веслава Цабана, показывающее историю восстания в Гурах Свентокшиских[43].

IV период – с 1989 г. по настоящее время.

В результате политических перемен, произошедших в мире, изменилась исследовательская проблематика Январского восстания. В этот период появилось много публикаций, затрагивающих события восстания в различных контекстах, например, европейских преобразований в XIX в.[44] или формирования взаимных стереотипов[45]. Были предприняты

37 См.: Kwartalnik Historyczny. 1963.

38 *Kozłowski E.* Bibliografia powstania styczniowego. Warszawa, 1964.

39 *Borejsza J.W.* Patriota bez paszportu. Warszawa, 1970; *Kozłowski E.* Generał Józef Hauke-Bosak 1834–1871. Warszawa, 1973; *Zdrada J.* Jarosław Dąbrowski 1836–1871. Warszawa, 1973.

40 *Ratajczyk R.* Powstanie styczniowe jako wojna partyzancka // Studia i materiały do historii wojskowości. 1964. T. X. Cz. 1; *Idem*. Polska wojna partyzancka 1863–1864. Okres dyktatury Romualda Traugutta. Warszawa, 1966.

41 *Idem*. Urzędowy wykaz potyczek wojsk carskich w Królestwie Polskim w 1863–1864 r. // Stud. Mater. Hist. Wojs. 1962. T. 8.

42 *Chankowski S.* Powstanie styczniowe w Augustowskiem. Warszawa, 1972; *Dąbkowski W.* Powstanie styczniowe w Puszczy Kozienickiej. Warszawa, 1974.

43 *Caban W.* Z dziejów powstania styczniowego w rejonie Gór Świętokrzyskich. Warszawa; Kraków, 1989.

44 Polskie powstania narodowe na tle przemian europejskich w XIX wieku / Red. A. Barańska, W. Matwiejczyk, J. Ziółek. Lublin, 2001.

45 Polacy i Rosjanie. Materiały z konferencji «Polska – Rosja. Rola powstań narodowych w kształtowaniu wzajemnych wyobrażeń». Warszawa; Płock, 14–17 maja 1998 r. / Red. T. Epsztein. Warszawa, 2000; *Caban W.* Wpływ służby Polaków w armii carskiej na świadomość narodową w dobie międzypowstaniowej // Przełomy w historii. XVI Powszechny Zjazd Historyków Polskich. Wrocław, 15–18 września 1999 roku. Pamiętnik. Toruń, 2000. T. II. Cz. II. S. 73–85.

усилия представить восстание на более широком историческом фоне и с новой постановкой проблем[46]. Некоторые авторы рассматривали польские восстания, в том числе и Январское восстание, как часть процесса обретения Польшей независимости в XIX и начале XX в.[47]

В некоторых работах обращались к рассмотрению проблем военной истории, начиная от вопросов вооружения и заканчивая обликом командиров[48], или обсуждали военную историю в отдельных регионах Польши на протяжении столетия[49].

В этот период было издано исследование, в котором впервые была предпринята попытка создания целостной картины восстания в Литве и Белоруссии[50], и переиздана каноническая работа о Январском восстании Стефана Кеневича.

В Польше были опубликованы некоторые важные документальные источники, как например: переведённые на польский язык «Tygodnie polskiego buntu» Н.Н. Павлищева[51], а также дневники повстанцев или людей, связанных с восстанием, например Казимежа Счанецкого, Аполонии с Далевских Сераковской или Яна Шуберта[52].

В это самое время в России было издано несколько томов воспоминаний и дневников военного министра генерала Д.А. Милютина, из которых два тома непосредственно относились к описанию предшествующих событий и самому Январскому восстанию[53]. Были переизданы воспоминания М.Н. Муравьева[54].

---

46 Powstanie Styczniowe 1863–1864. Wrzenie. Bój. Europa. Wizje / Red. S. Kalembka. Warszawa, 1990; Powstanie styczniowe 1863–1864. Walka i uczestnicy. Represje i wygnanie. Historiografia i tradycja / Red. W. Caban, W. Śliwowska. Kielce, 2005.

47 *Wojtasik J.* Z myślą o Niepodległej… Polskie powstania narodowe i próby powstańcze w latach 1795–1914. Warszawa, 2013.

48 Powstanie styczniowe 1863–1864. Aspekty militarne i polityczne, materiały z sympozjum / Red. J. Wojtasik. Warszawa, 1995.

49 *Mikuła W.* Działania militarne na ziemiach wschodnich w okresie powstań narodowych // Działania militarne na Mazowszu i w Polsce północno-wschodniej / Red. W. Wróblewski. Warszawa, 2000.

50 *Fajnhauz D.* 1863. Litwa i Białoruś. Warszawa, 1999.

51 *Pawliszczew M.* Tygodnie polskiego buntu / Opr. A. Zawilski. Warszawa, 2003. T. I–II.

52 *A. z Dalewskich Sierakowska.* Wspomnienia / Opr. J. Sikorska-Kulesza, T. Bairasauskaite. Warszawa, 2010; *Sczaniecki K.* Pamiętnik. Wielkopolska i powstanie styczniowe we wspomnieniach galicyjskiego ziemianina / Red. W. Molik. Poznań, 1999; *Szubert J.* Pamiętnik częstochowianina – powstańca styczniowego / Opr. Z. Strzyżewska. Częstochowa, 2012.

53 *Милютин Д.А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860–1862 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 1999; *Милютин Д.А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863–1864 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2003.

54 Готов собою жертвовать…: записки графа М.Н. Муравьева об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа 1863–1866 гг. М., 2008.

Обращение ученых к биографическим исследованиям в некоторых случаях трансформировалось в просопографические изыскания, результаты которых представлялись на научных конференциях и в выходивших сборниках научных статей.

К исследовательским проблемам добавились вопросы, к которым обращались до этого времени спорадически. К ним можно отнести монографию Максимилиана Станулевича, в которой с юридической точки зрения рассматривается деятельность повстанческих и военных судов[55], а обоснованность выносимых ими приговоров изучал в своей статье В. Новак[56].

В связи со 150-летним юбилеем Январского восстания в прессе появилось большое количество популярных работ, а некоторые еженедельники посвятили этому событию даже специальные выпуски. В большинстве популярные статьи являлись не чем иным, как сокращенной версией научных изданий. Одна из них, Войцеха Кальвата, описывающая кампанию Лангевича в 1863 г., была напечатана в популярной серии «Historyczne bitwy»[57].

Несмотря на появление большого числа разнородных научных публикаций, историки Январского восстания до сих пор не создали комплексного исследования, посвященного военной истории Январского восстания, хотя в предыдущих работах об этом писали почти все авторы обобщающих работ или монографий. Этот недостаток объясняется множеством причин, среди которых одной из важнейших является отсутствие документов, относящихся к деятельности Военного министерства Российской империи. Многие источники рассеяны по архивам, а часть уничтожена. В некоторых случаях можно говорить о переизбытке документов, как, например, материалы Следственных комиссий, Полевого аудита и др., часть документов которых находится в Польше, а часть в России. Несмотря на то, что многие коллективы обращались к этим материалам, по-прежнему не в полном объеме используются документы военной канцелярии (важнейшего источника борьбы периода восстания). Одной из главных проблем остается также недостаток надлежащим образом подготовленных квалифицированных исследовательских кадров (что подчеркивал в своем выступлении на одной из конференций Л.Е. Горизонтов)[58].

55 *Stanulewicz M.* Sądy i prawo w powstaniu styczniowym. Poznań, 2005.

56 *Nowak W.* Terror wobec ludności cywilnej Królestwa Polskiego i Ziem Zabranych stosowany przez oddziały i żandarmerię powstańczą w latach 1863–1864 // Powstanie styczniowe 1863–1864. Walka i uczestnicy. Represje i wygnanie. Historiografia i tradycja / Red. W. Caban, W. Śliwowska. Kielce, 2005. S. 41–54.

57 *Kalwat W.* Kampania Langiewicza 1863. Warszawa, 2012.

58 *Gorizontow L.E.* Rzut oka na rosyjską historiografię polskich powstań XIX wieku // Polskie powstania narodowe… S. 00.

Эти и другие объективные и субъективные причины затрудняют создание упомянутого выше обобщающего исследования о восстании. Можно только надеяться, что по мере расширения исследовательских задач и появления новых работ такой труд будет создан.

Перевод О.С. Каштановой, Л.П. Марней

Г.В. Макарова
(Москва)

Генрик Краевский: от «Организации 1848 года» – к восстанию 1863 г.

Времена не выбирают <…>
Что ни век, то век железный
Александр Кушнер

В последнее десятилетие особое внимание исследователей привлекает проблема взаимного соотношения человека и эпохи[1]. Каждый отдельный человек представляет собой частицу определенного поколения. Как личность он формируется под воздействием непосредственно своего личного окружения (семья, социальный слой, образовательная среда – учителя и ученики и т. д.) и общего для всех времени. Весь комплекс этих факторов оказывает влияние на выработку его жизненных целей, установок, мировоззрения и, в конечном счете, предопределяет его собственную судьбу, выбор им своего жизненного дела, своего пути. Причем на этом пути немалую роль иногда играют и случайные непредвиденные встречи и ситуации.

В этом плане показательна судьба Генрика Краевского (1824–1897), одного из создателей конспиративной патриотической «Организации 1848 года», действовавшей в Королевстве Польском[2]. По стечению обстоятельств, после смерти в марте 1847 г. ее основателя Эдварда Домашевского, чиновника правительственной комиссии юстиции, вместе с Ромуальдом Свежбеньским он стал во главе создаваемого тайного общества. Краевский принадлежал к поколению, взгляды и мироощущение которого складывалось в годы после восстания 1830–1831 гг. Обычно линия жизни такого общественно и исторически значимого человека просле-

1 См., например: История через личность: историческая биография сегодня // Отв. ред. Л.П. Репина. М.: Кругъ, 2005. Неслучайно спустя сравнительно непродолжительное время сборник выдержал второе издание: История через личность: историческая биография сегодня. Изд. 2-е. М.: Квадрига, 2010. С 1989 г. выходит альманах «Одиссей: Человек в истории».

2 Общий очерк истории тайного общества см.: *Minkowska A.* Organizacja spiskowa 1848 r. w Królestwie Polskim. Warszawa, 1923.

живается с позиций его идейно-политического облика, места и роли на том или ином этапе общественного развития, а качества и события «человеческие» и личностные отступают на второй план, иногда даже почти полностью игнорируются.

Вообще имя Генрика Краевского довольно известно, но конкретный материал его непростой, насыщенной событиями биографии рассеян по разным статьям или источникам. В работах, написанных историками, при характеристике его личности акцент преимущественно делался на освещении его идейных воззрений и патриотической деятельности, а в статьях, вышедших из-под пера правоведов, – на его деятельности как выдающегося адвоката[3].

Генрик Краевский родился 20 декабря 1824 г. в деревне Дуб Грубешовского повята Люблинской губернии. Его родители – Текля (урожд. Трощиньская[4]) и Бенедыкт Северин Краевские. Из материалов допроса Краевского в Варшавской следственной комиссии (февраль 1850 г.) следует, что они были арендаторами двух деревень, собственного имения у них не было. Мать его приходилась дальней родственницей писателю Болеславу Прусу[5]. На следствии Краевский показал, что он происходит из дворян, еще не утвержденных герольдией. Принадлежность к дворянскому сословию давала существенные привилегии, в частности при вынесении судебных приговоров: дворяне не подвергались телесным наказаниям. Краевский заявил, что придерживается католического вероисповедания,

3 *Kieniewicz S.* Krajewski Henryk // Polski słownik biograficzny. T. 15. Wrocław; Warszawa; Krakow, 1970. S. 107–109; *Djakow W.* Warszawska organizacja konspiracyjna 1848 roku (Edward Domaszewski, Henryk Krajewski, Romuald Świerzbiński i inni) // Kwartalnik Historyczny. 1976. Z. 2. S. 353–357; *Makarowa G.* Oblicze ideowo-polityczne "Organizacji 1848 roku w Królestwie Polskim" // Wiosna Ludów w Królestwie Polskim. Organizacja 1848 roku. «Весна Народов» в Королевстве Польском. «Организация 1848 года». [Исследования и документы]. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1994. (далее – Wiosna Ludów). S. 19–46; *Pol K.* Adwokat Henryk Krajewski // Palestra. 1–2/2003; *Gałęzowski M.* W służbie Rządu Narodowego. Przyczynek do udziału adwokatów w powstaniu styczniowym // Palestra 11–12/2013. Интернет-ресурс: http://www.palestra.pl/index.php?go=numer&id=127.

4 В биографических справках Г. Краевского и его братьев, помещенных в «Польском биографическом словаре», ошибочно указано «Трещиньский». Это написание утвердилось в литературе. Но по документам Варшавской следственной комиссии – Трощиньский (тома словаря на букву «Т» еще не вышли). Феликс Трощиньский (1804–1880) позднее также вошел в «Организацию 1848 года», был сослан в Сибирь, по амнистии 1856 г. вернулся в Королевство Польское, опять стал священником в Грубешове, принимал участие в манифестациях начала 1860-х гг., подвергался краткосрочным арестам.

5 Его настоящее имя Александр Гловацкий (1847–1912), он родился в Грубешове, в семье обедневшего шляхтича, принимал участие в восстании 1863 г.

холост, присягу на «верность подданства» исполнил. Из сообщенных им кратких биографических сведений следовало, что до 9 лет он находился при родителях, затем был отправлен в грубешовское уездное училище, в котором провел 4 года.

Грубешов, расположенный менее чем в 3 км от границы с украинской Волынью, – город, имеющий не совсем обычную историю. Основан он был в начале XV в. В 1576 г. Стефан Баторий пожаловал евреям города привилегию: возможность заниматься свободной торговлей, ремеслом и прочими видами деятельности наравне с остальными жителями. В 1801 г. Грубешов с окрестностями купил Станислав Сташиц, известный польский мыслитель и общественный деятель. После окончания в 1792 г. Четырёхлетнего сейма Сташиц уехал в Вену, где благодаря удачным финансовым операциям составил себе значительное состояние, но, будучи мещанского происхождения, он не имел права владеть землей и крепостными, и Грубешовское имение было оформлено на родственницу графа Замойского, в семье которого ранее Сташиц служил домашним учителем. Он привел Грубешов в благоустроенное состояние, освободил крестьян от крепостной зависимости, подарил общине помещичьи земли. Народное образование он считал одной из главнейших основ процветания нации[6]. Сташиц открыл несколько начальных школ, а в Кельце – политехнический институт с агрономическим отделением. Много внимания и сил уделял он экономическому развитию не только Грубешова[7], но и вообще края: способствовал устройству заводов, проведению мощёных дорог, строительству мостов и т. д.

Во время обучения в грубешовском училище Генрик Краевский жил у своего дяди ксендза Феликса Трощиньского. По окончании училища Краевский три года учился в Люблинской гимназии, затем приехал в Варшаву, где посещал юридические курсы. Они были двухгодичные, но после года обучения Краевский был отправлен в Москву и поступил на юридический факультет Московского университета, «на казенный кошт». Варшавский университет после восстания 1830 г. был закрыт, и для получения высшего образования поляки ехали в российские университеты – в Москву и Петербург. Окончив университет со степенью кандидата права, Краевский в 1846 г. вернулся в Варшаву. Так складывался его жизненный путь до начала конспиративной патриотической деятельности. Все это время было посвящено учебе. Вообще, судя по показаниям Краевского,

6 *Пыпин А.Н., Спасович В.Д.* История славянских литератур. СПб., 1881. Т. 2. С. 586. Раздел о польской литературе написан Спасовичем.

7 По данным на 1892 г. в Грубешове действовало более 20 фабрик и заводов, население насчитывало 9606 человек (из них католиков 1074, православных 3259, евреев 5264).

образованию в их семье придавалось самое серьезное значение. Обедневшей шляхте, чтобы не утратить полностью своего социального статуса, надо было защитить себя, своих детей как можно более высоким уровнем образования, что давало им шанс на благополучное устройство жизни в будущем. Его брат Феликс (1829–1895), тогда ему был 21 год, учился в Москве, в университете – на медицинском факультете[8]. Он стал известным врачом. Второй брат, Владислав (1839–1891), 12 лет, «посещал уездное училище в Грубешове». Он так же, как и Генрик, воспитывался у своего дяди-ксендза, и также был общественно активен. В феврале 1861 г., принимая участие в манифестации в Варшаве в Старом городе, дал пощечину обер-полицеймейстеру польской столицы Ф.Ф. Трепову. Этот эпизод нашел отражение в популярном тогда стишке: «Na Starym Mieście przy wodotrysku, // pan policmejster dostał po pysku» («У варшавского фонтана в Старом городе // обер-полицмейстер получил по морде»). Младший брат Г. Краевского, Мечислав, которому, когда Г. Краевский давал показания, было 9 лет, обучался в грубешовском «элементарном училище» (начальной школе)[9].

Пребывание Краевского в Москве способствовало его дальнейшему становлению как самостоятельной личности, завязыванию новых контактов, что впоследствии оказалось весьма полезным при вовлечении новых членов в состав «Организации 1848 года». Беседы, которые велись в польском студенческом землячестве, чтение и обсуждение книг, в том числе нелегальных, – в Москве их было легче достать, чем в Варшаве. Поляки-студенты создали свою библиотеку, состоявшую из двух отделов: открытого и закрытого, «для своих», – с нелегальной литературой патриотического содержания. Несомненно, что, будучи человеком весьма одаренным от природы, с выдающимися способностями, о которых говорили на следствии по делу «Организации 1848 года» те, кто учился в одно с ним время в Московском университете. Но если судить по оценкам, проставленным в аттестате Краевского, выданном ему по окончании Люблинской губернской гимназии, успехи его, по крайней мере в гимназические годы, были весьма скромными. В архивном фонде Московского университета сохранился подлинник аттестата Г. Краевского. Документ составлен на двух языках – русском и польском. В нем констатировалось, что «Генрик Северинов сын Краевский <…> исповедания римско-като-

8 Он упоминается в составленном в июле 1848 г. «Списке своекоштных студентов, уроженцев Царства Польского», обучавшихся в Московском университете, то есть за его образование должны были платить; вероятно, это делали родители (Центральный государственный архив города Москвы (далее – ЦГА Москвы). Ф. 418. Оп. 265. Д. 2. Л. 3–5).

9 Wiosna Ludów. S. 401, 402 .

лического, имеющий от роду 16 лет, из дворян, не утвержденных еще герольдиею, записан в число учеников гимназии в 1835 году, посещал оную постоянно по 16 июня 1841 года. <…> Вел себя прилично». Затем перечислялись учебные предметы с указанием его «успехов». Из 17 оценок только две были «отлично» (по немецкому и французскому языкам) и две «хорошо» (по «географии и статистике Российской» и «истории Русской»), остальные 13 – «удовлетворительно» (по закону божьему, языкам и словесности польской и русской, по славянскому, греческому и латинскому языкам, математике, физике, химии, всеобщей географии и всеобщей истории, рисованию и чистописанию)[10].

Краевский, по-видимому, обладал и тем качеством, которое сейчас принято называть «харизмой», – умением и даром привлекать и располагать к себе людей, вызывать у них доверие и приобретать авторитет. Хотя соперничавший с ним за лидерство в студенческой среде Ромуальд Свежбеньский, после ареста давший на следствии сразу же откровенные и подробные показания, отмечал, что на первых порах пребывания в университете Краевский оказался в некоторой конфронтации со своими соучениками[11].

Детализация схематичного наброска фрагмента жизненного пути Краевского, дополнение его политическими, социальными и ментальными обстоятельствами дают картину, во многом соответствующую «усредненной» биографии молодого образованного человека этого поколения – послеповстанческого поколения многочисленных выходцев из мелкошляхетской среды. Такие подробности, конкретные частности дают возможность представить личность в более широком социально-хронологическом контексте, показать окружающую действительность не просто как «фон», а как непосредственную среду бытования, и соответственно – взаимовлияния, взаимодействия личности и ее времени, проявляющихся, естественно, на разных этапах в разной степени.

В годы обучения Краевского в Московском университете завязывались дружеские контакты как с поляками, так и с русскими. В частности, он познакомился тогда с А.И. Деспотом-Зеновичем, что в будущем неожиданно сыграло благоприятную роль в его судьбе. В Москве состоялись и другие, порой удивительные, встречи и знакомства. Благодаря случаю произошла встреча Краевского и его друзей-поляков с руководителем «крестьянского заговора» ксендзом Петром Сцегенным и другими его участниками, которые в мае 1846 г. следовали из Королевства Польского через Москву в сибирскую ссылку. Когда повозка со ссыльными остановилась на Тверском бульваре, напротив дома московского обер-поли-

10 ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 11. Д. 214, Л. 15.

11 ГА РФ. Ф. 109, 1 экспедиция, 1850 г. Д. 62. Л. 64 об.; Wiosna Ludów. S. 224.

цеймейстера, то один из «сцегенчиков» обратился к прогуливавшимся студентам-полякам с вопросом, не знают ли они Краевского. Это был Алоизий Тарковский, с которым Краевский был «знаком от самого детства» еще по Грубешову. Тогда, как упоминалось выше, Краевский учился в уездном училище и жил в доме своего дяди Трощиньского, а Тарковский «находился на воспитании у своего дяди священника Глембицкого», помощника Трощиньского, и жил вместе с ними. Оба они обучались в одном училище. Глембицкий был «первоначальным наставником» Краевского. Получив утвердительный ответ, Тарковский попросил студентов передать Краевскому, чтобы тот навестил их в тюрьме. Свидание состоялось в Бутырском тюремном замке. В разговоре с Тарковским, как показал Краевский в апреле 1849 г. на следствии, проводившемся уже в Варшаве, речь шла только о семейных делах Тарковского, о Москве, об университете и т. д. «Но ни об их преступлениях, ни о противозаконных намерениях, а тем более о новых предприятиях против законному порядку [sic!], в которых не было бы даже ни малейшего смысла, принимая во внимание ихнее и мое положение, значение и средства, не было и речи и не могло быть, даже потому, что им известно было, что я воспитываюсь в России по милости его императорского величества, не мог разделять и быть орудием каких-нибудь замыслов, противных законным властям», – заявил Краевский[12].

В группе ссыльных был знакомый Краевскому еще по люблинской гимназии Шимон Кшечковский, который в 1838–1842 гг. также учился в Московском университете. Среди следовавших в Сибирь поляков находились Михал и Цельс Левицкие – родные братья Анны Домашевской, жены Эдварда Домашевского. Сам ксендз Сцегенный доверил Краевскому чертеж своего «ценного изобретения» – perpetuum mobile. Другой участник свидания со «сцегенчиками», Станислав Кросницкий, тоже студент университета, описывал состояние Сцегенного как одержимого «идеей фикс», который беспрестанно говорил об изобретенной им машине, почти каждому описывал ее, «чертил углем на дверях и стенах <…>, предлагал этот секрет некоторым лицам как драгоценный подарок»[13]. Встречу уже отбывавших наказание «сцегенчиков» и будущих участников «Организации 1848 года» можно считать символической – это была непосредственная живая эстафета передачи патриотических деяний.

По возвращении из Москвы в Варшаву получить достойное место в чиновничьей среде Краевскому, как и большинству молодых образованных специалистов, было непросто. Сначала он устроился аппликантом (стажером) в Гражданскую палату, затем (также аппликантом) в миро-

12 РГВИА. Ф. 1873. Оп. 1. Д. 9. Л. 201–201 об.

13 Там же. Л. 208 об.–209.

вой суд 1-го отделения, затем в суд исправительной полиции 2-го отделения, в управление прокуратуры при Варшавском уголовном суде и в «ипотическое» (ипотечное) отделение при Гражданской палате. Кроме того, частным образом он «подрабатывал» в канцелярии адвоката Юзефа Хросцицкого. 8 месяцев Краевский пробыл на службе у подписаря Варшавской губернской палаты Ежмановского. И, наконец, после всех этих служебных перемещений в феврале 1848 г. он получил место адъюнкта юрисконсультской секции Августовского губернского правления. Однако от этой должности он отказался сам, сославшись на семейные проблемы. Действительно ли главной причиной оказались семейные обстоятельства, сказать трудно, но к этому времени Краевский уже активно занимался делами тайного общества, в которое был вовлечен Э. Домашевским. И вполне резонно можно предположить, что именно его конспиративная деятельность и стала основным побудительным мотивом отказа. Краевский обратился в Правительственную комиссию финансов с просьбой о предоставлении ему места в Варшаве и в марте был назначен на такую же должность при Варшавском губернском правлении. Все годы пребывания в Варшаве, до ареста в начале февраля 1850 г., Краевский снимал комнату или квартиру, первое время вместе с такими же, как он сам, мелкими чиновниками. В своих показаниях он тщательно перечислил адреса своего проживания и имена своих компаньонов. Сначала он поселился у школьного товарища, судебного аппликанта, у которого уже проживали двое молодых людей, тоже судебные аппликанты. Пробыв там около месяца, он переселился почти на год в здание кармелитов, где его напарником был служивший в канцелярии «ордината» Замойского Фелициан Фаленьский. Затем Краевский снимал жилье у графа Северина Уруского, вместе с братьями Мареком и Ромуальдом Свежбеньскими, которых знал еще по учебе в Московском университете. В январе 1849 г. он переехал на улицу Александрия, а с апреля того же года и до ареста проживал на Свентокшиской[14]. Нахождение в молодежной среде позволяло устанавливать новые контакты – в квартирах нередко собиралась начинающие чиновники, велись свободные беседы по самым разным насущным общественным вопросам. Таким был его внеслужебный круг постоянного общения, отличавшийся в целом несомненной однородностью.

В Варшаве Краевский оказался среди литераторов, чьи интересы были тесно связаны с общественной мыслью, с общественными настроениями, с увлечением философскими идеями того времени. Жена Домашевского Анна входила в кружок «энтузиасток», в котором задавали тон популярная писательница Нарциза Жмиховская и жена издателя журнала «Пше-

14 Wiosna Ludów. S. 402.

гленд науковый» («Научное обозрение») Анна Скимборович[15]. В этой среде Г. Краевский был достаточно известен. «Энтузиастки» поддерживали контакты с варшавскими конспираторами. Этот факт отмечался и в переписке наместника Царства Польского И.Ф. Паскевича с III отделением (апрель–май 1851 г.): «<…> по показаниям 7-ми участников обнаруженного здесь в 1848 г. тайного злоумышленного общества, образовавшегося в 1847 г. для распространения пропаганды с целью приготовления умов к восстанию и восстановления Польши, имеется достаточное доказательство, что Нарцисса Змиховская принадлежала к этому обществу, усердно занималась пропагандою»[16]. Так что с Краевским она была хорошо знакома. И, как признавалось всеми, именно он позднее был изображен Н. Жмиховской в ее произведении «Адеодат», написанном в 1857 г. Имя «Адеодат» в переводе с латыни означает «богом данный». Можно полагать не случайным, что дочь Краевского (умершая в раннем возрасте) была названа Деодатой («богом данная»), тем самым Краевский косвенно как бы подтвердил свою связь с прообразом литературного героя.

Создание по настойчивому предложению польской эмиграции тайного общества в Королевстве Польском, планировавшей общепольское восстание для завоевания независимости, потребовало от его первых участников-основателей огромных усилий: необходимо было срочно подготовить программу и разработать организационную структуру. Краевский по поручению Домашевского написал устав общества – «Символ веры». Позднее текст его по конспиративным соображениям пришлось уничтожить, но Свежбеньский во время следствия восстановил его по памяти[17]. В его содержании нашли отражение идеи Гегеля и Гердера о том, что на разных этапах развития человечества различные народы оказываются во главе исторического процесса. В «Символе веры» Польша представлялась мученицей, которая в будущем станет во главе всех народов, в первую очередь славянских, в борьбе за свободное существование.

Арест Краевского произошел в марте 1850 г., он дольше других отказывался признавать свою вину и давать показания по существу дела, называть имена участников «Организации 1848 года». А. Минковская в своей книге дает ему такую характеристику: это был человек «несгибаемого характера», «классически последовательный в своих действиях», он был замкнут, молчалив, хотя обладал даром красноречия, настоящий конспиратор, бдительно следивший за соблюдением конспирации всеми членами, «твердой рукой державший заговорщиков»[18]. Во время тюрем-

15 Об энтузиастках см.: *Minkowska A.* Op. cit. S. 23.

16 ГА РФ. Ф. 109, 1 экспедиция, 1851 г. Д. 178. Л. 4–4 об.

17 Wiosna Ludów. S. 445–449.

18 *Minkowska A.* Op. cit. S. 23–24.

ного заключения Краевский дважды совершал попытку самоубийства, но только покалечился: в первый раз сломал ногу, выпрыгнув из окна, когда шел под конвоем, во второй – челюсть, бросившись вниз головой с высокой печи в камере. Потом он всю жизнь носил бороду, чтобы скрыть имевшийся на лице шрам. Только после того, как следственной комиссии из показаний других членов «Организации 1848 года» стали известны все подробности деятельности тайного общества и его состав, после проведения с Краевским очных ставок, он прекратил ставшее бессмысленным запирательство и дал признательные показания. Военный суд в Варшаве счел его виновным «в составлении тайного общества с намерением распространить оное во всем Царстве Польском, произвести здесь всеобщий мятеж и учредить республиканское правление». По приговору суда (май 1853 г.) он был лишен всех прав состояния и получил 8 лет каторжных работ в Сибири[19].

Стойкость характера Краевского, его приверженность идеям свободы вызывали уважение окружающих. Сочинение Н. Жмиховской «Адеодат» было воспринято ими с интересом и пониманием[20]. Писательница представила читателям Краевского как очень религиозного, очень нравственного, очень «правильного» человека. Возможно, даже с некоторым преувеличением, хотя все же воспитание, полученное в доме дяди-ксендза, и перенесенные испытания действительно могли усилить его религиозное мировосприятие. Произведение Жмиховской, состоявшее из нескольких отдельных частей, открывалось вступлением «Adeodat napuszczy» («Адеодат-пустынник»), представляющим искреннюю молитву в свободной форме, которую герой произносил в одиночестве.

Автор ставит Адеодата в различные условия и помещает в разные социальные среды. Следующая за вступлением вторая часть «В салоне» построена в жанре «Диалогов». В центре всех бесед – Адеодат. Слыша его слова, к нему один за другим подходят заинтересовавшиеся им посетители, и возникает очередной диалог. Однако это не пьеса, никакого развития действия нет, все статично – только суждения. Адеодату отведена роль резонера. Лаконичность героя напоминает немногословность самого Краевского. То, что говорят собеседники Адеодата, по объему в несколько раз превышает высказывания его самого. Сначала он разговаривает с молодой особой, затем с «обывателем» («жителем»), литератором, чинов-

19 Wiosna Ludów. S. 489, 491.

20 Adeodat // Pisma Gabrielli. Warszawa, 1861. T. 3. К. Поль указывает дату 1851 г., не уточняя – это дата издания или написания; вероятно, это просто опечатка. Публикация книги стала возможной только в период общественной «оттепели», наступившей после Крымской войны в Королевстве Польском, как и во всей Российской империи.

ником. В беседе с «обывателем» речь заходит об общественно значимых вопросах – как достигнуть прогресса, какие нововведения должны быть в экономике, в частности, в ведении хозяйства в собственном поместье. Адеодат утверждает, что если люди займутся нравственным самосовершенствованием и позаботятся о чистоте своей совести, то это и выведет их на дорогу прогресса. Это касается и простых людей («обывателей»), и чиновников, и крестьян, и землевладельцев – для всех закон один. Если люди будут стараться о Царствии небесном, то все остальное приложится. Дальше он ссылается на евангельские постулаты, которые, по его словам, неверно трактуются как требование аскетизма и убогости, но в действительности в них заключены самые практичные, самые важные принципы «общественной экономии» («ekonomii społecznej»). Подошедший к Адеодату «литератор» спрашивает его, много ли времени тратит он на чтение книг. Ответ следует более чем серьезный: он никогда не тратит время на пустяки вообще, не тратит его впустую, а при чтении – он его использует. В жизни ему случалось целые дни, недели и месяцы проводить за чтением, но все же, как полагал Адеодат, он прочитал книг недостаточно.

В рассказе «На чердаке» («Pod strychem») описано посещение Адеодатом после «салона» бедного «убогого» приятеля-калеки. Адеодат говорит ему, что был «в хаосе» людей очень ученых и очень богатых. И так ему стало тоскливо, что зашел к приятелю, чтобы прийти в себя. Утешая его и успокаивая себя, он читал отрывки из Библии. В следующей части «Адеодат на улице» он встречает мальчика, просящего подаяния. Адеодат предлагает ему пойти вместе с ним, обещает накормить. Однако тот показывает язык и убегает. Затем у Адеодата просит милостыню «женщина в лохмотьях», которая обманывает его, рассказывая о своих несчастьях. Адеодат, сочувствуя ей, говорит, что постарается помочь ей найти работу, на это женщина отвечает отказом, с насмешкой заявляя, что попрошайничеством она всегда получит больше.

Далее в очередном фрагменте Адеодат попадает в крестьянскую «халупу». Он входит и обращается к хозяину с просьбой дать ему напиться молока и найти ему лошадь, чтобы он мог добраться до ближайшего городка. У того нет ни коровы, ни лошади. Жена крестьянина больна, лечить нечем. Адеодат обещает скоро вернуться и привезти лекарства. Но вся надежда на Бога. «А теперь оставайтесь с Богом, и пусть он с вами остается», – покидая их дом, говорит Адеодат. Завершается вся литературная композиция картиной «Адеодат на кладбище». Он опять молится: «Я буду, братья, всех вас любить»[21].

Образ Адеодата, созданный Жмиховской по канонам литературы романтизма, нельзя считать истинным портретом Краевского, скорее,

21 Adeodat. S. 172–176, 188, 189, 191, 213, 218, 225, 227.

литературный персонаж соответствовал ее собственному пониманию идеального героя. Писательница находилась под сильным философско-религиозным влиянием А. Товяньского, пользовавшегося тогда большой популярностью у представителей эмиграции, а также среди патриотически настроенных группировок на всех польских землях. Книга Жмиховской была издана только в 1861 г., когда общественно-политическая ситуация в Королевстве Польском изменилась и цензура стала менее строгой.

В статье Б.С. Шостаковича, написанной на основе материалов Государственного архива Иркутской области, содержатся интересные сведения о Краевском в период его нахождения в Сибири. Ими еще раз подтверждается присущая Краевскому черта – привлекать и располагать к себе окружение. Когда он оказался в сибирской ссылке, то снискал сочувственное и доброжелательное отношение к себе со стороны отдельных представителей царской администрации. Так, бывший городничим города Кяхта А.И. Деспот-Зенович, «поляк на русской службе», в молодости придерживавшийся патриотических убеждений, направил генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву-Амурскому, также известному своими либеральными взглядами, рапорт (4 апреля 1859 г.), в котором, в частности, писал, что хотел бы обратить его внимание на судьбу Генрика Краевского, человека умного, высокой нравственности, к тому же его «соплеменника», вместе с которым он провел лучшие годы жизни. Как упоминалось выше, Деспот-Зенович и Краевский в одно время учились на юридическом факультете Московского университета. Деспот-Зенович обращался к Муравьеву-Амурскому с просьбой «не отказать употребить свое высокое влияние» с тем, чтобы Краевскому были возвращены все права состояния, чтобы столь образованный человек, много лет отдавший учению, мог бы стать «просвещенным деятелем общества». С этого началась официальная переписка по облегчению участи ссыльного[22]. Уже 9 мая 1859 г. Муравьев-Амурский от своего имени направил ходатайство о Краевском начальнику III отделения с. е. и. в. канцелярии В.А. Долгорукову. Содержание его было следующим:

«Милостивый государь князь Василий Андреевич!

Высочайшими манифестами 1855 и 1856 годов облегчена участь всех уроженцев Царства Польского, сосланных в Сибирь за политические преступления. Огромное большинство их вследствие высочайших сих милостей воспользовалось правом возвратиться на свою родину. Остались только немногие в Сибири, и из них некоторые не потому, чтобы они были виновнее других, или чтобы поведение их в Сибири воспрепятство-

22 *Szostakowicz B.S.* Uczestnicy tajnych organizacji i ruchu rewolucyjnego okresu Wiosny Ludów na katordze i zesłaniu w Syberii Wschodniej (na podstawie materiałów Archiwum Państwowego Okręgu Irkuckiego) // Wiosna Ludów. S. 118, 119.

вало применить к ним высочайшую милость, изложенную в манифестах 1855 и 1856, а потому только, что недавнее пребывание их в Сибири не дало им права возвращения на родину. Из этих немногих остающихся в Сибири я долгом считаю обратить внимание Вашего сиятельства в особенности на Генриха Краевского. Генрих Северьянов Краевский, уроженец Люблинской губернии, происхождением из дворян, с 1850 по 1854 год содержался в Александровской цитадели под судом. В 1854 г. по приговору Полевого аудиториата и конфирмации наместника Царства Польского, за участие в тайном обществе с целью восстановления независимости Польши, сослан в сибирские рудники на 8 лет. Теперь он находится на поселении в Успенской волости Нерчинского округа. Краевский по своему примерному, безукоризненному поведению в Сибири вполне достоин милости правительства, тем более что многие из соучастников по одному с ним делу уже пользуются прежними правами состояния и возвращены на родину, и что долгое крепостное содержание Краевского по справедливости должно б было быть вменено ему в обстоятельство, облегчающее то наказание, на которое он первоначально осужден.

Вследствие изложенных выше обстоятельств убедительно прошу Ваше сиятельство, при могущем предоставиться случае, исходатайствовать у его императорского величества для Генриха Краевского возвращение на родину и права его прежнего состояния.

Примите, князь, уверение совершеннейшего моего к Вам почтения и таковой же преданности, [a] с коими имею честь быть Вашего сиятельства покорнейший слуга Г[раф] Николай Муравьев-Амурский [a]»[[a–a] *приписано собственноручно*][23].

Когда в III отделение с. е. и. в. канцелярии поступило это ходатайство, то немедленно были подняты соответствующие бумаги и составлена краткая справка о Краевском (датирована 16 июня 1859 г.): «Генрих Краевский, бывший адъюнкт Варшавского губернского правления, как оказавшийся более виновным по делу о тайном обществе, открытом в 1848 г. в Варшаве, сослан в 1854 г. в каторжную работу на восемь лет и освобожден от оной на основании манифеста 26 августа 1856 г. Из лиц, сосланных вместе с ним, получили, согласно мнению наместника, «в виде особой монаршей милости дозволение вернуться на родину с дарованием прежних прав по происхождению». Далее назывались имена трех бывших членов «Организации 1848 года», получивших «монаршие милости» еще в 1856 г. Справка заканчивалась «Соображением»: «3 Отделение полагало бы ходатайство генерал-губернатора Восточной Сибири о Краевском сообщить предварительно на усмотрение наместнику Царства Польского»[24].

23 ГАРФ. Ф. 109, 1 экспедиция, 1850 г. Д. 62. Л. 433–434.

24 Там же. Л. 435 об.

17 июня 1859 г. в адрес наместника М.Д. Горчакова было отправлено письмо-отношение с просьбой сообщить его мнение, к письму прилагалось ходатайство Восточносибирского генерал-губернатора[25]. 21 июля / 2 августа 1859 г. (в Царстве Польском пользовались двойным календарем) Горчаков сообщал свое мнение относительно возвращения Краевского на родину: «По уважению особого ходатайства графа Муравьева-Амурского и засвидетельствования его о примерном поведении Краевского, а равно, что он, до ссылки в Сибирь, состоя под следствием и судом, находился четыре года под арестом, я полагаю, что ему можно бы дозволить, в виде особой монаршей милости, возвратиться в Царство Польское, с предоставлением прав, дарованных помилованным политическим преступникам, на основании высочайшего указа 17 (29) апреля 1857 года»[26]. Таким образом, со всеми ведомствами вопрос о Краевском был согласован, требовалось только заключительное согласие Александра II. Вскоре оно последовало, и 31 июля 1859 г. из III отделения наместнику Царства Польского было послано письмо: «Государь император всемилостивейшее соизволил разрешить Краевскому возвращение на родину, согласно Вашему, милостивый государь, мнению». Аналогичные уведомления были направлены министру внутренних дел и генерал-губернатору Восточной Сибири: они ставились в известность, что Краевскому разрешено «возвращение на родину с предоставлением ему прав, дарованных политическим преступникам на основании указа 17 апреля 1857 г.»[27].

Далеко не все поляки, обращавшиеся с прошениями о помиловании и разрешении возвратиться на прежнее место жительства, получали его. В положительном решении судьбы Краевского, несомненно, важным обстоятельством явилось то, что за него хлопотали лица, с мнением которых власти должны были считаться. Так, в уведомлении, направленном III отделением Муравьеву-Амурскому, подчеркивалось, что, «принимая во внимание его ходатайство об облегчении участи польского ссыльного и свидетельство о его примерном поведении», Краевскому было разрешено вернуться на родину[28].

То, что ходатаем за Краевского оказался высокопоставленный чиновник-поляк, с одной стороны, можно рассматривать как счастливую случайность, но с другой стороны – как некую вполне вероятную предопределенность, которую можно объяснить в значительной степени оказавшимся парадоксальным результатом политики российских властей в области просвещения. Считая целесообразным дать полякам «русское»

25 Там же. Л. 436.

26 Там же. Л. 441.

27 Там же. Л. 442–442 об. В статье Б.С. Шостаковича ошибочно указан 1858 г. (см.: *Szostakowicz B.S.* Op. cit. S. 119).

28 *Szostakowicz B.S.* Op. cit. S. 119.

воспитание с целью сделать их лояльными подданными, имперские власти не достигли желаемых результатов. Образованные выходцы из Королевства Польского, оказавшиеся в российской провинции (одни по своей воле, другие по приговору царских судов), в частности в Сибири, легко устанавливали контакты с местной образованной средой, в том числе и с представителями администрации. Они сыграли важную просветительскую роль в качестве учителей, врачей, мелких чиновников, торговцев, промышленников и т. д. Некоторые из них внесли значительный вклад в развитие российской науки. При этом, возвратившись на родину, бывшие ссыльные нередко снова включались в патриотическое движение.

По последовавшей в 1856 г. амнистии многим из сосланных в Сибирь поляков было разрешено вернуться на прежнее место жительства, однако Краевский получил лишь дозволение на поселение с местопребыванием в г. Кяхте. Это не был совсем глухой провинциальный уголок. Город Троицкосавск и находившаяся недалеко от него слобода Кяхта, впоследствии слившаяся с ним, был важным торговым пунктом, через который осуществлялась торговля с Китаем. Через здешних купцов в Россию и дальше в Европу шел в первую очередь китайский чай (называвшийся «кяхтинским»). С начала XIX в. в городе открывались учебные заведения: в 1811 г. приходское уездное училище, в следующем году – 1-е высшее начальное училище. В 1820 г. была создана школа для обучения «кузнечному, чеботарному, каменному ремеслу» (на пожертвования бургомистра, купцов и мещан города). Затем открылось Троицкосавское приходское Успенское училище (1829 г.). В 1833 г. начала работать русско-монгольская школа, которая готовила командный состав бурятских казачьих полков. Получившие в школе образование служили также писарями, урядниками, переводчиками, учителями начальных училищ. В 1835 г. при кяхтинской таможне было открыто 4-годичное училище китайского языка. Кроме китайского языка в нем преподавали: юриспруденцию, вексельные уставы, торговое право, бухгалтерский учет. В 1861 г. была основана Покровская церковно-приходская школа (на средства купца первой гильдии). В следующем 1862 г. открылась Троицкосавская женская гимназия имени графа Н Н. Муравьева-Амурского.

Кяхта и Троицкосавск, где Краевскому довелось отбывать заключительный период ссылки, были заметными торговыми и культурными центрами Сибири. В сибирскую ссылку к Краевскому приехала Анна Домашевская, и в Чите в мае 1859 г. они обвенчались[29]. Краевский да-

29 Ibidem. Шостакович ссылается на архивный документ, информирующий об этом факте. Местом венчания С. Кеневич указывает Иркутск, а дату события – 1858 г. К. Поль пишет, что это произошло в Иркутске, в католической часовне.

вал уроки французского языка, а Анна – музыки[30]. К. Поль отмечает, что в Сибири Краевский продолжал и юридическую практику. Так, по поручению Деспота-Зеновича он написал устав проектировавшегося в Троицкосавске банка и школьного управления. Также он занимался изучением иностранных языков: русского, немецкого и английского[31].

Местное общество не было совершенно изолировано от европейской части России и не ограничивалось лишь торгово-купеческими интересами. В заметке, опубликованной в газете «Восточное обозрение», отмечалось, что в Кяхте градоначальник Деспот-Зенович устраивал литературные вечера. На этих вечерах, «развившихся особенно в начале 60-х годов», их участники читали «Колокол», обсуждали статьи «Современника», знакомились с произведениями русских писателей и т. п. «Ну, если бы узнали в Петербурге о наших чтениях, – смеялся Деспот-Зенович, – досталось бы нам». Эти чтения имели большое значение для Кяхты и выработали у кяхтинцев вкус и привычку к книге, благодаря чему почти у каждого кяхтинского купца имелась прекрасная библиотека. Один из купцов был постоянным подписчиком «Полярной Звезды» и «Колокола» и поклонником Герцена[32]. Нельзя исключать, судя по отношению к Краевскому Деспота-Зеновича, что и он мог бы присутствовать на этих вечерах у градоначальника.

В статьях и Кеневича, а вслед за ним и Поля, и Галензовского отмечается, что право на возвращение в Королевство Польское Краевский получил в 1860 г. Но в действительности в 1860 г. он вернулся в Варшаву, а «право» получил в 1859 г. Ссылаясь на А. Краусхара, Поль замечает, что Краевские не сразу могли отправиться в обратный путь – для этого потребовалось собрать определенную сумму. Однако в материалах III отделения сохранился присланный из Троицкосавска документ, свидетельствующий о выдаче Краевскому подорожных (датированный 30 декабря 1859 г.), причем в нем он назывался уже не «политическим преступником», как раньше, а «уроженцем Царства Польского, кандидатом прав императорского Московского университета»[33]. Финансовое обеспечение проезда с места ссылки в Царство Польское было в Российской империи установившимся правилом. Примером может служить сохранившийся детальный расчет проезда на лошадях одного из сосланных поляков из Костромы, через Москву, в Царство Польское, в итоге составивший 128 р. 58 к. На полях документа имеется помета:

30 К. Поль ссылается на: *Kraushar A*. Palestra warszawska. Warszawa, 1919.

31 Эти же данные приводятся и у Кеневича.

32 Восточное обозрение. № 141. 27 июня 1901 г. // Интернет-ресурс: http://sibirica.su/sunduk/stranichka-iz-istorii-kyachti/stranitsa-3

33 ГА РФ. Ф. 109, 1 экспедиция, 1850 г. Д. 62. Л. 448.

«Государь император повелел отпустить из государственного казначейства сто двадцать восемь руб. 58 коп. серебром»[34].

Вернувшись в Царство Польское, Краевский начал работать юрисконсультом в канцелярии ординации Замойских и в Земском кредитном товариществе. Таким образом, он вернулся к своей основной профессии. Но общая ситуация в Королевстве Польском была такова, что оставаться в стороне от набиравшего силу общественного движения оказалось невозможным. После поражения России в Крымской войне и смерти Николая I в империи началась либерализация внутренней политики. Амнистия в отношении осужденных по политическим делам, в том числе и поляков, ставшая одним из первых действий нового императора Александра II, привела к тому, что в Королевство возвратились многие ссыльные. Хотя амнистия распространялась и на польских эмигрантов, однако те ею практически не воспользовались.

Смягчение режима, ожидание либеральных реформ усиливало общественную активность самых различных слоев населения, особенно городских. В Варшаве Краевский пользовался общим признанием и авторитетом, особенно среди группы бывших ссыльных – «сибиряков». Он вошел в состав Городской делегации, которая намеревалась добиться больших свобод для поляков в Королевстве Польском. В ней он выполнял функции секретаря, действуя очень энергично. Принимал участие в работе комиссии, готовившей проект муниципального (городского) устава. Осенью 1861 г. он был избран в Городской совет[35]. Краевский вместе с другими членами Городского совета, подозреваемыми в антиправительственной деятельности, был арестован и в феврале 1862 г. сослан в Тамбов. Благодаря усилиям известного адвоката В.Д. Спасовича и русских друзей несколько месяцев спустя он был освобожден и, по возвращении в Варшаву, продолжил работу в Городском совете. По своим взглядам он примыкал к «милленерам», полагавшим, что восстание за независимую Польшу должно быть отложено на неопределенное время, когда для этого сложится благоприятная ситуация. И может быть, до него пройдет тысяча лет – иронизировали их политические оппоненты, давшие насмешливое название этому идейному течению (от французского «millénaire» – тысячелетний).

Во время восстания 1863 г. Краевский дважды входил в состав повстанческого правительства: был сотрудником, а затем руководителем заграничного отдела в правительстве К. Маевского, также возглавлял работу отдела и позднее – в правительстве Р. Траугутта. Он писал и редактировал документы Национального комитета, в частности, обращения к народам Европы.

34 Там же. Л. 481.

35 Подробнее см.: *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 108.

В апреле 1864 г. он был арестован. Краевский отрицал свою принадлежность к повстанцам, и хотя военный суд признал его вину недоказанной, в июле 1865 г. он был сослан в Керенск (ныне Вадинск)[36] Пензенской губернии, где провел три года[37]. Этот город по древности основания походил на Грубешов. Упоминание о сторожевом пункте, где возник Керенский острог, относится к временам Ивана Грозного: он стоял на горе, вблизи которой в реку Вад впадают Керенка и Ченгар. По указу Екатерины II в 1780 г. Керенск получил статус уездного города Пензенского наместничества. Он был одним из крупных городов Пензенского края. Основное население его составляли однодворцы, занимавшиеся сельским хозяйством, распространены были плотничий, портняжный, сапожный и кирпичный промыслы, город славился торговлей и ремеслами.

Отбыв очередную ссылку и вернувшись в 1869 г. в Варшаву, Краевский совершенно отошел от прежней патриотической конспиративной деятельности, и в будущем никогда не упоминал о ней. Он полностью посвятил себя основной профессии. Сначала он снова стал юридическим советником в ординации Замойских, а позднее занял и еще целый ряд должностей, будучи признан авторитетным юристом. В своей адвокатской практике он снискал себе широкую известность как выдающийся своим красноречием защитник. Его деятельность как адвоката была его общественным служением. Вместе со Спасовичем Краевский выступал на начавшемся в ноябре 1887 г. процессе по делу польской социалистической революционной партии «Пролетариат» («Великий пролетариат»).

После кончины Краевского 19 июня 1897 г. в некрологе адвокат Адольф Сулиговский написал: «Мы можем почитать за счастье, что среди нас был человек столь высоких нравственных качеств. <…> Идеал всеобщего блага, идеал служения обществу с молодых лет воспламенился в его душе и никогда не угасал <…>. Он станет легендой для будущих поколений». В частности, он отмечал, что Краевский все делал для других, ничего не требуя для себя[38]. Художественным свидетельством общественного признания, какого был удостоен Краевский, можно считать его портрет, написанный выдающимся польским художником Яном Матейко (1892 г.). Краевский изображен на нем в уже довольно преклонном возрасте: это красивый благородный старик, спокойно сидящий в кресле. Судя по внешнему виду книги, которую держит он в левой руке, возможно, это

36 Керенск был переименован в Вадинск в 1940 г. из-за созвучия с фамилией председателя Временного правительства (1917 г.) А.Ф. Керенского, предки которого происходили из Пензенской губернии – дед его в 1830 г. служил священником в с. Керенки.

37 *Pol K.* Op. cit.

38 Цит. по: Ibid.

молитвослов, или карманного формата библия. Книга старая, в сильно потертом темно-красном бархатном переплете, много раз читанная, довольно толстая, с крючками-замочками. Такая деталь выбрана не случайно, она подчеркивает добродетель, нравственность и религиозность Краевского. Согласно завещанию Краевского, все оставшиеся после него бумаги, письма, заметки и документы надлежало сжечь, а портрет кисти Матейко передать в какую-нибудь художественную галерею с условием, что картина будет называться «портрет неизвестного мужчины».

И.В. Чуркина
(Москва)

Славянофилы и М.П. Погодин о поляках (40–60-е гг. XIX в.)

Походы русских войск за Дунай и на Балканы в ходе русско-турецких войн второй половины XVIII в., войны России с Наполеоном Бонапартом, поездки русских эмиссаров (ученых и чиновников) по славянским землям в 20–30-е гг. XIX в. познакомили образованные круги русского общества с деятелями славянского Возрождения, с их идеями развития национальных культур, с планами освобождения от чужеземного ига.

Все это способствовало распространению среди русской интеллигенции сочувствия к славянам, к их стремлениям развивать собственную культуру и бороться за свои права. Но перед русской интеллигенцией, сочувствующей славянам, вставала дилемма – Россия сама владела польскими землями, т. е. родственного русским славянского народа. Поэтому перед русскими сторонниками славянской идеи вставала нелегкая задача как-то объяснить это положение, показать свои симпатии к полякам, оставаясь в то же время верными подданными русского царя.

Наиболее полно определил свое отношение к польскому вопросу русский историк Михаил Петрович Погодин (1800–1875). Его взгляды на польский вопрос представляют большой интерес, потому что в первой половине XIX в. он являлся главным русским идеологом и пропагандистом необходимости помощи со стороны России славянам, тесных связей русского народа с зарубежными славянами. И, конечно, он не мог обойти стороной польский вопрос.

В статье «О русской политике на будущее время» Погодин писал, что в 1813–1814 гг. Россия спасла Европу, а взамен получила две болезни – Польшу и Священный Союз. Последний показал свою несостоятельность во время Крымской войны[1]. Что касается поляков, то Погодин считал, что с ними необходимо примириться. Еще в 1839 г. Погодин выдвинул план, как сделать это. В письме к министру народного просвещения С.С. Уварову он

1 *Погодин М.П.* Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853–1856. М., 1874. С. 233.

утверждал, что с поляками можно прекрасно ужиться, если покровительствовать их языку, литературе, истории. Погодин развернул в письме целую программу поддержки польской культуры со стороны русского правительства. Надо в Царстве Польском наряду с русским языком изучать польский, ибо, добавлял Погодин, язык уничтожить невозможно, поскольку «язык есть такой же природный, неотъемлемый орган, как и прочие, только драгоценнейший для человека, потому что тесно связан с его разумною душой». Русский язык и так станет литературным языком всех славян. Но для того, чтобы поляки изучали русский язык, нужно помочь филологу С.Б. Линде, который трудится над созданием сравнительного польско-русского словаря. Он должен иметь возможность нанять помощников, а для этого нужны деньги. Погодин предлагал написать новую историю Польши и не слишком густо покрывать ее русским цветом. А пока можно пользоваться историей, написанной Е.С. Бандтке или И. Лелевелем. Польским ученикам следовало бы преподавать вместе с польскою и русскою историями и историю других славянских народов. Погодин призывал оказывать покровительство польским литературным деятелям А. Кухарскому, И. Мацеевскому, Крыжановскому и другим – их труды должны быть изданы, а авторы – получить вознаграждение. При гимназиях, продолжал Погодин, нужно организовать курсы с преподаванием древних языков, славянских языков, медицины, естественных наук, русского права, римского права. Эти курсы пока могли бы заменить полякам университет. Выдвигая план поддержки польской культуры, Погодин добавлял, что покровительство просвещению в Польше должно вестись «в пределах благоразумия и осторожности, без ущерба русскому началу». Это может оказать, по мнению Погодина, «благодетельное влияние на славянские племена, которые смотрят на Польшу как на образец русского управления»[2].

С началом Крымской войны Погодин не утратил веры в то, что с поляками России возможно примириться, несмотря на то, что на турецкой стороне против нее воевали отряды польских добровольцев, бывших участников революции 1848–1849 гг. В 1854 г. Погодин написал послание к полякам. «За прошедшее виноваты поляки и русские, – писал он. И продолжал: – Поляки надеются на Францию и преданно ей служат 70 лет. Но они от нее ничего не получили. Все французские правители жертвовали поляками. Турки же принимают услуги поляков только после принятия ими мусульманства. Вы идете на смерть для вероломных покровителей и в пользу государства, искони вам враждебного, варварского, мертвенного, против единоплеменников, поднявших оружие за всех славян, и идете без малейшей положительной надежды для себя, изменяя вере, истории,

2 *Погодин М.П.* Письмо к министру народного просвещения по возвращении из Европы в 1839 году // Историко-политические письма… С. 29–34.

крови». И Погодин приходил к выводу: «Запад ныне, как и прежде, приносит Польшу в жертву своим выгодам. Неужели благороднее служить туркам против России, чем идти с русскими за славян?» Все поляков оставили и предали, ни от кого поляки ничего получить не могут, а от России они получат много, может быть все. Погодин был убежден, что в данное время полезнее восстановление независимой Польши. «Да здравствует Польша! Да здравствует Россия! Да здравствуют все славяне!»[3]

Приблизительно в то же время Погодин написал записку, предназначенную для русского правительства. В ней он снова поднимал вопрос: как поляков сделать друзьями? Погодин понимал, что одними культурными мероприятиями, как он предлагал Уварову в 1839 г., уже не обойтись. «Объявите независимость Польши, – предлагал он, – и вострепещут Австрия, Пруссия и вся Германия, хотя они теперь ратуют в пользу ее, пока она связана с Россией, и кричат против властолюбия России». Погодин подчеркивал, что независимость Польши приветствовали бы и славяне. Вместе с тем Погодин утверждал, что история Польши доказывает, что она не может существовать самостоятельно. Но в сердце поляков, с грустью отмечал он, «преобладает чувство независимости, отдельности, самобытности, которое сохраняет свою живость и свежесть, несмотря ни на какие болезни, ни несчастья, готово на всякие жертвы, труды и мучения». Это дает право полякам на уважение всякого беспристрастного человека. «Свободу дадим мы полякам, – продолжал Погодин, – за их к нам слепую ненависть: наслаждайся они ею, как хотят, до тех пор, пока не пожелают сами теснейшего союза с нами». Однако, указывал он, Польша должна быть восстановлена в пределах польского языка: «Где говорят по-польски, там и Польша». В этом вопросе Погодин выступал против политики Александра I, якобы соглашавшегося отдать восстановленной Польше Литву, Волынь, Подолию, Белоруссию, хотя последние области не являются польскими по живущему там населению. О дальнейшей судьбе Польши Погодин рассуждал следующим образом: Польша может существовать как особая единица в пределах славянского союза под покровительством России. Он был убежден, что единственная надежда поляков – Россия и остальные славянские народы. Польша не может рассчитывать на англичан и французов, которые рассматривают ее в качестве зажигательной ракеты для России. А дружбу австрийцев и пруссаков поляки сами хорошо знают[4].

Хотя Погодин писал о необходимости сделать определенные уступки полякам, он высказывал и претензии по отношению к ним. Еще в письме

3 *Погодин М.П.* Послание к полякам // Историко-политические письма… С. 134–140.

4 *Погодин М.П.* О Польше // Историко-политические письма… С. 126–132.

к С.С. Уварову в 1839 г. он отмечал особо тяжелое положение на польских землях живущего там непольского населения. Особенно он был озабочен судьбой населения Западной Руси, которое Погодин называл русинами, подчеркивая, что те стонут под гнетом поляков, немцев, евреев. В своем втором письме к Уварову от 1842 г. он снова повторял, что русины в Галиции совершенно беззащитны в отношении польских помещиков. Здесь Погодин указывал, что Пруссия, Англия, Франция думают использовать Польшу против России[5].

Что касается славянофилов, то для них вплоть до польского восстания 1863 г. поляки, как и другие славяне, не представляли особого интереса. Об этом прямо высказывался И.С. Аксаков, отвечая на вопросы, предложенные ему III Отделением в 1849 г.: «В их [славянофилов. – *И.Ч.*] отношениях к западным славянам было только одно сердечное участие к положению единокровных и единоверных своих братии»[6]. Для славянофилов главным вопросом, который требовалось решить России, была крестьянская реформа и другие либеральные преобразования. И накануне польского восстания И.С. Аксаков оставался на прежних позициях. Он писал 5 февраля 1862 г. графине А.Д. Блудовой о программе своей газеты «День»: «Пока будет существовать “День”, он будет посвящен преимущественно русским нашим внутренним вопросам, перед которыми славянские имеют интерес уже второстепенный»[7].

Но все же иногда славянофилы писали о поляках. В единственном номере газеты «Парус», издававшейся И.С. Аксаковым, была опубликована статья «Письма из Польши». В ней говорилось о стремлении содействовать «святому делу братского сближения и духовного общения русских со всеми их единоплеменниками». Но чтобы снискать доверенность зарубежных славян, «Россия должна внутри себя самой дать доказательство справедливости своей племенным собратьям, и дозволить им свободное развитие народности». В завершение статьи утверждалось, что речь в ней идет о поляках и малорусах[8]. Вероятно, она была написана И.С. Аксаковым и предполагала продолжение. Но следующий номер «Паруса» так и не вышел в свет. В начале 1861 г. И.С. Аксаков четко сформулировал свое отношение к польскому вопросу: «Поляки имеют безусловное, несомнен-

5 *Погодин М.П.* Сочинения. М., 1872. Т. 3. С. 53, 56, 57, 64.

6 *Аксаков К.С. и Аксаков И.С.* Избранные труды / К.С. Аксаков, И.С. Аксаков; [сост., авторы вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянц, А.В. Мырикова, Е.Б. Фурсова]. (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века). М.: Изд-во «Политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2010. С. 333.

7 *Цимбаев Н.И.* И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 72.

8 Парус. 1859. № 1. С. 9.

ное право стремиться к свободе и независимости, не только духовной, но и политической всей польской народности, и лишены, напротив, всякого нравственного права требовать восстановления прежних пределов не народности польской, а Польского Королевства»[9].

В личной переписке И.С. Аксаков был откровеннее. «Я не люблю поляков, – писал он графине А.Д. Блудовой 10 ноября 1861 г., – и выругал их за их притязания на Киев. Но не могу бранить их за их притязания на Варшаву, Познань, Краков»[10]. Но все же эти высказывания славянофилов о поляках носили отрывочный, единичный характер.

Польское восстание, начавшееся в ночь с 22 на 23 января 1863 г., заставило русские правящие круги и русское общество обратить серьезное внимание на польский вопрос. Славянофилы сначала даже выражали к повстанцам определенную симпатию. О польском восстании графиня А.Д. Блудова написала И.С. Аксакову сразу и, очевидно, достаточно резко. На ее письмо он ответил 30 января 1863 г. «Для меня несравненно отвратительнее и омерзительнее всех неистовств польских, – писал Аксаков, – действия самого русского правительства. <…> Правительство есть истинный душегуб Русской земли <…>. Не обвиняйте общество в недостатке патриотизма. Не надо ему этого дешевого вашего патриотизма <…>. Общество понимает, что враг России не в Польше, а в Петербурге, что злодей его – само правительство»[11].

Однако с течением времени, чем дольше длилось восстание, тем больше вопросов к его программе возникало у славянофилов и их сторонников. При этом они старались сохранить объективность. Русский славист А.Ф. Гильфердинг, близкий к славянофилам, в большой статье «За что борются русские с поляками», помещенной в аксаковском «Дне» в апреле, выразил свое отношение к польскому восстанию. Указав, что, по словам поляков, они сражаются за свою народность и независимость, он отметил: «История, может быть, осудит их дело, но самопожертвование поляков останется в ней славною, хотя печальною страницей. И не мы, русские, станем умалять или чернить клеветою те чувства патриотизма, которые <…> заставляют польских матерей высылать на верную смерть сыновей своих, заставляют образованных юношей из школ Кракова и Познани спешить на поле битвы, нестройные толпы шляхты выходить с плохим оружием на русские штыки и штуцера». Но, отдав дань уважения польским повстанцам, Гильфердинг приходил к грустным выводам. Он утверждал, что борьба русских с поляками происходит в результате привития славянской Польши к чуждому западному миру. Именно поэтому

9 *Аксаков К.С. и Аксаков И.С.* Указ. соч. С. 97.

10 Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. СПб., 1896. Т. 4.

11 Российский государственный архив древних актов. Ф. 1274. Д. 1802. Л. 12 об.–13.

поляки выступали в последние годы против славян вообще, помогая ее врагам: в 1848 г. они боролись на стороне венгров против австрийских славян, в 1854 г. – на стороне турок против славянской райи. Признавая отвагу польских повстанцев, Гильфердинг вместе с тем указывал, что сами поляки не признают за другими народами прав, которые требуют для себя. Поляки сражаются за свою свободу, но их борьба радует Запад и отодвигает освобождение славян на Востоке. Они сражаются за народность, но отрицают права русских в западных губерниях. Они провозглашают себя демократами, но желают отдать белоруса, малоруса, литвина под власть польских аристократов. Под русское знамя, заключал Гильфердинг, «история поставила самобытность славянского племени, свободную будущность общественного и духовного развития славянства. <…> Русская земля, коль скоро она, и именно она одна (в чем сомнения нет) представляет возможность такого самобытного органического развития славянского, не может не одолевать сил, вооружающихся против этого развития»[12].

И.С. Аксаков обращал особое внимание на отношение к польскому вопросу в Европе. В статье «Из Парижа» он указывал на негативное отношение французской прессы к России из-за событий в Польше. «Прежде нас ненавидели и боялись. Теперь ненавидят и презирают». И.С. Аксакова возмущало то, что Европа продолжает считать Украину и Белоруссию польской землею. В статье «В чем сила России» (20 апреля 1863 г.) И.С. Аксаков снова упрекал Францию в лице ее императора Наполеона III в том, что она ведет азартную игру в вопросе о Польше. Французы и англичане считают, что Россия бессильна и что они смогут одержать над нею легкую победу. «Европа должна будет убедиться, – писал И.С. Аксаков, – что имеет дело не с государством только, но со всем русским народом, и что польский вопрос не правительственный, а всей русской земли, что, наконец, не латинским и немецким стихиям разрешить этот вопрос и усмирить Польшу». Аксаков подчеркивал, что польский вопрос может быть решен только самими русскими и поляками[13].

Как же предлагал разрешить польский вопрос И.С. Аксаков? В статье «О том же», опубликованной 4 мая 1863 г. в «Дне», он представил свой план. Прежде всего, по его мнению, надо узнать у самих поляков, на каких условиях возможно их умиротворение. И спросить об этом нужно не только шляхту, но и крестьян. В Польше равенство существовало только для шляхты, у крестьян же не было никаких прав. Крестьянство только начинает жить в настоящее время и «явится и в политическом отношении самым здоровым и полновесным элементом в будущем развитии поль-

12 День. 1863. 15.IV. № 15.

13 *Аксаков К.С. и Аксаков И.С.* Указ. соч. С. 495, 498–502.

ской нации». Аксаков предлагал: «Для блага самой Польши, для полноты и цельности ее развития, нужно желать, чтобы там образовалось крепкое и независимое крестьянство, и чтобы оно наравне со шляхтой получило участие в земском представительстве». Эту задачу Россия должна решить сама, без вмешательства Европы. Говоря о будущем Польши, Аксаков не соглашался с теми представителями русского общества, которые считали, что Польша обязательно должна входить в состав Российской империи. Аксаков полагал, что в данный момент это невозможно, ибо Польша давно примкнула к романо-германскому миру. Польша считает себя передовой дружиной Запада, Россия же принадлежит к славянскому миру. Объединение станет возможным, если Польша возвратится к славянским началам, а Россия станет вполне Русью. Пока же ее можно присоединить к России, дав ей отдельное устройство, как Финляндии.

Еще более четко объяснил свою позицию по польскому вопросу Аксаков в статье «По поводу нот князя Горчакова», помещенной в июльском номере «Дня». В своих нотах российский министр иностранных дел А.М. Горчаков предупреждал Австрию, Англию и Францию об опасности польских волнений для Европы. Аксаков приветствовал ответ Горчакова на посланную незадолго до этого ноту указанных держав России в связи с польским восстанием 1863 г. «Мы вовсе относимся не иронически к действительному героизму, проявляемому поляками в этой безумной, отчаянно дерзкой борьбе за независимость Польши против государства в десять раз сильнейшего», – писал И.С. Аксаков. Вместе с тем он отмечал, что поляки не понимают, что вмешательство Запада только разжигает злобу двух братских народов и сначала доставит некоторые выгоды полякам, а затем оторвет их от славянства и отдаст их во власть германизму. И.С. Аксаков утверждал, что если бы не было России, славяне не имели бы будущего в истории. Он снова повторял, что Литва, Белая и Малая Русь никогда не являлись польской территорией. Вместо того чтобы претендовать на них, полякам следовало бы обратить внимание на исконно польские территории, находящиеся в Пруссии и Австрии, а именно Галицию, Познань. В качестве неотложных мер для усмирения Польши Аксаков предлагал подавить мятеж, устранить вмешательство в польские дела европейских держав, обеспечить «значение и участие в общей жизни народного организма – простого народа, крестьянства», узнать мнение самой Польши – чего она хочет. Если поляки не пойдут на эти условия, предлагал Аксаков, «стоило бы предоставить Польшу своей судьбе, наказать ее свободой». Аксаков так и писал: наказать Польшу свободой. Он был уверен, что без поддержки России Польша попадет под власть германизма и перестанет существовать как славянское государство. Это повредит всем славянам, так как усилит германизм. И все же Аксаков считал, что в данное время России не нужно объединяться с Польшей, поскольку

«все элементы беспорядка, которые существуют в России, находят свою опору и пищу в польском элементе»[14].

Таким образом, главный идеолог славянофилов И.С. Аксаков предлагал русскому правительству обратить внимание на польское крестьянство, уравняв его в правах со шляхтой. Именно опора на крестьян даст русским возможность умирить Польшу, ибо главной движущей силой восстания являлась шляхта. И этот совет был верным: именно крестьянский вопрос руководство повстанцев не сумело решить должным образом.

Во главе восстания стояло Временное национальное правительство, в котором верх взяли «белые», т. е. представители польских помещиков и буржуазии. Оно оказалось перед необходимостью определить свою позицию в крестьянском вопросе, который был в Польше одним из самых острых и от которого в решающей степени зависела судьба восстания. В 20–40-е гг. XIX в. в Польше происходило массовое обезземеливание крестьян за счет захвата их наделов помещиками. За это время площадь крестьянских земель уменьшилось на 22%, а число безземельных крестьян увеличилось с 30% до 40% от их общего количества. Исследователь крестьянского вопроса в Царстве Польском И.И. Костюшко пришел к выводу, что к началу 60-х гг. XIX в. значительная часть крестьян лишилась земли, другие же превратились в малоземельных[15]. При таком положении крестьянская реформа имела огромное значение для привлечения крестьян на сторону повстанцев. В первое время крестьяне надеялись, что Временное национальное правительство улучшит их положение. К весне 1863 г. восстание перекинулось на Литву, Белоруссию, Украину.

Временное национальное правительство объявило, что все крестьянские наделы являются собственностью их владельцев. За понесенные от этого убытки помещики получали вознаграждение от государства. В случае если безземельные крестьяне присоединялись к повстанцам, им было обещано наделение землей за счет государственного земельного фонда, к которому принадлежали и так наз. «имения врагов», т. е. русских чиновников и офицеров, получивших во владение земли в Польше. Латифундии польских помещиков полностью сохранялись за ними. Такая программа повстанческого правительства не могла удовлетворить большинство крестьян. В некоторых уездах, занятых повстанцами, развернулось крестьянское движение, направленное против польских помещиков, участвовавших в восстании. В случае гибели помещика по вине крестьян последние карались повстанческой жандармерией смертной казнью, а

14 *Аксаков К.С. и Аксаков И.С.* Указ. соч. С. 507–521.

15 *Костюшко И.И.* Крестьянская реформа 1864 года в Царстве Польском. М., 1962. С. 23–31.

восставшие села сжигались. Нередко повстанцы заставляли крестьян силой вступать в их ряды[16].

Русское правительство стремилось расколоть ряды восставших. Манифестом от 31 марта 1863 г. оно объявило амнистию всем, кто до 1 мая сложит оружие. Но главный путь к умиротворению Польши царское правительство видело в разрешении крестьянского вопроса. По предложению министра внутренних дел П.А. Валуева с начала февраля 1863 г. был объявлен указ о досрочной отмене крестьянских повинностей помещикам. Этот указ касался белорусских, украинских, литовских земель. 17 августа 1863 г. вышел указ о возвращении крестьянам тех земель, которые были у них отняты после инвентаризации, проведенной в 1846 г. Все это способствовало спаду повстанческого движения.

Начальник гражданского управления Царства Польского Н.А. Милютин был призван проводить реформы в Польше. Умеренный либерал, он работал в Редакционных комиссиях по проведению крестьянской реформы в России. В конце августа 1863 г. у Милютина произошел разговор с царем. Александр II просил Н.А. Милютина принять должность начальника гражданского управления в Польше для проведения там реформ. В беседе с Милютиным царь сказал: «Надо поднять народ, искать опоры в нем. <…> Между мной и польской аристократией все кончено». Милютин выразил мнение, что надо принимать немедленные меры, чтобы подавить польское восстание, иначе могут вмешаться иностранные государства. После второго разговора с царем 13 сентября 1863 г. Милютин отправился в Польшу. В качестве своих ближайших помощников он взял славянофилов князя В.А. Черкасского и Ю.Ф. Самарина, с которыми он вместе работал в Редакционных комиссиях[17]. То, что Милютин привлек Самарина и Черкасского, не было случайным: оба они во время обсуждения крестьянского вопроса в России отстаивали интересы крестьянства, выступали за сохранение крестьянской общины. Практически Милютин принял указание царя: отказ от поддержки польской аристократии, стремление найти опору в Польше в народе, т. е. в крестьянстве. Как можно видеть, эта позиция полностью соответствовала взглядам идеолога славянофилов И.С. Аксакова. В октябре 1863 г. Милютин со своими сотрудниками совершил поездку по территории Царства Польского, во время которой встречался с крестьянами, стремясь согласовать собственные планы с их чаяниями. 21 декабря 1863 г. Милютин предоставил свой план императору. В нем он указывал, что главные споры крестьян с помещиками – о сервитутах, принудительных переселениях, незаконно отнятых у крестьян землях. Милютин призывал обратить особое вни-

16 *Костюшко И.И.* Указ. соч. С. 60, 61.

17 Там же. С. 75–81.

мание на безземельных сельчан, которые «по крайней нищете и бездомству своему находятся издавна под сильнейшим влиянием помещиков и составляют самый опасный элемент сельского пролетариата». Царь одобрил план Милютина.

Указ об устройстве крестьян в Польше был подписан царем 19 февраля (2 марта) 1864 г. Все крестьянские участки с инвентарем, рабочим скотом, хозяйственными постройками становились полной собственностью крестьян. Они могли получить в собственность те участки, которыми они пользовались до инвентаризации 1846 г. Полностью сохранялись сервитуты, крестьяне освобождались от повинностей помещику, прекращались все иски о недоимках. Крестьяне в течение 3-х лет могли предъявить права на пустки, т. е. незанятые участки земли, и незаконно отнятые у них усадьбы. Пустки отдавались крестьянам, которые совсем не имели земли или имели ее менее 3 моргов. Безземельных крестьян наделяли за счет казенных и пустующих монастырских земель. Обычно безземельным отводились наделы от 1 до 3 моргов. Однако если земли требовали корчевания, то надел увеличивался до 6 моргов. Новые собственники соответственно освобождались от налогов на 3 года или 6 лет. К 1 октября 1869 г. получили землю более 200 тыс. польских крестьян[18].

Крестьянскую реформу в Царстве Польском приветствовал М.П. Погодин. «19 февраля 1864 года, – сказал он в речи на университетском обеде 12 января 1865 г., – подписан указ об освобождении крестьян из-под шляхетского несносного ига и наделении их землей. Этим указом мы платим полякам добром за зло, нам ими причиненное». Погодин подчеркивал, что в Польшу отправлены лучшие русские люди для исполнения указа[19]. И.С. Аксаков тоже выражал свое удовлетворение крестьянской реформой в Польше. «Россия призвала к новой жизни 3,5 млн. польских крестьян и придала через то новую силу польской народности», – писал он 28 марта 1864 г. в «Дне». Аксаков призывал не проявлять солидарности с Пруссией и Австрией в польском вопросе, ибо они хотят онемечить у себя польскую народность[20]. Позицию князя Черкасского в крестьянском вопросе в Польше Аксаков полностью одобрял. «Тяжелый подвиг взял на себя Ваш муж, – писал Аксаков княгине Е.А. Черкасской 4 октября 1865 г., – тем более тяжелый, что он больше всех нравственно заинтересован в успехе дела, и ближе всех принимает его к сердцу, как свое дело»[21]. Черкасский стоял на наиболее радикальных позициях в решении

18 *Костюшко И.И.* Указ. соч. С. 87, 91–95, 121–255.

19 *Погодин М.П.* Речь на университетском обеде // Сочинения. М., 1872. Т. 3. С. 247.

20 День. 1864. 28 марта.

21 Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ. Ф. 327 князей Черкасских. Кар. 4. Л. 34.

крестьянского вопроса в Польше. Вместе с тем не все славянофилы, занимавшиеся польской реформой, были столь же решительны. В том же письме к княгине Е.А. Черкасской Аксаков замечал, что виделся в Москве с деятелями крестьянской реформы в Польше Н.А. Милютиным, А.И. Кошелевым и другими и с грустью увидел их разногласия по данному вопросу. Так, А.И. Кошелев, который принял участие с лета 1864 г. в проведении реформы, писал в своих воспоминаниях: «Хотя права собственности польских помещиков и принесены в жертву цели лучшего устройства тамошнего крестьянства, однако такая мера, в виду прежних страшных притеснений его со стороны землевладельцев и недавних действий дворянства против правительства, даже не грешит против справедливости». Вместе с тем ему не нравился радикализм Черкасского и его сторонников, которые, по его мнению, «имели в виду доконать польских землевладельцев, т. е. шляхту и панов»[22].

Польский вопрос интересовал и Николая Николаевича Страхова, близкого по взглядам панслависту Н.Я. Данилевскому. Он выступал в качестве литературного критика, писал о Л.Н. Толстом, Ф.М. Достоевском. С последним Страхов был особенно близок, участвовал в журналах «Время», «Эпоха», издававшихся братьями Ф.М. Достоевским и М.М. Достоевским, сотрудничал он и в изданиях И.С. Аксакова. В 1863 г. в журнале «Время» он опубликовал статью «Роковой вопрос», посвященную русско-польским отношениям. Именно эта статья и послужила причиной закрытия журнала. В ней Страхов анализировал причины многовековых неприязненных отношений между поляками и русскими и приходил к выводу, что в их основе лежит борьба разных цивилизаций. Польша, несмотря на славянский характер, принадлежит к европейской цивилизации, русские – к славянской. Убежденность поляков, что они являются представителями европейской цивилизации, привела их к уверенности, что если «из всех славянских племен только они достигли высшей культуры, то по праву, по идее им должна принадлежать главная роль в славянском мире; они должны стоять во главе и руководить другими племенами»[23]. Сравнивая европейскую и славянскую цивилизации, Страхов констатировал, что западная цивилизация составляет «вершину человечества», а «наша нынешняя цивилизация <…> едва имеет историю». «Мы не можем похвалиться нашим развитием, – добавлял Страхов, – и не смеем ставить себя наряду с другими, более счастливыми племенами». Однако

22 *Кошелев А.И.* Записки. Берлин, 1884. С. 143, 147–149.

23 *Страхов Н.Н.* Роковой вопрос. – Цит. по: *Птицын А.Н.* Российско-польские противоречия как отражение «конфликта цивилизаций»: концепция Н.Н. Страхова // Российско-польский исторический альманах. Ставрополь; Волгоград, 2006. Вып. 1. С. 33, 34.

российскую цивилизацию Страхов рассматривал как цивилизацию будущего. Доказательство этому он видел в сохранении русским народом народного духа, который отталкивает «всякое влияние, мешающее его самобытному развитию», а также в создании русскими могущественного государства. В газете «День» Страхов еще более убежденно подчеркивал: «Наша культура, хотя менее развитая и определенная, носит в себе залоги такой крепости, такого глубокого и далекого развития, каких, может быть, не имеет никакая другая культура»[24]. Залогом примирения Польши и России Страхов считал отказ той и другой от идеи превосходства их цивилизаций[25].

После подавления восстания 1863–1864 гг. и проведения крестьянской реформы в Польше польский вопрос постепенно стал отходить на второй план в русском общественном мнении. К нему вновь возник интерес во время Этнографической выставки и Славянского съезда в 1867 г. в Москве. Зарубежные поляки были приглашены на эти мероприятия, но принял в них участие только один представитель поляков из Пруссии. Из славянских гостей особенно чехи стремились поднять вопрос о Польше перед русской общественностью. Ответ на это славянофилов был довольно резким. И.С. Аксаков 28 марта 1867 г. в своей газете «Москва» приветствовал Этнографическую выставку и Славянский съезд. Он указывал, что они составят эпоху в истории славянства: славянские деятели, приехавшие в Москву, обновят сознание своего славянского единства, укрепят свою духовную и нравственную связь с Россией. На русских, продолжал И.С. Аксаков, «Бог возложил высокий подвиг: послужить освобождению и возрождению порабощенных угнетенных братий. Нет у России ни стремлений к захватам, ни замыслов на политическое преобладание: она желает только свободы духа и жизни славянским племенам, остающимся верными славянскому братству». При этом поляки не входили в число этих «верных славянскому братству». Наоборот, указав на конституционную реформу в монархии Габсбургов и введение австро-венгерского дуализма как на критический момент в жизни австрийских славян, И.С. Аксаков подчеркивал, что с помощью мадьяр и поляков немцы думают онемечить оставшихся в Европе славян[26].

Погодин, который был главою всех, кто встречал славянских гостей в Москве, вел себя по отношению к полякам более дипломатично. Зная, что один из лидеров чехов, Ф.Л. Ригер, поднимет вопрос о поляках, он постарался его опередить. Год спустя он вспоминал об этом

24 *Страхов Н.Н.* Письмо к редактору «Дня». – Цит. по: *Птицын А.Н.* Российско-польские противоречия. С. 36.

25 *Страхов Н.Н.* Роковой вопрос. С. 35, 36.

26 *Аксаков И.С.* Славянский вопрос 1860–1886. М., 1886. Т. I. С. 148, 149.

в своей речи на обеде по поводу годовщины проведения Этнографической выставки. Погодин сказал, что он первым в своем выступлении призвал поляков к примирению, зная, что вся молодая Чехия за них. Ригер же выступил с подобным призывом после него. Но в этом своем выступлении Погодин отметил, что поляки не могут обижаться на русских, так как Россия не только не берет у них средства, но, наоборот, вкладывает в Царство Польское свои средства. Поляки, продолжал Погодин, получали от России (в 1815–1830 гг. – *И. Ч.*) гораздо бóльшую автономию, чем требуют для себя чехи, будучи в составе Австро-Венгрии. Но поляки не желали ее принимать, если им не отдадут исконные русские земли[27].

Что касается И.С. Аксакова, то и после Этнографической выставки и Славянского съезда в Москве он решительно выступал против польской шляхты, притеснявшей крестьян в западнорусских областях (так он называл литовские, белорусские и украинские земли). Он указывал на схожесть действий там поляков с действиями немцев в Прибалтике (Остзейском крае), перечисляя ряд объединяющих их моментов. Во-первых, немцы и поляки являются пришельцами в указанных краях. Во-вторых – они там господа, хотя и представляют значительное меньшинство. В-третьих, именно в их руках сосредоточены земля, социальные привилегии и средства давления на местных жителей. В-четвертых, поляки стремятся ополячить литовцев и русских, немцы – онемечить латышей и эстов. В-пятых, способы давления у немцев и поляков на местное население одинаковые: религия, школы, угрозы, насилия, соблазны житейских выгод. В-шестых, высшие власти в указанных областях, состоящие из немцев и поляков, заслоняют от русского правительства основную массу населения. И, наконец, в-седьмых, в угнетенном населении глубоко укоренилась ненависть к полякам и немцам и, добавлял Аксаков, вера в русского царя[28]. Любопытно, что в корреспонденциях из восточной Галиции тоже указывалось на общую ненависть крестьян как русских (русинов), так и мазуров (поляков) к панам и сочувствие к России. Даже мазуры, по словам корреспондента, ходят к русским священникам и говорят, что царь «дал нашим людям в Царстве Польском все, что их душа захотела»[29]. Таким образом, крестьянская реформа в Польше повысила авторитет русского правительства и царя не только у крестьян Царства Польского, но и у крестьян австрийской Галиции.

---

27 *Погодин М.П.* Годовщина славянского съезда в Москве // *Погодин М.П.* Сборник статей, писем, речей по поводу славянского вопроса. М., 1878. С. 69–73.

28 *Аксаков К.С. и Аксаков И.С.* Указ. соч. С. 108, 110.

29 Современная летопись Русского вестника. (Приложение Московских ведомостей). 1867. 15.01; 19.03.

Утверждение И.С. Аксакова, что в Польше для России опорой может служить только крестьянство, было воспринято следующим поколением славянофилов. В 1871 г. молодой славист А.С. Будилович, который в начале 70-х гг. исполнял обязанности секретаря С.-Петербургского славянского благотворительного общества, вернулся к польскому вопросу. Указав, что польская шляхта ввергла крестьян в бездну рабства, он сравнил реформы Милютина с деятельностью Богдана Хмельницкого – русский министр завершил освобождение крестьян, начатое казацким гетманом. В настоящее время, по мнению Будиловича, перед Польшей три пути: 1) обрусение; 2) онемечивание; 3) Сохранение своей национальности. Будилович считал нежелательным обрусение поляков, поскольку «посягательство России на польскую народность совершенно отчуждило бы от нее чехов, словаков, сербов, словенцев и болгар, ибо не естественно ли было бы тогда и им от соединения с русскими ожидать себе подобной участи». Онемечиванию Польши Россия должна препятствовать всеми силами, так как это против ее интересов. Остается третий путь – сохранение поляками своей национальности. Будилович утверждал, что это в интересах не только славянства, но и всего человечества. Но в данное время, считал Будилович, Россия должна пока властвовать (тяготеть) над Польшей, ибо «великий переворот, начатый реформами Милютина, еще не завершился» – шляхта еще окончательно не сломлена[30]. Как можно видеть, Будилович так же сочувствовал крестьянам, как Аксаков, однако независимость поляков отодвигал на неопределенное время.

Несколько месяцев в 1868 г. в Петербурге выходила газета «Русско-славянские отголоски», редактором и издателем которой был коллежский асессор В. Иванов. Вероятно, он же являлся и автором основных статей. Уже в первом номере редакция отказывалась от близости к московским славянофилам, считая их апологетами отжившего прошлого. Вместе с тем редакцию весьма привлекала идея панславизма. Газета горячо ее поддерживала. «Идея панславизма есть единственная идея, – писала газета в своем первом номере, – которая может проникнуть в самую глубину народной массы и оживить дух народа»[31]. Во втором номере «Русско-славянские отголоски» поместили статью, в которой объясняли свое понимание панславизма. В ней большое внимание было уделено полякам. «Проповедовать и развивать панславизм как учение о братском союзе славян, – указывалось в предисловии, – и в то же время не признавать польской народности, которая представляет собою самую значительную ветвь западного славянства, было бы ложью и изменой славянской идее. Поляки такие же славяне, как и русские, чехи, хорваты, словинцы, сербы, болгары и проч. <…> Примирение, лю-

30 Беседа. 1871. № 6. С. 149–163.

31 Русско-славянские отголоски. 1868. № 1 (11.V).

бовь и братский союз равноправия и терпимости – суть основные элементы панславизма; в нем нет места ни грубому насилию, ни народному эгоизму, следовательно, нет места ненависти». В прежнее время судьбами народов управляли церковь и аристократия, и славяне больше других испытали на себе нетерпимость церкви и гнет корыстной аристократии, которая, более или менее из-за корыстных побуждений, изменяла своему народу. Поэтому в панславизме нет места сословному преобладанию и сословным предрассудкам. Пока поляки будут стремиться к восстановлению государства, они не смогут примкнуть к панславизму. Они должны отказаться от насилия совести иноверцев, но сохранять неприкосновенность своей религии. Автор статьи предлагал полякам отделиться от Рима, ограничив власть папы «введением соборно-республиканского устройства в римско-католическую церковь в пределах славянщины»[32]. Таким образом, чтобы Польша смогла быть достойной панславистского будущего, она должна была отказаться от восстановления польского государства и реформировать у себя католическую церковь. В шестом номере газеты автор указывал на путь славянских народов для достижения панславизма. Переходной ступенью к нему автор считал создание союза или федерации славянских племен. В нем каждое племя удерживает свои автономии и исторические особенности, но вместе с тем все племена находят общие, связующие их интересы и начала. «Связью славян должна быть свобода и равноправность и общая обязанность оберегать эти драгоценные блага <…> Какое же из славянских племен возьмет окончательный верх и ассимилирует другие родственные племена – пусть будет делом свободного развития и бескровной борьбы идей и нравственных начал, усвоенных каждым племенем». Если Россия вступит на путь истинного панславизма, продолжал автор статьи, то будущее величие русского народа станет неоспоримой истиной. «Поляки занимают после России первенствующее место в славянском мире. Если Россия будет продолжать считать поляков завоеванным народом и объяснять права на них правом завоевания, как это выражено было в известных нотах князя Горчакова в 1863 г., то всякая проповедь панславизма делается ложью в устах русских людей». Россия совершила преступления против Польши: она участвовала в разделе польского государства и за одну треть ее территории отдала две трети «на съедение немцам». Для искупления этого греха перед славянством Россия должна возвратить Польше утраченные части. И снова автор статьи повторял, что панславизму в данный момент свойственна одна форма – «союз всех славянских автономий на началах равноправия и обоюдной защиты самостоятельности и независимости каждого племени и всех вместе и тех основных начал, которые могут быть общими для всех славян». Как только панславизм завоюет умы и сердца поляков, «Россия должна будет

32 Русско-славянские отголоски. 1868. № 2 (18.V).

помочь всеми зависящими от нее средствами, чтобы поляки получили свое самостоятельное бытие в общеславянской федерации». Автор статьи решительно выступил против насильственной русификации Польши. Вместе с тем он был убежден, что для Польши нет иного выхода кроме панславизма, а примирение поляков и русских – главный момент возрождения, развития и объединения славян, момент «водворения начал свободы, которой до сих пор лишены все славяне, не исключая и русских». Союз славян обеспечит их внешнюю и внутреннюю безопасность, и тогда у России не может быть другой заботы помимо развития нравственных и умственных сил народа. «Панславизм – единственный путь для политического и культурного перерождения России»[33]. Как можно видеть, план В. Иванова был создан человеком, слабо разбирающимся в событиях и предлагавшим смесь мероприятий демократических и явно консервативных, многие из которых польские революционеры никак не могли принять, так же, впрочем, как и российское правительство. Что касается плана Погодина, то он мог быть использован только до революции 1848 г., Крымской войны и польского восстания.

Таким образом, панслависты и славянофилы выдвинули несколько планов установления мирных отношений между русскими и поляками. Наиболее реальным из них оказался план И.С. Аксакова и славянофилов, которые справедливо считали, что погасить польское восстание можно только противопоставив польских крестьян шляхте, поскольку шляхта, борясь за национальную независимость Польши, недостаточно учитывала интересы сельского населения.

Русское правительство, и прежде всего царь Александр II, при урегулировании отношений поляков и России использовали план И.С. Аксакова и именно поэтому послали для его выполнения в Польшу славянофилов. Черкасский, Самарин, Кошелев провели его в жизнь, несмотря на сопротивление не только польской шляхты, но даже части русского правящего класса. Такие крупнейшие русские политики, как министр иностранных дел А.М. Горчаков и министр внутренних дел П.А. Валуев, были против радикальных крестьянских реформ в Польше. Влияние славянофилов на проведение крестьянской реформы в Польше отмечали и крупные российские чиновники. Министр народного просвещения А.В. Головнин писал начальнику III Отделения князю В.А. Долгорукову, что в польском вопросе и других, касающихся внутренних преобразований, «газета “День”, орган славянофильской партии, служила твердою опорою правительства»[34].

33 Русско-славянские отголоски. 1868. № 6 (15.VI).

34 *Цимбаев Н.И.* Указ. соч. С. 111.

К.С. Чернов
(Москва)

Русские источники Конституционной хартии Королевства (Царства) Польского

Дарование Королевству Польскому (после присоединения Герцогства Варшавского согласно постановлениям Венского конгресса 1815 г. к империи Романовых) конституционного внутреннего устройства являлось одним из актов значительно более впечатляющей и по территориальному масштабу, и по замыслу Александра I как реформатора многоактной политической пьесы, название которой условно может быть обозначено как «выбор модели внутреннего административного устройства Российской империи».

Однако начало ее относится ко времени, на четверть века отстоявшему от вступления на престол царя, прозванного Благословенным. Первым юридически оформленным актом этого действа следует признать Учреждение о губерниях Екатерины II 1775 г., утвердившее не только новый принцип территориально-административного деления империи, но и коллегиальный характер управленческой модели. Последним – комитет 6 декабря 1826 г., похоронивший вместе с генерал-губернаторскими опытами А.Д. Балашова идею о возможности управления Россией на «монархическо-федералистских» началах.

Наиболее четко управленческую проблему сформулировал великий князь Александр Павлович в знаменитом письме В.П. Кочубею от 10 мая 1796 г.: «В наших делах господствует неимоверный беспорядок; грабят со всех сторон; все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду, а империя, несмотря на то, стремится лишь к расширению. При таком ходе вещей возможно ли одному человеку управлять государством, а тем более исправить укоренившиеся в нем злоупотребления»[1]. Далее в тексте наследник престола делает вывод, «что лучше совсем не браться за дело, чем исполнять его дурно», и декларирует желание отречься «от этого трудного поприща», на что исследователи преимущественно обращали внимание, упуская из вида первую часть. Следует подчеркнуть, что еще до восшествия на престол у

1 14 декабря 1825 года и его истолкователи. М., 1994. С. 311.

Александра Павловича сформировалось не просто «критическое отношение» к имперским порядкам, но глубокое осознание первопричины надвигающегося управленческого кризиса – территориальное расширение империи, включение в состав российской короны иноязычных, иноконфессиональных, инокультурных, иноправовых областей, которые не вписывались в русские управленческую, социальную, экономическую и политическую модели.

Ярчайшим примером этого стал вопрос о том, на каких правах инкорпорировать в формально юридически оформленное только в 1785 г., но de facto сформировавшееся раньше, русское сословное общество, основанное на монопольном праве русского дворянства на населенные земли и на привилегиях купечества, безземельное шляхетство Правобережной Украины. Что должно было стать критерием – дворянское достоинство, недвижимая собственность или их сочетание в некоторой пропорции? В начале XVIII в. не менее остро стоял вопрос о землях татарских феодалов, не стремившихся к переходу в православие. В конце XVIII – начале XIX в. те же вопросы встали в отношении казахских степей, где практически не существовало оседлого населения. Фридрихсгамский мир добавил к этому финляндскую проблему, а сейм в Борго ее усугубил. В начале XIX в. кроме проблемы привилегированного сословия правительством осознавался и вопрос об инкорпорировании в русские сословную, военную и податную системы непривилегированных слоев населения, прежде всего крестьянства – от украинского казачества, превращенного Екатериной в крепостных, до сибирского, польского, белорусского, литовского, прибалтийского крестьянства и «ясачных инородцев». Проблема инкорпорирования непривилегированных сословий осложнялась отсутствием общественного согласия в вопросе о том, что делать с собственным крестьянством: освобождать или закрепощать – весь «крестьянский вопрос», начиная с дискуссий в Екатерининской Уложенной комиссии и в Вольном экономическом обществе и вплоть до 1861 г., – тому наглядное подтверждение. Наконец, присоединение в 1815 г. военно-стратегического плацдарма, сформированного из польских земель, отошедших в XVIII в. Австрии и Пруссии, вывел проблему управления территориями в разряд первостепенных вопросов имперской политики.

Конституционная хартия Королевства (Царства) Польского – не первая и не единственная из попыток реализовать особую модель управления, т. е. приспособить конкретно-историческую специфику региона к управленческим нуждам империи. Финляндский опыт предшествовал польскому проекту, последний стал основой для общеимперских конституционных начинаний – Государственной уставной грамоты, Уложения об инородцах и генерал-губернаторских опытов А.Д. Балашова.

Locus communis историографии[2] является мысль о том, что разработка «конституционных проектов», включая и польский конституционный эксперимент, – и шире, «конституционализм Александра I» – есть попытка ограничить самодержавие путем создания народного представительства – «дум М.М. Сперанского», сеймов в Борго и Варшаве или «сеймов Н.Н. Новосильцева», проекта, основанного на «буржуазном принципе имущественного ценза», введения «гражданских свобод» и т. д. В то же время в начале XXI в. в научной литературе начал формироваться новый взгляд на реформы М.М. Сперанского и всю «реформаторскую деятельность» Александра I. Как справедливо отмечал И.Д. Осипов во вступительной статье к публикации работ выдающегося представителя российской бюрократии, «Сперанский развивал концепцию правового государства в рамках феодального общества. В нем личные вещественные и гражданские свободы оказывались средством создания государственного единства и укрепления самодержавия»[3].

Анализ наиболее полноценного конституционного проекта александровского царствования – Государственной уставной грамоты – наглядно подтверждает самодержавно-охранительную направленность внутриполитического курса самодержавия первой четверти XIX в.[4] Александр I стремился не ограничить, а укрепить самодержавную власть за счет модернизации административных институтов управления – министерств, Государственного совета, народного представительства, укреплявшего и юридически закреплявшего сословный строй – социальную опору монархии – и, наконец, реализации проекта «монархического федерализма». Цели последнего состояли в следующем: во-первых, разгрузить имперскую администрацию, освободить ее от решения мелких локальных вопросов при безусловном сохранении основополагающих принципов организации административно-политической системы и связи регионов с имперским центром. Во-вторых, обеспечить финансовую стабильность империи путем привлечения местного общества – «свободных сословий» по терминологии того времени – к оценке податных возможностей региона и формированию бюджетов. В-третьих, создать устойчивую связь верховной императорской власти с привилегированными «свободными

2 *Минаева Н.В.* Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982; *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX века. М., 1989; *Захаров В.Ю.* Всемилостивейшая жалованная грамота российскому народу 1801 г. в контексте развития конституционных идей в России во второй половине XVIII – начале XIX в. М., 2002.

3 *Сперанский М.М.* Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 28.

4 *Чернов К.С.* Забытая конституция «Государственная Уставная грамота Российской империи». М., 2007.

сословиями» с целью получения репрезентативной информации о положении дел в регионах, т. е. фактически расширить до уровня народного представительства русское «право представления», дарованное дворянству еще Екатериной II.

То, что важнейшим источником проекта Н.Н. Новосильцева была Конституционная хартия Царства Польского[5], свидетельствует, что «польский эксперимент» являлся лишь одним из шагов на пути реализации общеимперского «монархическо-федералистического» проекта. Как результат, Конституция Королевства Польского 1815 г.[6] несет на себе значительный отпечаток русской правовой системы и вписывается в структуру «монархического федерализма», т. е. оберегает основополагающие принципы имперской государственности – самодержавие, сословный строй и бюрократический аппарат управления. Цель данной статьи – определить место польской Конституции в «монархическо-федералистическом проекте» российского самодержавия. Задача же состоит в том, чтобы сопоставить ее с наиболее важными документами, определяющими дух и букву имперской правовой системы, – Наказом, данным Комиссии о сочинении проекта нового Уложения 1767 г.[7], и Введением к Уложению государственных законов (планом всеобщего государственного образования) 1809 г.[8]

Структура Конституции 1815 г. не похожа ни на структуру Конституции 3 мая 1791 г., ни на структуры предшествовавших ей французских конституций. Она состоит из 7 титулов, два из которых разбиты на главы, и структурно восходит, с некоторыми оговорками, к проекту М.М. Сперанского 1809 г. Он выделял «три главных предмета, входящих в состав

---

5 *Вернадский Г.В.* Государственная уставная грамота Российской империи 1820. Историко-юридический очерк. Прага, 1925; *Кодан С.В.* Последний аккорд конституционных намерений Александра I. Проект Государственной уставной грамоты Российской империи 1820 г. в контексте конституционного развития России // Ежегодник истории права и правоведения. М.: Московский государственный институт управления, 2006. Вып. 6. С. 159–185; *Он же.* Государственная уставная грамота Российской империи 1820 года – первый проект российской конституции // Гражданское общество и правовое государство как факторы модернизации российской правовой системы: Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 11–12 декабря 2009 г. В 2 ч. СПб., 2009. Ч. I. С. 290–294.

6 Конституционная Хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1814–1881). СПб., 1907. В дальнейшем материалы Конституции 1815 г. приводятся по этому изданию.

7 Императрица Екатерина Вторая. Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Под ред. В.А. Томсинова. М., 2008.

8 *Сперанский М.М.* Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 335–395.

коренных законов: I. Права державной власти. II. Закон, возникающий из прав державной власти. III. Права подданных». Все три составляющих «коренных законов» присутствуют в польской Конституции 1815 г., но структурно выстроены в обратной последовательности. Титул II «Общие гарантии» трактует о «правах подданных»; титулы III «О правительстве», IV «О народном представительстве», V «О судебной власти» описывают «закон, возникающий из прав державной власти». Собственно «права державной власти» частично описаны в титуле I «Государственные отношения Королевства», но преимущественно этому вопросу посвящена глава I «О короле (царе)» титула III «О правительстве».

Выделив «три главных предмета, входящих в состав коренных законов», М.М. Сперанский развивает свою мысль и распределяет законы по «предметам».

«1. О державной власти.

I. О правах державной власти в трех отношениях: 1) в силе законодательной; 2) в силе исполнительной; 3) в силе судной.

II. О лице, представляющем державную власть, или императоре, и правах его в силах государственных.

III. Порядок представления: 1) наследство престола; 2) образы восприятия державной власти; 3) состав Императорской фамилии; 4) часть экономическая».

«2. О законе.

I. Определение отличительных свойств закона.

II. Составление закона: 1) предложение; 2) рассмотрение; 3) утверждение.

III. Исполнение закона: 1) уставы и учреждения; 2) обнародование; 3) действие обнародования; 4) пределы действия закона – давность и отмена».

«3. О правах подданных.

I. Определение отличительных свойств российского подданного.

II. Разделение состояний.

III. Основания прав гражданских, всем подданным общих.

IV. Права политические, присвояемые разным состояниям: 1) в составлении закона; 2) в исполнении его».

«4. Законы органические.

I. Устройство порядка законодательного. …

II. Устройство порядка судного. …

III. Устройство управления, или исполнения. …

IV. Устройство сословия, в коем все сии распорядки должны соединиться и через которое власть державная будет на них действовать и принимать их действие».

Сопоставление проекта М.М. Сперанского 1809 г. с польской Конституцией 1815 г. дает следующие структурные совпадения (Таблица № 1).

Таблица № 1

Сопоставление структуры Конституции 1815 г. и проекта Уложения, подготовленного М.М. Сперанским (1809 г.)

Польская Конституция 1815 г.	Проект М.М. Сперанского
Титул I Государственные отношения царства	1. О державной власти III. Порядок представления: 1) наследство престола (ст. 3) I. О правах державной власти в трех отношениях: 1) в силе законодательной (ст. 8)
Титул II Общие гарантии	3. О правах подданных 1. О державной власти I. О правах державной власти в трех отношениях: 1) в силе законодательной (ст. 31)
Титул III О правительстве	
Глава I О Короле (Царе)	1. О державной власти II. О лице, представляющем державную власть, или императоре, и правах его в силах государственных I. О правах державной власти в трех отношениях: 3) в силе судной (ст. 37); 2) в силе исполнительной (ст. 41, 42)
Глава II О регентстве	III. Порядок представления: 2) образы восприятия державной власти; 3) состав Императорской фамилии[1]
Глава III О наместнике и Государственном совете	4. Законы органические IV. Устройство сословия, в коем все сии распорядки должны соединиться и через которое власть державная будет на них действовать и принимать их действие
Глава IV Об отдельных частях управления	4. Законы органические III. Устройство управления или исполнения Сюда принадлежит устройство министерств и назначение мест, от них зависящих
Глава V О воеводских управлениях	

9 В силу включения Королевства (Царства) в состав империи на правах личной унии Конституция 1815 г. вместо вопроса о составе императорской фамилии рассматривает вопрос о составе «регентства Королевства (Царства)».

Титул IV О народном представительстве	1. О державной власти I. О правах державной власти в трех отношениях: 1) в силе законодательной (ст. 85–88, 90–92, 96–97, 99, 105) 2. О законе II. Составление закона: 1) предложение (ст. 73 п. 1; 96); 2) рассмотрение (ст. 90–93, 98–99, 101–103); 3) утверждение (ст. 104). III. Исполнение закона: 2) обнародование (ст. 105)
Титул IV О народном представительстве	1. О державной власти I. О правах державной власти в трех отношениях: 1) в силе законодательной (ст. 85–88, 90–92, 96–97, 99, 105) 2. О законе II. Составление закона: 1) предложение (ст. 73 п. 1; 96); 2) рассмотрение (ст. 90–93, 98–99, 101–103); 3) утверждение (ст. 104). III. Исполнение закона: 2) обнародование (ст. 105)
Глава II О Сенате	4. Законы органические I. Устройство порядка законодательного Сюда принадлежит устройство первоначальных, средних и высшего законодательного сословия, образ их действия, их образы и проч.
Глава III О палате послов	
Глава IV О сеймиках	
Глава V О гминных собраниях	
Глава VI О совете воеводства	
Титул V О судебной власти	4. Законы органические II. Устройство порядка судного Сюда принадлежит устройство верховного суда и постепенностей, от него зависящих
Титул VI О вооруженной силе	

Титул VII Общие положения	1. О державной власти III. Порядок представления 4) часть экономическая (ст. 157). 2. О законе III. Исполнение закона 1) уставы и учреждения (ст. 163); 3) действие обнародования (ст. 164); 4) пределы действия закона – давность и отмена (ст. 165)

Польская Конституция 1815 г., хотя и с некоторыми несущественными расхождениями, воспроизводит структуру уложения, созданную М.М. Сперанским в 1809 г. для российской империи. Из четырех основных частей уложения («1. О державной власти», «2. О законе», «3. О правах подданных», «4. Законы органические») в хартии Царства присутствуют все четыре. Полностью воспроизведены части «1. О державной власти» и «4. Законы органические». Из части «2. О законе» условно можно считать выпущенной только первую подчасть «Определение отличительных свойств закона». Конституция 1815 г. фиксирует в ст. 4, что она «определяет порядок и принципы отправления верховной власти», и прямо устанавливает, что она обладает государственно-правовым статусом конституции (ст. 4, 45, 47, 55, 67, 70, 73 п. 5, 82, 90, 138, 161 и заключительная клаузула). Помимо этого в 36 статьях Конституции к ее положениям применен термин «закон» (ст. 12, 14, 16–19, 22–25, 27, 32, 47, 55, 57, 67, 70, 73 п. 1, 74, 76, 82, 86, 90, 92, 93, 96, 97, 102, 105, 111, 114, 115, 139, 145, 164, 165). При этом Конституция в ст. 74, 79, 80, 98, 111, 140, 161 и 163 говорит об «органических статутах», которые должны развить и дополнить положения Хартии.

Термины «устав» и «учреждение» в Конституции 1815 г. не применялись, очевидно, что ее составители оперировали российской структурой законодательных и подзаконных актов, которая начала складываться еще в Наказе Уложенной комиссии 1767–1768 гг. и была развита М.М. Сперанским.

На первый взгляд в наименьшей степени проникновение отечественного законодательства прослеживается в Титуле II Хартии «Общие гарантии», где описаны права и свободы польских подданных императора. Титул II структурно не совпадает с последовательностью частей уложения М.М. Сперанского. Однако разбор структуры Титула II, состоящего из 23 статей, структурно распадающихся на 8 групп, свидетельствует об обратном (Таблица № 2).

Таблица № 2

Внутренняя структура Титула II Конституции 1815 г.

№ Статей	Группа I–VIII
11, 12, 13, 14, 15	I. Положение церкви и духовенства
16, 24	II. Буржуазные свободы: 1. печати; 2. передвижения
17, 18, 19, 20, 21, 22, 23	III. Формальное равенство перед законом и незаконное содержание под стражей (détention arbitraire)
25, 28, 29	IV. Региональная специфика: 1. право отбывания наказания в пределах Королевства (Царства); 2. право использования национального языка; 3. право занятия административных должностей по этническому принципу
26, 27	V. Имущественные права
30	VI. Права администрации
31	VII. Народное представительство
32, 33	VIII. Права иностранцев

Группы III и V полностью укладываются в понятие «прав гражданских», которые М.М. Сперанский определяет как «безопасность лица и имущества» и из них же логически выводит понятие «гражданской свободы», которая «имеет два главных вида: свобода личная и свобода вещественная. Существо первой состоит в следующих двух положениях: 1) без суда никто не может быть наказан; 2) никто не обязан отправлять личную службу иначе, как по закону, а не по произволу другого». Второе положение не находит раскрытия в Конституции 1815 г.[10] Напротив, первое положение подробно раскрывается в семи статьях III группы Конституции 1815 г. «Существо свободы второго рода, т. е. вещественной, – продолжает М.М. Сперанский, – основано на следующих положениях: 1) всякий может располагать своею собственностью по произволу, сообразно общему закону; без суда никто собственности лишен быть не может; 2) никто не обязан отправлять вещественной службы, ни платить податей и повинностей иначе как по закону или по условию, а не по произволу другого». Как и в предыдущем случае, второе положение в Конституции 1815 г. игнори-

10 Оно вводится М.М. Сперанским для описания русских реалий, что следует из авторской сноски: «Второе предложение отъемлет право отдавать в службу без очереди».

руется, поскольку имеет отношение к русским, а не польским реалиям, а первое – напротив – раскрывается в двух статьях VI группы Конституции 1815 г. Таким образом, 9 из 23 статей Титула II Конституции прямо соответствуют трактовке гражданских прав М.М. Сперанского.

При этом показательно, что 6 из 9 вышеуказанных статей прямо восходят к Наказу Уложенной комиссии 1767 г., что видно из таблицы № 3.

Таблица № 3

Сопоставление норм Конституции 1815 г. с положениями Большого Наказа Екатерины II Уложенной Комиссии 1767–1768 гг.

Конституция 1815 г.	Наказ Екатерины II Уложенной комиссии
Статья 17. Закон покровительствует в равной мере всем гражданам без различия их сословия и звания.	Ст. 34. Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам. Ст. 36. Общественная или государственная вольность не в том состоит, чтобы делать все, что кому угодно. Ст. 37. В государстве, то есть в собрании людей, обществом живущих, где есть законы, вольность не может состоять ни в чем ином, как в возможности делать то, что каждому надлежит хотеть, и чтоб не быть принуждену делать то, чего хотеть не должно. Ст. 38. Надобно в уме себе точно и ясно представити: что есть вольность? Вольность есть право, все то делати, что законы дозволяют… Ст. 231. …Беззаконныя предприятия противу жизни и вольности гражданина суть из числа самых великих преступлений: и под сим именем заключаются не только смертноубийства, учиненные людьми из народа; но и того же рода насилия, содеянные особами, какого бы произшествия и достоинства они ни были. Ст. 243. Хотите ли предупредить преступления? Сделайте, чтоб законы меньше благодетельствовали разным между гражданами чинам, нежели всякому особо гражданину.
Статья 18. Древний основной закон neminem captivari permittemus nisi jure victum будет применяться к жителям всех сословий на нижеследующем основании.	Ст. 148. …судьи и правительства, будучи сами только частию общества, не могут по справедливости, ни же под видом общего блага, на другого какого ни будь члена общества наложити наказания, законами точно не определеннаго. Ст. 149. …Самодержец, представляющий и имеющий в своих руках всю власть, обороняющую все общество, может один издать общий о наказании закон, которому все члены общества подвержены; однако он должен воздержаться, как выше сего в 99 отделении сказано, чтоб самому не судить: почему и надлежит ему имети других особ, которые бы судили по законам.

Статья 19. Никто не может быть взят под стражу иначе как с соблюдением форм и в случаях, предусмотренных законом.	Ст. 159. Вопрос II. Какие лучшия средства употреблять, когда должно взяти под стражу гражданина, также открыть и изобличити преступление? Ст. 160. Тот погрешит против безопасности личной каждого гражданина, кто правительству, долженствующему исполнять по законам и имеющему власть сажати в тюрьму гражданина, дозволит отъимать у одного свободу под видом каким маловажным, а другого объявляти свободным, несмотря на знаки преступления самые ясные. Ст. 161. Брать под стражу есть наказание, которое ото всех других наказаний тем разнится, что оно по необходимости предшествует судебному объявлению преступления. Ст. 162. Однакож наказание сие не может быть наложено, кроме в таком случае, когда вероятно, что гражданин во преступление впал. Ст. 163. Чего ради закон должен точно определить те знаки преступления, по которым можно взять под стражу обвиняемого и которые подвергали бы его сему наказанию и словесным допросам, кои так же суть некоторый род наказания. Например… Ст. 164. Глас народа, который его винит; побег его; признание, учиненное им вне суда; свидетельство сообщника, бывшего с ним в том преступлении; угрозы и известная вражда между обвиняемым и обиженным; самое действие преступления, и другие подобные знаки довольную могут подать причину, чтобы взять гражданина под стражу. Ст. 165. Но сии доказательства должны быть определены законом, а не судьями, которых приговоры всегда противоборствуют гражданской вольности, если они не выведены, на какий бы то ни было случай, из общего правила, в уложении находящегося. Ст. 171. Не должно сажать в одно место, 1) вероятно обвиняемого во преступлении, 2) обвиненного во оном и 3) осужденного. Обвиняемый держится только под стражею, а два другие в тюрьме: но тюрьма сия одному из них будет только часть наказания, а другому самое наказание.
Статья 21. Всякое взятое под стражу лицо должно быть доставлено не позднее трех суток в надлежащее	Ст. 167. Есть различие между содержанием под стражею и заключением в тюрьму. Ст. 168. Взяти человека под стражу не что иное есть, как хранить опасно особу гражданина обвиняемого, доколе учинится известно, виноват ли он, или невиновен.

судебное место для допроса или разбора дела в установленном порядке. Лицо, признанное невиновным после первого дознания, немедленно отпускается на свободу.	Итак содержание под стражею должно длиться сколь возможно меньше, и быть толь снисходительно, коль можно. Время оному надлежит определить по времени, которое требуется ко приготовлению дела к слушанию судьями. Строгость содержания под стражею не может быть иная никакая, как та, которая нужна для пресечения обвиняемому побега или для открытия доказательств во преступлении. Решить дело надлежит так скоро, как возможно. Ст. 169. Человек, бывший под стражею, и потом оправдавшийся, не должен чрез то подлежать никакому безчестию… Ст. 172. Быть под стражею не должно признавать за наказание, но за средство хранить опасно особо обвиняемого, которое хранение обнадеживает его в месте и о свободе, когда он невиновен.
Статья 23. Никто не может подлежать наказанию иначе как на основании действующих законов и решения соответствующего установления.	Ст. 170 Тюремное заключение есть следствие решительного судей определения. Ст. 174. Хранение под стражею переменяется в тюремное заключение, когда обвиняемый сыщется виноватым… Ст. 194. 1) Человека не можно почитать виноватым прежде приговора судейского; и законы не могут его лишить защиты своей прежде, нежели доказано будет, что он нарушил оные. Чего ради какое право может кому дати власть налагати наказание на гражданина в то время, когда еще сомнительно, прав ли он или виноват? Не очень трудно заключениями дойти к сему сорассуждению: преступление или есть известное, или нет; ежели оно известно, то не должно преступника наказывать инако, как положенным в законе наказанием…
Статья 27. Правительство, тем не менее, имеет право требовать от частного лица уступки его собственности в виду общественной пользы за справедливое и предварительное вознаграждение. Закон определяет прядок и случаи, в которых может применяться вышеозначенное правило.	Ст. 9. Государь есть самодержавный… Ст. 13. Какий предлог самодержавного правления? Не тот, что у людей отнять естественную их вольность: но чтоб действия их направити к получению самого большего ото всех добра.

Статья 27 Конституции 1815 г., хотя текстуально и не совпадает с приведенными статьями Наказа, но является логическим выводом из декларированной Екатериной II обязанности самодержца действовать в интересах общего блага. Из этого же постулата вытекает статья 30, составляющая VI группу Титула II (Таблица № 2) Конституции 1815 г.

VII Группа (Таблица № 2), предоставляющая полякам права народного представительства, полностью укладывается в понятие «права политические», которые, по мысли М.М. Сперанского, «состоят в участии в силах государственных: законодательной, судной и исполнительной». Это положение получает развитие в Конституции 1815 г. в главах IV «О сеймиках» и V «О гминных собраниях» Титула IV «О народном представительстве». М.М. Сперанский наделял политическими правами только тех, «кои имеют собственность». При этом, описывая «права состояний», он подчеркивал, что «дворянство имеет особенное право приобретать недвижимые имения населенные, управляя ими по закону», и «все свободные промыслы, дозволенные законом, открыты дворянству». Кроме дворянства, политические права, согласно мысли реформатора, принадлежали на основе сословного права заниматься «свободными промыслами» «среднему состоянию», к которому он причислял «купцов, мещан, однодворцев и всех поселян, имеющих недвижимую собственность в известном количестве». Этим же путем следует и Конституция 1815 г., предоставляющая пассивное и активное избирательное право исключительно дворянству (ст. 125, 127) и «собственникам», формирующим гминные собрания (ст. 131–133). Прямо это сказано в статье 29 Конституции: «…звания послов и депутатов сейма… могут быть предоставлены исключительно землевладельцам».

Примечательно, что сословный ценз по форме приобретает имущественные признаки, что определяется законодателем как основа всего русского сословного строя, что закреплено такими отечественными законодательными актами, как жалованные грамоты дворянству и городам. Екатерина II готовила проект жалованной грамоты крестьянству, где планировала наделить государственных крестьян земельной собственностью. Этот тезис развивал М.М. Сперанский, наделяя «поселян, имеющих недвижимую собственность», правами «среднего состояния» и, как следствие, политическими правами. Таким образом, Конституционная хартия Королевства (Царства) Польского наследует в полном объеме русскую сословную модель общественного устройства.

I Группа (Таблица № 2), состоящая из 5 статей и описывающая положение церкви и духовенства, имеет своим источником статьи 494[11],

11 «В толь великом государстве, распространяющем свое владение над толь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойства и безопасности своих граждан был порок, запрещение или недозволение их различных вер».

495[12] и 496[13] Наказа, трактующие о веротерпимости государственной власти, вытекающей из традиционного для России подчиненного светским властям положения церкви.

II Группа (Таблица № 2), предоставляющая польским подданным гражданские свободы, восходит к российскому законодательству лишь частично. Статья 16 (свобода печати) вытекает из норм Цензурного устава 1804 г. Положения статьи 132, говорящей о дополнении Конституции 1815 г. посредством издания государем Органических статутов, стала инструментом распространения на Королевство (Царство) Польское общеимперских правовых норм и административной практики, в том числе и правил о печати, начиная с рубежа 1820-х гг. (деятельность М.Л. Магницкого, Д.П. Рунича, А.С. Стурдзы, А.Н. Голицина) и далее в правление Николая I (устав 1826 г.). Статья 24 Конституции 1815 г. (свобода передвижения) не имеет прямого соответствия в российском законодательстве, особенно принимая во внимание русскую практику выдачи заграничных паспортов. Это же относится и к VIII Группе (Таблица № 2), определяющей права иностранцев в пределах Королевства.

IV Группа (Таблица № 2), описывающая региональную специфику (права отбывания наказания в пределах Королевства (Царства), использования польского языка и занятия поляками административных должностей), является прямым следствием статьи 2 Конституции 1815 г., говорящей о присоединении Польши к империи и о стремлении «укрепить это присоединение». Вместе с тем Конституция 1815 г. давала основание трактовать такое «присоединение» как «отдельное» от империи существование Королевства (Царства) Польского под скипетром Всероссийского императора (Польского короля).

Сопоставление норм польской Конституции 1815 г., с одной стороны, и российской правовой системы и проектов ее модернизации – с другой, позволяет прийти к заключению, что законодатель, создавая Конституционную хартию Королевства (Царства) Польского, следовал в русле российской правовой системы второй половины XVIII – начала XIX в. Конституция 1815 г. заимствует структуру, основные положения, относящиеся к полномочиям государственной власти и реализации этих полномочий в порядке законодательном, исполнительном и судебном, а

12 «И нет подлинного иного средства, кроме разумного иных законов дозволения, православною нашею верою и политикою не отвергаемаго, которым бы можно всех сих заблудших овец паки привести к истинному верных стаду».

13 «Гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые жестоковыйные сердца, и отводит их от заматерелаго упорства, утушая споры их, противные тишине государства и соединению граждан».

также комплекс прав польских подданных императора не из современной практики европейского конституционализма и не из собственно польской традиции, а из источников права российского происхождения. Роль Конституции 1815 г. во внутренней политике самодержавия, таким образом, состоит в том, что она стала первой попыткой в Российской империи составления уложения законов в духе конституционной традиции своего времени. Эта традиция существенно отличается от всего того, что до польской Конституции 1815 г. (Соборное Уложение 1649 г. и корпус прав Финляндии) и после нее (Свод законов Российской империи 1832 г.) существовало в России. Однако это не означает, что акт дарования конституции Польше был вызван к жизни сугубо внутренними польскими условиями. Копирование в Конституции 1815 г. структурных наработок екатерининского и александровского времени и заимствование имперских правовых норм позволяет прийти к выводу, что Конституционная хартия задумывалась и реализовывалась как составная часть общеимперского проекта по кодификации законодательства, а потому должна рассматриваться как составная часть имперской внутриполитической кодификационной политики.

Конституционная хартия Королевства (Царства) Польского, по сути, с точки зрения империи являлась не самостоятельным конституционным проектом, призванным определить особую роль Польши в империи, а, скорее, регламентом управления территорией, существенно отличавшейся исторически и политически от внутренних областей империи. Но таким регламентом, который не только не ослаблял основополагающих принципов имперской государственности – самодержавия, сословного строя и централизованного бюрократического аппарата управления, – но, напротив, усиливал бы их.

И.В. Ружицкая
(Москва)

Правовая реформа в Царстве Польском и восстание 1863 г.: крушение замысла

Важным аспектом изучения Ноябрьского 1830 г. и Январского 1863 г. восстаний является вопрос об их влиянии на социально-политическое развитие польских земель, в том числе и на развитие законодательства Царства (Королевства) Польского. Можно утверждать, что в период нахождения Царства Польского в составе Российской империи развитие местного права в решающей степени зависело от реакции российской власти на польское освободительное движение и на попытки восстановления в Польше национальной государственности, связанные с восстаниями 1830–1831 и 1863–1864 гг.[1]

Периодизации трансформации польского законодательства, введенной более ста лет назад историком польского права Н.М. Рейнке, придерживаются и современные правоведы. По их мнению, правовая система Царства Польского на первом этапе (1815–1832) представляла правовое пространство, максимально локализованное и практически совершенно изолированное от российской системы права. Второй этап (1832–1864) был связан с восстанием в Польше 1830–1831 гг., после которого начинается процесс более активного согласования польского и общеимперского законодательств. Третий этап (1864–1881) оказался также связан с новой попыткой возрождения польской государственности – восстанием 1863–1864 гг. и привел к дальнейшим трансформациям правового регулирования в регионе, но с сохранением особой процедуры принятия законодательных актов для подданных-поляков. Четвертый этап развития правовой системы Царства Польского (1881–1917 гг.) характеризовался ее практически полной интеграцией в правовую систему Российской империи при сохранении известной польской специфики только в области частноправовых отношений[2].

---

1 *Кодан С.В., Феврaлев С.А.* Местное право Царства Польского: формирование, источники, трансформации (1815–1917) // NB. 2013. № 3.

2 *Рейнке Н.М.* Очерк законодательства Царства Польского (1807–1881 гг.) // Журнал министерства юстиции (далее – ЖМЮ). 1901. № 8. С. 1–2; *Он же.* За-

Настоящая статья посвящена разработке законодательных проектов в период между двумя восстаниями. Подготовка проектов реформы законодательства Царства Польского в 1830–50-е гг. в определенной степени была следствием событий 1830–1831 гг., а реализация вынашиваемых в те годы реформаторских замыслов не состоялась из-за следующей попытки поляков обрести национальную государственность.

К моменту создания в 1815 г. Царства Польского на его территории уже семь лет (с 1 мая 1808 г.) действовало законодательство Княжества Варшавского, написанное на основе Гражданского кодекса Франции и ряда других законодательных актов наполеоновского времени. Вслед за использованными образцами в законодательстве Княжества Варшавского формально провозглашались отмена крепостного права, равенство граждан перед законом и охрана частной собственности, гласность и состязательность уголовного и гражданского судопроизводства. Однако и в законодательстве, и на практике сохранялись сословный строй, сословное и политическое господство шляхты и фактически крепостнические отношения в деревне. Это противоречие между конституционными декларациями и конкретным содержанием правовой системы и законодательства сохранилось на протяжении всей истории Царства Польского конституционного периода 1815–1830 гг.[3] После подавления Ноябрьского восстания Конституцию 1815 г. призван был заменить так и не введенный в действие вследствие сохранявшегося до 1856 г. военного положения Органический статут 1832 г. Однако и с этого времени, и вплоть до Январского восстания 1863 г., в Царстве Польском сохранялось особое, отдельное от общеимперского, законодательство.

В 1833 г., через год после издания Органического статута, в Петербурге было принято решение дать Царству Польскому законодательство, максимально приближенное к российскому. Именно в это время М.М. Сперанский, завершив создание Свода законов Российской империи, приступил к следующему этапу систематизации российского права – кодификации, т. е. к подготовке уложений или кодексов.

Рескриптом Николая I от 12 мая 1833 г. на имя наместника Царства Польского И.Ф. Паскевича в Петербурге был создан Приуготовительный комитет для ревизии и составления законов Царства Польского, больше известный как Кодификационная Комиссия (с 1842 г.). Председателем Приготовительного комитета был назначен И.Л. Туркул[4]. Однако

конодательная централизация в применении к Царству Польскому // ЖМЮ. 1906. № 10. С. 48–68.

3 См., например: Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского 1815-

4 И.Л. Туркул, в 1833 г. товарищ министра, с декабря 1839 по май 1856 г. – министр, Государственный секретарь Царства Польского.

он был чисто номинальной фигурой. Контролировало работу Комитета Второе отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии, и именно его руководители (в 1833–1838 гг. – М.М. Сперанский[5], в 1839–1861 г. – Д.Н. Блудов) и наместник Царства Польского И.Ф. Паскевич (1832–1856 гг.) стали ключевыми фигурами в подготовке проектов законодательства для этой части Российской империи[6].

Основной задачей Приуготовительного комитета провозглашалось приведение законодательства Царства в соответствие с общероссийским и подготовка для него единого свода законов. Поэтому он начал с проверки правильности перевода на польский язык Свода законов Российской империи издания 1832 г. Вместе с тем при дальнейшей деятельности Комитета в значительной степени учитывалось и сложившееся на территории Царства правовое status quo, особенно в области гражданского права. Эта дихотомия в развитии системы права Царства Польского и Российской империи просматривается не только между местным и общеимперским правом, но и между сферами публично-правового и частноправового регулирования отношений в регионе. Для публично-правовой сферы был характерен примат в правовом регулировании российской верховной власти, которая особо тщательно контролировала развитие государственного права. А вот в регулировании частноправовых отношений возможности вмешательства власти были ограничены особенностями развития края[7]. Это хорошо прослеживается по ряду высочайших манифестов. Так, в манифесте 1847 г. об утверждении Уложения о наказаниях

5 Сперанский был фактическим руководителем Отделения, формально его начальником был М.А. Балугъянский.

6 Разработанные Комитетом, а позднее Комиссией проекты законов с заключением главноуправляющего Вторым отделением СЕИВК направлялись на согласование наместнику Царства, после чего законопроекты дорабатывались и передавались в департамент дел Царства Польского Государственного совета. Департамент дел Царства Польского Государственного совета (1832–1862) был создан для рассмотрения законопроектов, годовой росписи доходов и выработки основных направлений правительственной политики в отношении Царства Польского. Председатель департамента с февраля 1832 по январь 1856 гг. – И.Ф. Паскевич.

7 По мнению Н.М. Рейнке, в отличие от общероссийского права, Польше были присущи две особенности частного права: во-первых, оно «приурочивает личные права <…> к месту водворения как к месту политического или национального тяготения личности», а во-вторых, его нормы «согласно с коренным началом гражданских законов <…> царства, исходят из начала бессословности, т. е. из начала равной, за немногими изъятиями, обязательности постановлений гражданских законов для лиц всех званий» (*Рейнке Н.М.* Очерк русско-польского междуобластного частного права // ЖМЮ. 1908. № 9. С. 23; см. также: *Кодан С.В., Феврaлев С.А.* Указ. соч.).

уголовных и исправительных для Царства Польского император Николай I, говоря о назначении нового Уложения, каковым являлось сближение региональных и общеимперских норм уголовного материального права, подчеркивал – «по возможности» и «при сохранении свойственных краю местных учреждений и правил»[8]. В манифесте 1876 г. о распространении Уложения о наказаниях издания 1866 г. на Варшавский судебный округ (что явилось логическим продолжением распространения на Царство Польское Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, от 20 ноября 1864 г.) Александр II отмечал, что необходимо «вплоть до полного слияния уголовных законов империи и Царства Польского, заменить изданное в 1847 году для Царства Уложение общеимперским, но непременно с изъятиями, кои вызываются местными гражданскими законами Царства, а также с существующими в губерниях оного особыми узаконениями, уставами и правилами, не согласованными еще с постановлениями, действующими в других губерниях империи»[9].

К этой особенности процесса унификации законодательств империи и Царства мы еще вернемся, а сейчас заметим: подобное положение вещей привело к тому, что в первые годы работы Приуготовительного комитета польские проекты готовились параллельно общеимперским: с 1833 г. в нем составлялся проект судоустройства Царства, шли работы над проектом гражданского уложения (были подготовлены первые три его части)[10]. С 1844 г. этот процесс стал проходить в рамках *одной* структуры: при Втором отделении императорской канцелярии был учрежден Комитет для подготовки гражданского уложения в Империи и Царстве

8 Уложение было издано параллельно на русском и польском языках и содержало 1221 статью (общероссийское – 2241). Его положения совпадали с началами общероссийского уголовного права, но и учитывали некоторые особенности криминализации деяний в национальном регионе. Оно вводилось в действие с 1 января 1848 г.

9 Изъятия касались особенностей классификации применения уголовных наказаний. Так, например, указывалось, что при применении ст. 1182–1193 Уложения «принимаются в соображения постановления местного торгового права» (Именной указ, данный Сенату, распубликованный 25-го того же сентября, «О применении Уложения о наказаниях, изд. 1866 года, к Варшавскому судебному округу». 13 сентября 1876 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1830–1885 (далее – ПСЗ-2). Т. 51. Отд. 2. № 56371. См. также: Высочайше утвержденный Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. 20 ноября 1864 г. // ПСЗ-2. Т. 39. Отд. 2. № 41478; *Ломновский В.П.* Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Руководство для мировой юстиции Царства Польского. Варшава, 1997.

10 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 78. Д. 1. 1843. Л. 6 (это произошло еще при жизни Сперанского).

Польском, который к концу 1840-х гг. подготовил проект гражданского уложения для Царства, тогда как аналогичный проект для всей остальной империи так и остался на стадии разработки.

То же произошло чуть раньше с проектом уголовного уложения для Царства. Первоначальный его вариант был подготовлен в статс-секретариате по делам Царства Польского в Петербурге к январю 1840 г. 18 января 1840 г. во всеподданнейшем докладе главноуправляющий Вторым отделением Д.Н. Блудов предложил унифицировать проекты «для империи и для Царства Польского», чтобы обеспечить единство уголовного законодательства. Блудов полагал, что «иная система была бы равно противна и политическим приличиям, и пользе государства». Он также обращал внимание на недопустимость, «чтобы постановления о преступлениях и наказаниях <…> были слишком несходны в разных частях одной державы». С одобрения императора оба проекта стали готовиться во Втором отделении. Для рассмотрения предложений при Отделении был образован Особый комитет под председательством Д.Н. Блудова (его членами стали: чиновники Отделения – М.А. Балугьянский, И.Х. Капгер и П.И. Дегай, министр юстиции В.Н. Панин, директор и вице-директор министерства юстиции Б.К. Данзас и М.Я. Рюмин и член Кодификационной комиссии Царства Польского Р.М. Губе). В 1843 г. проекты двух Уложений о наказаниях – общеимперского и для Царства Польского – были готовы, отпечатаны и 30 марта 1844 г. представлены Николаю I. Последний передал их для рассмотрения в Государственный совет, а польский – и в Кодификационную комиссию для перевода. 12 (14) марта 1847 г. манифестом Николая I Уложение о наказаниях уголовных и исправительных для Царства Польского было утверждено. Таким образом, Уложение 1847 г. не было дословным переводом общероссийского, сохранив ряд норм Польского уголовного кодекса 1818 г.; несколько скорректирована в нем была и система наказаний[11].

С конца 1840-х гг. начался новый этап в функционировании Кодификационной Комиссии, как и во всей деятельности Второго отделения императорской канцелярии: наступила очередь уставов судопроизводства, хотя продолжалась работа и над другими проектами. Например, к февралю 1851 г. был подготовлен проект общего судоустройства Царства Польского[12], на согласование которого между Петербургом и Варшавой

11 См.: *Кодан С.В., Феврале С.А.* Указ. соч.

12 В апреле 1849 г. Блудов представил императору «соображения», согласованные с наместником, о преобразовании судебных мест в Царстве Польском. Основными звеньями этого преобразования должны были стать упразднение апелляционных судов, соединение существующих судов уголовных с трибуналами гражданскими первой степени под общим наименованием Палат гражданского и уголовного суда и т.п. Эти изменения, полагал Блудов,

ушло почти четыре года (завершено в осенью 1854 г.), однако окончательно проект был исправлен и внесен в департамент дел Царства Польского Государственного совета только в 1857 г., уже при императоре Александре II[13]. В 1852 г. был завершен проект общеимперского устава уголовного судопроизводства, его польский перевод был послан в Варшаву для составления там по его образцу местного проекта[14]. При подготовке устава гражданского судопроизводства Блудов отступил от общего правила и предоставил его составление чиновникам судебного ведомства Царства Польского по назначению Паскевича. Подобное исключение он обосновал как необходимостью учитывать судебную практику Царства, так и отличием норм гражданского судопроизводства, действовавших там, от гражданских законов остальных частей империи[15].

Наиболее трудным и длительным оказался процесс создания и утверждения проекта гражданского уложения Царства Польского. Созданный в специальном Комитете, обсужденный в Кодификационной комиссии, он в 1849–1850 гг. рассматривался в Варшаве особым комитетом – Комитетом для рассмотрения проекта гражданского уложения, состоявшим из членов, назначенных Паскевичем. В ноябре 1850 г. Комитет представил императору замечания, это был фактически *новый* проект, который включал все части материального гражданского права за исключением постановлений об ипотеках[16]. Начался долгий процесс согласования двух проектов между Варшавой и Петербургом. По сути, это было противостояние Паскевича и Блудова, в котором наместник, защищая

должны «без значительных изменений существующего порядка сделать все судоустройство Царства Польского <…> почти то же, как в империи». Совет управления Царства одобрил эти «соображения» (Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1261. (II Отделение СЕИВК). Оп. 4. Д. 11. Л. 24–26).

13 В Варшаве 19 апреля 1856 г. при Правительственной комиссии юстиции Царства Польского был создан особый Комитет для приведения в действие Положения об устройстве судебных мест в Царстве и подготовки инструкции гминным судьям, защитникам и другим должностным лицам. Положение о введении в Королевстве нового порядка было утверждено в 1856 г., но и в 1859 г. оно не было реализовано. Сроки были отодвинуты, причиной стало желание императора, инициированное М.Д. Горчаковым, наместником Царства в 1856–1861 гг., председателем Совета управления Царства и департамента дел Царства Польского Государственного совета, ввести вместе с новым устройством судебных мест новые Уставы судопроизводства уголовного и гражданского.

14 РГИА. Ф. 1261. (II Отделение СЕИВК). Оп. 4. Д. 11. Л. 326–356.

15 Там же. Д. 12. Л. 193–195.

16 См. примечание 19.

действовавшее на подвластной ему территории право, отстаивал относительную независимость своей администрации от столичных властей, а глава имперского законодательного ведомства проводил линию правительства Николая I на наиболее последовательную интеграцию Царства в общеимперское целое. В законодательной области это находило выражение в составлении проектов, представлявших собой конгломерат из норм феодального и буржуазного права, находившихся в явном противоречии друг с другом и с существовавшей в Польше судебной практикой[17]. Проект варшавского Комитета предусматривал гораздо меньший объем заимствований из 10 тома Свода законов Российской империи, нежели проект Кодификационной комиссии.

Свое видение причин «затруднений» в работе над проектом гражданского уложения Блудов изложил в докладе царю. Он подчеркивал, что в проект Кодификационной комиссии введены правовые нормы не только российского, примененного к Польше законодательства, но акты Пруссии и Австрии, которые члены варшавской Комиссии должны изучить, чтобы «удостовериться в удобности их применения» «к настоящему положению Царства Польского». Это приводит к замедлению хода работ.

Главное затруднение, как полагал Блудов, заключалось в том, что при составлении проекта в его основание «приняты были слишком разнородные начала»: с одной стороны, действующее в Царстве Польском законодательство, т. е. Code Civil Наполеона, с другой, Свод законов Российской империи (10 том), при этом именно французское уложение стало одним из основных источников проекта, поскольку в Польше оно «имеет обязательную силу». Но «законы русские», по мнению Блудова, «более согласны с началами христианства, монархии и строгой справедливости», к тому же их применение должно способствовать «утверждению по возможности единства в понятиях, навыках и нравах между жителями Империи и Царства». Таким образом, в Петербурге в Кодификационной комиссии попытались совместить совершенно разные принципы гражданского права. Но сделать это не удалось. Противоречивость проекта, его несоответствие правоприменительной практике, существовавшей в Польше, сразу была замечена в Варшаве, однако Блудов так просто не сдавался. Он представлял императору все новые и новые соображения на замечания из Варшавы. Он признавал, что «наши законы, образовавшиеся, так сказать, вековыми опытами, не приведены еще в строгий систематический порядок, и в них многое не предвидено и не определено, например, последствия разнородных договоров и сделок, которые в разное время вошли в общее обыкновение в Царстве, под влиянием древних польских или прусских, или же австрийских и французских законов». Однако и

17 РГИА. Ф. 1261. Оп. 4. Д. 11. Л. 242–243.

французские гражданские законы тоже «представляют важные неудобства», поскольку «Кодекс Наполеона утвержден в 1804 г., когда мысль о равенстве во всем господствовала, особливо в умах так наз[ываемых] законодателей Франции, и когда о религии и о проистекающих от нее или основанных на ней гражданских обязанностях не смели говорить открыто, едва ли смели думать». Кодекс был составлен «наскоро, по необходимости, в течение трех месяцев»[18], поэтому в нем много противоречий, и он отличается неполнотой, после его издания прошло около пятидесяти лет, и он за это время почти не исправлялся и не дополнялся. Поэтому, подчеркивал главноуправляющий Вторым отделением, Кодификационная комиссия должна была иногда не только прибегать к заимствованиям из других законодательств, в основном из австрийского и прусского, но и предлагать новые, «по собственным умозрениям», постановления. Последнее «опасно», а при заимствованиях (впрочем, незначительных) «надобно было стараться сохранить единство в духе и направлении проекта». Все это привело к противоречиям в проекте, которые и были замечены особым Комитетом в Варшаве, отчего и процесс согласования затянулся.

Блудов ссылался и на состав из 20 с лишним человек варшавской комиссии, каждый из членов которой занимался какой-либо отдельной частью проекта, поэтому в их замечаниях «не было единства, и прошло много времени, прежде чем нашли средство согласить их и привести в порядок»[19]. За многочисленными техническими трудностями[20] скрывалось и сопротивление польских чиновников, заинтересованных в сохранении отличного от остальной империи гражданского права на территории Царства Польского. Паскевичу ими были представлены убедительные аргументы в неприемлемости петербургского проекта. Сыграла свою роль и нелюбовь наместника к Блудову, и его желание сохранить особый статус находившейся в его власти провинции.

По предложению Паскевича, для разрешения разногласий Варшавы с Кодификационной комиссией, а фактически со Вторым отделением царской канцелярии, проект гражданского уложения Царства был направлен в Государственный совет, в специально учрежденную для его рассмо-

18 РГИА. Ф. 1261. Оп. 4. Д. 10. Л. 52. На самом деле Кодекс Наполеона был составлен в течение четырех месяцев.

19 Там же. Л. 53.

20 В какой-то степени процесс согласования затягивался и из-за «трудностей перевода». Большая часть проектов Кодификационной комиссии отсылались в Польшу на французском языке, в Варшаве они переводились на польский, на польском языке составлялись также замечания, потом и то, и другое переводилось на французский, и в таком виде законопроекты возвращались в Петербург.

трения Комиссию[21]. Осенью 1854 г. проект, основу которого составили предложения варшавского Комитета, рассматривался в Государственном совете, и только смерть Николая I помешала его утверждению. Впоследствии к нему больше не возвращались. Это объяснялось, в частности, тем, что он мало соответствовал задачам государственной интеграции Царства Польского в состав империи: отражая правовую практику Царства, он предусматривал лишь незначительные изменения, в соответствии со статьями 10 тома Свода законов Российской империи.

Таким образом, несмотря на декларированные задачи максимального сближения общеимперского и местного польского права, с 1833 г. и до начала 1860-х гг. велась активная работа по созданию отдельного законодательства Царства Польского, учитывавшая «по возможности» (как отмечено во многих официальных бумагах) сложившуюся там правоприменительную практику, особенно в области гражданского права. В царствование императора Николая I были составлены проекты гражданского и уголовного уложений, Положение о судоустройстве, проекты процессуальных уставов – уголовного и гражданского. Однако труды по пересмотру польского законодательства не были завершены, в частности, нормы, сильно отличавшегося от общеимперского гражданского права, как материального, так и процессуального, сохранили в Царстве Польском специфику, присущую им до его образования. По сравнению с действовавшими в Империи законами это было прогрессивное законодательство.

В действие было введено только Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, во многом, но не во всем, отменявшее действие норм польского Уголовного кодекса 1818 г. По невыясненным пока причинам от рассмотрения проекта гражданского уложения в царствование императора Александра II отказались, оставив действующим гражданским правом в Царстве Польском Кодекс Наполеона с внесенными в него коррективами[22]. А вот сводное Положение о судоустройстве и судопроиз-

21 РГИА. Ф. 1261. Оп. 4. Д. 12. 1853–1854 гг. Л. 1–3 об.

22 Изменения коснулись главным образом «личных» правоотношений, и особенно семейного права. С 1 января 1826 г. было введено в действие Гражданское уложение Царства Польского (высочайше утверждено 1 (13) июня 1825 г.), которое отменило действие книги 1 («О лицах») Кодекса Наполеона. По настоянию католической церкви к ней полностью перешла регламентация в сфере семейно-брачных отношений (корректировка законодательства в этом направлении происходила в 1818–1836 гг. и завершилась принятием Положения о союзе брачном Царства Польского от 16 (28) марта 1836 г., в котором вопросы о браках и разводах отнесены к исключительной компетенции четырех признанных законом христианских вероисповеданий). Что касается имущественного права, то было сохранено действие книги 2 («Об

водстве Царства Польского, в которое вошли проекты, подготовленные в царствование императора Николая I, рассматривалось в Государственном совете в конце 1857 – 1858 гг. Тогда же Государственный совет обсуждал и проект общеимперского Устава гражданского судопроизводства, который, в отличие от польского проекта, не предусматривал введение гласности и состязательности судебного разбирательства. С этим обсуждением связана попытка склонить власть к использованию в самых широких масштабах теории и практики польского гражданского законодательства. В условиях осознания необходимости создания совершенно нового законодательного порядка в Российской империи для части административной элиты стало очевидным, что польский опыт по рецепции наиболее прогрессивного гражданского права того времени на части ее территории должен был быть тщательно проанализирован.

В начале 1858 г. с резкой критикой проекта общеимперского Устава гражданского судопроизводства выступили представители либеральной части бюрократии во главе с великим князем Константином Николаевичем. Князь Д.А. Оболенский представил на проект «Замечания», в которых обосновал его неприемлемость и предложил заменить его другим, уже составленным, который «может с весьма незначительными изменениями быть введен немедленно в большей части России». Речь шла о порядке гражданского судопроизводства Царства Польского, главные основания которого – «суд словесный и гласный». Оболенский ссылался на существующее «сводное положение о судопроизводстве и судоустройстве Царства», составленное Вторым отделением, и делал вывод, что «это положение с сделанными изменениями может быть почти целиком введено в России или, по крайней мере, послужить главным материалом для начертания нового проекта судоустройства и гражданского судопроизводства в России».

В пользу такого решения он приводил несколько доводов. Во-первых, польское гражданское право – это «более совершенное законодательство», нежели русское. Во-вторых, в истории зарубежного законодательства имеются прецеденты: в Австрии «в настоящее время, – отмечал он, – готовит-

имуществах и о различных видоизменениях собственности») и книги 3 («О разных способах приобретения собственности») французского гражданского кодекса за исключением 18-го раздела, который в 1818 г. был скорректирован, а в 1825 г. заменен законом «О привилегиях и ипотеках» от 1 (13) июня (Гражданские законы губерний Царства Польского. Варшава, 1905. Т. 1. С. 1–124, 125–172, 529–600. Подробнее см.: *Кодан С.В., Февралев С.А.* Указ. соч.). После 1836 г. в гражданском материальном праве уже не происходило сколько-нибудь существенных перемен (из числа осуществленных: урегулирование русскими законами вопроса о майорате, об оплате труда рабочих, а также об улучшении судьбы внебрачных детей).

ся проект нового порядка судопроизводства по образцу существующего в Трансильвании гражданского процесса», где основу суда составляют публичность и гласность. И, наконец, третий довод основывался не только на юридических, но и на политических соображениях. Оболенский писал: «Не очевидна ли также польза сближения законодательств двух царств, состоящих под одной державной властью? До сих пор к такому сближению стремились насильственным введением в Царство Польское учреждений и законов менее совершенных, не заимствуя из сего Царства ничего, даже достойное подражания». «Теперь пришло время сознания, – продолжал он, – что таким путем не доходят до слияния враждебных народностей и не улучшается администрация». Заканчивал автор «Замечаний» следующими словами: «Пускай же сознание подкрепит нашу мысль о введении судопроизводства Царства Польского в России, и последствия сей меры, без сомнения, окажутся благодетельными для обоих царств»[23].

Таким образом, в «Замечаниях» речь шла не только о преобразовании судопроизводства и всей судебной системы «самой беспокойной части империи». Вопрос ставился шире – о решении политических задач, касающихся отношений между двумя народами, о путях превращения их из «враждебных» в дружественные. Подобный подход исключал насильственную русификацию и насаждение имперских учреждений без учета местных особенностей.

Предложения либерально настроенных кругов высшего чиновничества приняты не были. Начиная с 1858 г. в Царстве Польском набирал силу политический кризис, грозивший, как сознавали в Петербурге, новым восстанием, разразившимся в январе 1863 г. В этих условиях любые заимствования из польского законодательства, с точки зрения царских властей, были неприемлемы. После того как в определении политического курса по отношению к русской Польше в середине 1860-х гг. победили сторонники полной и последовательной инкорпорации Царства в состав империи, об отдельном проекте преобразования его судебного законодательства и судебной системы было забыто и не могло быть и речи. Правительство видело теперь свою задачу в том, чтобы не только унифицировать администрацию Польши и России, но и положить начало унификации гражданской жизни путем установления общего законодательства. Реформа судоустройства и судопроизводства, проведенная в Польше в 1875 г., состояла в распространении на этот край российских судебных уставов 20 ноября 1864 г.

Однако царским указом от 19 февраля 1875 г.[24], вводившим в действие на польских землях общероссийское законодательство, было утверждено

23 ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 3207. Л. 4 об., 5, 18–18 об., 19.

24 Именной указ, данный Сенату, «О введении в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 года в Царстве Польском» от 19 февраля 1875 г. (ПСЗ-2. Т. 50. Отд. 1. № 54401).

и Положение о применении Судебных уставов 20 ноября 1865 г. к Варшавскому судебному округу. Оно содержало 249 статей, дополнивших общероссийские нормы права и «определивших местную специфику его применения в крае с учетом ранее существовавшей судебной системы Царства Польского»[25]. Также был издан ряд документов, в которых неизменно подчеркивалось, что при применении нового законодательства должны «приниматься в соображение постановления местных законов, действующих в губерниях Варшавского судебного округа»[26]. С.В. Пахман, характеризуя процесс адаптации имперского законодательства к системе судоустройства и гражданского судопроизводства польских земель, отмечал, что «со времени утверждения судебной реформы и введения ее в действие в Царстве Польском действующее в нем материальное право не осталось без изменения, хотя не со стороны коренных начал его, а только отдельных постановлений, и что в свою очередь материальное право края влияло на установление изъятий из правил общего Устава гражданского судопроизводства»[27].

Действительно, нормы материального гражданского права практически не были затронуты – их преобразование не стало частью имперской судебной реформы, и в этом плане можно говорить о действии Кодекса Наполеона в Польше до 1946 г.[28] Зато были внесены значительные изменения в систему общероссийского гражданского судопроизводства, что объяснялось политическими соображениями: власть опасалась, что «враждебные правительству элементы легко могут найти себе убежище под покровом судебных гарантий и даже обратить их в политическое орудие против законной власти». Речь шла о польской шляхте, именно ее позиция не давала «ручательства в том, что лица, подходящие под возвышенный ценз, наиболее заинтересованы в сохра-

25 *Кодан С.В., Февралев С.А.* Указ. соч.

26 Был принят Устав об особых производствах в Варшавском судебном округе, который определил, что им заменяются «постановления Судебных уставов 20 ноября 1864 года о судопроизводстве охранительном», и в 151 статье регламентировал рассмотрение дел в бесспорных делах (вызов наследников, раздел наследства и усыновление и др.), и Правила о применении к Варшавскому судебному округу Высочайше утвержденного 14 апреля 1866 года Положения о нотариальной части (50 статей). См.: *Юркевич Г.* Мировые или гминные суды в Царстве Польском // Юридический вестник. 1881. № 11. С. 454–491; № 12. С. 624–656; *Ефремова Н.Н.* Проведение судебной реформы в Царстве Польском (к вопросу о деятельности Министерства юстиции) // Методология историко-правовых исследований. М., 1980. С. 92–99.

27 *Пахман С.В.* История кодификации гражданского права. СПб., 1876.

28 См.: *Бардах Ю., Леснодорский Б, Пиетрчак М.* История государства и права Польши. М., 1982. С. 382.

нении общественного порядка, правительство не могло не опасаться, что высшие сословия обратят дарованную им власть и влияние против законного правительства»[29]. Поэтому члены мировых судов в городах Царства Польского назначались правительством, а не выбирались, как в Империи. По тем же причинам Польша лишена была суда присяжных. Судопроизводство совершалось на русском языке.

Таким образом, две попытки поляков возродить свою государственность оказали прямое воздействие на правовую политику коронной власти в этом регионе и, в конечном счете, привели к унификации законодательства бывшего Царства Польского и Империи, но с «изъятиями», связанными с практикой применения местных, региональных норм права. Несмотря на стремление российской власти к максимально возможному «слиянию» местной и общероссийской правовых систем, обособленность правового регулирования в Царстве Польском и несогласованность польского и общероссийского законодательства (особенно в области гражданского права) долгое время существенно затрудняло обеспечение единства политико-правового пространства Российской империи[30].

29 Из инструкции 1865 г. Комитета по делам Царства Польского юридической комиссии Учредительного комитета (цит. по: *Соловьев М.П.* Судебная реформа в Царстве Польском // Русский вестник. 1875. № 5. С. 292).

30 *Кодан С.В., Феврале в С.А.* Указ. соч.

Л.П. Марней
(Москва)

Проблемы финансовой автономии Царства Польского и Январское восстание 1863 г.

В европейской истории, начиная с раннего Нового времени, финансовая политика воспринималась как выражение политики в целом. Поэтому изучение истории финансов Царства Польского и места в ней эпохи Январского восстания представляет значительный интерес, так как восстание 1863 г. стало одним из важных событий в истории Польши и России.

В истории финансовой системы Царства, которая неразрывно связана с изменением его политического статуса в составе Российской империи, можно выделить несколько этапов. Первый из них – этап конституционный. Статус образованного в составе Российской империи Царства Польского был определен постановлениями Венского конгресса и Конституцией 1815 г.[1] Во главе вновь присоединенной территории стал российский император, получивший титул польского короля. Исследователи определяют подобное объединение, основанное на международном праве, как реальную унию. Такое положение давало возможность исключить Царство Польское, которое ежегодно выделяло 180 000 злотых на общие дипломатические расходы, из сферы международно-правовых связей и оставить решение вопросов внешней политики в ведении общеимперского Министерства иностранных дел[2].

---

1 *Чернуха В.Г.* Проблемы изучения империи и имперская функция паспорта // Исторические записки. М., 2003. № 6 (124). С. 134–137; *Раскин Д.И.* Система институтов Российской имперской государственност кон. XVIII – нач. XX в. // Дис. … д. и. н. СПб., 2006. С. 7; *Дамешек И.Л., Дамешек Л.М.* Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск, 2009. С. 53–54; *Ивановский В.В.* Административное устройство наших окраин. Казань, 1891. С. 7.

2 *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. СПб., 1876. Т. 3. С. 237–238, С. 319–320, 336–337; Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 33. № 25863. С. 146–147; *Мартенс Ф.Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. СПб., 1882. Т. 1. С. 233–244; *Бардах Ю., Леснодорский Б.,*

Исчерпав внутренние ресурсы для продолжения внешней экспансии в Европе, России необходимо было обеспечивать безопасность границ, создавать и совершенствовать в центре и на местах бюрократический государственный аппарат[3].

Политическое и военное положение конституционного Царства Польского исключало на первых порах возможность непосредственного управления и прямого насилия со стороны российских властей[4]. Отсутствие единой стратегии управления окраинами приводило к бессистемной реакции российского правительства на возникающие кризисные ситуации. Удерживать новые владения и обеспечивать лояльное отношение к интересам империи проживающего там населения должно было автономное устройство, т. е. право на собственное, хотя и значительно ограниченное, законодательство и самоуправление[5]. Особый статус давал возможность ограничить информацию о проводимой российским правительством окраинной политике и тем самым уменьшить возможное влияние на уже сложившиеся или вновь создаваемые там порядки[6].

Пиетрчак М. История государства и права Польши. М., 1980. С. 331; *Аскенази Ш.* Царство Польское 1815–1830 гг. М., 1915. С. 29; *Askenazy S.* Rosya–Polska 1815–1830. Lwów, 1907. S. 68–69.

3 Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / Отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. М., 1998. С. 383–384.

4 *Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М.* Указ. соч. С. 332, 336–337; *Ващенко А.В.* Правовой статус Царства Польского в составе Российской империи (1815–1830 гг.). Дис. … к. ю. н. М., 2000. С. 74–75; *Аверин М.Б.* Великое княжество Финляндское и Царство Польское в государственном механизме Российской империи (середина 60-х гг. XIX в. – 1881 г.). М., 2003. С. 15–16; *Четвертков А.М.* Правовое положение западных национальных районов Российской империи в первой четверти XIX в. Автореф. дис. … к. ю. н. М., 1987. С. 21–22; Национальные окраины… С. 361–362; *Бахлов И.В.* От империи к федерации: историко-политологический анализ трансформации имперских систем в федеративные. Саранск, 2004. С. 279–280, 326–238; *Студницкий В.* Польша в политическом отношении, от разделов до наших дней. СПб., 1907. С. 26; *Ивановский В.В.* Русское государственное право. Казань, 1896. Т. 1. Вып. 3. С. 327–328; *Skowronek J.* Od Kongresu Wiedeńskiego do Nocy Listopadowej. Warszawa, 1987. S. 16; *Аскенази Ш.* Царство Польское 1815–1830 гг. М., 1915. С. 30; *Askenazy S.* Rosya–Polska 1815–1830. S. 69.

5 *Чернуха В.Г.* Проблемы изучения империи… С. 134–137; *Раскин Д.И.* Указ. соч. С. 7; *Дамешек И.Л., Дамешек Л.М.* Указ. соч. С. 53–54; *Ивановский В.В.* Административное устройство наших окраин. С. 7.

6 *Дамешек И.Л., Дамешек Л.М.* Указ. соч. С. 60; *Зеленева И.В.* Геополитика и геостратегия России (XVIII – первая половина XIX века). СПб., 2005. С. 194; *Ващенко А.В.* Указ. соч. С. 86–87; *Каппелер А.* Россия – многонациональная

Однако вскоре стало ясно, что российский император постепенно начинает отступать от взятых ранее обязательств, проводя политику, направленную на ограничение конституционных свобод[7].

Уже со времени образования Царства Польского наметилась тенденция к сокращению его финансовой самостоятельности, одним из важнейших признаков которой был независимый от империи бюджет. Принимать бюджет в соответствии с Конституционной Хартией должен был Сейм, однако вплоть до восстания 1830–1831 гг. ни на одном из заседаний Сейма даже не приступали к его обсуждению. Вместо этого император сначала использовал свое право принятия первого бюджета, а затем утверждение важнейшего финансового закона без участия верховного законодательного органа Царства объяснялось необходимостью составления «нового податного положения, которое изменило бы всю финансовую систему». В первые годы существования Царства Н.Н. Новосильцев и в. кн. Константин, пользуясь близостью к императору и опираясь на предоставленную им власть, способствовали значительному опустошению казны. Руководители финансового ведомства Т. Матушевич и Ф. Венгленьский не могли им противостоять. И только Ф.К. Друцкому-Любецкому удалось предотвратить финансовую катастрофу, хотя и он, так же как и его предшественники, был склонен к тому, чтобы принимать бюджет без обсуждения в Сейме. Польской бюрократии, так же как и российской, была выгодна подобная практика, позволявшая в условиях ограниченных ресурсов Царства без лишних хлопот утверждать необходимое в данный момент распределение бюджетных статей. Любецкий считал, что в вопросах финансовой политики необходимо придерживаться строжайшей тайны. Составленные им записки и планы, в обход Государственного совета Царства, представлялись лично императору или через статс-секретаря по делам Царства Польского. Однако, несмотря на это, ему удавалось проводить самостоятельную политику и отстаивать

империя: возникновение, история, распад. М., 1997. С. 81–85; *Чернуха В.Г.* Проблемы изучения империи… С. 134; *Четвертков А.М.* Указ. соч. С. 12, 16; *Стольников В.В.* Разработка и реализация политики Российской империи в отношении национальных окраин в XVI–XVIII вв. Дис. … к. и. н. М., 2005. С. 187–196.

7 *Зеленева И.В.* Указ. соч. С. 192; *Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М.* Указ. соч. С. 331–332; *Чернуха В.Г.* Паспорт в России. 1719–1917 гг. СПб., 2007. С. 219–220; *Кутафин О.Е.* Российская автономия. М., 2006. С. 45; *Писаревский Г.Г.* Из истории конгрессового Царства Польского (1815–1830) при Александре I. По неизданным архивным документам. Смоленск, 1926. С. 21; Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. СПб., 2003. Т. 1. С. 299–300; *Дамешек И.Л., Дамешек Л.М.* Указ. соч. С. 33; Западные окраины Российской империи. М., 2007. С. 83–84.

финансовую автономию Царства, что нашло отражение в подготовке и заключении в 1829 г. внешнего займа в 42 млн злотых[8].

В денежном обращении Царства Польского был сохранен злотый. Несмотря на то, что на лицевой стороне золотых и некоторых серебряных монет чеканили профиль Александра I, титул императора и обозначение номиналов монет были сделаны на польском языке. На оборотной стороне монет герб Царства – одноглавый орел располагался на груди двуглавого орла российского. С 1818 г. на монетах отмечали, что при их чеканке использовали медь и серебро, добытое на рудниках Царства. При Николае I на золотой и серебряной монетах к титулу Александра I было добавлено «воскреситель Царства Польского», а на оборотной стороне чеканили «Николай I император всероссийский, король польский правящий»[9]. В 1828 г. Польский банк выпустил в обращение билеты достоинством в 5, 10, 50, 100, 500 и 1000 злотых, которые обменивались на звонкую монету не только в Царстве, но и за его пределами[10]. Все эти мероприятия способствовали тому, что монеты Царства вытесняли из обращения иностранную и российскую монеты и бумажные деньги. Дальнейшее совершенствование политической системы Царства Польского могло привести к укреплению его финансовой независимости, основными признаками которой были самостоятельная денежная и налоговая системы, бюджет, казна[11].

Финансовая система Царства Польского периода непризнанной политической независимости 1830–1831 гг. основывалась на системе, установленной в конституционный период, и показала свою жизнеспособность, эффективно функционируя вплоть до лета 1831 г. (в июне дефицит бюджета составлял 5 300 000, а во второй половине года – 65 000 000 злотых), что продемонстрировало фактическую самостоятельность польских финансов от финансовой системы Российской империи, как и задумывалось творцами экономической политики Царства Польского после 1815 г.[12]

Второй этап финансовой политики Царства Польского наступил после подавления Ноябрьского восстания. Он берет свое начало с отмены

---

8 Сборник административных постановлений Царства Польского. Ведомство финансов. Варшава, 1866. Т. 5. С. 8, 14–26; *Правилова Е.А.* Указ. соч. С. 44–52.

9 *Биткин В.В.* Сводный каталог монет России. Ч. II (1740–1917). Киев, 2003. С. 788–793, 854–858; *Мельникова А.С., Узденников В.В., Шиканова И.С.* Деньги России. 1000 лет. М., 2000. С. 123.

10 *Познанский И.* Исторический очерк экономического положения Польши. СПб., 1875. С. 19; *Познанский И.* Производительные силы Царства Польского. Сравнительная статистика промышленного, торгового и финансового положения Польши за 1874, 1875 и 1876 гг. СПб., 1879. С. 97.

11 *Правилова Е.А.* Указ. соч. С. 321–325.

12 *Tokarz W.* Wojna polsko-rosyjska 1830 i 1831. Warszawa, 1930. S. 83–85.

важнейших финансовых постановлений повстанческого правительства и аннулирования всех его финансовых обязательств[13].

Изданный в феврале 1832 г., но так и не введенный в действие, вследствие военного положения, Органический статут отменил представительные учреждения, поставив во главе Царства наместника и Административный совет. Вместо Государственного совета в 1841 г. был создан Комитет по делам Царства Польского при Государственном совете империи, а компетенция трех оставшихся комиссий, которые утратили статус министерств и были преобразованы в дирекции, значительно ограничена. Изменился герб Царства: польский орел, так же как и другие гербы, переместился на крылья российского орла. В 1845 г. вместо существовавших воеводств территория была разделена на пять губерний[14].

Началось постепенное наступление на финансовую и бюджетную самостоятельность. На первых порах управление финансами в Царстве Польском, как и прежде, находилось в ведении Дирекции финансов и казначейства. После упразднения Государственного совета Царства Польского утверждение бюджетов происходило в Департаменте по делам Царства Польского Государственного совета Российской империи[15]. На смену Любецкому пришли менее талантливые чиновники, которые не могли противостоять Министерству финансов империи и проводить самостоятельную финансовую политику.

Неожиданным защитником независимости финансов Царства Польского выступил И.Ф. Паскевич, который, как и любой другой наместник или губернатор (к тому времени уже имевший опыт административного управления, полученный в Закавказье), стремился сосредоточить в своих руках поступление и распределение доходов вверенной ему территории[16]. Рано или поздно это должно было привести к конфликту с главой финансового ведомства империи Е.Ф. Канкриным, который пытался поставить под контроль финансы Царства. В 1831 г. в составе Общей канцелярии министра финансов была создана Собственная канцелярия министра финансов по секретной части, в ведении которой с 1832 г. находились и финансы Царства Польского. О деятельности нового подразделения в структуре Министерства финансов империи, очевидно, не была про-

13 *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. СПб., 1894. Т. 4. С. 229–232.

14 *Аскенази Ш.* Царство Польское 1815–1830 гг. С. 29; *Askenazy S.* Rosya–Polska 1815–1830. S. 68–69; *Миско М.В.* Польское восстание 1863 года. М., 1962. С. 9.

15 Сборник административных постановлений Царства Польского. С. 84–90; *Правилова Е.А.* Указ. соч. С. 60–61.

16 *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. СПб., 1891. Т. 3. С. 296–335; Показания и записки о польском восстании 1863 года Оскара Авейде. М., 1961. С. 11–12, 181–182, 187.

информирована Дирекция финансов и казначейства Царства[17]. В это же время создавались долгосрочные проекты, в которых предусматривалось, при сохранении независимого финансового управления, объединить казначейства империи и Царства[18].

После восстания 1830–1831 гг. необходимо было также решить одну из важнейших проблем финансовой политики: возможность Царства самостоятельно заключать внешние займы. Подобная постановка вопроса была вызвана тем, что заем 1829 г., подготовленный Правительственной комиссией финансов и казначейства и Польским банком, был использован повстанцами. Неоднократные обращения Паскевича о необходимости получения заимствований как от российского, так и от зарубежных правительств, особенно если они подкреплялись обоснованием невозможности выполнения планов, принятых российским правительством по возведению крепостей, призванных обеспечить военные интересы империи, склонили Комитет по делам Царства Польского сохранить за правительством Царства возможность заключения внешних займов и получения необходимых средств от российского казначейства. Министерство финансов империи проявляло завидную сговорчивость. Очевидно, сыграло свою роль то, что между двумя непримиримыми спорщиками, Канкриным и Паскевичем, на сторону последнего встал император. Между тем только заем 1835 г. в 82 млн злотых считается наиболее успешным. Заимствования 40–50-х гг., проходившие на фоне неурожаев, революционных выступлений, прокатившихся по Европе, значительно обременяли и без того дефицитный бюджет Царства[19].

Неоднозначно оценивается и ликвидация с 1851 г. таможенной границы между Царством и империей. Для промышленного развития Царства эта мера имела очень большое значение. Что касается бюджета Царства, то он лишился одной из важнейших статей доходов, потерю которой не могли покрыть поступавшие компенсации за падение цены на соль в казенных магазинах и за дорожный и сплавной сбор[20].

---

17 Министерство финансов. 1802–1902. СПб., 1902. С. 211–212; *Radziszewski H.* Skarb i organizacya władz skarbowych w Królestwie Polskiem. T. 2. 1831–1867. Warszawa, 1908. S. 57.

18 Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2 (далее – ПСЗ-2). Т. 7. 1832. СПб., 1833. № 5860. С. 937–938; Т. 11. Отделение первое. 1836. СПб., 1837. № 9043. С. 378–379; *Правилова Е.А.* Указ. соч. С. 61–64, 167–169.

19 Сборник административных постановлений Царства Польского. С. 308–310; *Правилова Е.А.* Указ. соч. С. 64–72.

20 Сборник административных постановлений Царства Польского. С. 312–316; *Драницын С.Н.* К вопросу об экономических корнях восстания 1863 г. в Польше // Исторический сборник. М.; Л., 1936. Вып. 5. С. 131; *Правилова Е.А.* Указ. соч. С. 73.

Значительные изменения коснулись монетной системы. После подавления восстания 1830–1831 гг. были отменены постановления о чеканке монеты с революционным гербом, которые находились в обращении еще до 1838 г. Монетный двор, который во время восстания был подчинен Польскому банку, был передан в ведение Правительственной комиссии финансов и казначейства. Попытки вернуть его под крыло Польского банка встретили отказ, который был поддержан Е.Ф. Канкриным[21].

Последовательно, но без излишнего форсирования, чтобы не допустить обесценивания монеты, в Царстве происходило изменение денежной системы, совпадающее с денежной реформой в империи. Переходным этапом в процессе объединения российских монет и монет Царства стали российско-польские монеты, которые появились в денежном обращении Царства Польского в первой половине 30-х гг. Серия указов, увидевших свет в это время, регламентировала введение новых штемпелей для чеканки серебряных и медных монет[22]. Обозначение номинала по-польски осталось, но указание на то, что это польские монеты, исчезло. Также больше не чеканилась надпись «Царство Польское» на монетах, изготовленных на Варшавском монетном дворе, хотя сама чеканка продолжалась. С 1835 г. по распоряжению Николая I на 10-злотовых монетах появилось изображение императорской семьи[23].

Таким образом, несмотря на стремление российских правящих кругов к интеграции польской финансовой системы в общеимперскую, шаги в этом направлении носили скорее внешний и демонстративный характер. В главных своих элементах финансовая система Царства Польского оставалась автономной. Во-первых, это самостоятельная налоговая система. В этом правительство Паскевича, в котором за финансы отвечал Р.Ф. Фурман, видело залог политической стабильности и механизм сдерживания общественного недовольства. Во-вторых, это сохранение вплоть до начала 1850-х годов таможенной границы между Царством Польским и остальной территорией империи.

В этих условиях даже введение единой монетной системы Царства и Российской империи в 1841 г. не повлияло принципиально на финансовую автономию Царства. Вместо польского злотого казенные и частные расчеты осуществлялись только на рубли и копейки. Единицей веса стал российский фунт (указ от 3 (15) сентября 1841 г.)[24]. Чеканка двуязычных

21 *Правилова Е.А.* Указ. соч. С. 324–326; *Политковский В.Г.* Походные и путевые записки, веденные во время польской кампании в 1831 году. СПб., 1832. С. 150–152.

22 ПСЗ-2. Т. 7. 1832. СПб., 1833. № 5678. С. 713.

23 ПСЗ-2. Т. 9. Отделение первое. 1834. СПб., 1835. № 7032. С. 341–342; *Биткин В.В.* Указ. соч. С. 859–868; *Правилова Е.А.* Указ. соч. С. 329–330.

24 *Radziszewski H.* Reorganizacya Banku Polskiego po rewolucyi listopadowej. Warszawa, 1910. S. 21–22.

монет была прекращена[25]. Новые билеты в 1, 3, 10 и 25 рублей выпустил Польский банк[26].

Кризис финансовой системы времени наместничества И.Ф. Паскевича начал набирать силу в период революционных событий 1846–1848 гг. Участие армии князя Варшавского в подавлении освободительных движений поляков и венгров, а также подрыв финансовой системы империи в годы Крымской войны не могли не сказаться на финансовой системе Царства, где сохранялся прежний уровень налогообложения, при возраставших год от года расходах правительства. Это привело к тому, что из обращения в Царстве Польском исчезла звонкая монета, а значительное количество билетов Польского банка было вывезено за границу. В столь критической ситуации И.Ф. Паскевич разрешил прием российских кредитных билетов в правительственных учреждениях. И хотя после подавления революций действие этой временной, но вынужденной меры закончилось, последовавшая вскоре Крымская война способствовала значительному распространению российских кредитных билетов на территории Царства. С 1856 г. было официально разрешено казначействам Царства принимать российские кредитные билеты, что способствовало вытеснению из обращения звонкой монеты. В сложившейся ситуации Министерство финансов империи отказывалось выделять средства для поддержания денежного обращения в Царстве. Выступало оно также против приема билетов Польского банка в казначействах империи и против реализации предложения руководства Польского банка и главы Дирекции финансов и казначейства о восстановлении в Царстве прежней денежной системы[27].

Третий этап финансовой политики царского правительства в Царстве Польском берет начало на рубеже 1850–60-х гг. С одной стороны, он связан с эпохой великих реформ в России и с созданием в империи новой бюджетной системы. С другой – он был призван стабилизировать положение в Царстве Польском и приостановить нарастание там социально-политического кризиса. Однако реформаторские планы царского правительства с недоверием встречались польским обществом. Польская шляхта усматривала в них только стремление правящих кругов империи окончательно лишить ее привычного статуса и политической роли правящего сословия, видела в восстании решающий путь к восстановлению своей власти и влия-

25 ПСЗ-2. Т. 16. Отд. 1. 1841. СПб., 1842. № 14521. С. 371–372; *Биткин В.В.* Указ. соч. С. 802, 818–819, 838–840; *Правилова Е.А.* Указ. соч. С. 330–331.

26 *Познанский И.* Исторический очерк экономического положения Польши. С. 24; *Мельникова А.С., Узденников В.В., Шиканова И.С.* Указ. соч. С. 123.

27 *Правилова Е.А.* Указ. соч. С. 333–337.

ния, особенно в виду нараставших в широких массах национально-освободительных настроений[28].

Попытка Александра II соблюсти баланс интересов, предпринятая в контексте общеимперского реформаторского процесса, не удалась. Восстановление относительной административной самостоятельности Царства, возобновление работы Государственного совета и создание выборных губернских и уездных советов не могли разрешить противоречия самодержавного и конституционного принципов в непрочном союзе России и Царства Польского[29]. В частности, российские реформаторы игнорировали опыт функционирования финансовой системы Царства Польского конституционного периода, не обратили должного внимания на налаженный в то время эффективный контроль за простой и недорогой системой составления и исполнения бюджета. Подобная практика 1820-х гг., существование которой было связано с ограниченностью ресурсов Царства, не требовала каких-либо изменений и могла быть использована при создании проектов реформ в империи и на рубеже 1850–60-х гг.[30]

Центробежные силы, которые кроются в несовпадении государственных интересов империи как целого и его мятежной окраины, в религиозных, культурных, социальных, национальных факторах, территориальном вопросе, привели к разрушению созданной после Венского конгресса системе взаимодействия центра и периферии. Имперский центр стал навязывать в качестве универсальной собственную модель развития и систему ценностей. Нарушенное восстанием 1830–1831 гг. равновесие после подавления Январского восстания привело к превращению окраины с особым статусом в провинцию и ускорило начавшийся ранее процесс инкорпорации финансовых учреждений Царства в имперскую административную систему. Одним из таких был основанный в 1828 г. Польский банк, который должен был стать финансовой опорой автономии Царства Польского, а его операции по учету векселей, выдаче ссуд промышленным и сельскохозяйственным предприятиям призваны были обеспечить устойчивый экономический рост. Обсуждение проектов реформирования Польского банка, связанных с привлечением к управлению акционеров, расширением сельскохозяйственного кредитования, хотя и было приостановлено в 1863 г., а затем вновь возобновлено, не имело практиче-

28 Показания и записки о польском восстании 1863 года Оскара Авейде. С. 12–21, 24–25.

29 Там же. С. 40–41; *Ивановский В.В.* Русское государственное право… С. 327–328; *Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М.* Указ. соч. С. 336–337; *Миско М.В.* Указ. соч. С. 37–39; *Воронин В.Е.* Польское восстание 1863 года: опыт «примирительной политики» русского правительства. М., 2008. С. 32.

30 *Kołodzieczyk R.* Gospodarka i finanse Królestwa Polskiego przed powstaniem styczniowym. Warszawa, 1969. S. 33–40.

ских результатов. Не был поддержан российским правительством и проект создания Промышленного банка. В 1867 г. Министерству финансов было подчинено Земское кредитное общество, а в 1869 г. лишенный права выпуска бумажных денег Польский банк. В 1866 г. были объединены бюджеты Царства Польского и империи[31].

Таким образом, после Январского восстания произошла окончательная ликвидация финансовой автономии Царства. Однако связь между потерей финансовой самостоятельности Царства Польского и восстанием 1863 г. не столь очевидна, как могло бы показаться на первый взгляд. Экономические, в том числе и финансовые, причины редко когда являются доминирующими во времена вооруженных выступлений, главная цель которых – национальная независимость. Однако анализ финансовых проектов повстанческого Национального правительства[32] позволяет говорить о том, что введение национальной подати, организация частных и национальных займов, проекты выпуска национальной монеты не только должны были обеспечить потребности вооруженного восстания, но и являлись необходимым атрибутом независимости, которую с оружием в руках пытались завоевать участники событий 1863 и 1864 гг.

---

31 *Пергамент М.* Юридическая природа реальной унии. Одесса, 1893. С. 122–136; *Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М.* Указ. соч. С. 331; *Ващенко А.В.* Указ. соч. С. 151, 156–162; *Горизонтов Л.Е.* Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999. С. 7; *Писаревский Г.Г.* Указ. соч. С. 31–32; *Рибер А.* Изучая империи // Исторические записки. М., 2003. Т. 6 (124). С. 86–91; *Каппелер А.* Указ. соч. С. 158–159; *Дамешек И.Л., Дамешек Л.М.* Указ. соч. С. 65; *Правилова Е.А.* Указ. соч. С. 74–80, 338–352; *Radziszewski H.* Skarb i organizacya władz skarbowych… S. 76; *Radziszewski H.* Reorganizacya Banku Polskiego… S. 20–21, 147–174.

32 Показания и записки о польском восстании 1863 года Оскара Авейде. С. 66, 76–77, 121–122, 425–426, 529–530, 542, 560–561, 585–589; *Штакельберг Ю.И.* Финансовые проекты повстанческого Национального правительства // Освободительное движение западных и южных славян XIX–XX вв. М., 1965. Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. 29. С. 115–133.

Иоанна Шиллер-Валицка
(Варшава)

О влиянии Январского восстания на концепцию университетского образования и университетской науки в Королевстве Польском

Образовательная политика России в отношении Королевства Польского после поражения Январского восстания достаточно часто рассматривалась в польской историографии в последние полвека как одна из важных проблем польской истории со времени разделов шляхетской Речи Посполитой. Первой работой в этой области была монография Кароля Познаньского 1968 г.[1], в которой автор уделил много внимания вопросу реорганизации просвещения в результате поражения восстания – от первоначального замысла сохранения статей устава Александра Велепольского 1862 г. до концепции постепенной унификации системы образования Королевства с российской системой. Организации и формам обучения в период после Январского восстания посвятили свои работы Юзеф Мёнсо, Рышард Куха, Леонард Шиманьский, Эдмунд Сташиньский, Адам Массальский, а в последнее время – Эва Куля, которая в своей книге 2012 г.[2], на примере судеб учителей и в свете новых исследований, продолжила изучение истории народного просвещения в Королевстве Польском, отразив формирование принципов его организации в период после восстания 1863 г.

Однако большинство вышеперечисленных авторов представляет вопросы просвещения прежде всего с точки зрения политики российских властей, интересуясь главным образом юридическим статусом, законодательной и административной практикой, нововведениями в учебных программах и в системе преподавания, особенно на уровне начальной и средней школы, и тем самым фокусирует свое внимание на законодательстве и практической стороне функционирования системы образования в Королевстве. В значительно меньшей степени историков занимает высшее образование и идейная почва перемен в образовании и науке, разу-

1 *Poznański K.* Reforma szkolna w Królestwie Polskim w 1862 roku. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968.

2 *Kula E.* Opera et studio. Wizerunek nauczycieli rządowych szkół średnich w Królestwie Polskim w latach 1862–1873. Kielce, 2012.

меется, также имеющая политические коннотации, но с более широкими и, можно сказать, философско-мировоззренческими истоками.

В 2011 г. на конференции в Варшаве автор настоящей статьи выступила с докладом о формировании концепции организации императорского Варшавского университета в 1864–1869 гг. с чисто политической точки зрения российских властей. Однако наряду с рассматриваемыми в сравнении с остальными университетами империи чисто организационными вопросами, касающимися принципов избрания ректоров, прочих университетских властей и преподавателей, а также области университетской автономии, организации и хода учебного процесса, прав и обязанностей студентов и т.п., стоит задуматься над тем, какая внутренняя функция была возложена на Варшавский университет как на «русское» научное и образовательное высшее учебное заведение – как на носителя и распространителя в обществе научных и гуманитарных ценностей, формирующего политическое и культурное мировоззрение. В связи с этим возникает вопрос, когда возникли и кем были сформулированы идеи, легшие в основу установленной в Варшавском университете программы обучения и направлений университетской науки.

Кажется, что именно такой идеологической почвой, на которой зародились научные и образовательные задачи императорского Варшавского университета, стали заново сформулированные в послеповстанческий период под влиянием Январского восстания взгляды российских славянофилов и панславистов, особенно тех их представителей, которые оказались в числе членов и единомышленников Славянского благотворительного комитета в Москве, первой легальной панславистской организации, основанной М.Н. Катковым и И.С. Аксаковым в 1858 г. К этому кругу принадлежали равно как мыслители, формировавшие теоретические основы славянофильских и панславистских течений, – И.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, А.Ф. Гильфердинг, А.И. Кошелев, М.Н. Катков, ученые историки и слависты – В.И. Ламанский, М.П. Погодин, Н.А. Попов, О.Ф. Миллер, С.М. Соловьев, П.А. Лавровский и, еще будучи студентом Ламанского, А.С. Будилович, – так и государственные деятели: великий князь Константин Николаевич, министр просвещения (с 1866 г.) Д.А. Толстой, братья Николай и Дмитрий Милютины, князь В.А. Черкасский и много-много других[3]. Немалая часть упомянутых лиц сыграет после поражения Январского восстания существенную роль в разработке теоретических и практических основ существования Королевства, в том числе организации императорского Варшавского университета.

3 *Boro Petrovich M.* The Emergence of Russian Panslavism 1856–1870. New York, 1956. P. 199–201; *Tanty M.* Panslawizm, carat, Polacy. Zjazd Słowiański w Moskwie 1867 roku. Warszawa, 1970. S. 20–22, 44–61.

Все поименованные лица, независимо от их общественно-политических позиций и отношения к восстанию 1863–1864 гг., придерживались единого взгляда на Польшу. По их мнению, так наз. «историческая» шляхетская Польша представляла антиславянское, агрессивное латинство. Как говорил в 1863 г. Ю.Ф. Самарин, она составляла «острый клин, вогнанный латинством в самую сердцевину славянского мира с целью расколоть его в щепы»[4]. Именно это агрессивное латинство дало направление Январскому восстанию, как выразился поэт Ф.И. Тютчев, сравнивший повстанцев с восставшими из могилы призраками. Чем-то иным, согласно их представлениям, является «народная» Польша, сохранившая славянскую душу, которую не сумела убить «латинская душа» шляхты и духовенства. Историческая Польша – это часть старого мира, который должен уйти, а на его месте должна зародиться славянская Польша, ибо славянство во главе с Россией – это мир будущего. Поэтому ключ к будущему Польши, согласно идеологам панславизма, – ее славянизация и жизнь в согласии с другими славянскими народами[5]. Эта концепция служила идейным оформлением антишляхетской политики Н.А. Милютина в Королевстве Польском после восстания (проведение даже более выгодной для польских крестьян, чем для их российских собратьев, аграрной реформы, а также предпринятые с целью возрождения «славянской души» меры культурной русификации). Примером русификаторских действий правительства могло бы послужить издание по инициативе кн. В.А. Черкасского напечатанных кириллицей польских школьных учебников, принадлежавших перу библиотекаря и преподавателя Главной школы, а затем императорского Варшавского университета Станислава Микуцкого и состоящего с ним в приятельских отношениях А.Ф. Гильфердинга[6].

Менее оптимистично смотрел на решение польского вопроса И.С. Аксаков, признанный главным славянофильским специалистом в польских делах в годы после восстания. По его убеждению, «польский вопрос» являлся центральным вопросом внутренней и внешней политики России. Многочисленные высказывания Аксакова свидетельствуют о том, какую важную роль играли в то время польские дела в оформлении идеологии российского национализма. По мере расширения охваченной восстанием

4 Цит. по: *Walicki A.* Rosja, katolicyzm i sprawa polska. Warszawa, 2002. S. 104. См. также: *Idem.* Zarys myśli rosyjskiej od Oświecenia do renesansu religijno-filozoficznego. Kraków, 2005. S. 331–333.

5 *Walicki A.* Rosja, katolicyzm i sprawa polska. S. 104–105.

6 *Głębocki H.* Aleksander Hilferding i słowianofilskie koncepcje zmiany tożsamości narodów zachodnich kresów Imperium Rosyjskiego // *Idem.* Kresy Imperium. Szkice i materiały do dziejów polityki Rosji wobec jej peryferii (XVIII–XXI wiek). Kraków, 2006. S. 194–195.

территории Аксаков все более и более настаивал на проведении активной русификаторской политики, начиная с лишения польского языка статуса официального. Хотя даже после поражения восстания он по-прежнему высказывался за административную обособленность Королевства Польского – по его мнению, с точки зрения интересов России: поляки за пределами Королевства благодаря этому могли считаться иностранцами со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако уже в 1867 г. он признал, что идея создания Королевства была принципиальной политической ошибкой, совершенной Александром I, и что любые проявления польской автономии нужно немедленно уничтожить. В этом он усматривал, в частности, способ для интеграции Королевства с империей.

В отличие от других идеологов славянофильства, Самарина или Гильфердинга, Аксаков окончательно отбросил концепцию выступающего в польской культуре дуализма славянства и латинства, признавая, что Польша имеет только одну, «латинскую», душу и нет надежды на ее возвращение к славянству. Он разделял здесь мнение, выраженное в стихотворении Тютчева, что Польша является «иудой славянства» и не заслуживает особого отношения, поскольку, выделившись из племенного сообщества, и вследствие своего латинства она стала естественным врагом славянской России. Зато применительно к западным российским губерниям, называемым поляками «забранными землями», Аксаков признавал превосходство польской культуры, в чем видел огромную опасность и угрозу для русской культуры. В борьбе с полонизмом необходимо, по его мнению, русское моральное возрождение, противопоставление полонизму «силы русского народного духа»[7]. Поэтому он подчеркивал необходимость помощи русской культуре, создания русской интеллигенции, которая стояла бы на самом высоком ученом и моральном уровне и могла бы противостоять польской культуре.

Моральное первенство России в славянском мире, с точки зрения панславистов, требовало убеждения всех славян, что репрессии в отношении Польши необходимы, поскольку наступательной, антиславянской стороной является латинизированная польская шляхта и ее «Дранг нах остен»[8]; что, однако, Россия склонна принять польскую народность как одну из славянских народностей при условии искоренения ее антиславянизма. Считалось, и небезосновательно, что славянизация поляков встретится с гораздо бóльшим пониманием и признанием, чем непосредственная русификация.

Поводом сформулировать принципы славянской политики России и определить ее роль в славянском мире, а также место в этом мире

7 *Walicki A.* Rosja, katolicyzm i sprawa polska. S. 110–119.

8 “Drang nach Osten” (*нем.*) – «натиск на Восток» (прим. переводчика).

поляков стал Славянский съезд, который прошел в 1867 г. в Москве по инициативе деятелей Славянского благотворительного комитета – его председателя М.П. Погодина и профессоров В.И. Ламанского и Н.А. Попова. Он был созван на фоне активизации панславистской среды, руководствовавшейся лозунгом, что различия между славянскими народами невелики и их можно преодолеть, создав один великий славянский народ под предводительством России. Другим важным поводом организации съезда были изменения в политической ситуации австрийских славян. Дуалистическая концепция создания Австро-Венгрии после поражения, нанесенного австрийцам пруссаками в 1866 г. под Садовой, нарушала интересы славянских подданных монархии, перечеркивая их программу реорганизации Австрии на федеративных принципах, и способствовала тому, что они начали связывать свои надежды с Россией. Поляки не приняли участие в съезде, что с сожалением подчеркнул Погодин, ибо, как пишет Мечислав Танты, Январское восстание означало, что пути поляков и других славянских народов разошлись: для поляков Россия стала самым грозным захватчиком, для остальных же – единственным государством, на которое они могли рассчитывать в борьбе за национальные цели[9].

Одной из причин осторожного затрагивания на съезде польских дел в момент, когда реализовывались решения о ликвидации автономного статуса Королевства Польского, было упомянутое нежелание оттолкнуть «братьев-славян» программой непосредственной русификации. Российские власти старались также избежать явных политических деклараций в виду позиции Александра II, опасавшегося нежелательных международных последствий и не разделявшего политических планов панславистов по освобождению славян Россией и не желавшего осложнений с монархической Австрией.

Поэтому центр тяжести в дискуссиях на Славянском съезде переместился на проблемы культурных и научных связей (необходимость близких научных контактов подчеркивал, в частности, Д.А. Толстой). Особое внимание вызвала идея общеславянского языка, который объединил бы и сделал возможным теснейшее сотрудничество и которым должен был стать русский язык. Во главу угла выдвигалась идея славянской взаимности, сформулированная словаком Яном Колларом, который видел в ней культурное, а не политическое содружество. Таким образом, на съезде формировалась программа «русославизма» по образцу «австрославизма» с явным акцентом на то, что это единственное решение славянского вопроса.

Политические сюжеты, однако, оказались на съезде все же затронуты, в чем российским участникам посмертно оказал большую услугу словак

9 *Tanty M.* Op. cit. S. 73.

Людовит Штур. Рукопись его трактата «Славянство и мир будущего», написанного в 1850-е гг., была издана к этому времени. В нем автор призывал славян сосредоточиться вокруг России, даже в форме федерации, и рекомендовал славянским народам перейти в православие[10].

Приглашенные на съезд гости, среди которых тон задавали чехи, отклонили, однако, концепцию теснейшего единства славянских стран, соглашаясь только с тем, что славянское единство должно подразумевать общность научной, культурной и литературной жизни. Тем не менее съезд оказал большое влияние на чешские русофильские тенденции и русско-чешское сближение. В Чехии сделалось популярным изучение русского языка, получила распространение русская литература, имели место многочисленные переходы чехов в православие. В 1868 г. была предпринята инициатива строительства православной церкви в Праге, а в 1871 г. появилась работа А.Ф. Гильфердинга, подчеркивающая близкие православию элементы гусизма и враждебность последнего в отношении папства[11].

Принципиальным в этой связи представляется вопрос о связи между выше представленными идеями славянофильской и панславистской среды в период после восстания, которые вызвали дискуссии и проекты во время Славянского съезда, и научной и воспитательной функцией открытого в 1869 г. императорского Варшавского университета. Первое проявление такой связи видится в выдвинутом организаторами Славянского съезда, предлагавшими формы научного и культурного сотрудничества славянских народов, проекте создания общеславянского университета в Варшаве[12]. Это могло одновременно являться как своего рода демаршем в отношении не присутствующих на съезде поляков, так и доказательством того, что замысел славянизации Польши, вопреки Аксакову, который на съезде предрекал полякам гибель из-за предательства идеи славянского братства, не был оставлен. Как утверждали Ламанский и Погодин, если поляки откажутся от ненависти к России и вернутся в лоно славянства, русский народ забудет о прошлом, а Польша начнет новый период своей истории. Идея общеславянского университета в Варшаве, как и проекты создания общеславянской академии, а также всемирной славянской организации – Всеславянской отчизны, выдвинутая М.Н. Катковым, не встретила, правда, сочувствия гостей, но, тем не менее, могла представлять своеобразную инспирацию и исходный пункт для детальных организационных решений при воссоздании Варшавского университета. Идея общеславянского университета находит воплощение

10 *Boro Petrovich M.* Op. cit. S. 232–233.

11 *Tanty M.* Op. cit. S. 215 i nn. passim.

12 Ibidem. S. 131–132.

как в университетской программе обучения, так и в особом подборе преподавательских кадров. Как подчеркивала исследовательница истории славяноведения Л.П. Лаптева, положение славистики в Варшаве было привилегированным по сравнению с другими университетами империи. Более многочисленный, чем где бы то ни было, преподавательский состав вел занятия в области истории славянских литератур, истории и древности западных и южных славян. Преподавалась сравнительная грамматика славянских языков, и сами эти языки в историческом и современном охвате – от староцерковнославянского до русского, разумеется, и других славянских языков, чешского или сербского[13]. К этому нужно добавить кафедру истории славянских законодательств, правда, формально существующую в других университетах, но занятую только в Варшаве. Ею руководил 45 лет Теодор (Федор) Зигель, преподававший единственный в европейских университетах полный курс истории польского, чешского, хорватского, сербского и болгарского права и также вышедший, что стоит подчеркнуть, из школы В.И. Ламанского. В качестве признания его научного авторитета в 1900 г. Оксфордский университет пригласил Зигеля читать лекции, и они были опубликованы в 1902 г. под названием “Lectures on Slavonic Law”[14] («Лекции по славянскому праву»).

Славяноведческим исследованиям в университете благоприятствовало не только большое число славистов, но и географическое положение учебного заведения, которое облегчало доступ к архивам и библиотекам Западной Европы, а также научные командировки в славянские земли Центральной и Юго-Восточной Европы. Пожалуй, является не случайным, что первым ректором русского Варшавского университета стал рекомендованный А.Ф. Гильфердингом и И.С. Аксаковым в качестве наиболее подходящего кандидата на этот пост П.А. Лавровский, активный деятель Славянского съезда, участие которого в этом событии было особенно важно его организаторам, как это вытекает из переписки Ламанского и Попова[15].

Лавровский был восторженным чехофилом, связанным с чешским национальным возрождением, панегирически прославляющим деятель-

---

13 *Лаптева Л.П.* Два века славяноведения в России (к 170-летию создания славистических кафедр в российских университетах) // Славяноведение в России в XIX–XXI вв. К 170-летию создания университетских кафедр славистики. Сборник статей. М., 2007. С. 17.

14 *Краковский К.П.* Нить времени. Биографии преподавателей юридического факультета Варшавского-Донского-Ростовского университета. Ростов-на-Дону, 2003. С. 78–82.

15 *Tanty M.* Op. cit. S. 30. В письме от 4 ноября 1865 г. Ламанский обратился к Попову с предложением созвать Славянский съезд: «Во-первых, организовать несколько публичных лекций о славянстве. Вы могли бы прочитать две-три лекции, я также не отказался бы, можно пригласить Лавровского и других».

ность Вацлава Ганки и Павла Шафарика и обвиняющим в их смерти австрийские власти, что, исходя из программы съезда по объединению славян, особенно австрийских, имело существенное значение. Лавровский был также сторонником концепции славянской взаимности, сформулированной чешскими и словацкими славистами. Как в своих лекциях, так и в научном творчестве он обращался к истории и литературе славянских народов, представляя в сочувственном духе их политическое положение, в котором обвинял Австрию. Он подчеркивал необходимость славянского единства, хотя, как отмечал А.Н. Пыпин, не отвечал на трудный вопрос, как примирить внутреннюю политику Российской империи с особым политическим отношением к славянам, со стремлением отдельных славянских народов к самоопределению и сохранению собственной индивидуальности[16]. В Варшавском университете Лавровский стал убежденным и активным популяризатором славистических исследований, приглашая в университет представителей этих дисциплин, в чем был поддержан своими друзьями – идеологами славянофильства.

О том, что проводимая ими идея «славянской миссии» носила инструментальный характер, могут свидетельствовать попытки широко развернутой акции приглашения в Варшавский университет чешских ученых. Наиболее вероятно это объяснялось расчетом на то, что дело славянизации будет лучше принято поляками, если его осуществление будет связано преимущественно с западными славянами и в меньшей степени с русскими. В собрании Российского государственного исторического архива в Петербурге сохранилось обширное письмо за июль 1869 г., написанное А.Ф. Гильфердингом министру просвещения Д.А. Толстому с рекомендациями на вакантные кафедры Варшавского университета. Причем на многих кандидатов указал Гильфердингу Станислав Микуцкий[17]. Среди нескольких перечисленных в письме лиц оказались, в частности, научный сотрудник Павла Шафарика, переводчик Аристотеля на чешский язык и библиотекарь Чешского музея Антонин Вертятко, участник Этнографической выставки в Москве, которая предшествовала Славянскому съезду; Адольф Патера, также сотрудник Чешского музея в Праге и участник Славянского съезда, и Герменгильд Иречек, историк и юрист, член-корреспондент Российской академии наук, знаток истории славянского права. Рекомендованные Гильфердингом кандидаты на кафедры были представителями не только гуманитарных, но и точных, и естественных дисциплин, как, например, чешский географ, геолог и минералог Ян Крейчи или хорватский ботаник Йосип Шлоссер-Клековский.

16 *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 797.

17 Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733. Оп. 147. Д. 758. 4 июня 1869 г. Л. 196–197.

В итоге, в Варшавском университете оказалось только два чеха, приглашенных в Варшаву Лавровским: Йозеф Первольф и Теодор Езбера. Последний практически забыт в Польше, однако ему принадлежит важное место в чешской и западноевропейской славистической историографии, а его имя упомянуто в каждой серьезной работе, посвященной славистике XIX в.[18] Первольф – сотрудник Чешского музея – сразу же после Славянского съезда издал брошюру, в которой призывал поляков к отказу от претензий на бывшие восточные земли и советовал им опираться в своей политике на сотрудничество с Россией. Ключевой мыслью его научного наследия была идея славянской взаимности[19]. Первольф доказывал невозможность соединения в один народ разделенных и рассорившихся славянских племен, но постулировал реализацию идеи племенного единства, опирающейся на общность интересов, братскую солидарность славянских народов, объединенных во имя борьбы с общим врагом, в частности, с германизмом. Зато Теодор Езбера, мало значащий в научном отношении, прославился созданием на территории Варшавского университета Русского этнографического музея, открытого в 1874 г., в котором он за свой счет и собственными усилиями собрал свыше 20 тыс. экспонатов. По некоторым оценкам, музей был беспорядочным собранием самых разнообразных предметов, в основном небольшой ценности. Однако, по мнению тогдашнего ректора университета Н.М. Благовещенского, музей показывал «историческую и логическую законность морального предводительства России в славянском мире»[20].

Отсутствие надлежащего отклика со стороны «братьев-славян», предполагаемых в качестве кандидатов для занятия университетских кафедр, привело к тому, что ректор Лавровский начал привлекать своих коллег – русских славистов. Так, в 1871 г. в университете появился В.В. Макушев, основоположник российской балканистики, завоевывающий признание: ученик известного филолога-слависта И.И. Срезнев-

18 На мысли и труды Первольфа ссылается в своей книге Жорж Люциани. См.: *Luciani G.* Panslavisme et solidarité Slave au XIXe siècle. La Société des Slaves Unis (1823–1825). Bordeaux, 1963; фамилия Первольфа проходит во всех важнейших чешских и словацких работах, посвященных славистике XIX в. См., напр.: *Wollman F.* Slavismy a antislavismy za jara ná rodů. Praha, 1968; Slovanstvi v národnim životě Čechů a Slováků. Praha, 1968.

19 Эта идея является важной исследовательской проблемой и в XX в., например, в 1959 г. в Смоленице была организована конференция об идее славянской взаимности и ее роли в национально-освободительном движении. Материалы этой конференции опубликованы в издании Словацкой академии наук: Historický Časopis. 1960. № 2–3.

20 Otwarcie Ruskiego Muzeum Etnograficznego T.J. Jezbery przy Cesarskim warszawskim uniwersytecie. Warszawa, 1874. S. 20–21.

ского (после 1868 г. активного деятеля петербургского отделения Славянского благотворительного комитета), поддерживаемый А.Ф. Гильфердингом, который во время съезда опубликовал принятый с большим признанием сборник статей о прошлом и настоящем южных славян. Макушев, читавший в Варшаве колоссальный курс лекций по истории всех славянских литератур, в котором много места посвящал польской литературе[21], был адептом сильной монархической власти, считая ее единственной формой правления, способной поддержать единство такого огромного и многонационального государства, как Россия. Он полагал, что большинство славянских народов утратило независимость в результате слабого развития монархической власти, а упадку Польши дополнительно способствовала аморальность шляхты и руководство в политике эмоциями, а не разумом. Макушев был также защитником православия как религии, поддерживающей славянскую тождественность. Он сам называл себя профессором – русским гражданином; в своих слушателях видел прежде всего верноподданных русского государства и старался разъяснить им лежащие на них в силу этого обязанности[22]. Вместе с тем он был далек от славянофильской идеализации славянства; не разделял выраженного его университетским другом А.С. Будиловичем, также участником Славянского съезда и автором нескольких опубликованных на страницах «Голоса» эмоциональных отчетов о его заседаниях, славянофильского убеждения о необходимости принятия всеми славянами русского языка в качестве литературного. Равным образом он считал утопической мысль о соединении славян в лоне одной восточной церкви и под эгидой одного государства – России, в чем открещивался от панславизма.

Решительную панславистскую позицию представляли прибывшие в Варшавский университет в начале 1880-х гг. ученики Ламанского – вышеупомянутый А.С. Будилович и К.Я. Грот. Будилович верил в возможность славянской федерации, общую славянскую церковь, общую славянскую науку и в этом смысле источником его взглядов была идея славянской взаимности, однако со временем на первый план он выдвинул политическое единство, что заставляет признать его представителем панславизма. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в Варшаве, а потом в Юрьеве (Дерпте) он приобрел репутацию главного русификатора.

---

21 См. его заметки к лекциям о польской литературе: Российская государственная библиотека. Рукописный отдел. Ф. 156. Оп. 4. Д. 3. *Макушев Викентий Васильевич.* История славянских литератур – материалы к курсу лекций, читанных в Варшавском университете по истории польской литературы (1876–1882). Л. 159.

22 *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. С. 624–625.

В начале 1870-х гг., когда завершилось объединение Германии, провозглашение Германской империи во главе с Пруссией вызвало в некоторых польских кругах рост проросийских настроений. Это главным образом нашло выражение в эмигрантских и близких к Александру Велепольскому кругах, например, в брошюрах Казимежа Кшивицкого и ксендза Кароля Микошевского. В этот период Будилович доказывал, что целью России не является русификация поляков, поскольку она нереальна, зато настоящая опасность для них кроется в германизации. Как писал Будилович, поляки имеют много достоинств, и их нужно спасти для славянства, но делать это надлежит осторожно и деликатно, ибо лучше их потерять, чем «насильно русифицировать»[23]. Он утверждал, что Польша может иметь счастливое будущее и возродиться для общественной жизни благодаря России, но гегемоном среди славян может быть только Россия. В этой концепции русификаторское содержание также присутствует, хотя и в несколько модифицированном виде.

Русские слависты, работавшие в Варшаве, среди которых следует назвать еще близкого по мировоззрению к Будиловичу П.А. Кулаковского, Е.Ф. Карского, В.А. Францева, ученика Петра Алексеевича и Николая Алексеевича Лавровских М.А. Колосова, Александра Михайлова, были в большинстве случаев славянофилами разных оттенков, верящими в славянскую миссию России, в православие как естественную религию славян и выступавшие сторонниками концепции «двух цивилизаций». В основном они не являлись политическими панславистами, ограничиваясь идеей славянской взаимности. Характеризуя народы прежде всего по языку и этнически, они ожидали от поляков главным образом лояльности в качестве подданных Российской империи, решительно отбрасывая понятие польских исторических границ 1772 г. Вместе с тем большинство из них трактовало свое пребывание в Королевстве как миссию, считая свое нахождение там обязанностью русских патриотов.

Славянизация в науке и образовании, проводившаяся на университетской почве в Варшаве и в целом в Королевстве Польском, обосновывала его интеграцию с империей, сходную с программой «национализации» университета, была ее политическим инструментом и могла принимать форму русификации. Но одновременно она оставляла нишу для развития польской науки и культуры, рассматриваемых как часть наследия общеславянской цивилизации при условиии сохранения государственной лояльности. Как иначе объяснить не только позволение, но даже поддержку, какую российские власти оказали научной деятельности Генрика Струве, Теодора Вежбовского или Адольфа Павиньского, которые предприняли широко задуманные научные и издательские на-

23 *Pypin A.N.* Sprawa polska w literaturze rosyjskiej. Warszawa, 1881. S. 101–107.

чинания, воплотившиеся в фундаментальных трудах на благо польской науки. Об этом общественном значении своей работы они говорили откровенно и публично. Колоссальный труд Струве по истории польской философии, в котором показана непрерывность и преемственность ее развития, или размах издательских усилий Вежбовского в области польской литературы и источников по истории Польши и истории народного просвещения в Польше убедительно свидетельствуют о том, что русский Варшавский университет не был учреждением, отрицающим польскую культуру и предназначенным исключительно для насаждения русской культуры. В противном случае власти не могли бы терпеть профессоров, посвятивших себя поддержанию и развитию польской культуры, постулировавших, как Струве, «национализацию» такой ненациональной дисциплины, как философия. Тем временем они не только терпели, но даже вознаграждали их усилия. Об этом может свидетельствовать хотя бы письмо попечителя Варшавского учебного округа А.Л. Апухтина, направленное в 1893 г. в Министерство народного просвещения. Он писал, что профессор Струве занимает среди немногих российских философов одно из наиболее почетных мест, которое он получил благодаря своим многочисленным работам, опубликованным на немецком, польском и русском языках. Утрата такого профессора была бы невосполнимой потерей для университета, в связи с чем куратор обращался с просьбой о продлении его занятий в учебном заведении[24]. Поэтому применительно к истории Варшавского университета можно согласиться с мнением А.И. Миллера «о русификациях» как в целом явлении неоднородном, имеющем разные оттенки и проявления, принимая во внимание место, время, условия и позиции участников процесса[25].

Перевод О.С. Каштановой

24 РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 920. Л. 53.

25 *Миллер А.И.* Русификации – классифицировать и понять // Ab Imperio. 2002. № 2. С. 133 і nn.passim.

Збигнев Вуйчик
(Варшава)

Участники Январского восстания – исследователи природы Сибири

В России изучение природы Зауралья началось в XVII в. В следующем столетии оно носило уже организованный характер, главным образом благодаря направлявшимся экспедициям, в которых принимали участие ученые. В этом русле оно развивалось и в начале XIX в., даже после создания в 1845 г. императорского Русского географического общества. Его отдел в Иркутске с природными экспонатами и книгами по естествознанию был местом предварительной обработки полученных на месте научных данных. Музей со временем стал научным центром, объединявшим чиновников, учителей и военных, находившихся в этой части Сибири. Участие в его работе польских ученых, прежде всего Александра Чекановского, Бенедикта Дыбовского, Яна (Ивана Дементьевича) Черского и многих других, краткое посещение иркутского отдела Николаем Михайловичем Пржевальским способствовали повышению его значимости.

В XIX в. преимущественно в Сибири, а также в других местах ссылки оказалось много поляков – блестящих выпускников средних и высших учебных заведений (польских и заграничных), среди них были профессиональные естествоиспытатели и коллекционеры-фаунисты. Многие ссыльные ранее были связаны с тайными студенческими организациями 1823–1824 гг. в Виленском университете, входили в конспиративные общества, существовавшие в межповстанческий период, являлись участниками Январского восстания, а также членами конспиративных групп последней четверти XIX в.

Документальные материалы, отражающие исследования Томаша Зана в области геологии, которые он проводил на Южном Урале и в прилегающих регионах (в частности, в районе Челябинска), не были опубликованы. Они хранятся в архивах Оренбурга и Вильнюса, в том числе и нарисованная от руки геологическая карта (первая этого типа) Южного Урала[1].

1 *Garbowska J.* Archiwalia wileńskie z zakresu nauk geologicznych // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. 1993. S. 103–107.

Больше повезло Агатону Гиллеру, находившемуся в сибирской ссылке в 1854–1860 гг. Заметки о своих географических наблюдениях ему удалось привезти в Варшаву, затем он переправил их на Запад и в 1867 г. издал в Лейпциге трехтомное «Описание Забайкальского края»[2]. В нем освещены не только вопросы географии, но и жизнь поляков, притом не только ссыльных, в этой части Зауралья.

Оба они – и Зан, и Гиллер – имели соответствующую профессиональную подготовку, необходимую для ведения исследований в области наук о Земле. В осуществлении их изысканий местные гражданские и военные власти шли им навстречу. Вопрос о публикации результатов локальных исследований зависел от решений, принимавшихся в столице империи. Например, в случае Т. Зана, который по возвращении из ссылки начал трудиться в Горном институте в Петербурге, положительного решения не было. В этом отношении более удачливыми были ссыльные, осужденные на пребывание в Сибири после Январского восстания. Результаты своих изысканий они публиковали не только в Иркутске и столице империи, но также в Варшаве и на Западе. Получаемые гонорары составляли важную часть их бюджета, шедшую и на исследования, и на обеспечение условий существования. Этим они были обязаны императорскому Русскому географическому обществу, имевшему Сибирский отдел в Иркутске, и доброжелательности ученых из Академии наук и российских учебных заведений. Особое значение имели товарищеские связи с выпускниками Дерптского университета, многие из которых в то время работали в музеях и учреждениях Петербурга. В различных ученых обществах России состояло много поляков, которые после восстания 1863 г. также поддерживали исследовательскую работу польских ссыльных в Сибири. Примером может служить публикация 1874 г. на немецком языке известного исследования Б. Дыбовского «Дополнений к сведениям о низших ракообразных из семейства гамаридов в озере Байкал» («Beiträge zur Kenntniss der im Baikal-See vorkommenden niederen Krebse aus der Gruppe der Gammariden»), благодаря содействию энтомолога генерал-лейтенанта О.И. Бурмейстера (Радошковского) из Русского энтомологического общества[3].

После подавления Январского восстания в Сибирь были сосланы многие молодые естествоиспытатели, иногда уже имевшие опубликованные труды. Большинство из них по отбытии каторги, находясь уже на поселении, неофициально занимались преподавательской работой. Многие из ссыльных, находившихся в Иркутске, участвовали в работе местного отдела Русского географического общества и музея. Особенно ценный

2 Opisanie Zabajkalskiej krajny w Syberii. Lipsk, 1867. T. 1–3.

3 *Dylewska M., Kowalska K., Mroczkowska A., Podgórska G.* Oktawiusz Wincenty Bourmeister-Rodaszkowski (1820–1895). Wrocław, 1973.

вклад в науку внесли дружившие между собой еще ранее выпускники Дерптского и Киевского университетов Б. Дыбовский и А. Чекановский. Первый из них – доктор медицины и хирургии Берлинского университета и доктор Дерптского университета, перед ссылкой профессор-адъюнкт Главной школы (университета) в Варшаве, обладавший организаторскими способностями, по прибытии в Иркутск в конце 1864 г. выступил с инициативой коллективного изучения природы Сибири.

Предположительно, поездка Дыбовского в качестве эмиссара повстанческого правительства в Киев весной 1863 г. стала одной из причин ареста его друзей, преподавателей и сотрудников Университета св. Владимира геолога А. Чекановского, химика Николая Гартунга и других. Осужденный в Варшаве Дыбовский и в Киеве – Чекановский в разное время оказались на каторге в Забайкалье. Первым в деревню Сивакова (Нерчинский округ) прибыл Дыбовский. Различными способами старался он собрать там естествоиспытателей, охотников и натуралистов-любителей, в том числе Чекановского, Виктора Годлевского, Альфонса Парвекса, Мариана Дубецкого, Леона Домбровского и других. На каторжных работах Б. Дыбовский был с 1864 по 1866 г. После Сиваковой он жил в деревне Дарасун Читинского округа. Эти годы каторги он посвятил организации неофициального исследовательского коллектива, что помогло его участникам не только преодолеть тяготы заключения, но и сохранить и развить собственный интеллектуальный потенциал.

Собранные этой группой экспонаты, с помощью отдела Русского географического общества в Иркутске, Дыбовский и Годлевский пересылали в Варшаву, а Чекановский – в Петербург. Со временем, уже будучи на поселении, они были переведены в Иркутск, где для Чекановского нашлось постоянное место работы в музее. Дыбовский выхлопотал разрешение устроить опытную станцию в Култуке на юго-западном побережье Байкала. Встречались и проводили собрания они в Иркутске. Чекановский и другие натуралисты – Феликс Зенкович, Павел Экерт, Николай Гартунг, Юзеф Калиновский, позже Ян Черский – навещали друзей в Култуке. Показательно, что когда в 1871 г. в Иркутск из Омска прибыл Черский, служивший там в музее, Чекановский сообщил об этом Дыбовскому, и тот, приехав и познакомившись с ним, высоко оценил компетентность молодого натуралиста-любителя и помог ему освоиться в новой научной среде. Ко времени объявления полной амнистии ссыльным – участникам восстания 1863 г. в иркутском музее было около 20 сотрудников-поляков.

Скромное финансирование исследований ссыльных польских ученых осуществлялось из различных источников. Небольшое вознаграждение за канцелярскую работу периодически получал Я. Черский. Большая часть научных исследований Дыбовского и Годлевского в Восточной Сибири, Чекановского в Приполярье, Черского в Байкальском

регионе осуществлялась при минимальной финансовой поддержке Русского географического общества. Средства на проведение экспедиций получали главным образом от продажи собранных природных образцов музеям императорской Академии наук в Петербурге, Зоологическому кабинету Варшавского университета и заграничным музеям. Живя в Сибири, наиболее значительные материальные затруднения испытывал Черский, который только благодаря помощи близких смог покинуть Сибирь в 1885 г.[4]

Из «Дневника» Б. Дыбовского (единственное издание 1930 г.) следует, что уже во время пребывания в заключении в Варшаве он готовился к зоологическим исследованиям в Сибири. Приговор к каторжным работам он воспринял спокойно. Отправляясь на восток, Дыбовский взял с собой несколько книг и необходимое оборудование. В ином положении оказался Чекановский, которому вместе с другими ссыльными пришлось добираться из Киева до места ссылки пешком по этапу. По дороге он коллекционировал насекомых и для их надлежащего описания изготовил лупу из осколка стеклянной бутылки. В Томске он тяжело заболел тифом, что в дальнейшем сказалось на его творческой деятельности. Оба – и Дыбовский, и Чекановский – были, однако, совершенно готовы к проведению местных научных исследований. О том, что представившуюся возможность они использовали в полной мере, свидетельствует награждение их малыми золотыми медалями Русского географического общества за пионерские изыскания в области геологии, зоологии и лимнологии (изучение пресноводных водоемов) в Иркутской губернии. К классическим отнесены научные исследования Чекановского, Черского и Дыбовского, а также Виктора Годлевского, начатые в 1864 г. и продолженные после возвращения ссыльных из Сибири[5].

Наиболее выдающимся достижением Дыбовского и Годлевского было выявление и описание богатства органического мира Байкала, что нашло отражение в многочисленных публикациях, изданных в разных странах, в частности, в указанной выше работе о байкальских ракообразных 1874 г. Дыбовским было описано свыше десятка новых, и в том числе эндемических, видов рачков-бокоплавов. Некоторые работы касались рыб, но большинство посвящены были млекопитающим (в том числе байкальскому тюленю). Пересылавшиеся в Зоологический кабинет в Варшаву чучела и изображения птиц составили основу изданной в 1893 г. моно-

4 *Dybowski B.* O Syberii i Kamczatce. Lwów, 1900. S. 38.

5 Из новой литературы по теме (с многочисленными отсылками к исследованиям российских историков) см.: *Wójcik Z.* Aleksander Czekanowski. Szkice o ludziach, nauce i przygodzie na Syberii. Lublin, 1982; *Idem.* Jan Czerski. Polski badacz Syberii. Lublin, 1986; *Brzęk G.* Benedykt Dybowski. Życie i dzieło. Wrocław, 1994.

графии Владыслава Тачановского «Орнитология Восточной Сибири» («Faune ornithologique de la Sibérie orientale»).

Достижением Дыбовского и Годлевского в области физической географии было фундаментальное изучение южной котловины Байкала. Благодаря приборам, сконструированным Годлевским, удалось измерить глубину этой части акватории озера – провести первое масштабное зондирование. Измерения проводились зимой с покрытой льдом поверхности озера в профилях поперек водоема. При этом появилась возможность установить, что массово гибнущая в определенные периоды рыба голомянка является живородящим видом, открытие это стало научной сенсацией.

Научными экспедициями во главе с Дыбовским и Годлевским было выявлено много уникальных природных явлений Восточной Сибири и Дальнего Востока, вплоть до побережья Тихого океана и Приморья. Они занимались также исследованиями природной среды и экологии органического мира этого практически необъятного по территории и чрезвычайно многообразного по природным условиям края. В частности, исследователями были получены пробы отложений со дна Байкала, которые могли оказаться полезными для лимнологических исследований[6]. Получение этих образцов было также связано с решением технически сложнейшей задачи получения проб с большой глубины в условиях сложного рельефа дна.

Александр Чекановский, после перенесенной в Томске по дороге в ссылку тяжелой болезни, с трудом адаптировался к сибирским условиям. Позднее, находясь на поселении в деревне Падун около Братска, он собирал уникальные природные образцы, а составленные Чекановским коллекции приобрел для императорской Академии наук приезжавший его навестить выпускник Дерптского университета Фридрих Шмидт. Он же выхлопотал перевод поселенца в Иркутск и создание для него мастерской в музее города. Первые систематические исследования, проведенные Чекановским в музейной лаборатории, ознаменовались открытием в пластах каменноугольного месторождения в Усть-Балее (к северо-западу от Иркутска) хорошо сохранившихся окаменелостей насекомых. Определение их возраста показывало, что образование угля относится к юрскому периоду, а не к карбону (каменноугольному), как считалось прежде (Александр фон Гумбольдт). Итоги этих и других исследований Чекановский обобщил в почти 400-страничной монографии (с картой) «Геологическое исследование Иркутской губернии» (1874 г.). Экспедиции Чекановского на север Сибири нашли документальное отражение в отчете «Дневник экспедиции <…> по рекам Нижней Тунгуске, Оленёку и Лене в 1873–1875 годах», опубликован-

6 См., в частности: *Rosolimo L.L.* Bajkał. Warszawa, 1969.

ном в 1896 г., уже после смерти ученого. Эти наблюдения широко используются и по сей день, а детали картографической документации привлекал, в частности, Кароль Богданович во время подготовки строительства Транссибирской железнодорожной магистрали[7].

Осуществление исследовательских замыслов Чекановского после отъезда его из Сибири в 1875 г. продолжил Черский. Главные усилия он сосредоточил на изучении Прибайкалья. С увлечением занимался палеонтологией, особенно изучением скелетов крупных млекопитающих. Написанная им уже в Петербурге монография (более 700 страниц) «Описание коллекции послетретичных млекопитающих животных, собранных Ново-Сибирскою экспедициею в 1885–1886 гг.» (издана в 1891 г.) содержит подробное описание и классификацию как материалов, полученных в Иркутской губернии самой экспедицией, так и хранящихся в музеях собранных ранее коллекций.

Ян Черский не имел специального образования в области естествознания. Во время службы в штрафном батальоне в Омске его внимание на окаменелости моллюсков в отложениях на откосах по берегам реки Омь обратил другой ссыльный – Григорий Николаевич Потанин. До тех пор считалось, что эти отложения были морского происхождения. Анализ находившихся в них окаменелостей показал, что они возникли в существовавшем некогда большом пресноводном водоеме. На месте с проблемой ознакомился академик Александр Миддендорф. Посланные в Берлин для анализа экземпляры подтвердили выводы ссыльного, которые в итоге Черский описал в книге 1876 г. «К вопросу о возрасте геологических слоев в окрестностях Омска» («Zur Frage des Alter in den Umgebungen von Omsk vorkommenden Schichten»). Когда Черский в 1871 г. без разрешения столичных властей перебрался из Омска в Иркутск, это послужило основанием для того, чтобы руководство Сибирского отдела Русского географического общества отказало ему в членстве. Однако благодаря заступничеству Чекановского и Дыбовского его вступление в общество все же состоялось. После официального объявления амнистии в 1883 г. Черский остался в Сибири. В последние годы пребывания в результате недоброжелательного отношения к нему правителя дел отдела Русского географического общества М.В. Загоскина (известного сибирского журналиста и литератора, одного из идеологов сибирского областничества) Черский был лишен права доступа в музей. То, что ему удалось сделать после 1872 г., имеет непреходящую познавательную ценность. Среди его работ особенно выделяются: «Краткий отчет об исследовании Нижне-Удинской пещеры» 1876 г. (четвертичная фауна, мумифицированная в пещер-

7 *Богданович К.И.* Материалы по геологии и полезным ископаемым Иркутской губернии. СПб., 1895.

ных условиях); «Отчет о геологическом исследовании береговой полосы озера Байкала, произведенном по поручению Восточно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества И.Д. Черским», 1886 г.; «О результатах исследования озера Байкал», 1888 г. (карта получила награду на Международном географическом конгрессе в Париже); «Геологическое исследование Сибирского почтового тракта от озера Байкал до восточного склона хр[ебта] Уральского, а также путей, ведущих к Пандунскому порогу на р. Ангаре и в город Минусинск», 1889 г.

Будучи освобожден из ссылки по амнистии, Черский по приглашению Русского географического общества в 1885 г. переехал в Петербург, однако в столице он не имел постоянной работы и потому вместе с семьей в 1891 г. – уже по собственной воле – уехал на Колыму, где в следующем году во время проведения исследований скончался. Его жена Мавра Павловна, исполняя завещание мужа, завершила экспедицию и привезла с собой собранные экспонаты сначала в Иркутск, а затем в Петербург.

Число публикаций, включая объемные монографии именитых и забытых исследователей, базирующихся на материале, собранном ими в Сибири за время ссылки, несомненно, превышает несколько сотен. К ним принадлежат и труды Владыслава Дыбовского и его брата Бенедикта, написанные на основе изучения экспонатов, присланных из Сибири (в частности, улиток), а также ряд работ В. Тачановского из Варшавского университета. Именно благодаря Тачановскому некоторые из собранных ссыльными экспонатов попали в музеи западных стран, а публикации, созданные на этом материале, были напечатаны в Петербурге и в зарубежной научной литературе.

Ссыльные, занимавшиеся естествознанием, в общем не оставались в полной изоляции от научной и интеллектуальной среды. Разумеется, они находили поддержку поляков-чиновников, служивших в различных городах Сибири, например, горного инженера Леонарда Ячевского. Как правило, польским ссыльным старались помочь в осуществлении научных задач и русские, коренные жители Сибири или осужденные на поселение, например Г.Н. Потанин.

Обыкновенно научные начинания ссыльных-поляков поддерживались императорским Русским географическим обществом в Петербурге, позднее большие заслуги в этом отношении принадлежали П.П. Семенову-Тян-Шанскому. Членами этого общества являлись выдающиеся естествоиспытатели – главным образом «русские немцы», некоторые из них получили образование в Дерптском университете, а позднее – академики императорской Академии наук в Петербурге. Без их помощи Чекановский и Дыбовский, а также и Черский не могли бы проводить столь широкомасштабное изучение природных явлений на территории от Урала до Ледовитого и Тихого океанов и даже в Монголии. Неприязнь руко-

водства отдела Русского географического общества в Иркутске к Черскому, в то же самое время награжденному в Петербурге Золотой медалью этого общества, не меняет существа вопроса. К ссыльным-естествоиспытателям относились доброжелательно, и впоследствии они даже получали возможность покинуть Сибирь ранее установленного срока. Что касается Чекановского и Дыбовского, они планировали вернуться за Урал. Осуществить это удалось только Дыбовскому, принявшему предложение занять должность уездного врача на Камчатке. Его пребывание на Дальнем Востоке не оказалось в научном отношении сколько-нибудь плодотворным из-за загруженности врачебной практикой и, главным образом, в связи с отсутствием исследовательского коллектива, который у него был в период изучения Восточной Сибири.

Возвращение в Сибирь в 1891 г. Я. Черского в значительной степени было продиктовано необходимостью продолжения исследований в северной части региона, куда не добрался А. Чекановский. Подорванное здоровье не позволило Черскому до конца осуществить намеченные планы. Однако его последователи все же получили достаточно богатый материал для более детального изучения этой части континента.

Бенедикт Дыбовский местом отбывания каторги выбрал Забайкалье, исходя при этом главным образом из возможности совместной работы с другими ссыльными – натуралистами-любителями, в частности, с А. Парвексом и В. Годлевским. Проезжая берегом Байкала, он отчетливо понял, что тот требует фундаментального зоологического изучения. В незадолго до этого изданной монографии Густава Раде Дыбовский вычитал, что органический мир озера чрезвычайно скуден. Его же собственные наблюдения: наличие разнообразных рыб (в частности, знаменитого омуля), а также млекопитающих (в их числе байкальского тюленя) – опытному фаунисту показывали, что прежние исследователи изучали проблему поверхностно. Когда он поселился в Култуке и вместе с Годлевским занялся систематическим изучением байкальской фауны, то оказалось, что озеро является исключительно привлекательным объектом природы. Многочисленные публикации и отчеты, изданные Дыбовским в разных городах, вызывали у студентов желание продолжать изучение фауны озера. Он оказал также влияние на видного исследователя Байкала уже советского времени – Глеба Юрьевича Верещагина.

Историками естествознания в России были опубликованы некоторые работы Чекановского и Черского[8]. В Польше и в некоторых других

8 *Черский И.Д.* Неопубликованные статьи, письма и дневники. Статьи о И.Д. Черском и А.И. Черском. Иркутск, 1956; *Чекановский А.Л.* Сборник неопубликованных материалов А.Л. Чекановского. Статьи о его научной работе. Иркутск, 1962.

странах им посвящено много исследований, показывающих их вклад в науку в период пребывания в ссылке. Относительно недавно в Новосибирске была издана специальная книга, в которой проанализировано научное наследие Дыбовского[9]. И по прошествии столетия, эти материалы продолжают вдохновлять новые поколения натуралистов и ученых-естествоиспытателей. Вместе с тем труды Дыбовского, опубликованные на польском языке после его возвращения в 1884 г. на родину, относительно мало известны в Сибири из-за их рассредоточенности по разным библиотечным собраниям и языкового барьера. В этой связи следовало бы рассмотреть вопрос о переводе по крайней мере наиболее важных его работ на русский или английский языки. Доступность их для исследователей на английском языке в большей степени могла бы привлечь внимание к разработке такой давней исследовательской проблемы, как, например, первоначально описанные виды фауны Сибири, разумеется, с учетом значения происшедших за истекшие времена изменений видовой структуры животного мира и видового разнообразия. Это особенно важно для исследований изменений географической среды под влиянием антропогенных и экологических факторов. Реализация этого замысла в значительной степени напоминала бы не только о достижениях ссыльных-поляков, но также и об обстоятельствах, в каких им довелось вести научную работу, несмотря на экстремальные условия, когда они находились на каторге или на поселении.

Перевод Г.В. Макаровой

9 Бенедикт Дыбовский / Сб. ст. под ред. О.М. Кожовой и Б.С. Шостаковича. Новосибирск, 2000.

Л.А. Кирилина
(Москва)

Словенские политики о польском вопросе во второй половине XIX – начале XX в.

Особо близких контактов и взаимопонимания у польских и словенских политиков во второй половине XIX в. не было. Уровень национально-политического и культурного развития, исторические традиции, задачи национального освобождения слишком различались. Словенцы, стоявшие на позициях австрославизма, стремились к преобразованию габсбургской империи на федеративных началах, и вершиной их национальных чаяний вплоть до начала Первой мировой войны было создание Объединенной Словении – автономной территориально-административной единицы в составе монархии, о возможности отделения от которой они и не помышляли. Основу практической деятельности словенских политиков составляла в основном борьба за национально-культурные права своего народа. Они ориентировались прежде всего на сближение с другими австрийскими югославянами и с чехами, от поляков по преимуществу дистанцировались.

Первые упоминания о польском вопросе в словенской политической прессе появились в период революции 1848 г., и были они довольно скудными. В целом словенские политики – как либералы, так и консерваторы выказывали отрицательное отношение к национально-освободительным и объединительным движениям поляков и итальянцев, что было обусловлено их желанием сохранить целостность Австрийской монархии и приверженностью идеям австрославизма. Словенские идеологи осуждали стремление к восстановлению Польского государства, так как, во-первых, это привело бы к отторжению Галиции от империи и, во-вторых, как опасались члены либерального венского общества «Словения», на границе Австрийской империи возникло бы еще одно, наряду с Россией, сильное и недружественное государство. По тем же причинам словенцы возражали и против отделения Ломбардии от монархии Габсбургов. Поляки вызывали у них особое негодование, так как не желали воспользоваться преимуществами обещанной Габсбургами национальной свободы, стремились к созданию

собственного государства в ущерб единству всех австрийских славян, а кроме того, тяготели к республиканской форме правления[1].

Восстание 1863–1864 гг. в Царстве Польском получило освещение в единственной в то время словенской газете «Кметийске ин рокодельске новице» («Сельскохозяйственные и ремесленные новости»), издававшейся крупнейшим словенским политиком умеренно консервативного направления Я. Блейвейсом. Газета ставила перед собой прежде всего просветительские задачи распространения словенского языка, помощи крестьянам в их практической деятельности, воспитания их религиозных чувств, политических вопросов касалась вскользь. Однако в «Новицах» все же имелся краткий и сугубо информативный раздел «Зарубежные и отечественные новости». В этом разделе в каждом номере газеты начиная с 24 января 1863 г. регулярно сообщалось о ходе восстания. Безусловно, считалось, что оно имеет первостепенное значение. «Весь мир смотрит сейчас на Польшу, и все другие события меркнут перед тем, что там происходит»[2]. Вместе с тем в сообщениях постоянно подчеркивалась недостаточность сведений о ходе восстания и невозможность спрогнозировать ход развития событий. «Уже 5 недель, как начался бунт, но мы совсем не знаем, чем закончатся эти беспорядки. Бои идут то тут, то там, то победу одерживает русская армия, то бунтарская польская», сообщалось в номере газеты от 21 февраля. «О польском бунте говорят по-разному, единственное, что точно известно, – он разрастается»[3]. Провозглашение образования Польского Национального правительства и отвержение польскими повстанцами манифеста императора Александра II были восприняты словенцами негативно.

В целом польский вопрос газета трактовала в рамках политики австрийского правительства. Великобритания, Франция и, хоть и менее решительно, Австрия заявили о своей готовности «защитить» польский народ и потребовали определенных гарантий для Польши (июнь). Когда российский император Александр II заявил о своем принципиальном согласии с предложениями этих держав, но отметил невозможность их осуществления, поскольку поляки стремились расчленить Россию и вернуть польское государство к границам 1772 г., словенские политики в «Новицах» высказали удовлетворение, что австрийское правительство, в отличие от Великобритании и Франции, не слишком настаивало на удовлетворении своих требований[4].

---

1 *Кирилина Л.А.* Словенцы и революция 1848–1849 гг. М., 2000. С. 52.

2 Kmetijske in rokodeljske novice (далее – Novice). Ljubljana. 28.02.1863.

3 Ibidem. 07.03.1863.

4 Ibidem. 18.07.1863.

В кратких корреспонденциях газеты подчас сквозило уважение к стойкости повстанцев. «Твердое намерение поляков – воевать, пока они не победят или не погибнут», – отмечалось в одном из июльских номеров «Новиц»[5]. 15 августа в газете сообщалось: хотя поляки «видят, что ничего не добьются», но бои продолжаются. А в номере от 5 сентября, информируя о поражении повстанческой армии польского генерала Э. Тачановского, корреспондент подчеркнул его личное мужество.

С августа 1863 г. сообщения о событиях в Царстве Польском появляются все реже и реже, пока полностью не исчезают со страниц газеты.

Сообщения в «Новицах» о восстании были краткими и нейтральными, никаких оценок описываемым событиям не давалось. Судить о позиции редакции по отношению к нему можно лишь по некоторым моментам. Так, 13 июня в разделе было полностью приведено открытое письмо чешского историка и политика Ф. Палацкого редакции журнала «Болеславан», исказившей в одной из своих публикаций его позицию. Палацкий в письме прояснил свою точку зрения относительно польского восстания. Сначала он подчеркнул, что Александр II – не тиран, а царь, освободивший свой народ от многовекового крепостного гнета, и от него можно и в дальнейшем ждать справедливых реформ. Полякам не надо было восставать. «Нынешний польский бунт – большое несчастье не только для нас, но и для поляков», – писал Палацкий. Чешский историк высказал убеждение, что отделение от России вряд ли даст полякам независимость. «Прошли времена, когда возникали и независимо существовали второсортные и третьесортные государства. Сейчас время централизма. <…> Поэтому я полагаю, что нынешняя борьба поляков не достигнет своих целей».

Необходимо отметить, что речи или письма полностью печатались в «Новицах» обычно, если это были выступления коронованных особ, иногда – особенно важные речи депутатов рейхсрата. Такое внимание к письму Ф. Палацкого, по-видимому, можно объяснить тем, что высказанные чешским политиком взгляды были в какой-то степени созвучны мнению редакции «Новиц».

В целом словенские политики не симпатизировали восставшим полякам, но писали о восстании сдержанно, постоянно ссылаясь на нехватку информации или ее противоречивость. Вообще к антиправительственным бунтам они относились негативно, тем более к тем, которые, с их точки зрения, не имели оснований, – ведь в национальном отношении поляки, по мнению словенцев, находились в намного более выгодном положении, чем словенцы. О такой позиции свидетельствует одна из статей, опубликованная в «Новицах» несколько позже, в 1867 г., и посвященная Этнографической выставке в Москве. В частности, в ней рассказывалось

5 Ibidem. 11.07.1863.

о посещении славянами польских городов. В Варшаве, где славянские гости находились более суток, они осмотрели православную и католическую церкви, русскую и польскую гимназии. Корреспондента «Новиц» приятно удивило то, что преподавание в польской гимназии велось на польском языке. «При таком положении вещей, – замечал он, – всякий умеренный человек может только удивляться, почему поляки недовольны своим правительством, если у них польский язык в школах и учреждениях, и даже железнодорожные билеты напечатаны на польском языке». По его мнению, поляки имели уже все, за что словенцы боролись в конституционной Австрии[6].

С 1867 г. до середины 1890-х гг. большинство словенских депутатов австрийского рейхсрата вместе с чешскими, польскими, русинскими, хорватскими депутатами и немецкими консерваторами традиционно являлись членами консервативного клуба, возглавлявшегося К. Гогенвартом. Характерно, что словенцы на заседаниях рейхсрата в 1868 г. поддержали требования поляков о широкой автономии для Галиции, надеясь, что «если осуществятся требования поляков, должны осуществиться также требования Крайны и Тироля»[7]. Поддержка словенскими депутатами польских требований вызвала неодобрение ряда словенских политиков. Печатный орган либералов газета «Словенски народ» все настойчивее рекомендовала им присоединиться к чехам, вместо того чтобы «слепо поддерживать стремления поляков». Когда в январе 1870 г. умеренные консерваторы Л. Томан и Л. Светец вновь поддержали в рейхсрате требование автономии Галиции, «Словенски народ» потребовал, чтобы словенские депутаты отказались от солидарности с поляками, не приносящей пользы словенцам, и выдвинули резолюцию с требованием Объединенной Словении, а если ее не примут, то уехали бы из Вены. Депутаты вняли этому призыву. 10 февраля 1870 г. они подписались под предложением румынского депутата А. Петрика расширить автономию, которую требуют поляки для Галиции, на все австрийские земли. После отказа немецкого либерального правительства удовлетворить требования об автономии поляки покинули Вену, а вслед за ними уехали и словенцы[8]. Когда пришедшее в феврале 1871 г. к власти правительство К. Гогенварта попыталось осуществить свою программу расширения административной автономии земель, в том числе предусматривавшую автономию Галиции, словенцы были недовольны. Их национальный лидер, консервативный политик Я. Блейвейс, высказался против «особых прав поляков», за «одинаковую

6 Ibidem. 05.06.1867.

7 *Cvirn J.* Razvoj ustavnosti in parlamentarizma v Habsburški monarhiji. Dunajski državni zbor in slovenci (1848–1918). Ljubljana, 2006. S. 254.

8 Ibidem.

автономию для всех»[9]. Падение правительства Э. Тааффе (1893) положило конец коалиции словенцев с немецкими консерваторами в австрийском рейхсрате. На рубеже XIX–XX вв. парламентские союзы с чехами и поляками не приносили ожидаемых результатов. Ближе всего словенцам были русины, также выступавшие за введение автономии на основе естественного права, и, конечно, хорваты, «братья-югославяне», на заключение союзов с которыми словенцы стали делать главную ставку[10].

Вместе с тем словенские политики в конце XIX в. проявляли интерес к полякам и стремление к взаимодействию с теми их политическими течениями, которым были близки идеи славянской взаимности. Этому способствовали распространение русофильских идей в среде словенской либеральной интеллигенции после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., а также развитие идей славянской взаимности, стремление к упрочению связей между родственными славянскими народами, характерное практически для всех словенских политических партий того времени.

Нами будут рассмотрены позиции по польскому вопросу либералов и католиков – малочисленные социал-демократы в то время не оказывали серьезного влияния на словенскую политику, да и интереса к национальному вопросу особо не проявляли. Ведущие и далее все укрепляющиеся позиции на словенской политической сцене занимали католики, популярность либералов падала. Борьбой за политическое влияние этих двух партий объясняются многие нюансы их отношения к национальным проблемам, в том числе и польским.

Идея славянской взаимности особой популярностью среди австрийских поляков не пользовалась. В основном все польские партии делали акцент на государственном праве и католичестве и отвергали какое-либо сотрудничество с Россией. Однако в 1890-х гг. некоторые польские политики в Галиции стали стремиться к укреплению связей с другими австрийскими славянами. Причиной этого было ухудшение положения поляков в Пруссии, усиление там германизаторской политики, а также появление надежд на сотрудничество с Россией после восшествия на престол Николая II, посещения им в 1897 г. Варшавы и разрешения открыть в ней Политехнический университет.

Благодаря тенденциям к сохранению статуса-кво, преобладавшим тогда в европейской политике, отношения России и Австро-Венгрии в политическом плане характеризовались стремлением прийти к компромиссу, достаточно успешно развивались они и в сфере экономики.

---

9 Ibidem. S. 256.

10 *Rahten A.* Slovenska ljudska stranka v dunajskem parlamentu. Slovenska parlamentarna politika v habsburški monarhiji 1897–1914. Celje, 2001. S. 141–142.

За сближение с Россией активно выступал лидер младочехов К. Крамарж. Разрешение русско-польских разногласий он считал делом первостепенной важности и стремился преодолеть их путем привлечения поляков к межславянскому сотрудничеству. В этот период вновь укрепилось взаимодействие австрийских славян и в рейхсрате. Надежды на дальнейшее сближение окрепли после проведения в декабре 1897 г. встречи австрийских славян в Кракове, а в 1898 г. Всеславянского съезда в Праге.

Орган словенских либералов газета «Словенски народ» с воодушевлением писала после Краковской встречи, что с переходом поляков из оппозиции в «славянское большинство» поляки станут «главным стержнем правой славянской группировки» и, наряду с чехами, станут ближайшими союзниками словенцев[11]. Газета горицких либералов «Соча» отмечала, что, с поворотом поляков к другим славянам растет число сторонников славянской взаимности[12]. Довольны прошедшими встречами были и словенские католики. В печатном органе католической партии, газете «Словенец», в статье, посвященной Католическому Славянскому съезду в Праге 1898 г., говорилось: «Католическая и славянская идея будут доминировать на этом важном съезде <…> И когда наступит день, когда славяне объединятся на основе этих двух идей, тогда их не победит никто, тогда славянин действительно станет спасителем скатывающейся в пропасть Европы»[13].

И католикам, и либералам были близки идеи славянской взаимности. Однако либералы ориентировались в своей политике на младочехов, а также на сближение с югославянами, включая сербов и болгар. Некоторые словенские либералы после 1905 г. присоединились к неославистскому движению. Взгляды словенских либералов о возможностях сотрудничества с поляками и ориентации на Россию разнились. Вообще в словенской либеральной прессе этим вопросам уделялось не много внимания.

Лидер словенских неославистов, люблянский жупан и русофил И. Хрибар, один из ближайших сподвижников К. Крамаржа, стремясь привлечь поляков к неославистскому движению и достичь русско-польского примирения, в отличие от последнего, не считал поляков решающим фактором всеславянского движения[14]. Главным для него было установление связей с Россией, опора на нее.

Известный словенский поэт, редактор крупнейшего словенского литературного журнала того времени «Люблянски звон» («Люблянский колокол») А. Ашкерц, посетив в 1901 г. Варшаву во время своей поездки

11 Slovenski narod. Ljubljana.13.12.1897.

12 Soča. Gorica. 17.12.1897.

13 Slovenec. Ljubljana. 04.08.1898.

14 *Gantar Godina I.* Neoslavizem in Slovenci. Ljubljana, 1994. S. 92.

по России, в своих путевых заметках писал о поляках с симпатией. «Поляки – крепкий народ с сильно развитой индивидуальностью. Несомненно, русское правительство проявляет величайшую несправедливость к своим ближайшим братьям, поскольку не разрешает польских школ, но, несмотря на сильные притеснения, и в России поляки не отстают в национальном смысле. Варшава является духовным центром польской жизни и поддерживает постоянные культурные связи с Краковом и Львовом. Польские писатели, поэты и художники пользуются мировым почетом. Все это может утешить польский народ в плане потери политической независимости»[15].

Б. Вошняк, юрист и публицист, впоследствии один из видных словенских либеральных политиков, еще в студенческие годы (в 1904 г.) отправился в путешествие по России и затем на основании своих путевых заметок написал книгу «На рассвете». Вошняка увлекали идеи славянской взаимности, а также возможностей русско-польского и польско-славянского сотрудничества. По его мнению, «только два народа были призваны стать идейными вождями славянства – поляки и русские». Однако поляки, преданные Западу, не смогли бы дать славянству ничего самобытного. «Поляки всегда были очень ненадежными людьми, эгоистичными до крайности»[16]. Впрочем, Вошняк заметил, что среди поляков «зародилось склонное к славянам движение, которое хоть еще и молодо, но является многообещающим». Необходимо «пробудить поляков от прежней летаргии и привить им понимание славянских проблем»[17].

Словенский студент подчеркнул, что отношения русских и поляков издавна стали одной из серьезнейших славянских проблем, требующих решения. Он выступил против независимости Польши, считая, что поляки злоупотребили бы ею. При этом Вошняк признавал, что царское правительство допустило в польской политике очень много ошибок[18].

Чуть позже Б. Вошняк стал неославистом. В 1908 г. он опубликовал в журнале «Люблянский звон» статью о Славянском съезде в Праге, где вновь вернулся к рассмотрению польского вопроса. Как и Крамарж, Вошняк подчеркнул первостепенную важность разрешения русско-польских конфликтов для славянского сотрудничества и отметил положительные сдвиги в этом направлении на Славянском съезде. Он полагал, что задача русской интеллигенции – потребовать от российского правительства равноправия для поляков и осудить их преследования. Вошняк

15 *Aškerc A.* Dva izleta na Rusko. Črtice s potovanja // Ljubljanski zvon. Ljubljana, 1903. S. 477.

16 *Vošnjak B.* Na razsvitu. Ruske študije. Ljubljana, 1906. S. 6.

17 Ibidem. S. 338.

18 Ibidem. S. 10, 13.

был убежден, что с падением абсолютизма в России началась новая эпоха, в которой произойдет «гигантское увеличение мощи славянства»[19].

Пожалуй, наибольший скепсис в отношении возможности сотрудничать с поляками высказал русофил Ф. Подгорник, издатель газеты «Словански свет». После 1897 г. он посвятил рассмотрению польского вопроса ряд статей. Подгорник считал, что поляки не готовы к сотрудничеству с другими славянами, и сомневался в том, что они смогут «преодолеть собственный национализм». «Братство с польским дворянством не имеет фундамента и вскоре рассыплется прахом», – предупреждал он. Одной из главных причин настороженного отношения Подгорника к полякам, по мнению словенской исследовательницы И. Гантар Годины, было осуждение им тяжелого положения русинов (малороссов), виной которому он считал поляков, не признававших их национальных требований. Подгорник указывал, что поляки ничем не доказали, что стремятся «справедливо решить национальный вопрос в Галиции»[20]. Вообще для этого политика была характерна идеализация России и православия.

Католики, мыслившие сотрудничество между славянами прежде всего на основе католической веры, уделяли польскому вопросу значительно больше внимания, чем либералы.

Многие католические интеллигенты выступали в начале XX в. за установление более тесных связей с поляками. Тепло приветствовал поворот поляков к славянам священник Ф.К. Гривец. Как важный шаг в этом направлении он обозначил создание Славянского клуба в Кракове в 1901 г., возглавил который польский филолог, историк литературы и публицист М. Здзеховский, сторонник идеи славянской взаимности. Гривец был убежден, что славянская идея важна для поляков так же, как и для малых славянских народов. Он выступал за сотрудничество австрийских славян с поляками, так как благодаря этому западные славяне быстрее сблизятся культурно и духовно, и среди них утвердится «глубокое религиозное сознание» (католическое). Для поляков польско-славянская взаимность также очень важна, поскольку «если польский народ хочет успешно свершить свою высокую духовную миссию, внести свой вклад в дело морального и религиозного возрождения человечества, он должен быть в союзе с другими народами, прежде всего с теми соседними народами, с которыми он связан общим происхождением, близостью языка и идей»[21].

Любопытно, что в установлении польско-славянских связей Гривец видел и возможность разрешения религиозных проблем в России, поскольку польско-славянская взаимность, основанная на культурной ра-

19 Ljubljanski zvon. 1908. S. 603.

20 *Gantar Godina I.* Op. cit. S. 34, 59–60.

21 Katoliški obzornik. 1902. № 6. S. 220.

боте, способствовала бы достижению духовного единства всех славян. В статье, посвященной IV Съезду славянских журналистов, прошедшему в 1902 г. в Любляне, Гривец особое внимание уделил приехавшим на съезд полякам, прежде всего представителям краковского Славянского клуба Здзеховскому и Конечному, с удовлетворением упомянув о посещении Здзеховским епископа А. Махнича на Крке[22].

Неославистское движение словенские католики не поддержали, во многом из-за того, что в нем активно сотрудничали либералы. Однако в их печатных органах появлялось много статей в поддержку идей славянской взаимности, особенно акцентировалось внимание на польском вопросе.

В 1908–1909 гг. католическая партия провела акцию пропаганды польских университетов. В то время много словенских студентов училось в Пражском университете, в Краковском же их было всего двое. Но Прага воспринималась словенскими католиками как символ свободомыслия, а Краков и Львов – как символы консерватизма. Либерально настроенная молодежь ехала учиться в Прагу. Поэтому католики стали активно пропагандировать польские университеты (за исключением лидера христианских социалистов Я. Крека, который в 1908 г. высказывал пожелание, чтобы Прага стала «общей твердыней наших национальных и религиозных идеалов»[23]).

Католические священники – Ф.К. Гривец в газете «Католишки обзорник» («Католический обозреватель»), А. Вебле в газете «Зора» («Заря») и Л. Ленард (последний обучался во Львовском университете в 1903–1904 гг., куда, кстати, его послал один из крупнейших католических идеологов А. Махнич) в журнале «Час» («Время») – активно советовали студентам-католикам получать образование в польских университетах[24]. Вебле утверждал, что Прага, где «все больше распространяются интернационализм, космополитизм и анархизм», – неподходящее место для словенских студентов, польские университеты в Кракове и Львове значительно ближе им «в религиозном плане»[25].

В католической прессе часто появлялись сообщения о солидарности поляков с борьбой словенцев за создание собственного университета, об их отказе от «польско-шовинистических позиций», когда им дела не было до других славян, об их готовности к сотрудничеству. Когда в 1909 г. в Любляну приехала группа Академического драматического общества из Кракова (собственно говоря, ее приезд положил начало контактам

22 Dom in svet. 1902. S. 380–381.

23 Slovenec. 05.09.1908.

24 *Gantar Godina I.* Op. cit. S. 68, 107–108.

25 Ibidem. S. 106.

словенских и польских студентов), словенские католики провозгласили Краков «центром словенско-польской дружбы»[26], при этом подчеркивая бóльшую «духовную близость» словенцев с поляками, чем с чехами.

В журнале «Час» в 1907–1909 гг. было опубликовано много польских статей, перепечатанных в основном из краковской газеты «Свят Словански» и касающихся польских и российских проблем. В статье «От абсолютизма до конституции в России» (1907) Л. Ленард изложил основные идеи одноименной книги поляка А. Шарловского, опубликованной в Кракове в 1906 г.[27] Польский автор предпринял попытку проследить историческое развитие русской демократии со времен земских соборов до революции 1905 г. Особое внимание он уделил школе русских славянофилов, по его мнению, оказавшей своей пропагандой «абсолютизма и православия» большое, «но при этом пагубное» влияние на развитие общественной мысли в России[28].

В 1907 г. в журнале была также напечатана статья М. Здзеховского «Русские и поляки»[29], в которой описывались история русско-польских отношений, ужасы российского самодержавия и притеснения поляков в России. Основная идея этой публикации заключалась в том, что поляки смотрят на свое будущее в азиатской России «со страхом и грустью». В журнале «Час» печатались также статьи о России и польском вопросе словенских авторов – главным образом Л. Ленарда, несколько лет проведшего во Львове и потому лучше других осведомленного о русско-польских проблемах, сквозь призму которых он и рассматривал российские реалии.

Л. Ленард в своей брошюре о панславизме, опубликованной на немецком языке в 1906 г., и в статьях 1909 г. в журнале «Час» («Русско-польское согласие», «Три славянские программы», «Объединение церквей», «Будущее русского государства») стремился показать иллюзорность надежд неославистов на плодотворное сотрудничество с Россией, которую, по его мнению, даже нельзя назвать европейской страной. Он писал, что в России правит бюрократия, лишенная патриотизма и подверженная влиянию Германии[30]. В неославизме Ленард видел просто «последнюю попытку возродить старый панславизм»[31]. Сближаться с Россией, даже просто в сфере культуры, словенцам, по мнению Ленарда, не стоило: «Зачем нам искать культурного сближения с государством, которое доныне

26 Slovenec. 25.8.1909.
27 Čas. Ljubljana, 1907. S. 74–80.
28 Ibidem. S. 76.
29 Ibidem. S. 97–108.
30 Čas. 1909. S. 84.
31 Ibidem.

в течение многих столетий лишь уничтожало культуру?»[32] По-мнению Ленарда, русских и словенцев разделяют религиозные «догматы, политика, история, образ жизни, культура»; Православие, – утверждал он, – отделяет от католицизма целая группа понятий, которые можно обозначить общим словом “византинизм”»[33].

Ленард высказал симпатии к национально-освободительной борьбе поляков. По его мнению, борьба поляков в России «принесла бы пользу всему славянству, так как могла бы повлиять на изменение российских обстоятельств, т. е. Россия ввела бы правовые отношения и тем самым способствовала бы уменьшению немецкого давления, прежде всего в Пруссии[34].

Русско-польское сближение, которое планировали достичь К. Крамарж, Р. Дмовский и некоторые русские интеллигенты, по мнению Ленарда, «нереально и невозможно», поскольку «между русским и поляком стоит почти непреодолимая стена, различная культура, на одной стороне – византинизм, к которому примешано татарское влияние, на другой – западноевропейский католицизм». «Сейчас положение в действительности таково, что не стоит ожидать, что Россия заключит с поляками соглашение»[35].

В противовес неославистской программе Ленард призвал соотечественников поддержать политическую программу консервативной польской группировки, чьим органом являлась газета «Свят славянски». Один из главных пунктов этой программы гласил: «Центр славянства находится не в России, а в Австрии. Русские славяне <…> еще более подневольны, чем турецкие. Возможно, настанет время, когда Австрия должна будет освободить Россию от абсолютизма и бюрократизма»[36].

Отдельную статью Ленард посвятил вопросу об объединении католической и православной церквей[37]. «Весь вопрос об объединении церквей сводится конкретно на практике к следующему: как усилить и расширить культурное влияние католичества на православие». Ленард считал, что «единственный элемент в России, представляющий западную культуру, – это поляки», и австрийские католики должны их всячески поддерживать.

В статье «Будущее русского государства»[38] Ленард попытался спрогнозировать наиболее вероятный путь развития России. Для России, по мнению Ленарда, существовало четыре варианта. Во-первых, государ-

32 Ibidem. S. 85.
33 *Gantar Godina I.* Novoslovanska ideja in Slovenci. S. 538–540.
34 Zora. 1908–1909. S. 107–108.
35 Čas. 1909. S. 81, 82.
36 Ibidem. S. 86.
37 Ibidem. S. 136–139.
38 Ibidem. S. 222–228.

ство могло постепенно реформироваться сверху. Во-вторых, не был исключен революционный путь развития. В-третьих, все оставалось бы по-старому еще длительное время. В-четвертых, Россия могла пасть под натиском внешних сил. Исключив первые два варианта как малореальные, третий вариант развития событий (все остается по-старому) Ленард считал вполне возможным, но наиболее вероятным ему казался последний вариант – внешней катастрофы. По его представлениям, скорее всего, немцы с помощью поляков подчинят Россию своему политическому влиянию. Далее следует неожиданный вывод: «Не стоит думать, что тогда еще много миллионов славян утонет в немецком море, произойдет обратное: русские приобщатся к западной культуре, окрепнут экономически и затем прогонят чужеземцев прочь, или абсорбируют их в себя, что они уже проделали со многими другими народами»[39]. Итак, по мнению Ленарда, славяне в любом случае были бы в выигрыше.

Итак, во второй половине века польский вопрос в целом не стоял в центре внимания словенских политиков, их контакты с поляками развивались далеко не так интенсивно, как, например, с чехами или с хорватами. Лишь на рубеже веков, с ростом популярности идей славянской взаимности, а затем неославизма у австрийских славян, словенские католики и либералы стали проявлять больший интерес к полякам, надеясь на возможность сотрудничества. Однако на установление связей с консервативной польской группировкой в Галиции ориентировались прежде всего представители католической партии, для которых во главе угла стоял вопрос единого вероисповедания, в противовес либералам, тесно контактировавшим с младочехами и масариковцами. При всем различии интерпретаций ими польских проблем, никто из словенских политиков в рассматриваемый период не поддерживал идей воссоединения Польши. Практически никто из них тогда не помышлял о возможности распада Габсбургской монархии, и все их национальные планы были связаны с ее федерализацией. Для словенцев речь шла прежде всего о привлечении поляков к сотрудничеству, к их включению в совместную национальную борьбу австрийских славян.

39 Ibidem. S. 228.

Ян Шумский
(Варшава)

ЦК КПСС и начало работ над проектом по истории восстания 1863–1864 гг.

В статье предпринята попытка оценки роли, которую сыграл Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза в процессе работы над проектом Академии наук СССР и Польской академии наук публикации документов по истории восстания 1863–1864 гг. Излишним было бы говорить о том, что в Советском Союзе рычаги реальной власти находились в руках ЦК КПСС. Эту тотальную власть осуществляла правившая партийно-государственная элита, контролировавшая все институты советского общества, в том числе и научные исследования. Партийно-государственная верхушка при помощи широко разветвленного бюрократического аппарата координировала и контролировала научные исследования, выделяя на развитие науки значительные ресурсы. О роли власти в развитии советской науки, особенно в послевоенный период, свидетельствуют публикации документов, касающихся взаимоотношений «власти и науки» в период от 1922 до 1958 г.[1]

В связи с вышесказанным представляется, что история советской исторической науки, польско-советских отношений в сфере науки и даже изучение отдельных тем, в частности публикации документов по истории восстания 1863–1864 гг., не может быть полно представлена без обращения к документам директивных органов партийно-государственной власти. Конечно, закрытость части источниковой базы не позволяет изучить ряд проблем в полной мере. Большая часть протоколов Президиума ЦК и Секретариата ЦК «брежневского» периода, личные фонды советских партийных лидеров находятся на закрытом хранении. Поэтому хронологические рамки статьи будут ограничены до начала 1960-х гг. прошлого столетия.

Источником для нашего исследования послужили материалы открытых для изучения фондов существовавших в разное время отделов

1 См.: Академия наук в решениях Политбюро, ЦК РКП (б) – ВКП (б) – КПСС. 1922–1991. Т. I. 1922–1952 / Сост. В.Д. Есаков. М., 2000. 591 с. См. также: Академия наук в решениях ЦК КПСС: Бюро Президиума, Президиум, Секретариат ЦК КПСС. 1952–1958 / Отв. сост.: В.Ю. Афиани, В.Д. Есаков. М., 2010. 1279 с.

аппарата ЦК КПСС, в первую очередь, материалы нескольких описей фонда 5 – Отдела науки и культуры, Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС, а также отдела ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями. Эти документы хранятся в Российском государственном архиве новейшей истории, который является одним из наиболее «молодых» федеральных архивов, где хранятся преимущественно документы, связанные с деятельностью ЦК КПСС с 1952 по 1991 г. Большинство фондов архива находится на закрытом для исследователей хранении и используется в служебных целях. В течение последнего периода рассекречивание документов происходило в основном в рамках реализации совместных международных проектов и касалось отдельных проблем, а не целого исторического периода[2].

Дополнительно по ходу работы над статьей привлекались фонды Института славяноведения, хранящиеся в архиве Российской академии наук. Вопросы исторической науки в контексте работы над проектом публикации источников по восстанию 1863–1864 гг. находят отражение также во внутренней документации Академии в качестве ответов на запросы вышестоящих инстанций и предоставленных для них справок или же обращений к ним Академии и ее институтов[3].

Возвращаясь к проблеме роли, которую играл ЦК КПСС в «научной» политике советского государства, необходимо отметить, что вокруг нее возникло множество мифов, в которых ЦК партии предстает в образе некой таинственной и всемогущей структуры. Надо сказать, что последние публикации российских и иностранных исследователей, а также относительная открытость архивов в постсоветский период позволяет нам взглянуть на эту проблему более взвешенно с привлечением ранее недоступных источников. Более того, открывается возможность детально проследить ход выработки того или иного решения, а иногда и понять мотивацию, которой руководствовались партийные функционеры в решении отдельных вопросов.

---

2 См.: Чехословацкий кризис 1967–1969 гг. в документах ЦК КПСС. Статьи, исследования, документы / Сост.: Л.А. Величанская (ответственный составитель), Т.А. Джалилов, М.Ф. Кишкина-Иваненко, М.Ю. Прозуменщиков. М., 2010. 1151 с.

3 Проблема сотрудничества польских и советских историков на основании материалов архива Российской академии наук рассмотрена в статье Б.В. Носова. См.: *Носов Б.В.* Сотрудничество российских и польских историков в 1940–1950-е годы (в свете документов Архива Российской академии наук) / Л. Заштовт (отв. ред.) // Akademie nauk. Uniwersytety. Organizacje nauki. Polsko-rosyjskie relacje w sferze nauki XVIII–XX w. Warszawa, 2013. S. 175–202.

В номенклатуре ЦК ВКП (б) / КПСС[4] вопросы, связанные с наукой, в частности, с исторической наукой, находились в разное время в ведении различных административных структур и их подразделений. Большинство решений по науке принимал Секретариат ЦК КПСС после получения докладных записок из своих отделов. Вопросы исторической науки и гуманитарных наук входили в 1940-е гг. в сферу компетенции Отдела агитации и пропаганды, который впоследствии был реорганизован в Управление пропаганды и агитации. На рубеже 1940–1950-х гг. произошел ряд организационных изменений аппарата ЦК ВКП (б), в результате чего был создан самостоятельный Отдел науки. На протяжении 1950-х гг. произошла череда реорганизаций, и Отдел, помимо вопросов науки, попутно занимался культурой (в 1953–1955 гг. Отдел науки и культуры ЦК КПСС), высшими учебными заведениями и школой (в 1955–1962 гг. Отдел науки, высших учебных заведений и школ ЦК КПСС)[5].

Процедура принятия решений в ЦК КПСС была достаточно сложной. Обычно ЦК поручал разработку вопроса одному из своих отделов, прежде всего отделу науки, который в свою очередь использовал в своей работе экспертизы профессиональных историков (согласно партийным документам, «консультантов») из различных учреждений – институтов АН СССР, Института Маркса-Энгельса-Ленина (ИМЭЛ), Главного Архивного Управления (ГАУ) МВД СССР, историко-дипломатического управления Министерства иностранных дел СССР и др. Особое место в выработке интерпретационных схем по истории славянских государств и реализации международных проектов в рамках стран социалистического лагеря занимал Институт славяноведения (в 1968 г. он был переименован в Институт славяноведения и балканистики) АН СССР. При этом фактически институт находился в двойном подчинении – с одной стороны властям АН СССР, а с другой – ЦК КПСС[6].

Институт славяноведения в ряду других учреждений и институтов АН СССР был своего рода научно-исследовательским и экспертно-идеологическим центром, в котором в тесной взаимосвязи с отделами ЦК ВКП(б) / КПСС выстраивались советские схемы и концепции исто-

4 В 1952 г. Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) ВКП(б) была переименована в Коммунистическую партию Советского Союза (КПСС).

5 Более подробно см.: *Шумскі Я.* Аддзел навукі ЦК УКП(б) / КПСС і фарміраванне гістарычнай свядомасці «народаў СССР» на прыкладзе БССР / Рэд. С. Дусэт, А. Дынько, А. Пашкевіч // Вяртанне ў Еўропу: мінулае і будучыня Беларусі. Варшава, 2011. С. 119–127. См. также: Отдел науки ЦК КПСС 1953–1966 гг. Аннотированные описи / Научн. ред. Прозуменщиков М.Ю; сост.: М.Ю. Киселев, И.В. Казарина, Л.А. Величанская, Л.В. Чарская. М., 2006. С. 6–9.

6 О двойной подчиненности институтов АН СССР также упоминал в своем труде российский историк Б.В. Носов. См.: *Носов Б.В.* Указ соч. С. 176.

рии славянских народов и государств (Польши, Чехословакии, Болгарии, Югославии) и союзных республик (Белоруссии и Украины). Реализация большинства международных проектов с участием историков стран «народной демократии» и союзных республик – создание на основе марксистской методологии истории славянских народов, издание томов по истории Январского восстания 1863 г. и др. – проходила под научным патронажем Института славяноведения.

Обращаясь непосредственно к истории создания фундаментальной 25-томной публикации источников по истории Январского восстания, следовало бы отметить, что изменения в политической жизни в СССР во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг., после смерти Сталина, коснулись и исторической науки. Общественно-политические процессы, приведшие к переменам на верхах политического Олимпа как в Советском Союзе, так и в странах – союзницах СССР, требовали поиска новых форм сотрудничества, выработки взаимоприемлемых концепций как национальной истории, так и исторического процесса в целом. И если в случае с белорусской, украинской историей основным вектором было обоснование извечного стремления к единству русского, украинского и белорусского народов, то в случае с Польшей и другими славянскими государствами из социалистического лагеря дело выглядело сложнее. Компромиссный вариант решено было искать в диапазоне между «патриотически-прогрессивными» и советско-марксистскими схемами.

На исходе апреля – в начале мая 1954 г. ПНР посетила делегация советских историков во главе с академиком А.М. Панкратовой. Польская сторона обратилась к ним с рядом предложений, направленных на «оживление научных контактов». Советский посол в Варшаве Н.А. Михайлов направил в ЦК КПСС обширную докладную записку с предложением значительно расширить научное сотрудничество с польской стороной, в частности начать разработку ряда совместных научных проектов[7].

В конце 1954 г. в Отделе науки ЦК КПСС на основе сведений, полученных от советского посла в Польше Михайлова, были приготовлены планы (тематика исторических исследований), которые впоследствии были утверждены секретарем ЦК П.Н. Поспеловым. По ходу работы над ними были использованы предложения АН СССР, ГАУ МВД СССР, Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС и ИМЭЛ. Соответствующие директивы ЦК сводились к следующему:

---

7 Отчет заведующего Отделом культуры и науки ЦК КПСС в связи со служебной запиской посла СССР в Польше Н. Михайлова от 27 октября 1954 г. – Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 17. Д. 469. Л. 76.

1. Для АН СССР – «разрабатывать темы о дружбе русского, белорусского и польского народа – Президиуму АН внести предложения».

2. Для ГАУ при МВД СССР – «выявить архивные фонды по истории рабочего движения конца XIX – начала XX века, передать информацию на рассмотрение в ЦК».

3. Для Отдела пропаганды ЦК КПСС – «в оперативном порядке решать вопрос о публикациях, освещающих дружбу и сотрудничество между прогрессивными деятелями России, Белоруссии и Польши и совместную борьбу против своих угнетателей»[8].

Начиная с 1955 г. польская сторона несколько раз заявляла о своей заинтересованности проектом публикации источников по истории восстания 1863 г. Сама идея публикации документов была, конечно, не нова. Польский исследователь Збигнев Ромек утверждает, что профессору Стефану Кеневичу удалось убедить своих московских коллег И.С. Миллера и В.Д. Королюка в целесообразности работы над этой темой[9]. Уже в начале 1956 г. делегация польских историков во время пребывания в Москве проинформировала руководство Института славяноведения АН СССР о начале работ по выявлению документов в польских архивах. В апреле 1956 г. Президиум Польской академии наук обратился в АН СССР с предложением о совместной подготовке многотомного издания архивных документов о восстании 1863–1864 гг. Польские ученые желали завершить работу к 100-летию восстания. В серию должны были войти документы не только периода 1861–1864 гг., но и материалы более раннего периода 1856–1860 гг., свидетельствующие о вызревании «революционной ситуации» в период подготовки к восстанию[10].

Летом 1956 г. в Польшу сроком на месяц была направлена делегация Института славяноведения в составе Ф.Г. Зуева, А.Я. Манусевича, И.А. Хренова. Вместе с ними в Варшаву поехал и сотрудник отдела ЦК КПСС, замдиректора ИМЭЛ, В.И. Овчаров. Основной целью визита было изучение ситуации и настроений среди польских историков, а также обсуждение готовящегося к изданию Институтом славяноведения АН СССР третьего тома «Истории Польши». Во время визита советская делегация посетила Варшаву, Краков и Сталиноград (Катовице). Сама атмосфера во время визита была очень напряженной, а его итоги – неутешительны. В Польше назревали события, получившие впоследствии

8 См.: *Szumski J.* Problem udostępniania materiałów archiwalnych w relacjach polsko-sowieckich 1945–1965 // Dzieje Najnowsze. 2012. № 1. S. 133–158.

9 *Romek Z.* Cenzura a nauka historyczna w Polsce 1944–1970. Warszawa, 2010. S. 86.

10 Докладная записка, направленная в ЦК КПСС из Отдела науки и высших школ, информирующая о проекте публикации документов восстания 1863–1864 гг. от 14 марта 1957 г. – РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 56. Л. 10.

название «польского Октября» и приведшие к значительному ослаблению диктата правящей Польской объединенной рабочей партией (ПОРП) и контроля с ее стороны над общественно-политической жизнью страны. По прибытии в Польшу на советскую делегацию сыпались неудобные вопросы, связанные, в частности, с курсом XX съезда КПСС на осуждение «культа личности» или с проблемой внедрения в Польше модели общественно-политического устройства советского типа и т.п. Даже партийные историки Тадеуш Данишевский и Леон Гросфельд жаловались на трудности в сотрудничестве с советской стороной, в частности приводя пример отсутствия возможностей для работы в советских архивах[11].

На основе пребывания в ПНР делегации советских ученых была составлена и направлена в ЦК КПСС обширная докладная записка, в которой детально описывались все обстоятельства командировки. В записке предлагалось также начать совместную работу по поиску и последующей публикации документов по истории восстания 1863 г.: «В соответствии с пожеланиями польских товарищей советская делегация вносит следующие предложения – <…> о совместном издании АН СССР и ПАН материалов и документов о польском восстании 1863 года»[12].

В начале 1957 г. президент АН СССР академик А.Н. Несмеянов и главный ученый секретарь Президиума АН СССР академик А.В. Топчиев обратились с официальным письмом в ЦК КПСС с просьбой «об указаниях по данному вопросу». В письме в ЦК Несмеянов сообщал, что, по мнению АН, было бы целесообразным координировать работу и принять предложение польской стороны, организовать совместное издание силами Института истории Польской академии наук (ПАН) и Института славяноведения АН СССР, а также образовать смешанную редколлегию по 3 человека от каждой стороны. Поскольку польская сторона уже предложила свои кандидатуры, руководство АН СССР со своей стороны выдвинуло кандидатуры В.Д. Королюка, И.И. Костюшко и И.С. Миллера[13].

В феврале и апреле 1957 г. Президиум ПАН дважды обращался в Президиум АН СССР с просьбой «выразить согласие» на совместное издание документов по истории восстания 1863–1864 гг.[14] Оба письма были не-

11 Отчет делегации работников Института славяноведения АН СССР о поездке в Польшу (12 июня – 12 июля 1956 г.), направленный в ЦК КПСС от 8 сентября 1956 г. – РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 38. Л. 69–82.

12 Там же. Л. 70.

13 Докладная записка в ЦК КПСС № 309-643 от 2 января 1957 г. – РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 56. Л. 1.

14 Письмо за № 463/57, направленное из Президиума ПАН в Президиум АН СССР от 15 февраля 1957 г. – РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 56. Л. 3; Записка, направленная из Президиума ПАН в Президиум АН СССР от 7 апреля 1957 г. – Там же. Л. 2.

медленно перенаправлены на Старую площадь, где, собственно говоря, и принималось решение по этому вопросу. В Отделе науки и высших школ ЦК КПСС после получения последнего обращения Президиума ПАН в недельный срок была подготовлена докладная записка, направленная на рассмотрение Секретариата ЦК КПСС. Вносилось предложение начать подготовку к публикации документов по тематическому принципу. Работу над изданием проводили бы попеременно АН СССР и ПАН, в зависимости от содержания документов. Руководство проектом возлагалось на комиссию, состоящую из 3 представителей от каждой из сторон. Собиралась комиссия два раза в год поочередно в Москве и Варшаве. Принципиальные вопросы предлагалось разрешать с согласия обеих сторон.

В заключение записки отмечалось: «Советские ученые понимают несвоевременность издания документов о польском восстании в ближайшие годы. Однако совершенно очевидно, что ПАН предпримет попытку издания в случае отказа советских историков участвовать в нем. Это подтверждается повторным письмом ПАН. Поэтому советские историки считают целесообразным принять участие в издании документов на вышеизложенных условиях и тем самым нейтрализовать возможные попытки со стороны отдельных польских ученых использовать его в националистическом духе. Президиум АН СССР присоединяется к этому мнению советских историков-славяноведов»[15].

В связи с приведенным фрагментом возникает вопрос, имели ли почву высказанные в докладной записке опасения со стороны советских историков-полонистов относительно вероятности «националистических искажений» в задуманной публикации. Ответ на него может быть дан только предположительно. Однако не вызывает сомнений, что инициаторы публикации с польской стороны, как и их советские коллеги, не допускали и мысли о возможности искажений «в националистическом духе», что вытекало из самого принципа двустороннего сотрудничества в деле введения в научный оборот уникального комплекса исторических источников из архивов СССР. Выдвинутый же в записке упомянутый тезис должен был таким образом заранее опровергнуть возможные возражения со стороны склонного к догматике и к идеологическому консерватизму Секретариата ЦК КПСС против публикации исторических источников на такую сложную и контроверсивную тему, как польское восстание 1863 г., в интерпретации польской и российской историографии.

В итоге Секретариат ЦК одобрил поддержанное также Отделом ЦК КПСС по связям с иностранными коммунистическими партиями пред-

15 Докладная записка в ЦК КПСС, подготовленная Отделом науки, вузов и высших школ в связи с проектом публикации документов по истории восстания 1863–1864 гг. 14 марта 1957 г. – РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 56. Л. 10–11.

ложение. В состав советской части редколлегии предлагалось включить сотрудников Института славяноведения АН СССР В.Д. Королюка, И.С. Миллера и зам. начальника ГАУ при МВД СССР Л.И. Яковлева[16]. Проект утвердил секретарь ЦК КПСС Д.Т. Шепилов, ведавший в то время вопросами науки. На документе его рукой была наложена резолюция «Согласиться. Шепилов Д.Т.»[17].

Директор Института истории ПАН профессор Тадеуш Мантойффель 29 апреля 1957 г. направил письмо директору Института славяноведения П.Н. Третьякову, в котором детально информировал его о ходе работ, составе польской комиссии. Мантойффель отправил проект инструкции для проводящих в Польше изыскания историков, прося при этом о замечаниях «по существу» и выражая готовность рассмотреть предложения советской стороны. В письме было заявлено, что в состав смешанной комиссии с польской стороны были включены проф. Стефан Кеневич, доцент Эммануэль Халич, а также представитель Главной дирекции государственных архивов – директор Казимеж Копарский[18]. Мантойффель просил сообщить сведения о ходе работ над проектом в Советском Союзе, предлагая организовать первую встречу членов смешанной комиссии осенью 1956 г. Письмо было немедленно перенаправлено в ЦК КПСС.

В Отделе науки ЦК КПСС был обозначен круг лиц, ответственных за выполнение данного решения. Научную координацию работы над проектом было поручено осуществлять Институту славяноведения АН СССР. В Минск и Вильнюс по решению ЦК КПСС были направлены В.Д. Королюк, в Киев и Львов – И.С. Миллер, которые довели до сведения белорусских и украинских историков и архивистов мнение партии. Летом того же года в Москве состоялась встреча польских и советских историков с участием Стефана Кеневича. Работу по выявлению документов планировалось провести в архивах Москвы, Ленинграда, Киева, Житомира, Винницы, Хмельницкого, Одессы, Минска, Гродно и Вильнюса[19].

Практическая работа по выявлению источников по истории восстания 1863 г. в архивах СССР, по отбору и последующей передаче документов польской стороне была начата широким фронтом в 1960 г. При этом был установлен следующий порядок работы. Члены смешанной польско-советской комиссии обращались с письменным заявлением в архив. За-

16 Там же. Л. 11.

17 Там же.

18 Письмо директора Института истории ПАН проф. Тадеуша Мантойффеля от 29 апреля 1957 года, направленное дирекции Института славяноведения АН СССР. – Там же. Л. 4.

19 Отчет Института славяноведения АН СССР по реализации проекта публикации источников по истории восстания 1863–1864 гг. Декабрь 1957 г. – Архив РАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 187. Л. 8, 65.

явка поступала руководителю ГАУ при МВД СССР. Далее докладная за подписью министра либо замминистра МВД СССР направлялась в один из отделов ЦК КПСС, где принималось решение, на какой срок исследователю выдавался допуск к архивным материалам[20].

Передача микрофильмов с копиями архивных документов польской стороне проходила только после разрешения (получения соответствующей визы) секретарей ЦК КПСС. Обычно такое решение принималось на основании подготовленной Отделами ЦК (чаще всего Отделом науки либо Отделом по связям с коммунистическими партиями) докладной записки. Микрофильмирование либо копирование отобранных документов проводилось только в случае согласия ГАУ при МВД СССР, Института славяноведения АН СССР, а иногда и ИМЭЛ. Со времени учреждения Идеологической комиссии (Комиссии ЦК по вопросам идеологии, культуры и международным партийным связям) с 1958 по 1961 г. такие решения согласовывались с нею и имели визу «по комиссии»[21].

Отбор, описание и комментирование публикуемых документов осуществлялись на основе выработанной Институтом истории ПАН и Институтом славяноведения АН СССР научной концепции истории восстания 1863 г., а также согласно основополагающим принципам и структуре запланированного издания. Однако корректировка концепции, утверждение основных интерпретационных схем и «идеологически правильных» подходов, определение «прогрессивных» либо «реакционных» деятелей так или иначе зависели от мнения функционеров ЦК КПСС. Работой научно-исследовательских учреждений руководили на Старой площади отделы ЦК КПСС. Без санкции ЦК не решался ни один более или менее важный вопрос в реализации международных проектов, как и различные текущие вопросы в работе научных учреждений.

Партия придавала огромное значение архивным материалам, хранящимся в архивах СССР. С помощью архивных материалов, прибегая нередко к откровенным передергиваниям фактов, а иногда и прямой их фальсификации, формировался пантеон советских героев и взгляды на историческое прошлое. Не случайно редакция журнала «Исто-

20 Решение ЦК КПСС от 21 мая 1960 г. (на основании докладной записки зам. зав. Отделом науки Д.М. Кукина) по вопросу о совещании польско-советской смешанной комиссии по публикации документов восстания 1863–1864 гг. предусматривало порядок работы комиссии, а также устанавливало срок пребывания в архивах СССР для проведения архивных изысканий для Стефана Кеневича по теме «Патриотические выступления на территории Царства Польского в 1861 г.». РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 144. Л. 147.

21 *Szumski J.* Instytucjonalne podporządkowanie polskich nauk historycznych Związkowi Radzieckiemu 1944 – połowa lat 60 // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. 2012. № 3–4. S. 73.

рический архив» входила в состав номенклатуры Отдела культуры и науки ЦК КПСС. Центральный комитет утверждал планы публикации архивных документов, которые ежегодно предоставляло ГАУ при МВД (с 1960 г. при Совете министров) СССР.

Проблематику истории польского Январского восстания 1863 г. в советской историографии 1950–1960-х гг. следовало бы отнести к малопопулярной по ряду причин. Она плохо согласовывалась с выработанной Коммунистической партией официальной канонической концепцией «истории СССР с древнейших времен – до наших дней». Вместе с тем в тех случаях, когда советские авторы затрагивали в своих трудах историю восстания, они опирались на дореволюционную (до 1917 г.) российскую историографию, в которой восстание преимущественно рассматривалось как «польское» либо как «польский мятеж». Кроме того, констатация в советской историографии «крестьянского» характера восстания сопровождалась тем, что сам «крестьянский вопрос» был представлен с перспективы «аграрной революции», а патриотические и антироссийские выступления на территории Королевства Польского расценивались как «революционные выступления». Восстание на территории Белоруссии и Литвы было выдернуто из общей панорамы событий и рассматривалось вне польского контекста, только как история освободительной борьбы в рамках трудов по истории Белорусской, Литовской и Украинской ССР. Примером отношения в историографии «союзных республик» к проблематике восстания 1863 г. может послужить изданный в 1930 г. труд «1863 год у Беларусі» и судьба его автора – белорусского историка В.М. Игнатовского (Президента АН БССР с 1928 г.). Книга была раскритикована и «вычеркнута» из научного оборота. Автору вменялся в вину отказ от формулы «польского восстания» и его «крестьянского» характера. Сам же Игнатовский покончил с собой в 1931 г. в ходе сфабрикованного дела о так наз. «Союзе освобождения Беларуси».

Даже накануне столетия восстания 1863–1864 гг. и даже будучи связана с революционной ситуацией в России 1859–1861 гг., его научная проблематика не до конца вписывалась в официально провозглашенную парадигму «дружбы польского и русского народов». 25-томная фундаментальная публикация документов и материалов восстания стала одним из немногих совместных польско-советских проектов исторических исследований, где идеологический прессинг партии, догматизм и политическая цензура ощущались гораздо меньше, чем в случае разработки других «сложных» вопросов, особенно из истории XX века. Несмотря на это, «директивные органы» довольно часто ставили палки в колеса издателям, принуждая их к применению ряда ограничений. Многолетний участник проекта по публикации источников по истории восстания 1863–1864 гг. с польской стороны профессор Виктория Сливовская свидетельствовала,

что иногда ценой за публикацию полных текстов документов объявлялось помещение комментария, в котором давалось «верное», с точки зрения партийных догматиков, толкование документа, например, в случае определения понятия «московские разбои»[22].

Иногда приходилось соглашаться с изъятием фрагментов и даже целых документов. Так, в переписке наместников из письма великого князя Константина Николаевича, где он весьма нелестно отзывался о лагере «белых» и, более того, вовсю поносил «безмозглых поляков», которые не хотели пойти на политику соглашательства, было исключено два абзаца. В комментариях сокращение документа объяснялось следующим образом: были удалены «бранные слова, не предназначенные для публикации»[23]. Но к чести издателей следует сказать, что им удалось защитить свое детище, и большинство томов было напечатано без купюр, а изъятия коснулись незначительного количества документов. Реализация проекта длилась около 20 лет, в течение которых программа публикации расширялась и дополнялась. В итоге было опубликовано 25 томов документов и материалов. Они позволили на столетия вперед предоставить в распоряжение мировой науки далеко за пределами Польши и России уникальный корпус исторических источников по истории восстания 1863 г.

Реализация такого масштабного научно-исследовательского и издательского проекта и его научное и общественное значение указывают на необходимость дальнейшей исследовательской работы в архивах, хранящих материалы, отражающие общую историю России и Польши. Это утверждение справедливо и применительно к изучению деятельности Коммунистической партии Советского Союза. Опыт обращения автора настоящей статьи к документам КПСС позволяет утверждать, что феномен историописания в СССР невозможно изучать только на основе анализа исторических трудов, созданных в то время, а также их критики в научной периодике, в публицистике или же в работах по историографии и истории исторической науки. Историческая наука неизменно развивалась в русле «исторической политики», а последняя была важным инструментом официальной идеологии советского государства независимо от изменчивости политической конъюнктуры.

22 *Śliwowska W.* Stefan Kieniewicz jako wydawca źródeł do dziejów powstania styczniowego // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F. Historia. 1993. Vol. 48. S. 4.

23 Ibidem. S. 5.

Лешек Заштовт (Варшава)

Давид Файнхауз о Январском восстании 1863 г. на литовско-белорусско-украинских землях в контексте его изучения польской историографией

По мнению широкого круга специалистов, ход Январского восстания 1863 г. на некогда входивших в состав Великого княжества Литовского литовско-белорусско-украинских землях уже давно требовал отдельного изучения, и это несмотря на объемные публикации исторических источников по названной теме. Мы уже указывали на это при подготовке статьи на основании не использованного ранее материала из Российского государственного исторического архива о ссылках и переселениях, последовавших за восстанием[1].

До начала 1990-х гг. работа над темой истории Январского восстания, особенно в Литве и Белоруссии, была проблематичной, прежде всего в связи с ограниченным доступом к источникам. И хотя существовало эпохальное, с точки зрения публикации источников, многотомное издание документов в серии «Январское восстание: материалы и документы»[2],

1 *Zasztowt L.* Powstanie styczniowe i jego konsekwencje demograficzne. Zesłania i przesiedlenia ludności polskiej z zachodnich guberni w głąb Cesarstwa Rosyjskiego // Europa Środkowo-Wschodnia a Rosja XIX–XX wieku. W kręgu edukacji i polityki. Warszawa, 2007. S. 147–150.

2 Серия: Powstanie Styczniowe: materiały i dokumenty. T. 1. Dokumenty Komitetu Centralnego Narodowego i Rządu Narodowego 1862–1864 // Red. E. Halicz, S. Kieniewicz, I. Miller. Do druku przygotował D. Fajnhauz et alt. Wrocław, 1968. LXXVII. 661 s.; T. 2. Prasa tajna z lat 1861–1864. Cz. 1 / Red. S. Kieniewicz, I. Miller. Do druku przygotowali: D. Fajnhauz, S. Kieniewicz, W. Śliwowska. Wrocław, 1966. XXXIX. 637 s.; T. 2. Cz. 2. Wrocław, 1969. VII. 554 s.; T. 2. Cz. 3. Wrocław, 1970. XVII. 361 s.; T. 3. Ruch rewolucyjny w Królestwie Polskim: manifestacje na prowincji. Wrocław, 1963. XXXV. 281 s.; T. 4. Chłopi i sprawa chłopska w powstaniu styczniowym: materiały z terenu guberni radomskiej / Red. S. Kieniewicz, T. Kostuszko. Do druku przygotowała F. Bortkiewicz. Wrocław, 1962. XLV. 306 s.; T. 5. Korespondencja namiestników Królestwa Polskiego z 1861 r. / Red. S. Kieniewicz, I. Miller. Do druku przygotowała T. Fiedosowa et alt. Wrocław, 1964. XXX. 373 s.; T. 6. Zbiór zeznań śledczych o przebiegu powstania styczniowego / Red. S. Kieniewicz, I. Miller. Do druku

выходившей под редакцией С. Кеневича – с польской стороны, и, главным образом, И.С. Миллера – с российской, тем не менее многие архивные документы и материалы, касающиеся восточных земель бывшей Речи Посполитой, включенных в состав Российской империи, оставались не только недоступны, но зачастую и не изучены.

Своеобразным подтверждением тому стало и само издание 25-томной серии «Январское восстание: материалы и документы», выходившей в СССР и в ПНР на протяжении 1961–1986 гг.[3], 18 томов которой было опубликовано в Польше. Прежде всего они были посвящены Январскому восстанию на землях Королевства Польского, на которое тогда было направлено основное внимание исследователей и публикаторов, а также в Галиции и присоединенных к Пруссии польских землях Великой Польши и Поморья. Кроме того, были опубликованы повстанческие документы, корреспонденция и пресса центральных властей в Варшаве. Однако не было издано источников, касавшихся прежде всего хода восстания в литовско-белорусско-украинских землях. Хотя эта лакуна была восполнена томами, подготовленными российской стороной и изданными на русском языке, а также работами В.А. Дьякова, И.С. Миллера, А.Ф. Смирнова, Г.И. Марахова, В.Г. Рубуненковой, М.В. Миски и др. Указанный пробел был ощутим и в наиболее значимом труде о восстании – фундаментальной работе С. Кеневича, посвятившего восстанию 1863 г. значительную часть своего научного творчества[4].

przygotowała T. Fiedosowa et alt. Wrocław, 1965. LVIII. 453 s.; T. 7. Zabór pruski w powstaniu styczniowym / Red. S. Kienieicz et alt. Do druku przygotował F.H. Gentzen. Wrocław, 1968. LXXXV. 370 s.; T. 8. Zjednoczenie Emigracji Polskiej 1866–1870; lewica na emigracji / Red. C. Bobińska, I. Miller. Wrocław, 1972. LIV. 397 s.; T. 9. Korespondencja namiestników Królestwa Polskiego z lat 1861–1863 / Red. S. Kieniewicz, I. Miller. Do druku przygotowała T. Fiedosowa et alt. Wrocław, 1973. XXII. 400 s.; T. 10. Dokumenty Wydziału Wojny Rządu Narodowego 1863–1864 / Red. S. Kieniewicz, I. Miller. Do druku przygotował S. Chankowski. Wrocław, 1974. XXXVIII. 337 s.; T. 11. Korespondencja namiestników Królestwa Polskiego styczeń–sierpień 1863. Wrocław, 1974. XVIII. 411 s.; T. 12. Dokumenty terenowych władz wojskowych powstania styczniowego 1864–1864 / Red. W. Diakow, S. Kieniewicz. Wrocław, 1976. XXX. 402 s.; T. 13. Korespondencja namiestników Królestwa Polskiego: sierpień 1863 – maj 1864 / Red. S. Kieniewicz, I. Miller. Wrocław, 1978. XXIV. 300 s.; T. 14. Zarys powstania styczniowego opracowany w warszawskiej cytadeli / Red. S. Kieniewicz. Wrocław, 1985. XLIV. 468 s.; T. 15. Galicja w powstaniu styczniowym / Red. S. Kieniewicz, I. Miller. Wrocław, 1980. XXXVII. 502 s.

3 *Kalembka S.* Powstanie styczniowe: materiały i dokumenty. Moskwa; Wrocław, 1961–1986. T. 1–25. E. Halicz, L. Jakowlew, S. Kieniewicz, K. Konarski, W. Koroluk, I. Miller, F. Ramotowska // Archeion. Czasopismo naukowe poświęcone sprawom archiwalnym. 1993. T. 91. S. 146–150.

4 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. Warszawa, 1983. 800 s.

Представляется, что научные коллективы, работавшие над польско-российским изданием материалов по истории Январского восстания, среди редакторов и руководителей которых были Стефан Кеневич, И.С. Миллер, В.А. Дьяков, Целина Бобинская, а в дальнейшем Виктория Сливовская и Т.Ф. Федосова, действовали в рамках неписаного правила, согласно которому о Литве, Белоруссии и Украине должны были писать литовские, белорусские и украинские историки. Изучением хода Январского восстания на землях к востоку от Варшавы должны были заниматься советские историки. Именно с этим связано отсутствие в этой фундаментальной для изучения восстания серии основного корпуса источников и документов о ходе восстания на восточных землях бывшей Речи Посполитой – землях бывшего Великого княжества Литовского и Правобережной Украины.

Что касается библиографии, то при обращении к «Библиографии Январского восстания» Элигиуша Козловского, изданной в 1964 г. к столетию восстания[5], выяснилось, что список литературы по литовско-белорусско-украинским землям неполон, хотя бóльшая часть работ, особенно опубликованных до 1939 г., здесь представлена.

В 1920–1930-е гг. значительное количество работ было посвящено региональной истории восстания в уездах западных губерний Российской империи. Часть этих работ была опубликована в связи с особым размахом отмеченного в 1934 г. семидесятилетия восстания. Кроме того, ранее написанные работы, посвященные Январскому восстанию, были опубликованы еще в 1913 г. в связи с изданием дневников Якуба Гейштора, а также около 1925 года в связи с IV Съездом польских историков в Познани[6]. Это были, как правило, исследования, неоднородные по качеству. Хотя в них неоднократно давались ссылки на важные источники, на сегодняшний день уже утраченные или недоступные, к примеру, на уже не существующие поместные и семейные архивы.

Сравнительный анализ библиографии Э. Козловского и фундаментального труда С. Кеневича о Январском восстании служит этому подтверждением. Вот несколько примеров. Кеневич широко использует основные работы о Январском восстании в литовско-белорусско-украинских землях таких авторов, как Мариан Дубецкий[7], Леон Сырочиньский[8],

5 *Kozłowski E.* Bibliografia powstania styczniowego. Warszawa, 1964. 620 s.

6 *Michalska–Bracha L.* Między pamięcią a historiografią: lwowskie debaty o powstaniu styczniowym (1864–1939). Kielce, 2011. Ср. также с ее ранней работой: Powstanie styczniowe w pamięci zbiorowej społeczeństwa polskiego w okresie zaborów. Kielce, 2003.

7 *Dubiecki M.* Młodzież polska na Uniwersytecie Kijowskim przed r. 1863. Kijów, 1909. См. также и другие работы по данной проблематике.

8 *Syroczyński L.* Przed styczniowym powstaniem. Lwów, 1894. См. также и другие работы по данной проблематике.

Франчишек Равиты-Гавоньский[9], Витольд Вежейский[10], Эдвард Малишевский[11], Петр Лоссовский и Зигмунт Млынарский[12] и др. При этом в исследовании он не ссылается на значительное количество небольших работ по региональной истории, в т. ч. таких авторов, как Болеслав Брежго[13], Владислав Фердинанд Чаплицкий[14], Янина Якубянец-Чарковская[15], Отто Хедеманн[16], Августин Янулаитис[17], Юзеф Йодковский[18], Зофья Ковалевская[19], Анна Кшичковская[20], Чеслав Згожельский[21], а также не использует получившую в свое время широкую известность работу Хенрика Мостицкого, опубликованную в его книге «Под царским скипетром»[22], и книгу воспоминаний Александра Новолецкого[23]. Аналогичным образом среди использованных Кеневичем источников личного происхождения по истории восстания на литовско-белорусско-украинских землях нет ряда позиций, в т. ч. воспоминаний Стефана Бушчиньского[24] и Леона Чеконьского (Гоздавы)[25], а также работ Вацлава Шмидта[26], Михала Брен-

9 *Rawita-Gawroński F.* Rok 1863 na Rusi. Lwów, 1902–1903. T. I–II. См. также и другие работы по данной проблематике.

10 *Wierzejski W.* Fragmenty z dziejów młodzieży akademickiej w Kijowie 1834–1920. Warszawa, 1939.

11 *Maliszewski E.* Rok 1863 na kresach mohilewskich // Wschód Polski. R. 1. 1920. № 8–9.

12 *Łossowski P., Młynarski Z.* Rosjanie, Białorusini i Ukraińcy w powstaniu styczniowym. Warszawa, 1959.

13 *Breżgo B.* Z dziejów powstania 1863 r. na Inflantach // Pamiętniki IV Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich. Lwów, 1925. T. 1.

14 *Czplicki W.F.* Moskiewskie na Litwie rządy 1863–1869. Kraków, 1869. См. также и другие работы по данной проблематике.

15 *Jakubianiec-Czarkowska J.* Powstanie 1863 r. w powiecie święciańskim. Święciany, 1934.

16 *Hedemann O.* Historia powiatu brasławskiego. Wilno, 1930.

17 *Janulaitis A.* Powstanie w Litwie 1863–1864 r. Wilno, 1923. Перевод с лит.

18 *Jodkowski J.* Rok 1863 w powiecie grodzieńskim // Echo Grodzieńskie. R. IV. 1921.

19 *Kowalewska Z.* Dzieje powstania lidzkiego. Wilno, 1934. См. также и другие работы по данной проблематике.

20 *Krzyszkowska A.* Powstanie styczniowe na Wileńszczyźnie. Wilno, 1934.

21 *Zgorzelski C.* Powstanie styczniowe na terenie województwa nowogródzkiego. Wilno, 1934.

22 *Mościcki H.* Rządy Murawjewa na Litwie w świetle jego listów, pamiętników i raportów poufnych // *Idem.* Pod berłem carów. Warszawa, 1924. S. 121–231.

23 *Nowolecki A.* Pamiątka dla rodzin polskich. Krótkie wiadomości o straconych na rusztowaniach, rozstrzelanych, poległych i zmarłych na wygnaniu syberyjskiem i tułactwie ofiar z 1861–1866 roku <…>. Kraków, 1868. Cz. 1–2.

24 *Buszczyński S.* Podole, Wołyń i Ukraina. Lwów, 1862.

25 *Czekoński L.* Ruś przed i po powstaniu zbrojnem 1863 r. Bendlikon, 1865.

26 *Schmidt W.* Geneza prywatnej rosyjskiej własności ziemskiej w b. guberniach wileńskiej, grodzieńskiej i mińskiej (1793–1875) // Miesięcznika Statystycznego. T. 5. 1922.

штейна[27], Ванды Добашевской[28], Казимежа Гешиса[29] и Рышарда Меницкого[30]. Кроме того, в труде Кеневича недостаточно представлены работы на иностранных языках, в особенности на русском, белорусском, украинском, а также литовском.

Таким образом, краткий очерк состояния исследований и историографии Январского восстания может послужить своего рода иллюстрацией к выдвинутому тезису, что изучение истории Январского восстания на землях Белоруссии, Литвы и Украины представляет собой актуальную задачу для исторической науки. В связи с этим важным является обращение к творческому пути и к вкладу в науку Давида Файнхауза – одного из пионеров научных исследований в этой области, биография которого также поучительна, так как его жизненный и научный путь оказался тесно связан с историей Литвы, Польши и России в XX веке.

Доктор Давид Файнхауз, прибывший в 1960 г. в Польшу из столицы Литовской ССР, как раз оказался тем человеком, который в послевоенный период смог восполнить имеющиеся пробелы в историографии Январского восстания в литовско-белорусско-украинских землях бывшей Речи Посполитой. Приезд Файнхауза заранее готовился польской стороной при активной поддержке Института истории Польской академии наук и варшавских историков. Согласие на выезд Файнхауза из СССР было дано на высшем государственном уровне в Москве. По приезде в Польшу его сразу принял на работу в Институт истории ПАН директор института Тадеуш Мантойффель. На основании частично сохранившегося личного дела Д. Файнхауза в Институте истории ПАН можно утверждать, что Т. Мантойффель намеревался поручить ему прежде всего подготовку первых томов серии «Январское восстание». Практически через месяц после прибытия (27.12.1959 г.), Файнхауз 1 февраля 1960 г. был принят на должность доцента[31]. Ему было тридцать девять лет. К этому времени он был уже известным исследователем и сложившимся профессионалом.

Давид Файнхауз родился 22 декабря 1920 г. в Вильно[32]. Он происходил из полонизированной еврейской семьи. Его родители – Фишель Файн-

27 *Brensztejn M.* Bractwa trzeźwości na Litwie, głównie w diecezji żmudzkiej 1858–1863. Wilno, 1918.

28 *Dobaczewska W.* Wilno i Wileńszczyzna w latach 1863–1914. Dzieje ruchów społecznych i politycznych. Wilno, 1938.

29 *Gieczys K.* Bractwa trzeźwości w diecezji żmudzkiej w latach 1858–1864. Wilno, 1935.

30 *Mienicki R.* Ziemia nowogródzka w dobie porozbiorowej (1793–1915). Wilno, 1935.

31 Pismo powołujące dr. Fajnhauza na stanowisko docenta z dniem 1.02.1960 r. – Archiwum Instytutu Historii im. Tadeusza Manteuffla (далее – AIH PAN). Teczka osobowa Dawida Fajnhauza. K. 11.

32 Ankieta personalna i życiorys D. Fajnhauza – AIH PAN. Teczka osobowa. K. 12–13.

хауз и Берта Новицкая[33]. После окончания государственной гимназии им. А. Мицкевича он продолжил обучение полонистике на Гуманитарном факультете Виленского университета им. Стефана Батория. Начиная с гимназии, а затем в университете и в период первого литовского правительства (1939–1940) Файнхауз был связан с коммунистическим движением, в т. ч. с Коммунистическим союзом молодежи и его ответвлением – студенческой организацией «Функ». В автобиографии из личного дела он сам писал, что был членом молодежных революционных организаций, а во время войны вступил в ВКП(б). После ареста польскими властями, с ноября 1938 до октября 1939 г., он был в заключении в Вильно. В 1940–1941 гг. Файнхауз работал инструктором по организации помощи бывшим политическим узникам в Вильнюсе. После нападения гитлеровской Германии на СССР он был эвакуирован в Мордовскую АССР, где сначала работал на кирпичном заводе в г. Саранске (1941–1943), а затем был учителем и директором семилетней школы в деревне Ковылкино (1943–1945). В 1946 г. Файнхауз вернулся в Вильнюс, где начал работать в единственной на тот момент польской газете «Виленская Правда» («Prawda Wileńska»), сначала в качестве секретаря редакции и зам. главного редактора, затем руководителя отдела и «литработника». Одновременно с этим он продолжил прерванное обучение уже на Историческом факультете Вильнюсского госуниверситета, после окончания которого, в 1948 г., получил должность ассистента. Через год он уже был старшим преподавателем. В марте 1955 г. Файнхауз защитил кандидатскую диссертацию в Ленинградском университете[34] и был принят на должность доцента Вильнюсского университета. Он читал курс лекций по истории Польши, вел спецкурсы и семинары по истории Польши и Литвы в межвоенный период. В это время было опубликовано много его работ, главным образом на литовском языке[35].

---

33 Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej (далее – AIPN). Sygn. 01263/170. K. 1; AIH PAN. Teczka osobowa. Biogram. K. 4.

34 Zaświadczenie o nadaniu stopnia naukowego kandydata nauk od 24.04.1955 r., uzyskanego i zatwierdzonego przez Radę Naukową zjednoczonego Wydziału Historycznego, Ekonomicznego i Wschodniego oraz katedry marksizmu-leninizmu Leningradzkiego Państwowego Uniwersytetu Orderu Lenina im. A.A. Żdanowa. Moskwa. 7.06.1955 r. № 001795. Kopia i przekład na polski. – AIH PAN. Teczka osobowa. K. 16.

35 *Fajnhauzas D. Z.* Sierakausko visuomeninés – politinés pažiuros ir jo revoluciné veikla // LTSR Mokslų Akademijos Lietuvos Istorijos Instituto Darbai. Vilnius, 1951. T. 1. S. 154–178; *Idem.* Kostas Kalinauskas // Pergale. 1951. № 5; *Idem.* 1864 metų sukilimas ir Vakarų Europas visuomene // Lietuvos valstiečiai XIX amžuje. Vilnius, 1957. S. 176–200. На литовском языке позднее было опубликовано: *Fajnhauzas D.* Lietuviai išeiviai paryžiuje. Želmens draugija 1886–1914 // Aidai. 1988. № 1, 21–22.

Из воспоминаний Виктории Сливовской следует, что на решение Файнхауза о переезде в Польшу повлиял его арест в Вильнюсе и обвинение в «польском национализме»[36]. На самом деле Файнхауз пытался получить разрешение на выезд уже ранее, вероятно, начиная с 1958 г. В пользу тезиса о давнем желании Файнхауза покинуть Вильнюс говорят как его искренняя привязанность к Польше, так и утрата иллюзий относительно подлинного содержания «социалистической системы» в СССР, о чем он не раз говорил уже в эмиграции в США. Польская сторона оказывала поддержку его планам переезда в ПНР. Возможно, арест Файнхауза в январе 1959 г. был реакцией советских спецслужб на его намерение уехать за границу, вызывали подозрение чекистов и его многочисленные контакты с польскими историками. Последнее отмечала Виктория Сливовска[37]. Файнхауза обвинили в попытке передать за границу секретные архивные материалы, а также в краже книг из Вильнюсской библиотеки. Благодаря встрече Тадеуша Данишевского с послом СССР в Варшаве П.А. Абрасимовым и его записке в Отдел пропаганды и агитации при ЦК КПСС, поддержанной Я.Ф. Дзержинским, в то время референтом по Польше в загранотделе ЦК КПСС, а также телефонной беседе последнего с министром внутренних дел Литовской ССР, вопрос удалось решить в пользу Файнхауза – он был освобожден из-под ареста и получил разрешениена выезд в ПНР[38]. Вместе с женой Хеленой Норвид он покинул Вильнюс в 1959 г. с последней волной польских репатриантов[39]. В 1958 г., когда проявилось намерение Файнхауза переехать в Польшу, он впервые опубликовал в послевоенной ПНР статью, посвященную Аниценту Ренье – врачу и естествоиспытателю, участнику Ноябрьского восстания и библиотекарю Виленского медицинского общества[40].

Файнхауз был прежде всего историком-архивистом, знатоком исторических источников, особенно хранящихся в архивах Вильнюса и Ленинграда. Позднее, работая в Польше, благодаря научным поездкам он стал хорошо ориентироваться и в западных архивах, в особенности па-

36 *Śliwowska W.* Dawid Fajnhauz (22.XII.1920–12.VII.2004). Wspomnienie // Kwartalnik Historyczny. 2005. № 2. S. 169–171.

37 *Śliwowska W.* Op. cit. S. 169.

38 См. дополнение к этой статье, подготовленное Яном Шумским на основании источников, обнаруженных в московских архивах.

39 У Хелены Норвид-Файнхауз, филолога-романиста и выпускницы Виленского университета, было две дочери: Александра Норвид и Фелиция Аленчук. – AIPN. Sygn. 01264/170. K. 1. См. также: *Czerniakiewicz J.* Przemieszczenia ludności polskiej z ZSRR 1944–1959. Warszawa, 2004, который имеет другую точку зрения по поводу последней волны «репатриации» в Польшу.

40 *Fajnhauz D.* Anicenty Renier – zapomniany działacz tajnego bibliotekarstwa polskiego w XIX w. // Przegląd Biblioteczny. 1958. Z. 2–3. S. 173–180.

рижских. В 1965 г. он был стипендиатом Практической школы высших исследований в Париже[41]. На решение руководства Института истории ПАН о привлечении Файнхауза к работе над серией по Январскому восстанию повлияло его знакомство с архивной работой, а также владение, помимо родного польского, иностранными языками (французским, немецким, русским и литовским). Он, еще будучи в СССР, был известен среди польских историков, главным образом среди тех, кому удалось попасть в архивы Вильнюса и кому Файнхауз не раз помогал в архивных поисках.

Одновременно с работой по подготовке к изданию серии источников по Январскому восстанию Файнхауз публиковал собственные труды на эту тему, которые в то время были первыми исследованиями по истории литовско-белорусско-украинских земель в период Январского восстания. Основанные на фундаментальной источниковой базе, они содержали ценнейший конкретный материал и массу новой, ранее недоступной исследователям и поэтому неизвестной информации. Согласно оценке Виктории Сливовской, Давид Файнхауз внес исключительно важный вклад в подготовку нескольких томов серии «Январское восстание», работой над которыми занимался коллектив под руководством профессора С. Кеневича. Это были три тома о подпольной прессе в 1861–1864 гг. (Вроцлав, 1966, 1969, 1970), а также том, посвященный документам Центрального Национального комитета и Национального правительства в 1862–1864 гг.

В 1960-е гг. Файнхауз опубликовал ряд работ, посвященных специальным вопросам истории Январского восстания на литовских и белорусских землях, в частности о подпольных повстанческих изданиях[42], об участии немцев в повстанческом движении данного региона[43], об особенностях Январского восстания на Ковельщине[44].

Файнхауза интересовало не только Январское восстание, предметом его исследований и публикаций стали и другие примеры освободительного и революционного движения в XIX в., например, им была опубликована книга о подпольном движении в период «Весны народов». Эта работа до сих пор считается одной из основополагающих монографий по данной проблематике[45], наравне с прекрасным исследованием С. Кеневи-

41 Zgoda Sylwestra Zawadzkiego, zastępcy Sekretarza Wydziału I PAN, na wyjazd do Paryża w okresie: 28.09.1965–28.12.1965. – AIH PAN. Teczka osobowa. K. 2.

42 Ibidem; *Fajnhauz D.* Prasa konspiracyjna powstania styczniowego na Litwie i Białorusi // Rocznik Białostocki. T. 4. 1963. № 2. S. 43–102.

43 *Fajnhauz D.* Niemcy a powstanie styczniowe na Litwie i Białorusi // Przegląd Historyczny. 1960. T. 51. S. 683–700.

44 *Fajnhauz D.* Niektóre zagadnienia powstania styczniowego na Kowieńszczyźnie // Kwartalnik Historyczny. 1962. Z. 4.

45 *Fajnhauz D.* Ruch konspiracyjny na Litwie i Białorusi 1846–1848. Warszawa, 1965.

ча о «Весне народов» или о тайном движении в Галиции того же автора[46]. Файнхауз был также автором статей о польских эмигрантских организациях XIX в. и о выдающихся деятелях «Великой эмиграции»[47].

Выдающийся вклад в разработку проблематики Январского восстания внес Д. Файнхауз, опубликовав в первой половине 1960-х гг. совместно с Артуром Эйзенбахом и Абрахамом Вейном фундаментальную работу, содержащую источники, материалы и документы об участии евреев в Январском восстании[48]. Сама книга и статьи на ту же тему публиковались им в Еврейском историческом институте в Варшаве и в его бюллетене («Biuletyn ŻIH»). В этом институте Давид Файнхауз работал с начала 60-х гг. вплоть до своего отъезда в 1969 г. в США. В бюллетене он публиковал в т. ч. тексты об участии евреев не только в Январском восстании, но и в польском общественном и освободительном движении[49]. Подробно восстановить деятельность Файнхауза в этом Институте сложно, поскольку его личное дело утрачено. Скорее всего, оно было конфисковано службой безопасности в 1968 г., когда большая часть личных материалов сотрудников была изъята из института.

Мартовские события 1968 г. антисемитские проявления в Польше – стали непосредственной причиной отъезда Д. Файнхауза сначала в Израиль, а затем в США – в Чикаго. По воспоминаниям В. Сливовской, Файнхауз терпеливо сносил оскорбления по телефону и адресованные ему антисемитские надписи на стенах в подъезде по адресу ул. Гренадеров, 34а. Возможно, таким способом кто-то из соседей хотел выжить его из квартиры. Отвратительные выпады не смогла стерпеть его жена-полька.

Т. Мантойффель понимал, что вынужденный отъезд Файнхауза из Польши, а именно этим путем тогда, в 1968 г., последовали многие пред-

---

46 *Kieniewicz S.* Czyn polski w Wiośnie Ludów. Warszawa, 1948; *Idem.* Konspiracje galicyjskie 1831–1845. Warszawa, 1950.

47 *Fajnhauz D.* Klub Litewsko-Ruski – nieznane stowarzyszenie emigracyjne w okresie Wiosny Ludów w Paryżu // Acta Baltico-Slavica. 1965. № 2. S. 103–113; *Idem.* Nowe aspekty tajnej działalności H. Kamieńskiego // Przegląd Historyczny. 1966. № 3. S. 389–414; *Idem.* Anicenty Renier – zapomniany działacz tajnego bibliotekarstwa polskiego w XIX w. // Przegląd Biblioteczny. 1958. Z. 2–3. S. 173–180; *Idem.* Walka o postęp społeczny w publicystyce wileńskiej w połowie XIX w. // Rocznik Białostocki. 1966. T. 6; Nieznane listy Zygmunta Sierakowskiego / Oprac. D. Fajnhauz // Przegląd Historyczny. 1961. S. 751–758.

48 Żydzi a powstanie styczniowe. Materiały i dokumenty / Oprac. A. Eisenbach, D. Fajnhauz, A. Wein. Warszawa, 1963.

49 *Fajnhauz D.* Ludność żydowska na Litwie i Białorusi a powstanie styczniowe // Biuletyn ŻIH. 1961. № 37. S. 3–34; *Idem.* Uwagi o udziale Żydów w polskim ruchu narodowościowym // Biuletyn ŻIH. 1965. S. 115–120; *Idem.* Ludność żydowska w augustowskiem wobec powstania styczniowego // Biuletyn ŻIH. 1967. № 1 (37).

ставители польской интеллигенции еврейского происхождения, будет иметь отрицательные последствия и для исторической науки, и для Института истории ПАН. Он считал Файнхауза выдающимся ученым и ценным сотрудником, участие которого в издании источников по истории восстания крайне важно. Тем не менее как директор и коллега он не противился принятому Файнхаузом решению об отъезде, о чем и сообщал в письме полковнику Б. Вейнеру, заместителю начальника паспортного отдела МВД[50]. Д. Файнхауза уволили из института 22 января 1969 г. «по собственному желанию»[51].

Переезд в США оказал влияние на дальнейшее научное творчество Файнхауза: вначале он находился в США в качестве стипендиата из Израиля, а затем принял решение поселиться в Чикаго, городе с наибольшим числом выходцев не только из Польши, но и из Литвы. Несмотря на отсутствие условий для научной деятельности, Файнхаузу удалось опубликовать две книги о литовской эмиграции в США: «Литовцы в многонациональном Чикаго после Второй мировой войны» (1977) и «Литовцы в США. Аспекты этнической идентичности» (1991)[52].

Будучи в Америке, Файнхауз сотрудничал с польскими издательствами и польскими эмигрантскими центрами. Виктория Сливовская упоминает, что в 1972 г. он был одним из авторов издаваемого Польским фондом культуры в Лондоне издания «Виленские мемуары» («Pamiętnik Wileński»), а также автором статей в издании «Teki Historyczne»[53]. Именно там было опубликовано его подробное исследование о Шимоне Конарском в период, когда тот ожидал приведения в исполнение смертного приговора в Вильно[54].

В 1974 г. вместе с женой Давид Файнхауз предпринял попытку возвращения в Польшу. С этой целью он связался с сотрудниками польского консульства в Чикаго, которые одновременно были сотрудниками раз-

50 Odpowiedź prof. T. Manteuffla z dn. 10 grudnia 1968 r. na list pułk. B. Wejnera z dn. 3 grudnia 1968 r. Teczka osobowa. – AIH PAN. K. 5–6.

51 Zaświadczenie dyrektora T. Manteuffla z dn. 18.01.1969 r. o zwolnieniu dr. Fajnhauza z pracy na własną prośbę z dn. 22.01.1969 r. – AIH PAN. Teczka osobowa. K. 10.

52 *Fainhauz D.* Lithuanians in multi-ethnic Chicago until World War II. Chicago: Lithuanian Library Press and Loyola University Press, 1977. 230 p.; *Idem.* Lithuanians in the USA. Aspects of Ethnic Identity. Chicago: Lithuanian Library Press, 1991. 246 p.

53 *Śliwowska W.* Op. cit. S. 170.

54 *Fajnhauz D.* Stoicyzm wielkiego “wichrzyciela”. (Szymon Konarski w przeddzień stracenia) // Teki Historyczne. Londyn, 1972. T. 16. S. 117–132; *Idem.* Litwa u schyłku powstania styczniowego // Teki Historyczne. 1988–1989. T. 19; *Idem.* Emigracja a powstańcze próby wznowienia walk zbrojnych // Teki Historyczne. 1993. T. 20.

ведки ПНР. Согласно их записям, Хелена Норвид не хотела возвращаться в Израиль, поскольку там к ней якобы относились неприязненно и обвиняли в польском национализме. В то же время у нее не было желания оставаться и в США. Польская разведка в период с 1974 по 1976 г. предприняла несколько попыток привлечь Файнхауза к сотрудничеству. Однако офицеры в консульстве отказались от своих намерений, так как опасались быть раскрытыми контрразведкой США (ASS). Польскими спецслужбами рассматривалась также возможность использования в пропагандистских целях возвращения семьи Файнхауза в Польшу. Однако Файнхауз отказался от сотрудничества с органами польской госбезопасности (соответствующее дело там было закрыто 8 декабря 1977 года) и вынужден был оставить мысль вернуться в Польшу. Других свидетельств о контактах с ним спецслужб не имеется. Тем не менее такого рода опыт негативно повлиял на Файнхауза, который долгие годы испытывал страх перед спецслужбами стран восточного блока[55].

Несмотря на это, в 1980-е гг. Файнхауз возобновил свои связи с Польшей. В 1983 г. он опубликовал в Варшаве работу о научных связях Вильно с Чехией в XIX в.[56] Однако только после 1989 г. восстановилось в полной мере участие Файнхауза в научной жизни Польской Республики. С этого времени его публикации появились в т. ч. в юбилейном издании в честь профессора Рышарда Бендеры[57], а также в журнале «Przegląd Historyczny»[58]. В этот период Давид Файнхауз часто приезжал в Польшу из США – участвовал в научных мероприятиях, сотрудничал в польских научных изданиях, встречался с коллегами и друзьями, в том числе бывал в доме своих многолетних друзей Виктории и Рене Сливовских.

В 1999 г. была опубликована в издательстве «Неритон» важнейшая, по нашему мнению, работа Давида Файнхауза, посвященная Январскому восстанию, – «1863. Литва и Белоруссия»[59]. Она оказалась его последней книгой. Давид Файнхауз умер 12 июля 2004 г. в Чикаго. Он был похоронен на викторианском кладбище «Роузхилл» в северной части Чикаго, где покоятся многие известные люди этого города[60]. Свою последнюю книгу

55 AIPN. Sygn. 01263/170. K. 6, 29, 33–35.

56 *Fajnhauz D.* Związki naukowe Wilna z Czechami w połowie XIX wieku // Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej. Warszawa, 1983. T. 1.

57 *Fajnhauz D.* Polska drobna szlachta a rok 1863 na Litwie i Białorusi // Na przełomie stuleci. Naród – Kościół – Państwo w XIX–XX wieku. Księga jubileuszowa dedykowana profesorowi Ryszardowi Benderowi / Pod red. M. Piotrowskiego. Lublin, 1997.

58 *Fajnhauz D.* Śladami Wielopolskiego. Wiktor Starzeński i jego projekty ugody polsko-rosyjskiej na Litwie i Białorusi (1861–1863) // Przegląd Historyczny. 1994. Z. 3.

59 *Fajnhauz D.* 1863. Litwa i Białoruś. Warszawa, 1999. 358 s.

60 *Śliwowska W.* Op. cit. S. 171.

он посвятил жене Хелене Норвид-Файнхауз, «с которой, – как он писал в посвящении, – мы вместе пережили тяжелые годы эмиграции и без духовной поддержки которой эта книга никогда бы не увидела свет».

Это относительно небольшая по объему книга – всего 357 страниц, включая библиографию и указатели. Тем не менее она стала своего рода «pendant» для всей литературы по Январскому восстанию, которая была доступна к концу 90-х гг. XX в. Файнхауз не только реконструировал ход восстания в Литве и Белоруссии, но также проанализировал последствия восстания для литовско-белорусско-украинских земель в целом, а также для самой идеи восстановления былой Польши – давней первой Речи Посполитой – шляхетской республики «обоих народов». Эта книга стала подведением итогов многолетних исследований автора по истории Январского восстания 1863 г. Одновременно с этим – это и его последнее слово.

Исходным пунктом при написании работы было доказательство тезиса, ставшего одновременно и эпиграфом к книге: «Суть всего дела в Литве; от восстания Литвы зависит воскрешение Польши и смерть врага»[61]. В девяти главах раскрыты такие темы, как рост освободительного движения, политические лагери, ситуация до восстания, начало и разрастание восстания, отношение населения к военным действиям, партизанская война в период лета–осени 1863 г., а также существование подпольного государства. Две последние главы посвящены заключительному этапу восстания и его поражению, в них, кроме того, подводится итог и говорится о последствиях периода 1863–1864 гг.

Сложно провести анализ всей монографии, основу которой составляет огромное количество использованных архивных и печатных материалов, а также литературы предмета. Заметно, что автору не хватало доступа к архивным материалам. Скорее всего, в основе его работы лежат давние записи, сделанные в архивах, и его собственные публикации. Несомненно, написание более полной работы по истории Январского восстания в Литве и Белоруссии возможно, и эта задача стоит перед будущим исследователем. С одной стороны, можно ожидать, что будут обнаружены новые, еще не использованные источники, в особенности в российских, литовских и белорусских архивах. С другой стороны, подробное воссоздание региональной истории восстания в Литве и Белоруссии на основании уже имеющихся отдельных работ продолжает оставаться задачей, которую необходимо решить в будущем. Если такого рода работа будет написана, то, несомненно, она будет соответствовать по объему (в восемьсот станиц) монографии С. Кеневича. Одним

61 Цитату из воззвания «Do Braci Litwinów» Komitetu Centralnego Narodowego (jako Tymczasowego Rządu Narodowego) от 29 января 1863 г.

словом, многие темы, затронутые Файнхаузом в книге, можно расширить, дополнить, к тому же многие косвенные сюжеты, в том числе целый ряд событий меньшего масштаба и связанных с ними лиц, можно было бы вернуть из забытья.

Следует подчеркнуть, что в настоящий момент указанная книга Файнхауза остается лучшей работой на польском языке о восстании в литовско-белорусско-украинских землях, в которой целостно показаны события 60-х гг. XIX в., а также на основе богатого источникового материала и литературы дается глубокий анализ последствий восстания.

В этой связи стоит задуматься об итогах восстания, к которым подводит в своей монографии Давид Файнхауз. Сложно не согласится с его мыслями, горькими по сути своей, о последующей судьбе бывших земель Речи Посполитой, а затем независимых государств Центральной и Восточной Европы. Представим основные заключительные тезисы работы.

Подводя итоги восстания, автор приходит к выводу, что невозможно точно установить количество людей, принимавших в нем участие. На основании различных источников, в том числе перечней Временного полевого аудиториата штаба Виленского военного округа, можно говорить о нескольких тысячах. Однако по многим причинам можно считать эти данные неполными. В подтверждение тому автор ссылается на исследования русского историка А.И. Миловидова, по подсчетам которого количество участников восстания в Северо-Западном крае достигло 77 тыс. человек[62].

Файнхауз опровергает многие стереотипные представления об итогах восстания, в частности утверждает, что восстание не только не способствовало объединению различных социальных слоев, а, наоборот, привело к обострению отношений между помещиками и крестьянами[63]. Он указывает и на принципиальное различие в идеологических позициях между левым крылом «красных» в Польше и русскими революционными демократами. В польской среде доминировало стремление к национальной независимости, в то время как в русской – к социальной революции[64]. С точки зрения А.И. Герцена идея независимости, которая ставилась поляками на первое место, была «понятием отрицательным».

По своей направленности восстание как в Литве и Белоруссии, так и в самом Королевстве Польском не отличалось принципиальным образом. Не было стремления усилить неприязнь крестьянского населения к помещикам, наоборот, старались заложить основы единства, несмотря на социальные и этнические границы.

62 *Fajnhauz D.* 1863... S. 295–296.
63 Ibidem. S. 298.
64 Ibidem. S. 299.

Восстание послужило катализатором национальных и этнических перемен в литовско-белорусско-украинских землях – одного из интереснейших феноменов. В его ходе и после его поражения, несмотря на усиление русификации, наступила массовая полонизация крестьянства. По мнению Файнхауза, это явление носило парадоксальный характер. В период крайнего обострения антипольской политики после восстания полонизация крестьянства в Литве (особенно на Виленщине и западной Белоруссии, хотя даже в Жмуди!) имела больший успех, чем до 1863 г.[65]

С точки зрения отдаленной перспективы, наиболее важным следствием восстания стало национальное возрождение литовцев и белорусов. Январское восстание, с одной стороны, было последним аккордом давнего сотрудничества и единения поляков, литовцев и белорусов, а также по крайней мере части еврейского населения. С другой стороны, оно стало началом разрыва связей между этими народами вследствие нарастания процессов национального возрождения. Настроенный пропольски литовец М. Акелевич (Акелайтис) в своей польскоязычной газете сообщал: «Новости о нашей войне с москалями». В литовской версии это название было передано как «Новости о войне поляков с москалями»[66].

Окончательный вывод, сделанный Давидом Файнхаузом, был следующий: Январское восстание стало концом эпохи содружества народов и этнических групп бывшей Речи Посполитой. Оно было последним восстанием и одновременно переломным периодом в польско-литовско-белорусских отношениях. Станислав Бубр-Тылинго писал, что сыновья повстанцев будут уже сражаться друг с другом[67]. В настоящее время подобную позицию, правда с оговоркой о степени проявления сепаратизма у разных народов, занимают многие историки, в частности Теодор Викс[68], Дариус Сталюнас[69] или Михаил Долбилов[70]. Сейчас эта позиция представлена и в современной польской историографии[71]. Одним словом, отдельные положения, представленные в книге Давида Файнхауза, были расширены, углублены, но не потеряли своей актуальности и подтверждаются последними исследованиями.

65 Ibidem. S. 308.

66 Ibidem. S. 318.

67 Ibidem. S. 325.

68 *Weeks T.* Nation and State in Late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier. 1863–1914. De Kalb, 1996. S. 110 etc.

69 *Staliūnas D.* Makind Russians. Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863. Amsterdam; New York, 2007. S. 71 etc.

70 *Долбилов М.* Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. С. 163 и далее.

71 Powstanie styczniowe 1863–1964: walka i uczestnicy, represje i wygnanie, historiografia i tradycja / Red.: W. Caban, W. Śliwowska. Kielce, 2005.

Книга «1863. Литва и Белоруссия» Давида Файнхауза наводит на ряд размышлений. Прежде всего она показывает закат идеи общей Речи Посполитой «обоих» (многих) народов. Идея независимости, в основе которой лежит традиция польско-литовского государства, особенно в том, что касается восстановления его территории, была узурпирована польскими политическими деятелями. Постепенно зарождавшиеся новые идеи независимости, в особенности литовская (и украинская), позднее также белорусская, уже не апеллируют к традиции государственности былой Речи Посполитой. Эти идеи связаны уже с новым видением – с концепциями создания независимых национальных государств. Это государства, которые не только не тождественны Польше, но которые, что весьма важно, не только не хотят быть в конфедерации с ней, но напрямую противопоставляют себя ей и соперничают с ней. Поляки перестают быть «братьями», а вновь превращаются в «ляхов» и «панов», с которыми ни литовцы, ни белорусы не хотят иметь ничего общего.

Если задаться вопросом, когда Польша и историческая Литва перестали быть солидарными, то в ответ следует сказать, что первые симптомы состоявшегося разрыва уже были заметны во время восстания 1863 г., а после его поражения стали видны невооруженным глазом[72].

Несмотря на глубокое знание исторических процессов, умение понять и принять российскую, литовскую, белорусскую позиции в XIX в., в тот момент, когда политические идеи находились в процессе кристаллизации во время восстания 1863 г. и в последующие десятилетия, Давид Файнхауз, на наш взгляд, в значительной степени идентифицировался с исторической идеей былой Речи Посполитой. Именно с этим связана его выраженная пропольская интерпретация исторических событий, которым он посвятил свои исследования и книги.

В его научном творчестве прослеживается постепенный отход от революционных и социал-демократических взглядов (возможно, как следствие давления политической системы «реального социализма», в которой ему довелось жить, или вследствие расставания с юношескими иллюзиями) и идейная эволюция в сторону главного направления польской политической мысли, и прежде всего польских исторических исследований. Думается, что в представлении Давида Файнхауза Польша – Речь Посполитая была государством и родиной многих народов, в том числе и еврейского народа. Он сам был примером настоящего польского патриота, что доказал собственной биографией. В этом контексте можно сказать, что обвинения в «польском национализме» со стороны советского КГБ в 1959 г., несомненно, имели под собой основание, хотя

72 Lietuva ir Lenkija – nesolidarios nuo pat 1863-iųjų sukilimo? Su Leszeku Zasztowtu kalbasi Tomas Kavaliauskas // Kultūros Barai. 2013. № 7/8. S. 96.

с точки зрения еврейского происхождения обвиняемого могли бы показаться абсурдными.

Согласно современной терминологии, можно было бы Давида Файнхауза назвать «старолитвином», т. е. человеком, воспитанным и функционирующим в польской культуре, а происходящим из Литвы. Сложно вести дискуссию о личном выборе национальной или культурной идентичности. В то же время применительно к Давиду Файнхаузу можно сказать, что он избрал для себя ее польский вариант. Его последняя книга «1863. Литва и Белоруссия» – это, по сути, обобщающая работа по истории основных событий Январского восстания на этих землях, хотя одновременно с этим эта книга является и прекрасным примером польской позиции, которую занимает ее автор. Важной частью этой позиции является способность понять интересы, чувства и устремления других народов в литовско-белорусско-украинских землях, находившихся в то время на стадии формирования национальной идентичности и национального сознания.

Перевод М.А. Крисань

Ян Шумский
(Варшава)

Дело Давида Файнхауза в документах ЦК КПСС*

Данное сообщение повествует об одном событии из жизни Давида Файнхауза – исследователя истории восстания 1863–1864 гг. – и роли, которую в его судьбе сыграл будущий председатель КГБ СССР и Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов, а в то время заведующий отделом ЦК КПСС. Вопрос разрешения на выезд из СССР на постоянное место жительства в ПНР историка решался на самом высоком уровне на Старой площади с привлечением высокопоставленных партийных функционеров ЦК КПСС и ЦК ПОРП. Случай интересен еще тем, что показывает сложный механизм межгосударственных и, прежде всего, межпартийных связей, существовавших в то время между ПОРП и КПСС, на примере одного «маленького человека» и интеллектуала, оказавшегося в силу сложившихся обстоятельств гражданином нескольких стран и, выражаясь фигурально, – «разных миров». Процесс принятия решения по делу Файнхауза мы попытаемся проследить с помощью документов ЦК КПСС, в частности Отдела по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, который был образован в 1957 г. в результате укрупнения Отдела ЦК по связям с иностранными компартиями и разделения его на два самостоятельных отдела[1].

В 1950-е гг. Давид Файнхауз проживал в Вильнюсе, работая в Институте истории Академии наук Литовской ССР. Согласно сведениям компетентных органов, в 1959 г. Д. Файнхауз обратился в соответствующие учреждения СССР и ПНР с ходатайством о репатриации в Польшу. Первая волна репатриации из СССР в Польшу проходила в 1944–1947 гг. В 1950-е гг. репатриация была продолжена, главным образом благодаря настойчивым просьбам польской стороны, пытавшейся, в частности,

---

* Сообщение д-ра Яна Шумского является дополнением к статье профессора Лешека Заштовта.

1 Отдел ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями. 1953–1957. Аннотированный справочник / Сост.: Е.С. Афанасьева, В.Ю. Афиани, М.Ю. Прозуменщиков и др.; ред. Н.Г. Томилина. М., 1999. С. 18.

этим путем содействовать освобождению из трудовых поселений и мест заключений своих соотечественников. Несмотря на особенный интерес, проявляемый поляками и евреями, прежде всего жителями западных областей СССР – гражданами довоенной Польши, – к возможности выезда из СССР, этот процесс носил ограниченный характер. Согласно подписанному 25 марта 1957 г. между правительством Польской Народной Республики и правительством Союза Советских Социалистических Республик соглашения о сроках и порядке дальнейшей репатриации из СССР лиц польской национальности, процесс репатриации планировалось завершить к концу 1958 г.[2] Однако сроки переносились несколько раз, и последние репатриированные покинули СССР в канун 1960 г.

Подача Давидом Файнхаузом документов на выезд в ПНР была встречена в штыки в парторганизации по месту работы. Дело в том, что историк перед выездом был обязан выполнить некоторые формальности – уволиться с работы и сдать партийный билет, что означало выход из партии. Инцидент такого рода наносил серьезный ущерб репутации парторганизации института и всего его руководства. Оформление выезда было связано и со многими другими препятствиями, которые власти чинили Файнхаузу на каждом шагу. Одним из них был доступ историка к советским архивам, что нередко влекло за собой формальное запрещение выезда за границу. Так, Файнхаузу было заявлено, что он длительное время работал в советских архивах над секретной документацией с засекреченными документами[3]. Архивы в то время находились в подчинении Главного архивного управления МВД СССР (ГАУ МВД СССР), а с 1960 г. – Главного архивного управления при Совете Министров СССР (ГАУ при СМ СССР). Доступ к большинству материалов был сопряжен с режимом секретности и регулировался особыми правилами.

Очередным обстоятельством, усложнившим выезд Д. Файнхауза в ПНР, было возбуждение уголовного дела по подозрению в присвоении библиотечных книг, которые были обнаружены при обыске у него в квартире. Трудно дать определенный ответ, было ли возбуждение уголовного дела и проведенный обыск в доме ученого милицейской провокацией, вызванной его решением покинуть СССР, или он действительно присво-

2 См. подробнее: *Полян П.* Оптации: с кем и когда в XX веке Россия обменивалась населением / Под ред.: О. Глезер и П. Поляна // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. М., 2005. С. 536–544; *Вялікі А.* Беларусь – Польшча ў XX стагоддзі. Невядомая рэпатрыяцыя 1955–1959 гг. Минск, 2007. 272 с.

3 Из дневника посла СССР в Польше Абрасимова П.А. Записка о встрече с директором ИИП при ЦК ПОРП Т. Данишевским от 12 октября 1959 года. – Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 49. Д. 156. Л. 150.

ил себе несколько фолиантов, которые рассчитывал увезти за границу. Однако первая версия представляется все же более вероятной. Во всяком случае, если бы дело окончилось вынесением обвинительного приговора, Файнхауз был бы не только опорочен как уголовный преступник и морально раздавлен, но, оказавшись в заключении, не смог бы уехать в Польшу. Однако, хотя вскоре следствие было прекращено, историку все же было отказано в репатриации. Будучи уволенным с работы и к тому же больным человеком, Д. Файнхауз очутился в довольно сложном положении, без средств к существованию.

Тогда Д. Файнхауз решился на отчаянный шаг и написал письмо с просьбой о помощи секретарю ЦК ПОРП Владиславу Гомулке. Будучи в 1930-е гг. активным членом Компартии Польши, Файнхауз был близко знаком со многими польскими коммунистами, дружил с рядом сотрудников Института истории партии (ИИП) при ЦК ПОРП. Он подробно информировал их о своем положении, а те в свою очередь убеждали директора, Т. Данишевского, чтобы тот предпринял надлежащие действия, тем более что вопрос о преследованиях в отношении Файнхауза в советской Литве и об отказе ему в репатриации широко обсуждался в институте и вызывал возмущение среди сотрудников[4].

Тадеуш Данишевский (Давид Киршбраун) был одним из давних негласных информаторов Кремля и длительное время представлял интересы польской исторической науки (не пользуясь, впрочем, доверием со стороны польского исторического сообщества) на различных конференциях и встречах, проводимых в Москве, Варшаве и других странах социалистического содружества. Он не имел ни специального исторического образования, ни научной степени в этой области, ни серьезных научных работ, если не считать сочинений пропагандистского и популярного характера по истории польского рабочего движения[5].

Т. Данишевский как автор, редактор и руководитель научных коллективов, а также как директор Института истории партии участвовал в реализации ряда совместных польско-советских проектов: в издании документов по истории польско-советских отношений, в работе над «Историей Польши», в создании учебника по истории международного коммунистического и рабочего движения и др. Все эти проекты курировались («находились на контроле») соответствующими отделами ЦК КПСС[6].

4 Там же. Л. 151.

5 *Siewierski T.* Komuniści i historycy. Polski ruch robotniczy w badaniach uczonych w PRL – wybrane aspekty / Pod red. D. Magera // Partia komunistyczna w Polsce. Struktury – ludzie – dokumentacja. Lublin; Radzyn Podlaski, 2012. C. 472–473.

6 Докладная записка директора Института славяноведения АН СССР Б.Д. Грекова секретарю ЦК ВКП(б) М.А. Суслову от 25 октября 1950 г., информирующая о предложениях Т. Данишевского по углублению связей

Данишевский был также вхож в посольство СССР в Варшаве, в задачу которого входил сбор аналитической информации о положении в ПНР. В советское посольство посредством огромной армии информаторов стекались самые разнообразные сведения из различных регионов Польши, из политических и общественных организаций, из разных социальных слоев польского общества, в том числе и из кругов польских историков. Информация о положении в ПНР из посольства направлялась в МИД СССР и ЦК КПСС, где, собственно говоря, и принимались окончательные решения, в частности и по персональным вопросам отдельных польских и советских граждан.

Поэтому неудивительно, что обсуждать проблему о репатриации Д. Файнхауза Т. Данишевский направился в советское посольство в Варшаве, предварительно условившись о встрече с послом СССР в ПНР П.А. Абрасимовым. Данишевский был принят им 12 октября 1959 г. и просил о содействии в выезде Файнхауза из СССР в ПНР, представив его как в прошлом члена Коммунистической партии Польши, подвергавшегося преследованиям со стороны властей, а ныне члена КПСС и историка, автора ряда работ по истории Польши первой половины XIX в. В беседе с советским послом Данишевский особо подчеркнул, что действует в соответствии с указаниями руководящих работников ПОРП и что положительное решение вопроса о Файнхаузе позволит пресечь «нездоровые настроения» в среде польских партийных историков. Абросимов обещал сообщить о просьбе польских товарищей в Москву. И действительно, эта информация вскоре была передана в Отдел по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран ЦК КПСС, который возглавлял в то время Ю.В. Андропов. О просьбе Данишевского был также проинформирован заместитель заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам В.И. Снастин[7].

Ю.В. Андропов поручил решение этого вопроса референту отдела Я.Ф. Дзержинскому, сыну Ф.Э. Дзержинского. Согласно докладу начальника ОВИРа Главного управления милиции МВД СССР Тулоцкого от 24 ноября 1959 г. – МВД Литовской СССР получило указание выдать Д. Файнхаузу удостоверение репатрианта. Я.Ф. Дзержинский проинформировал также Т. Данишевского о положительном исходе дела. 6 января 1960 г. «дело Файнхауза» было передано в архив[8]. Сам историк к тому времени уже находился на территории ПНР, где по приезде в Варшаву незамедлительно был принят на работу в Институт истории Польской академии наук.

между польскими и советскими историками. – Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 132. Д. 341. Л. 248.

7 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 156. Л. 150.

8 Там же. Л. 151 (помета на полях).

Збигнев Ромек
(Варшава)

Польское Январское восстание 1863 года в историографии Третьей Речи Посполитой (1989–2013 гг.)

Современные историки в принципе согласны с утверждением, что исторические события исследуются нами с точки зрения современности, с помощью средств, которыми снабдила нас современная культура (во всеобъемлющем значении этого понятия). Анализируя прошлое, мы зависим от принятых в данный момент эстетических и этических норм, действующей интеллектуальной моды и, наконец, от наших личных склонностей, убеждений и черт характера, от мировоззрения, политических симпатий и, наконец, от полученного нами воспитания, имея в виду первичность общественного сознания по отношению к сознанию индивидуальному. Иногда наши исследования и интересы обусловлены давлением со стороны окружения, той или иной власти, а мы поддаемся их влиянию исходя из субъективных интересов.

В связи с этим, исследуя прошлое, каждый историк должен задуматься над тем, как современность влияет на ту или иную отрасль науки, которой он занимается. Поскольку познание как исторический процесс имеет целью установление объективной истины, а каждое наше высказывание лишь в той или иной мере содержит некоторую ее частицу, то и объективность исторического труда (статьи, монографии, обобщающего сочинения) может быть только относительной и существовать в определенных исторических рамках. Разумеется, это не дает основания признать справедливым утверждение агностиков или иных мыслителей субъективистского направления, что якобы не существует объективных научных исследований и нет объективных историков. Однако для каждого ученого, в том числе и прежде всего историка, помимо разрешения отмеченного противоречия в теории познания, встает и практическая задача следования принципу научной объективности, а из этого вытекает внутреннее обязательство быть честным перед самим собой и своей аудиторией, а значит, не обходить «неудобных» источников и не использовать толкований, продиктованных той или иной субъективной партийностью (в гегелевском понимании).

Исходя из высказанных соображений, задачей настоящей статьи является анализ изменений и историографических тенденций в исследова-

ниях по истории польского Январского восстания 1863 года за последние два с лишним десятилетия, начиная с рубежа 1980–1990-х гг., после ликвидации Польской Народной Республики и установления в Польше Третьей Речи Посполитой. Мы также намерены проследить, какое влияние на исторические исследования оказали в указанный период происшедшие в Польше кардинальные социально-политические изменения, при этом особое внимание уделить современной оценке Январского восстания 1863 года.

Крупнейшим польским специалистом по вопросам Январского восстания являлся Стефан Кеневич (1907–1992). Сегодня в Польше сложно найти исследователя Восстания 1863 г., который хотя бы косвенно не чувствовал себя его учеником. Он, как и все ученые, работавшие во времена ПНР, в своем научном творчестве и в общественной деятельности был ограничен жесткими идеологическими и политическими рамками. Кеневич знал, что его сочинения подлежали политическому контролю и цензуре со стороны правящей партии и государства, что порождало вызванное потребностью приспособиться к внешним обстоятельствам такое своеобразное явление, как самоцензура, не только касавшаяся исследователей индивидуально, но и затрагивавшее коллективы ученых. Поэтому в конце жизни, уже в новой политической реальности, Кеневич говорил, что свой монументальный труд «Январское восстание» он написал бы иначе. В некоторой степени он воплотил это намерение в научно-популярном очерке о восстании 1863 г., написанном уже в Третьей Речи Посполитой. Он никоим образом не был сокращенным вариантом ставшей классической монографии Кеневича, изданной двадцатью годами ранее, в 1972 г.[1] В очерке 1992 г. Кеневич уже не так подчеркивал значение лагеря «красных», одновременно стараясь посвятить большее внимание объяснению позиции лагеря «белых». Несмотря на то что в очерке он много писал об «организационном хаосе» среди повстанцев, Кеневич по-прежнему придавал большое значение патриотическому подъему среди восставших и в польском обществе. Он серьезно относился к их надеждам на поддержку восстания в рядах российской армии, к их расчетам на то, что повстанческая борьба вызовет начало войны в Европе, что восставшие найдут поддержку со стороны угнетаемых шляхтой польских крестьян, а это в условиях партизанской войны имело исключительное значение. Взвешенная оценка многих сопровождавших восстание обстоятельств привела Кеневича к следующему выводу: «Летом 1863 г. было больше шансов на успех в войне, чем летом 1831 г.».

1 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. Warszwa, 1972; *Kieniewicz S., Zahorski A., Zajewski W.* Trzy powstania narodowe – kościuszkowskie, listopadowe, styczniowe / Pod red. W. Zajewskiego. Warszawa, 1992.

В заключение, оценивая историческое значение восстания, его позитивные и негативные последствия в истории Польши, Кеневич указывал на огромное воздействие традиции 1863 года на формирование национального сознания и патриотических чувств во всех социальных слоях польского общества и на всей территории бывшей Речи Посполитой (в пределах границ 1772 г., до первого раздела Польши). «Самым ярким, пожалуй, свидетельством данной традиции, – писал Кеневич, – является то, что вплоть до середины XX века сохранились десятки повстанческих песен; их пели в кругу семьи и друзей, в городах и деревнях, передавая следующим поколениям слова и мелодии, а вместе с ними и идею. Идею непреодолимой потребности свержения чужого ига, потребности “быть независимым”»[2].

Стоит задуматься над тем, насколько положительная оценка восстания и его традиции в целом вытекала из честного опыта историка, наблюдавшего также рождение Третьей Речи Посполитой. Кажется, что Кеневич под влиянием «Солидарности» (известно, что он являлся ее убежденным сторонником) и перемен, которые произошли в Польше в 1980-е гг., больше ценил усилия сражавшихся за свободу, а меньше всего обращал внимание на жертвы и потери, понесенные ради обретения независимости. При этом многоопытный исследователь остался верным своему научному призванию. Кеневич из всех известных ему и из всех возможных направлений исследовательской работы выбрал и выдвинул на первый план то, что считал наиболее важным, в том числе с этических и моральных позиций, для поляков – своих современников, т. е. участие в борьбе за независимость, а также веру, что эта борьба приведет к победе, как это и свершилось в 1989 г.

Однако обретенная в 1989 г. свобода, вопреки возможным ожиданиям, не ознаменовала окончания общественных и научных дискуссий вокруг исторической оценки восстания 1863 года, изучение которого не утратило своего актуального и даже политического значения и в Третьей Речи Посполитой. На это обстоятельство обратил внимание Ханс Хан, участвовавший в 2001 г. в международной сессии, посвященной польским восстаниям XIX в., организованной люблинским Католическим университетом. Немецкий ученый так прокомментировал дискуссию, которая имела место между участниками из Польши: «Поляки относятся к данной теме так, как будто до сих пор этот вопрос сохраняет жизненную важность. То есть обсуждают этот вопрос так, как будто сегодня хотели бы решить проблемы своих предков. Вопрос «сражаться или не сражаться» имел в Польше свой смысл во времена Эдварда Герека или даже Войцеха Ярузельского, но, наблюдая, с каким пылом поляки обсуждают

2 Ibidem. S. 407–409.

его здесь, на нашей конференции, я спрашиваю себя о важности данного вопроса сегодня, в начале XXI в. По-моему, следует признать, – подчеркнул Хан, – что это уже действительно история. Сегодня мы должны заниматься историей, а не говорить о настоящем, делая вид, что говорим об истории»[3].

Приведенный тезис побуждает задуматься – почему история 1863 г. до сих пор вызывает столько эмоций? Как действительность современной эпохи влияет на оценку восстания? Ответы на эти вопросы нужно искать в политической области, в частности в оценке компромисса власти и оппозиции времен переговоров «Круглого стола» и его значения для Третьей Речи Посполитой. На соглашение, которое в 1989 г. группа оппозиционеров во главе с Лехом Валенсой заключила с правительством Войцеха Ярузельского, в настоящее время существуют две точки зрения. Для одних «Круглый стол» является символом мудрости, умения политических противников договориться друг с другом во имя совместного строительства новой демократической реальности. Для других – символом измены интересам народа, перечеркнутой возможности рассчитаться с властями социалистической эпохи, а также символом согласия на то, чтобы общественные силы, олицетворявшие бывшую власть, участвовали в общественной и политической жизни, сохранили и приумножили незаконно приобретенную собственность.

Приведенный пример альтернативного толкования актуальных политических событий влияет на отношение к фактам и процессам исторического прошлого, сказывается на их оценках в историографии. Общественные силы, осудившие тактику «Круглого стола» и его итоги, апеллируют к прошлому в поисках примеров бескомпромиссной борьбы за независимость Польши. Их героями являются участники восстания 1863 года, Юзеф Пилсудский и его легионы, солдаты Советско-польской войны 1920 года и Армии Крайовой, участники Варшавского восстания 1944 года, бойцы подполья, сражавшиеся с новой послевоенной властью, – так называемые «проклятые солдаты», политзаключенные времен «польского сталинизма», католический клир, боровшийся с властями ПНР, жертвы репрессий спецслужб периода 1945–1989 гг.

Адепты «Круглого стола», напротив, придерживаются уже известного в истории умеренного подхода к событиям. Обращаясь к истории восстания 1863 г., они критикуют не подготовленные к выступлению патриотические порывы, бланкизм, социальную и политическую утопичность позиции лагеря «красных», стараются доказать, что восстание, во всем

3 Polskie powstania narodowe na tle przemian europejskich w XIX wieku / Red. naukowa A. Barańska, W. Matwiejczuk, J. Ziółek. Lublin, 2001. S. 629–630 (Hans Hening Hahn, głos w dyskusji).

многообразии связанных с ним явлений и процессов, не может послужить оправданием вызванных им людских потерь. С их точки зрения, альтернатива – «восстание или органическая работа» – может найти разрешение только на реформистском пути мирного постепенного эволюционного развития экономики, социальных реформ и национального культурного строительства. Сторонники изложенной концепции рассматривали времена ПНР (после 1956 г.) как период относительной свободы, особенно в сравнении с тем, что происходило в СССР и других социалистических странах. Поэтому Народную Польшу они иронически называют «самым веселым бараком в социалистическом лагере».

Традиция польского Январского восстания, а особенно вопросы о его исторической обусловленности и историческом значении, стали элементами борьбы за современное толкование прошлого. В демократическом государстве, где влияние политических партий зависит от поддержки граждан, борьба за историческую память стала важным элементом политической жизни. Это важно потому, что в современной Польше стало модным заботиться о семейных и местных традициях, собирать реликвии. Толпы зрителей собираются по случаю инсценировок древних битв, рыцарских турниров и различного рода представлений, связанных с историей.

В борьбу за историческую память, в том числе в спор об оценке Январского восстания, вовлечены также профессиональные историки. В этом году Институт Истории Польской академии наук издал эссе Ежи Едлицкого под полемичным заглавием: «Путь к национальному поражению». Автор изображает повстанцев как людей, охваченных романтическим чувством борьбы за свободу Польши, не задумывавшихся о том, есть ли шанс на победу. Едлицкий так сформулировал вывод своего сочинения: «Это рассказ о том, как в сознании и сердцах поляков созревала мысль о необходимости нового восстания против русского царского режима. Они шли за подпольными кружками, находя в этом чувство единства. Многие попадали в руки полиции, а по окончании следствия – в Сибирь, но на их место приходили новые. Радикальность движения не давала шансов на переговоры с властями. Реформы, разрешение на проведение которых Александру Велепольскому дал Петербург, лагерь “красных” отверг. Сойти с пути, ведущего к восстанию, возможности не было, особенно когда Велепольский спровоцировал восстание, объявив призыв будущих повстанцев в царскую армию. Одно из самых трагических польских восстаний началось в январе и не имело никаких шансов на успех. Восстание принесло невосполнимые потери и оставило после себя грустную героическую легенду»[4].

4 *Jedlicki J.* Droga do narodowej klęski. Warszawa, 2013. Текст с обложки.

Автор не скрывает раздражения тем, что в настоящее время история Январского восстания используется для пропаганды патриотической позиции. Поэтому он старается убедить читателя, что призыв к восстанию 1863 г. оказался пагубным для Польши, в то время как благоразумным было бы использовать шанс, который давала политика, проводимая в Королевстве Польском гражданской администрацией во главе с А. Велепольским. Едлицкий пишет, что ему «понятен голос гражданского мужества, голос гражданской и демократической мысли, непокорной при необходимости»[5]. Однако он осуждает «зов крови», «пафос радикализма». Для него неприемлемы неоправданные жертвы, хотя, замечает Едлицкий, «конечно, слава храбрым мужчинам и женщинам, которые погибли в борьбе за честное и благородное дело. *Gloria victis!*»[6] Далее автор переходит уже к более важному вопросу, касающемуся уже не столько публицистической полемики по поводу оценки восстания 1863 г., сколько методики исторического исследования описания и анализа исторических фактов. «Историк, – утверждает Едлицкий, – обязан противостоять созданию сценария упрощенной “исторической реконструкции”, игры для детей и молодежи с реквизитами “той эпохи”», и продолжает, говоря о человеческих потерях, понесенных польским народом в ходе восстания и последовавших репрессий царских властей: «Историки обязаны также сказать – с беспристрастностью исследователя и без утешения, – что их жертва (повстанцев. – *З. Р.*) была напрасной»[7].

Нет ничего удивительного в участии ученого в текущем политико-идеологическом споре об интерпретации традиции восстания 1863 г. – такое право имеет каждый. Однако с точки зрения корректных методов научного исследования в области исторических знаний вызывает возражение позиция автора, согласно которой изложенная в его сочинении оценка представлена как единственно правильная – без сопоставления с другими концепциями и суждениями, без их научной критики, в то время как она должна быть одним из необходимых условий верификации собственных выводов. С этой точки зрения, развернувшаяся дискуссия на сентябрьской 2013 г. конференции Комиссии историков России и Польши в Москве, как и публикация настоящего сборника статей, имеет большое значение и представляет собой пример позитивной международной научной дискуссии по проблемам истории Восстания 1863 г.

В новейшей польской историографии представлена и тенденция иного рода. В Польше публикуется значительное число работ по истории, в том числе и по истории восстания 1863 г., авторы которых подчеркнуто

5 Ibidem. S. 173.

6 Ibidem.

7 Ibidem.

избегают прямо определять свою позицию в оценке исследуемой проблемы или же стремятся не проявить собственных интеллектуальных предпочтений или же политических симпатий. Следование тацитовскому принципу *sine ire et studio*, несомненно, одно из достоинств историка. Наверное, они полагают, что тщательный анализ источников и более точное изложение хода событий, но без их оценки, позволят приблизиться к объективной и правдивой информации о прошлом. Это иллюзия, потому что культурная зависимость от собственных интеллектуальных привычек и влияния современности никогда не исчезнет. Она невольно проявляется в исторических трудах, хотя бы при выборе темы исследований. Когда исследователь предпочитает писать об историке восстания Агатоне Гиллере, а не о Валерии Пшиборовском или Станиславе Козьмяне, то он идентифицирует себя с более положительной оценкой Восстания 1863 г. Об одобрительном или отрицательном отношении исследователей к событиям, о которых они пишут, свидетельствуют употребленные обороты речи или ряды цитат. Когда мы читаем сочинение Франчески Рамотовской о польском подпольном государстве во времена Январского восстания 1863 г., сочинение, основанное на огромном количестве исторических источников, то ярко видим положительное отношение автора к восстанию. Это подтверждает и цитата, заканчивающая сочинение, в которой приведен парафраз слов Юзефа Пилсудского, которые Рамотовска выдает за свои: «Величие нашего народа было бесспорным фактом в великую эпоху 1863 г. и заключалось, возможно, в существовании единственного в нашей истории безымянного правительства, которое пользовалось огромным уважением и доверием у других народов»[8].

Можно ли приведенные факты и свидетельства рассматривать как доказательство того, что польская историография эпохи Третьей Речи Посполитой попала в сети политических, идеологических и мировоззренческих споров? Думается, что утвердительный ответ очевиден, но его необходимо сопроводить существенным замечанием, что это не является спецификой ни нынешнего времени, ни польской историографии. История человечества, как и история и Польши, и России в том числе, всегда была и останется полем идейных споров и страстной политической полемики. Перефразируя известное в прошлом высказывание, отметим, что истине безразличны интересы людей, но людям не безразлична истина. Утверждение о «беспартийности» историка было опровергнуто еще Гегелем. Как историки, мы не должны стесняться своих интеллектуальных или политических взглядов и связанных с ними симпатий к определенным личностям или прошлым событиям.

8 *Ramotowska F.* Tajemne państwo polskie w powstaniu styczniowym 1863–1864. Struktura organizacyjna. Warszawa, 1999. Cz. 1. S. 700–701.

Л.С. Лыкошина
(Москва)

150-летие Январского восстания в свете исторической политики современной Польши

На 2013 г. пришелся 150-летний юбилей одного из самых драматических событий в истории Польши – Январского восстания 1863 г. Срок немалый, но и не настолько большой, чтобы события восстания стали достоянием далекого прошлого, а его участники – некими легендарными образами. Ведь еще во времена II Речи Посполитой жили участники восстания, окруженные почтением и заботой: Ю. Пилсудский особое внимание уделял героям сражений за независимость Польши, им платили пенсии, из ветеранов было сформировано специальное воинское подразделение, военные первыми отдавали им честь[1].

Вместе с тем события 1863 г. никогда не оценивались однозначно как самими современниками событий, так и их потомками. Проблемы целесообразности восстания, его шансов, его значимости для Польши всегда являлись предметом споров историков, оставались важной составляющей исторической памяти поляков. Хотя, как свидетельствуют данные социологических опросов, пробелы в знаниях о восстании весьма существенны: двое из трех поляков не знают, когда восстание началось, 31% не знает, как закончилось; 53% респондентов думают, что поражением, 11% – победой; 70% не знают, кто руководил восстанием. Только 17%, демонстрируя знание истории, правильно называют имя последнего диктатора восстания Ромуальда Траугутта, 8% полагают, что восстанием руководил Т. Костюшко, а 4% – Пилсудский. Почти половина респондентов не уверена в том, что восстание было нужно[2].

150-летняя годовщина восстания, конечно, не осталась незамеченной в Польше и ознаменовалась многими событиями и акциями, связанны-

1 Пилсудский был автором работы о Январском восстании. Начальник государства усматривал прямую связь между восстанием и легионами, а соответственно, обретением Польшей независимости. Извечный противник Пилсудского Р. Дмовский и его Национально-демократическая партия всячески порицали восстание, считали целесообразным сотрудничество с Россией и не видели смысла в борьбе против нее ввиду явного неравенства сил.

2 Powstanie? A kto wygrł? // http://wyborcza.pl/2029020,76842,13271641.html

ми с памятной датой[3]. Празднование юбилея проходило под патронатом президента страны Б. Коморовского. По многочисленным высказываниям президента можно выявить достаточно целостную картину его суждений об этом важном историческом событии. Прежде всего можно констатировать, что Б. Коморовский, как известно, историк по образованию, да еще и писавший работу о Пилсудском, вслед за Первым маршалом твердо уверен в целесообразности и значимости восстания, соответствии его логике исторического развития Польши. Президент проводит аналогии между восстанием 1863 г. и Варшавским восстанием. Как Пилсудский верил в то, что Январское восстание породило легионы и 1918 г., принесшие свободу Польше, так Коморовский верит в то, что Варшавское восстание (1944) породило 1989 г. и демократическую революцию в стране. Недаром президент в дни празднования юбилея восстания возложил венок к памятнику Польскому подпольному государству и Армии Крайовой, акцентируя тем самым связь между Январским восстанием и польским сопротивлением в годы Второй мировой войны[4].

Но, признавая безусловную историческую ценность восстания, Б. Коморовский неоднократно подчеркивал недопустимость использования темы восстания в политическом противостоянии, в современной политической борьбе. Президент выражал уверенность в том, что ныне живущие поляки могут прийти к согласию по поводу того, что «история у нас одна. Не существует двух историй, хотя всегда есть искушение переписывать историю заново. Но у нас общее прошлое»[5].

Б. Коморовский прекрасно отдает себе отчет в том, что добиться именно такого понимания истории непросто. Вспоминая юбилеи восстания, отмечавшиеся в 1913 г. и в 1963 г., президент отметил, что тогда о единении говорить было сложно: в 1913 г. спор между собой вели пилсудчики и народовцы, в 1963 г. неправомерно возвышались заслуги лагеря «красных» в восстании, на фоне недооценки заслуг «белых». Но через 150 лет, полагает президент, можно уже забыть о распрях между разными политическими направлениями. Тем более что кто к какому лагерю относился, знают сейчас лишь профессионалы. Для остальных же все участники восстания стали «красно-белыми».

---

3 Еще в 2011 г. была создана Общепольская комиссия Польского исторического общества по организации празднования 150-летнего юбилея восстания, но в связи с недостаточным финансированием деятельность комиссии была прекращена.

4 List prezydenta na uroczystym odsłonięciu pomnika w Lublinie // http://www.prezydent.pl/aktualnosci/wypowiedzi-prezydenta/inne/art,434,list-prezydenta-na-uroczystym-odslonieciu-pomnika-w-lublinie.html

5 Prezydent zainaugurował obchody 150. rocznicy Powstania Styczniowego // http://dzieje.pl/aktualnosci/prezydent-zainaugurowal-obchody-150-rocznicy-powstania-styczniowego

В представлении Б. Коморовского восстание, имевшее целью обретение Польшей независимости, отнюдь не является страницей истории только поляков. Акцентируя важность памяти о единении участников восстания, Коморовский в ходе торжеств не раз напомнил соотечественникам, что за свободу Польши боролись представители не только разных национальностей, но и разных вероисповеданий, в том числе и иудейского. Президент вспоминал о событиях, которые предшествовали восстанию: во время демонстрации в феврале 1861 г. погибло пять варшавян разных исповеданий, их тела были выставлены для прощания в отеле «Европейский», где через 150 лет после восстания как раз и проходили памятные мероприятия.

Для Коморовского чрезвычайно важен мотив единения в период восстания поляков разных сословий и разных вероисповеданий, мотив совместной борьбы всех народов Речи Посполитой против общего врага – России. Для президента, род которого имеет литовские корни, особенно значимым представляется, что «Январское восстание явилось последним историческим аккордом той прекрасной многоязычной симфонии, которую веками исполняло польско-литовское государство. На повстанческих знаменах, печатях и гербе Национального правительства последний раз были вместе Белый орел, Погоня и Михаил Архангел»[6].

Но в настоящее время не у всех народов бывшей Речи Посполитой эти слова президента Польши вызывают умиление. Правда, в Литве 2013 год был объявлен годом Январского восстания, а вот в Белоруссии ситуация далеко не столь однозначна. Оппозиция призывала праздновать юбилей, усматривая в восстании славную страницу борьбы за национальную независимость, а официальный Минск отнесся к этому событию без особого энтузиазма. Некогда признаваемая безусловно героической фигура лидера восстания в Белоруссии Кастуся Калиновского ныне оценивается не столь однозначно. Некоторые белорусские ученые призывают внимательнее присмотреться к этому историческому персонажу, деятельность которого связана не только с героическими страницами борьбы за Польшу «от моря до моря», но и с казнями белорусских крестьян, не желавших поддерживать польскую и полонизированную белорусскую шляхту. Так что «симфония» звучит не очень гармонично.

Президент Коморовский во время праздничных мероприятий, проводимых на региональном уровне[7], присутствуя на них или направляя

6 List prezydenta na obchodach rocznicy Powstania Styczniowego we Lwowie // http://www.prezydent.pl/aktualnosci/wypowiedzi-prezydenta/inne/art,436,list-prezydenta-na-obchodach-rocznicy-powstania-styczniowego-we-lwowie.html

7 В дни празднования в 36 польских городах было проведено 200 соответствующих акций.

соответствующие послания, неоднократно подчеркивал важность того обстоятельства, что восстание переживается поляками как событие не абстрактно польской истории, а как факт своей, местной, локальной истории. Это делает события восстания особенно близкими, едва ли не семейными. Тем более что в Польше многие памятные места, связанные с восстанием, помнятся и почитаются[8].

Президент полагает, что восстание, помимо чисто исторического значения, должно восприниматься и как повод для размышлений о дне сегодняшнем, о будущем Польши. Отдавая дань памяти героизму повстанцев, современные поляки, по мысли президента, имеют возможность открыто говорить о том, что на долю нынешнего поколения выпала лучшая судьба, ему не нужно умирать за Родину: его патриотизм может быть «патриотизмом труда, патриотизмом служения». Коморовский предложил отказаться от термина «историческая политика» и принять более мягкий и примиряющий термин «историческая память», предполагающий стремление к примирению и взаимоуважению, к толерантности[9].

Достичь этих высоких целей в расколотом и далеко не едином польском обществе весьма непросто. Ведь даже юбилей восстания стал поводом для новых залпов «польско-польской войны» между правящей партией «Гражданская платформа» (ГП) и оппозиционной «Право и справедливость» (ПиС), уже не первый год идущей в стране и особенно обострившейся после трагической гибели президента Л. Качиньского. Свидетельством противостояния явилась, в частности, достаточно напряженная атмосфера, сложившаяся в польском парламенте в связи с принятием постановлений о Январском восстании.

В Сенате проект постановления о признании 2013 года годом Январского восстания породил спор об истории и патриотизме. В принятом постановлении восстание, вполне традиционно, расценивается как «выражение протеста против господства царизма, активной политики русификации». Сенаторы сочли нужным отметить и огромные жертвы, усиление царских репрессий, к которым привело восстание [10].

---

8 На территории Польши в настоящее время существует 540 объектов, связанных с восстанием. В том числе 19 кладбищ, одно место на кладбище, 397 братских могил и 123 индивидуальных захоронений. См.: Prezydent zainaugurował obchody 150. rocznicy Powstania Styczniowego // http://dzieje.pl/aktualnosci/prezydent-zainaugurowal-obchody-150-rocznicy-powstania-styczniowego

9 [9] Komorowski: niech rocznica powstania 1863 r. będzie okazją do refleksji o Polsce // http://dzieje.pl/aktualnosci/komorowski-niech-rocznica-powstania-1863-r-bedzie-okazja-do-refleksji-o-polsce; Wywiad prezydenta dla TVP Historia // http://www.prezydent.pl/aktualnosci/wypowiedzi-prezydenta/wywiady/art,170,prezydent-w-tvp-historia-o-znaczeniu-powstania-styczniowego.html

10 Powstanie styczniowe rozgrzewa sejmowy spór // Rzeczpospolita. 21.11.2011.

Сенат, возглавляемый Б. Борусевичем (который, так же как и президент Коморовский, и премьер Туск, является историком по образованию), почти единогласно принял данное решение: лишь двое воздержались при голосовании. Дискуссию же породила позиция единственного сенатора, выступившего против принятия постановления. Возмутителем спокойствия оказался независимый сенатор К. Куц, считающий, что в истории следует искать события, придающие энергию и бодрость ныне живущим поколениям, а не упиваться мартирологией.

Не согласные с Куцем сенаторы настаивали на необходимости чтить своих героев, не отрываться от корней и не выносить суждений о восстании на основании знаний сегодняшнего дня, когда известно, что восстание потерпело поражение: ведь в 1863 г об этом не знали[11].

Но если в Сенате постановление было принято, то в сейме ситуация развивалась гораздо более сложно. Нижняя палата польского парламента отказалась принять постановление о признании 2013 года годом Январского восстания. Аргументация основывалась на том, что постановление по поводу восстания уже принял Сенат, к тому же согласно польским законам один год может быть связан только с тремя именами или датами, а 2013 уже признан годом Ю. Тувима[12], В. Лютославского[13] и Я. Чохральского[14]. Подобного рода доводы не все сочли убедительными. Посол Р. Терлецкий высказал мнение, что ГП, заблокировавшая принятие постановления, сделала это из опасений испортить отношения с Россией и в этом своем прагматизме попыталась прервать полуторавековую традицию. Кроме того, по мнению Терлецкого, «историческая амнезия» ГП основана на страхе. ГП боится взрыва народного негодования, ведь несомненна определенная закономерность: через полвека после Январского восстания возникли легионы, через 30 лет после легионов разразилось Варшавское восстание, через тридцать шесть лет после этого возникла «Солидарность», а после «Солидарности» тоже прошло уже тридцать три года[15].

Иной позиции придерживается депутат сейма от ГП С. Неселовский, считающий, что восстание не имело никаких шансов, было взрывом отчаяния, приведшего к многочисленным жертвам и политике деполонизации, хотя Неселовский не отрицает, что восстание способствовало реше-

11 *Lande J.* Spor o historie // http://historia.org.pl/2012/07/25/spor-o-historie-powstanie-styczniowe-na-senackiej-komisji/

12 Ю. Тувим (1894–1953) – польский поэт

13 В. Лютославский (1913–1994) – польский композитор и дирижер

14 Я. Чохральский (1885–1953) – польский химик и изобретатель

15 *Lande J.* Czy potrzebne są dwie uchwały upamiętniające Powstanie Styczniowe? Polemika z posłem R. Terleckim // http://historia.org.pl/2012/11/04/czy-potrzebne-sa-dwie-uchwaly-upamietniajace-powstanie-styczniowe-polemika-z-poslem-r-terleckim/

нию крестьянского вопроса, созданию подпольного государства, формированию современного народа. Но по своим трагическим последствиям Январское восстание сопоставимо с Варшавским 1944 г.[16]

А известный польский социолог Р. Марковский в радиоинтервью заметил, что восстаний в Польше слишком много и он охотно поделился бы ими с чехами. Ему симпатична позиция Швейка, который сидел в пивной и пережидал, когда пронесутся мимо «все эти сумасшедшие» как с одной, так и с другой стороны. Конечно же, Марковский получил гневную отповедь: публицист П. Семка резонно заметил, что «переждать» не всегда удается и «пивные тоже горят» [17].

Аргумент, согласно которому принятие постановления сенатом делает излишним аналогичные действия со стороны Сейма, был признан оппозицией неубедительным. Хотя бы потому, что прецеденты были: так, в 2011 г. и Сейм, и Сенат приняли постановление о признании этого года Годом памяти М. Склодовской-Кюри[18].

Позиция ГП, заблокировавшая принятие постановления Сеймом, вызвала однозначное неприятие со стороны Я. Качиньского. Он счел это нарушением традиции, что стоит в одном ряду с другими «антипольскими» дей-

16 *Niesiolowski S.* Powstanie styczniowe. Zryw rozpaczy bez szans // Gazeta Wyborcza. 2013. 22 stycznia.

17 *Semka P.* Piwiarni też płoną // http://www.rp.pl/artykul/ 976640-Piwiarnie-tez-plana-html

18 О том, что историческая политика серьезно занимает умы депутатов польского Сейма, свидетельствует то обстоятельство, что постановления, касающиеся исторических событий и дат, принимаются далеко не гладко и спокойно. Дискуссия о постановлении по поводу восстания 1863 г. вовсе не была единственной в 2013 г. Позже полемика разразилась в связи с постановлением по поводу смерти Г. Пшемыка и «волынской резни». Сейм нынешнего созыва принял 152 постановления, из которых многие носят исторический характер. При этом фракция ГП настаивает на том, чтобы «исторических» постановлений было меньше и они не пробуждали бы «ненужных эмоций» (по выражению главы парламентской комиссии по культуре И. Следзиньской-Катарасиньской, представляющей ГП). Фракция ГП настаивает на целесообразности обсуждения «исторических» постановлений в более узком кругу депутатов, чем это делается сейчас, а именно в президиуме Сейма. С такой постановкой вопроса далеко не все согласны, тем более что не все фракции имеют своих представителей в президиуме. Кроме того, ГП настаивает на необходимости наличия программы мероприятий, связанных с той или иной датой, ибо подчас депутаты принимают постановление, но мало что делают для его реализации. За мерами, предлагаемыми ГП, представители оппозиции усматривают стремление ограничить влияние последней на историческую политику (*Ferfecki W.* Platforma robi porządek z historią // http://www.rp.pl/artykul/1076974.html).

ствиями, оплачиваемыми за счет налогоплательщиков. Такого рода явления, заметил глава ПиС, не могут не вызывать тревоги, и им следует противостоять. «Если государство не хочет отмечать годовщину, то это должны сделать мы», – заявил лидер оппозиции[19]. Качиньский особенно подчеркивает значимость «моральной революции», охватившей польское общество в 1863 г. Эта революция, предшествовавшая собственно восстанию, выражалась в бойкоте разного рода увеселительных мероприятий, в патриотических демонстрациях, решительном осуждении и преследовании коллаборационистов. Таким образом создавалась определенная атмосфера, общество готовилось к восстанию. Глава ПиС полагает, что без подобного рода «моральной революции» не удастся и сейчас «изменить Польшу»[20].

Позиция ГП вызвала волну возмущения в среде правых публицистов. Б. Вильдштейн счел такое поведение подтверждением мнения об антипатриотическом и антипольском облике партии. П. Сквечиньский заметил, что ГП продемонстрировала в своем стремлении к модернизации любой ценой готовность отказаться от патриотизма, и при такой позиции ГП может рассчитывать на поддержку разве что Запада. П. Заремба настаивал на том, что полякам нужен миф о восстании, тем более что в этом мифе много правды. Опасность, по мнению известного публициста, таится не в романтическом мифе, а в «чрезмерном прагматизме, граничащем с цинизмом, а может, и национальным нигилизмом»[21].

В конце концов Сейм все же принял постановление по поводу восстания 1863 г. подготовленное послом от ПиС К. Уяздовским. В постановлении отмечался антироссийский и национально-освободительный характер восстания, совместная борьба всех народов Речи Посполитой. Особо подчеркивался демократический характер восстания, принятие закона об освобождении крестьян, что расценивалось как «поворотный пункт в процессе расширения сферы гражданских прав и свобод и создания общественной солидарности».

Интересно, что в постановлении Сейма, выражающем признательность всем поддержавшим восстание, особенно народам Литвы, Белоруссии и Украины, ни слова не говорится о российских революционерах-демократах, также поддержавших восстание, в частности о Герцене[22].

---

19 Kaczyński: Sejm odmówił uczczenia 150. rocznicy Powstania Styczniowego // http://dzieje.pl/aktualnosci/kaczynski-sejm-odmowil-uczczenia-150-rocznicy-powstania-styczniowego

20 *Kondzińska A.*, *Wroński P.* PiS: potrzebna styczniowa rewolucja moralna II // http://wyborcza.pl/1,76842,13060742,PiS_potrzebna_styczniowa_rewolucja_moralna_II.html

21 *Zaremba P.* W powodzi cynicznych rachub nie gubmy dziedzictwa Powstania Styczniowego // http://wsieci.rp.pl/galeria/891373,1,946683.html

22 А. Михник в «Газете Выборчей» посвятил Герцену большую статью, вспомнив о его заслугах перед польским национально-освободительным движением.

Таким образом, все формальности были соблюдены, было и постановление, и минута молчания, была и речь Туска. Глава правительства и лидер правящей партии в своем выступлении в Сейме особо подчеркнул роль восстания как «фундамента польского видения независимости», отметив при этом «трагический баланс» восстания, приведшего к многочисленным жертвам[23]. Но при этом не оставляет ощущение некой непоследовательности в действиях правящей элиты, о чем свидетельствует хотя бы такой факт: на празднование годовщины восстания было выделено 500 тыс. злотых, тогда как на акции, связанные с торжествами в честь одного из патронов 2013 г. В. Лютославского – 16 млн злотых[24].

Признав недостаточными действия правительства по организации юбилея восстания, ПиС выступил с инициативой создания Общественного комитета по организации празднования 150-летия восстания, куда вошло 250 человек. Почетным председателем комитета стал Я. Качиньский. Правда, в день празднования он не смог присутствовать на торжествах по причине болезни, и лидера ПиС заменил вице-спикер Сейма М. Кухиньский. В выступлении М. Кухиньского отмечался мотив исторической значимости восстания, его роли как фундамента для появления легионов Пилсудского, АК, «Солидарности». Восстание в представлении вице-спикера предстало как «последняя великая война, в которой приняли участие все земли старой, исторической Речи Посполитой: от Латвии до Литвы, Белоруссии и Украины»[25].

Центральным событием в деятельности комитета стали памятные мероприятия в Варшавской цитадели, где в 1864 г. был казнен последний диктатор восстания Р. Траугутт и еще ряд руководителей восстания. Комитет организовал также целый ряд выставок, лекций, содействовал открытию памятника генералу М. Лангевичу (Лянгевичу) (второму, после Л. Мерославского, диктатору восстания).

Помимо главных действующих лиц польской политической сцены, отношение к юбилею восстания высказали и представители других политических сил. Как обычно, эпатирующий общество Я. Паликот, еще недавно активный деятель «Гражданской платформы» и сторонник Туска, а ныне его оппонент и глава собственной партии «Движение Я. Паликота» (занявшей третье место на парламентских выборах 2011 г.), в январские дни 2013 г. выступил с традиционных для него антикатолических позиций, призвав «покончить с догматом о том, что католическая цер-

---

23 Tusk D.: Powstanie Styczniowe «fundamentem mysli niepodleglosciowej» // http://www.rp.pl/artikul/972762.html?print=tak&=0

24 Spór o historię // http://www.dziennikpolski24.pl/pl/aktualnosci/kraj/1257919-spor-o-historie.html,0:pag:1,0:pag:2#nav0

25 http://www.tvn24.pl/wiadomosci-z-kraju,3/spoleczne-obchody-rocznicy-powstania-bez-jaroslawa-kaczynskiego,301771.html

ковь всегда была на стороне Польши»[26]. Паликот убежден, что церковь всегда отстаивала только свои собственные интересы и интересы Ватикана, а если некоторые ксендзы и поддержали восстание, то сделали это по принуждению. Позиция, явно диссонирующая с господствующим в польском общественном сознании представлением о католической церкви как оплоте национального духа. Паликот считает, что в 2013 г. можно отметить исторические события, гораздо более значимые, чем Январское восстание, например годовщину Городельской унии, заключенной в 1413 г. между польским королем Ягайло и Литовским князем Витовтом.

А польские социал-демократы вообще считают, что нечего погружаться в столь давнюю историю, надо объявить 2013 год годом Эдварда Герека, столетие которого как раз совпадает с этой датой. Ведь именно при Гереке, в 70-е гг. XX в., когда он руководил страной, Польша достигла больших успехов, а уровень жизни поляков заметно повысился. Негоже отдавать историю на откуп «Праву и справедливости», считает глава польских социал-демократов Л. Миллер. Социал-демократы пересмотрели свои взгляды на историю. Если в первое десятилетие трансформации они искренне полагали, замечает Л. Миллер, что апелляция к истории никому не нужна и следует «выбрать будущее», то теперь позиция СДЛ изменилась под влиянием братьев Качиньских, которые доказали, что «историческая политика является эффективным оружием в политической борьбе. По сути дела, со времени победы Качиньских политическая борьба на историческом поле идет непрерывно. СДЛ делает отсюда вывод, что мы должны участвовать в этой борьбе и использовать те символы, на которые мы имеем право»[27].

Примечательно, что на фоне споров политиков о том, как надо отмечать юбилей восстания, именно в этом году особенно активно проявила себя молодежь. На Facebook было организовано несколько акций в честь участников восстания, соответствующие моменту программы подготовили некоторые популярные рэп-группы, активно проявили себя и группы исторической реконструкции, подготовившие инсценировки некоторых эпизодов восстания.

В целом в обществе осталась некоторая неудовлетворенность организацией празднования 150-летия восстания. Отвечая на упреки в этой связи, спикер Сената Б. Борусевич имел неосторожность сказать: «Такое и празднование, каким было восстание», что, естественно, вызвало волну возмущенных откликов[28].

---

26 Powstanie styczniowe // http://palikot.blog.onet.pl/category/powstanie-styczniowe/

27 Miller: Broniąc Gierka, bronimy dorobku ludzi, którzy budowali Polskę // http://www.krytykapolityczna.pl/print/17410

28 http://wpolityce.pl/wydarzenia/51900-prof-dudek-wypowiedz-marszalka-borusewicza-byla-fatalna-kwestia-powstania-styczniowego-zostala-w-tym-roku-zaniedbana-nasz-wywiad

Юбилей Январского восстания показал, как активно проводится в стране историческая политика, как легко попытки критического осмысления исторического опыта интерпретируются как проявления антипатриотической позиции. Вместе с тем в высказываниях политиков разной политической ориентации просматриваются общие моменты: это мотив единства польского народа и всех народов Речи Посполитой в борьбе против общего врага – России; это мотив единения представителей всех сословий и вероисповеданий; это признание значимости восстания для процесса формирования современного польского народа; это мотив жертвенности, презирающей холодный расчет. Правда, в оценке жертвенности политики далеко не единодушны. Если ГП делает акцент на трагичности пролития крови за дело, не имеющее шансов на успех, то ПиС скорее склонна презирать расчет в деле борьбы за свободу.

В годы восстания популярна была песня с такими словами: «Рядом с Орлом, знак Погони, пошли наши в бой без оружия…». В принципе как среди политической элиты, так и в обществе в целом представлены две позиции: кто-то видит главное в том, что «пошли наши в бой», а кто-то не может принять целесообразности боя без оружия.

«Что же идти-то, коль нет оружия. Сколько можно упиваться своими поражениями!» – С горечью вопрошают и в наши дни многие поляки, комментируя в Интернете многочисленные материалы, посвященные восстанию. Но им возражают соотечественники, позицию которых можно выразить словами Н.А. Некрасова: «Умрешь недаром, дело прочно, когда под ним струится кровь…».

Споры о восстании, не завершившиеся и через 150 лет, стали благодатной почвой для проведения своей линии исторической политики разными политическими силами современной Польши. За сдержанностью ГП видится свойственный этой партии прагматизм и рационализм, некая отстраненность от патриотической риторики. За активностью ПиС – претензии на «настоящую польскость» и «настоящий патриотизм», невозможные в нынешней III Речи Посполитой и вполне достижимые в IV Речи Посполитой, которую предстоит создать под руководством ПиС в результате «моральной революции». За стремлением Б. Коморовского акцентировать мотив единения в событиях восстания – попытки польского президента и в нынешней Польше поддерживать линию на «единение и согласие», на компромисс и общие ценности. В истории современные политики ищут подтверждения правильности своих действий, пытаясь с помощью исторических символов повысить уровень своей легитимности.

Указатель имен

– А –

Абихт Генрик (Abicht Henryk) (1835–1863) — 133
Абрамавичюс Владас Евстафьевич (Эустахияус) (1909–1965) — 66
Абрасимов Петр Андреевич (1912–2009) — 361, 372, 374
Авейде Оскар (Awejde, Aweyde Oskar) (1837–1897) — 60, 64
Айрапетов Олег Рудольфович — 73, 77
Акелевич (Акилевич, Акелайтис) Николай (Akielewicz, Akelaitis Mikołaj) (1829–1887) — 135, 368
Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886) — 52, 116, 260–270, 272, 312–317
Аксенова Елена Петровна — 70
Александр I (1777–1825), император — 215, 259, 273, 275, 304, 314
Александр II (1818–1881), император — 20, 49, 51, 53, 57, 58, 61, 77, 84, 94, 101, 102, 150, 151, 152, 155–159, 161, 166, 169, 174, 175, 185, 187, 189, 190, 192, 194, 195, 198–200, 210, 212, 217, 218, 251, 254, 265, 272, 291, 293, 296, 309, 315, 333, 334
Александр III (1845–1894), император — 107
Александра Иосифовна (1830–1911), великая княгиня — 213, 217
Аленчук Фелиция — 361
Амборский Ян Дарослав (Amborski Jan Darosław) (1838–1905) — 137, 138
Ананьев Сергей Валерьевич — 72
Ангелис Филиппо (1792–1877) — 41
Андропов Юрий Владимирович (1914–1984) — 371, 374
Анненков Николай Николаевич (1799–1865) — 221
Аполония с Далевских Сераковска (Apolonia z Dalewskich Sierakowska) — 236
Апухтин Александр Львович (1822–1903) — 322
Арамович Игнаций (Aramowicz Ignacy) (? — после 1870) — 42
Аржакова Лариса Михайловна — 74
Арнгольдт Иван Николаевич (1841–1862) — 141
Ашкерц Антон (Aškerc Anton) (1856–1912) — 338

Указатель подготовлен Л.П. Марней, Б.В. Носовым и авторами статей. Курсивом выделены фамилии исследователей, на работы которых дается ссылка.

– Б –

Бакунин Михаил Александрович (1814–1876) — 5, 12, 60, 114–132, 135, 137–141
Балашевич Юлиан Александр (Bałaszewicz Julian Aleksander) (1831–1875) — 136
Балашов Александр Дмитриевич (1770–1837) — 273, 274
Балугьянский (Балудянский) Михаил Андреевич (1769–1847) — 292
Бандтке Ежи (Георг) (Bandtkie, Bandtke Jerzy (Georg)) (1768–1835) — 258
Барановский Игнаций (Baranowski Ignacy) (1833–1919) — 177, 185
Барклай де Толли Михаил Богданович (1757/1761–1818) —222
Баторий Стефан (Batory Stefan) (1533–1586), король польский — 241, 360
Безрук Лэйла Леонидовна — 73
Белявская Ирина Михайловна (1913–1975) — 63, 125
Бендер Рышард (Bender Ryszard) — 365
Бентковский Феликс Антонович (ок. 1842–?) — 207
Берг Николай Васильевич (1823/1824–1884) — 34, 51, 56, 73, 177, 231, 232
Берг Федор Федорович (1793/1794–1874) — 54, 221, 226
Берлин Исайа (1909–1997) — 127
Бжуска (Бржоско) Станислав (Brzóska Stanisław) (1832/1834–1865) — 94
Бикулич Владислав Брониславович — 67
Билиньский Бронислав (Biliński Bronisław) (1913–1996) — 40
Биркенмайер Александр (1890–1967) — 3, 7
Биркенмайер Людвик Антоний (1855–1929) — 3, 7
Бисмарк Отто фон (1815–1898) — 61
Бич Михаил Осипович (1937–1999) — 70
Блейвейс Янез (Bleiweis Janez) (1808–1881) — 333, 336
Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1863/1864) — 290, 292–295
Блудова Антонина Дмитриевна (1813–1891) — 260, 261
Бобинска Целина (Bobińska Celina) (1913–1997) — 357
Бобровский Стефан (Bobrowski Stefan) (1840/1841–1863) — 138
Боголюбов Александр Александрович — 79
Бодянский (Бодянський) Осип (Иосиф) Максимович (1808–1877) — 55
Борейша Ежи Войцех (Borejsza Jerzy Wojciech) — 115
Бореловский Марцин (Лелевель) — 168
Борисёнок Юрий Аркадьевич — 5, 12, 114
Борусевич Богдан (Borusewicz Bogdan) —386, 390
Брежго Болеслав Ричардович (1887–1957) —358
Бренштейн Михал Константинович (1874–1938) — 359
Бродовска Хелена (Brodowska Helena) (1914–2003) —203
Брянцев Павел Дмитриевич (1845–1912?) — 58
Бубр-Тылинго Станислав (Bóbr-Tylingo Stanisław) (1919–2001) — 368
Будилович Антон Семенович (1846–1908) — 270, 312, 320, 321
Булевский Людвик (Bulewski Ludwik) (1824–1883) — 133, 137, 140
Бурмейстер-Радошковский Октавий Иванович (Bourmeister-Ra-

doszkowski Oktawiusz Wincenty) (1820–1895) — 324
Бушчинский (Бушчыньский, Бущиньский) Стефан (Buszczyński Stefan) (1821–1892) — 39

– В –

Вавировская Н.Н. — 63, 358
Вагнер Юзеф Богдан (Wagner Józef Bogdan) (1815–1882) — 50
Валенса Лех (Wałęsa Lech) — 378
Валицкий Анджей (Walicki Andrzej) — 11
Валуев Петр Александрович (1815–1890) — 212, 225, 265, 272
Василевский Юзеф (Wasilewski Józef) (1833–?) — 207
Василевский Людвик (Wasilewski Ludwik) (ок. 1834–?) — 113
Васютинский Томаш — 49
Вебле Андрей (Veble Andzej) (1887–1979) — 340
Вежбовский Теодор (Wierzbowski Teodor) (1853–1923) — 321, 322
Вежейский Витольд (Wierzejski Witold) (1882–1950) — 358
Вейн Абрахам — 363
Вейнер Б., зам. начальника паспортного отдела МВД ПНР — 364
Велепольский (Велёпольский) Александр (Wielopolski Aleksander) (1803–1877) — 57, 97, 103, 112, 144, 145, 152–155, 157, 158, 164, 165, 169, 173, 180–184, 188, 189, 192–200, 215, 216, 218, 220, 311, 321, 379, 380
Велепольский (Велёпольский) Зигмунт (Зыгмунт) (Wielopolski Zygmunt) (1832/1833–1902) — 198
Венгеров Семен Афанасьевич (1855–1920) — 97
Венгленьский Францишек (Węgleński Franciszek) (? — 1881) — 163
Венгленьский (Венглинский) Францишек (Węgleński (Węgliński) Franciszek) (1766–1820) — 303
Верещагин Глеб Юрьевич (1889–1944) — 330
Вертятко (Вртятко) Антонин (1815–?) — 318
Вех Станислав (Wiech Stanisław) — 5, 8, 9, 81
Вечоркевич Павел Петр (Wieczorkiewicz Pawel Piotr) (1948 — 2009) —117
Викс Теодор (Weeks Teodor) — 368
Виллауме Юлиуш (Willaume Juliusz) (1904–1980) — 155
Вильдштейн Бронислав (Wildstein Bronisław) — 388
Виткевич Станислав (Witkiewicz Stanisław) (1851–1915) — 109
Витковский Ян (Witkowski Jan) — 61
Витовт (1350–1430), великий князь Литовский — 390
Вишневский В., польский публицист и историк — 42
Водзицкий Хенрык (Wodzicki Henryk) (1813–1884) — 199
Воловский Ян Канты (Wołowski Jan Kanty) (1803–1864) — 217
Волыньска (Рыховецка) Мартина — 40
Волыньский Артур (Wołyński Artur) (1844–1893) — 5, 8, 40–50
Волыньский Томаш — 40
Вольский Людвиг (Wolski Ludwik) (1835–1885) — 50
Воронин Всеволод Евгеньевич — 76
Ворцелль Станислав (Worcell Stanisław) (1799–1857) — 133
Вошняк Богумил (Vošnjak Bogumil) (1882–1955) — 338

Врублевский Валерьян (Валерий) (Wróblewski Walerian (Walery) (1836–1908) — 66, 235
Вуйчик Збигнев (Wójcik Zbigniew) — 6, 22, 323
Высоцкий Юзеф (Wysocki Józef) (1809–1873/1875) — 138

– Г –

Галензовский Марек (Gałęzowski Marek) — 253
Галензовский Юзеф (Gałęzowski Józef) (1834–1916) — 32, 39, 49, 50
Гамбуцци Карл — 121
Ганка Вацлав (Hanka Václav) (1791–1861) — 318
Гантар Година Ирена (Gantar Godina Irena) — 339
Гарибальди Джузеппе (1807–1882) — 41, 83, 175
Гартунг (Хартунг) Миколай (1835–после 1883) — 325
Гауке(Хауке)-Босак Юзеф (Hauke-Bosaka Józef) (1834–1871) — 235
Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1779–1831) — 126, 246, 375
Гейштор Якуб Вильгельм Каспер (Gieysztor Jakub Wilhelm Kasper) (1827–1897) — 357
Гердер Иоганн Готфрид (Herder Johann Gottfried) (1744–1803) — 246
Герек Эдвард (Gierek Edward) (1913–2001) — 377, 390
Герцен Александр Иванович (1812–1870) —19, 51, 52, 60, 63, 98, 100, 103, 114, 122–124, 128, 133, 134, 136–139, 141, 157, 210, 213, 253, 367, 388
Гескет Сергей Давидович (1859–?) — 58, 231, 232
Гетманский Александр Эдуардович — 72, 73
Гечевич (Гечан-Гечевич) Лев (Леон) Викентьевич (1805–1874) — 197
Гешис Казимеж (Gieczys Kazimierz) — 359
Гзовский Гервазий (Gzowski Gerwazy) (1812–1888) — 40
Гиллер Агатон (Giller Agaton) (1831–1887) — 5, 8, 25–39, 42, 49, 123, 176, 178, 230, 324, 381
Гильфердинг Александр Федорович (1831–1872) — 55, 261, 262, 312–314, 316–318, 320
Гишпаньский Станислав — 168
Глембицкий (Głębicki), католический священник — 244
Глембоцкий Хенрик (Głębocki Henryk) — 122
Гловацкий Александр (1847–1912) — 240
Гогель Николай Валерианович (1836–1870) — 54
Гогенварт Карл Зигмунд фон (Hohenwart Karl Sigmund von) (1824–1899) — 335
Гоголь Николай Васильевич (1838–1870) — 116
Годлевский Виктор Александрович (1833–1900) — 325, 326, 327, 330
Годлевский Леон (Godłewski Leon) — 94
Голицин Александр Николаевич (1773–1844) — 286
Головнин Александр Васильевич (1821–1886) — 5, 210–215, 217–227, 272
Голубев Сергей Александрович — 74
Гольц Адам (Goltz Adam) (1817–1888) — 163
Гомулка Владислав (Gomułka Władysław) (1905–1982) — 373

Горизонтов Леонид Ефремович — 5, 10, 13, 14, 23, 75, 96, 238
Горчаков Александр Михайлович (1798–1883) — 61, 155, 190, 195, 197, 263, 271, 272
Горчаков Михаил Дмитриевич (1793–1861) —53, 82, 155, 178–180, 185–190, 192–194, 195, 198, 199, 201, 225, 226, 251, 293
Грабский Владислав (Grabski Władysław) (1874–1938) — 112
Гралевский Матеуш (Gralewski Mateusz) (1826–1891) — 178
Грейг Самуил Алексеевич (1827–1887) — 214
Греков Борис Дмитриевич (1882–1953) — 373
Гривец Франц (Grivec Franc) (1878–1963) — 339, 340
Гросфельд Леон (Grosfeld Leon) (1911–1987) — 349
Грот Константин Яковлевич (1853–1934) — 320
Грынвасер Ипполит (Grynwaser Hipolit) (1895–1943?) — 24, 143
Губе (Хубе) Ромуальд (Hube Romuald) (1803–1890) — 292
Гумбольд Александр фон (1769–1859) — 327
Гурский Константы (Górski Konstanty) (1827–1901) — 163, 183
Гурский Людвик (Górski Ludwik) (1818–1908) — 163
Гуттри (Гуттры) Александр (Guttry Aleksander) (1813–1891) — 43, 44, 45, 47, 49

– Д –

Данзас Борис Карлович (1799–1868) — 292
Данилевский Николай Яковлевич (1822–1885) — 53, 267
Данишевский Тадеуш (Давид Киршбраун) (Daniszewski Tadeusz) (1904–1969) — 349, 361, 373, 374
Дегай Павел Иванович (1792–1849) — 292
Дембовский Леон (Dembowski Leon) (1789–1878) — 186
Демонтович Юзеф (Demontowicz Józef) (1823–1876) — 124, 125
Дескур Бронислав (Deskur Bronisław) (1830–1895) — 48
Деспот-Зенович Александр Иванович (1828/1829–1895/1897) — 243, 249, 253
Дзвонковский Владислав (Dzwonkowski Władysław) (1817/1818–1880) — 129
Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926) — 374
Дзержинский Ян Феликсович (1911–1960) — 361, 374
Дибич Иван Иванович (1785–1831) — 182
Длучевский Ян (Dłuczewski Jan) — 139, 140
Дмовский Роман (Dmowski Roman) (1864–1939) — 342, 382
Добашевска Ванда (Dobaczewska Wanda) (1892–1980) — 359
Долбилов Михаил Дмитриевич — 75, 103, 368
Долгоруков Василий Андреевич (1803–1868) — 190, 249, 272
Домашевская (урожд. Левицкая) Анна — 244, 245, 252, 253
Домашевский Эдвард — 239, 244, 245, 246
Домбровская Пелагия (Dąbrowska Pelagia) (1843–1909) — 60
Домбровский Леон (Dąbrowski Leon) (1830–1912) — 325

Домбровский Ярослав (Dąbrowski Jarosław) (1836–1871) — 49, 60, 61, 139, 235
Домейко Александр (Domeyko Aleksander) (1804–1878) – 192
Достоевский Михаил Михайлович (1820–1864) — 267
Достоевский Федор Михайлович (1821–1881) — 116, 125, 267
Драницын Сергей Никанорович (1879–1956) — 62
Друнин Владимир Павлович (?–1942) — 60
Друцкий-Любецкий Францишек Ксаверий (Drucki-Lubecki Franciszek Ksawery) (1778–1846) — 303, 305
Дубецкий Мариан (Марьян) (Dubiecki Marian) (1838–1926) — 26, 33, 325, 357
Дулов Александр Всеволодович — 72
Духиньский Францишек (Duchiński Franciszek) (1816–1893) — 39
Дыбовский Владыслав (Dybowski Władysław) (1838–1910)– 329
Дыбовский Бенедыкт (Dybowski Benedykt) (1833–1930) — 323–331
Дыгат Людвик (Dygat Ludwik) (1839–1901) — 50
Дьяков Владимир Анатольевич (1919–1995) — 23, 63, 64, 66, 68–71, 74, 75, 234, 356, 357

– Е –

Едлицкий Ежи (Jedlicki Jerzy) — 379, 380
Езбера Теодор — 319
Езёраньский Антоний (Jeziorański Antoni) (1827–1882) — 27, 29
Езерский Ян (Jezierski Jan) (1786–1858)–152, 155, 157, 158
Екатерина II Алексеевна (1729–1796), имератрица — 255, 273, 274, 276, 282
Елена Павловна (1807–1873), великая княгиня — 210
Енох Юлиуш (Enoch Juliusz (Julian)) (1822–1880) — 187, 188, 192

– Ж –

Жабицкий Антоний (Żabicki Antoni) (1810–1877) — 137, 138
Железик Анна — 39
Желиговский Эдвард (Żeligowski Edward) (1816–1864) — 137
Желицки Чилла Беловна — 22
Жепецкий Кароль (Rzepecki Karol) (1865–1931) — 106
Жмиховская Нарциза (Żmichowska Narcyza) (1819–1876) — 245–249
Жоньц (Ржонца) Ян (Rzońca Jan) (1843–1862) — 216
Жулиньский Юзеф (Żuliński Józef) (1841–1908) — 33, 39
Жюгжда Юозас Ионович (1893–1979) — 67

– З –

Заболоцкий Василий Иванович (1802–1878) — 190
Загоскин Михаил Васильевич (1830–1904) — 328
Зайончковский Петр Андреевич (1904 — 1983) — 159
Зайцев Владимир Михайлович (1924–2010) — 63, 65, 204–206, 208, 209
Закревский Арсений Андреевич (1783–1865) — 157

Залуский Роман-Патера Адольф Осипович (Patera Adolf) (1836–1912) — 318

– П –

Пахман Семен Викентьевич (1825–1910) — 299
Пашаева Нина Михайловна (1926–2013) — 67
Пекут Б.Г. — 68
Первольф Йозеф (Осип Осипович) (Иосиф Иосифович) (1841–1891) — 319
Петрик А., в 1870 г. депутат австрийского рейхсрата — 335
Печчи Джузеппе — 41
Пий IX (1792–1878) — 41, 49
Пилсудский Бронислав (Piłsudski Bronisław) (1866–1918) — 107
Пилсудский Юзеф (Piłsudski Józef) (1867–1935) — 5, 10, 11, 96, 105–113, 230, 232, 378, 381–383, 389
Пирумова Наталья Михайловна — 124
Пискуревич Ян (Piskurewicz Jan) — 5, 8, 13, 40
Пислегин Николай Викторович — 74
Пичета Владимир Иванович (1879–1947) — 60, 62
Платер (Плятер) Владислав (Plater Władysław) (1806–1889) — 48, 50
Платонов Валериан Платонович (1809–1893) — 190, 194, 201
Платонов Ростислав Петрович — 70
Плоски Станислав (Płoski Stanisław) (1899–1966) — 233
Погодин Александр Львович (1872–1947) — 59
*Погодин Михаил Петрович (1800–1875) —5, 55, 257–*260, 266, 269, 272, 312, 315, 316
Подгорник Франц (Podgornik Franc) (1846–1904) — 339
Познаньский Кароль (Poznański Karol) — 311
Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) — 16, 60
Полес Стефан (Poles Stefan) (псевдоним) — см. Тугенхольд Стефан
Поль Викентий (Pol Wincenty) (1807–1872) — 26
Поль Кшиштоф (Pol Krzysztof) (1941–2008) — 247, 252, 253
Помараньский Стефан (Pomarański Stefan) (1893–1944) — 233
Попов Нил Александрович (1833–1891) — 312, 315, 317
Поспелов Петр Николаевич (1898–1979) — 347
Потанин Григорий Николаевич (1835–1920) — 327, 329
Потебня Андрей Афанасьевич (1833–1863) — 138, 139
Потоцкий Адам Юзеф (Potocki Adam Józef) (1822–1872) — 196
Потоцкий Александр (Potocki Aleksander) (1778–1845) — 163
Потоцкий Родрыг (Potocki Rodryg) (1834–1910) — 199
Потоцкий Томаш (Potocki Tomasz) (1809–1861) — 163, 164, 172, 184, 189
Пржевальский Николай Михайлович (1839–1888) — 323
Пронякин Дмитрий Игоревич — 117
Прудон Пьер Жозеф (1809–1865) — 129
Прус Болеслав (Prus Bolesław) (Гловацкий Александер) (Głowacki Aleksander) (1847–1912) — 240
Пустовойтова Анна Теофиловна (Анна Генрика) (1843–1881) — 83
Пухова Любовь Андреевна — 73

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) — 116, 120, 126
Пшевлоцкий Юзеф (Przewłocki Józef) — 140–141
Пшемык Гжегож (Przemyk Grzegorz) (1964–1983) — 387
Пшиборовский Валерий (Przyborowski Walery) (1845–1913) — 25, 26, 230, 381
Пшибышевский Эвгениуш (Przybuszewski Eugeniusz) (1889–1940) — 61
Пыпин Александр Николаевич (1833–1904) — 56–57, 97, 318

– Р –

Равита-Гавоньский (Гавроньский) Францишек (Rawita-Gawroński Franciszek) (1845–1930) — 358
Радде Густав Иванович (1831–1903) — 330
Радек Карл Бернгардович (1885–1939) — 105
Радун Анна Андреевна — 76
Радченко Александр Александрович — 74
Рамотовска Франческа (Ramotowska Franciszka) (1922–2003) — 381
Рамотовский Константы (Ramotowski Konstanty) (1812–1888) — 92, 93
Ратайчик Ромуальд Леонард (Ratajczyk Romuald Leonard) — 235
Ратч Василий Федорович (1816–1870) — 54
Ревуненков Владимир Георгиевич (1911–2004) — 63
Рейнке Николай Михайлович (1849–1927) — 288, 290
Рейтерн Михаил Христофорович (1820–1890) — 211, 212
Ренье Аницент (Renier Anicenty) (1804–1877) — 361
Ригер Францишек Ладислав (1818–1903) — 268, 269
Розанов Василий Васильевич (1856–1919) — 116
Розен Матиас (Rosen Matias) (1804–1865) —166, 168, 192, 196
Романович Тадеуш (Romanowicz Tadeusz) (1843–1904) — 26
Ромек Збигнев (Romek Zbigniew) — 6, 14–16, 23, 348, 375
Росси Елена — 41
Ростковский Францишек (Rostkowski Franciszek) (?– 1862) — 141
Рощевская Лариса Павловна — 68
Рубуненкова В.Г. — 356
Рудницкий Владислав (Rudnicki Władysław) (1835 — после 1882 г.) — 73
Ружицкая Ирина Владимировна — 5, 20, 288
Рунич Дмитрий Павлович (1780–1860) — 286
Рупрехт Кароль (Ruprecht Karol) (1821–1875) — 176
Рустейко Юзеф (Rustejko Józef) (1828–1907) — 49
Рыбин Филипп Николаевич — 76
Рюмин Михаил Якимович (? —1870) — 292
Рябинин Иван Сергеевич — 59

– С –

Самарин Юрий Федорович (1819–1876) — 52, 265, 272, 312–314
Самбук Сусанна Михайловна — 70
Сапаргалиев Гайрат Сапаргалиевич (1930–2010) — 68
Сапега (Сапеха) Адам (Sapieha Adam) (1828–1903) — 33, 50
Сарнецкий Зигмунт (Sarnecki Zygmunt) (1837–1922) — 177

Сахновский Александр (Sachnowski Aleksander) — 139
Свежбеньский (Свежбиньский) Ромуальд — 239, 243, 245, 246
Свежбеньский Марек — 245, 246
Свентославский Зенон Болеслав (Swętosławski Zenon Bolesław) (1813–1875) — 133
Светец Лука (Svetec Luka) (1826–1921) — 335
Сегюр дю Пейрон Пьер (Ségur-Dupeyron Pierre) — 170, 175, 178
Седлецкий Станислав (Siedlecki Stanisław) (1877–1939) — 113
Селицкий Александр Игоревич — 79
Семененько Петр (Semeneńko Piotr) (1814–1886) — 49
Семёнов-Тян-Шанский Петр Петрович (1827–1914) — 329
Семка Петр (Semka Piotr) — 387
Сераковский Зыгмунт (Sierakowski Zygmunt) (1827–1863) — 66, 83
Сеччи Анджело (Secchi Angelo) (1818–1878) — 41
Сидоров Алексей Алексеевич (1864–1932) — 58
Скарбек Фрыдрык (Фридерик) (Skarbek Fryderyk) (1792–1866) — 186
Сквечиньский Петр (Skwieciński Piotr) — 388
Скимборович Анна — 246
Склодовская-Кюри Мария (Skłodowska-Curie Maria) (1867–1934) — 387
Скотницкий Антоний (Skotnicki Antoni) (1841–1897) — 33
Следзиньска-Катарасиньска Ивона (Śledzińska-Katarasińska Iwona) — 387
Слепцов Александр Александрович (1835–1906) — 142
Сливицкий Петр (Śliwicki Piotr) (ок. 1840–1862) — 141
Сливовска Виктория (Śliwowska Wiktoria) — 14, 205, 354, 357, 361–365
Сливовский Ренэ (Śliwowski René) — 365
Смирнов Анатолий Филиппович (1925–2009) — 67, 69, 356
Снастин Василий Иванович (1913–1976) — 374
Снытко Трифон Галактионович (1903–1968) — 63, 65
Совиньска Катажина (Sowińska Katarzyna) (1776–1860) — 177, 178
Сокульский Юстин (Sokulski Justyn) (1872–1949) — 39
Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879) — 312
Соловьёв Ян Валерьевич — 4
Спасович Владимир Данилович (1829–1906) — 57, 254, 255
Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) — 275–278, 280–282, 285, 289, 290
Срезневский Измаил Иванович (1812–1880) — 319–320
Ставиский Эдмунд (Stawiski Edmund) (1813–1890) — 163
Сталин Иосиф Виссарионович (1878–1953) — 105
Сталюнас Дариус (Staliūnas Darius) — 368
Станулевич Максимилиан (Stanulewicz Maksymilian) — 237
Стахевич Юлиан (Stachiewicz Julian) (1890–1934) — 105
Сташиньский Эдмунд (Staszyński Edmund) — 311
Сташиц Станислав (Staszic Stanisław) (1755–1826) — 153, 241
Стеклов Юрий Михайлович (1873–1941) — 125, 127

Стелла-Савицкий Ян (Stella-Sawicki Jan) (1831–1911) — 26, 33, 230
Стенцель З.С. (псевдоним Ленский) — 59
Страхов Николай Николаевич (1828–1896) — 267, 268
Струве Генрик (Struve Henryk) (1840–1912) — 321, 322
Студницкий Владислав (Studnicki Władysław) (1867–1953) — 58
Стурдза Александр Скаратович (1791–1854) — 286
Сулиговский Адольф (Suligowski Adolf) (1849–1932) — 255
Суслов Михаил Андреевич (1902–1982) — 373
Сухозанет Николай Онуфриевич (1794–1871) — 53, 190
Сцегенный Петр (Ściegienny (Sciegienny) Piotr) (1800–1890) — 243, 244
Счанецкий Казимеж (Sczaniecki Kazimierz) (1837–1918) — 236
Сырочиньский Леон (Syroczyński Leon) (1845–1925) — 357
Сысоев Владимир Иванович — 117

– Т –

Тааффе Эдуард (Taaffe Eduard) (1833–1895) — 336
Тальвирская Зента Яновна — 63
Танты Мечислав (Tanty Mieczysław) — 315
Тарковский Алоизий — 244
Татищев Сергей Спиридонович (1846–1906) — 58
Тачановский Владыслав (Taczanowski Władysław) (1819–1890) — 327, 329
Тачановский Эдмунд (Taczanowski Edmund) (1822–1879) — 90, 334
Терлецкий Рышард (Terlecki Ryszard) — 386
Тимофеев Михаил Анатольевич — 130
Товяньский Анджей (Towiański Andrzej) (1799–1878) — 249
Токаж Вацлав (Tokarz Wacław) (1873–1937) — 232
Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889) — 211, 312, 315, 318
Толстой Лев Николаевич (1828–1910) — 267
Толь Николай Карлович (1819–1880) — 92, 93
Томан Ловро (Toman Lovro) (1827–1870) — 335
Топчиев Александр Васильевич (1907–1962) — 349
Точиский Юзеф (Toczyski Józef) (ок. 1828–1864) — 167
Траугутт Ромуальд (Traugutt Romuald) (1825–1864) — 40, 49, 235, 254, 382, 389
Трепов Федор Федорович (1802/1803–1889) — 94, 190, 242
Третьяков Петр Николаевич (1909–1976) — 23, 351
Трощенков Константин Викторович — 75
Трощиньский Феликс (1804–1880) — 241, 244
Трусевич Степан Михайлович — 67
Тувим Юлиан (Tuwim Julian) (1894–1953) — 386
Тугендхольд Стефан (Tugendholdt Stefan) (псевдоним Полес Стефан (Poles Stefan) — 118
Тулоцкий, начальник ОВИР МВД СССР — 374
Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) — 116
Туркул Игнатий Лаврентьевич (?–1856) — 289

Туск Дональд Францишек (Tusk Donald Franciszek) — 386, 388, 389
Тымовский Юзеф (Иосиф (Осип)) Игнатьевич (Tymowski Józef) (1791–1870/1871) – 194
Тютчев Федор Иванович (1803–1873) — 313, 314

– У –

Уваров Сергей Семенович (1786–1855) — 257, 259, 260
Улащик Николай Николаевич (1906–1986) — 67
Ульянов Александр Ильич (1866–1887) — 107
Уруский Северин (Uruski Seweryn) (1814/1817–1890) — 172, 245
Усенко Павел Георгиевич – 70
Устимович Митрофан Петрович — 54
Уяздовский Казимеж (Ujazdowski Kazimierz) – 388

– Ф –

Файнхауз Давид (Fajnhauz Dawid) (1920–2004) — 6, 23, 24, 355, 359–374
Файнхауз Фишель — 360
Фаленьский Фелициан (Faleński Felicjan) (1825–1910) — 245
Фалькович Светлана Михайловна — 5, 8, 17–19, 63, 65, 69–72, 75, 76, 133
Федосова Тамара Федоровна (1924–2004) – 63, 65, 69, 357
Феоктистов Евгений Михайлович (1828–1898) — 222
Филипп II (Felipe II) (1527–1598), король Испании из династии Габсбургов — 153
Фильгус Вольф Ефимович (1911–2014) — 68
Фиркс Федор Иванович (псевдоним Шедо-Ферроти (D.K. Schédo-Ferroti)) (1812–1872) — 152, 226
Фиялковский (Фиалковский) Антони Мельхиор (Fijałkowski Antoni Melchior) (1778–1861) — 185, 191, 198
Франц Иосиф (Franz Joseph I) (1830–1916), император — 175
Францев Владимир Андреевич (1867–1942) — 321
Френкель Антони Эдвард (Fraenkel Antoni Edward) (1809–1883) — 166
Фруменков Георгий Георгиевич (1919–1989) — 62
Фурман Роман Федорович (1784–1851) — 307

– Х –

Халич Эмануэль (Halicz Emanuel) — 351
Хан Ханс (Hahn Hans) — 377, 378
Хедеманн Отто (Hedemann Otto) (1887–1937) — 358
Хельцель Зигмунт (Helcel Zygmunt) (1808–1870) — 153, 155
Хласко Юзеф (Hłasko Józef) (1856–1934) — 111
Хмеленьский Игнаций (Chmieleński (Chmieliński) Ignacy) (1837–1871) — 138
Хмельницкий Богдан (1595–1657) — 270

Ходзыньский Збигнев (Chądzyński Zbigniew) (1836/1839–1889) — 48
Хойнецкий Стефан (Chojnecki Stefan) — 229
Хорев Виктор Александрович (1932–2012) – 76
Хренов Иван Александрович (1906–1975) – 23, 63, 348
Хрибар Иван (Hribar Ivan) (1851–1941) – 337
Хросцицкий Юзеф — 245

– Ц –

Цабан Веслав (Caban Wiesław) — 5, 8, 10, 13, 25, 103, 235
Цамутали Алексей Николаевич — 67
Цверцякевич Юзеф (Ćwierciakiewicz Józef) (1822–1869) – 139, 140
Цезарь Гай Юлий (100–44 гг. до н.э.) — 154
Цилов (Цылов) Николай Иванович (1799–1879) — 54

– Ч –

Чаплицкий Фердинанд Владислав (Czaplicki Ferdynand Władysław) (1828–1886) — 358
Чарторыский Адам Ежи (Czartoryski Adam Jerzy) (1770–1861) — 153, 170
Чарторыский Владислав (Czartoryski Władysław) (1828–1894) – 49
Чаховский Дионизий (Czachowski Dionizy) (1810–1863) — 90, 91
Чекановский Александр Лаврентьевич (Czekanowski Aleksander Piotr) (1833–1876) — 323, 325–330
Чеконьский (Гоздавы) Леон (Czekoński Leon) (1826–1888) — 42, 358–359
Черкасская Екатерина Алексеевна (1825–1888) — 266, 267
Черкасский Владимир Александрович (1824–1878) — 54, 265–267, 272, 312, 313
Чернов Кирилл Сергеевич – 5, 20, 273
Чернуха Валентина Григорьевна (1930–2014) — 67
Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889) – 157
Черская Мавра Павловна (1857–1940) — 329
Черский Иван Дементьевич (Czerski Jan) (1845–1892) — 323, 325, 326, 328–330
Чехов Антон Павлович (1860–1904) — 116
Чиньский Ян (Czyński Jan) (1801–1867) – 134, 136, 137
Чохральский Ян (Czochralski Jan) (1885–1953) – 386
Чуркина Искра Васильевна – 5, 22, 257

– Ш –

Шалькевич Вячеслав Феликсович – 70
Шарловский Алоизий (Szarłowski Alojzy) (1845–1911) — 341
Шафарик Павел Йозеф (1795–1861) – 318
Шварц Анджей (Szwarc Andrzej) — 117
Шафлик Юзеф — 202.

Шварц Бронислав (Szwarc Bronislav) (1834–1904) — 66
Шевырев Александр Павлович — 5, 8, 9, 13, 18, 19, 210
Шеллинг Фридрих Вильгельм Йозеф (Schelling Friedrich Wilhelm Joseph) (1775–1854) — 126
Шепилов Дмитрий Тимофеевич (1905–1995) – 351
Шиллер-Валицка Иоанна (Schiller-Walicka Joanna) — 6, 21, 22, 311
Шиманьский Леонард (Szymański Leonard) — 311
Широкорад Александр Борисович — 77, 102
Шленкер Францишек Ксаверий (Szlenkier (Schlenker) Franciszek Ksawery) (1814–1871) — 191, 192
Шлоссер-Клековский Йосип Каласанцие (Šloser Josip Kalasancije, vitez Klekovski) (1808–1882) — 318
Шмидт Вацлав (Schmidt Wacław) — 359
Шмидт Федор (Фридрих) Богданович (1832–1908) — 327
Шостакович Болеслав Сергеевич – 68, 71, 72, 249, 251, 252
Штакельберг Юрий Иванович (1925–2008) – 73
Штольцман К.Б. — 127
Штур Людовит Велислав (Štúr Ludevít Velislav) (1815–1856) – 316
Шуберт Ян (Szubert Jan) (1843–1937) — 236
Шумский Ян (Szumski Jan) — 6, 13, 23, 344, 361, 371
Шустер Ура Абрамович (1907–1997) — 63

– Щ –

Щеголев Сергей Игоревич –72

– Э –

Эбер Жак-Рене (1757–1794) — 128
Эйзенбах Артур (Eisenbach Artur) (1906–1992) – 363
Экерт Павел — 325
Элиас Норберт (Elias Norbert) (1897–1990) — 210
Энгельс Фридрих (1820–1895) — 62
Эпштейн Николай (Epstein Mikołaj) (1831–1902) — 166

– Ю –

Югансон Е.А. — 68
Юргенс Эдвард (Jurgens Edward) (1824–1863) – 168, 176, 177, 179, 183, 185

– Я –

Ягайло, Владислав II Ягелло (ок. 1362–1434), Великий князь Литовский, король польский — 390
Яжборовская Инесса Сергеевна — 17
Яковлев Л.И. — 351
Якубский Владимир Александрович — 74
Якубянец-Чарковская Янина (Jakubianiec-Czarkowska Janina) (1908–1995) — 358
Янковский Нарциз (Jankowski Narcyz) (1830–1909) – 176, 177
Яновский Юзеф Каетан (Janowski Józef Kajetan) (1832–1914) – 26, 27, 33, 49

Яновский Ян Непомуцен (Janowski Jan Nepomucen) (1803–1888) — 42, 177
Янулаитис Августин (Janulaitis Augustinas) (1878–1950) — 358
Ярославский Емельян Михайлович (1878–1943) — 116
Ярошинский Людвик (Jaroszyński Ludwik)(1840–1862) – 216, 217
Ярузельский Войцех Витольд (Jaruzelski Wojciech Witold) (1923–2014) — 378
Ячевский Леонард Антонович (1858–1916) — 329

Сведения об авторах

Борисёнок Юрий Аркадьевич — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заместитель главного редактора «Российской газеты», шеф-редактор российского исторического журнала «Родина». Специалист по истории Польши, России и восточного славянства XIX — XX вв., автор монографий: Михаил Бакунин и «польская интрига»: 1840-е гг. (2001), История российского спорта (2005 — в соавторстве), На крутых поворотах белорусской истории: общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века (2013).

Вех Станислав — доктор исторических наук, профессор. Специализируется в области изучения социально-политической истории земель разделенной Польши, России и восточных крессов в XIX в., истории формирования военно-полицейского аппарата власти в Российской империи и Королевстве Польском, роли церкви на польских землях, истории социальных структур, в том числе религиозных и этнических меньшинств на польских землях. Автор монографий: Społeczeństwo Królestwa Polskiego w oczach carskiej policji politycznej (1866–1896) (2002. Изд. 2-е: 2010); «Dyktatura serca» na zachodnich rubieżach Cesarstwa Rosyjskiego. Dzieje kariery wojskowo-urzędniczej Piotra Albiedynskiego 1826–1883 (2010); Historie Polski w XIX wieku. T. 3. Historie polityczne. Cz. 2 (2013 — в соавторстве).

Вуйчик Збигнев — доктор геологических и доктор исторических наук, профессор. Председатель Комиссии исследования истории Сибири Комитета истории науки и техники ПАН. Автор многочисленных работ по геологии и истории наук о Земле, исследований, посвященных судьбам ссыльных поляков в Российской империи, среди которых монографии: Aleksander Czekanowski. Szkice o ludziach, nauce i przygodzie na Syberii (1982); Jan Czerski. Polski badacz Syberii (1987); Karol Bohdanowicz. Szkic portretu badacza Azji (1997); Józef Morozewicz — uczony i współorganizator Akademii Górniczej w Krakowie (2004).

Горизонтов Леонид Ефремович — доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Специалист по истории России, Польши, Украины и Белоруссии XIX–XX вв., а также истории славяноведения, автор 150 научных работ, в том числе монографии «Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX — начала XX вв.)» (1999).

Заштовт Лешек — доктор исторических наук, профессор, директор Института истории науки им. Людвика и Александра Биркенмайеров ПАН, профессор отделения Восточной Европы Варшавского университета, председатель польской части Комиссии историков Польши и России, председатель Фонда поддержки науки Кассы им. Юзефа Мяновского, генеральный секретарь Варшавского научного общества. Сфера научных интересов включает широкий круг политических, социальных, национальных, этнических, религиозных проблем, исследования истории науки и политики в области просвещения в странах Центральной и Восточной Европы, Российской империи XVIII — XX вв. Автор многочисленных работ, среди которых монографии: Popularyzacja nauki w Królestwie Polskim 1864–1905 (1989), Kresy 1832–1864. Szkolnictwo na ziemiach litewskich i ruskich dawnej Rzeczypospolitej (1997), Europa Środkowo-Wschodnia a Rosja XIX–XX w. W kręgu edukacji i polityki (2007), а также редактор сборников: East and West. History and Contemporary State of Eastern Studies (2009), Kasa Mianowskiego (2011).

Каштанова Ольга Сергеевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН. Специализируется в области истории России, Польши и российско-польских культурных связей конца XVIII — первой трети XIX века. Среди опубликованных ею трудов: Великий князь Константин Павлович в Варшаве 1815-1830 годы (по воспоминаниям современников) // Столица и провинция в истории России и Польши. М., 2008; Донесения великого князя Константина Павловича и его переписка с императором Николаем I как источник по истории автономного Королевства Польского (1825-1829) // Проблемы источниковедения. М., 2010. Вып. 2 (13); К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год) // Славяноведение. 2013. № 5; Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830 (2010 — в соавторстве).

Кирилина Любовь Алексеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра по изучению истории многонациональной Австрийской империи Отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН.

Специализируется по истории словенских земель с 1848 по 1918 гг., русско-словенских отношений во второй половине XIX — начале XX вв. Автор монографий: Словенцы и революция 1848–1849 гг. (2000), История Словении (2011 — в соавторстве).

Крисань Мария Алексеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. Автор многочисленных работ по истории Польши XIX–XX вв., истории крестьянства и развития польской историографии после Второй мировой войны, среди которых: Chłopi wobec zmian cywilizacyjnych w Królestwie Polskim w drugiej połowie XIX — początku XX w. (2008); Основные направления в изучении крестьянства рубежа XIX–XX веков в послевоенной польской историографии // Историки-слависты МГУ. Х.Х. Хайретдинов. Исследования и материалы, посвященные 65-летию со дня рождения Х.Х. Хайретдинова. Кн. 7 (2008); Польша в XX веке. Очерки политической истории (2012 — в соавторстве).

Кулик Мариуш — кандидат исторических наук. Занимается изучением польско-российских отношений в XIX в., службы поляков в российской армии. Автор монографии: Polacy wśród wyższych oficerów armii rosyjskiej Warszawskiego Okręgu Wojskowego (1865–1914) (2008).

Лыкошина Лариса Семеновна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН. Специализируется в области новейшей истории Польши, уделяет особое внимание исследованию политических партий и партийной системы в Польше, российско-польских отношений. Автор монографий: Дональд Туск. Политический портрет (2013); Политическое развитие Польши в первом десятилетии XXI века (2011); Польша в XX веке. Очерки политической истории (2012 — в соавторстве).

Макаров Николай Андреевич — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, директор Института археологии РАН, сопредседатель Комиссии историков России и Польши. Специализируется в области изучения проблем непосредственного взаимоотношения местных финской и славянской культур, вопросов регионального освоения районов Русского Севера в XI–XIII вв., а также в целом в области изучения процессов древнерусского расселения по их отражению в археологии. Автор более 200 научных трудов по археологии Древней Руси и финно-угорских областей Восточной Европы, в том числе монографий: Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. (по материалам археологиче-

ских памятников на волоках Белозерья и Поонежья) (1995); Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. (1997); Средневековое расселение на Белом озере (2001 — в соавторстве).

Макарова Галина Васильевна — научный сотрудник Института славяноведения РАН. Специализируется в области изучения истории польского общественного движения и российско-польских связей конца XVIII – середины XIX вв., принимала участие в издании ряда томов совместных российско-польских серийных публикаций «Документы и материалы по истории советско-польских отношений» и «Польское общественное движение и литературная жизнь 30-50-х годов XIX века. Исследования и материалы». Среди опубликованных ею трудов: Национальный институт им. Оссолиньских («Оссолинеум») // Славянские матицы, XIX в. М., 1996; Поляки в борьбе за реализацию «принципа национальности» в революции 1848-1849 гг. Патриотическое движение в Королевстве Польском в период «Весны народов» // Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. М., 2001; Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830 (2010 — в соавторстве).

Марней Людмила Петровна — кандидат исторических наук, ученый секретарь Комиссии историков России и Польши, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН. Специализируется в области экономической истории и истории экономической политики России и Польши в XIX в. Автор монографий Д.А. Гурьев и финансовая политика России в начале XIX в. (2009); Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830 (2010 — в соавторстве).

Матвеев Геннадий Филиппович — доктор исторических наук, заслуженный профессор МГУ, почетный профессор Ровенского института славяноведения Киевской славистической академии, награжден офицерским крестом «Ордена Заслуги» (Польша). Автор многочисленных научных трудов, посвященных политической истории славян в Новейшее время, истории общественной мысли в славянских странах, истории Польши XX в., в том числе монографий: «Третий путь»? Идеология аграризма в Чехословакии и Польше в межвоенный период (1992); Пилсудский (2008); Польский плен. Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах (2011 — в соавторстве. В 2013 г. вышел перевод на польский язык); Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях (2010 — в соавторстве); Польша в XX в. Очерки политической истории (2012 — в соавторстве), разделов в учебниках и учебных пособиях, составитель ряда сборников документов.

Михальска-Браха Лидия — доктор исторических наук, профессор Университета Яна Кохановского (Кельце). Сфера научных интересов включает изучение историографии и развития исторической мысли в XIX–XX вв., Ноябрьского и Январского восстаний в Галиции и Царстве Польском: историография, культурно-исторический аспект, судьбы участников от эмиграции до ссылки, роль женщин в восстании 1863 г. Автор монографий: Powstanie styczniowe w pamięci zbiorowej społeczeństwa polskiego w okresie zaborów (2003); Między pamięcią a historiografią. Lwowskie debaty o powstaniu styczniowym (1864–1939 (2011).

Носов Борис Владимирович — доктор исторических наук, заведующий отделом Института славяноведения РАН, зам. председателя российской части Комиссии историков России и Польши. Специализируется в области политической истории Речи Посполитой, России и истории международных отношений в Европе в XVIII в. Автор монографий: Установление российского господства в Речи Посполитой 1756-1768 гг. (2004); Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830 (2010 — в соавторстве).

Пискуревич Ян — доктор исторических наук, профессор. Автор многочисленных работ, посвященных польской и европейской истории науки и просвещения, важнейшими среди которых являются: Prima inter pares. Polska Akademia Umiejętności w latach II Rzeczypospolitej (1998); Między nauką a polityką. Maria Skłodowska-Curie w laboratorium i w Lidze Narodów (2007); Z ziemi włoskiej dla Polski. Artur Wołyński i jego działalność w Italii w drugiej połowie XIX wieku (2012).

Ромек Збигнев — доктор исторических наук, профессор Института истории ПАН. Автор многочисленных работ, посвященных истории исторической науки, социальной и политической истории XIX–XX вв., историографии, развитию исторической науки в ПНР, контактам польских и советских историков после Второй мировой войны. Подготовил и опубликовал сборник воспоминаний: Cenzura w PRL. Relacje historyków (2000), монографии: *Olgierd Górka. Historyk w służbie myśli pro państwowej (1908–1955) (*1997); *Cenzura a nauka historyczna w Polsce 1944–1970 (*2010).

Ружицкая Ирина Владимировна — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Центра «История России в XIX в.» Института российской истории РАН. Специализируется по истории государственного управления, законодательных учреждений (Государственный совет, Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канце-

лярии), крестьянскому вопросу в Российской империи в первой половине XIX в. Опубликовала дневники М.А. Корфа (*Корф М.А.* Дневник. 1843-й г. (2004); *Корф М.А.* Дневники 1838 и 1839 гг. (2010). Автор более пятидесяти статей, в том числе: М.А. Корф в государственной и культурной жизни России // Отечественная история. 1998. № 2; М.М. Сперанский и М.А. Корф о проблеме гражданских чинов // Археографический ежегодник. М., 1998; Судебное законодательство Николая I // Отечественная история. 2001. № 4; Егор Францевич Канкрин и крестьянский вопрос в России // Экономическая история. Ежегодник. М., 2002; Крестьянский вопрос в царствование императора Николая I: к вопросу о последствиях указа 1842 г. об обязанных крестьянах // Отечественная история. 2008. № 4; Кодификационные проекты императора Николая I // Российская история. 2010. № 1. Автор монографий: Законодательная деятельность императора Николая I (2005); «Просвещенная бюрократия». 1800–1860-е годы (2009 — работа была номинирована на премию митрополита Макария).

Фалькович Светлана Михайловна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН. Специализируется в области истории Польши и российско-польских отношений, общественных и культурных связей XVIII–XX веков, истории польской общественной мысли и связей польского освободительного и европейского революционного движений. Автор обобщающих трудов и монографий, среди которых: Идейно-политическая борьба в польском освободительном движении 50–60-х годов XIX века (1966); Пролетариат России и Польши в совместной революционной борьбе (1907–1912) (1975), которая была издана и в Польше; Исследования по истории Польши и российско-польских общественных и культурных связей (2012). Она соавтор и ответственный редактор коллективной монографии «Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского 1815-1830» (2010).

Цабан Веслав — доктор исторических наук, профессор университета Яна Кохановского (Кельце). Занимается изучением истории XIX в., особенно истории национально-освободительной борьбы в Королевстве Польском, польско-российских связей. Автор монографий: Służba rekrutów z Królestwa Polskiego w armii carskiej w latach 1831–1873 (2001); Z Orenburga do Paryża. Bronisław Zaleski (1820–1860) (2006); Powstanie Styczniowe 1863 roku. Polacy — Rosjanie (2011).

Чернов Кирилл Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории медицины, истории Отечества и культурологии Первого московского медицинского университета. Автор статей по

истории внутренней политики, социально-экономического и политического развития России второй половины XVIII — первой половины XIX в.: «Présis de la Charte Constitutionnelle de l'Empire Russie» («Краткое изложение основ конституционной хартии для Российской Империи») // Вестник Московского Университета. Серия 8. История. 2002. № 2; Истоки и смысл российского федерализма // Грани культуры: актуальные проблемы истории и современности (2007); Реформа администрации должна быть предпочтительнее конституции // Отечественная история. 2009. № 2; Правительственный конституционализм первой четверти XIX в. (На примере Государственной уставной Грамоты Российской Империи) // Власть, общество, армия. От Павла I к Александру I (2012); Абсолютизм в России // Вопросы истории. 2014. № 1, а также монографии: Забытая Конституция: Государственная Уставная Грамота Российской Империи (2008).

Чуркина Искра Васильевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН. Зарубежный член Исторического общества в Словении (1968), Общества исследований по словенистике (1990, Канада). Кавалер словенского ордена «За заслуги» (2011). Автор 250 статей и 7 монографий, посвященных отечественной истории Нового времени, истории и истории культуры южных славян в Средние века и Новое время, роли церкви в формировании национального самосознания, русско-славянским связям в XVIII в. и до Первой мировой войны, истории общественной мысли у славян (панславизм, югославизм, австрославизм, неославизм), среди которых: Matija Majar Ziljski (1974); Rusko-slovenski kulturni stiki (1995); Протоиерей Михаил Федорович Раевский (2011); История Словении (2011 — в соавторстве).

Шевырев Александр Павлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XIX — начала XX вв. Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Автор многочисленных публикаций по истории внутренней политики Александра II и деятельности либеральной бюрократии во главе с великим князем Константином Николаевичем, по исторической урбанистике и культуре русских столиц, по историческому образованию в средней школе, среди которых: Культурная среда столичного города. Петербург и Москва // Очерки русской культуры XIX века. Т. 1. Общественно-культурная среда (1998); The Axis Petersburg-Moscow: Outward and Inward Russian Capitals // Journal of Urban History. Vol. 30. Number 1. November 2003; Петербург и Москва: Две столицы, два образа власти // Образы власти на Западе, Византии и на Руси: Средние века.

Новое время / Под ред. М.А. Бойцова, О.Э. Эксли (2008), а также монографии: Русский флот после Крымской войны: Либеральная бюрократия и морские реформы (1990).

Шиллер-Валицка Иоанна — доктор исторических наук, профессор. Среди многочисленных работ, посвященных истории науки, просвещения и образования в Королевстве Польском и Российской империи в XIX и начале XX вв., польско-российским научным связям, высшему образованию в Польше, истории Варшавского университета в контексте университетского образования в Российской империи, монографии: Portret zbiorowy nauczycieli warszawskich publicznych szkół średnich 1795–1862 (1998); Universitas rossica. Koncepcja rosyjskiego uniwersytetu 1863–1917 (2007); Nauki humanistyczne w ogniu biurokratyzacji i parametryzacji // Nauka Polska. 2013. T. XXII.

Шумский Ян — кандидат исторических наук. Сфера научных интересов включает проблемы истории польского национального меньшинства в СССР, польско-советских отношений, а также историю научных связей СССР и Польши. Автор работ: Саветызацыя Заходняй Беларусі (1944–1953). Прапаганда і адукацыя на службе ідэалогіі. Вільня; Беласток (2012); Problem udostępniania materiałów archiwalnych w relacjach polsko–sowieckich 1945–1965 // Dzieje Najnowsze. 2012 (1). XLIV; U źródeł powstania Komisji Historyków Polski i ZSRR // KLIO POLSKA. Studia i materiały z dziejów historiografii polskiej XIX–XX wieku. 2012. T. 6; Stworzenie nowej marksistowskiej «Historii Polski» w świetle kontaktów naukowych historyków ZSRR i Polski w latach 1950–1958 // Akademie Nauk Polski i Rosji, uniwersytety, wyższe uczelnie, zakłady i towarzystwa naukowe: polsko-rosyjskie relacje w sferze nauki (2013).

Научное издание

ПОЛЬСКОЕ ЯНВАРСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 года: Исторические судьбы России и Польши

Издательство «Индрик»

Корректор *М.Н. Толстая*
Оригинал-макет *Ю.Е. Рычаловская, А. С. Старчеус*

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by
www.indrik.ru
or by tel./fax: **+7 495 954-17-52**

Налоговая льгота –
общероссийский классификатор продукции (ОКП) – 95 3800 5

Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная.
26,0 п. л. Тираж 300 экз.
Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87